ЧЕЛОВЕК
И ЕГО ПОТРЕБНОСТИ

Учебник

Рекомендуется ФГОУВПО
«Российский государственный университет туризма и сервиса» в качестве учебника к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования
по направлению подготовки
100200.62 «Туризм» по дисциплине
«Человек и его потребности»

ИЦ "Интермедия"
Санкт-Петербург
2012

УДК: 338.46:159.9(075.8)
ББК: 65.43я73
Ч 39

Под ред. Назирова А.Э.

Человек и его потребности

учебник

Рецензенты:
Н.А. Беркович – д.ф.н., профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и сервиса;
С.В. Орлов – д.ф.н., профессор кафедры социально-гуманитарных наук Санкт-Петербургского университета аэрокомического приборостроения.

Ч39 Человек и его потребности. Учебник / Назиров А.Э.
– СПб.: ИЦ «Интермедия» , 2012. – 439 с.

ISBN 978-5-4383-0012-0

Учебник посвящен подробному анализу специфики человеческих потребностей, включающему в себя их осмысление как философской традицией, так и позитивными науками. Одновременно авторы расширяют традиционное представление о потребностях человека, учитывая достижения антропологии и культурную историю развития человека от архаического до современного периода. Учебник написан в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлениям подготовки туризм и сервис (квалификация «бакалавр»).

Редакционная коллегия:
д-р. филос. наук, проф. *А.Э. Назиров* (ответственный редактор),
канд. филос. наук *К.А. Куксо* (заместитель ответственного редактора),
канд. филос. наук *Д.Ю. Атланов,* канд. филос. наук *А.В. Львов.*

Авторский коллектив:
А.А. Анискин (§6.2); Д.Ю. Атланов (§5.5, §5.6, §6.5); О.А. Баженова (§2.1, §2.2);Е.И. Булатова (§4.8); Е.И. Булатова, А.И. Нестеров (§4.9); А.Е. Егоров (§4.6, §4.7); В.К. Карнаух (§4.5); Е.В. Касьянова (§5.4, §6.3, §6.4); А.П. Корнилов (§4.1, §4.4); А.П. Корнилов, А.Д. Зельницкий (§4.2); К.А. Куксо (§1.1, §1.2, §5.3); А.В. Львов (§4.3); В.Е. Мелехова (§3.3); А.Э. Назиров (§6.1); Н.В. Осташева, А.А. Почекунин (§2.3); А.Н. Пекарский (§5.1); А.Н. Пекарский, Д.Ю. Атланов, Е.В. Касьянова (§5.2); А.А. Почекунин (§3.4); Т.В. Рязанова (§3.1); Е.В. Шишкина (§3.2)

ISBN 978-5-4383-0012-0

© ООО «Издательский центр “Интермедия”», 2012

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ..... 14

ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ..... 18

ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПОТРЕБНОСТИ..... 18

§1.1. Проблемное поле дисциплины человек и его потребности.... 18

§1.2. Онтологические предпосылки уникальных потребностей человека..... 56

ЧАСТЬ II. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ КАК СОЦИОПРИРОДНОМ СУЩЕСТВЕ..... 78

ГЛАВА 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНТРОПОМЕРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ..... 78

§2.1 Основные гипотезы антропогенеза 78

§2.2 Первичное возникновение основных человеческих потребностей..... 87

§2.3 Культурогенез как итог творческой потребности человека 101

ГЛАВА 3. РАССМОТРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПОТРЕБНОСТЕЙ В ЧАСТНЫХ НАУКАХ 111

§3.1 Биологическое рассмотрение человека и его потребностей 111

§3.2 Социологическое рассмотрение человека и его потребностей. Социолого-экономические теории потребностей (принципы и основные выводы) 131

§3.3 Психологическое рассмотрение человека и его потребностей. Социально–психологические теории потребностей (принципы и основные выводы) 139

§3.4 Культурологическое рассмотрение человека и его потребностей..... 146

ЧАСТЬ III. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ УЧЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО ПОТРЕБНОСТЯХ 160

ГЛАВА 4. ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРАКТИК ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ 160

§4.1. Архаический человек: культ и культура как исток и основание потребностей 160

§4.2. Основные стратегии формирования традиционных образов жизни 168

§4.3 Развитие античной идеи «разумной жизни» и техники воспитания потребностей 195

§4.4. Средневековая христианская антропология: основные понятия. Христианская аскеза: практики преобразования потребностей 204

§4.5. Ренессансное переосмысление человека и его потребностей 217

§4.6. Новоевропейская научность: открытие универсальной субъективности и стандартизация человеческих потребностей 222

§4.7.Самосознание и специфика потребностей человека эпохи модерна 233

§4.8. Постмодерн: проблематичность человека в контексте современности – европейский вариант 247

§4.9. Товарно-идеологическое оформление современного человечества в контексте либеральной идеологии (экономико-культурные предпосылки и социо-политические следствия) 256

ЧАСТЬ IV. СИСТЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ И СЕРВИСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 274

ГЛАВА 5. ТЕОРИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ 274

§5.1. Потребность: основные подходы к определению потребности 274

§5.2. Структура потребности 286

§5.3. Социальные механизмы формирования потребностей 297

§5.4. Экономическое моделирование потребностей 320

§5.5. Индивидуальность и динамика потребностей в индивидуальной истории 335

§5.6. Социоприродные изменения человека и классификации потребностей, оценка их социальной значимости. Отношения между потребностями и проблема их систематизации 348

ГЛАВА 6. СЕРВИС И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ..... 367

§6.1. Методология построения теории сервиса 367

§6.2 Сфера сервиса. Понятие и механизмы функционирования..... 379

§6.3. Апории повседневности..... 389

§6.4. Преобразование потребностей в пределах общества потребления..... 401

§6.5. Основные технологии потребностей 413

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 427

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ..... 429

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Глава 1. Предметно-методологические основания дисциплины человек и его потребности

§1.1. Проблемное поле дисциплины человек и его потребности

Предмет и назначение дисциплины человек и его потребности; С чего следует начинать изучение предмета?; Философско-антропологическая трактовка уникальности человеческих потребностей; Исследование потребностей в социально-культурной и исторической антропологии; Миф и потребности человека; Философские заключения о потребностях человека; Социокультурные обстоятельства возникновения и цели позитивно-научных методов человекознания; Позитивно-научные трактовки человеческих потребностей; Место позитивно-научного знания в дисциплине «Человек и его потребности»; Экзистенциально-феноменологическая антропология как введение в изучение потребностей человека; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§1.2.Онтологические предпосылки уникальных потребностей человека

Онтологическая уникальность человека; Живущее сознание как структура человеческого существования; Желание как структура человеческого существования; Традиция как структура человеческого существования; Язык как структура человеческого существования; Взаимосвязь основных структур человеческого бытия и сущностно-человеческих потребностей; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

ЧАСТЬ II. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ КАК СОЦИОПРИРОДНОМ СУЩЕСТВЕ

Глава 2. Происхождение антропомерных потребностей

§2.1. Основные гипотезы антропогенеза

Основания постановки проблемы антропогенеза; Эволюционные теории антропогенеза; Креационистские концепции антропогенеза; Психоделическая теория Т. Маккенны; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§2.2. Первичное возникновение основных человеческих потребностей

Вторая сигнальная система как необходимый параметр человеческого существования; Потребность в коммуникации у животных и человека; Происхождение языка; Потребность в труде. Специфика ранних форм трудовой деятельности; Потребность в соци-

альном существовании; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§2.3. Культурогенез как итог творческой потребности человека

Значение понятия «культурогенез»; Творчество как почва культурогенеза; Ценность как смысловой компонент культурогенеза; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

Глава 3. Рассмотрение человека и его потребностей в частных науках

§3.1. Биологическое рассмотрение человека и его потребностей

Социальная сущность и биологическая природа человека; Отличие биологической природы человека от его социальной сущности (человек как биологический феномен); Биологические потребности человека; Представление о человеке как социально-природном существе; Фундаментальные витальные потребности; Социобиологический смысл питания; Биологическое значение воды для человека; Сексуальная потребность как социобиологический феномен; Инстинкт группового и индивидуального самосохранения как биологическая потребность; Потребность подражания; Потребность движения; Потребность отдыха; Потребность в гигиене; Потребность в жилье; Экология культуры человека; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§3.2. Социологическое рассмотрение человека и его потребностей. Социолого-экономические теории потребностей (принципы и основные выводы)

Основные тенденции рассмотрения человека в психологии; Проблема потребностей в современной социологии; Понятие, основные характеристики, классификации потребностей в современной социологии; Социальные потребности и их классификации; Процесс формирования социальных потребностей; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§3.3. Психологическое рассмотрение человека и его потребностей. Социально–психологические теории потребностей (принципы и основные выводы)

Человек как индивид, личность, субъект деятельности, индивидуальность; Основные принципы психологического рассмотрения человеческих потребностей; Взаимосвязь ценностной ориентации и потребностей человека; Механизм включения ценностных ориентаций в личностный опыт; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература.

§3.4. Культурологическое рассмотрение человека и его потребностей

Культура и формирование человека; Классические научные идеи духовно-культурной деятельности (принципы культурологического осмысления человека и его потребностей); Культура и ци-

вилизация как основные категории культурологического анализа; Основные сценарии модернистской культурологической аналитики систем ценностей и потребностей человека; Культуросозидательный потенциал человека; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

Часть III. Историческое рассмотрение учений о человеке и его потребностях

Глава 4. История понятия человека и практик формирования потребностей

§4.1. Архаический человек: культ и культура как исток и основание потребностей

Особенности исследования архаических обществ; Место сакрального и специфика удовлетворения потребности в познании в опыте архаического человека; Специфика социального порядка архаических культур и потребность в коллективном единении; Потребность в выполнении религиозных предписаний в жизни архаического человека; Эстетическая потребность в жизни архаического человека; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§4.2. Основные стратегии формирования традиционных образов жизни

Характер самосознания человека Древнего Ближнего Востока; Древнеегипетские представления о сущности человека; Представление о человеке в шумеро-аккадской традиции; Иудейская трактовка человека: A) Ветхозаветное представление о человеке; B) Учение о человеке раввинов Талмуда; Представления о человеке в зороастризме; Человек в учениях Древнего Китая: A) Традиционное китайское мировоззрение; B) Конфуцианская трактовка человека; C) Трактовка человека в школе законов; D) Трактовка человека в школе моистов; E) Трактовка человека в школе даосов; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§4.3. Развитие античной идеи «разумной жизни» и техники воспитания потребностей

Материальное основание античной культуры; «Я-сам» и практики его культивации в античности; Логос как инструмент; Пайдейя и формирование образа жизни; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§4.4. Средневековая христианская антропология: основные понятия. Христианская аскеза: практики преобразования потребностей

Устройство человека согласно святоотеческой традиции; Святоотеческая трактовка строения человеческого тела; Влияние святоотеческой антропологии на представление о назначении жизни человека; Ум как главенствующий орган человека; Преобразование потребностей в аскетических практиках; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Список рекомендуемой литературы

§4.5. Ренессансное переосмысление человека и его потребностей

Причины преобразования потребностей в эпоху Ренессанса; Гуманистическое осмысление человека и его потребностей; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§4.6. Новоевропейская научность: открытие универсальной субъективности и стандартизация человеческих потребностей

Отношение к потребностям в преддверии возникновения научности; Субъект как продукт потребности в достоверности; Универсальный субъект и открытие общего горизонта потребностей; Ценность как мера и выражение потребности. Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§4.7. Самосознание и специфика потребностей человека эпохи модерна

Проблема периодизации модерна; Рефлексия модерна; Темпоральность модерна; Аксиология модерна; Резюме; вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§4.8. Постмодерн: проблематичность человека в контексте современности – европейский вариант

Постмодерн: явление и термин; Критика классической трактовки понятия субъект; Критика рационального; Социокультурная реальность в постмодернистской парадигме; Ризоматическое истолкование реальности Ж. Делеза и Ф. Гваттари; Новое осмысление идентичности; Желание в контексте шизоанализа; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§4.9. Товарно-идеологическое оформление современного человечества в контексте либеральной идеологии (экономико–культурные предпосылки и социо–политические следствия)

Социоэкономические предпосылки и этапы развития либерализма как идеологии; Либерализм и потребительский стиль жизни; Основные принципы либеральной идеологии; Идеологические основания современного процесса глобализации; Сущность и исторический генез процесса глобализации; Цели современного процесса глобализации; Культурный империализм неолиберальной глобализации; Культурный смысл сопротивления глобализации; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

ЧАСТЬ IV. СИСТЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ И СЕРВИСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Глава 5. Теория потребностей

§5.1. Потребность: основные подходы к определению потребности

Содержание понятия «потребность»; Формы потребностей; Основные научные подходы к природе потребностей; Потреб-

ность как отношение; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§5.2. Структура потребности

Основные характеристики потребности; Мотив как элемент структуры потребности; Интерес как осознанный мотив потребности; Стимул; Эмоция как мотив потребности; Методы удовлетворения потребности; Индивидуальные психологические физиологические особенности человека как основа его запросов и потребностей; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§5.3. Социальные механизмы формирования потребностей

Проблема социальных механизмов потребностей; Роль общеколлективных принципов совместной жизни в организации потребностей; Значение социальных институтов в организации потребностей; Социальные механизмы организации потребностей в архаических культурах; Социальные механизмы организации потребностей в античности и средневековье; Процесс «цивилизации» человеческих потребностей; Современные следствия цивилизованности человеческих потребностей; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§5.4. Экономическое моделирование потребностей

Первобытная экономика; Принцип абстракции новоевропейской экономики; Смысл феноменов производства и потребления; Основы экономического моделирования потребления; Детерминистская модель; Методы удовлетворения потребностей высшего уровня; Синергетическая модель; Единая экономическая модель человеческих потребностей; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§5.5. Индивидуальность и динамика потребностей в индивидуальной истории

Основные понятия социально-психологического рассмотрения индивидуальности; Индивидуальные психологические физиологические особенности человека как основа его запросов и потребностей; Ролевая компонента личной идентичности; Этапы формирования индивидуальности; Социализация как механизм индивидуализации; Основные индивидуальные потребности и психофизиологические возможности человека и их связь с социальной активностью; Резюме; Вопросы для закрепления и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§5.6. Социоприродные изменения человека и классификации потребностей, оценка их социальной значимости. Отношения между потребностями и проблема их систематизации

Проблематичность классификации потребностей; Интенциональные классификации базовых потребностей; Целевые классификации потребностей; Ценностные классификации потребностей; Гуманистическая классификация потребностей А. Маслоу; Систематизация потребностей; Практическое использование систематического описания потребностей; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

Глава 6. Сервис и современные технологии потребностей

§6.1. Методология построения теории сервиса

Антропологический фактор построения единой системы научного знания; Основные принципы научно-философского исследования человека; Диалектика марксизма и науки о человеке; Значение экономической теории для социальных наук и реальной политики; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§6.2. Сфера сервиса. Понятие и механизмы функционирования

Социальная и экономическая зависимость различных видов обслуживания; Сервисная деятельность: понятие и основные принципы функционирования; Классификация услуг; Структура обслуживания с учетом природных и социальных факторов; Обеспечение оптимальной инфраструктуры обслуживания с учетом природных и социальных факторов; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения; Рекомендуемая литература

§6.3. Апории повседневности

Основные потребности мира повседневности; Основные духовные компоненты повседневного опыта; Повседневность как возможность свободы; Консерватизм социомикромира; Повседневность и идеология; Философская аналитика повседневности; Повседневность и сервисная деятельность; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения материала; Рекомендуемая литература.

§6.4. Преобразование потребностей в пределах общества потребления

Социальные основания жизненных стилей; Исторические формы социальности; Механизмы формирования потребностей в обществе потребления; Влияние урбанизма на структуру потребностей; Потребление как механизм социальной идентификации; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

§6.5. Основные технологии потребностей

Технологии потребностей: содержательный и функциональный аспект; Космическая антропоэкология; Специфика современных технологий потребностей; Технологии потребностей: экономика; Технологии потребностей: социальная сфера; Технологии потребностей: формирование элиты; Технологии потребностей: предприятие и капитал; Технологии потребностей: проблемы перехода; Резюме; Вопросы для повторения и обсуждения материала; Рекомендуемая литература

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

ВВЕДЕНИЕ

В современном быстро меняющемся мире бывает довольно трудно предугадать направление и характер развития той или иной области знания. Определяющими это движение факторами могут выступать как научные достижения, так и социальная необходимость, в частности – политический курс в сфере науки и образования. Кроме того, имеет место девальвация института высшего образования, связанная с ориентацией учебных заведений на формирование профессиональных кадров, чем до сих пор занимались средне-специальные учебные заведения. В этих условиях в недрах образовательной системы вызревают новые дисциплины, предназначенные для совершенно определенных профессиональных социальных полей. Но специфика подлинного образования от этого не изменилась: профессионализм и в практических специальностях измеряется не только хорошим владением рядом навыков, но и пониманием того круга проблем, которые должна разрешать определенная профессиональная область. Именно поэтому и создавался данный учебник по дисциплине «Человек и его потребности». Прежде всего, он адресуется будущим специалистам в области сервиса для усвоения понятий, которые будут постоянно использоваться ими на профессиональном поприще. Создание смыслового напряжения понятий, относящихся к области сервиса, выступило одной из задач авторского коллектива учебника.

Необходимость разрешения подобного рода проблемы продиктована самой ситуацией времени: сервис для современного европейца стал едва ли не универсальной формой общественных отношений, императив предоставления услуг затронул такие, казалось бы, полностью чуждые расчетам традиционные культурные механизмы, как образование и воспитание. Но, несмотря на существование множества подходов к этому явлению в науке, определенность относительно природы объектов, механизмов и практик данной сферы еще не достигнута.

Это обстоятельство оборачивается чередой крайне негативных последствий. Профессионалы сферы сервиса лишены, как правило, какого-либо понятийного аппарата касательно реализуемой ими деятельности; отправляемые ими действия сопровождаются в большинстве случаев ничего не сообщающим языком рекламы. Вследствие этого практики сервиса утрачивают свое разумное предназначение – они отнюдь не улучшают человеческую жизнь, не делают ее более благообразной, являясь на сегодня по большей мере всего лишь инструментом удовлетворения сугубо экономического интереса. Данная ситуация довольно опасна, даже несмотря на ее, к сожалению, устоявшийся характер. Втянувшись в нее и поверив в ее необратимость, человек обрекает себя на уже почти нечеловеческий способ существования. Привыкнув к товарной форме услуг и попав в зависимость от управляющей ей логики капитала, человек корректирует соб-

ственную жизненную позицию в соответствии с их требованиями, в результате чего утрачивает такие существенные параметры, как альтруистическое действие, свобода выбора и необходимость самосовершенствования.

Именно поэтому для освещения природы человеческих потребностей и социальных механизмов их реализации, авторский коллектив учебника избрал широкий диапазон антропологического контекста.

В учебнике была сделана попытка привести тематизации потребностей различных гуманитарных наук (прежде всего, философии, социологии, экономики, культурологии, психологии) в соответствие с достижениями философской антропологии, поскольку именно для данного теоретического контекста осмысление уникальности человеческого положения в мире выступило первоочередной задачей. Приняв за ориентир философско-антропологический способ проблематизации потребностей, мы, в первую очередь, решали следующие проблемы:

1) Выделение сущностно-человеческих потребностей из многообразия потребностей, характерных для животного мира. Понимание этого момента принадлежит области всех общекультурных требуемых от выпускника (направления 100400 «туризм») компетенций, связанных с необходимым уровнем его познавательных способностей (ОК-1; ОК-3; ОК-4).

2) Выявление причин существования несводимой к единству культурно-исторической вариативности человеческих потребностей. В результате раскрытия этого момента учащийся не только ознакомляется с культурно-историческим многообразием потребностей, но и получает возможность усвоения его ценности, что соответствует необходимости обладания компетенциями, соответствующими ФГОС ВПО направления 100400 «туризм», которые подтверждают его общекультурную развитость (ОК-7; ПК-4).

3) Анализ социальных механизмов удовлетворения потребностей. Уяснение социальных реалий исполнения человеческих запросов входит в область компетенций ФГОС ВПО направления 100400 «туризм», которыми должен обладать выпускник, направленных на его успешную социализацию и адекватные социальные установки (ОК-9; ПК-7; ПК-8).

4) Освещение возможных путей совершенствования и развития человеческих потребностей. Разрешение данной проблемы связано с областью компетенций ФГОС ВПО направления 100400 «туризм», владение которыми удостоверяет возможность дальнейшего личностного роста выпускника (ОК-2; ОК-8).

Причем эти проблематические линии развивались как частные обнаружения философско-антропологической интуиции уникальности человеческого бытия. Установка на всестороннее раскрытие данной антропологической аксиомы предопределила расположение материала. Первая, по

сути методологическая, часть учебника обрисовывает перспективу, приводящую к очевидности факт присущности человеку уникального строя потребностей.

Во второй части на материале антропогенеза освещается процесс формирования базовых потребностей человека и демонстрируются основные способы их рефлексии, развитые в поле позитивных наук. Именно в этой части освещается проблема базисных человеческих потребностей, что позволяет учащимся адекватно понять условия, требуемые для самосохранения человека. Необходимость данного понимания предполагается ОК-13 и ОК-14 ФГОС ВПО направления 100400 «туризм». Третья часть показывает многообразие культурно-исторических картин существования человека и раскрывает связи между изменениями характера его опыта и строя его потребностей. Тематическим предметом четвертой части выступает возможность построения теории потребностей, учитывающей их изучение различными науками и реальный инструментарий сервиса, предназначенный для их реализации. Усвоение основных механизмов, стратегий и приемов сервисной деятельности позволяет учащимся приблизиться к овладению компетенций, рекомендованных образовательным стандартом по направлению 100400 «туризм» для обеспечения профессионализма работников сервисной сферы (ПК-11; ПК-12). Существенно, что реалии современного сервиса, когда их оценивают на фоне иных исторических форм удовлетворения потребностей, освещаются в контексте современной формации общества потребления, что служит объяснению их нерефлексивного характера. Для исполнения данной цели подробно описываются все механизмы, задействованные в современной социальной системе. Знакомство с последними небесполезно для учащихся – их знание предполагается рядом компетенций ФГОС ВПО направления 100400 «туризм» (ОК-11; ПК-5; ПК-6; ПК-16).

Подобный, учитывающий полемику различных наук о природе потребностей, подход к изложению материала избран нами вследствие содержащегося в нем воспитательного потенциала. Осведомленность о культурной вариативности человеческих устремлений способна привить будущему специалисту области сервиса понимание динамичности человеческой природы, что может изменить характер целей, с которыми он будет связывать собственную профессиональную деятельность. Знание о различных путях самоосуществления человека может подтолкнуть его к попытке реализации исконного предназначения сферы услуг, создаваемой для улучшения характера человеческой жизни. Явно, что данную задачу не способны реализовать равнодушные функционеры безличной системы – улучшение жизни достижимо лишь при наличии личностного энтузиазма заботящихся о благе друг друга людей. Вот почему знание о достойных

формах реализации возможностей и потребностей человека для специалиста сервиса не просто полезно, но и необходимо.

Повторяя в различных контекстах одни и те же концепции и таким образом акцентируя их ранее не раскрытые моменты, мы стремились к всестороннему выражению основных аспектов человеческого существования. Такой орнаментальный стилистический прием, определенные образы при котором умышленно повторяются в различном окружении, был избран нами для акцентирования наиболее существенных характеристик, констант человеческого бытия. Используя его, мы пытались представить целостное понимание реальности потребностей человека, обеспечивающее установление междисциплинарных связей для дальнейшего углубленного изучения методов и техник таких дисциплин как экономика, маркетинг, социальная психология, теория и практика рекламы, связи с общественностью и иных специальных дисциплин, связанных с удовлетворением человеческих потребностей. В силу собственной направленности на общую теорию потребностей человека, наш учебник не претендует на замену специализированной литературы по конкретным областям сервисологии.

Учебник сопровождается развернутым содержанием, предназначенным для обеспечения студентов возможностью легкой ориентации в материале, а также выбора материала в соответствии с личным познавательным интересом и изучаемой специальностью. Необходимость совмещения и осмысления весьма разнородного материала привела к довольно значительному объему учебника, но этот объем представляется минимально необходимым для обеспечения определенной свободы преподавателей и студентов при создании и освоении учебных курсов по различным специальностям в области сервиса.

ЧАСТЬ I.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

ГЛАВА 1.

ПРЕДМЕТНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПОТРЕБНОСТИ

§1.1. Проблемное поле дисциплины человек и его потребности

Предмет и назначение дисциплины «Человек и его потребности»

Приступая к изучению новой дисциплины, мы, чтобы не потеряться в кругу проблем, которые она разрешает, должны, прежде всего, уяснить предмет ее интереса. Уже само одно ее название – «Человек и его потребности» – указывает, что речь пойдет об устремлениях человека, которые постоянно заявляют о себе в его жизни. Однако не следует обольщаться подобной простоте формулировки, ведь в себе самой она скрывает множество проблем. Во-первых, почему вообще для человека неизбежно к чему-то стремиться? Во-вторых, какие именно потребности следует считать специфично человеческими? В-третьих, почему представители не только различных культур, но и социальных групп зачастую приходят в недоумение от желаний друг друга? На эти вопросы дисциплина человек и его потребности отвечает в первую очередь. Но на этом она не останавливается, поскольку предоставить человеку возможность заглянуть в глубину и многообразие собственных желаний вовсе не означает дать ему представление об апробированных в культурном опыте моделях организации потребностей. Все эти проблемы и составляют предмет нашей дисциплины, в который, таким образом, входят *причины наличия, специфичность природы, факторы историко-культурного многообразия, модели организации и возможности воспитания присущих человеку потребностей.*

Конечно, возникает вопрос о целях посвящения будущих специалистов сервиса в подобный предмет. Дело в том, что сервис – это одна из технологий современной культуры по осуществлению человеческих желаний. Как ни парадоксально, но современное общество располагает многочисленными механизмами для беспрепятственного разрешения массовых требований человека. И число их растет. Но еще никто не доказал, что благодаря им человек действительно освобождается от напряжения, возникающего от неисполненности своих самых сокровенных стремлений. Радость от обеда в уютном ресторане, ночлег в комфортабельной гостинице не гарантируют удовлетворенности не только от жизни в целом, но и от конкретного мгновения, в которое данные действия происходят. Поэтому спе-

циалист по сервису нуждается куда в большем, чем просто в представлении о нуждах клиента и избранных современностью путях их удовлетворения. Все практические руководства к тому, как угодить потребителям определенных услуг и сделать рентабельной определенную отрасль сервисной сферы – это задачи тренингов. Ими наша дисциплина не занимается. Она научна и потому доходит до *понятия о природе человеческих потребностей*. Обладание им для профессионалов сервиса полезно, поскольку *именно оно позволяет корректно оценивать роль современного сервиса в восполнении того, чего действительно не хватает человеку***.**

Кроме того, *для оптимизации своей профессиональной области работникам сервисных специальностей необходимо знать апробированные различными культурами и в различных эпохах варианты удовлетворения потребностей.* Ведь предоставление услуг – далеко не единственный ответ на человеческие запросы, да и он отнюдь не изобретение современности. И есть основания считать, что в толщах культурной истории скрываются куда более разумные сценарии обращения с желанием человека, нежели чем довлеющее в современности его товарное усмирение. Их знание не просто полезно, но и необходимо специалисту по сервису, поскольку именно оно дает пищу для размышления о возможностях усовершенствования методов его профессиональной сферы.

Итак, **назначение нашей дисциплины** состоит в привитии будущим специалистам сферы сервиса:

- понимания природы человеческих потребностей;
- знания о культурно-историческом многообразии их удовлетворения;
- .способности размышлять о путях совершенствования самих человеческих устремлений и способов их удовлетворения.

С чего следует начинать изучение предмета?

Изучение любой научной проблемы должно начинаться с понимания области, к которой она относится. Это очень разумное научное требование, запрещающее приступать к раскрытию предмета с формулировки его основных свойств. Ведь давать формулировки можно совершенно произвольно, постольку в каждой науке действует правило: *раскрытие общего контекста проблемы должно предварять ее определение, поскольку последнее зависит именно от понимания того поля, которому данная проблема принадлежит*. Так, например, зоолог начинает свое исследование животных с усвоения общих законов жизни, а юрист – не с перечня законов, действующих в определенном обществе, а с понятия права вообще. Дабы избавить себя от ошибок в понимании наших главных проблем, не будем уклоняться от этого резонного научного требования.

Мы изучаем потребности, но не в широком контексте всех свойственных для живого стремлений; объект нашего интереса составляют потребности, характерные исключительно для человека. Поэтому сразу возникает вопрос – а является ли человек обладателем характерных только

для себя потребностей и если да, то почему? С ответом на его первую часть прекрасно справляется здравый смысл, не прибегая к научному рассмотрению. Всякому здравомыслящему человеку ясно, что *человеческие потребности – это особые требования жизни, которые невозможно отождествить со стремлениями других живых существ*. Конечно, человек наделен рядом потребностей, которые роднят его с животными. На то он и «первый зверь среди других животных», как утверждал глубокий мыслитель и тонкий натуралист Леонардо да Винчи. Но даже они, неотступно присутствуя в человеческой жизни, приобретают в ней особый колорит, уникальные формы, которые ни в коем случае не позволяют спутать их с потребностями животных. Кто, скажем, видел животное, отказывающееся от еды из-за недостатка в ней специй? А животное, задерживающее на длительное время дыхание, ради прорыва к новому опыту? Иными словами, *в случае человека любая потребность, наличествующая и у иных живых существ, колоссально видоизменяется.* Кроме того, *перечень необходимого для человека никак не уместить в совокупность необходимого для животного.* Все это понятно на уровне обыденного сознания, но вот *почему* человек наделен потребностями животных только в преобразованном виде или вовсе стремится к тому, к чему чуждо стремиться животному, оно не знает. Для этого и нужна наука, способная объяснить причины неповторимости картины человеческих потребностей и истоки ее многообразного исполнения различными культурами и эпохами. И закономерно их искать в уникальных параметрах человеческого существования – в тех его неизбежных характеристиках, которые не позволяют перепутать человека не с одним другим живым существом, или, следуя патетичному определению Ф. Ницше, делают человека подлинно «интересным животным».

Определение данных характеристик всегда составляла задачу для философии. Как специфичная интеллектуальная практика, вбирающая в себя не только осмысление неизбежных феноменов реальности, но и созидание новых образов жизни, философия наработала колоссальное многообразие понятий о специфике человеческого устройства. Несмотря на присутствующую в поле философии преемственность, человеческая реальность провоцировала в ее традиции радикальные переосмысления, создание новых понятий. Причины данного положения дел мы вскроем позже. Сейчас лишь отметим, что из череды философских заключений об оригинальных чертах человеческого существования, наша дисциплина заимствует те, которые в наибольшей мере повлияли на ход развития самой философии и пролили свет на реальность потребностей человека.

В отличие от философии в сфере научного знания проблематика потребностей ставилась по-иному. В силу заложенной еще английским мыслителем XVI века Ф. Бэконом ориентации развиваемых здесь познавательных моделей на наблюдение регулярных фактов и заключения на его основании о закономерностях той области, к которой данные факты принадлежат, научное познание потребностей сосредоточено на их воспроиз-

водящихся чертах. Поэтому науки регистрируют тенденции, которые проявляются у стремлений человека в той или иной области его жизнедеятельности. Каждую науку вследствие специфики ее предметного интереса волнуют те воспроизводящиеся характеристики потребностей, которые связаны с ее предметным полем. В силу данного обстоятельства определенная потребность приобретает разнородные трактовки в различных научных областях. Так, например, потребность в любви объясняется современной биологией через изменение гормонального фона организма, в то время как в одной из тенденций современной социологии, развиваемой на основании идей М. Хальбвакса, она выводится из стремления человеческого существа к единению. Психолог, проникнутый идеями классического психоанализа, может связывать особенности любовного стремления со спецификой неудовлетворенности и психическими травмами, пережитых в детском возрасте. Подобное множество интерпретаций обретает и любая другая потребность. Для нашей дисциплины данное разночтение не представляет никакой опасности. Напротив, в ходе рассмотрения реальности потребностей она обращается ко всему многообразию научных подходов, поскольку дискуссионность, присутствие полемичности воспитывает способность самостоятельного размышления о предмете. Кроме этого, возможность вглядеться в потребности в различных научных оптиках дает шанс на объемное видение реальности последних, которое преодолевает односторонние, ограниченные трактовки.

Таким образом, отвечая на первоочередные для себя вопросы о специфике человеческих потребностей, причинах их культурно-исторического многообразия, социальных механизмах их воспитания и удовлетворения, *наша дисциплина использует данные биологии, социологии, психологии, экономики, этнографии, антропологии, культурологии*. В свои познавательные стратегии *она также включает наиболее значимые результаты истории философского постижения* последних. Все данные программы познания дают ценный материал, на основании которого должно быть выработано понятие уникального характера потребностей человека. Как мы указывали выше, последний напрямую связан со структурами, благодаря присутствию которых человеческое существование не имеет себе аналогов.

Для первого приближения к данной проблеме следует вспомнить лаконичное замечание русского философа и литературоведа М.М. Бахтина: «Все одежды для человека малы». В нем хорошо выражается, что в отличие от всех живых существ человеческое существование устроено таким образом, что оно всегда сохраняет для своего обладателя возможность преодолевать сколь угодно успешные стереотипные модели поведения и мысли. В философии данная черта описывалась с помощью различных понятий («отношение к неименуемому бытию», «не удовлетворяемый рассудком интерес разума» и пр.). Несмотря на различие исходных причин данной специфики человеческой расположенности в мире, все данные по-

нятия раскрывали, что она подразумевает персональную инициативу в основных жизненных решениях и жизненноопределяющих поступках.

В плане фактических выражений эта автономия искусства жизни воплощена в беззаботном и максимально серьезном сценариях проживания. Как ни парадоксально, но беззаботность и неотступная серьезность противоположны только формально – эти два способа жизни происходят из одного источника. Предельная легкость, живущая доверием к простым радостям существования, ко времени препровождению, которое знает толк в «…знакомстве с безобидным веселым зверьем и всякой живностью …; горах, заменяющих общество; … временами даже комнате в переполненном проходном дворе, где можешь быть уверен, что тебя примут не за того и беседовать с кем попало»[1], доступна для человека, знающего, что любые социально престижные образцы поведения промахиваются мимо человеческой сути. Но и твердое понимание собственного предназначения, упорное совершенствование в деле всей жизни рождается из очевидности ограниченности высоко оцениваемых культурой стратегий проживания для раскрытия всех человеческих потенций.

Именно данной чертой человеческого существования обусловлены *оригинальные параметры строя* присущего ему *потребностей:*

1) он *развивается* по направлению *от стереотипных нужд к индивидуальным запросам;*
2) *его украшает стремление к творческому самопредъявлению*, которое, заметим, необязательно воплощается в создании художественных артефактов, а может найти выход и в совершенствовании образа жизни, изобретении новой стратегии действия и взаимоотношений с окружающими.

Данный индивидуализированный регистр исполнения потребностей человека обусловлен теми структурами его существования, что привносят в последнее динамику раскрытий. Это, прежде всего, желание и творческое сознание. Один из столпов европейской интеллектуальной традиции, классик греческой мысли Аристотель, раскрывая в своем трактате «Никомахова этика» сознательность как способность решать, отмечал, что тот, кто лишь совпадает с какой-либо из известных манер существования, ведет «некую, не вполне человеческую жизнь». Мало кто из людей примирится со столь оскорбительной аттестацией – люди, к счастью, желают для себя вовсе не «некой», а достойной и полной жизни. А для этого необходимо уметь в общечеловеческих ситуациях – не говоря уже о специфичной ситуации творчества – отважиться на испытание, опыт проявления самостоятельной способности к решению. Именно благодаря ей человек переходит к индивидуальной постановке целей, что придает его потребностям неповторимую интонацию. Например, испытывая потребность в любви, мы можем ожидать от нравящихся нам людей тех действий, которыми радова-

---

[1] Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. – М.: «Мысль», 1990. – Т. 2. – С. 482.

ли друг друга пребывающие в любовном пылу герои запомнившихся фильмов, литературных произведений. В этом ожидании мы имеем дело, конечно, с любовью, но только не с собственной. Возможен и иной сценарий. Прежде чем тиранить наших возлюбленных требованиями, мы можем задуматься, а для чего именно нам необходимо это эйфорическое чувство, можем попробовать дарить любовь в соответствие с понятым и посмотреть, а нужна ли вообще окружающим подобная любовь, становится ли от нее мир лучше. Таким образом, можно сформулировать *золотое правило человеческих потребностей: человек должен быть не носителем потребностей, а их субъектом, что подразумевает корректировку общечеловеческих стремлений самостоятельно сформированными целями.*

Ясно, что ограниченность психики не позволяет человеку в каждый момент времени иметь дело один на один с собственными запросами. Зачастую в той или иной проблематической ситуации он просто пользуется наработанными культурой сценариями поведения. Таковые для него открывают те структуры его бытия, которые условно можно назвать упорядочивающими. Это, прежде всего, культурная традиция и язык как набор регулярно используемых речевых канонов. Именно они структурируют совместный опыт – передают его в готовых «хороших формах». Ценность последних хорошо объяснил советский философ М. Мамардашвили при анализе коробящего его в детстве обычая наемных плакальщиц. Он анализировал парадоксальный феномен забвения интенсивного переживания горя от утраты близкого. Будучи одним из состояний конечной человеческой психики, горе может вмиг убить нас, а после зарасти сором обыденной суеты – забыться. Поэтому для опыта совместной жизни людей нужна память, которая передает эталоны человеческих состояний и действий.

В примере Мамардашвили именно плакальщицы являются своеобразным передатчиком принятой в культуре формы страдания. Подобные формы выражения предопределены и абсолютно для любой человеческой потребности. Приведем более обыденный пример. Когда представитель современной капиталистической культуры голоден и не имеет еды, у него автоматически возникает потребность похода в гастроном, а не, скажем, желание зайти к малознакомым соседям на ужин. В последнем случае он бы нарушил общее представление капиталистического общества о достойном человеке, который должен трудиться и иметь высокий финансовый доход ради успешной жизни. Говоря иначе, будучи отшлифованы культурными устоями, потребности ведущих совместную жизнь людей могут представать в схожих формах.

Но человек, как мы показали ранее, не только транслирует принятые в культуре формы переживания, слова и поступки. Спонтанность в структурах его бытия позволяет ему делать совершенно чудесные вещи – сочетать слова по-новому, отваживаться на непривычные для окружающих действия и мысли. Это великое преимущество человека – экспериментиро-

вать с собой и окружающей его действительностью – привносит творческий запал и в сферу его потребностей.

Анализ данной творческой вариативности целей и способов удовлетворения потребностей наиболее четко проводился в такой научной дисциплине как *философская антропология*. Дело в том, что уже ее основатели поставили перед собой цель разработать тотальную теорию человека, включающую в себя наряду с результатами позитивистского познания человеческой реальности антропологические интуиции философского умозрения. Именно данный синтез, преодолевающий размежевания методов человекознания XIX века, позволяет разрешить первоочередной для нашей дисциплины вопрос – почему вообще человек наделен уникальными потребностями и какова содержательно специфика последних? Поэтому и начнем со сформулированных в границах данной науки выводов о природе потребностей.

Философско-антропологическая трактовка уникальности человеческих потребностей

Центральным предметом изучения **философской антропологии** выступала уникальность человеческого существования: представители данной науки выявляли причины, обуславливающие всецело эксклюзивную манеру бытия человека. Так, в стартовых для философской антропологии работах – «Положение человека в космосе» М. Шелера (1928 г.), «Ступени органического и человек» Г. Плесснера (1928 г.), «Человек. Его природа и положение в мире» (1947 г.) А. Гелена – человеческая уникальность определяется в ходе сравнения с иными образами существования, присутствующими в органическом мире. И основные выводы данного направления исследований таковы:

1) Согласно Шелеру, уникальность человеческой манеры быть связана с наделенностью человека параметром духа. Дух – это сверхжизнь, т.е. особая реальность, позволяющая противостоять витальным порывам. Именно сущностно-человеческая способность отворачиваться, заглушать в себе те естественные порывы, в которые погружены представители органического мира, позволяет Шелеру заключить о человеке как об «аскете жизни».

2) Плесснер связывает человеческую уникальность с особенностью человеческой ориентации в мире. Следуя его заключением, человек – это единственное существо, обладающее возможностью отличать себя не только от пространственного окружения, жизненных обстоятельств, но и абстрагироваться от сферы собственных переживаний. Яркие примеры продуктивности человеческой способности к абстракции приводит И. Кант в трактате «Антропология с прагматической точки зрения»: способность отвлечься от замеченной оторванной пуговицы на мундире достойного человека, позволяет нам сосредоточиться на его нравственных и интеллектуальных достоинствах; способный к абстракции человек не переменит ре-

шения сочетаться браком с обладающей множеством моральных качеств избранницей только из-за ее стоматологических проблем. Конечно, данные примеры проникнуты юмором. Плесснер обсуждает не только человеческую способность отвлекаться от жизненных курьезов, но и извлекать себя из потока любых переживаний. Поскольку человек может перестать замечать наиболее проблематичные для себя переживания – страха, любви, ненависти – Плесснер заключает о нем как о «вечном эксцентрике».

3) Гелен объясняет уникальность человека через ряд специфичных параметров организации его органики. Во-первых, это «инстинктивная недообеспеченность», а, во-вторых, обусловленная ей «пластичность» человеческого тела. Гелен указывает, что человек приходит в мир без жестких программ адаптивных навыков, которыми наделены все детеныши животных. Инстинктивная обделенность, неспособность в краткий период адаптироваться к самостоятельному проживанию в определенной природной среде ставит человека, как это ни парадоксально, в выигрышную позицию перед любым представителем фауны. «Неспециализированность» его тела открывает эксклюзивную возможность биологически-недетерминированного экспериментирования с телесными навыками. Именно биологическая непредопределенность человеческой органики к определенной стратегии действия позволяет ей до бесконечности продуцировать новые телесные навыки. При этом ее пластичный, чрезвычайно податливый характер допускает осваивание и созидание таковых вне какого-либо функционального предназначения: так кружение дервишей осуществляется ради экстаза, а дыхательные практики йогов – ради сосредоточения. Таким образом, человек становится неограниченным инициатором новых практик и стратегий проживания в мире. В этой способности вызывания из небытия того, чего еще не было, и заключена его уникальность.

Все эти отдельные выводы складываются в единую картину. Ядро человечности, согласно философским антропологам, заключено в намерениях, действиях и желаниях, не встречающихся в животном мире. В частности, *человек становится самим собой только посредством искусной манипуляции естественными телесными позывами и их укрощения.* Апеллируя к различным реалиям человеческого опыта, сторонники философской антропологии заключили, что *человек есть выскочка животного мира, достигающая пиковой формы самораскрытия в моменты максимального преодоления зависимости от животных запросов.* Это наиболее существенный для нас вывод. Из него становится ясно, что *для человека характерны уникальные потребности, поскольку он способен преобразовывать основные потребности всего живого* (питание, сон, тепло, воспроизводство рода и шире – самосохранение) *или вовсе временно отвлекаться от них.*

Таким образом, мы выходим на *понятие природы человеческих потребностей: она состоит в стремлении к таким целям, к которым иные живые существа испытывают полное безразличие.* Ведь ясно, что челове-

ческая реальность не была бы расцвечена бескорыстными поступками, аскетическим подвижничеством, художественными артефактами и прочими бессмысленными с точки зрения биологии действиями, если бы человек застыл в самодовольстве животного интереса. Однако, человеку свойственны потребности в *абсурдных с точки зрения животного мира практиках*:

- в избавленных от утилитарного интереса творчестве и познании;
- в общении, осуществляемом ради обогащения знаний или подъема жизненного самочувствия;
- в присутствии в опыте переживания красоты;
- в непродуктивном эротизме;
- в риске только ради социального престижа;
- в создании вариаций в ходе трудовой деятельности, как на уровне целей, так и путей их достижения;
- в любви, которая может и не сулить радужных жизненных перспектив, и прочих бессмысленных для всего живого стратегиях. Все это уникальные потребности человека, без наличия которых его жизнь крайне оскудевает, а сам он приближается к животному состоянию. Их наличие аргументирует корректность вывода философских антропологов о том, что человек открывает собственную реальность, только убивая животное в себе.

Итак, в соответствие с данным теоретическим контекстом природа человеческих потребностей определяется совокупностью сущностных параметров, фундаментальных черт бытия человека, которые идут вразрез его биологии. Чтобы подлинно понять потребности человека, именно их и следует раскрывать прежде всего. Но прежде чем вывести наш предмет на понятийный уровень, следует хотя бы вкратце ознакомиться с выводами об устройстве потребностей человека, сделанными в других областях знания.

Исследования потребностей в социально-культурной и исторической антропологии

В других направлениях антропологии феномен потребностей не явился центральным предметом исследований, но в ходе последних все же был сформулирован ряд небезынтересных выводов о нем. Интерес для нас, прежде всего, представляет **социально-культурная антропология**, в рамках которой потребности раскрывались как элемент социальной, материальной и духовной организации культуры.

С момента собственного учреждения («Первобытная культура» Э. Тайлора (1871 г.), «Древнее общество» Л. Моргана (1877 г.) интерес социально-культурной антропологии был сосредоточен на коллективах, чей тип организации и ценностные феномены полностью чужеродны европейской культуре. В научной литературе данные коллективы представлены как «примитивные», «архаические», «туземные». Установку на их непредвзятое исследование формирует организатор первой профессиональной

школы американских антропологов Фр. Боас. В докладе «История антропологии» (1904 г.) он высказывает предложение отказа от рассмотрения неевропейских культур с применением линейных схем, которыми злоупотребляли первые культурные антропологи-эволюционисты Тайлор и Морган. Отсюда – поиск культурной антропологией обоснования внутреннего богатства неевропейских культур, сбор огромного эмпирического материала о реалиях жизни их представителей. Тридцать лет спустя видный французский антрополог и этнограф М. Мосс впрямую заявит о бессмысленности обвинений в неразвитости архаических коллективов. В работе «Техники тела» (1935 г.) он выступит против того, чтобы представителей новозеландское племя маори называли «примитивными», замечая, что в некоторых отношениях, «они выше кельтов и германцев».

Данная установка на выявление внутренних принципов оригинальной организации неевропейских коллективов позволила вскрыть некоторые особенности присущей им картины потребностей. Так, Мосс посвящает отдельное исследование обязанности обмена дарами, характерной для североамериканских, австралийских, древнегерманских племен. Анализируя в работе «Очерк о даре» принципы архаической экономики, он раскрывает, что потребность делать, принимать дары и отвечать на них в приумноженной форме, характерная для представителей данных групп, напрямую связана с их социальной организацией. Более высокий социальный статус здесь можно получить вследствие перекрывающего все другие по щедрости дара. Таким образом, в данных коллективах потребность в трате обладает социальной значимостью.

Показательны и исследования английского антрополога Б. Малиновского, рассматривающего весь спектр потребностей меланезийцев как инструмент самоподдержания и упрочнения их культурной традиции.

В частности, ему принадлежат яркие описания экономической потребности жителей Тробрианских островов в куле – обмене ожерельями и браслетами из раковин. Примечательно, что эта потребность для них куда значимей, чем, скажем, потребность в труде. Более того, именно от нее зависит реализация таких, казалось бы, далеких от нее потребностей как потребность в коммуникации и семье. Так, Малиновский описывает, что брачным партнером здесь зачастую становится тот, кто принадлежит к группе, с представителями которой удалось совершить социально успешный обмен ракушечными украшениями. Следует знать и работу американского антрополога Р. Бенедикт «Хризантема и меч. Модели японской культуры», в которой, подробно анализируя стратегии поведения и особенности чувств японцев, автор приводит примеры не только непонятных, но и неприемлемых, с точки зрения европейца, потребностей жителей Японии. Например, восстановление доброго имени (потребность, обозначаемая у японцев понятием «гири») для них куда важней, чем экономическая успешность. Европеец капиталистической культуры ради какой-либо

материальной выгоды может закрыть глаза на попранную честь, японец же обязательно изобретет способ отомстить обидчику.

В целом, все данные исследования демонстрируют, что система потребностей неевропейских коллективов представляет вескую альтернативу стремлениям цивилизованного европейца. В них диагностируется, что свойственное им отсутствие таких принципиальных для европейца (начиная с Нового времени) потребностей как в усложнении моделей познания, в техническом преобразовании действительности, в регулярном труде и экономическом успехе – не паралич, а сознательное высвобождение иных возможностей культурного развития.

По отношению к европейскому опыту феномен изменчивости, вариативности потребностей людей различных эпох составил проблему для одной из линий разработок **исторической антропологии**. Сторонники данного направления (М. Блок, Л. Февр, Ф. Ариес, Ж. Ле Гофф и др.) сосредоточились на изучении тех или иных регулярных практик (т.е. действий, совершаемых каждодневно) европейцев ушедших эпох. Данная направленность исследовательского интереса была мотивирована тем, что именно благодаря кропотливой работе с толщами эмпирического материала, восстанавливающими картины уже неизвестного нам быта, возможно, установить лицо определенного исторического периода – т.е. все создающие его своеобразие особенности. И, по большей мере, здесь использовался дескриптивный метод. Так данные исследователи описывали, каким образом на протяжении изучаемого исторического периода меняются бытовые практики: гигиена, действия в отношении умирающих и мертвых, предписания по уходу за больными и их врачеванию, отношения представителей различных возрастных групп и т.д. Но данные описания не были конечным пунктом исследований. На их основании формулировались выводы о содержании аффективной и идеальной сферы изучаемого исторического отрезка.

Так, согласно развиваемому здесь подходу, начиная регулярно делать нечто по-новому (умываться, вести себя со священником или врачом, относиться к детям и старикам, хоронить умерших и пр.), люди инициируют существенные изменения коллективного самочувствия и ценностных полаганий. Именно поэтому изменения повседневных практик накладывают отпечаток на систему потребностей. Так, например, Ф. Ариес в работе «Человек перед лицом смерти» показал, что исторические изменения действий в отношении мертвого тела впрямую сказываются на потребности в социальном признании, в труде, в возрастной идентификации. В свою очередь, М. Блок в работе «Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии» раскрыл взаимосвязь своеобразного пути реализации потребности в здоровье средневековых людей с феноменом сакрализации власти. Так, он описывает, что заболевшие золотухой массовым образом стремились излечиться посредством ритуала ру-

коположения короля, а кольца, переплавленные из поднесенных к алтарю королевских монет, использовались при врачевании эпилепсии.

В отношении анализа потребностей продуктивность данного подхода состоит в осуществленном здесь показе влияния на них, казалось бы, отдаленных бытовых практик. Благодаря его разработкам становится ясно, что потребности человека прочно сцеплены со стратегией его повседневного проживания; поэтому при изучении их исторического развития следует привлекать различные хроники и данные таких дисциплин как демография, эпидемиология.

Теперь пойдем вслед за стрелой времени и рассмотрим основные в отношении потребностей установки самосознания. Следуя исторической последовательности развития форм человеческого само- и мироотношения, обратимся сперва к мифологической определенности потребностей, а затем рассмотрим их ключевые трактовки, выработанные философией и позитивными науками.

Миф и потребности человека

Изначально человеческая реальность – это предмет истолкования мифа и воздействия культа. Несмотря на вариативность в деталях, мифологии различных народов и развитые ими системы ритуалов удерживают в отношении к антропологической реальности сходную черту: человек для них – это реалия неотрывная от сакральных истоков всего существующего. Поэтому в их перспективе картина его потребностей ясна – они раз и навсегда предопределены божественными творцами. Именно об этой предопределенности повествуют на различный лад мифы. Вот почему развитие потребностей людей ритуальных культур происходит строго в соответствие с рецептами мифа. Например, жители Новой Гвинеи центрируют свою жизнь на потребности в мореплавании и всем, что с ней связано (строительстве пироги – плота для выхода в море, ловли рыбы и пр.), поскольку культурный герой их мифологии Аори начинал создавать человеческую реальность именно с плавания на пироге. Думать, что мореплавание для них является главным делом жизни, только потому, что на территории их проживания больше решительно нечем заняться, ошибочно. Или, в мифологии лопарей медведь занимает почтительное место, он – посредник между миром людей и животных, которого создали высшие силы для напоминания человеку о превышающих его реалиях. Иными словами, лопари считают, что медведь – это просто очень сильный, находящийся ближе к творцам человек и подтверждают свое убеждение многочисленными легендами, посвященными сверхвыносливости медведя, его способности вставать на задние лапы и схожести их отпечатков с нашими следами. Отсюда – та особая роль, которую играют в их жизни потребности в культе медведя, зоофагических медвежьих праздниках и в охоте на него. Это хорошо выражается в том, что сама охота на медведя выступает источником развития и иных потребностей. Прежде всего, охотник, убивший медведя,

вызывает повышенное уважение. Однако в течение некоторого время после убийства этого священного существа он живет в отдаленном от всего коллектива жилище. Присвоению охотником священной силы убитого зверя посвящается следующий этап – праздник медведя, на котором охотник предстает в шкуре с головой своей добычи. Кроме того, внутренности медведя, преимущественно его жир, лопари используют во врачебном деле. На этом примере хорошо видно, как определенный миф задает маршрут развития не только потребности в труде, но и в уважении, здоровье, коллективном единстве.

Философские заключения о потребностях человека

Неоднозначность понимания человека приходит в мир вместе с греческим рождением философии. Это вызвано тем, что сама философия – это крайне специфичное упражнение ума, в котором он бежит от всего слишком понятного. Философ касается того или иного предмета в силу его непонятности, и постольку сила философа соответствует его способности обнаружения неизвестных ранее сущностных свойств предмета. В каком же облике изначально предстает для философии человек? Исходно он открывается для нее как существо, практически лишенное инстинкта. Такие параметры как поиск телесных наслаждений, страх смерти представляются ей несущественными, а постольку и малоинтересными чертами человеческой природы. Согласно идеям классиков античного мышления, человек смотрит в ту сторону, где таятся самые сильные состояния действительности – в сторону блага, ума и красоты. Именно эти мощные реалии направляют его к наилучшему самораскрытию. Как отмечал Аристотель, стремление разумной души и усердное возделывание его проявлений научают человека быть добродетельным, т.е. формирует душевный устой, что руководствуется исключительно «знанием лучшего» и таким образом воспитывает не только сознание, но практический навык достижения подлинного благоденствия. Итак, философия изначально рассматривала человека в перспективе его поиска наилучшей формы себя; отсюда и ее пристальный интерес к выявлению этически исполненных моделей организации его потребностей.

Данная установка во многом мотивирована культурно-исторической фактичностью классической Греции. Согласно гипотезе крупного антиковеда XX века Ж.-П. Вернана мощная этическая направленность греческого мышления вышла из духа прямой демократии. В повседневном опыте греков классического периода (V-III вв. до н.э.) естественным образом присутствует навык продумывания законодательного переустройства социума, который формируется в ходе постоянного размышления об общем благе. Кроме того, неотъемлемое от философии созидание спокойного безмятежного образа жизни, равнодушного к любым воздействиям мирской суеты, тесно связано и с другим социокультурным обстоятельством греческой истории. По мнению отечественного философа культуры М. Петрова, гео-

графическое положение Греции привело к формированию пиратства как социального феномена греческого коллектива: пиратскими практиками регулярно занималась часть народонаселения Греции, распространяя свои набеги при этом на соседних представителей греческого этноса. Для земледельческой культуры, каковой и являлась классическая Греция, подобный факт переживался крайне травматично, поскольку преимущество здесь оставалось на стороне нападающего. Философская проповедь истинной, апатичной к материальному достатку жизни возникает именно здесь, поскольку грекам был жизненно необходим непреступный бастион от пиратских вторжений. Поэтому основные умозрительные подходы к наилучшей организации потребностей человека возникают в недрах греческой жизни. Мы рассмотрим только начальные из них, проводя данное рассмотрение совместно с реконструкцией тех антропологических заключений, на фоне которых они и были сформированы.

Основания **трансцендентального метода** человекознания, суть которого состоит в обнаружении за сложностью фактического человеческого опыта его универсальных (то есть присутствующих всегда и характерных для всех) условий возможности, закладывает основатель классической традиции античного мышления Сократ. Развернутая Сократом проповедь добродетели как предельной цели всех человеческих действий, раскрывает нравственную автономию как суть человеческой натуры. Мужество, справедливость, благочестие и рассудительность – таковы универсальные ориентиры для человеческого действия, овладеть которыми возможно только в процедуре личностного мышления. Речь идет о следующих простых вещах: во-первых, доброе деяние невозможно без личного понимания «что такое хорошо, а что такое плохо» – ему невозможно обучиться с чужих слов, а, во-вторых, о содержании доброго поступка невозможно спорить – его одинаковым образом понимает все разумное человечество. Сократический парадокс наполненности мира трусами, подлецами и глупцами, несмотря на внутреннюю присущность природе каждого человека добродетели, разрешается очевидностью трудности достижения знания о ней: в основании всех нелицеприятных человеческих устремлений лежит незнание истинного блага, бороться с которым поистине мужественный Сократ предполагал и после смерти[2].

В отношении нашего главного вопроса позиция Сократа сводилось к тому, что сущностно-человеческим стремлением должен быть проводимый

---

[2] «…если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и верно предание, что там находятся все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого, мои судьи? … чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером! … для меня восхитительно вести там беседы … с Палемидом и с Аяксом, или еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою неправого суда, и я думаю, что сравнить мою участь с их участью было бы отрадно. А самое главное – проводить время в том, чтобы испытывать и разбирать обитающих там точно так же, как здешних: кто из них мудр, а кто только думает, что мудр, на самом же деле не мудр». (Платон. Апология Сократа. Собр. соч. в 4-х т. Т.1. – М., 1968. – С. 110-111).

посредством определенных техник напряжения душевных сил отбор «наилучшего» и обстоятельств «прибегания к нему». Именно знание наилучшей стратегии поступка в конкретной ситуации должно регулировать все иные потребности человека. В опоре на данную максиму Сократ разработал целую систему коррекции человеческих устремлений, согласно которой, каждый профессионал должен стремиться к знанию сути собственного дела. Например, политик, не осмысливший суть собственного занятия – справедливость, должен отказаться от управления другими, а ритор, не заботящийся об истинности собственных речей, и вовсе перестать быть публичным человеком. Позже данная максима знания блага и проживания в соответствие с ней инициирует разработку этически-ориентированных моделей организации потребностей в эллинистических философских школах (прежде всего, киниками, стоиками, эпикурейцами).

Этический трансцендентализм Сократа, конечно, имел дальнейшее развитие, в ходе которого было обосновано абсолютно независимое существование оснований человеческих способностей. Прежде всего, из уст классического философа античности Платона и величайшего христианского мыслителя Аврелия Августина мы слышим, что с Благом напрямую связаны высшие способности бессмертной человеческой души, но само оно не является неким скрытым содержанием сознания, как полагал Сократ, а представляет существующий в вечности порядок мироустройства, абсолютно не зависящий от превратностей жизни смертных. Истинное знание и свободная воля являются результатами умозрительного – в случае Платона и сердечного – в случае Августина приобщения к не допускающему погрешностей и порчи основанию мироздания. На выходе этой онтологической версии трансцендентализма человек превращается в инструмент для передачи трансцендентных посланий. Этот вывод имеет довольно-таки жесткие следствия: тот, кто слышит вечную музыку космоса и поступает сообразно с ее настроем реализует истину человека – но что таковых крайне мало было очевидно уже создателем этой теории, обнаружившим человека как такового исключительно в лицах философов (Платон) и праведников (Августин) – все остальные представляют просто человеческое отребье, исчезающее с каждым приливом вечности.

Новоевропейскую модель трансцендентального человекознания создает в XVIII в. родоначальник немецкой классической философии И. Кант. Рассматривая чистый разум, чистую волю и чистый вкус как характерные только для человека параметры, Кант приравнивает реализацию человечности к практикам автономии этих возможностей, то есть к их исполнению, не следующему из фактичности жизни. Человеческое в нас всегда уже пред-положено вне и до нашего жизненного опыта. Чтобы реализовать его, мы должны изъять себя из условностей жизненных обстоятельств, наиболее непреодолимыми из которых, согласно Канту, выступают общечеловеческие склонности к доверию представлениям о мире, злоупотребляющим данными наших ощущений, эгоистическим поступкам и за-

висимость нашего общего самочувствия жизни от присутствия в ней приятного. Будучи узником этих привычек, человек реализует исключительно животное начало, превращая собственный опыт в сменяющие друг друга обрывочные реакции на состояния окружающего мира. Но истина человека – это разрыв с обстоянием дел мира, самозарождение стратегий опыта, согласованных лишь с инстанцией внутреннего закона, позволяющего верить в существование Творца всех вещей, принуждающего к альтруистическим поступкам и пробуждающего нас к созерцанию чистых форм прекрасного. Абсолютность различия между недочеловеческим и подлинно человеческим, детально проработанная Кантом, создала основания для усиления человеческой свободы, обесценивающей сколь угодно эффективные автоматизмы опыта. Согласно этой теории, человеческий по существу образ жизни подразумевает собой борьбу против запускающихся только по инерции представлений о мире, поступков и чувств. Относительно же потребностей на основании работ Канта можно заключить, что в большей части времени жизни человеком движет эгоистическая выгода и стремление к чему-либо приятному. Но такая определенность потребностей глубоко нечеловечна. Согласно мышлению Канта, все витальные потребности, реализация которых вызывает чувственное удовольствие, и социальные потребности, руководствующиеся достижением определенной выгоды, по сути своей животные. Подлинно-человечными стремлениями следует считать лишь те, которые мотивируются не посторонней к себе целью, а осуществляются только ради собственного осуществления, являются «целью-в-себе». К таковым, прежде всего, относятся стремление к нравственному поступку, к созерцанию прекрасного или созиданию произведения искусства. Например, Кант впрямую утверждает: чтобы осуществить свою подлинную природу, человек должен отважиться на полностью свободный от эгоизма и от утилитарной выгоды поступок – тот, который смогло бы одобрить все разумное человечество. В качестве аргумента связи подобного стремления с сущностью человека Кант указывает на чувство самоуважения, которое непременно возникает в нас при осуществлении подобных поступков.

На сегодняшний день трансцендентализм в большей мере развивается под воздействием аналитической философии, предметом исследования которой выступает язык. Мыслительная тенденция так называемого лингвистического трансцендентализма, сформированная в XX в. «трансцендентальной прагматикой» К.-О. Апеля и теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса, признает ясно сформулированные высказывания, содержанием которых выступают принимаемые всем человечеством действия, ядром человеческой коммуникации и опыта. Аффективно заряженное (приказ, угроза, лесть) и культурно-мотивированное (национальная литература, бытовое арго) использование языка рассматриваются как препятствие к расширению возможностей человека. Закономерным результатом подобного хода выступает осмысление человека как миролюбивого космополи-

та, стремлением которого является обогащение своего опыта общечеловеческими ценностями.

Спекулятивный метод (от лат. speculari – созерцать, в значении узреть, охватить зрением, понять) сосредоточен на рассмотрении взаимосвязей между многообразием проявлений человеческого опыта и совокупным содержанием всей действительности. В терминологии Г.В.Ф. Гегеля, мыслителя, систематически разработавшего данный метод, он обозначается как «постижение всеобщего и единичного в их единстве».

Основания этого метода были заложены античным стоицизмом. Именно в стоической доктрине была высказана идея о включенности человека в единый ритм всего существующего. Хотя подобное осмысление можно найти и в учении древнегреческого философа Гераклита, именно стоики в развернутой форме рассмотрели всю совокупность следующих из этой идеи выводов.

Стоики подчеркивали, что человек как существо подвластное космическому закону имеет ту жизнь, которая ему предпослана вечной природой, управляющей ходом всего происходящего. Поэтому стараться влиять на стечение обстоятельств своей жизни бессмысленно. Это фаталистическое воззрение лаконично выразил римский император, философ-стоик Марк Аврелий: «Случилось с тобой что-нибудь? Прекрасно. Все случающееся с тобой было изначально суждено тебе и сопряжено с тобой в силу устройства Целого»[3]. Поэтому единственной потребностью разумного человека, согласно стоикам, является стремление к апатии – состоянию духа, совершенно неподвластному страстям, как радостям, так и гореванию, и превратностям внешних обстоятельств. Кроме этого, определения главного дела жизни и исполнение его с максимальной силой в каждое мгновение времени римские стоики провозглашали еще одной центральной потребностью разумного человека. И данные потребности связаны между собой: именно апатия открывает перед человеком возможность постоянного совершенствования в деле всей жизни, которое в стоической доктрине обосновывается как единственный доступный для него путь к наилучшему существованию.

В XIX веке Гегель сквозь призму спекулятивного метода раскрыл логику всего существующего. Ядром проведенного Гегелем осмысления человеческой реальности выступило христианское учение о Богочеловеке. Факт вочеловечивания Бога в лице Христа и жертвование Христом собственной единичной жизнью ради искупления греховности всего человеческого рода послужил основанием для гегелевской идеи примирения разрыва между божественной и человеческой реальностью. В этой перспективе человек начнет рассматриваться не только как носитель потребностей, связанных с поддержанием биологической жизни, но и в качестве проводника исключительно спиритуальных стремлений. Речь идет о воплощении

---

[3] Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1991. – С. 62.

абсолютного духа в человеческой сущности. Это означает, что человеческие действия, совокупность всего совершаемого человеческим родом реализует все сотворенные Абсолютом возможности.

Исходными путями реализации человеком собственной духовной сущности Гегель считает борьбу за социальное признание и труд. Борьба за социальный престиж, требующая риска биологической жизнью ради признания окружающими превосходства рискующего, делает борющегося «не на жизнь, но на смерть» господином. Соответственно, тот, кто не пошел до конца в этой борьбе – предпочел самосохранение возможной славе, оказывается всего лишь рабом. Таким образом Гегель постулирует нечеловечность слишком заботящихся о самосохранении. Однако, согласно Гегелю, и раб имеет шанс на реализацию собственной человечности. Он дается на путях труда. Вовлекаясь в работу, раб приобретает опыт отвлечения от только лишь биологических запросов: он научается удовлетворять чуждые собственному самосохранению цели и таким образом открывает в себе человеческую сущность. Таким образом, стремление к социальному престижу, не останавливающееся даже перед угрожающими жизни ситуациями, и труд, согласно Гегелю, выступают теми потребностями, посредством удовлетворения которых человек реализует подлинную природу.

Кроме этого, высшей точкой развития человеческих потребностей Гегель считал состояние устремлений человека, в котором их индивидуальная окраска не только не мешает, но и благоприятствует реализации общего коллективного проекта. Так ход исторического развития потребностей человека Гегель рассматривал как достижение индивидуальными стремлениями согласия с требованиями общности, в которую включен человек. В данной перспективе развитые потребности индивида соответствуют потребностям семьи, потребности семьи – требованиям общины, которой она принадлежит, а запросы общины – общегосударственной тенденции.

Кроме того, философское пространство XIX века было означено рождением **деструктивно-генеалогического метода**, всецело разрушившего классическое осмысление человека как носителя универсальной сущности. Основатели этого метода – К. Маркс, Ф. Ницше и З. Фрейд – на различном материале показали, что человеческая практика, стратегии человеческого действия должны составлять основной предмет антропологической теории. Главное заключение данного подхода состоит в том, что совершаемые человеком регулярные действия не отсылают к сокрытой за ними универсальной сущности. Напротив, они, «бессознательно», т.е. не отслеживаясь самим человеком, производят как форму, так и содержание его сознания, которое, таким образом, является лишь следствием серии воспроизводимых им действий.

Так, в частности, Маркс утверждал, что сущностно-человеческое стремление к творческому труду создает не только предметные формы, но и тип существования человека. Автоматизированные формы труда, исклю-

чая возможность творческой инициативы, приводят к формированию «инертного» сознания. Носитель последнего утрачивает реальность потребности в творчестве и полностью подчиняет свою жизнь позывам витальных потребностей. И, напротив, если социальный порядок предусматривает возможность незатруднительной реализации витальных потребностей, то, согласно коммунистической утопии Маркса, человек самостоятельным образом сосредотачивается на реализации потребности в творческом труде. Наилучшую форму реализации последней Маркс видел в вариативной трудовой деятельности, в том, что В. Маяковский обозначал как «землю попашет, попишет стихи».

В свою очередь Ницше поставил в центр рассмотрения человека отношение его действия к действиям окружающих. Согласно его вердикту, только активное, исполняющее уникальный запрос действие, соответствует наилучшей форме желания. Во всех реакционных, только отрицающих реальность наисильнейшей воли действиях Ницше опознавал декаданс желания. Каждый из вышеобозначенных мыслителей создал собственный утопический проект освобождения человека от форм социального порядка, не предусматривающих условий для полномерного самоосуществления человека. Синтез этих утопий в XX веке произвело движение фрейдомарксизма. Сторонники этого направления (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм и др.) связывали восстановление подлинности человеческого существования с культивацией в человеке потребностей к творческому труду, уникальности опыта и не подчиненной логике культурных табу сексуальности.

С некоторыми оговорками возможно утверждать, что в зачаточном виде подобный подход к человеку развил уже античный киник Диоген Синопский, не находивший человека в переполненных людьми банях и искавший его в разгаре дня с фонарем руках в местах афинских столпотворений. Диоген демонстрировал, что социальные статусы – те действия, которые мы ежедневно выполняем в обществе – способны всецело подчинять наше существование. Он уловил, что человек не только определяет себя через статус, но и его потребности сформированы ими: так политик выступает на Народном собрании даже тогда, когда и сказать решительно нечего; атлет упражняется в палестре не по собственной воле, а только потому, что не за горами Олимпиада. Таким образом, статусы выветривают из человеческой жизни возможность личностного выбора. Отсюда – провокационное поведение Диогена, призывающее человека к восстановлению простоты естественных потребностей.

Социокультурные обстоятельства возникновения и цели позитивно-научных методов человекознания

Как мы увидели, классическая европейская метафизика выделяла спиритуальный компонент человека, связывая его на различный лад с осуществлением возможностей самосознания, нравственным поступком и

и бесконечным расширением знания. Но век Просвещения со своим лозунгом обращения всего человечества к «естественным истинам» разума, знанию самоочевидных «естественных законов» устройства мира выступил эпохой упрощения мысли. Под обаяние этой просвещенческой логики, а вовсе не классической метафизики, и попало зарождающееся позитивно-научное человекознание XIX века – просвещенческий поиск простых и общезначимых закономерностей мира был спроецирован на человека.

Конечно, остается вопрос о мотивах подобного предпочтения – их следует искать в самой реальности этой эпохи. Как показал современный французский мыслитель М. Фуко, в XVI веке рождается, а в XVIII веке повсеместно распространяется новая форма социального порядка – дисциплинарное общество, с пристальностью выслеживающее мельчайшие поведенческие отклонения. Этот механизм действует не по привычному для традиционного общества принципу суровости запрета (когда недозволенное устраняется, выводится за пределы социума), а в форме детального анализа отклонений, их количественных и причинных исследований. Проект позитивных наук о человеке вызревает в этом социальном контексте исправления всего выходящего за норму – свойственная им установка несущественности исключений можно интерпретировать как одно из практических решений общесоциального требования нормализации. Иными словами, социальная организация, не исключающая, но корректирующая «неправильные» поступки, слова, тела, требовала надежной аргументации распространяемых собой норм – ее предоставило новое научное знание о человеке, производящее такого рода истины, которые выставляют за наиболее сущностные проявления человека некоторые усредненные образцы его мышления и поведения. Неслучайно, что возникшие в XIX веке новые научные подходы к человеку подчеркивают свой демократизм в отношении традиционных выводов философии. Если философия усилием избранных, или, как говорил Платон, «напряжениям душ родственных самой философии» научает, как и другим стать избранными, то есть передает им знание о путях к глубине понимания и разумности действия, то позитивные науки позиционируют свои достижения как констатацию истин, приложимых абсолютно ко всем представителям человечества. Но каков характер этих истин? Что они несут в самих себе?

Дело в том, что цели этого проекта следует характеризовать, скорее, как техницистские, нежели чем чисто научные: возникновение поля позитивных наук о человеке было мотивировано поиском технологий, с помощью которых можно эффективно управлять людьми. Крайне иллюстративен в этом отношении тезис психолога-бихевиориста Б.Ф. Скиннера: «Дайте мне детальное описание того, какой человек вам нужен, и я предоставлю вам такого человека ... Подумайте о возможностях! … Позвольте нам контролировать жизни наших детей, и вы увидите, что мы сможем из

них сделать»[4]. Присутствующее повсеместно в позитивных науках стремление к выявлению законов, «объективно» описывающих человеческую реальность, одновременно предполагало, что обладающие секретом данных закономерностей смогут не только прогнозировать поведение неосведомленных, но и инструктировать их в отношении допустимых для них действий. Это впрямую сказалось на позитивно-научном истолковании потребностей. В каждой позитивной области знания формируется понятие о нормальных потребностях человека, в качестве которых выставляются регулярно воспроизводящиеся проявления его запросов и стремлений. В отношении последних выявляются закономерности, принадлежащие предметному полю той науки, в границах которой осуществляется анализ. Присмотримся к тому, как именно позитивные науки трактуют человеческие потребности.

Позитивно-научные трактовки человеческих потребностей

Первый поток нового научного знания о человеке вышел из недр **биологических исследований** XVIII века, которые привели в форму стройных теорий результаты предшествующего (начавшегося с XVI в.) мощного этапа развития биологии. В XVIII столетии в знании о живом произошли существенные подвижки. Этот период был отмечен развитием идеи естественной истории, разоблачением благодаря развитию знания о микроорганизмах мистической доктрины о самозарождении некоторых живых существ, рождением избавленной от спиритуальных оснований клинической медицины, уточнением моделей сравнительной анатомии и детализацией анатомии патологической. В результате чего интерес физиологов поглотило наблюдение за различными структурами человеческой органики и их проявлениями – его предлагалось активно использовать при построении теории о человеке. Таким образом, принципиальным предметом изучения становится человеческая физиология, и выводы о природе потребностей человека черпаются отсюда. Если еще в начале XVI даже составитель первого подробного анатомического атласа Андрей Везалий сталкивается на территории Испании с ограничениями необходимому ему анатомического практикума, а последователи Парацельса всерьез говорят об «архее» – скрытом духовном начале, которое и следует врачевать при телесных недугах, то естествоиспытатели и медики XVIII века, получив беспрепятственный доступ к человеческому телу, избавляют его от каких-либо эмпирически ненаблюдаемых оснований. Его научный анализ как объекта в ряде других физических объектов будет поощрять сама власть, связав с ним надежды на новые истины о человеке.

Истоки данного подхода, рассматривающего человека как элемент великого единства всего живого и постольку центрирующего исследования на человеческой физиологии, с некоторой степенью условности, можно

---

[4] Skinner B.F. Walden two. NY., 1948. (Цит. по: Лихи Т. История новой психологии. – СПб.-М.-Нижний Новгород, 2003. – С. 308.)

обнаружить в недрах античной философии – в натурализации человека явно преуспел древнегреческий философ Эмпедокл. В контексте его учения о единстве биогенеза отмечалось, что «мужи и жены» возникают из первоэлементов природы тем же самым образом, что и «деревья, дикие звери, птицы и в море живущие рыбы» («О природе». Стих 21). Человек, следуя Эмпедоклу, представляет собой одну из возможных конфигураций изначальных стихий, а его способность мышления – физическое событие сильных притоков крови к сердцу. Но при всем этом руководящую роль в возникновении всего сущего Эмпедокл отдавал космическим нематериальным силам вражды и любви. Поэтому в его лице невозможно опознать провокатора всецелого сведения реальности человека к биологическим основаниям.

Кроме этого, в античности состоялась еще одна косвенная попытка натурализации человека. Ее осуществил талантливый представитель второй софистики К. Элиан, прибегая к сближению человеческих и животных качеств. В трактате «О природе животных» он описывает устремления зверей в терминах человеческих добродетелей. Например, из его произведения мы узнаем о благочестии слонов, которые таинственно покачивают сорванными ветвями в день новолуния, о стыдящимся женских упреков льве, кто, будучи голодным, ютится вблизи хижин, о жалостливом леопарде, щадящем пробывшего подле него два дня козленка. Эти дифирамбы животной «нравственности» К. Элиан произносит как примеры, которым должны следовать люди. Но, тем не менее, все античные сближения человеческого и животного существа проводились крайне осторожно – пунктиром и с принципиальными оговорками. Полная конвертация между человеческой спиритуальностью и животным естеством в античности места не имела.

В качестве камертона для звучания различных человеческих феноменов биологию начали использовать французские материалисты. Прежде всего, философ и врач Ж.О. Ламетри последовательно развивал мысль о зависимости психических состояний и поведенческих стратегий человека от морфологии его органов чувств и нервной системы. Так в своем раннем труде «Естественная история души» Ламетри метафорически определяет душу как колокольчик часов, механизм которых представлен нервной системой. Здесь же он трактует тревожный человеческий тип и постоянное для него чувство неудовлетворенности «плохим устройством» нервных клеток, которые не способны довольствоваться однообразными возбуждениями.

Впоследствии эту тенденцию разовьет П.Ж.Ж. Кабанис, аттестовавший физиологию как универсальный инструмент для разрешения разнородных теоретических проблем. Например, в труде «Очерки патологической истории» он свяжет историческое развитие Франции с состоянием здоровья представителей ее политической и интеллектуальной элиты, рассматривая переломные события жизни де Сада, Руссо, Людовика XVI и пр.

сквозь призму их физиологических недугов. В отношении потребностей эту сугубо физиологическую трактовку доведут до предела материалисты XIX века – К. Фохт, Я. Молешотт и Л. Бюхнер. Все они будут отстаивать тезис, что потребность в мышлении есть лишь следствие усложненной организации центральной нервной системы человека. Так Л. Бюхнер объясняет различие силы потребности в расширении образования, культурного опыта у представителей разных слоев социума различием размера их головного мозга. И данная линия биологизаторства человека сформировала крайне примитивный взгляд на его потребности. Согласно ее представителям, более всего человек стремится досыта есть, длительно спать и получать большое количество тепла и света. Именно удовлетворение этих потребностей приводит к развитию основных способностей человека – мышления, нравственности и творчества.

Кроме этого, в европейской интеллектуальной культуре существовала давняя традиция естественной истории, в которой человек представал приемником эволюционного развития живых форм. Теоретически выверенную модель данной традиции представил французский натуралист, блестящий писатель XVIII в. Ж.-Л. Л. де Бюффон, чей поистине колоссальный труд «Естественная история, всеобщая и частная» надолго занял почетное место в домашних библиотеках европейца. Отстаивая гипотезу о развитии всего живого из единого первичного материала – «органических молекул» – Бюффон однозначно вписывает человека в неразрывность природы. Человечество, в его истолковании, оказывается одним из биологических видов, отличительным признаком которого выступает лишь предельная усложненность органики. Однако, следует оговориться, что, все-таки, разум и душу Бюффон за человеком сохранил, и именно это обстоятельство породило тот особый тон, который делает его описания животных неповторимыми. Человек – несомненное детище природы, но одновременно он обладатель уникальных характеристик (определенного нрава, душевных страстей, способности интеллектуального выбора) – два эти тезиса привели Бюффона к заключению, что не только человек – это просто усложненное животное, но и животное – это упрощенный человек. Закономерно поэтому, что Бюффон увлечется антропоморфизацией различных биологических видов: на страницах, принадлежащих его перу, мы встречаемся с ослами, нрав которых в юности весел и «портится только с годами», попугаями, которые «могут целовать вас от нежности», с «робкими» мышами и пр. И признаки животных видов, пусть и несколько антропоморфизированные, Бюффон задолго до Дарвина описал как результат воздействия на их представителей жизненной среды.

Теория Ч. Дарвина лишь утвердит единство эволюционного развития всех проявлений жизни, окончательно выделит его универсальный принцип. Но, несмотря на беспрецедентную популярность дарвиновских выводов о закономерностях развития живого, необходимо знать о некоторых непроясненных посылках, лежащих в их основании. Во-первых, в насле-

дии Дарвина совершенно не освещается проблема первоначального происхождения живого – а для классической эпохи этот вопрос был остро дискуссионен. Во-вторых, раскрывая естественный отбор как механизм суммирования животными видами параметров, надежно гарантирующих их адаптацию, Дарвин мистифицирует природу. Картина складывается такая, как если бы сама природа обладала некоторой сокровенной мудростью, которая позволяет ее обитателям накапливать лишь полезные для самосохранения свойства. Но, несмотря на эти проблематические моменты, идеи Дарвина обрели огромное число последователей. Так, уже в 1863 г. увидела свет революционная для приматологии работа английского биолога Т. Гексли «О положении человека в ряду органических существ», где автор прямо указывал на некоторые сходства телесной организации высших обезьян и человека.

Все эти отдельные сюжеты из истории натурализации человека, позволяют заключить, что в биологически-ориентированных теориях формируется специфичный подход к потребностям человека. Во-первых, в рамках биологической рациональности *потребность трактуется как органическая нехватка, т.е. состояние неудовлетворенности, порождаемое какой-либо органической структурой*. Здесь классическим примером выступает потребность в пище, мотивируемая опустошенным желудком или клетками организма, сигнализирующими о недостаче питательных веществ. Именно поэтому биология выдвигает на первый план витальные, т.е. отвечающие за сохранение живого существа, потребности – потребности в пище, сне (шире – отдыхе), тепле, движении.

Во-вторых, в данных теориях многообразие потребностей человека зачастую объясняется особенностями его органики. Это подразумевает, что для каждой (весьма далекой от витальных) потребности указывается физиологический исток. С образцами данного подхода мы встречаемся регулярно сегодня. Так, например, потребность в жизненных переменах объясняется постоянством психологического фона злости, который, в свою очередь, связывается с аномальной активностью вещества-нейропередатчика серотонина, присутствующего в тканях различных органов человека.

Многие девиантные потребности связываются с нарушением определенного физиологического механизма. Потребность в причинении вреда (от немотивированного оскорбления до насильственного действия), например, связывается с такими органическими патологиями как нарушение кровообращения головного мозга и изменения сосудистой системы.

В-третьих, распространенные вследствие натурализации человека прокреативные (связанные с размножением) технологии, протезирование, крионика и прочие биотехнологические изобретения привели к возникновению существенно новой потребности в техническом преобразовании живого тела.

Нет сомнений, что в любой культурной обстановке адаптация человеческого тела протекает по сценарию усвоения определенных техник – предписанных культурой способов использования и преобразований тела. Достаточно вспомнить все травматические предписания канонов женской красоты, чтобы осознать искусственную реорганизацию структур человеческого тела в качестве общечеловеческой нормы. Но существенна разница. Если в неевропейских и ушедших в историческое прошлое культурных техническая проработка тела служила внешним по отношению к себе целям: человек здесь применял различные вещества или травмировал свое тело ради углубления собственного религиозного или социального опыта, то в отношении современности можно констатировать замкнутый на самом себе симбиоз тела с различными технологическими достижениями. Распространенные в современности имплантирование, использование косметических средств с различными «микрочастицами», регулярность фармакологических вмешательств в тело стали самодостаточными практиками. Искусственное поддержание и расширение витальных возможностей тела (как в случае ныне распространенных родов у престарелых женщин) выделились как не требующие причинного обоснования потребности. Иллюстративным здесь выступает злободневный ныне феномен создания привлекательных, с точки зрения массового вкуса, тел с помощью различных имплантов, атлетических – достижений спортивной фармакологии.

После взлета биологических исследований XVIII века новое научное осмысление человека активно формируется в основанной О. Контом в 40-е годы XIX в. **социологии**. Перенося методы естественных наук в новую научную область, Конт сосредотачивает социологию на наблюдении фактов и выявлении закономерностей сферы совместной жизнедеятельности людей. Данная установка и закладывает основания социологических трактовок потребностей.

Социология, в силу своего интереса, сосредоточена на тех запросах, желаниях и стремлениях человека, которые он испытывает, проживая совместно с другими людьми. Но ясно, что для человека никакая другая жизнь попросту невозможна. Измерение совместности неотъемлемо от его опыта. Поэтому социология при объяснении присущности человеку той или иной потребности выдвигает на первый план факты его социального опыта. Говоря иначе, *потребность* здесь концептуализируется как *запрос, возникающий у индивида вследствие влияния на него определенных коллективных устоев либо дисбаланса его ожиданий и фактичных социальных обстоятельств его жизни*.

Но важен акцент. Подчеркивая обусловленность потребностей индивида социальными рамками его жизни, социология работает только с фактическим материалом. Дело в том, что социальная рамка может быть дана в разной модальности: она может быть фактичной, т.е. отражающей наш реальный опыт, но может быть и виртуальной, т.е. сформированной нашим желанием, воображением и ожиданием. К последним социология настрое-

на максимально критично. Причины подобного отношения кроются в том, что изначально социальные обстоятельства человеческого существования изучала философия. Но для философского мышления данная проблема ставилась в перспективе отбора наилучших форм социальной связи. Античная идея возможности создания общественного поля, основанного на справедливости, воодушевляла разнообразные философские утопии – все они раскрывали характер организации и политическую стратегию сообщества, каждый участник которого заботится о благе всех остальных. Даже учитывающие реальный генезис социумов доктрины (Т. Гоббса, К. Маркса и пр.) формулировали рецепты по достижению общего коллективного блага. Стремление к преодолению этого утопизма и обусловило оформление социологии как науки, которая противопоставила философскому корпусу понятий о наилучшем социальном порядке конкретность собственного объекта. Вследствие этого *наличествующие у человека потребности социологические исследования связывают с его реальным социальным окружением (т.е. установками групп, участником которых он является) и его фактичным социальным опытом (т.е. рядом институциональных воздействий, которые он испытал на себе).*

Кроме этого, направление развития ранней социологии задали практические решения XVIII в. относительно обеспечения тотального социального контроля мест людских скоплений – армии, производственных цехов, лагерей заключенных и пр. Первые социологи лишь создавали научные аргументы непоколебимой на тот момент реальности абсолютности социального диктата над индивидами, придавая ему тем самым минимальный благообразный вид. Два этих существенных для зарождающейся социологии момента обусловили развиваемую ей *охранительную тенденцию в отношении существующих социальных институтов, которая и сказалась на ее видении потребностей человека*. Рассмотрим данную тенденцию подробней.

Идея необходимости следования людей общим социальным установкам и нормам детально разработана в работах О. Конта. Во-первых, унаследовав от своего учителя А. Сен-Симона тезис о необходимости исследования социума по аналогии с природой, Конт постулировал действие в нем «вечных законов». Причем в качестве основной закономерности он рассматривал «временность» любой социальной структуры. Отсюда и вырастает охранительное воззрение ранней социологии: социальные институты, развиваясь «естественным образом», не нуждаются в коррекции – любая насильственная перестройка их, согласно Конту, провоцирует ухудшение совместной жизни людей. Поэтому действия индивида должны направляться *потребностью беспрекословного подчинения* им**.** Человек должен трудиться на общее благо и действовать в соответствие с директивами «правящей рукой» власти – таков облик главных потребностей, к которому, с точки зрения Конта, должны стремиться люди.

Второй фундаментальный закон социальной жизни, выделенный Контом, – это закон социальной динамики. Он заключается в том, что с развитием социальных структур совершенствуются и сущностные способности человека – «ум и общительность». Эту идею прогрессивного развития природы человека Конт позаимствовал у философа-просветителя и экономиста Ж. Тюрго, уже в XVIII веке выдвинувшего тезис о прохождении социума по прогрессивной линии через три стадии – религиозную, спекулятивную, научную. На основании этого заимствования Конт приходит к выводу, что наука, чтобы освободить ум человека от вымыслов «теологии и философии», должна стать достояниям всего общества. Следовательно, *потребность в образовании, просвещающем человека в области научного знания, должна быть* для каждого человека *первоочередной*. Ее Конт и предлагал развивать с помощью ряда принудительных мер. В этом моменте обнаруживается внутренняя противоречивость теории Конта: общество естественным образом должно прийти к научному сознанию, однако, воспитывать его у человека необходимо «сверху», с помощью властных принуждений.

В более мягкой форме социальную предопределенность потребностей человека позже опишет основатель Французской социологической школы Э. Дюркгейм. Следуя ему, в их основании не принцип подчинения «правящей руке», а естественная зависимость от характера социально-политических институтов. К примеру, потребность в единении с коллективом, подавленность личной инициативы у архаического человека будет трактоваться Дюркгеймом как следствие родоплеменной организации архаических групп и, напротив, потребность в индивидуалистических проявлениях, повышенная персональная активность буржуа – выводиться из институционального устройства новоевропейских национальных государств, утвердившего в качестве высшей ценности автономию отдельного индивида.

Таким образом*, классическая социология в отношении потребностей выпячивает общую социальную тенденцию,* которая, в подобной трактовке, *целиком и полностью определяет желания индивида*. Это хорошо просматривается на примере проведенного Дюркгеймом анализа феномена самоубийства. Фактические примеры дают понять, что желание самоустранения из мира иногда захватывает человека. Дюркгейм приходит к выводу, что о нем следует говорить не в терминах психопатологии, объясняющей суицидальную наклонность с помощью нервных расстройств или врожденных болезней души. За ним, по Дюркгейму, стоит либо культура самоубийства, требование его коллективными представлениями о чести, которое было, например, характерно для античных стоиков или японских самураев. Либо оно является результатом распада привычного социального порядка, безуспешности социального ожидания[5].

[5] См.: Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. – СПб.: Союз, 1998.

Еще один вариант обоснования зависимости человеческих потребностей от социальной среды социология черпает из теории Г. Спенсер, с именем которого принято связывать ее «второе рождение». Данная аттестация обусловлена тем, что в трудах Спенсера была легитимирована конкретность социологического интереса – Спенсер ввел в поле изучения социологии массовые явления (революции, локальные протестные движения и пр.).

Что касается особенностей социологического подхода Спенсера, то в бесчисленном количестве социологических трудов («Социальная статика», «Основания социологии», «Описательная социология» и др.) он трактует прогресс как форму нормального состояния социумов, понимая под ним постепенное усложнение социальных институтов. В дроблении различных институтов, дифференциации их функций Спенсер увидел аналогию с эволюцией живых форм. В контексте этого органицистского видения социальной реальности Спенсер приходит к заключению, что захиление определенного элемента социальной структуры вызывает ее распад. Однако, на смену ей приходит новая более развитая форма социальной организации.

Идеи Спенсера – раскрытие общества как целостной системы, взаимосвязанные элементы которой функционально предопределены для исполнения определенных запросов социального целого – легли в основу функциональной социологии Т. Парсонса и Р. Мертона. На основании сущностной целостности социальной системы эти теоретики заключили об ее потенциях самоорганизации и самофильтрации, то есть естественности в ней элементов, отклоняющихся от общего социального курса, а в случае гипертрофии последних – автоматического избавления от них. В отношении *человеческих потребностей* все это означает, что *характер каждой из них не только определен той организацией социума, к которому принадлежит человек, но и служит для ее поддержания.* Когда мы, скажем, предпочитаем определенное питание, в своем устремлении мы, во-первых, зависимы от того, что вообще принято есть в нашем коллективе, а, во-вторых, стимулируем им определенные отрасли пищевого производства. Это очевидно. Куда интересней следующее из данной теории обоснование социальной необходимости носителей так называемых «патологических», «девиантных» потребностей. Ненормативное развитие потребностей, как ни странно, служит укреплению социальных институтов. Носители отклоняющихся от социальных норм запросов провоцируют повышение активности существующих социальных структур или приводят к их усложнению. Когда, скажем, кто-либо в современной России не желает трудиться, употребляет психоактивные вещества и протестует против деторождения, он тем самым обеспечивает функционирование системы пособий по безработице и создает повод для развития общегосударственных программ поддержки семьи и борьбы с наркоманией и алкоголизмом. Иными словами, отклонение потребностей от социальных норм приводит к ре-стабилизации

социальной системы – возникновение отклоняющихся элементов она использует для усиления или развития механизмов контроля над ними.

Итак, *основная линия развития классической социологии отстаивала принцип социального управления человеческими потребностями*.

Однако, в социологии существует и более лояльная тенденция социальной трактовки определенности человеческих потребностей. Ее развивали немецкий социолог Ф. Теннис и французский социолог М. Хальбвакс. Согласно им, человек на уровне своей врожденной природы имеет *естественную потребность разделить собственную жизнь с кем-либо еще.* Поэтому люди испытывают радость, участвуя в совместном опыте. Этим объясняются их потребности в создании семей, в тесной коммуникации с друзьями и соседями, в памяти предшествующих поколений. Так, Теннис отмечает, что изначально человек на уровне стремления в расположенности кому-либо, полового инстинкта, инстинкта кровного родства предстает как воля, жаждущая единения с окружающими. При этом, осуществляя данные возможности совместного опыта, он одухотворяет их. Наиболее духовной формой реализации стремления к совместности Теннис считал семью, из которой он выводил все типы подлинной общности – совместную жизнь людей общины, деревни, некрупного города. Согласно его вердикту, те места, где социальный порядок не организуется в соответствии с органическим единством семьи, например мегаполис, дух общности покидает.

В свою очередь Хальбавкс признавал, что устремления человека определены общими социальными установками, однако в последних он видел некий оптимум человеческих запросов. Согласно его заключениям, культура действительно направляет наши желания, но по тем маршрутам, которые наиболее комфортны для их проявления в пространстве совместной жизни людей.

Кроме данных теоретических выводов, следует знать и фактичное влияние социологических исследований на потребности современного человека. Практическое применение социологической науки интенсифицировалось на сегодняшний день. Все опросы о нашем отношении к социальным программам и политическим реалиям, об удовлетворенности уровнем жизни, о предпочтениях и ожиданиях принадлежат этой области: «От масс требуется, чтобы они подали свой голос, им навязывают социальность избирательных компаний, профсоюзных акций, сексуальных отношений, контроля над руководством, празднований, свободного выражения мнений и т.д. … она (масса) попадает в безграничное царство информации и статистики: нужно уловить ее самочувствие, выяснить позицию, побудить высказать какое-то пророчество. С ней активно заигрывают. … И она откликается «Французский народ полагает … Большая часть немцев осуждает …»[6]. В результате регулярности этих социализующих программ

[6] Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург, 2000. – С. 30-31.

у современного европейца развивается навязчивая потребность вхождения во все новые и новые сообщества. Ему уже мало считать себя гражданином определенного государства, обладателем определенного профессионального статуса и семейного положения – он становится вечным участником весьма эфемерных групп, обретая свою идентичность на уровне мифологий новых сообществ «любителей» – культовых писателей и звезд шоубизнеса, определенных товарных брендов, новых жизненных стилей.

По аналогии с социологией **психология** развивалась под влиянием общесоциальной установки на управление человеком. Педагогика XVIII столетия разработала мощные системы наблюдения, классификации, анализа душевного состояния учащихся, которые служили моментальному пресечению всех проявляющихся отклонений от запрашиваемого социумом поведенческого стандарта.

Эта карательная педагогика и была прелюдией к научной психологии, которая облачила требование психологической типичности, «нормальности индивида» в форму непреложных законов душевной жизни. В результате в психологии выработался специфический взгляд на потребности человека.

Под последними в психологии, как правило, понимаются *запросы индивида, вызванные необходимостью восстановления нормального функционирования его нервной системы*. Фактором, обуславливающим наличие потребности, здесь объявляется некоторая недостача или, напротив, избыток усилий нервной системы. Так, например, наличие потребности в эмоциях, переживание эмоционального вакуума объясняется как результат отсутствия необходимого уровня возбуждения нервной системы.

Потребности в устранении опасности, в разрешении конфликтной ситуации или в избегании затруднительной трактуются как следствия необходимости ее успокоения. Таким образом, психология в первую очередь уделяет внимание потребностям, от которых зависит нормальное состояние нервной системы. Поэтому потребности в равномерном аффективном фоне человеческой жизни, в развитии когнитивных способностей, в адекватном выражении и в признании окружающими психологического образа человека выделяются данной наукой как наиболее значимые.

Следует иметь в виду, что в начале становления научной психологии различные регистры душевной жизни человека объяснялись через указание их органических начал. Но необходимо оговориться, что взгляд, связывающий воедино органику и психику, имел место задолго до конкретных психологических исследований. Например, великий Леонардо на исходе XV века впервые изображает поперечное сечение черепа и трактует точку пересечения его диагонали и вертикали как исток всех чувств. А психологи XVIII в. до изучения принципов функционирования нормальной нервной системы активно развивают физиогномику – навык определения задатков и состояний души по строению и выражениям лица. Но все эти органические привязки души в той или иной форме дополнялись учением об эмана-

ции, трактующим соматический компонент как область проявления субстанционального, то есть самодостаточного, душевного начала.

Положение дел резко изменилось, когда в классическую эпоху одним за другим начали формулироваться обоснования материальных основ души. Яркий пример материалистической трактовки психики предоставляет учение френологии австрийского анатома Ж.Ф. Галля. Доктор Галль утверждал, что особенности строения черепа являются наглядным воплощением психического своеобразия человека, поэтому систематический анализ различной организации черепных коробок воспринимался им как наилучший метод составления галереи всех известных природе душевных портретов. Позже немецкий биолог и врач К.Г. Карус обоснует различие в эволюционных типах нервных систем как причину разнообразия душевных складов.

Конкретика научных результатов относительно связи душевных содержаний и их материальной основы появилась вследствие экспериментов со световыми, звуковыми и мускульными ощущениями Э. Вебера (1851 г.). В ходе данных экспериментов была обоснована зависимость их интенсивности от силы физического раздражения. Уже в 1860 г. немецкий экспериментальный психолог и физик Г. Фехнер оформляет данные экспериментальные факты как психофизический закон. Физиологический исток активности психики обосновывался и теоретические наследниками основателя научной психологии В. Вундта. Так его последователь Э. Титчинер обрисовал так называемую «структурную» картину сознания, выстроенную из отношений между элементами нервной системы.

Именно вклад данных теорий обусловил возможность наглядного указания причин душевных патологий, а тем самым и возможность их непосредственного исправления ради устранения поведенческой непредсказуемости их обладателей. В этом кроется причина того, что *нормализация удовольствий и страданий объясняется данной тенденцией психологии как наиглавнейшая потребность человека***.** Согласно данному подходу, человеку следует стремиться к порционному получению радостей и печалей, поскольку чрезмерные расстройства или наслаждения представляют для нервной системы тяжелые нагрузки, и как следствие – провоцируют душевные недуги. Отчасти под его влиянием развиваются такие потребности современного человека как *стремление к поддержанию равновесия нервной системы, постоянной релаксации и неотступная боязнь стрессов.* Однако, следует заметить, что все состояния, благодаря которым человек становится действительно «интересным животным», – любовь, риск, самопожертвование и пр. – это, кроме всего прочего, и мощные стрессовые факторы, избегая которых, мы, конечно, сохраняем психическое здоровье и адекватность, но навряд ли являемся людьми.

Вследствие оформления в истории психологии и альтернативных к вышеизложенному подходов, психологической науке известны и иные

выводы о потребностях человека. Приведем лишь наиболее интересные из них.

Классический психоанализ З. Фрейда уделяет внимание человеческим стремлениям, отклоняющимся от нормативных. Так потребность в азартных играх и в перверсиях любовной жизни становятся здесь предметом специальных исследований. Выясняется, что, реализуя последние, человек возвращается к детским способам получения удовольствия, поскольку именно ребенок, согласно воззрениям Фрейда, имеет опыт ничем не ограниченного удовольствия, который в процессе взросления отменяется установленными культурными запретами.

Идея о том, что исходная загрузка желания куда более обуславливает душевную организацию человека, нежели чем все его нормированные культурой проявления вообще-то не нова. Еще французский просветитель Ж.-Ж. Руссо настаивал, что самое лучшее для человека – это научиться доводить до реальности собственные естественные порывы.

В этом отношении показателен его роман «Юлия, или новая Элоиза», где невзгоды любовного опыта героев вызваны придавленностью желания каждого из них различными культурными установками. Руссо настаивал, что бесконтрольными страстями человек наделен от рождения и сами по себе они хороши, Фрейд же обосновывал первостепенность в формировании специфики желаний детских переживаний полноты удовольствия и ее последующей утраты.

И поскольку психоанализ был сформирован в контексте клинической практики, подразумевающей терапевтический эффект любой гипотезы, все последующее развитие теории Фрейда протекало в русле конкретизации эмансипирующей от психических расстройств терапии. Поэтому любое неофрейдистское рассмотрение психики предлагает оригинальную модель не только обнаружения, но и избавления от личностных и социальных патологий.

Для современной эго-психологии, в основании которой лежат работы дочери отца-основателя психоанализа А. Фрейд и Э. Эриксона, таковой является игра с социальными идентичностями, посредством которой индивид свободно меняет социальные маски в зависимости от собственных настроений, прагматических задач и смысложизненных решений. Для аналитической версии психоанализа, развиваемой преимущественно американским философом языка Д. Дэвидсоном, в качестве таковой предстает научение свободному использованию языка, предполагающему совершенствование лингвистических способностей индивида путем создания индивидуальных арго и литературного творчества. В контексте органицисткого направления психоанализа, представленного исследованиями и терапевтической деятельностью В. Райха и А. Лоуэна, подобная эмансипирующая функция предписывается возвращающим к животности практикам – не учитывающим социальные табу проявлениям сексуальности, не легитимированным в культуре техникам тела, доязыковому использованию голоса.

Несмотря на социальный контроль, все это является человеческими потребностями, неудовлетворенность которых приводит к тяжелым душевным расстройствам.

Сторонники психологического подхода, получившего название «психология народов» (Г. Штейнталь, М. Лацарус, А.А. Потебня и др.), наследуя тезису романтиков об уникальности «духа народа», обосновали, что к ряду неотъемлемых человеческих потребностей принадлежит стремление к единению с родной культурной традицией. В силу того, что последней невозможно подобрать аналогов, привязанность к обычаям родной культуры, потребность в этническом самоопределении, нерационалируемая тяга к отстаиванию ценностей своей культуры перед лицом всех других в данном направлении психологии оценивались как неустранимые запросы человеческой жизни. По отношению к современному человеку ряд этих выводов должен быть уточнен исследованиями по политической психологии, в рамках которой обосновывалось, что наши душевные состояния напрямую связаны с материальностью культурного окружения, в котором протекает наша жизнь. Например, в депрессивности пролетария, кроме всего прочего, дает знать о себе серость и неудобство коммунальных условий его проживания. В теории ситуационизма, работающей в этом направлении, был сформулирован специальный проект расширения психического опыта человека за счет отказа от однообразия застройки современных городов. Так, предлагалось организовать в каждом городе «кварталы радости и скорби», архитектурный ансамбль, цветовая гамма, строительные материалы которых приводят человека к соответствующим переживаниям.

Кроме того, совершенно отдельным предприятием в психологической науке предстает бихевеористский проект Б.Ф. Скиннера. Этот американский психолог предлагал сосредоточиться на поведенческих проявлениях как на реакциях на ряд внешних раздражений. Поведенческая стратегия, по Скиннеру, складывается из ряда действий, которые некогда были отобраны из совокупности остальных и закреплены в памяти в силу обладания высоким потенциалом для самосохранения организма. На основании многочисленных экспериментов Скиннер пришел к одиозному выводу о возможности полного формирования поведения любого организма путем подкрепляющих – способствующих самосохранению организма – стимулов. Так, например, Скиннер демонстрировал, что голуби не хуже людей способны управлять бомбардировщиком, если конструкция его экрана управления предусматривает взаимосвязь функции обеспечения полета самолета и кормления птиц. Выводы Скиннера приводят к установлению *весьма тревожной картины человеческих потребностей – ими возможно всецело манипулировать извне*. Согласно его концепции, посредством последовательной программы внешних воздействий человека возможно превратить в совершенно не способное к самостоятельным решениям животное, как и, напротив, мотивировать пробуждения в нем высоких духовных запросов.

Место позитивно-научного знания в дисциплине «Человек и его потребности»

Все вышеприведенное разнообразие научных трактовок природы человеческих потребностей используется в нашей дисциплине только в качестве материала, поскольку последние неспособны разрешить ее ключевую задачу – тотальный анализ реальности потребностей и причинное определение ее устройства. Эту несостоятельность легко заметить по линиям принципиального размежевания данных трактовок с философским осмыслением потребностей. Раскроем их.

1) Наука с недоверием относится к самодостаточности спиритуальных потребностей, которую акцентирует философия. Источник нравственного стремления, потребности в постоянном совершенствовании образа жизни, в расширении сфер познания, переживания и действия она пытается обнаружить в эмпирически-наблюдаемых феноменах. Тогда как, согласно философии, все это сугубо умозрительные реалии.

2) Позитивные науки упускают существенную в устройстве человека черту – его сплетенность с целостностью мира. Мы, конечно, можем не осознавать это фундаментальное качество, но от этого оно не перестает направлять наш опыт. Например, человека невозможно представить без стремления к настоящей любви, радости дальних странствий (реальных или виртуальных – дающихся размышлением и чтением) и любознательности относительно вещей и событий, вовсе не входящих в ближайший круг жизни. Во всем этом заявляет о себе его *неотступная потребность превосходить свою ограниченность,* формировать себя заново, чтобы стать «лучше и больше». Науки оборачивают дело так, что связь с целостным миром – это фикция, как будто человек есть полностью реализовавшее свои возможности явление какой-либо отдельной сферы реальности (социальной, биологической, психической). Закономерности данной сферы и выдаются в качестве итогов его анализа.

3) Данная установка обуславливает анализ потребностей посредством понятия нормы. *Исследуя человеческие потребности, социологи, психологи и биологи исходят из наиболее регулярных фактических запросов человека, связанного в своей жизнедеятельности с другими людьми, типичных требований его организма и психосоматики*. Но еще никто не доказал, что наиболее регулярные проявления вскрывают суть человеческого желания. Так, в традиции философского осмысления потребностей различным образом предлагалось сфокусироваться на потребностях, ведущих к наилучшему самораскрытию человеческой уникальности, несмотря на их нечастый характер.

Экзистенциально-феноменологическая антропология как введение в изучение человеческих потребностей

Закономерно возникает вопрос – как именно это сделать? Это вопрос метода – выбора стратегии, необходимых шагов и их правильной последовательности. Реконструируя базовый для нашей дисциплины философско-антропологический подход к устройству сферы человеческих потребностей, мы уже отмечали, что последнее связано с уникальными чертами человеческого бытия. Для раскрытия последних разработано множество методологий. В нашем контексте наиболее удачным вариантом является **экзистенциально-феноменологический метод,** поскольку именно он, прорабатывая культурное и историческое многообразие человеческих потребностей, доходит до внутреннего ядра запросов человека любой эпохи и культуры. Иными словами, не пренебрегая всей многогранностью человеческих желаний, он фиксирует именно те, которые делают человеческую жизнь раз и навсегда отличной от животного существования, и более того – проясняет, с чем связана их определенность.

Прежде чем применять этот метод, раскроем его понятие. Понятие это составное, соединяющее в себе наименование двух течений философии XX века – феноменологии и экзистенциализма. Феноменология – это наука о жизни человеческого сознания. Ее основатель Э. Гуссерль для описания основных структур нашего сознания разработал метод раскрытия устройства, приведения к очевидности его основных феноменов. Этот метод и называется феноменологическим. С помощью него Гуссерль выявлял сущность феноменов сознания (восприятия, воображения и т.д.), но позже его стали использовать и в более широком контексте. Его начали применять к реальности человека вообще. В чем смысл этого предприятия? Очевидно, что наша действительность складывается из бесконечного количества многообразных действий и обусловлена совершенно разнородными реалиями. Но в этой поистине колоритной картине можно нащупать скрытые за ее пестротой главные феномены нашего опыта – те, без которых она никогда бы не реализовалась.

По этому пути и пошел экзистенциализм – направление философии, анализирующее самое главное и самое ценное в человеке, то есть те составляющее его опыта, которые не позволяют его перепутать с иными способами существования (характерными для животных, вещей, иллюзий, Бога). Понятие «экзистенция», от которого было произведено его название, применительно к человеку означает всегда открытую возможность – речь идет о способности человека к ранее не наблюдаемым в отношении него проявлениям. На таковую указывали и корифеи модернистской метафизики Ф. Ницше и С. Кьеркегор, с работами которых связывают исток экзистенциального мышления. Заходя к человеку из областей возможного, экзистенциалисты приходили к закономерному выводу, что *человек – это сущее, способное все к новым и новым манерам существования.* Почему? Потому что в отличие от всего иного, человек есть парадоксальное суще-

ство с пустой сущностью. Это означает очевидный факт: нет такой реальности, которая служила бы программой, однозначным рецептом существования для всех представителей человеческого рода.

Отсутствие таковой экзистенциалисты выражали в следующих определениях человека:

- «разомкнутость бытия» (М. Хайдеггер)
- «дырка в бытии» (Ж.-П. Сартр)
- «прилив бытия» (Г. Марсель)
- «незамкнутая трансценденция» (К. Ясперс).

И поэтому закономерно рассматривали стереотипный опыт человека в качестве ущербной, неполноценной стратегии проживания. Обладание экзистенцией – единственная сущностная характеристика человека, но она есть возможность абсолютно нового действия, потенция для чистого самосозидания. Отвечая на вопрос о подобной парадоксальной устроенности человека, экзистенциалисты описали те опасные прибавки к сугубо стереотипному бытию, что делают *человека единственным видом живого, реализующим отхождение от правил в качестве наиважнейшей потребности.* Согласно экзистенциалистам, человек начинает существовать в полной мере, подлинно и во всем доступном для себя масштабе, когда на свой риск и страх предпринимает жизненные шаги, отличные от всех известных культуре. Речь идет о творческом созидании образа жизни. Условиями такового выступают неотъемлемые характеристики человека – живущее сознание, неудовлетворимое желание, культурная традиция и язык. Именно они представляют собой ту опасную прибавку к органической организации человека, что делает его вечно ускользающим от завершенного определения, а, следовательно, и для тотального контроля существом.

Этот вывод открывает путь для экзистенциально-феноменологического введения в изучение потребностей человека, в рамках которого их культурно-историческая многоликость выводится из различных сценариев игры одних и тех же актеров – сущностных черт человеческого бытия. В качестве введения в анализ человеческих потребностей данный подход наиболее подходящ, поскольку он удачно сочетает в себе реалистичность и теоретическую продуктивность. Его реализм состоит в признании, что потребности человека – это всегда культурно обусловленные запросы. Действительно, под нашими самыми, казалось бы, личностными желаниями скрываются культурные образы и стереотипы. Мы, например, не хотим быть номинально любимыми, а требуем от любящих нас определенных слов и поступков, с которыми в нашей культуре или социальной группе связывается любовное переживание. Или, красота, к которой мы тянемся ради подъема душевных сил – это, как правило, не красота любой из существующих на белом свете прекрасных вещей, а красота, соответствующая понятию о прекрасном культуры, к которой мы принадлежим. Но *человек – это существо, жаждущее и самоосуществления, что выражается в его*

стремлении к созданию отличий от всего известного культуре. Иными словами, мы в своих потребностях не хотим полностью удаляться от коллектива, с которым связана наша жизнь, но мечта об уникальном опыте также не покидает нас.

Экзистенциально-феноменологическая антропология дает понятие о причине этой разнонаправленности человеческих устремлений – она кроется в особенностях основных характеристик человеческого бытия. В этом и состоит продуктивность экзистенциально-феноменологического подхода к потребностям человека. Входя в проблематику человеческих потребностей, мы будем держаться его, и начнем, таким образом, с выявления взаимосвязей основных параметров человеческого бытия и сущностных потребностей человека. На этом пути раскрываются и *основные функции нашей дисциплины* – то, ради чего, она вообще формирует знание о потребностях человека:

1) понимание открытого, ускользающего от любого определения характера человеческого бытия проливает свет на причины существования *культурно-исторического многообразия человеческих потребностей*. Этот аспект реализует *мировоззренческую функцию нашей дисциплины;*

2) рассмотрение уникальных черт человеческого бытия предоставляет основание для проведения *типологии потребностей на сущностно-человеческие и нечеловеческие*. Этот аспект реализует *познавательную функцию нашей дисциплины*;

3) выделение сущностно-человеческих потребностей из всего многообразия потребностей ориентирует человека на *разумный подход в реализации потребностей*. Этот аспект исполняет *аксиологическую функцию нашей дисциплины;*

4) знание о сущностно-человеческих потребностях и путях их реализации дает будущим специалистам области сервиса материал для размышления о роли своей профессиональной деятельности в удовлетворении человеческих запросов. Оно обращает их к *вопросу о полноценности реалий современного сервиса, его методов и целей*, для удовлетворения человека. И, таким образом, формирует импульс для понимания возможных путей их совершенствования. В этом состоит *практическая функция нашей дисциплины*.

Резюме

Дисциплина человек и его потребности направлена на изучение потребностей в том многообразии, в котором они заявляют о себе в человеческой жизнедеятельности. Прежде всего, она выявляет *природу* человеческих потребностей, то есть освещает причины их отличия от сходных на первый взгляд потребностей животных и характерности для человека совершенно чуждых животным устремлений. Кроме того, она рассматривает все культурно-историческое многообразие человеческих потребностей и способов их удовлетворения, акцентируя в процессе этого рассмотрения

наработанные культурой социальные механизмы их воспитания. Что касается научной почвы дисциплины, то она использует выводы анализа человеческих потребностей большого числа наук (от философии до биологии), но единства точки зрения она достигает, обращаясь к проблематике необходимых феноменов человеческого бытия в том виде, в котором она разработана философской антропологией. Работы философских антропологов показали, что природа человеческих потребностей раскрывается в стремлениях человека к таким целям, к которым иные живые существа испытывают полное безразличие. Именно это понятие уникальности формы присущих человеку потребностей для нашей дисциплины является базовым.

Вопросы для повторения и обсуждения

1. В каких именно аспектах изучает потребности дисциплина человек и его потребности?
2. Какое понятие является базовым для этой дисциплины? Почему данная дисциплина не может взять за основу анализ потребностей, проведенный в отдельной науке?
3. Какова первая историческая форма отношения человека к своим потребностями? Чем, главным образом, регулируются потребности человека на ранних исторических этапах развития?
4. Какие черты человеческих потребностей подчеркивает, прежде всего, классическая философия?
5. На чем сосредотачиваются научные методы при анализе человеческих потребностей? Осветите выводы о природе человеческих потребностей, сделанные в рамках отдельных наук.
6. В чем состоит специфика подхода философской антропологии к человеку и его потребностям? Почему он выступает теоретическим основанием для нашей дисциплины?
7. Раскройте функции дисциплины человек и его потребности.

Список рекомендуемой литературы

Основная:

1. Вульф К. Антропология: История, культура, философия. – СПб., 2008.
2. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. – М., 2004. – Гл. 6-7.

Дополнительная:

1. Вальверде К. Философская антропология. – М., 2001. – Гл.1-2.
2. Клакхон К.К.М. Зеркало для человека (введение в антропологию). – СПб.: Евразия, 1998.
3. Больнов О. Философия экзистенциализма. – СПб.: Лань, 2006.

§1.2. Онтологические предпосылки уникальных потребностей человека

Онтологическая уникальность человека

Один из создателей философской антропологии Х. Плеснер описывал уникальность человеческого положения в мире через понятие эксцентричности. Оно выражало классическую философскую идею о *человеке как существе, умеющем изымать себя из любой жизненной ситуации, дистанцироваться от любого факта собственного опыта, отличать себя от любого своего переживания.* Классическая философия выражала ее в понятии *ноуменальности человеческого существа*, фиксирующем в человеке не регистрируемое органами чувств ядро, которое позволяет ему действовать без оглядки не только на запросы и условия внешней среды, но и на собственные переживания. Для нас значимо, что хорошая биологическая образованность не помешала Плеснеру выступить сторонником этого классического философского взгляда на природу человека. Расставленные понятием эксцентричности акценты на вненаходимости человека по отношению к природной жизни и на умении отличать себя от всего фактически данного в крайней степени правомерны. Конечно, человек как специфический род живого имеет некоторую примету родства с животными – это его инстинктивные требования (питание, необходимость восстановления сил, продолжение рода, самозащита в случае нападения и т.д.).

Но человек становится собой лишь в той мере, насколько развита его способность к принижению животного в себе – инертности сложившихся привычек и неотступности естественных запросов. Чтобы уловить собственную человечность, опишем ее ближайшего антагониста – животный способ жизни.

Природа – это одна великая цепь, включающая в себя необозримое многообразие живого. С помощью своих законов, природа сплетает его между собой, приноравливает друг к другу растительные и животные формы. На уровне отдельной животной особи предписание природного закона выражается в инстинктивной регуляции различными реалиями ее жизни – половыми, возрастными, пищевыми и пр., что органично встраивает ее в общий ряд живого. Поэтому животное сковано инстинктами. Иными словами, животному от инстинкта не уйти. Даже в случае проявления так называемой «сообразительности», или, пользуясь понятием М. Шелера, «операционального интеллекта» животное только совершенствует свои инстинкты: любая достигнутая животным в процессе опыта «корректировка» природы никогда не переменяет значимые для его вида инстинкты на абсолютно иные. К примеру, кот ради достижения своих любимых лакомств может обучиться открывать холодильник, поскольку одним из видовых инстинктов кошачьих является четкое использование когтистой лапы, но вот зарабатывать деньги на излюбленный провиант ему никогда не

придет в голову. Иными словами, животное, подчиняясь биологическому закону повторяемости, никогда не изобретает действия, абсолютно не укладывающееся в него. Так описанный Н. Заболоцким «безумный волк», жаждущий увидеть звезду и для этого надумавший неестественным образом «выпрямить шею», возможен только в поэтической утопии.

Человек, несмотря на всю совокупность собственных физиологических параметров и привычек, приобретенных в процессе опыта для благоприятной адаптации в культуре, способен действовать без оглядки на них. Писать стихи, когда организм требует сна, мыслить об устройстве сущего и происходящего, несмотря на абсолютную экономическую неэффективность этого занятия, грезить о невозможном, вместо того чтобы просто применять проверенные временем стратегии жизни и т.д. Именно поэтому он – биологический нонсенс, неутомимый изобретатель не только неизвестных, но и совершенно ненужных природному универсуму алгоритмов действия.

Эта черта выражает онтологическую уникальность человека, то есть характеризует его как реализатора не имеющей аналогов стратегии существования. Подобная специфика человека обусловлена тем, что *значение его существования* (существования не в смысле родового признака всех представителей человечества, а факта присутствия в мире конкретного Я) *всегда дано только в возможности, исполнение которой неизбежно предполагает личное волевое усилие***.** Конечно, благодаря длительной традиции философии мы знаем различные трактовки формального устройства нашего бытия, но все они сообщают лишь об его принципах, неотъемлемых чертах, реализацию которых каждому предстоит провести по-своему.

Иными словами, каждый человек – это потенциально неповторимое существование, сделать действительным которое невозможно на путях внешних привнесений. Поэтому сворачивание с дорог культурной традиции, сиротство (в смысле одиночества) в жизненно важных решениях и стремление к чистоте самообладания являются необходимыми условиями раскрытия нашей человечности. Предельно выразительно описывает данное положение дел аргентинский писатель Х. Л. Борхес в стихотворении «Превосходство невозмутимости»: «Тихий как тень прохожу сквозь давку неутолимой спеси // … Молю не о вечных красотах – о верности духу, и только // О строке, подтвержденной дорогами и сиротством // Сытый досужими клятвами, иду по обочине // жизни неспешно, как путник издалека, не надеющийся дойти».

Вышеприведенные строки Борхеса органично вписываются в экзистенциальную традицию европейской метафизики, к которой мы обращались в предыдущем параграфе. Мыслителям этой традиции открылось, что т*о* бытие, которое проживает человек, для него самого является вечной загадкой, некоторой неизвестной территорией, строение и предназначение которой невозможно понять, шествуя по намеченным дорогам. Отсюда следует вывод: действительно заботящийся о себе человек предстает в ро-

ли картографа собственного существования – он пробует наметить маршрут собственным действиям сам. Именно поэтому известный силлогизм «все люди смертны, Кай – человек, значит – Кай смертен» вызывает негодование у Ивана Ильича из повести «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого; он выражает боль всего своего существа в лаконичном ответе: «Но я-то не Кай!». Этот пример явно демонстрирует, что человек способен к отказу от устоявшихся трактовок самых значимых феноменов своего существования (смерти и рождения, нравственного поступка, любви, насилия и пр.) – он может простроить отношения со своим бытием самостоятельным образом, превратив поиск ответа на вопросы «быть ли, и если да, то как именно? В чем побудительный мотив и достоинство этого предприятия?» в дело собственного ума. В детальной аналитике сущностной для человека заботы о бытии на свой собственный лад наиболее преуспел корифей интеллектуальной традиции XX века М. Хайдеггер. И с направлением анализа Хайдеггера следует согласиться. Действительно, специфика человека, определяющая его уникальное положение в мире, состоит в его способности действенно относиться к бытию; человек, действительно, выражает оригинальность собственной природы, прежде всего, в творческом раскрытии своего бытия. Но для причинного определения уникальных потребностей человека, мы должны описать его внутренний строй, а не только констатировать эту основополагающую особенность. Одним словом, мы должны провести анализ его устройства. Данная операция подразумевает выявление его неотъемлемых структур. Именно последние, в силу своей неизбежности для человеческого существования, позволят ответить на вопрос: почему оно таково, и не сходно, к примеру, с существованием машин или ангелов?

Начнем с того, что человек не наличествует, а пребывает, обращаясь к себе и к чему угодно из всего существующего. Подобная обращенность пронизывает весь его опыт. Он не только испытывает «наплыв» аффектов и настроений, но и способен некоторые из них культивировать, а некоторые – избегать. Таким образом человек реализует обращенность к своей чувственности. Он не только пассивно усваивает все открывающиеся теории, но и располагает возможностью выстроить альтернативу к какой-либо из них. На этом пути он осваивает свою обращенность к сфере знания. Но и шире. Даже в обыденных жизненных ситуациях человек присутствует как обращенность. Радуясь друзьям и сохраняя верность любимым, он развивает способность обращенности к окружающим его людям. Осознавая необратимость собственных действий, вспоминая нечто или намеренно нечто забывая, он осваивает обращенность к своему прошлому. Говоря иначе, способность обращаться к себе самому и всему окружающему есть постоянная черта человеческого существования. Живущее сознание, неудовлетворимое желание, культурная традиция, язык – вот ключевые условия для всего многообразия возможностей человеческой обращенности.

Живущее сознание как структура человеческого существования

Обращаясь к чему-либо, человек может соглашаться с происходящим, принимать его как единственно возможное, говоря условно, «растворяться» в нем. Но может выстроить к нему и контр-позицию, из которой любые закономерности предстают как подлинно чуждые, не проверенные в его собственном опыте. Данная позиция возможна вследствие присутствия в человеке способности отличения себя от всего происходящего, которая обнаруживается в форме его сознания. Ранее мы показали, что человек дан себе только в возможности – ему необходимо обрести себя и применять бесконечное усилие ради сохранения этого обретения. Данный путь не исполним без сознания, поскольку, *будучи самоконструированием, свободной деятельностью собственных полаганий, сознание высвобождает ранее неизвестное и тем самым позволяет состояться уникальности собственного обладателя.*

В философии XX века существует целый ряд конкретизаций этих уз сознания и единичности существования его «хозяина». Например, Хайдеггер настаивал, что, только проникнувшись неотвратимостью смерти, мы открываем для себя подлинно сознательный образ жизни, а феноменолог М. Мерло-Понти описывал сознание как уникальную перспективу понимания и видения, связанную с телесной адаптацией человеком вещественности мира. Но, несмотря на расхождение в вопросе о необходимости и конкретности экзистенциальной опоры сознания – его сцепленности с каким-либо основным феноменом человеческого существования (смертью, телом и пр.) – различные мыслители единогласно описывали его как *устройство подрыва однозначности, фальсификатор известного и повторяемого*. Это означает, что сознание выводит человека на путь расширения смысла вещей и событий, демонстрируя ограниченность устоявшихся в их отношении подходов.

Наиболее консервативной структурой жизни выступает инстинкт – движимые только инстинктами существа проживают жизнь по накатанной колее, даже не имея возможности узнать, что делать это можно и по-другому. Поэтому первый враг сознания – это инстинктивно отрегулированные поведенческие проявления. Однако, следует не забывать, что сознание отнюдь не постоянный спутник человеческого опыта. И как бы некоторым из нас не хотелось твердо обозначить свое превосходство над животными, человек, к сожалению, лишь иногда прерывает автоматический способ проживания самостоятельно сконструированными действиями. Но, будучи чистотой саморазвертывания, проявляющееся в них сознание обнаруживает новые возможности жизни. Именно поэтому сознание в любом случае оставляет инстинктивные позывы в проигрыше.

Обосновывая отсутствие сознания у животных, крупнейший этолог XX века К. Лоренц приводит пример с землеройкой куторой. На пути куторы устанавливают ранее отсутствующий здесь камень. В первый период проведения эксперимента землеройка, доходя до камня, поворачивает

назад, но спустя какое-то время научается перепрыгивать через камень. После камень убирают, но землеройка так и продолжает совершать подскок на привычном месте. Причем в попытке преодолеть отсутствующее препятствие, она из-за переизбытка усилия, сильно ударяется о землю, а затем, преодолев дальнейший короткий участок пути, она возвращается на место падения, чтобы, как комментирует ученый, при помощи исследования зоны опасности «оправиться от шока»[7]. В отличие от землеройки, приведенной в этом примере, человек, во-первых, способен свободно от внешнего раздражения модифицировать поведение: например, ради достижения апатии, человек, подобно античным стоикам, способен разглядывать вкуснейшие яства, чтобы затем от них отказаться; ради обретения вечной жизни, человек по примеру христианских аскетов способен калечить собственное тело, отменяя тем самым основной инстинкт самосохранения.
Во-вторых, человек способен совершенствовать успешные программы поведения, тогда как животные, закрепляя таковые инстинктивно, просто воспроизводят их.

Способность к бесконечному обновлению поведенческих моделей – результат действия сознания. Абсолютная свобода действия становится возможной потому, что сознание в собственной сути есть стихия спонтанности, область самозарождения смысла. Именно выношенный самим сознанием, а не просто воспринятый извне смысл открывает новые возможности действия. И причина здесь следующая. Созидая новые смыслы или переживая нечто хорошо известное как значимое именно для себя, человек обозначает свое присутствие в равнодушном потоке жизни. И это самообнаружение, самообозначение на фоне самодостаточной полноты существующего достигается за счет активности сознания, поскольку именно на этом уровне мы можем всецело распоряжаться вещами – считать одни колоссальными, а другие – пустыми, выкидывать нечто «из головы» в силу обнаружения его глупости и заполнять открывшейся вакуум самостоятельно рожденными мыслями. Несомненно, человек застает собственное сознание уже «наполненным» рядом произведенных культурой смыслов (например, мы понимаем, что телевизор – для просмотров фильмов, а не просто тумбочка для цветов; микроскоп – для биологических штудий, но не для забивания гвоздей и т.д.), но сам волен решать, что именно с этими смыслами делать. Реальность живущего, то есть зависящего от нашей персональности, сознания проявляется в ситуации творческого переопределения известных культуре смыслов.

Эту реальность живущего сознания предельно описал основатель новоевропейской философии французский мыслитель XVII столетия Рене Декарт. Сосредоточив собственное исследование на вопросе «что есть подлинно очевидного в нашем существовании? Каковы основы существования, всегда и всем способные с очевидностью продемонстрировать, что мы действительно *есть*?», Декарт сталкивается с независимостью нашего

[7] См.: Лоренц К. Кольцо царя Соломона. – М.: Знание, 1990. – С.164.

телесного опыта от нас самих. Действительно, при внимательном исследовании характера и происхождения связанных с телом феноменов мы можем увидеть, что рецепцию фальсифицируют наши органы чувств, моторику определяют инстинкты и аффекты, а кинестетический стиль обуславливает культура. Иными словами, в большинстве присущих себе проявлений тело живет своей собственной жизнью; постольку невозможно с однозначностью утверждать, что наше существование сосредоточено в нем. Именно поэтому Декарт, движимый волей к истоку очевидности человеческого существования, постулирует, что тот, кто хочет достичь крепких основ собственного существования, должен присмотреться к себе вне телесной данности.

Посредством операции временного «выключения» диктатуры тела («я буду рассматривать себя как существо, лишенное рук, глаз, плоти и крови, каких-либо чувств: обладание всем этим, стану я полагать, было лишь моим ложным мнением»[8]), Декарт обнаруживает тот слой нашего существования, который не созидаем без нашего усилия. Это реальность сознания. Ее событиями становится именно то, на чем сумели задержаться мы сами: «картины» восприятия, воспоминания, фантазии, переживания, мысли невозможны вне проявления нашей душевной активности. Эти «состояния» души мы формируем самостоятельным образом, замечая, вспоминая, фантазируя, желая нечто.

Данное сцепление событий сознания с нашей неотъемлемой в них задействованностью приводит Декарта к выводу, что в сфере сознания мы всегда самостоятельные участники, а не пассивные зрители, что оно всегда есть наше самопроявление. Очевидность нашей абсолютно не зависящей ни от чего другого активности в жизни сознания позволяет Декарту заключить, что именно его проявления представляют гарант того, что мы не мерещимся себе, не галлюцинируем собой, а действительно есть. Иными словами, «… если я забуду то, что от меня, то не будет и ничего другого … »[9] – именно так советский философ М. Мамардашвили прокомментировал картезианское осмысление очевидности.

Итак, сознательная активность является одной из основ нашей человечности, поскольку, несмотря на наличие в сознании пассивного слоя приходящих извне ощущений, именно в его сфере мы свободные творцы. Только приходя в сознание, человек способен посмотреть на мир действительно собственными глазами, не рассеивая собственный взгляд во внешних созвучиях и привязанностях. Поэтому сознательная обращенность – это всегда опыт, который защищает нашу неповторимость. Создавая смыслы, которые никто за нас бы не создал, или, поступая тем образом, каким

---

[8] Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения. – СПб., 2006. – С. 144.

[9] Мамардашвили М. Картезианские размышления. – М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1993. – С. 44.

для наблюдающего со стороны действовать казалось просто невозможным, мы ценой невероятного усилия собираем принадлежащую нам и никому более реальность и тем самым заставляем мир принимать во внимание факт уникальности нашего существования.

Результатом действия живущего сознания являются различные культурные преобразования. Создавая ранее неизвестные смыслы или давая оригинальное развитие какому-либо из уже существующих, живущее сознание обогащает культурную традицию. И инструментом данного расширения возможностей самой культуры служит слово. Оречевляясь новый или оригинально дополненный смысл, входит в межчеловеческую сферу. Найдя выражение в порядке слов, он способен влиять на решения, поступки, мысли других людей и поэтому перестает быть «собственностью» исключительно своего создателя. Хороший пример этого культурогенного эффекта несущей новые смыслы речи русский мыслитель XX века, последователь Г.В.Ф. Гегеля, А. Кожев: «Предположим, что какой-нибудь средневековый автор написал в поэме: «в сей миг свершает человек свой перелет чрез океан». Это была бы явная выдумка, и осталась бы таковой в течение долгих веков. Но если мы сейчас перечитаем эту фразу, то она окажется истинной, потому что почти наверное, в этот самый миг какой-нибудь летчик летит, к примеру, через Атлантику»[10].

Этот переход смысла из сферы персонального в сферу всеобщего возможен благодаря тому, что расположением живущего сознания к целостности мира является открытость. Если животные раз и навсегда связаны с той средой, в которой они обитают (у кошки мир кошачий, а у пса – собачий, и взгляд на мир глазами друг друга и обмен поведенческими стратегиями для них недоступны), то человек способен дистанцироваться от обыденного уклада собственной жизни. И более того, практическая философия Канта открыла, что для него желанны такие события мысли и жизни, которые руководствуются ответственностью перед всем человечеством. Таковые, конечно, редки, поскольку в большинстве времени жизни социальные и культурные влияния на наш опыт неизбежны. Так, наша социальная идентичность (профессиональный, возрастной, половой статус) обуславливает наше восприятие: так, например, женщина выхватывает из целостного поля восприятия проявления прекрасного, тогда как мужчина сосредоточен на демонстративности властного поведения; медик смотрит на мир сквозь призму здоровое – больное, в то время как бизнесмен структурирует собственное отношение ко всему происходящему по шкале экономически-эффективное – убыточное. Но в отличие от животного, человек нуждается в расширении перспективы. Речь идет не только об опыте проницательности к позициям других людей. Потребность в расширении перспективы подталкивает человека к конструированию таких действий, которые обращены к человечеству в целом, к созданию смыслов перед лицом

[10] Кожев А. Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля // Кожев А. Введение в чтение Гегеля. – СПб.: Наука, 2003. – С. 574.

«города и мира». Именно на уровне таких актов человек проявляет свою суть мирового животного, свою связанность с целостностью реальности.

Таким образом, *специфика живущего сознания обуславливает* наличие в человеке таких *уникальных* взаимосвязанных между собой *потребностей как устремление к расширению опыта, к творческому смыслосозиданию и выражению собственной индивидуальности.* Все они спасают человеческий опыт от скуки повторения того же самого. Поэтому лежащее в их основании сознание следует оценивать как инструмент его творческого исполнения.

Желание как структура человеческого существования

Структура желания с осевым параметром нехватки также задает специфику человеческой расположенности в кругу повседневной жизни и в целостном пространстве культурной традиции. Жизнь животного не знает ничего кроме тех нужд, к которым его предопределила природа. Именно поэтому желание для животного непроблематично: каждая единичная особь транслирует через себя общие потребности вида. Человек же является парадоксальным обитателем природы. Имея в своем существовании ряд биологических зависимостей, он всегда пытается заглянуть за их границы. Поэтому *человек*, во-первых, *никогда не обретает удовлетворенность, исполнив требования своих животных позывов*, а, во-вторых, *зачастую не обретает успокоенности и во вполне благополучной, исходя из общих представлений культуры, жизни.* С тем, что требуется человеку, дело обстоит, как описано в известных стихах А. Тарковского: «Все, что сбыться могло, // мне, как лист пятипалый, // прямо в руки легло. // Только этого мало. // … Жизнь брала под крыло, // берегла и спасала, // мне и вправду везло. // Только этого мало».

Все эти моменты обусловлены *спецификой человеческого желания*, структурной характеристикой которого выступает *непреодолимая неудовлетворенность наличной средой*. Это означает, что желание лишь в той мере является человеческим, в какой стремится к тому, чего еще нет в мире. По словам современного русского мыслителя Н.Б. Иванова: «Если для нас не имеет значение то, с чем мы на самом деле не встретимся, для нас вообще ничего не имеет человеческого значения»[11]. Аналитики неудовлетворимости человеческого желания в рамках устоявшихся в культуре стратегий действия Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, А. Камю, показывали, что именно этот параметр делает возможным появление в мире чего-то нового и тем самым выступает, по сути, условием творчества.

Именно на уровне желания человек – это открытый поиск. Максимализм желания далеко не пронизывающая характеристика человеческой жизни – мы можем и не хотеть не доступных для нас вещей, однако, сам

---

[11] Иванов Н.Б. Чаша Пандоры и чаша Цирцеи. О сценах сознания, ошибках природы и трансцендентальном энтузиазме // Метафизические исследования. – СПб., 1998. – №7. – С. 135.

факт желания – это всегда принуждение к изобретательству и открытию новых возможностей действия. Это хорошо описал Аристотель, определяя желание через понятие «способного принимать решения стремления». Согласно Аристотелю, в состоянии стремления мы принимаем решение не по поводу его цели – с ней дело может обстоять более или менее ясно, а относительно средств ее достижения. Поиск же пути обретения вожделенного объекта, исполнения избранной цели – это всегда процесс самораскрытия человека, расширение границ задействованных им ранее возможностей. Заметим при этом, что культурный мир, к которому принадлежал Аристотель – это мир *явного* блага: для греков классической эпохи вопрос «к чему именно должно стремиться?» непроблематичен, поскольку образцы наилучшей жизни здесь воплощены в людях-легендах – дерзких героях, хитроумных стратегах, мудрых политиках. Однако сам факт ориентации желания на хорошо известные реалии не устраняет из него драгоценный потенциал самосозидания действия, ведь осведомленность о совершенстве не отменяет его труднодостижимости, а значит и требует плодотворных решений относительно стратегии приближения к нему. Христианский мир сделал как минимум неочевидным существенное для Аристотеля и его современников наличие однозначных ориентиров человеческих устремлений. Состоявшееся в христианстве утверждение отсутствия полного знания относительно действий, с точностью гарантирующих человеку спасение, предопределило безграничность его желания. Вследствие этой культурного привнесения наиболее полное предъявление желания стало соответствовать вызову по отношению ко всему известному.

Однако, желание того, что еще только возможно, делает невозможным достижение удовлетворения в соответствии со всеми прежними рецептами культуры и заставляет человека производить нечто такое, чего еще не было. Отрицая возможность обретения желаемого в том, что есть, человек созидает ранее невиданное и таким образом расширяет спектр собственных взаимосвязей с миром. Поэтому неудовлетворимость желания должна быть понята как основа культурного созидания. Рассмотрение двух преимущественных механизмов культурной трансформации – труда и борьбы за признание наглядно демонстрирует специфическую организацию антропологического желания.

Рассмотрим, во-первых, различие между инстинктивным трудом животного и творческим трудом человека. Несмотря на множество производственных навыков и проявлений орудийности у животных (строительство плотин бобрами, мастерство по созданию четырех типов берлог медведей, удивительно тонкий подбор материала при витье гнезд сороками и т.д.), труд животного имеет непреодолимую натуральную предпосылку. Животные нечто изготовляют ради более успешного обитания в своей природной среде. Так муравейник – это прекрасное адаптивное приспособление муравья, без которого последнего просто бы не стало; паутина – идеальный орган охоты для столь близорукого охотника как паук. Входя в число видо-

вых адаптационных инстинктов, трудовые навыки не являются завоеванием отдельной особи. Постольку невозможно утверждать о каких-либо целях животного труда. Единственная его цель ставится не особью, но природой, заключающаяся в заботе о сохранении собственных видов.

Эта жесткая инстинктивная обусловленность трудовых проявлений животных объясняет причины их неизменного успеха в производственной сфере. Человек настолько не застрахован, поскольку для его трудовых актов свойственен творческий замысел. Иными словами, мотивом его трудовой активности может выступать стремление к улучшению уже существующего. Именно поэтому увеличение числа рукотворных артефактов не имеет ограничений, а сфера антропологических трудовых достижений имеет в себе и абсурдные, в биологической перспективе, изобретения. Например, в перспективе естественной жизни с неотъемлемым от нее инстинктом самосохранения строительство БАМ или освоение арктической акватории является чистым нонсенсом. Однако человек вовлекся и в то, и в другое. И его не остановили колоссальная растрата сил и всевозможные жизненные лишения при реализации этих проектов. Итак, если животное посредством труда протезирует, страхует собственное естество, то человек благодаря ему, напротив, удаляется от своей естественности, обнаруживает свойственную себе оторванность от всего натурального. С этим связан продуктивный потенциал техники – ее способность созидать не только предметные формы, но и открывать для человека новые опытные возможности.

Несмотря на очевидное несовершенство сознательно изготовленных чорудий, – они излишне хрупки, приводятся в действие только ценой известных усилий и времени, зачастую катастрофичны для человеческой жизни – само их использование способно расширять содержание человеческого опыта. Дело в том, технические приспособления могут побуждать человека к новым, на первый взгляд, напрямую не связанным с ними действиям.

Несомненно, в отношении удовлетворения естественных потребностей техника слабее природных орудий. Запекать утку в печи в любом случае затруднительней, чем справляться с ней при помощи клыков. Но привлечение техники при удовлетворении какой-нибудь потребности всегда мотивирует появление новой. Так приготовление утки взывает кулинара к расширению коммуникативного опыта: ведь чтобы приготовить, нужно знать, как именно это сделать. Здесь для современного человека содержится повод к штудированию технических паспортов и кулинарных книг, а для человека традиционной культуры – к общению поколений. Кроме того, хорошо приготовленную утку не хочется просто кидать на стол; стол, пополненный уткой, сам по себе принуждает к сервировке. И более: процедура общипывания может привести к появлению орнитологического интереса или к зарождению в нас этического принципа ах*и*мсы, означающего в джайнизме непричинение вреда всему живому, а прочтение технического

паспорта – пробудить в кулинаре жажду просвещения в области физики газов. Таким образом, рукотворные орудия в отличие от естественных не замыкают возможности их пользователя, а, напротив, расширяют их во всех направлениях (от перцепции до действия). Сужение поля человеческих возможностей вследствие технической оккупации жизненной среды наступает только в случае восприятия техники наподобие природных явлений. Когда функционирование какого-либо технического аппарата начинает выступать единственно возможным путем достижения определенной цели – становится столь же неотвратимым как дождь или снег, техника уже препятствует развитию человеческих способностей.

Итак, обусловленность неудовлетворимостью желания сферы труда проливает свет на истоки таких ее неотъемлемых характеристик как творческая инициатива и историческая значимость.

Помимо момента нехватки *специфика человеческого желания заключена в неотъемлемости от него стремления к признанию*. Человек не только хочет того, что еще отсутствует, но и жаждет, чтобы это желание удостоилось статусом ценности. Подробно рассматривая структуру преобразования животной природы в человеческую, Гегель выявил, что смертельная борьба за признание и предположенный ей риск жизнью заключает в себе возможность переключения от сугубо животных потребностей к человеческому желанию. И дело здесь вот в чем. Готовность проститься с жизнью исключительно ради престижа обусловлена невозможностью удовлетворения сугубо человеческого желания потреблением вещей. Для регистра человеческого желания характерно требование признания со стороны другого. Но так как другой – это воплощенная свобода, единственным путем подчинения его воли оказывается показ собственного несомненного превосходства. Таковой подразумевает способность отстаивать собственное желание, несмотря на угрозу жизни. Именно этот разрыв с биологическим, состоящей в риске жизнью исключительно ради славы, согласно Гегелю, и является механизмом обнаружения сугубо человеческой специфики – противопоставления ценности чести всем животным интересам. Действительно, не существует ни одного животного, которое способно уничтожить себя только ради признания. Животные не идут на риск ради обретения славы, поскольку последняя лишена инстинктивных оснований – сохранять и репродуцировать жизнь возможно вне всякого признания.

Риск жизнью как базовую структуру человечности наглядно демонстрируют те коллективы, для которых война является стационарным состоянием. Так, например, афганская культура пуштунов, описанная современным антропологом В.Тернером, превратила игру со смертью в основное социальное действие. Конечно, этологи нашли аналог такой поведенческой стратегии в животном мире: шимпанзе практикуют военные рейды в соседние стада вне каких-либо биологических мотиваций. Но, несмотря на наличие этих неутилитарных вылазок, которые не обусловлены ни по-

иском пищи, ни защитой жизни, а единственный смысл которых – установление или распространение господства, известно, что при минимальной опасности шимпанзе тут же отказывается от поведенческой стратегии агрессора. Даже самые жертвенные проявления животных – например, поведение самцов буйволов, заключающих при нападении хищников самок и детенышей в кольцо из собственных тел и до смерти держащих оборону, – работают на самосохранение вида. Тогда как человеческое желание всегда подразумевает принуждение другого к признанию его необходимости в мире; отстаивание утверждаемых ценностей в мягкой форме приводит к соревновательности, а в жесткой – к смертоносной борьбе. Такова почва таких сугубо человеческих потребностей как потребность в социальном статусе и уважении.

Кроме того, убедительным свидетельством момента необходимости признания в структуре человеческого желания выступает специфика человеческой любви. Во-первых, человек в отличие от животного способен стремиться к бытию в качестве желанного, то есть быть в поиске любви, круглый год. Сезонные циклы совершенно не причастны к таким тонким вопросам как желание любовной лихорадки: они никак не влияют на нашу жажду быть признанными кем-то в качестве уникальной ценности. А во-вторых, человеческая любовь действует всегда помимо каких-либо объективных шкал лучшего и худшего. Никакой механизм отбора более успешных представителей человечества не способен с однозначностью направлять наш любовный выбор, в то время как в животном мире именно он предопределяет избирательность объектов страсти. Классическим примером здесь выступают ритуальные бои животных, отсеивающие самцов, непригодных для брачного поведения. Это стремление быть однозначно желанным избранником зачастую приводит животных к казусу. Примером тому может послужить самец большого аргуса. Дело в том, что самка большого аргуса любовно реагирует только на длину перьев петуха, принимающих причудливые формы и окрашивающихся прекрасными орнаментами; единственный мотив возбуждения самки составляет именно превосходство самца на уровне длины и яркости маховых перьев. Вследствие этого ради достижения успеха в любовном соперничестве петухи отращивают настолько большие перья, что едва способны с помощью них летать[12]. На фоне этих примеров человек демонстрирует поистине необычную избирательность: женщина может предпочесть неудачника, а мужчина – отличать зачарованность искусственно спродуцированными знаками соблазна от любовной тяги к признанию со стороны поистине чуждого пола. Такова организация биологически немотивированной потребности в любви.

---

[12] См.: Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Лоренц К. Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008. – С.122.

Итак, *антропологическое желание с его осевыми параметрами нехватки и жажды признания представляет крону, на которой ветвятся такие фундаментальные человеческие потребности как потребность в труде, в социальном статусе, в уважении и в любви*. Причем непреодолимость этих параметров желания не позволяет человеку обрести удовлетворение в рамках реализации одной потребности в ряду вышеобозначенных; противопоставление себя собственной животной природе конкретизируется в чередующемся или одновременном удовлетворении этих сугубо человеческих потребностей, каждая из которых свидетельствует, что человек не очень-то верит в совершенство собственного врожденного естества.

Традиция как структура человеческого существования

Выйдя к двум основным структурам человеческого существования – живущему сознанию и неудовлетворимому желанию – мы увидели, каким образом они мотивируют потребность к творчеству (понятую во всем многообразии ее конкретизаций – труда, любви, социальной состязательности). Но творческое самообнаружение соответствует человеку далеко не всегда: «прекрасное редко и трудно», – как говорил нидерландский философ XVII века Б. Спиноза. В силу крайней степени трудоемкости творческого акта человек конструирует пространство, причастность к которому позволяет ему оставаться человеком вне творческого усилия. Это *пространство культурной традиции, состоящее из правил совместной жизни, которые устанавливает и воспроизводит определенная человеческая общность для сохранения своей стратегии жизнедеятельности*. В число таковых входят механизмы организации материального быта во всей его широте – от технического инвентаря до правил застройки, поведенческие каноны, системы запретов и социальных статусов. Но ядром традиции выступает своеобразие настроенности ее духа.

Каждая культурная традиция передает настрой, уникальное чувство жизни общности, подарившей ей существование. Поэтому для отдельного человека она предстает в качестве его духовного слуха, который, ничего не объясняя, задает его общее отношение к действительности и предопределяет его понимание конкретных реалий. Конечно, можно попытаться установить генез этого слуха, прибегая к понятию ценности. Как если бы общность отбирала в качестве образцовых наиболее яркие достижения собственных представителей, которые впоследствии и начинали выступать ориентирами для проживания других людей. Такой ход смысл имеет. Действительно, общеколлективные представления о наиболее выразительном, изобретательном и правильном (в смысле нашего понятия нравственности, но только в смысле, ведь таковая появится далеко не в начале культурной эволюции) влияют на наш опыт. Вот только критерий первоначального отбора этих превращающихся в легенды проявлений людей утаивается. Его невозможно свести к сугубо утилитарной пользе, как если бы сообщество запоминало только то, что открывает ему более легкие пути к достижению

материального интереса. Ведь, в конечном счете, выясняется, что поистине интересное любой культурной традиции никакого отношения к экономической выгоде не имеет. Например, явно экономически протестный культ нищеты, развиваемый Франциском Ассизским, сыграл необратимую роль в христианской культуре. А современные европейские ненцы при явлении северного сияния и по сей день откладывают все материально значимые для себя дела на потом, чтобы в бесчисленный раз стать его очевидцами.

Сосредоточенность на весомости духовных элементов (и, напротив, малозначимости – экономических, технических) культурной традиции была характерна для ее первых теорий, которые восходили к работе И.Г. Гердера и проходили через труды И.Г. Фихте, йенских романтиков и школы «немецкой органологии» (А. фон Мюллера, Л. фон Ранке) к идеям немецких младоконсерваторов (преимущественно – О. Шпенглера, М. Ван Ден Брука). В этом контексте были акцентированы иррациональные и даже мистические основания культурной традиции. Прибегая к различной аргументации, все данные мыслители утверждали, что *дух культуры* не укладывается в объяснительные схемы: в своих носителях он проявляется наподобие инстинкта, необходимости поступать только определенным образом. Определенность действия в данном случае понималась как воспроизведение принципов совместной жизни предков. Конечно, сила такого неосознаваемого властителя душевных и духовных свойств определенного народа раскрывалась по-разному: например, Гердер утверждал, что культура – это идея Бога, и постольку она воздействует на своих носителей с неизбежностью судьбы, Шпенглер в качестве основания культуры рассматривал «коллективный бессознательный символ», конденсирующий в себе память пространства, в котором она некогда возникала. Но, фиксируя иррациональное основание культурной традиции, все они приходили к единогласному выводу: человека она взывает к реальности рода, устоев предшествующих поколений, т.е. пробуждает в нем *потребность в сохранении чистоты уклада жизни предков, в очищении его от заимствованных элементов.*

Менее воинственные трактовки культурной традиции были разработаны культурными и социальными антропологами. В этом контексте под культурной традицией, как правило, подразумевалась *нормативная программа жизни, регулирующая все поведенческие ряды ее представителей*. Содержанием культурной традиции, согласно данному подходу, выступают установленные в качестве общепринятых каждодневные действия, осуществление которых автоматически проводит различие между «человеческим» и «нечеловеческим». Таким образом, под культурной традицией подразумевалось все то, что не могут не делать члены определенного коллектива, если, конечно, еще хотят считаться людьми. Неслучайно, что некоторые из сторонников данного подхода в своих исследованиях определенной культуры использовали метод включенного наблюдения, который предполагал, что антрополог поселяется в определенном коллективе и ве-

дет регулярную запись о действиях в нем проживающих людей. Таким образом выявлялись их наиболее довлеющие социальные привычки, на основании которых и формировался общий вывод о характере культурной традиции.

Нормативные модели действия, которые исследовали социальные и культурные антропологи, выступают предписаниями – культурная традиция предустанавливает их для собственных носителей. Это указывает на ее производящий характер. Речь идет о том, что культурная традиция – это не фон человеческой жизни, а ее содержание, в том смысле, что она указывает нам, как следует действовать в той или иной ситуации и проводить свою жизнь в целом. Рассмотрим этот момент на примере существующей в каждой культуре системы статусов.

Согласно советскому культурологу М.К. Петрову, совокупность статусов, фиксирующих необходимые культуре человеческие навыки и транслирующих их содержание посредством приучения к ним индивидов, определяет культуру в целом. Каждый статус представляет собой предписание относительно того, что необходимо делать, чтобы соответствовать определенному социальному положению. И, заметим, статусы не обязательно связаны с хозяйственной сферой жизни. Они передают не только профессиональные навыки, сохраняемые в определенном коллективе, но и рецепты необходимых для освоения какой-либо из существующих в нем идентичностей действий. Именно их задействуют повседневные воспитательные практики. Например, современной европейской девочке трех лет, слезно молящей о покупке пистолета, мать говорит: «Зачем тебе пистолет, ты же – девочка? Давай лучше купим куклу и банты!». Так стартует научение бытию женщины, подразумевающее освоение навыков соблазна и материнства.

Американский антрополог М. Мид писала, что один из наиболее верных способов понимания культуры состоит в выяснении, какая биография считается в ней примером успешности. Основанием для этого высказывания выступило понимание того, что биография счастливчика как раз и состоит из перечисления действительно значимых для культуры навыков. Ясно, что подобного рода литературный жанр меняется в зависимости от исторического периода и от культурной принадлежности его объекта, поскольку описываемые им навыки культурно-исторически детерминированы. Так, в описаниях красивого человека в не соприкасающихся друг с другом культур мы навряд ли обнаружим сходства. Например, идентичность «красивой женщины» для жительниц Меланезии предполагает нанесение ритуальных рассечек и постоянное питание сложно вылавливаемой рыбой перегу[13], в то время как миллионы ныне живущих европеек с какой-то нечеловеческой настойчивостью заняты потерей времени собственной жизни в фитнес клубах, косметологических центрах, прогулках по косме-

[13] См.: Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 707.

тическим магазинам, только ради овладения знаками собственной «естественной», «природной» привлекательности.

Все это демонстрирует, что культурная традиция ритуализирует наши действия – подчиняет их поведенческим образцам, которые приняты для той или иной сферы жизни. Чтобы показать, как это фактически реализуется, американский социолог И. Гофман создал теорию фреймов. Фрейм – это участок социального пространства, предполагающий определенный канон поведения и речи. Вся социальная реальность, согласно Гофману, раздроблена на фреймы, попадание в которые сопровождается сигналом о себе. Например, белый халат медика уже настраивает нас на вполне определенный стиль поведения и речи. На его вопрос: «Как Вы себя чувствуете?», мы, несмотря на то, что вопрос многозначен, отвечаем, сообщая о состоянии здоровья, а не, скажем, о наших душевных смутах или жизненных перипетиях. Кроме того, мы, как правило, без возмущения допускаем его к собственному телу, хотя за пределами клиники реакция на его свойское обращение с нашим телом может быть различной.

Но, несмотря на все эти стабилизирующие механизмы, культурные традиции знают изменения. В их основании – создание отдельным индивидом нового эффективного алгоритма действия. Если основным источником рождения творческого действия в архаических культурах является чистая случайность, то для европейской культуры, прошедшей через христианский опыт личного подвига, таковым является уникальное событие живущего сознания. Через акт осознания единичности собственного положения в мире и отсутствия его выражения в пространстве объективированной культуры, человек переходит к творческому действию, которое манифестирует эксклюзивность его позиции. Так рождаются не сравнимые ни с чем поступки, языки, художественные образы, теории. Возникая как протест незыблемости культурной традиции, именно они передают уникальность персонального переживания мира. Русский философ М. Бахтин назовет эти манифестации «ответственным бытием-событием поступающего сознания», французский мыслитель А. Камю опознает в них «единственную практику бесподобности человеческого желания и ясности ума». В обоих контекстах речь идет о содержательном превышении творческого поступка нормативное поведение в силу характерности для первого переструктурирования привычных связей человеческого опыта.

Именно поэтому поэзия языка и поэзия жизни, несмотря на заложенный в себе потенциал расширения человеческого опыта, рождается и существует всегда на обочине культуры. Безумное поведение и заумное использование языка как пределы творческого акта, предлагая сообществу новую, но рисковую программу жизни, всегда обречено на маргинальный способ существования. Несомненно, трудно представить культуру, где непредсказуемый характер действия безумца стал бы всеобщей нормой, или где бы была легитимирована техника диалогического общения, напоминающую ту, что создал великий поэт XX века В. Хлебников: « – Ла-ла сов!

Ли-ли соб! // Жун-жан – соб леле. // Соб Леле! Ла, ла, соб. // Жун-жан! Жун-жан!» // « – Ио ио цолк. // Цио иа пацо! // Пиц пацо! Пиц пацо! // Ио иа цолк! // Дынза, дынза, дынза!»[14]. Хотя именно последние, производя революционную реорганизацию способа жизни и языка, спасают культуру от впадения в застой.

Итак, культурная традиция – это программа самосохранения коллектива, обеспечивающая устойчивость его привычного образа жизни. *Основанием потребности в безопасности жизни, выраженной в необходимости питания, сна, жилища и одежды для человека, служат именно культурная традиция, а не человеческое естество*. Например, все представители человеческого рода, как, впрочем, и животного мира, конечно, спят, но в отношении человека куда важней рассмотрение, как именно он это делает. Для средневекового английского феодала, состоятельного, заметим, вплоть до XII в. совершенно нормально было спать в одном помещении со всеми его посетителями (а таковых было немало) и пользоваться в случае необходимости соломенной подушкой; нетрудно догадаться о реакции успешного современного европейца, предложи ему такие условия сна. Показателен в отношении коррекции культурной традицией наших естественных потребностей и рвотный рефлекс, возникающий у современного европейца уже только от одного представления возможности отобедать в лучших традициях ненецкой кулинарии – строганиной и подсоленной оленьей кровью. И подобных примеров – множество. Иными словами, культурная привычка, которая, согласно А.С. Пушкину, «свыше нам дана: замена счастию она», задает содержание естественных потребностей; *уже на уровне своеобразия вида, в котором заявляют о себе наши естественные нужды, мы проявляем себя как носители определенного культурного опыта, нормы которого, впрочем, врастают в нас куда глубже, сказываясь также на наших душевных и духовых запросах.*

Язык как структура человеческого существования

В предыдущем разделе мы показали, что человеческая жизнь – это всегда жизнь в захваченности культурной традицией. Для человека никакая естественная жизнь невозможна – даже убегая от культуры (ведя жизнь отшельника, предпочитая коммуны, закрытые от воздействия больших культурных миров), он берет с собой определенные культурные навыки. И существует среда, попав однажды в которую, человек уже не сможет никогда ускользнуть от культуры. Это язык. Речь идет об особой проявленности языка – о *совокупности повсеместно используемых в культуре канонов выражения*. Под последними имеются в виду способы построения высказывания, которые своей определенностью задают наше понимание вещей и как следствие – и отправляемых в отношении них действий. Они передают значения, которые культура предписывает вещам и событиям. По-

[14] Хлебников В. Ночь в Галиции // Хлебников В. Творения. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 90-91

этому в результате их научения человек осваивает известные его культуре стратегии понимания и использования вещей, модели трактовки и отношения к событиям.

Но *язык – это не только воспроизводство установленных способов высказывания*. В той его форме, которая дана человеку, он допускает и *построение новых*. Это продуктивный момент языка. Именно им человеческий язык отличается от сигнального кода животных, для которого характерны «постоянство содержания, неизменность сообщения, отнесенность к одной единственной ситуации, неразложимость сообщения, однонаправленность его передачи»[15]. Коммуникационная возможность животных ограничена заранее сформулированными откликами на типичные ситуации. Подобной рамки для человеческого языка не существует. Человеческое высказывание не привязано к определенной ситуации.

Дело в том, что животная коммуникация является одним из проявлений жестко детерминированной природы животных. Сигналы животных привязаны к инстинктивным программам, способствующим выживанию и воспроизводству вида. Именно это качество обеспечивает абсолютный успех реализуемой здесь коммуникации. Например, трубный клич слона однозначно понимается всем стадом как предупреждение об опасности, шипение прижавшей уши кошки считывается ее сородичами как знак угрозы. Поэтому внутривидовое понимание для животных непроблематично, но по-новому передать, выразить ситуацию они неспособны. Выражаясь метафорически, у них все время одни и те же темы для «разговора», поскольку их коммуникативный ресурс неотрывен от характерных для их существования обстоятельств. Так советский палеопсихолог Б. Поршнев вслед за рядом этологов показывал, что столкновение животного с непривычной ситуацией не приводит к синтезу нового сигнала – напряжение от неизвестного оно сбрасывает в неадекватный рефлекс. Например, горилла в нетипичных ситуациях начинает почесываться, зевать и производить ряд иных совершенно неинформативных по отношению к ситуации действий.

Человек в силу нетипичности своего существования – его оторванности от инстинктов – *открыт к любому из существующих языков*. Кроме того, он способен не только кодировать ситуацию в знак, но и *создавать новое высказывание на все ранее сформулированные* – говорить о типичном нетипично.

Чем обусловлена данная возможность? Дело в том, что человек способен не понимать вещи и события, смысл которых установлен. Эта одна из наиболее продуктивных его способностей. Речь идет не о незнании каких-либо известных реалий, а об обнаружении недостаточности установленных в отношении них трактовок. Когда мы открываем в вещах какие-либо стороны, не освещенные принятыми в отношении их понятиями, мы отказываемся от их привычного понимания. Именно этот отказ способен привести нас к созданию новых понятий, новых высказываний о вещах.

---

[15] Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 102.

Так, всем нам известно, что если наш опыт столкновения с непонятным выражается на привычном языке, то переживание утраты емкости события появляется уже в момент артикуляции. А чувство косности слова – это сильный провокатор для создания новой экспрессивной стратегии.

Иными словами, межчеловеческая коммуникация во всей совокупности ее проявлений (слово, мимика, жест) превышает автоматически отправляемые сигналы. Она не только инструмент для обозначения привычных вещей, но и чудесная способность для превращения их в непривычные. В отличие от коммуникации животных человеческая речь может иметь собственным предметом принципиально непонятное и как следствие – создавать новые выразительные подступы к нему. Когда речь строится только лишь из стереотипных высказываний, она превращается в болтовню, которая не обременяет себя поиском отвечающих событию слов. Но таковая в границах человеческого опыта предстает в буквальном смысле слова «дурацкой». Советский философ языка и литературовед Ю.М. Лотман приводит показательный анекдот об языковой инертности дурака, не способного высказать ничего нового: «Встречает человек двух дерущихся мужиков и вследствие своего молчаливого разглядывания происходящего оказывается избит, приходит домой и жалуется матери, на что та отвечает: “Ну и дурак же ты”, ведь можно было бы догадаться сказать: “Сейчас совет вам добрый дам, скорей расстаться надо вам”. В следующий раз этот же человек встречает свадьбу и, вспомнив материнское напутствие, говорит: «Сейчас совет вам добрый дам, скорей расстаться надо вам». Позже повествуя об этом матери, вызывает ее причитания: “Ну, какой же ты у меня дурак, следовало сказать: “Живите дружною семьей, куда один, туда другой”. Выйдя на улицу и встретив похоронную процессию, дурак с полным чувством собственного достоинства произносит: “Живите дружною семьей, куда один, туда другой”»[16].

Иначе говоря, *уникальной характеристикой человеческого языка* является присущая ему свобода оперирования с непонятным – *возможность конструирования осмысленного высказывания о неизвестном ранее.* Ангелы, как говорил Данте, не имеют языка, ибо они лицезрят бесконечность во всей полноте и постольку слишком счастливы, чтобы говорить о чем-то. Животные, продолжает Данте, также не имеют языка, потому что для всего, что они воспринимают чувствами, существует заранее заготовленный инстинктивный ответ. Человек, одновременно лишенный полноты бесконечности и инстинктивной оснащенности, всегда нечто недопонимает в порядке существования и именно постольку обращается к новым формам высказывания. Постольку *потребность в коммуникации*, основанием для которой служит непреодолимое наличие множества языков, имеет парадоксальный мотив. Наше общение вызвано жаждой встречи с труднопонимаемым; именно поэтому *мы считаем интересными собеседниками имен-*

[16] См.: Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2001. – С.41-42.

но тех, кто, формируя нетипичные выражения реальности, приостанавливает устоявшиеся, автоматические формы понимания. Сверх этого: познавательная и социальная продуктивность совместного коммуникативного опыта измеряется степенью неизведанности реальности, открываемой языком собеседника.

Взаимосвязь основных структур человеческого бытия и сущностно-человеческих потребностей

Проведенное выше рассмотрение специфики человеческого существования выявило, что его основные структуры определяют основные человеческие потребности. Так *потребность в творческом действии и в выражении своей индивидуальности есть следствие опыта живущего сознания.* Именно на этом уровне человек способен формировать различные конфигурации вещей, сочетать их абсолютно по-новому; обновляя в различных планах (художественном, научном, этическом и т.д.) таким образом реальность, человек раскрывает неповторимость собственного существования. *Трудовая потребность и потребность в социальном признании держатся на неудовлетворенности человеческого желания естественным порядком вещей.* Не находя желаемый объект в природном универсуме, человек усилием воображения формирует его и реализует данный образ в творческом трудовом действии; либо – придает желанию другого статус абсолютной ценности и реализует таким образом *опыт любви, выходящий за рамки естественных инстинктов самосохранения и воспроизводства*. *Потребность в общении*, в свою очередь, *есть живое наследие языкового характера человеческого бытия*, в специфике которого – *расширять границы понятного посредством выхода к еще не высказанным проявлениям реальности*. *Все проявления потребности в самосохранении формируются характером культурной традиции, которая корректирует биологический компонент существования человека сообразно со своей внутренней логикой.*

Резюме

Своеобразие человеческого бытия состоит в том, что его значение дано всегда только в возможности, исполнение которой требует от каждого отдельного человека волевого усилия. Именно поэтому человек в собственном бытии есть свободная обращенность к себе и к окружающему его миру, которая выражается в неизвестных и, более того, в абсурдных для природного мира действиях. Живущее сознание, неудовлетворимое желание, культурная традиция, язык – вот ключевые условия для всего многообразия возможностей самообращенности человека. Сущностно-человеческие потребности являются прямыми следствиями подобной структурированности человеческого бытия. Так потребность в творческом действии и в выражении индивидуальности есть результат активности присущего человеку сознания. Сознание – это сфера абсолютной автономии, т.е. самоконструирования и саморазвертывания. Говоря проще, на уровне со-

знания человек не зависит ни от чего другого – начало и результат здесь происходящего – это он сам. Вот почему именно сознание позволяет ему созидать новые смыслы, которые к его личному существованию имеют не косвенное, но самое прямое отношение. Потребность в творческом труде, потребность в уважении, в социальном признании и в любви связаны со структурой человеческого желания. Оно устроено таким образом, что человеку свойственно не удовлетворяться тем, что есть. В силу этого он ставит перед собой цели, связанные с отсутствующими в мире реалиями, и старается воплотить их. Такова основа творческого труда. Но человек не успокаивается на осуществление грезы – сама природа его желания толкает его на ряд действий, в результате которых кто-либо другой должен ощутить силу и признать значимость его устремлений. Отсюда – требования уважения и социального признания, присущие человеку. Человеческая потребность в любви интересна тем, что она выходит за пределы потребностей в воспроизводстве и в самосохранении. Реализуя ее, мы придаем желанию другого статус абсолютной ценности; ради его сохранения отваживаемся на поистине рисковые поступки и понимаем его б*о*льшую весомость по сравнению с зачастую сопровождающим любовь воспроизводством рода. Именно в этих характеристиках любви обнаруживает себя вновь стремление к признанию человеческого желания. Через потребность в общении раскрывается язык как структура человека. Мы испытываем радость от общения только с теми собеседниками, которые дарят нам нетривиальный взгляд на вещи (предоставляют его сами или, напротив, ходом беседы позволяют ему родиться у нас). Так в нас заявляет о себе язык, которому свойственно стремиться к высказыванию о типичном нетипичным образом. Принципы совместной жизни людей, характерные для родной человеку культурной традиции, формируют все проявления его потребности в самосохранении. «Естественным» человек является только в младенчестве и лишь в некоторых экстремальных ситуациях, в остальном же времени жизни его биологические запросы откорректированы культурой.

Вопросы для повторения и обсуждения:

1. Какие признаки человеческой уникальности Вам известны?
2. Что характерно для человеческого сознания? Какой параметр сознания обуславливает человеческие потребности в творчестве и в выражении индивидуальности?
3. В каких потребностях человека обнаруживают себя такие параметры человеческого желания как нехватка и необходимость признания? Обоснуйте свой ответ.
4. Каким образом культурные нормы влияют на различные проявления потребности в самосохранении? Приведите примеры культурного воздействия на потребности в питании, сне, движении, жилище.
5. Раскройте различия человеческого языка и животной коммуникации.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОСНОВНАЯ:

1. Вальверде К. Философская антропология. – М., 2001. – Гл. 4.
2. Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994.
3. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М.: «Прогресс», 1988.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Мамардашвили М. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: «Прогресс», 1992.
2. Мамфорд Л. Миф машины. – М., 2001. – Гл.2-4.
3. Марсель Г. Быть и иметь. – Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994.

ЧАСТЬ II.
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ КАК СОЦИОПРИРОДНОМ СУЩЕСТВЕ

ГЛАВА 2.
ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНТРОПОМЕРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

§2.1 Основные гипотезы антропогенеза

Основания постановки проблемы антропогенеза

Понятие «антропогенез» (от греч. anthropos – «человек» и genesis – «происхождение») означает историческое происхождение человека в биологическом, психическом и социокультурном плане и, таким образом, описывает становление человека как вида.

Данный процесс сложен и многогранен и потому его изучение предполагает рассмотрение целого ряда общих и частных проблем. Укажем на основные из них. Что именно отличает человека от животных? Исследователи антропогенеза в качестве соответствующих характеристик, как правило, называют разум (абстрактно-понятийное мышление), общественные взаимоотношения, коллективную память, членораздельную речь, осмысленный труд, а также указывают на специфические биологические параметры человека – такие, как прямохождение, объем мозга, перпендикулярное положение большого пальца руки по отношению к остальным. Каким образом и почему возникли названные атрибуты человека? И стоит ли вообще искать однозначные отличительные признаки, выделяемые для всей истории развития человека? Имеет ли смысл по отношению к происхождению человека предполагать чудотворения, участие божественной воли, которое отстаивают сторонники креационизма? Если положение дел действительно таково, то ответ на вопрос о причине появления человека, конечно, найден, но осмысление этого процесса покидает область науки. Или «почти» сходная с человеком специфика имелась и у животных, а у людей, развиваясь «мало-помалу», «постепенно», она предстала наконец в развернутом виде? В таком случае – почему это произошло? Ведь понятие постепенности развития ни в коей мере не вскрывает породившие его причины. В свою очередь в псевдонаучной литературе, рассчитанной на падкого до сенсаций обывателя, освещалась и фантастическая гипотеза занесения человека на Землю инопланетной цивилизацией. Эта гипотеза опровергается не столько фактом значительной генетической близости человека к другим земным существам (прежде всего – к другим высшим приматам), сколько тем, что в рамках ее даже не предпринимается попытка дать какое-либо объяснение феномену возникновения разумной жизни на другой планете.

Эволюционные теории антропогенеза

Эволюционизм (от лат. evolutio – «развертывание») – общее название концепций, утверждающих, что все ныне существующие организмы произошли от ранее существовавших путем длительного постепенного изменения под воздействием внешних и внутренних факторов.

Рассмотрим некоторые попытки применить к антропогенезу категорию причинности в рамках эволюционного подхода. **Трудовая теория,** основанная на дарвинизме и восходящая к взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса на труд, – это наиболее известная эволюционная теория, имеющая множество сторонников, но вместе с тем и бесчисленных критиков, раскрывающих с различных теоретических позиций недостаток ее объяснительной силы.

Переворот в биологии, совершенный Ч. Дарвином в середине XIX в., впоследствии навеки связался с тезисом «человек произошел от обезьяны». Однако данный тезис Дарвину не принадлежит. Это вывод, сделанный из его теории видообразования К. Фохтом, Т. Гексли, Э. Геккелем в 1863 г. Впоследствии Геккель обосновал, что дистанция между высшими антропоморфными обезьянами, или антропоидами, и человеком все же слишком велика: здесь должен быть промежуточный родственник. В 1866 г. Геккель и Фохт выдвинули идею происхождения человека не непосредственно от обезьяны, а от посредствующего вида – обезьяночеловека (по-гречески – «питекантропа»).

Трудовая теория антропогенеза была изложена Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1896). Энгельс предположил существование сложного маятникообразного движения от биологических к качественно новым социальным закономерностям и обратно. В силу изменения природных условий жизни будущий человек в собственной деятельности стал чаще использовать камни, палки; кроме того, он вынужден был распрямиться для лучшей ориентации в условиях изменившегося рельефа. Это стимулировало развитие простейших трудовых навыков, которые, в свою очередь, привели к изменению строения руки. Освобожденная от участия в передвижении, рука стала органом и одновременно продуктом труда. Производство орудий труда послужило импульсом для развития речи: орудийная деятельность выступила тем коллективным процессом, включенность в который вызвала у людей «потребность что-то сказать друг другу», сформировала «предмет» для разговора, вследствие чего гортань изменила свою структуру, что и выступило биологической предпосылкой для развития речи. Открытие подобной последовательности взаимосвязей выступило для Энгельса основным аргументом в пользу обоснования *труда как фактора превращения обезьяны в человека и вместе с тем главного отличительного признака человека от животных*. Дело в том, что животные «трудятся» инстинктивно, а люди – целенаправленно, осмысленно, имея в уме предполагаемый результат. Этим, по острому выражению К. Маркса, наихудший архитектор отличает-

ся от наилучшей пчелы. Иными словами, некоторые животные, попав в кризисную экологическую ситуацию, освоили трудовые навыки, животным не свойственные.

«Звено», которого недоставало теории антропогенеза, основанной на *симиализме* (от лат. simia «обезьяна»), в 1860-е гг. представлялось единственным связующим и по своим признакам чем-то средним между обезьяной и человеком. Впоследствии, благодаря успехам археологии, было открыто очень много подобных звеньев: перед учеными умами прошел целый «парад» многообразных существ, которых эволюционная теория поставила между ископаемыми высшими обезьянами и человеком современного вида. Считать ли их обезьянами с примесью человеческих черт или людьми с примесью черт обезьяньих? Обнаружение ископаемых этих «средних» существ, привело выдающегося палеопсихолога XX века, создателя оригинальной **эволюционной теории антропогенеза Б.Ф. Поршнева** к заключению о наличие на первоначальной арене человеческой истории животного вида, представители которого ничуть не являются ни обезьянами, ни людьми. Проведя их обширное исследование в работе «О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии», ученый, чтобы не употреблять термин «обезьяночеловек», предложил называть их троглодитидами. Это были существа прямоходящие, но бессловесные, независимо от того, изготовляли они орудия или нет; они заняли, по мнению Поршнева, экологическую нишу некрофагов (поедателей падали), поскольку не могли конкурентно бороться за пищу с высокоспециализированными для охоты хищниками. Благодаря применению тяжелых и острых камней, троглодитиды стали высоко оснащенными раскалывателями, разбивателями, расчленителями крепких органических покровов. Тот же самый механизм раскалывания был перенесен ими и на сами камни для получения лучших рубящих и режущих свойств. Поршнев прослеживает, как в популяции троглодитид от архантропов (древнейших из гоминид – ископаемых человекообразных существ) отделились палеоантропы (древние гоминиды), усовершенствовавшие свою способность находить мясную пищу в самых разнообразных ландшафтах, жить в симбиозе с различными животными. Но и на них надвигался экологический кризис, связанный с колебаниями численности хищников и травоядных. *Теория антропогенеза, таким образом, призвана объяснить, как именно произошло расхождение (дивергенция) между палеоантропами (древними людьми) и неоантропами (людьми в собственном смысле слова).*

Главным отличием человека от животных Поршнев считал наличие *второй сигнальной системы.* Данное понятие было введено русским физиологом И.П. Павловым в связи с тем, что мозг животного отвечает лишь на непосредственные раздражения (зрительные, звуковые и др.) или их следы; возникающие в результате этих ответов ощущения и составляют первую сигнальную систему. Человек же сверх этого способен обобщать при помощи слова бесчисленные сигналы первой сигнальной системы, при

этом слово само начинает функционировать в качестве сигнала. Таким образом, вторая сигнальная система – это система речевых сигналов и особая, свойственная только человеку форма высшей нервной деятельности.

Согласно Поршневу, речевая деятельность определяет в конечном счете все свойства и процессы человеческой психики. Она позволяет обобщать опыт, воплощать мысль, осуществлять общение между людьми. Целенаправленная деятельность человека, в том числе и труд, отличный от механического, инстинктивного труда животных, предполагает сознательную цель, которая по аналогии с законом определяет способ и характер его действий. В качестве этой цели может предстать экстероинструкция (команда) или аутоинструкция (намерение, план, замысел). Человеческий труд, таким образом, производен от способности человека формулировать для себя подобную инструкцию.

К речевым механизмам мозга относятся не только участки, управляющие собственно аппаратом речи, но и лобные доли, которые дирижируют всем поведением, затормаживая все не отвечающие сформированному требованию импульсы и мотивы. Итак, *вторая сигнальная система человека тормозит выполнение команд его первой сигнальной системы и стимулирует такие действия индивида, которые не являются прямым реагированием на среду.*

Кроме того, применительно к ситуации межиндивидуального взаимодействия вторая сигнальная система обеспечивает возможность *суггестии* (внушения), то есть побуждения к реакции, противоречащей рефлекторным побуждениям организма. Поршнев рассматривает суггестию в качестве ядра речевого общения, выделяя две фазы воздействия человека на человека: 1) фаза отмены определенных реакций, обозначаемая Поршневым понятием *интердикции* (запрета); 2) фаза *прескрипции* (предписания), подразумевающая приказ произвести определенное действие благодаря принудительной, суггестирующей силе слова.

Еще одним важным понятием для Поршнева является *торможение.* В каждом живом теле нет, очевидно, ни одной мышцы, ни одной железы, которые не получали бы в каждый данный момент бодрствования больших или малых импульсов возбуждения от каждого участка сенсорно-анализаторной системы. Однако они все бездействуют, все заторможены. Это торможение обусловлено запуском *тормозной доминанты – механизма выделения наиболее неотъемлемых на данный момент времени импульсов организма посредством глушения всех остальных*. Изучив данный психофизиологический феномен, Поршнев утверждает, что в высшей нервной деятельности животных налицо нечто, что могло бы быть охарактеризовано как противоположное, обратное их биологически рациональному рефлекторному функционированию. Как же совершился переход к специфической только для человека форме торможения? Отвечая на этот вопрос, Поршнев обращается к феномену неадекватных рефлексов.

Неадекватные рефлексы – это сопутствующие, явно не адекватные раздражителю реакции, наблюдаемые в моменты столкновения тормозного и возбудительного процессов. Например, у обезьян наблюдаются следующие типы неадекватных реакций: 1) отрицательные реакции – движение «от» вместо движения «к» (отбегание от кормушки вместо подбегания, отворачивание, зевание, крики и др.); 2) реакции на окружающую обстановку – разрушительные и ориентировочные действия, например ковыряние стен или пола, расчленение предметов, манипулирование ими и др.; 3) реакция «на себя» – почесывание, облизывание, обнюхивание, рассматривание себя и т.п. Согласно Поршневу, «депо неадекватных рефлексов» характерное для предковой формы человека, было куда большим, чем у современных высших животных. Какова же их роль в антропогенезе при становлении второй сигнальной системы? *Собственно интердикцией*, по мнению Поршнева, *следует назвать такое воздействие неадекватного рефлекса, когда он, давая пример для имитации, провоцирует в другом организме активное торможение и тем самым временно «запрещает» это действие.* В таком случае исходное звено перестает быть собственно неадекватным рефлексом, а может биологически закрепиться просто как акт воздействия на поведение другого индивида.

Дело в том, что сила имитации заразительна помимо какого бы то ни было подкрепления. Имитация (подражательное поведение) очень распространена в природе, но подражательный рефлекс этологи обычно фиксируют у «зрителя» – особи, заимствующей чуждую поведенческую активность. Поршнев же предположил, что *у приматов стал развиваться и иной механизм имитации – активное стимулирование «актером» подражательного механизма «зрителя».* Например, когда механизм «доминирования» вожака, полезный в стае, становится вредным и жизненно опасным в больших скоплениях, его возможно приостановить при помощи интердикции: члены стада могут прервать командный сигнал вожака, дистантно вызвав у него, скажем, почесывание в затылке, или зевание, или засыпание, или еще какую-либо реакцию, неодолимо провоцирующую в нем подражание.

Поршнев допускает, что у высокоорганизованных предков человека были гигантские возможности активного воздействия на центральную нервную систему животных. Если не усматривать в доисторическом прошлом обязательно войну нашего предка со всем животным миром, то откроется широчайшее поле для реконструкции его тесной и бескровной связи с различными живыми существами. Вероятно, палеоантроп был способен вызывать имитативно-интердиктивную реакцию у животных, подражая их видовым голосам, в немалой части представлявшим собой неадекватные рефлексы. Поздние мустьерцы (гоминиды, жившие 100-35 тыс. лет назад, в так называемую мустьерскую эпоху), освоив сигнальную интердикцию в отношении зверей и птиц, наконец, возымели тенденцию все более распространять ее и на себе подобных. Те, кто испытывал на себе силу

внушения, чтобы окончательно не превратится в объект манипуляции, воспитали в себе нейрофизиологический механизм противодействия, то есть способность невнушаемости, неконтактности.

Таковым являлось начало дивергенции палеоантропов и неоантропов, в ситуации которой будущий человек выстроил дистантные отношения с собственным предковым видом. По предположению Поршнева, неоантропы стремились отселиться как можно дальше от палеоантропов, передвигались по водным путям, рекам и океанам на бревнах. Позже процесс взрывного расселения неоантропов, бегущих от палеоантропов, сменится процессом освоения практики соседства: люди станут возвращаться к людям или оставаться среди людей – так начнется история человечества.

Итак, *вторая сигнальная система родилась на фундаменте интердикции. Это был объективный механизм межиндивидуального воздействия на поведение. Затем возникла «интердикция интердикции» – свойственный только Homo sapiens защитный механизм от манипулирующего поведением воздействия*.

Креационистские концепции антропогенеза

Креационизм (от лат. creatio – «творение») – общее название концепций, в рамках которых основные формы органического мира, человечество, планета Земля и мир в целом рассматриваются как созданные Богом.

Термин *«креационизм»* обозначает чрезвычайно широкий спектр концепций – теологических (богословских), философских и претендующих на принадлежность к естественнонаучному знанию. Мыслители из числа креационистов занимают различные позиции – от последовательного возражения против любых эволюционных теорий антропо- и космогенеза до признания самой эволюции и естественного отбора важными факторами человекообразования и инструментами божественной воли. Можно сказать, что креационизм в некоторых своих современных разновидностях борется с эволюционизмом на его же территории, заимствуя у него максимальное количество постулатов.

Богословские концепции креационизма подразделяют на несколько типов. *1. Буквалистский креационизм* настаивает на строго буквальном понимании священных текстов: например, наиболее консервативно настроенные православные христиане полагают, что весь мир был создан Богом немногим более семи с половиной тысяч лет назад в течение шести дней (а человек, соответственно, в последний из них), опираясь в этом на буквальное прочтение ветхозаветной Книги Бытия. *2. Метафорический креационизм* представляет христианские «шесть дней творения» как универсальную метафору, иносказание, обозначающее огромные отрезки времени, длительностью в миллионы и миллиарды лет. К метафорическому креационизму относятся а) *концепции постепенного творения* – непрерывно направляемого Богом процесса изменения и появления биологических видов, исключающего, однако, такие факторы, как эволюция и естественный

отбор; б) *концепции эволюционного креационизма*, которые рассматривают эволюцию как орудие Творца и его замысла в отношении мира и человека. Однако и в последнем случае, когда по отношению к человеку применяются такие понятия, как «эволюция», «видообразование», божественный акт сотворения бессмертной человеческой души считается недоступным научному пониманию. Приведенная типология разработана, прежде всего, для христианских конфессий, но к тому или ином типу в рамках нее могут быть отнесены и креационистские воззрения других религий.

Креационистские теории, претендующие на научность, дистанцируются от религии, однако предполагают наличие Творца, устроившего сложный и целесообразный мир живых существ. Пример – так называемая **теория разумного замысла**, опирающаяся на антропный принцип. Согласно данному принципу («слабый антропный принцип»), наблюдаемые во вселенной соотношения между фундаментальными физическими параметрами, которые способны привести к возникновению разумной жизни, потому имеют место, что только в такой вселенной мог возникнуть человек. Иными словами, *вселенная должна иметь свойства, позволяющие развиться разумной жизни, или же* – («сильный антропный принцип») – *вселенной нужен наблюдатель – разумный человек, и потому она такова, какой мы ее знаем***.** Сторонники теории разумного замысла делают на основании сказанного далеко идущий вывод: *поскольку свойства вселенной, обусловившие наше бытие, наблюдаются в самом деле, значит, существует проект Творца по созданию человека*.

Яркий пример синтеза религиозных, философских, культурологических, естественнонаучных идей являют собой работы Пьера Тейяра де Шардена – геолога, палеонтолога, археолога, антрополога, католического священника и богослова. Главным его трудами являются «Божественная Среда» и «Феномен человека». Данный автор, наряду с В.И. Вернадским, считается создателем теории *ноосферы* (сферы разума). Ноосфера, согласно Тейяру де Шардену, – это особая «мыслящая» оболочка Земли, воплощением которой стал человек как единственное думающее существо. *Божественное начало в форме жизненной энергии пронизывает всю вселенную в ее неорганической, а потом и в органической части, постепенно усложняет и совершенствует мир.* С моментом гоминизации (от лат. homo – «человек») Земля «меняет кожу», более того, она «обретает душу», начинает двигаться «вперед» и «ввысь» к некоей «точке Омега», где произойдет слияние человека с Божеством. Значит, с возникновением человека эволюция не заканчивается. Тейяр де Шарден выделяет четыре ступени божественного промысла: преджизнь, жизнь, мысль, сверхжизнь. В настоящее время человечество находится на третьей стадии развития и его задачей является поиск путей вхождения в четвертую, заключительную фазу, когда достигшее совершенства сознание отделится от материально исчерпавшей себя планеты, чтобы объединиться с Богом. Таким образом, поня-

тия эволюции, с одной стороны, и конца света – с другой одинаково легко находят себе место в рамках концепции данного креациониста.

Психоделическая теория Т. Маккенны

Еще одну оригинальную концепцию антропогенеза, трактующую (аналогично теории Поршнева) сбой психики животного предка человека в качестве истока человекообразования, создает современный американский этноботаник и культуролог Теренс Маккенна.

В работе «Пища Богов» Маккенна постулирует, что основными феноменами, обусловившими превращение наших обезьяньих предков в человека, выступили язык и воображение. Воображение данный автор не отделяет от познавательной деятельности, понимая последнюю через широкий спектр разнообразных видов человеческой активности: в него входят такие сугубо человеческие действия, как танец, философия, живопись, поэзия, спорт, размышление, эротическая фантазия, политика и экстатическое самоопьянение. Таким образом, *язык и воображение* для Маккенны – *атрибуты человека и только его одного, но вместе с тем и факторы, превратившие животное в человека*.

Саму первоначальную возможность развить познание и самопознание, быстро перерабатывать информацию наши предки получили благодаря симбиозу с психоактивными грибами и растениями, содержащими психоделические вещества, например, псилоцибин. Эти растения и грибы повлияли на ход эволюции, изменили условия и сам характер естественного отбора, вызывали мутации. Галлюциногены были источником прозрения и согласия, струящегося из мира природы в мир человеческий. Таким образом, воображение Маккенны подсказывает ему иной способ симбиоза с природным миром, чем тот, что описан Поршневым**.** *Людям было дано не налагать запреты и давать предписания, а существовать с природой в равновесии и соответствующим образом относиться к человеческой общине, то есть жить в культуре партнерства, а не в культуре подавления и владычества***.** По мнению этого автора, где-то между 5-м и 3-м тысячелетиями до н. э. общество партнерства было подавлено патриархальными захватчиками, неограниченное экспериментальное исследование природы, возможность которого предоставляли психоделики, сменилось традицией догм, жречества, патриархии, войн и, в конечном счете, «рациональными и научными» ценностями общества владычества.

Мы должны, пока не поздно, считает Маккенна, отвратиться от саморазрушительной, антиэкологичной цивилизации и восстановить утраченное ощущение природы как некой живой тайны, поверить в новые перспективы всего замысла нашей культуры. Во всяком случае, данная концепция – доказательство того, что начало, исток человечества, антропо-, а вместе и социо- и культурогенеза не является закрытой, «мертвой» проблемой. Хотя генезис того или иного явления далеко не всегда проливает свет на его современную сущность и смысл, современному человеку, что-

бы понять себя и свое место в мире, приходится снова и снова задаваться вопросом о своем происхождении.

Резюме

Первой завершенной научной теорией антропогенеза принято считать концепцию, суммирующую основные положения теории эволюции Ч. Дарвина и трудовой антропологии К. Маркса – Ф. Энгельса. Но современное научное поле знает и альтернативные подходы к процессу человекообразования, создатели которых считают явно недостаточными следующие основные положения классиков: 1) труд есть необходимое условие и главная сила человекообразования; 2) основные признаки человека – это результат постепенного накопления, дальнейшего развития качеств, которыми уже обладал ближайший животный предок человека, вынужденный приспосабливаться к меняющейся среде обитания. Именно недостаточная объяснительная сила этих положений привела авторов новых картин антропогенеза к выводу: чтобы создать необходимые подготовительные условия для возникновения сознания, психика предчеловеческого животного должна была пережить радикальный перелом, превратиться в собственную противоположность. Это событие осмыслялось по-разному: например, Б.Ф. Поршнев связывал его с формированием механизма контрсуггестии (способности защиты от идущего извне внушения) у неоантропов, а Т. Маккенна трактовал его как результат адаптации эффектов воздействия психоделического вещества обезьяньим предком человека. Обозначенное выше оформление нового психического механизма или спонтанное расширение границ психического опыта объясняет, вследствие чего такая форма нервной деятельности, как инстинктивное реагирование на среду, перестала играть исключительную роль в жизни предчеловеческого животного. С точки зрения различных теорий, известных под общим названием креационизма, творение человека (как одномоментный божественный акт или как продолжительный процесс) – важный этап в истории вселенной, становящейся тем самым разумной и одухотворенной. Таким образом, в данных случаях важным оказывается не приспособление человека к среде, скорее антропогенез выступает как способ приспособления вселенной к разумному замыслу Творца. Данная точка зрения должна учитываться как влияющая на умы наших современников, но она, как уже было сказано, не принадлежит области научного мышления.

Вопросы для закрепления и обсуждения:

1. Каковы движущие силы антропогенеза согласно трудовой теории Ф. Энгельса? Охарактеризуйте механизм возникновения сугубо человеческих качеств и программ поведения в соответствии с данной теорией.
2. Раскройте сущность второй сигнальной системы как главного отличия человека от животных и назовите основные предпосылки ее возникно-

вения у ближайших предков Homo sapiens, выделяемые эволюционной теорией Б.Ф. Поршнева.
3. Что такое креационизм? Приведите пример креационистской концепции возникновения человека.
4. На какие истоки человекообразования и возможные модели отношений человека с миром природы указывает Т. Маккенна?
5. В чем, по вашему мнению, состоит главнейшее отличие человека разумного от его ближайших высокоорганизованных предков?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. – СПб., 2004.
2. Дробышевский С.В. Достающее звено. Проект «Антропогенез.РУ». 2010 г. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://antropogenez.ru/book/3/.
3. Марков А.В. Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии. Доклад, прочитанный в Институте биологии развития РАН 19 марта 2009 г. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.evolbiol.ru/markov_anthropogenes.htm

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Маккенна Т. Пища Богов: поиск первоначального древа познания / Пер. с англ. Предисл. В. Майкова. – М., 1995.
2. Оспанова Н.К. Антропный принцип с позиций палеонтологических и биологических данных // Труды Института геологии Академии наук Республики Таджикистан. Нов. сер. Вып. 8. – Душанбе, 2009. – С. 24-41. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://evolbiol.ru/ospanova.doc
3. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии / Науч. ред. О. Вите. – СПб., 2007.
4. Тейяр де Шарден П. Божественная Среда / Пер. с фр. О.С. Вайнер, З.А. Масленниковой. – Кызыл; М., 2003.
5. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса / Пер. с фр. Н.А. Садовского, М. Л. Чавчавадзе; Предисл. В.А. Никитина. – М., 2002.

§2.2 ПЕРВИЧНОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Рассматривая антропогенез с точки зрения теории потребностей, следует охарактеризовать этот процесс как переход ближайшего животного предка человека к такому состоянию, когда сугубо биологические потребности были дополнены социальными.

Итак, животное стало человеком. Это могло произойти в ходе маятникообразного движения от природных закономерностей к общественным,

в ходе постепенного нарастания человеческих черт в животном или в результате некоего коренного перелома, подготовившего необходимые предпосылки. О возможных путях антропогенеза шла речь в предыдущем параграфе.

Теперь же необходимо рассмотреть каким образом достигнутое новое качество – «человеческое», закрепляясь и развиваясь, выражалось в потребностях; иначе говоря, что именно и, главное, зачем делал человек, едва переступив порог мира биологического? Такая постановка вопроса позволяет говорить о возникновении основных человеческих потребностей, которые реализовывались сверхживотным, когда оно покидало область сугубо биологического существования и утверждалось в человеческом образе жизни.

Вторая сигнальная система как необходимый параметр человеческого существования

В свое время Б.Ф. Поршнев подверг настойчивой критике понятие ретардации – врожденного недоразвития у человека системы наследственных инстинктов. Советский палеопсихолог доказывал, что *отнюдь не изначальная «свобода» человека от врожденных инстинктивных реакций на определенные ситуации позволила ему выйти за пределы жесткой биологической предопределенности, управляющей существованием иных животных видов. Переход к словесно и социально обусловленным реакциям стал возможен благодаря регулированию высшей нервной деятельности посредством второй сигнальной системы*.

Как уже говорилось, *вторая сигнальная система* – это не просто система тех звуковых сигналов, которые мы произносим и слышим, но и работа головного мозга по обобщенному отражению явлений и предметов. Конечно, мышление, сознание, воля, личность – это вовсе не иные наименования речевой функции, но ее сложные производные. Животное может многое «открыть» в вещах сверх взаимосвязи простых компонентов, например, отношение их величин или светлости, но его встреча с новыми аспектами предметов всегда ограничена узнаванием «того же самого» под изменившейся видимостью. Изобретать же, то есть предвосхищать несуществовавшее прежде, оно не в силах, поскольку подобная способность обусловлена наличием второй сигнальной системы.

Итак, человек выбирает сознательную цель, дает самому себе внутреннюю инструкцию (подчиняется ей, а не инстинкту), открывает что-то новое; при этом важно, что он общается с себе подобными. Благодаря последнему обстоятельству мозг человека превосходит мозг животных не только количеством нервных клеток, величиной и сложностью взаимосвязей между ними. Работа каждой такой системы, то есть мозга, должна быть возведена в огромную n-ную степень, будучи помножена на работу предшествовавших и окружающих человеческих мозгов. Эта связь между мозгами осуществлялась и осуществляется только речевым общением. Из ска-

занного следует, что *речевая деятельность – уникальный признак человека. Поскольку деятельность трактуется психологами одновременно как процесс удовлетворения существующих и условие создания новых потребностей, уместно задаться вопросом: как возникли некоторые сугубо человеческие потребности – например, потребность в обобщении своего опыта (с помощью слова), в сравнении его с опытом себе подобных? Возможно, они возникли на основе иных, ранее существовавших потребностей? Каким образом появилось речевое общение?*

Распространено мнение, что речь якобы шаг за шагом развилась из звуков и знаков, какими обмениваются животные. В самом деле, нельзя отрицать, что в животном мире существует *коммуникация* (от лат. communico – «делаю общим, связываю, общаюсь»). Есть ли какая-то принципиальная разница между ней и человеческим языком или дело только в том, что у людей больше «слов» и длиннее «предложения»?

Потребность в коммуникации у животных и человека

Коммуникация животных существует потому, что для них характерно биологически целесообразное совместное поведение, направленное на адаптацию к среде и регулируемое, в частности, сигнализацией. Инстинкты животных работают в трех направлениях: а) сохранение вида (сексуальное поведение, забота о потомстве и т.п.); б) сохранение индивида (удовлетворение голода и жажды, поиск пропитания, заготовка запасов и т.п.); в) обеспечение более или менее постоянной безопасности (защита от плохих погодных условий, врагов, разъединения с собратьями и т.п.). Итак, *в согласованном, координированном поведении животных, служащем для удовлетворения их основных потребностей: для обеспечения защиты и безопасности, для размножения и пропитания – и следует искать корни коммуникации*.

Например, когда пчела обнаруживает новый источник нектара, она возвращается в улей и, если нектар недалеко, совершает круговой танец, посредством которого сообщает своим подругам о местоположении нектара. Другие пчелы включаются в этот танец, почувствовав запах нектара на теле пчелы-вестника. Затем они летают вокруг улья и находят цветы, подходящие под «сообщение». Если нектар находится на расстоянии более 90 метров от улья, то пчела-вестник совершает танец-восьмерку, покачивая брюшком во время прямолинейного движения на пересечении двух кругов. Танец показывает точное расстояние до нектара и направление к нему относительно солнца. Вертикальное направление в сотах соответствует положению солнца, а угол между вертикалью и сектором поворота восьмерки обозначает угол между направлением на солнце и на нектар. Расстояние же показывается количеством покачиваний на этапе прямолинейного движения.

Уместно также привести примеры коммуникации высших животных: так, у зеленой макаки обнаружено существование 36-ти явно различаю-

щихся звуков тревоги. Наибольшее же разнообразие проявляют звуковые сигналы так называемого социального существования (рычание сильного соперника, тихое ворчание стада при переходе через саванну для поддержания контакта и т.п.).

Помимо звуков, животные используют и другие каналы коммуникации. Запах и обоняние, столь важные и для пчел, и для муравьев, и для низших обезьян, в меньшей степени важны для высших приматов. У последних бесшумная коммуникация преимущественно является зрительной (жесты) и тактильной (прикосновения). В походе идущий впереди самец поднимает лапу – сигнал остановки для группы, шимпанзе с высоким статусом может жестом разрешить своим подчиненным поедание пищи, мать-шимпанзе прикосновением к плечу детеныша не разрешает ему, например, куда-то бежать и т.д.

Пример демонстрации доминирующего положения: обезьяны барабанят по земле и собственной грудной клетке, вздыбливают шерсть, издавая агрессивные звуки, размахивают специально отломанными ветвями, скручивают в бараний рог молодые деревца, вырывают корни деревьев, бросаются песком или землей. Ветка, специально отломленная для демонстрации своей силы, – это *знак, средство коммуникации*. Знаками в природе и обществе специально занимается такая наука, как семиотика (от греч. semeion – «знак»), она опирается на понятие знака как материально-идеального образования, представляющего нечто (в его отсутствие), имеющего целью передачу определенного содержания и выполняющего роль посредника. Термины «социальный», «социальность» применяются к животным в расширенном значении (поскольку о настоящем «обществе» по отношению к животным еще нельзя говорить). Однако в связи с приведенным выше примером нельзя не отметить: *стремление к «социальному» доминированию имеет настолько сильную мотивационную основу, что даже пищевая и сексуальная потребности могут отступать на второй план.* Следовательно, можно констатировать, что коммуникация действительно «работает» на удовлетворение потребностей животных. *Возникновение потребности в чем-то большем, чем просто физическое сохранение организма, заставляет высших животных находить новые коммуникативные средства – чтобы удовлетворить данную потребность, чтобы объясниться по поводу нее с другими себе подобными.*

Первые средства коммуникации возникают из инстинктивного поведения, они могут варьироваться под воздействием условий и коррекции поведения в процессе взаимного обучения. Память животного хранит не только модели поведения, но и реакцию среды, то есть «ответы» собратьев. В дальнейшем малоэффективные моменты поведенческого акта сокращаются, а существенные для изменения поведения других коммуникантов акцентируются. Поведенческий акт становится коммуникативным актом. Биорелевантное (т.е. биологически уместное, оправданное) становится семиотическим (Ю.С.Степанов). Коммуникация, таким образом, это обосо-

бившаяся часть совместной деятельности, направленная на регуляцию самой этой деятельности[17].

Итак, по данным современной этологии (науки о поведении животных) и зоосемиотики, еще на дочеловеческой стадии коммуникация проявляет такие черты: 1) интерсубъектность; 2) деятельностный характер; 3) развитие в процессе обучения, хотя есть и определенные биологические, природные предпосылки обучения коммуникативной деятельности.

Однако *существует ли прямая дорога от дочеловеческой к человеческой коммуникации, от знаков, которыми обмениваются животные, к речевым знакам? Поршнев предлагал другую генетическую схему: языковые знаки появились как противоположность, как отрицание рефлекторных (условных и безусловных) раздражителей – признаков, показателей, симптомов, сигналов.* Животные используют лишь признаки, объективно присущие предметам и ситуациям, т.е. составляющие их часть. Эти признаки не могут быть отторгнуты от конкретных обстоятельств. Пчела, передающая сложное «сообщение» о местонахождении нектара, вместе с тем понятия не имеет, что такое «направление на солнце» или «расстояние от улья до нектара». Специально отломленная обезьяной ветка показывает силу и доминирующее положение данной обезьяны в данный момент и не более. Также и тревожный крик неотторжим от опасности. Если вожак стада горных козлов вскакивает и издает блеяние при запахе или виде подкрадывающегося снежного барса, этот крик выступает признаком подкрадывающегося к стаду барса, оказавшегося в поле восприятия, а не чем-либо иным.

Есть и другие принципиальные отличия. Так, ни один зоопсихолог не наблюдал у животного двух разных звуков для обозначения того же самого состояния или ситуации. Между тем любой человеческий языковый знак имеет эквивалент – однозначную замену. Это либо слова-синонимы, либо составные и сложные предложения или даже длинные тексты. Нет такого слова, значение которого нельзя было бы передать другими словами, объяснить, дать интерпретацию. Присущая человеческой речи способность передавать одно и то же значение разными знаками обязательно требует обратной способности: блокировать эту диффузию. Иначе все возможные знаки оказались бы носителями одного и того же значения или смысла. Эту задачу выполняет антонимия. Животной коммуникации данные свойства не присущи.

Звуки, издаваемые животными, не объединяются в систему, не состоят ни в каких отношениях между собой. Четыре разных тревожных сигнала у шимпанзе не свидетельствуют об общем прасигнале «тревога», они существуют независимо от него и друг от друга, а обобщаются только в сознании человека, наблюдающего за шимпанзе[18].

---

[17] См.: Степанов Ю.С. Биосемиотика // Семиотика. – М., 1971. – С. 27; Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж, 2000. – С. 5-21.

[18] См.: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. – СПб., 2007. – Гл. 3. Феномен человеческой речи.

Итак, возможности человеческого мозга по обозначению, обобщению, систематизации предметов и явлений внешнего мира с помощью языка значительно превосходят все, что требуется животным для удовлетворения жизненных потребностей, для сохранения вида и отдельной особи. Благодаря вышеописанным отличиям следует заключить о колоссальности преобразований, произошедшими с нашими предками, в результате которых они сумели заговорить. Зачем же им потребовалось обрести речь и как им это удалось?

Происхождение языка

Современные ученые далеко не всегда обращают специальное внимание на пропасть между животным и человеком, занимаясь непосредственно проблемой становления человеческого естественного звукового языка – проблемой глоттогенеза (от греч. glotta – «язык» и genesis – «происхождение»). Есть предположение, что предки человека общались друг с другом жестами и словами одновременно, но язык жестов сложился первоначально, а язык слов – на его основе. Один язык объяснял другой, один язык влиял на другой. «Сдвоенный» знак проходил три стадии развития: 1) имя собственное, указывающее на индивидуальный предмет; 2) родовое имя комплекса или группы предметов; 3) абстрактное имя понятия[19].

Некоторые исследователи этой проблемы допускают, что определенный «тип языка» существовал уже у неандертальцев, живших более 100 тыс. лет назад. Артикуляционных предпосылок для звуковой речи тогда еще не было, потому что не было речевого аппарата современного человека, зато уже существовали некоторые зоны головного мозга, отвечающие за речь, а «язык жестов» гипотетически существовал у еще более древних предков человека. «Можно предположить, что принципы построения последовательности жестов рук, в «языке жестов» гоминидов (семейство приматов, включающее Homo sapiens), служившие главным способом передачи сложных значений, были позднее перенесены на звуковые последовательности. …У антропоидов (горилл и шимпанзе), имевших общих предков с человеком около 6-5 млн. лет до н.э., известны на воле системы жестов, которые совпадают с жестами детей в доречевой («сенсомоторный», по терминологии Ж. Пиаже) период: антропоиды при общении с человеком в неволе способны усвоить значительное число жестов (от 100 у шимпанзе до 1000 у гориллы) и употреблять их в конструкциях, построенных по синтаксическим правилам. Предполагается, что подобные системы жестовых знаков наряду с ограниченным количеством (около 20-40) коротких звуковых сигналов были основным средством общения гоминидов на протяжении около 3 млн. лет и только в самый поздний период эволюции предков человека (100-40 тыс. лет назад) начинается глоттогенез

[19] См.: Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М., 1993.

в собственном смысле слова»[20]. Надо отметить, что представление о существующих у обезьян «системах жестов» может быть основано на привычке человека обо всем судить по себе, все называть на своем языке. У обезьян-антропоидов есть достаточно много жестов, но нельзя исключать, что их системность – плод систематизаторской деятельности наблюдателя.

В любом случае остается вопрос, *почему существующих знаков, биологически целесообразных, достаточных для пропитания, продолжения рода и защиты от врагов, нашим далеким предкам стало не хватать? Может быть, само удовлетворение именно этих старых, вполне биологических потребностей стало невозможно для наших ближайших предков без применения совершенно новых средств коммуникации? Не начала ли формироваться человеческая потребность в речевом общении на основе базовых потребностей некоего существа, попавшего в кризисные условия?*

Вернемся к явлению суггестии (внушения), о котором уже шла речь в предыдущем параграфе. Поршнев полагал, что прямое влияние на действия адресата речи в форме суггестии – это самая глубокая и элементарная основа речевой деятельности. При этом суггестия не может быть побуждением к чему-либо, чего прямо или косвенно требует от организма первая сигнальная система. Поршнев считает, что предок человека, прежде чем обрести настоящую речь, «разговаривал» со всевозможными иными животными, применяя суггестию, а затем суггестировал себе подобных.

Согласно Поршневу, наши предшественники, не владея суггестией, не могли бы спуститься на землю с деревьев или скал, ибо они были бы съедены. Вероятно, предок человека спасался от опасных видов благодаря тому, что использовал их природных антагонистов и конкурентов, а также разделы охотничьих участков между представителями одного вида (существовал «пристроившись» к одному хищнику и потому не опасаясь соседних). Но кроме всего прочего он суггестировал животных, точнее применял к ним *интердикцию* (см. параграф 2.1.). В современной человеческой речи в отличие от звуков, издаваемых животными, господствуют звуки, производимые струей выдыхаемого воздуха; животные, напротив, как правило, используют вдыхаемую струю. Но человек тоже применяет эти «инспираторные» шумы: во всех человеческих языках такие звуки присутствуют в качестве междометий или обращений к животным. Это дает основание считать такие звуки остатком ранней суггестивной стадии развития речи. Итак, *еще не будучи людьми, наши ближайшие предки смогли освоить новое, не свойственное животным, средство удовлетворения своих потребностей – суггестию*.

Когда палеоантропы стали применять интердикцию в отношении себе подобных, возможно, подчиняя их себе, а возможно, даже практикуя адельфофагию (поедание себе подобных), эти объекты их воздействия развили в себе невнушаемость, неконтактность, наконец, контрсуггестию и

[20] Иванов Вяч.Вс. Глоттогенез // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 108-109.

бежали от суггесторов. Сигналы, которыми осуществлялись эти нервные взаимодействия – это зачатки речевых сигналов. Поршнев предлагает следующую модель возникновения речи, предполагающую несколько ступеней.

Интердикция I – сигнал (не обязательно думать, что он звуковой: вероятнее, что это движение руки), тормозящий у других особей всякое иное поведение, кроме имитации этого сигнала. Наше понятие «нельзя» приблизительно выражает воздействие этого сигнала, с помощью которого взаимодействовали палеоантропы (неандертальцы и др. ископаемые человекоподобные существа среднего и отчасти нижнего палеолита, или древнего каменного века).

Интердикция II – сигнал, специально тормозящий вызываемый интердикцией I запрет. Иными словами, этот сигнал запрещал запрещать; в нашем языке его механизм приблизительно передает понятие «можно». С помощью множественности данных сигналов неоантропы (ископаемые люди современного типа) оборонялись от палеоантропов, т.е. реализовывали свою потребность в защите.

Интердикция III – сигнал, осуществляющий отрицание предыдущего отрицания; речь идет о новой ступени внушения, в нашем языке наиболее близко выражаемом понятием «должно». Подобная коммуникация была характерна уже для мира неоантропов, для особей и групп Homo sapiens. На данной ступени человек по пути формирования и реализации основных потребностей уже перешел от эффективного приспособления к окружающему миру с целью биологического выживания к преобразованию окружающего мира, в том числе – социального.

Существуют и другие теории происхождения праязыка, так, датский лингвист О. Есперсен распределил их на несколько типов, согласно которым речь возникла: 1) из подражания звукам окружающего мира, особенно крикам животных; 2) из инстинктивных звуков, вызванных болью, злостью, радостью и пр. чувствами и эмоциями; 3) из реакций человека на окружающий мир, из «речевых жестов», отражающих этот мир некоторым образом (напр., при произнесении слова «мама» артикуляция имитирует движение губ при сосании); 4) из ритмических выкриков, производимых человеком при совместной деятельности; 5) из звуков, связанных с игрой и песней.

Теории первого типа (подражательные) становятся перспективными, если подражание (имитация) должно иметь особую человеческую (или предчеловеческую) цель, поскольку, например, у птиц, среди которых широко распространен феномен пересмешничества, речь из подражания не развивается. Значение третьей теории, как и первой в ее исходном виде, весьма ограничено. Настоящий человеческий знак, знак в собственном смысле слова должен быть переводимым, подлежащим обмену и при этом немотивированным.

Инстинктивные звуки вообще относятся к области первой сигнальной системы, то есть к области биологической, а значит, не могут служить основанием второй сигнальной системы.

Игровая теория, может быть, и не вполне лишена оснований. Не случайно Й. Хейзинга, изучив роль игрового поведения, предложил называть человека «Homo ludens» («Человек играющий») вместо «Homo sapiens» («Человек разумный»). В. Тен отмечал, насколько человеческое пристрастие к играм и игровому поведению вообще, которое проявляется во многих ситуациях, контрастирует с поведением животных. Взрослый человек в гораздо большей степени ребенок, чем взрослый волк или олень, кошка или собака. Игривость, сравнимую с нашей, проявляют только дельфины в бассейнах. Индивид, абсолютно лишенный этого начала, подчеркнуто неинфантильный, навязчиво серьезный – это не норма, а патология; подобная особь была бы нормальной среди животных, но не людей. Значит, человеческая потребность в игре может быть связана с человеческой же потребностью в речевом общении.

Что касается ритмических выкриков при совместной деятельности, то данную теорию, скорее всего, можно сблизить с трудовой теорией происхождения человека в целом. Психолингвисты марксисткой школы выводили происхождение языка из исторически-ранних производственных актов, которые реализовывал человек ради поддержания собственного существования, т.е. для реализации своих потребностей в питании, тепле, защищенности от врагов. Например, согласно подходу советского лингвиста А.А. Леонтьева, глаголы являются наиболее древними элементами языка, поскольку именно они способны передавать сообщения о действиях, принятых в качестве необходимых в том или ином коллективе.

Количество гипотез происхождения языка, возникших за последние десятилетия, столь значительно, что для их рассмотрения оказывается необходим пространный аналитический обзор[21]. *Так или иначе многие из них связывают необходимость языка в жизни человека с необходимостью удовлетворять основные биологические потребности, но сверх того следует говорить о новых потребностях человека, неизвестных биологическому миру. Это потребности в обобщении и классификации предметов и явлений, в сравнении собственного опыта с опытом других людей, в значительно более сложных, чем у животных, взаимоотношениях с представителями собственного вида, наконец, в творческой деятельности, в создании, изобретении чего-либо принципиально нового, в открытии и обозначении неизвестного. Все указанные потребности человека реализуются в речевой деятельности.*

[21] Бурлак С.А. Происхождение языка: Новые материалы и исследования: Обзор. – М., 2007.

Потребность в труде. Специфика ранних форм трудовой деятельности

Помимо языка, своеобразие человеческого образа жизни обуславливает *трудовая деятельность*. Многие антропологи признают изготовление и использование орудий в качестве основной отличительной характеристики человека, но также в антропологической литературе встречается вывод о невозможности связать появление этого признака с какими бы то ни было существенными анатомическими изменениями (прямохождением, строением верхних и нижних конечностей, зубной системой, объемом и формой мозговой полости черепа) и тем более с возникновением речевого общения.

Маркс и Энгельс оценивали труд как основную силу антропогенеза, но при этом с помощью понятия «инстинктивного труда» описывали и жизнедеятельность животных, для которой характерны материальные посредствующие звенья между собой и средой. По представлению Энгельса, у животных предков человека труд в этом биологическом смысле возник за многие тысячи лет до речи, а общество возникло еще много позже, чем речь.

Человека отличает потребность в труде как сознательной, целесообразной, проективной деятельности, позволяющей «изобретать» и реализовывать «изобретения», общаться с другими людьми с помощью второй сигнальной системы по поводу самого процесса и результатов труда.

Орудия нижнего и среднего палеолита подходят под определение труда в биологическом смысле. Палеолит (или древний каменный век) является эпохой существования ископаемого человека, который не знал шлифованных каменных орудий и глиняной посуды (керамики). Палеолит делится на древний (нижний, ранний) (1 млн. 800 тыс. – 35 тыс. лет назад) и поздний (верхний) (35-10 тыс. лет назад). Многие археологи выделяют в особый период – средний палеолит (100–35 тыс. лет назад).

Древнейшими каменными орудиями были гальки, оббитые на одном конце, и отщепы, отколотые от таких галек. Затем появились ручные рубила, оббитые с обеих поверхностей, куски камня, утолщенные на одном конце и заостренные на другом, грубые рубящие орудия и др. В эпоху среднего палеолита каменные отщепы стали более тонкими, их превращали в разнообразные скребла, остроконечники, ножи, сверла, рубильца и т.д.

С одной стороны, стереотипность этих орудий, имеющая место не только в период жизни одного поколения, но сотен и тысяч указывает на всецело автоматический характер действий, реализуемых при их изготовлении. Изготовление того или иного набора этих палеолитических камней было продуктом автоматической имитации соответствующих комплексов движений. Медленные спонтанные сдвиги в этой предчеловеческой технике вполне укладываются в рамки наблюдений современной экологии и этологии над животными. Научение путем показа, вернее, перенимание

навыков посредством прямого подражания действиям – вполне достаточный механизм для объяснения преемственности палеолитической техники. Соответственно, в наличии второй сигнальной системы и в обмене словесными сообщениями изготовители этой техники не нуждалась.

С другой стороны, способность вообразить «посредника», т.е. посредствующее звено между субъектом и объектом труда, принадлежит человеческому уму, и оббитые камни нижнего и среднего палеолита служат доказательством этой способности.

Вопрос в том, изготовлялись ли эти каменные орудия сознательно. Если да, то сумма участвующих в этом изготовлении движений или действий, каждое из которых образует новую связь в головном мозге, значительно превосходит сумму нервных связей в любом животном поведенческом акте. Тем самым труд по изготовлению каменных орудий, как бы несовершенны они ни были, принципиально отличен от сложнейшей, но инстинктивной гнездостроительной работы многих видов птиц. Более того, *если можно было бы доказать способность ранне- и среднепалеолитических мастеров отчетливо представлять себе будущую форму изготовляемого предмета, то это стало бы несомненным доказательством существования у них второй сигнальной системы и, следовательно, разумности.* Должна ли все-таки идти речь об «идеях», об «изобретениях» для истолкования статистики, топографии, морфологии древних оббитых камней, изготовленных разными приемами? В таком случае все-таки необходимо было бы предположить и соучастие языка. Или же единственное, на что дает право археологическая статистика, это констатация нарастающего обособления биологических популяций, связанных преемственностью техники, осваиваемой путем имитации? Данные вопросы являются спорными.

Между тем для позднепалеолитической техники характерны уже удлиненные пластинки, превращаемые в скребки, острия, наконечники, резцы, проколки, скобели и т.д. Появились шилья, иглы с ушком, лопаточки, кирки и др. изделия из кости, рога и бивня мамонта. *Подобные изобретения свидетельствуют о наличии сознания, речевого мышления и общения.*

Потребность в социальном существовании

Еще один важный аспект антропогенеза, тесно связанный с появлением языка и осознанного, целенаправленного труда – это возникновение общества. Вернее, *прежде чем употребить термин «общество», следует более осторожно высказаться о «первичной групповой идентичности», потребность в которой отличала отдельно взятую группу людей (или неоантропов) от популяции палеоантропов.* В чем собственно выражалась эта идентичность?

Чтобы ответить на этот вопрос, вновь придется обратиться к миру животных. Из четырех родов антропоидов (гиббоны, гориллы, орангутаны и шимпанзе), наших более близких родственников, чем иные животные

виды, по наличию общих с человеком признаков первенство принадлежит шимпанзе. У этих высших обезьян наблюдается специфичная форма социального поведения, так называемые «*тасующиеся группы*». Значительную часть года шимпанзе кочуют небольшими группами по 3-6 особей, в местах изобилия плодов они образуют временные группы, состоящие из 25 особей и выше, а затем снова расходятся маленькими группами. Важно отметить: состав каждой из них уже не тот, что был до временного скопления. Иными словами, эти группы подобны нескольким тасуемым колодам карт: постоянный состав особей в них отсутствует. Биологическое значение этого феномена состоит в преобразовании механизмов популяции.

Характерность для шимпанзе этого феномена можно рассматривать в качестве биологического обоснования гипотезы о праисторическом промискуитете – во времена палеоантропов. Промискуитет (от лат. promiscuus – «смешанный», «общий») – термин для обозначения предполагаемой стадии ничем не ограниченных отношений между полами, предшествовавших установлению каких-либо норм брака и форм семьи. Данная форма отношений не наблюдалась в историческое время ни у одного из известных народов. У палеоантропов, строивших социальную связь по принципу тасующихся групп, не могло быть ни стойкого семейного ядра, вроде семейных групп гиббонов, ни «гаремной семьи» павианов. Самцы, составляющие вообще элемент зоогеографически обычно более мобильный, чем связанные молодью самки, оторвавшись от своих самок, уже не возвращались к ним вновь, а примыкали где-либо к другим, возможно совершая ради этого громадные пространственные перемещения. Таким образом, система неограниченно тасующихся групп прорывала и стадные, и популяционные перегородки; одна особь, по натуре весьма мобильная, могла оказаться в контактах с неопределенно большим числом особей. Можно сказать, что человека от животного впоследствии стала отличать именно потребность в перегородках – не стадных или популяционных, а племенных, национальных и др.

Как предполагал Поршнев, дивергенция палеоантропов и неоантропов происходит на почве специализации особо пассивной, поедаемой части популяции, которая, однако, затем очень активно отпочковывается в особый вид, чтобы стать, в конце концов, и особым семейством. После того, как прошли первые волны миграции наших предков, находившихся на пороге очеловечивания, их настигли новые волны. *Вот тогда люди, вынужденные расселяться, оставаясь среди людей, и сделались людьми (неоантропами) окончательно. Эти группы неоантропов, по всей видимости, уже не были свободно тасующимися, они обрели определенную замкнутость, закрытость для представителей других прибывших групп и осознали свою идентичность в сопоставлении с другими.* Среди самих Homo sapiens уже распространилось взаимное обособление общностей: своя общность «отгораживалась» от чужих побуждений, то есть защищалась непониманием от повелений, действительных лишь среди соседей.

Можно принимать или не принимать дивергенционную теорию антропогенеза, однако взрывное расселение неоантропов (если сравнить его с темпами расселения любого другого биологического вида) чуть ли не по всей пригодной к обитанию территории нашей планеты, включая Америку, Австралию, Океанию, является широко признанным научным фактом. За полтора-два десятка тысячелетий люди преодолели такие экологические перепады, такие водные и прочие препятствия, каких ни один животный вид вообще никогда не мог преодолеть. В результате земной шар перестал быть открытым для неограниченных перемещений. Его поверхность стала уже не только физической или биогеографической картой, но картой этногеографической, а много позже и политико-географической.

Чтобы обособление первоначальных коллективов стало возможным, чтобы поверхность земного шара не была сплошь проходимой и на ней появились бы иные границы, кроме природных, должны были сформироваться замкнутые группы. *Потребность существовать в замкнутой группе отличала человека от животного, наравне с потребностью общаться с себе подобными с помощью речевых знаков (в том числе – по поводу совместной трудовой деятельности). Такая потребность жить в социуме не могла реализовываться без строго соблюдения ряда запретов, которые представляли собой первичную форму регуляции общественной жизни.* Людям, входящим в первые замкнутые сообщества, надо было осознавать свое родство в прямом и в расширенном смысле, что предполагает запрет на истребление и поедание своих собратьев, защиту и кормление слабых и нетрудоспособных членов группы, поддержание целостности своего сообщества с помощью эндогамии (от греч. éndon – «внутри» и gámos – «брак»), реализуемое благодаря введению запрета на брачно-половые связи с чужими.

Резюме

Основными потребностями человека, сформировавшимися на заре его существования в собственно человеческом качестве, являются потребности в речевом общении, в труде и в первых формах социальности в виде закрытых групп. Различные трактовки происхождения языка освещают его как вторую сигнальную систему – особую разновидность высшей нервной деятельности, которая позволяет реализовывать целый комплекс тесно взаимосвязанных сугубо человеческих потребностей: свободно реагировать на ситуацию, самостоятельно обобщать данные внешнего мира и обмениваться результатами этого обобщения с подобными себе. Мозг животного ограничивается опознаванием непосредственных раздражений со стороны внешнего мира и запуском соответствующих инстинктивных программ, тогда как человеческий предок, входя в язык, приобретает возможность развивать проективные, изобретательские устремления (или потребности). Феномен палеолитической техники по сей день получает неоднозначные интерпретации антропологов. Стереотипность древних каменных орудий указывает на автоматизм их изготовления, а, следовательно, дан-

ный производственный процесс, встречающийся и в животном мире, не вполне соответствует человеческой потребности в осмысленном, целенаправленном труде. Если бы можно было доказать способность палеолитических мастеров представлять заранее будущую форму изготовляемого предмета, то это говорило бы о развитии у них второй сигнальной системы и, следовательно, разумности и потребности в труде в собственном смысле. Взрывное расселение неоантропов по земному шару само по себе свидетельствует о первых проблесках коллективной идентичности. Потребность человека в ней – одна из важнейших, она не могла реализоваться без возникновения ранней формы регуляции общественной жизни, представленной первоначально системой запретов. Многие из них впоследствии были унаследованы моралью, правом, религией. Закрытые социальные группы, образовавшиеся на различных освоенных территориях, демонстрируют потребность в базовой для человеческого самосознания структуре «свои-чужие».

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА:

1. Какие потребности, отсутствующие у животных, позволяет человеку реализовать вторая сигнальная система?
2. Какова была, согласно теории Поршнева, роль суггестии в удовлетворении основных жизненных потребностей ближайшими предками человека?
3. Почему можно говорить о потребности в труде, присущей исключительно человеку? Чем его трудовая деятельность отличается от «труда» животных?
4. Каковы были причины и последствия взрывного расселения неоантропов по территории планеты?
5. Как реализовывалась на ранних этапах человеческого существования потребность в первичной социальной идентичности?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ

1. Гуревич П.С. Философия человека. В 2 ч. Ч. 1. – М., 1999.
2. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии / Науч. ред. О. Вите. – СПб., 2007.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

1. Бурлак С.А. Происхождение языка: Новые материалы и исследования: Обзор / Рос. акад. наук, Ин-т научной информации по общественным наукам. – М., 2007.
2. Резникова Ж.И. Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии: Учебное пособие для вузов. – М., 2005.

3. Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований / Под ред. М.Л. Бутовской. – М., 2004.

§2.3 Культурогенез как итог творческой потребности человека

Значение понятия «культурогенез»

Феномен культурогенеза можно выразить метафорой триадического пантеона верховных богов индуизма: Брахмы, Шивы и Вишну. Брахма – творец мироздания, хранитель космического и морального порядка, собственно, и есть сам культурогенез, формообразующий культуру. Шива, исполняющий танец смерти, несущий разрушения порядка, который сотворил Брахма, воплощает собой время, которое точит и перекраивает ткань культуры, а Вишну, last but not least,[22] хранящий и восстанавливающий творения Брахмы, символизирует, в свою очередь, триаду культурного процесса – традицию, социальный опыт и культурную память.

Понятие *«культурогенез»* означает происхождение культуры. *Культурогенез представляет собой и процесс постоянного самообновления культуры, и само возникновение культуры и ее отдельных феноменов, не существовавших ранее.* Точкой отсчета культурогенеза считается *архаическая* эпоха (от греч. «архе» – «начало», «архаическое» – «то, что было в начале»), где возник социум, где возможно обнаружить структуры, порождающие *культурные формы и ценностные системы, которые, в свою очередь, влияют на модификацию потребностей человека*. Исследование потребностей архаического человека в XX веке показало, что они представляет собой сложную и многомерную систему, с количеством факторов, не уступающим самым изощренным потребностям современных сообществ. Антропологи и философы-структуралисты, и в первую очередь, К. Леви-Стросс, показали на примере анализа сознания архаичных племен совершенство, законченность и детальную развитость ценностей и потребностей архаической культуры.

Скрупулезный анализ мифов, сказаний, легенд, символов, обрядов и ритуалов, ценностей и потребностей архаического человека имеет большое значение для понимания современного этапа культурогенеза, так как во многих случаях архаические структуры проявляются в более поздних культурных системах ценностей и потребностей и создают партитуру, исполнение которой сложно услышать сквозь «шум и ярость» эпох.

Культурогенез не только определяет временную динамику формирования культуры, и, следовательно, непосредственную форму предметного историко-культурного бытия, но и сам существует в этой форме, является результатом *социального опыта*. Современные исследователи изучают социальный опыт и проводят анализ его форм, подчеркивая важную роль этого компонента в формировании культуры. Социальный опыт является фундаментальной социальной компонентой культуры, которая выполняет функцию исторической селекции и аккумуляции в обществе, сознании

[22] Последний по порядку, но не по значимости (англ.).

субъектов социальной реальности форм осуществления любой социально значимой деятельности и коммуникации людей, показавших свою приемлемость не только с точки зрения утилитарной эффективности, но и в поддержании необходимого в существующих условиях уровня социальной сплоченности общества и его функциональных моментов и систем, устойчивости упорядоченных форм и эффективности процессов регуляции коллективной жизнедеятельности.

Социальный опыт приобретается и архивируется в процессе реальной совместной деятельности людей для удовлетворения их групповых и индивидуальных интересов и потребностей, и реактуализируется, по мере востребованности, в различных областях человеческой деятельности: научной, производственной, экономической, нравственной и эстетической. В контексте культуры социальный опыт выполняет мнемотехническую функцию, храня все накопленное, которое с течением времени эволюционизируясь и модифицируясь, вызывает у человека потребность в культуре. Социальный опыт, следовательно, влияет на возникновение у человека потребности в создании культурной «утробы», которая является той средой, где зарождается и диалектически развивается культурогенез.

Взятый со стороны этого своего непосредственного способа бытия культурогенез предстает уже не в абстрактном, а в живом, конкретном виде, уже не просто актуализацией психических и физических способностей, а следствием социального опыта, непосредственно оказывающего влияние на ***ценности***. Процесс культурогенеза заканчивается тогда, когда сложившаяся в результате деятельности людей совокупность норм институализируется в виде отрегулированной системы нравов, обычаев, правил, законов. Однако под культурогенезом следует понимать не только однократный процесс возникновения и преемственности культуры по аналогии с возникновением вида Homo Sapiens – антропогенезом, но и процесс становления взаимосвязанных явлений культуры в истории.

Творчество как почва культурогенеза

Творческая деятельность человека является главной причиной, заставляющей вращаться колесо культурогенеза. Потребность человека в творчестве, преобразовательной деятельности, обусловливает саму возможность культуры, которая аккумулирует результаты индивидуальных творческих достижений, фильтруя их с точки зрения *социальной значимости*. Любые изменения в культуре происходят только благодаря творческой активности личности. Но именно культура формирует творческую личность, задавая ей взгляд на мир, воспитывая и просвещая. Не всякое творческое достижение становится достоянием культуры. Культура, фиксируя глубинные *смыслы, ценности* и потребности, созданные духовной практикой человечества, устанавливает границы эгоцентричности человека в форме определенных *моральных императивов*, требующих от человека деяния во исполнение; *поступок* – вот что становится исключительно важным. Само наличие таких границ является сущностным условием для совершения творческого акта, суть которого *трансцендентна* («выход за пределы» – норм, стандартов, регулятивов), является вызовом человече-

скому в человеке, потребность прорыва к запредельному, целью которого является сама цель, как долг ради долга, добро ради добра, любовь ради любви, истина ради истины, а, как следствие, преобразование, метанойя сущности самого субъекта действия. Только так человек становится Человеком (с заглавной литеры), которого «судьба ведет, а не тащит» (Сенека).

Для понимания потребности человека в культуре, его *экзистенциального проекта* в мире, смысла его предназначения, существования и деятельности, ему надо, как сказал Ромен Роллан – испытать «океаническое чувство», нащупать свой творческий пульс, признать присутствие *духа* в самом универсуме, частью и продолжением которого является человек. Ведь в своей творческой деятельности человек, прежде всего, стремится реализовать потребность в ощущении целостности собственного *бытия* и потребность со-отнесенности к некому космосу, к «предустановленной гармонии», так как «мы живем в самом прекрасном из возможных миров», как сказал Лейбниц, а совершенство мира требует самореализации.

Творчество способно в очевидных явлениях раскрыть то, что лежит за ними – смысл экзистенциальной ситуации – состояния богооставленности, «страха и трепета» перед миром. Это состояние хорошо выразил Блез Паскаль, воскликнув: «Эти бесконечные просторы меня ужасают!». Если человек не откликается на «зов бытия» (зов совести), если существование человека «схлопывается» до существования, как его определил немецкий философ Мартин Хайдеггер – «das Man» (безликое Оно, анонимный, повседневный человек) [23], если единственной ценностью и потребностью становится собственное здоровье, то тогда и творчество сводится к нахождению все новых средств и механизмов улучшения жизни индивида, поиска новых, более изощренных способов удовлетворения инстинктивных потребностей. Сведение диалектики бытия до комфортного проживания и создание иллюзии настоящей жизни ведет к утрате истинных смыслов жизни, а в творчестве исчезает *символическое измерение*, наличие которого – условие возникновения процесса образования ценностей и потребностей в культуре. Как только этот мотив ослабевает, творчество лишается своего светоносного стержня, происходит убыль бытийного статуса, оно трансформируется в заурядную креативность, являющуюся уделом представителей офисного планктона, а человек несется к пропасти существования-прозябания в режиме «das Man». Своим «das Man» Мартин Хайдеггер умалил, снизил анонимного, повседневного человека, о котором точно сказал Вильям Шекспир одной строчкой, а больше невозможно, да и не о чем: «Что значит человек, когда его заветные желания – еда да сон? Животное – и все!». Надо заметить, что «das Man», в отличие от другого, казалось бы, элитарного определения существования человека в позиции «Dasein» (настоящее и истинное присутствие в мире), не является бытием определенной группы «падших» людей, а это жизнь любого человека, погруженного в комфортность и благополучие повседневного проживания в окру-

[23] Если перевести «Das Man» – «люди» – в единственное число и средний род, то получится – «людьё» – жестче и точнее, как у Осипа Мандельштама «Были мы люди, а стали людьё» или «И по-звериному воет людьё, и по-людски куралесит зверьё…».

жении знакомых и обыденных вещей, не требующих онтологических усилий и перемен.

Если подвести итог, то можно заключить, что пропасть, которая разделяет человека и бытие, не бездонна. Речь идет об общем основании, которое еще надо высмотреть взглядом тонкого созерцателя, потому что для нас они утоплены во множестве привычных значений слова «культура». Но среди этого множества значений исходное – «взращение души». Еще у Фрэнсиса Бэкона культура – «георгика души».

Творчество относится к *духовной сфере* деятельности человека, которая предполагает, как правило, определенный уровень сознания, требует от человека соотнесенности с другими социальными и экзистенциальными ценностями и потребностями. Творческая потребность, не реализованная в социуме, – разрушительная ситуация для человека. Ведь потребность в творчестве и потребительство – вещи несовместимые. Поэтому, необходим ответный поступок, а поступание – это всегда выбор, требующий максимальной собранности воли. Эту экзистенциальную ситуацию предельного выбора достаточно точно описал немецкий философ Фридрих Ницше: «Этот длинный путь позади – он тянется целую вечность. А этот длинный путь впереди – другая вечность. Эти пути противоречат один другому, они сталкиваются лбами, – и именно здесь, у этих ворот, они сходятся вместе. Название ворот написано вверху: “Мгновение”»[24]. Если происходит метанойя, «понимание бытия», то открывается – «мгновение», озаренное вспышкой «трансцендентного», после этой сущностной перемены человек теперь не есть «само собой разумеющееся достоинство космоса», но «любовное дарение Творца, на которое мир… может ответить только трепетным изумлением и потоками благодарных слез».[25]

Культурогенез характеризует общая *динамическая конституция*. Конституируют его 3 основных момента: 1) прежде всего непосредственная осмысленная деятельность человека, то есть чувственная компонента культурогенеза в форме его практического воплощения; 2) творческие антропогенные наклонности, согласно которым осуществляется этот генезис, и наконец, 3) области, в которых происходит культурогенез. Отсутствие любого из этих конститутивных моментов непосредственно есть отсутствие динамики культурогенеза.

Под областями культурогенеза понимаются вообще все сферы, формы, разветвления, отрасли и т.д. человеческой и социальной практики, ценности и потребности которых воплощаются в его процессе. Областью культурогенеза выступает и окружающая человека природа, не обладающая ценностной определенностью, но необходимо обретающая ее в ходе искусственной предметной жизнедеятельности людей. Далее, и сами многообразные социальные значимости также представляет собой специфические области культурогенеза – как предметы творческого (осмысленного) отношения. Наконец,

---

[24] Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2. – М., 1997. – С. 112.

[25] Аверинцев С.С. Судьбы европейской традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории Средних веков и Возрождения. – М., 1978. – С.47.

к области культурогенеза относится и человек и вся непосредственная чувственная действительность его нравственных, познавательных и художественных потребностей. Это ни в коей мере не означает, что сама культура существует в некоторой иной – «подлинной» действительности, жизнь людей – самая прямая область реализации потребностей в культуре. У человека одна жизнь, и прожить ее надо не для того, чтобы раскрыть всем свое грязное нутро, а чтобы вывести себя на суд собственной совести – именно взять покаянную ноту, как полагает средневековый философ Августин Блаженный, рассказывая себя в своей книге «Исповедь», в которой изрекает слова: «Я стал для себя землей». Эта духовная работа над возделыванием себя ведется только потому, что впереди «светит» цель, которая раньше всех начал, – спасение. Спасение от потребительского отношения человека к миру, что, по мнению итальянского мыслителя Юлиуса Эволы, направлено на исчезновение человеческого в человеке, лишение его сущности, такое отношению имеет автоматический характер, работая по принципу болота – человека засасывают его мысли, его воспоминания, его желания, его чувства, бифштекс, который он ест, сигарета, которую он курит, любовь, которой он занимается, хорошая погода, дождь, дерево, проезжающий автомобиль, книга. Поэтому, необходима отдача, ответное действие. И, прежде всего, такая потребность в культуре способна поддержать соразмерность свободы и ответственности в творческой деятельности человека, которая его возвышает. Мы поднимаемся благодаря подымающей нас силе, – скажет в XIII веке верный последователь Святого Августина Джованни Фиданца Бонавентура. Мы поднимаемся, потому что нас подымает некая сила. Поиск этой силы и есть потребность в культурном обрамлении собственной жизни.

Иначе обстоит дело со «средним термином» культурогенеза, с тем, каким образом люди склонны актуализировать свои духовные потребности, или что им задано в качестве внутренних искусственных пределов предметной реализации смысла деятельности. Эти пределы тоже представляют собой пространство, в котором происходит культурогенез, но в то же время они ближайшим образом отличны от него, определяют его качественную морфологическую динамику, образуя его особенный «хронический» круг. Номинально предметные носители областей культурогенеза и творческих потребностей неотличны друг от друга, однако, в реальности вторые непосредственно являются тем, согласно чему осуществляется диалектическое бытие первых.

Если взять культурогенез исключительно со стороны его направленности на совершение того или иного творческого акта, то и культурогенез, и области его вместе выступят как потребности в культуре, или – культурные потребности. Имеющиеся в культуре интенции являются не только ориентирами культурогенеза, но и его предметными условиями, которые в качестве культурных потребностей, то есть интенций прошлых этапов культурогенеза, имеющих за собой историю освоения и рефлексии, *традицию* и *культурную память*, необходимо включаются в него, применяются субъектом культуры как основание и материал. В свою очередь, вступление творческих потребностей в культурогенез, то есть включение их в «живую» культурную деятельность, служит единственной основой тому,

чтобы сохранить и совершенствовать эти интенции прошлого как социальные значимости.

Итак, причинами культурогенеза в своих основных моментах есть осмысленная деятельность людей по получению и актуализации социальных значимостей, приспособление заданного в культуре к человеческим потребностям, всеобщее условие ценностного преобразования в истории, и потому он независим от какой-либо формы человеческого бытия и взаимодействия, но, напротив, принадлежит к существу каждой из них. Именно через культурогенез социальное культивирование человеческих потребностей становится не просто предполагаемым, но положенным базисом исторической жизни культуры.

Следовательно, именно культурогенез – корень практической действительности культурно-исторического процесса. Подведем промежуточный итог: культурогенез имеет диалектический характер, удерживает человека в границах установок традиционных ценностей, социальности, и постоянно преобразуется, в зависимости от изменяющихся условий и, тем самым, развивается.

Ценность как смысловой компонент культурогенеза

В перспективе разумного постижения действительности, как его раскрывает античный философ Платон, прекрасная женщина и прекрасный горшок находятся на одном уровне бытия, поскольку для этих феноменов одинаково характерна связь с идеей Прекрасного. Но в перспективе обыкновенного мужчины прекрасная женщина куда ценней, чем хорошо слаженная посудина, и, напротив, художника подобный горшок может задевать куда более, чем выразительная женщина. В данном случае именно оценочный акт, выражающий восприятие прекрасного конкретной индивидуальности, не позволяет спутать между собой мужчину-обывателя, чуткого к вещам художника и равнодушного до материальной конкретности философа.

Ценности – это идеальные установки субъекта на объект, наделяющее его смыслом значимого или нейтрального, эффективного или бесполезного. Ценностью могут обладать как материальные вещи, так и духовные явления (знания, идеи, представления, впечатления, чувства), но сами по себе ценности имеют духовную природу. Это объясняется тем, что ценности, как и знания, является результатом смыслогенной (смыслопорождающей) активности человека, но в отличие от знания оценочный акт не имеет в качестве задачи тотальное, то есть всестороннее, научное постижение феномена. Проблема в том, что нужна не научная строгость ради абсолютной точности, а словесная строгость ради смысла; точность и смысл различают. Слово как следствие мысли требует точности мысли, а «если мы не мыслим точно, тогда нами играет дьявол», как сказал Мартин Лютер. В свою очередь, слово вызывает потребность в практической реализации, конечный результат которой – культура. Мысль о воплощении слова в дело, самая революционная из всех человеческих мыслей. Еще у древнего грека Демокрита об этом императиве сказано: «хорошо рассуждать, правильно говорить и поступать как должно». Итог: культура – это

«тройной посох» (контроль над собой в мысли, слове и деле), с которым можно смело отправляться в долгий и нелегкий путь в поисках самого себя.

Следовательно, назначение ценности составляет «взвешивание» феномена на весах, шкала которых задана полюсами колоссального, значимого – нейтрального, малозначительного. В данном случае во внимание может приниматься лишь определенная сторона феномена и даже какой-либо нюанс, а не совокупность всех его сущностных характеристик, как этого требует знание. Основной функцией *оценочного акта* является формирование у человека определенной жизненной позиции, позволяющей ему противостоять равнодушному потоку жизни, то есть всему тому, что было, имеет место теперь и будет после его исчезновения; следовательно, именно наличие ценностей позволяет человеку не утратить собственную индивидуальность на фоне полноты всего существующего. Если философия, по словам Аристотеля, начинается с правильного удивления соразмерности мира, то культура человека должна начинаться с чистоты, правильности желания, настройку которого осуществляют правильные ценности человека. Удачную оценку современного этапа культурогенеза, ведущего к удовлетворению автоматических потребностей, как следствие отсутствия правильного желания, дал французский философ Ален Бадью: раньше была наука, а теперь технологии, раньше было искусство, а теперь культура, раньше была политика, а теперь управление, раньше была любовь, а теперь секс. И встают «друг против друга два мира, абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг другу: мир культуры и мир жизни…» (М. Бахтин). Возникает порочная передача, в которой преемственность постепенно обессмысливает культуру, ведь смысл не передается, его надо воссоздать, восстановить, возродить в оценочном акте, ведь культура – это символ, перенасыщенный смыслами. Следовательно, обладание ценностной системой ведет, необходимо, к потребности правильно *поступать* и правильно *мыслить,* что в корне преобразует шкалу потребностей человека, его качество жизни.

Мы показали, что диалог, который человек непрерывно ведет с окружающим миром и который называется культурой, имеет теоретический и практический характер; следует не забывать, что реплики, принадлежащие в этом диалоге человеку, всегда активны по отношению к миру: уже сам их факт означает некоторое преобразование мира, следовательно, шкалы потребностей человека. Именно поэтому *человеческая деятельность*, понятая в расширенном значении как активность, трансформирующая окружающую действительность, является необходимым элементом культуры. Деятельность включает в себя сознательную свободную постановку цели, а также создание и совершенствование средств деятельности, орудий труда, что порождает культуропроизводящие потребности. Сначала сама человеческая потребность возникает в процессе антропогенеза как средство сохранения и поддержания жизни, затем она постепенно превращается из средства в цель, что мотивирует выделение самодостаточных, то есть заключающих цель в самих себе, видов потребности, например, духовной. Так из оборачивания средств в цели постоянно возникают новые виды потребностей, а люди все больше погру-

жаются в искусственный, созданный ими мир, состоящий из продуктов и результатов этой деятельности.

В этом смысле культура противостоит природе: «культурное» значит искусственно сделанное, придуманное и созданное людьми. Таким образом, культура – это не только искусственно созданный мир, состоящий из продуктов и результатов этой деятельности, но и мир *смысла*, который человек вкладывает в свои творения и действия. Смыслом проникнуто все, что делает человек и что составляет культурную среду его обитания: предметы и произведения искусства, правила этикета и религиозные обряды, спортивные состязания и т.д. Следует помнить, что поскольку смысл составляет неотъемлемый параметр человеческого существования, без которого бы не смогли сбыться не только «высокие» потребности человека (философия, поэзия, вера и т.д.), но и его повседневные потребности, именно смыслопорождающая активность является фундаментом культуры: благодаря ей формируются такие фундаментальные для культуры регионы как религия, искусство, наука, философия, экономика.

Как будет развиваться культурогенез в XXI веке, предсказать трудно. Согласно древнегреческому мифу Гесиода о «четырех веках» – золотом, серебряном, бронзовом и железном – мы сейчас живем в железном веке. Бронзовый век – это «век героев». А герои отличаются от богов тем, что совершают свои подвиги не благодаря, а вопреки силе судьбы, бросая ей вызов, вступая с ней в смертельный агон. Казалось бы, что нет причин наступления в мире эпохи «Бронзового века» культуры, но тем не менее он может, и должен, наступить, если в глубине общества возникнет творческий дух, способный стряхнуть пелену и наваждение исторического и культурного сна, и обратить разрушительные интенции в антропогенезе вспять, при этом, запустив творческую машину культурогенеза вперед.

Резюме

Культурогенез представляет собой диалектический процесс социальной и исторической динамики культуры, который заключается в создании новых культурных форм и их интеграции в существующие системы культуры, порождающий новые системы потребностей, из которых базовой человекопорождающей и смыслопорождающей является потребность в культуре, которая, в свою очередь, способствует возникновению новых систем и конфигураций культурогенеза.

Подводя итог выше сказанному, мы можем сделать следующие выводы, что культурогенез: 1. порождает культурные формы и их ценностные системы, влияющие на модификацию потребностей человека; 2. определяет временную динамику формирования культуры и форму предметного историко-культурного бытия; 3. является результатом социального опыта, традиции и культурной памяти; 4. актуализирует социальный опыт, накопленный в процессе реализации совместной деятельности людей для удовлетворения их групповых и индивидуальных потребностей; 5. имеет диалектический характер, влияя на модификацию культурных потребностей в истории; 6. активизирует творческий процесс, который сам вносит в культурогенез динамический компонент; 7. характеризуется онтологиче-

ским характером, что реализует потребность человека в ощущении целостности собственного бытия; 8. преобразует биологические и общественные потребности в культурные формы; 9. ведет к созданию ценностной системы, которая влияет на потребность в нравственном поступании, отражающемся на этической шкале человека; 10. порождает смысл, формирующий фундамент культуры – религию, искусство, науку, философию и экономику.

Таким образом, возможно увидеть, что культурогенез как исток и часть культуры представляет собой эволюцию общественно приемлемых норм и стандартов коллективного бытия. Культурогенез, как проявление потребности в культуре, диалектически отрицает природу человека, в нашем контексте – биологические потребности, на которых он сам развивается и стоит социально. В таком случае кризис культурогенеза, зафиксированный в современном обществе, может стать аргументом в пользу поиска собственной культурной судьбы, возможностью преобразовать биологический фактор человеческих потребностей, который само общество стремиться минимализировать в пользу культуры. Потребность в учреждении культурных ценностей свойственно любому обществу на каждом этапе его исторического развития. Внедрение утилитарных (соматических) ценностей идет в обществе всегда трудно, сверху и с большей долей насилия, так как культурные ценности почти во всем противоположны биологическим потребностям человека.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала:

1. Что такое культурогенез? Как культурогенез влияет на модификацию потребностей человека?
2. Назовите основные компоненты культурогенеза, изменяющие потребности человека? Раскройте их содержание.
3. Как возникает и зачем нужна человеку потребность в культуре?
4. Какая потребность способна изменить повседневную жизнь человека? Как это сказывается на состоянии культуры?
5. Что такое ценности и смысл? Какое влияние они оказывают на потребности?

Рекомендуемая литература

Основная:

1. Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение. – СПб., 2008.
2. Флиер А.Я. Культурогенез в истории культуры // Общественные науки и современность, 1995. – №3.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. – СПб., 2007.

Допонительная:

1. Жирар Р. Насилие и священное. – М., 2010.
2. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. – СПб., 2010.
3. Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. – М., 2009.

4. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. – М., 2005.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения. – М., 2010.

ГЛАВА 3. РАССМОТРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПОТРЕБНОСТЕЙ В ЧАСТНЫХ НАУКАХ

§3.1 Биологическое рассмотрение человека и его потребностей

Социальная сущность и биологическая природа человека

В понимании человека мы исходим из признания уникальности человеческого бытия. В основе данного положения лежит учение о сочетании в человеке биологического и социального компонентов. Биология, природное начало, конечно, проявляет себя в существовании человека, ведь человек – это, кроме всего прочего, и часть природы, живое телесное существо.

Человек существует за счет обмена веществ с окружающей средой. Он дышит, потребляет различные природные продукты, существует как биологическое тело в пределах определенных физико-химических, органических и других условий окружающей среды. Как природное, биологическое существо человек рождается, растет, взрослеет, стареет и умирает. Все это характеризует человека как биологическое существо, его биологическую природу. Но вместе с этим он отличается от любого животного.

Отличие человека от животного характеризует его *природу; она, будучи биологической, не заключается в одной лишь природной жизнедеятельности человека. Человек – не только природное, но и общественное существо, живущее в особом мире – в обществе, которое социализирует человека.* Он рождается с набором биологических черт, присущих ему как некоторому биологическому виду. Человеком же разумным становится под действием общества. Он учится языку, воспринимает общественные нормы поведения, пропитывается общественно значимыми ценностями, регулирующими общественные отношения, выполняет определенные общественные функции и играет специфически социальные роли.

Все его природные задатки и чувства, включая слух, зрение, обоняние становятся общественно-культурно ориентированными. Он оценивает мир по законам красоты, развитой в данной общественной системе, действует по законам нравственности, которые сложились в данном обществе. В нем развиваются новые, не только природные, но и социальные духовно-практические чувства. Это, прежде всего, чувство социальности, коллективности, нравственности, гражданственности, духовности.

Все вместе эти качества, как прирожденные, так и приобретенные, характеризуют биологическую и социальную природу человека.

Таким образом, биологическое и социальное в человеке находятся в тесной взаимосвязи, поэтому объяснять развитие и поведение человека преимущественно в терминах и рамках биологии было бы не верным – *вне социальных условий одна природа еще не делает человека человеком*.

Биологическое в человеке осуществляется и удовлетворяется в социальной форме. Природно-биологическая сторона существования челове-

ка опосредуется и «очеловечивается» социокультурными фактами. Это касается и удовлетворения таких сугубо биологических потребностей, как продолжение рода, еда, питье и т.д. Правда, следует отметить, что «очеловечивание» природы на практике не всегда означает ее облагораживание.

Отличие биологической природы человека от его социальной сущности (человек как биологический феномен)

Природно-биологически обусловлено внутриутробное развитие, рождение, продолжительность жизни, способность усваивать определенные виды пищи, передача по наследству определенных задатков и возможностей, пол и другие качества человека. Подобно другим биологическим видам человечество (homo sapiens) имеет устойчивые вариации разновидностей, например – расы, принадлежность к которым выражается в специфических анатомических и физиологических признаках.

Как биологический феномен человек существует, подчиняясь своей телесности, на базе которой формируется комплекс естественных потребностей, побуждающих человека к действиям, направленным на их немедленное удовлетворение. Естественные потребности – питание и выделение, половое влечение, деторождение, борьба за жизнь в экстремальных условиях, гигиена, экспансия за пределы наличного жизненного пространства – все это проявление инстинкта жизни, который присущ человеку, как и животным. Большую часть своего времени и всех собственных сил человек использует для удовлетворения своих биологических потребностей в пище, воде, жилище, одежде и т.п. Усилия человека в этом направлении составляют основное содержание материального производства. Но природно-биологическое существование человека обеспечивает не только материальное производство, но и вся социальная организация жизнедеятельности людей (род, племя, семья).

Человек как биологический феномен определяется биологическим ресурсом – его физической силой, здоровьем, жизнестойкостью организма, невосприимчивостью к заболеваниям, сексуальной энергией и способностью к деторождению. Все это составляет природный потенциал, который определяет перспективу и долговечность общественного бытия человека, его профессиональную и общественную пригодность, продолжительность его активной жизни как субъекта социальной деятельности. Поэтому важной и благородной задачей для человека является сохранение своего биологического ресурса.

Биологические потребности человека

Существуют два рода потребностей, управляющих человеком – *биологические* и *социальные* (натуральные и духовные). Природа потребностей зависит, прежде всего, от деятельности, которая ведет к их удовлетворению. У человека – это деятельность, опосредованная общественными условиями жизни. Потребности человека как высшие, так и элементарные,

всегда имеют общественную природу. В целом, потребность – это избирательная зависимость живых организмов от факторов внешней среды, существенных для самосохранения и саморазвития. Потребности определяют интересы, стремления, желания, влечения человека, направленность его мышления и цели.

Биологические (естественные) потребности – это всеобщие первичные потребности жизнедеятельности организма, нормального функционирования человеческого тела. К ним относятся: потребности питания и выделения, потребности расширения жизненного пространства, деторождения (воспроизводства рода), потребность физического развития, здоровья, общения с природой. Подчиняясь зову своей природы, человек побуждается к действиям, направленным на удовлетворение биологических потребностей.

Биологические потребности обеспечивают существование человека как биологического существа и человечества как биологического вида. Базисными в этой группе являются потребности в безопасности, в личной территории и потребность в продолжении рода.

Базисные (основные, основополагающие) биологические потребности порождают множество квазипотребностей, производимых от основных. Например, базисная потребность в безопасности, включающая в себя потребность (квазипотребность) в поддержании постоянной температуры тела, порождает у человека потребность в одежде, а она, в свою очередь – потребность в производстве одежды, в создании технических средств для этого производства, в моде, в сервисной службе. Базисная потребность в безопасности порождает также потребность человечества в медицине, в производстве лекарств, в санитарии и гигиене, в здоровом образе жизни, в отдыхе, что способствует созданию и расширению сферы услуг. Эта же базисная потребность в безопасности (выживании) включает в себя потребности человека в пище и питье.

Биологические потребности удовлетворяются материальными объектами.

Среди биологических потребностей выделяют также принцип экономии сил, который может проявляться и как всем знакомая лень, и как стремление к изобретательству, к совершенствованию навыков.

Биологические потребности делятся на два вида – потребности «для себя» и потребности «для других». Биологические потребности «для себя» обеспечивают выживание индивида самого по себе. Биологические потребности «для других» обслуживают выживание вида в целом как общности биологических особей. Предпосылкой развития потребности «для других» в животном мире являются родительский инстинкт, групповая забота о молодняке, наблюдаемая у многих видов животных, а также способность к эмоциональному резонансу. У человека биологические потребности «для других» в основном проявляются как забота о близких, родных, членах семьи, об их благополучии.

Итак, люди как живые организмы, рождаются с определенными биологическими потребностями, которые должны удовлетворяться для продолжения жизни отдельного человека. Они, конечно, оказывают влияние на психику человека. Вопрос заключается в том, какова степень этого воздействия и каким способом оно осуществляется.

Представление о человеке как социально-природном существе

В прошлом психология, отвечая на поставленные вопросы, опиралась на теорию инстинктов. Психологическая наука исходила непосредственно из биологических потребностей человека, считая, что наличие определенных действий, мыслей, чувств, влечений вызываются непосредственно ими. Таким образом, основой теории инстинктов является концепция, согласно которой жизнь человека вызывается его биологическими потребностями. Исходя из теории инстинктов, многие психологи и философы приписывали людям всевозможные инстинкты, среди которых назывались в качестве доминирующих материнская любовь, эгоизм, агрессия, любопытство, общительность и даже капиталистическое накопление. З. Фрейд все эти многочисленные инстинкты свел к двум – инстинктам жизни и смерти, которые проявляются в превращенных формах во всех сферах жизни человека. Инстинкт жизни воплощает стремление любого организма к продолжению своей жизни, росте. Инстинкт смерти, напротив, выражает собой деструктивную тенденцию организма, находящую выход в агрессии, разрушении, ненависти, жестокости, самоистязании.

Данная концепция инстинктов подвергалась критике со стороны многих ученых. Одно из возражений против теории, которая выводит человеческие мысли, чувства и деятельность непосредственно из биологических потребностей человека, состоит в том, что люди ведут не чисто биологическую жизнь. Ведь люди имеют множество таких потребностей, которые не могут быть сведены к проявлениям основополагающей потребности протоплазмы в продолжении своей жизни. Решающей характеристикой человеческих нужд в отличие от нужд животных является то, что многие потребности человека порождаются организацией людей в непрерывно меняющейся общественно-экономической формации. К примеру, имеется потребность в таких формах духовной коммуникации между людьми как музыка, литература, философия и т.д. Есть потребность в средствах транспорта, в воспитании, культурной деятельности и многих других вещах, совсем не связанных (во всяком случае непосредственно) с прямой биологической необходимостью. И тем не менее еще со времен З. Фрейда среди психологов и психиатров продолжает господствовать тенденция, согласно которой все в человеческом бытии определяется биологическими потребностями, причем, главный упор делается на половом влечении.

Рассмотрим, казалось бы, наиболее органические для естества потребности, например, пищу. Обусловлена ли эта потребность только биологическими факторами? Человечество в течение длительного периода

накапливало опыт и, тем не менее, каждому новому поколению, вступающему в жизнь, приходится мучительно обучаться тому, как есть и что можно употреблять в пищу, ведь, ребенок не различает того, что вкусно, а что не вкусно, он будет есть всевозможные ядовитые и даже неприятные на вкус вещества. Запреты в еде вовсе не являются врожденными. Кроме того, не каждый человек из еды делает культ и рассматривает еду как приятное и важное дело, встречаются люди, которым еда противна.

То же самое можно сказать и в отношении других биологических потребностей. В различных обществах люди по-разному удовлетворяют свои биологические потребности и думают о них. Биологические потребности и свойства оказывают влияние на психику, но это влияние носит косвенный характер – в зависимости от того, какие именно пути данное общество предустановило для удовлетворения таких потребностей. Решающим фактором в определении характера и качества отношений между людьми является не просто тот факт, что все люди имеют биологические нужды, а способ производства и собственность на средства производства. На наших мыслях, чувствах, влечениях и обычаев, связанных с потреблением пищи, больше сказывается собственность на землю, тип сельскохозяйственной техники, достаточное количество произведенного продукта и классовое устройство общества, т.к. прежде всего от этих факторов зависит, кто, что и сколько ест, а не от гипотетического инстинкта пищи. Этим, конечно, не отрицается роль биологии в человеческих потребностях, но необходимо понять значение того факта, что человеческий биологический организм становится человеческим существом только в определенном обществе. Необходимо помнить, что биологические потребности неразрывно связаны с определенной техникой производства и исторической формацией, которые, в свою очередь, определяют и характер нашей деятельности, и наши мысли, чувства, влечения, чувства и отношения между людьми. Такие качества людей, как доброта или агрессивность, эгоизм, любовь, порядочность и т.п. определяются не на биологическом, а на социальном уровне.

Только благодаря влиянию социальной деятельности человека произошло сочетание биологических потребностей человеческого организма с социальным опытом и социальными потребностями, что полностью изменило животный характер этих потребностей. Оно даже изменило саму физиологию мозга и тела человека. Благодаря изменению коры головного мозга под воздействием цивилизации, обучения, воспитания биологическое и социальное стали единым.

Фундаментальные витальные потребности

Несмотря на описанную выше социобиологическую двойственность человеческого бытия, возможно говорить о первичных биологических формах потребности. В них она является состоянием организма, выражающим объективную нужду в дополнении, которая лежит вне его. Конечно первая и главная потребность человека – потребность жить. Перед

этой потребностью все остальные потребности отступают на второй план, подчиняясь главной потребности – жить, а для того чтобы жить человек должен есть, пить, одеваться, иметь жилище, и рожать детей.

Человек является одним из организмов. Отсюда следует, что он подчинен силам и условиям, которым подчинены организмы вообще. Таковыми являются все условия, сохраняющие жизнь организма и данные вместе с последними. Любой организм, чтобы жить, должен удовлетворять свои основные потребности. К ним относятся, прежде всего, биологические потребности как раздражители – потребность в пище, в размножении, в самосохранении. Эти потребности даны вместе с организмом и неотделимы от него, поскольку жить, не удовлетворяя их, никакое живое существо не может.

Такие потребности называются *жизненными (витальными) потребностями*. Потребности, удовлетворяющие этим признакам, составляют то, что обычно называют биологическими факторами поведения и социальной жизни людей. Они считаются факторами в силу того, что в самом прямом смысле представляют собой «двигатель», заставляющий человека действовать, и действовать в определенном направлении. Если какая-либо биологическая потребность не удовлетворена (например, голод), она повелительно побуждает человека к действиям и поступкам, направленных на ее удовлетворение. Главнейшими из биологических потребностей являются: потребность питания, потребность половая (размножение), потребность индивидуальной самозащиты, потребность групповой самозащиты, бессознательное подражание, потребность движения, потребность сна и покоя, бесцельного расходования излишней энергии (игры), удаление из организма продуктов распада и т.п.

К группе биологических факторов мы должны отнести также растительные и животные организмы, окружающие человека, поскольку на жизнь и поведение человека влияют не только люди, но и другие организмы, с которыми он соприкасается. Жизнь и поведение людей зависят не только от крупных животных организмов, но и от мелких. Например, в местах богатых хищными зверями и дичью, человек будет вести себя иначе, чем в местах, где их нет, или в местах, где имеют место холерные бациллы, вызывающие в мире людей эпидемии, смертность или ряд мер, направленных на борьбу с ними. На поведение людей оказывает влияние и характер окружающего их растительного мира. Места, богатые фруктовыми деревьями или годными для пищи растениями, делают удовлетворение голода и поддержание жизни гораздо более легкими по сравнению с местами, бедными такими растениями, то есть флора и фауна оказывают влияние на жизнедеятельность, поведение людей.

Социобиологический смысл питания

Одной из важнейших фундаментальных витальных потребностей является потребность человека в пище, поскольку питание – основа его здо-

ровья и жизнедеятельности. Голод и жажда – могучие двигатели человеческого поведения, ими вызываются множество поступков человека, им обязаны своим существованием ряд социальных институтов и общественных процессов.

Влияние голода сказывается также на течении мыслей и представлений. Голод нарушает нормальную смену их, чаще вызывает представления, связанные с пищей, зачастую вытесняет все мысли и представления, не имеющие отношения к удовлетворению данной потребности. В большинстве случаев голодный человек сосредоточен только на еде и не может думать ни о чем другом.

Голод и жажда влияют и на восприятия человека. Голодный человек, как правило, делается особенно чутким в области обоняния, слуха, зрения к предметам и явлениям, связанным с пищей, но культурный опыт знает и применение голодания в религиозных целях: истощение организма, трактуемое как ритуальное очищение, способно приводить к галлюцинаторному опыту, воплощающему в себе путь в мир сакрального.

Голод вызывает также множество физиологических процессов в организме, начиная с выделения слюны и кончая направленной на преодоление голода перестройкой всего организма. Таким образом, влияние голода на ряд отдельных сторон поведения человека проявляется во множестве форм и видов.

Под влиянием голода довольно часто обессиливается инстинкт самозащиты. Ради того, чтобы поесть, люди нередко рискуют жизнью. Голод и жажда преодолевают и половой инстинкт, поскольку при продолжительной голодовке половая потребность ослабляется и падает.

Голод и жажда могут преодолеть и социально-психологические раздражители поведения. Они часто толкают человека к нарушению религиозных правил поведения. Вследствие голода верующие нередко едят запрещенную религией пищу. Голод преодолевает также правовые и нравственные факторы. Под воздействием голода даже честные люди становятся преступниками. Таким образом, под влиянием голода человек может совершить ряд несвойственных ему поступков.

Голод и жажда имеют многостороннее влияние на социальную жизнь. В любом обществе имеются явления и институты, обязанные своим существованием этой потребности; это институты производства питательных благ, обмена, предназначенные для обмена пищевых продуктов (продовольственные магазины, рынки, ярмарки и т.п.), институты потребления пищи (рестораны, столовые, закусочные, кафе, пивные, и т.д.), институты распределения пищи (комиссии продовольствия, снабжения, пищевого обеспечения, всевозможные закупочные комиссии, группы, распределяющие и развозящие продукты питания).

Потребность в пище оказывает влияние и на другие области общественной жизни. Так, например, значительная часть законов (правовых норм) представляет собой нормы, регулирующие питание и распределение

пищевых продуктов между членами группы. Основным элементом многих религиозных обрядов и заповедей, начиная с обряда причащения, символизирующего питание человека, был и остается «хлеб наш насущный». Кроме того, широко распространенной темой произведений искусства, литературы, живописи и т.д. являются голод и сытость.

Итак, питание – важнейший компонент жизнедеятельности человека, оно определяет продолжительность и качество жизни человека. От питания во многом зависят не только здоровье, долголетие человека, но и его внешний вид, настроение, работоспособность, восприятие окружающего мира. Потребление здоровой пищи – один из главных принципов здорового образа жизни. Поэтому ошибки в структуре питания становятся одной из причин многих тяжелых заболеваний (прежде всего, сердечно-сосудистых и онкологических).

Важнейшим условием нормального обмена веществ в организме является сохранение постоянства внутренней среды. Состав питательных веществ, поступающих во внутреннюю среду, даже при случайном выборе не должен кардинально изменяться. К пище относят только те вещества, которые обеспечивают организм энергией, материалом для роста, восстановления и воспроизводства, а также те, которые регулируют эти процессы.

Биологическое значение воды для человека

Огромную роль в жизнедеятельности человеческого организма играет вода и минеральные вещества. Вода – основа жизни на Земле. Вода составляет 75% организма человека, 85 % мозга, 94% крови, при потере 8% воды у человека появляются галлюцинации, 10% – кома, 12% – смерть.

Как известно, без пищи человек может прожить более 30 дней, без воды – только 5–7 дней. При недостатке воды в организме она забирается: до 66% потребности из клеток, как следствие – повышается уровень холестерина, появляется усталость, до 20% – из межклеточного пространства, в результате чего возникает подагра и камни в желчном пузыре, почках, до 8% из крови, что ведет к развитию инфарктов и инсультов.

В день человек должен получать столько жидкости, сколько он тратит (выводится из организма). Суточная потребность организма в воде составляет около 30 г на 1 кг массы. На долю напитков приходится 1 – 1,5л в день, но не все напитки равноценны и полезны для организма. Чай, кофе, пиво, вино обладают мочегонными свойствами, поэтому избыток этих напитков может привести к суммарной потере воды. Молоко и молочные продукты – полезные напитки, но они также обладают мочегонным эффектом, а некоторые люди вообще плохо переносят молоко. Для ликвидации жажды оптимальна чистая вода, разбавленные соки, минеральные воды. Здоровье человека во многом зависит от качества воды. Минеральный состав воды определяет работу кишечника, сердца, сосудов, мышц, деятельность эндокринной системы. Поэтому по–настоящему полезна для челове-

ка только природная вода, а сладкие газированные напитки наиболее вредны для здоровья.

Кроме всех вышеперечисленных элементов, обязательной составной частью всех жидкостей и тканей являются минеральные вещества. Они обеспечивают развитие и нормальное функционирование организма, участвуют во всех видах обмена веществ.

Социополитический характер современных феноменов голода и избыточного веса

Современный продовольственный кризис грозит миру массовым голодом. Сегодня под угрозой голода оказались многие государства, а не только самые нищие и отсталые страны Африки. Многие ученые считали, что в условиях бурного развития науки и техники такое явление, как голод, исчерпало себя, но реальность дает совершенно иные прогнозы.

Создавшуюся ситуацию аналитики оценивают как крайне пессимистическую. Согласно мнению западных экспертов, продовольственный кризис – более серьезная проблема, чем падение курса акций и замедление экономического роста и даже чем международный терроризм. Выявляющаяся в таких обстоятельствах проблема голода представляет собой глобальную угрозу, поскольку голод, как показывает культурная история, сопровождается общим регрессом – в области образования, равноправия, общего культурного уровня т.д. Кроме того, голод вместе с бедностью порождает угрозу мировой безопасности. Поэтому из вопроса морали борьба с голодом превращается в вопрос выживания. Противоположной проблемой современного общества является проблема избыточного веса.

Животные, как известно, не обжираются, они едят в меру, эту меру им указывает сам инстинкт голода. Совсем другая картина с человеком. Для него обжорство, ведущее к многочисленным болезням, обычное явление. Животные едят тогда, когда они хотят есть, у них нет точных часов еды. Порядок и способы приема пищи у них регулируются самим инстинктом голода. У человека же время завтрака, обеда, ужина определяется главным образом влиянием других факторов. У каждого человека они распределяются в зависимости от его занятий, часов службы и т.д. Не служба и занятия приспосабливаются к голоду, а, наоборот, голод приурочивается к определенным часам, определенной совокупностью социально-психических факторов.

Идеальная масса тела – главная забота многих людей в современных условиях, во всяком случае, по статистике каждый четвертый взрослый в течение того или иного времени прибегает к диетам с целью снижения веса.

По статистике, большинство людей хотят похудеть по соображениям красоты, но тип фигуры обусловлен генетически – даже усилием воли из коренастой фигуры «тростинка» не получится. Худеть необходимо, прежде всего, для того, чтобы быть здоровым. Для этого в первую очередь надо

правильно питаться. Задача будущего заключается в том, чтобы на место инстинктивного механизма питания (поскольку он разрушен), поставить правила здорового питания, вырабатываемые наукой.

Сексуальная потребность как социобиологический феномен

Подобно потребности питания инстинкт размножения врожден организму, его удовлетворение является необходимым условием существования рода человеческого. Этим объясняется его огромное влияние и роль в возникновении и развитии множества явлений, институтов и процессов общественной жизни.

Половой инстинкт вызывает ряд физиологических процессов в организме, приводящих к усилению деятельности органов воспроизводительной системы. Под влиянием этой потребности весь организм человека (и животных) превращается в аппарат, направленный на удовлетворение половой потребности. Меняются поступки человека, его внешний вид, нарушается нормальное течение психики путем вытеснения всех других представлений и мыслей, не относящихся к данной потребности. Под влиянием этой потребности человек совершает множество самых разнообразных актов: она побуждает его влюбляться, толкает на подвиги или безрассудные действия.

Отсюда следует его огромное влияние на социальную жизнь, проявляющееся как в ряде социальных институтов, так и в социальных процессах. Половой инстинкт, к примеру, подвергается правовому регулированию. Согласно нормам права, регулируются отношения между полами, супругами, родителями, между родителями и детьми, родственниками. В религии половой инстинкт проявляется в обоготворении детородных органов, в появлении богов и богинь плодородия, в культе «Таинства брака».

Половой инстинкт оказывает колоссальное воздействие на социальную жизнь через размножение людей. Следствием удовлетворения данной потребности является воспроизводство населения. Этот факт сам по себе имеет громадное значение, поскольку от роста и количества населения изменяется состав группы и характер ее организации. Но, тем не менее, степень влияния половой потребности на поведение людей не абсолютна, а зависит от степени и характера действия других факторов поведения. Например, инстинкт самосохранения может подавить или уничтожить влияние полового инстинкта, поскольку человек находящийся в опасности, не испытывает потребности в удовлетворении данного инстинкта. Подавляет его и голод. Человек, который не доедает, истощенный, перестает чувствовать данную потребность.

На подавление полового инстинкта оказывают влияние также социально-психологические факторы. Например, под влиянием религии аскеты и многие сектанты подавляют эту потребность. То же можно сказать и о праве, нравственности, влияние которых проявляется и в формах брака. Влияют и экономические условия. Многие люди не вступают в брак до тех пор, пока в достаточной мере не сумеют обеспечить будущую семью. Одни

не женятся из-за экономических проблем, другие, наоборот, вступают в брак из-за денег.

Влиянием социальных факторов объясняется и тот факт, что у людей частично разрушен биологический механизм, присутствующий у животных, определяющий время и способы удовлетворения половой потребности. Животные удовлетворяют ее тогда, когда этого требует природа, то есть время регулируется самим инстинктом.

Социально-психологические факторы оказывают также влияние на процесс размножения. Г. Спенсер убедительно показал, что в самих биологических условиях уже даны силы, ограничивающие величину размножения организма. К ним относятся интересы самосохранения вида и индивида, т.к. выживание возможно только двумя путями: тем, что данный вид будет в громадном количестве размножаться, или, наоборот, размножение его будет ограничено. Спенсер пришел к выводу, что чем выше организм по своему строению, тем потомство его малочисленнее. Такое постепенное уменьшение размножения проявляется в человеческом роде. Чем выше по духовному развитию страны, тем процент рождаемости ее ниже. По мере роста культуры и цивилизации одного и того же населения прирост его постепенно замедляется. То же влияние оказывает характер социально-правовой организации, религии, промышленности, экономического благосостояния страны. С ростом цивилизации и культуры половой фактор все более и более подпадает под влияние социальных условий. От них зависит быстрота размножения, величина смертности и рост населения.

Таким образом, половой инстинкт является одним из могучих факторов человеческого поведения и социальной жизни, но он представляет собой только не большую часть системы биологических потребностей человека. Это один из базисных инстинктов, одна из базисных потребностей, связанная с другими базисными потребностями. Важность сексуального инстинкта как проявления потребности продолжения рода несомненно.

Проблема секса сегодня довольно актуальна. О сексе, сексуальной революции очень много пишут, говорят, обсуждают, но проблем в этой сфере меньше не стало. Сексуальная революция, возникшая в 60-е годы прошлого столетия в странах Западной Европы, – противоречивый процесс. Ее результатом, с одной стороны, стала терпимое отношение к сексуальности, понимания того, что она представляет собой важный аспект общественной и личной жизни, одной из проявлений свободы, а с другой стороны – негативные последствия, обусловленные тем, что многие запретительные нормы потеряли свое значение, а новые нормы внутреннего регулирования еще не сложились. Например, наиболее распространенная запретная в прошлом форма половой жизни до вступления в брак и вне брака в известной степени утратила свое значение, но не исчезла. Но теперь в западной цивилизации секс до брака не возбраняется.

Инстинкт индивидуального и группового самосохранения как биологическая потребность

Удовлетворить потребность голода и размножения – значит поддерживать жизнь индивида или рода, но в качестве особого фактора существует инстинкт самосохранения. Он побуждает человека к действиям, которые предотвращают опасность, грозящую жизни организма.

Инстинкт самосохранения существует в двух формах: в форме инстинкта индивидуального самосохранения и группового. Они различаются между собой и действуют по-разному.

Как известно, инстинкт самосохранения играет большую роль в жизни животных. У человека инстинкт индивидуального самосохранения проявляется в форме чисто биологического инстинкта (в форме бессознательных действий) и в форме осознанного инстинкта. Инстинкт самосохранения побуждает человека действовать без всякого обдумывания, моментально. Например, когда мы обжигаемся, то машинально отдергиваем руку. Даже биологическая роль страдания и боли заключается в том, что они являются сигналами о неблагополучии. Но чаще у человека инстинкт самосохранения проявляется в осознанном виде. Опасность, как правило, осознается человеком, что побуждает его совершать определенные действия для ее предотвращения.

Инстинкт самосохранения воздействует на физиологические процессы, на мысли человека и его представления, на поведение и общественную жизнь. В свою очередь, сами социальные механизмы, например правовые, обеспечивают его удовлетворение. Но современный человек часто испытывает удовольствие от потребления таких веществ, которые представляют угрозу как для его собственного, так и общественного здоровья (например, удовольствие от алкоголя, табака, наркотиков), и в то же время он может страдать от полезного, с точки зрения биологии.

С инстинктом индивидуального самосохранения неразрывно связан инстинкт группового самосохранения, который направлен на сохранение жизни не отдельного человека, а группы. Данный инстинкт возник на основе сохранения целостности целого рода или вида животных. Одной из форм проявления инстинкта группового самосохранения является родительский инстинкт, или материнский.

У людей инстинкт группового самосохранения выступает чаще всего в осознанном виде, но нередко проявляется и в форме бессознательного инстинкта. Это проявляется в том, что люди жертвуют собой ради благополучия других людей, одни умирают за родину, другие – за друзей, родных.

Кроме рассмотренных фундаментальных витальных потребностей имеют место множество других, которые играют важную роль в жизнедеятельности человеческого организма. К ним можно отнести бессознательное подражание, потребность движения, биологическую потребность отдыха и сна, дыхания, удаления из организма отработанных веществ, ги-

гиеническую потребность. Все они, подобно предыдущим, заставляют человека совершать ряд действий и вызывать ряд явлений в общественной жизни.

Потребность подражания

Бессознательное подражание проявляется в том, что люди совершают ряд действий в силу подражания. Простейшие факты бессознательного подражания – заразительность смеха, ужаса, зевания и т.п.

Подражать – значит повторять, копировать определенный образец. Подражание играет большую роль в общественных явлениях и в поведении человека. Всякое сходство людей в области моды, обычаев, этикета обусловлено подражанием.

Наиболее ярко подражание проявляется в толпе. Зачастую настроение толпы заражает человека, в ней оказавшегося: он помимо своей воли и сознания поддается ее общему эмоциональному настрою. Конечно, для действия подражания нужны определенные условия, поэтому подражание проявляется по-разному и оказывает различное влияние.

Таким образом, бессознательное подражание является фактором человеческого поведения и социальных явлений. Благоприятствует его влиянию все те же обстоятельства, которые ослабляют высшие центры сознания. К ним можно отнести однообразие, бедность и монотонность впечатлений, а также чрезмерное богатство раздражений, притупляющих и оглушающих эти высшие центры сознания.

Потребность движения

Еще одной биологической потребностью человека является потребность движения. Движение – характерное свойство всякого животного организма вообще, оно свойственно и человеку: оно составляет для него абсолютную потребность. Данная потребность может удовлетворяться и без участия материальных благ и услуг.

Потребность движения удовлетворяется либо в сознательно-целевых движениях, либо в бесцельных действиях, совершаемых в силу самой потребности движения. Удовлетворение этой потребности является фактором, вызывающим поступки и действия людей, начиная с бесцельных движений частями тела и кончая требующими специальных навыков актами (длительные прогулки, бег, прыжки, плавание, танцы, игры и т.д.). Наиболее ярко потребность движения проявляется в ситуации ограничения свободы движений. Для человека мучительным оказывается ограничение свободы движений даже пределами определенного помещения (тюрьма, камера) или пределами территории (запрет въезда, выезда)

Потребность отдыха

В качестве других биологических потребностей можно назвать потребность отдыха и сна. Отдых – рекреация (от лат. recreation – восстанов-

ление) для человека – одна из необходимых потребностей, поскольку целостность человеческой личности проявляется, прежде всего, во взаимосвязи и взаимодействии психических и физических сил организма. Гармония на уровне психофизики организма повышает резервы здоровья, создает условия для творческого самовыражения. Человек не может непрерывно работать или бодрствовать. В силу ограниченности физического ресурса организма он нуждается в отдыхе и сне. Именно данной потребностью определяются ритмы жизни, начиная с суточного ритма человеческой деятельности и кончая такими, как длина рабочего дня, рабочие смены, приостановка времени работы обеденным перерывом, отпуском, каникулами и т.д.

Потребность в отдыхе реализуется как своевременный отдых организма от различных нагрузок, в том числе информационных, во время которого восстанавливается энергопотенциал. Отдых как следствие всякой активности является физиологической потребностью. Сам по себе отдых – это удовлетворенность всех потребностей первых двух групп потребностей в пирамиде Маслоу – физиологических и потребности в безопасности.

Отдых можно рассматривать и как инструментальную деятельность организма по усвоению химических веществ, энергетической и нервной реорганизации. Утомление наступает как импульс, а отдых это та замедленная активность, которая проявляется как внешняя, видимая пассивность, во время которой организм восстанавливает собственный потенциал.

Идеальная модель отдыха представляет собой соответствие рекреационных потребностей индивида разумному порогу их удовлетворения. Этот разумный порог допускает следующие явления: восстановление физических сил организма, удовлетворение первичных потребностей человека, регулярное удовлетворение физических и духовных потребностей традиционными средствами, к которым относятся лечение и профилактика здоровья, релаксация, туризм, физическая рекреация как борьба с гиподинамией. При этом надо учитывать психологию человека, его индивидуальные особенности и эстетические критерии.

Как социально-культурное явление рекреация определяется совокупностью структурных компонентов, к которым относятся ценностные ориентации личности, мотивированное стремление к удовлетворению реакционных потребностей, индивидуальные психологические установки и стили рекреации. Результатом социально-культурной рекреации является улучшение психофизиологического состояния личности.

Важнейшей характеристикой рекреативной деятельности является не только ее содержание, но и внешняя форма, которую можно определить как стиль рекреативного поведения индивида. Благодаря разнообразию известных стилей рекреации каждый человек может подобрать тот, что соответствует его ценностной доминанте. Так, при доминировании ценностей физического совершенствования индивид включается в интенсивные заня-

тия спортом и в иные виды активного досуга; при доминировании ценностей духовного самосовершенствования индивид стремится к гармоничному отдыху на природе, к развитию эстетических, нравственных и интеллектуальных потребностей.

Большую роль в удовлетворении биологических потребностей человека, в том числе потребности в отдыхе играют флора и фауна, биоклиматические ресурсы, природные (естественные) ресурсы, под которыми понимают природные объекты и явления природы, которые человек использует для создания материальных благ, обеспечивающих поддержание человечества и постепенное повышение качества жизни.

Потребность в гигиене

К числу биологических потребностей относится потребность удаления из организма ненужных веществ. Данная потребность оказывает влияние на наше поведение, а в общественной жизни вызывает ряд процессов (начиная с устройства туалетов в частных и публичных зданиях и кончая такими социальными феноменами как санитарно-эпидемический надзор, существование санитарно-медицинских норм), обеспечивающих тот уровень чистоты всех сфер проживания человека, который считается нормальным для данного общества. Хотя в современном мире проблемы чистоты и борьбы с эпидемиями отданы всецело медицинскому знанию, изначально они принадлежали религиозной сфере. Например, средневековый человек, описывая болезни с помощью понятия «заразы», воспринимал больных как захваченных вредоносной активностью самого дьявола. Эту тенденцию наследует и эпоха Возрождения: уже профессионализированная медицина этого периода продолжит дело по дьяволизации эпидемий. Известные эпидемиологи XVI века Амбруаз Паре и Джироламо Фракасторо начнут объяснять эпидемические заболевания как передачу между телами контагия – некого дьявольского материального вещества, распространяющегося посредством любого непосредственного рецептивного контакта и практически неуязвимого для врачевания.

Гигиеническая потребность является одной из фундаментальных потребностей человека, которая непосредственно связана с потребностью в поддержании здоровья. Здоровье во многом обусловлено влиянием природных и социальных факторов. К природным относятся воздух, вода, почва, климат, к социальным – условия труда, питания, жилищные условия и др. Эти факторы взаимосвязаны. Так, рост современных городов влияет на природный состав воды, воздуха, почвы, в свою очередь, природные факторы определяют характер питания населения. Учитывая эти факторы, гигиена (от греч. hygieinos – здоровый) как специальная медицинская наука изучает влияние условий жизни и труда на здоровье человека, разрабатывает нормативы здорового образа жизни в труде, в быту, во время отдыха, а также мероприятия по профилактике заболеваний, сохранению здоровья и продлению жизни. В ней выделяются следующие специализи-

рованные направления: коммунальная гигиена, гигиена труда, гигиена интеллектуальной деятельности, гигиена питания, личная гигиена и др.

Личная гигиена предусматривает использование различных видов физической активности в зависимости от возраста, пола, состояния здоровья и вида профессиональной деятельности. Для сохранения и укрепления здоровья большое значение имеют рациональное питание, правильный режим труда и отдыха. В компетенции личной гигиены также находится регламентация темпов и ритма жизни, режима сна и отдыха; особенно это касается жителей больших городов, поскольку в условиях урбанизации (роста городов) создается ускоренный темп при заданном ритме жизни, увеличиваются коммуникативные связи, возникают перегрузки информацией (производственной, бытовой, развлекательной), высокий уровень шума в населенных пунктах и жилых помещениях, повышение стрессовых нагрузок – все это приводит к нервным перегрузкам, стрессовым состояниям.

Эта область знания предполагает и разработку гигиенических требований к предметам быта (особенно изготовленных из синтетических материалов) и современной бытовой техники. Синтетические материалы загрязняют воздух токсическими веществами, что приводит к различного рода изменениям в организме, способствует возникновению многих воспалительных и аллергических заболеваний. Бытовая техника помимо создаваемого ей комфорта оказывает негативное воздействие на здоровье человека: многие приборы являются источниками шума, вибрации, повышения температуры воздуха, электромагнитных излучений, что, безусловно, может стать фактором риска. Поэтому разработка гигиенических требований к бытовой технике – одно из актуальных направлений исследований современной гигиенистики.

Потребность в жилье

Наконец, к естественным потребностям относится и потребность в жилище. Жилье, тем более, хорошее – материальная предпосылка существования человека. Оно обеспечивает человеку благоприятную среду обитания, способствует сохранению его здоровья. Одной из характеристик условий жизни человека является «жилищный комфорт», определяющий оптимальные условия расселения семьи в квартире.

Жилище – это сложная система природной и искусственно созданной среды. Зона обитания человека включает не только жилье, но и зону культурно-бытового обслуживания. Зона обитания должна создавать благоприятные условия для жизнедеятельности человека. В современный период в условиях бурного градостроительства возрастает опасность негативного влияния изменений жилой среды на здоровье вследствие увеличения этажности и плотности застройки, использования вредных строительных материалов

Экология культуры человека

Человек – существо биосоциальное. Биосоциальная природа человека проявляется в том, что в его жизнь входят как биологические, так и социальные факторы, что делает необходимым не только его биологическую адаптацию, но и социальную.

Биологическая адаптация обусловлена стремлением человека сохранить свои биологические функции, а это, в свою очередь, способствует сохранению социальных. Данное обстоятельство имеет очень большое экологическое значение.

С точки зрения экологии, человек – один из видов животного мира с присущей ему сложной организацией. Несмотря на то, что человек как биологический вид представляет собой высшую ступень развития живого на Земле, он, как и любой живой организм, зависит от окружающей среды. Иными словами, несмотря на производственную деятельность, позволяющую человеку преодолевать ограничивающие абиотические и биотические факторы, природа составляла и будет составлять неотъемлемую часть окружающего человека мира.

Другой составной частью окружающего человека мира является искусственно созданная им среда; она воздействует на биологические и социальные процессы в человеческих популяциях. Современная техногенная цивилизация уже сейчас в достаточно убедительной форме высвечивается как цивилизация постбиосферная и постчеловеческая. Ее становление и развитие характеризуется трансформацией биосферы и человека, в ходе которой разрушаются прежние формы жизни биосферы, жизнедеятельности людей и многогранной природы биосферного человека. Речь идет о том, что человечество, проделав путь от «природного» к «социотехноприродному», на котором оно добилось некоторой независимости от природных воздействий, подпадает под влияние техносферы. Прежде всего, это касается проблемы соотношения между растущими человеческими потребностями и возможностями природы. За три последних столетия цивилизованные потребности населения и возможности их удовлетворения за счет природы возросли в десятки раз. Все это привело к тому, что техновещество (совокупность технических систем) расходует потенциальную энергию биосферы примерно в десять раз быстрее, чем она аккумулируется в земной коре. И чем «выше» уровень цивилизации, тем сильнее потребительски–негативное воздействие общества на свою праматерь.

Еще одна группа проблем, вызванная техногенной адаптацией человека, связана с экологией самого человека и его жизнестойкости. Дело в том, что человек утратил гармоничную целостность с природой: в условиях индустриальной цивилизации экология человека значительно расходится с экологией окружающей среды, более того, входит с ней в противоречие. Под влиянием внешней экологии изменяется и внутренняя экология человека. Например, современный человек употребляет полуприродную–полуискусственную пищу, что связано не только с широким использованием минеральных удобрений, но и с социализацией природного мира в целом – с надприродным индустриально-искусственным выращиванием жи-

вотных и растений. Учеными установлено, что наши предки употребляли в пищу в пять раз больше клетчатки, в четыре раза меньше соли и в два раза меньше жиров. Значительно реже в их рационе было мясо. Таким образом, их питание было значительно более здоровым. Кроме того, загрязненные вода и воздух, на которые обречен современный человек, представляют угрозу для здоровья. Жизненно важная для организма кишечная бактериальная флора может серьезно пострадать от употребления загрязненных вод, легкие под воздействием загрязненной среды значительно чаше поражаются бронхитами, раком и другими болезнями. В результате нарушения экологии человека приобрели массовый характер многочисленные так называемые «городские болезни».

Итак, в техногенной среде, особенно под воздействием «химической агрессии», не только меняется внутренняя экология человека, но и практически все его основные природные свойства. Все эти факты демонстрируют, что следствием прогресса является разрушение природного мира, а вместе с ним и прежнего природно-социального типа человека. Ф. Ницше, провозглашавший устами Заратустры рождение сверхчеловека и утверждавший, что его современник «есть переход и гибель», оказался в итоге прав: человечество, слишком сосредоточенное на удовлетворении «слишком человеческих» потребностей, на росте комфорта своего существования, подрывает собственные основания и ослабляет потенциал собственных сил.

Переход биосферы в ноосферу означает, что человечество как планетарное явление в социальной и естественной истории планеты принимает на себя всю полноту ответственности за дальнейшую эволюцию биосферы. Оно также берет на себя ответственность за собственную биосоциальную эволюцию.

Ускоренное формирование ноосферы во второй половине XX века сопровождается пока и ускорением деградации современного типа человека. Именно этот период характеризуется нарастающим созданием технически комфортной среды обитания людей и социализацией естественно-природного мира во имя комфортности и «сытости». Таким образом, процесс развития техносферы и ноосферы, соответственно гибели биосферы и биосферного человека, получает свое ускорение. И кто знает, приведет ли нынешний научно-мыслительный всплеск на планете действительно к окончательному формированию ноосферы – сложной жизнеспособной и жизнестойкой системе природно-биологического, искусственно-технического и разумного, или послужит всего лишь дальнейшему нарастанию деградации биосферного человека.

Деградация биосферного человека, выражающаяся в том, что человек стремительно теряет свои природные качества, осуществляется двумя путями. Первый из них – ярко выраженный путь физического и психического вырождения нынешнего типа человека, который, к сожалению, прошли некоторые первобытные общества. Второй – это путь формирования нового, безнравственного человека, интегрированного в мир техники и органически соединенного с техносферой и ноосферой, что также является сценарием деградации биосферного человека, но деградации «перспек-

тивной». В этом сценарии природная жизнедеятельность человека всецело определена техникой, его жизнь конструируется искусственными технологиями. Искусственное сердце, искусственные легкие, искусственные глаза и уши, искусственное оплодотворение и т.п. становятся нормой для данного типа человеческого существования.

Таким образом, возделывание природы и человека в ходе мощного технического развития производительных сил дошло до той черты, когда «облагораживание» превратилось в свою противоположность – уничтожению подвергся сам фундамент живого и биосферы. Шансы на «выживание» природы становятся мизерными. В такой ситуации удовлетворение человеческих потребностей реализуется за счет производства и роста искусственного мира, а все природное оценивается на «вес золота»

Человек, уничтожая живое, не замечает того, что это живое является частью его организма, простирающейся на всю биосферу. Но именно биосфера как единое и замкнутое в масштабах планеты целое обладает максимальной системностью. Включая в себя человека, общество, растительный и животный мир, сушу и моря с океанами как собственные составные части, биосфера представляет собой своеобразный живой и целостный организм. Поэтому разрушение биосферы приводит к катастрофическим последствиям для человеческого существования. В этом отношении одной из главных задач современности является нахождение гармоничного альянса между исчезающим феноменом живого и человеческой жизнью, всецело пронизанной искусственными технологиями.

Следует учитывать, что мир, созданный человеком, так называемая «вторая природа», имеет устойчивую тенденцию к совершенствованию и постоянному усложнению. Усложняя ее в соответствии со своими потребностями, человек создает и «третью природу» – искусственную жизнь, органически связанную со «второй», но качественно от нее отличную. «Третья природа» рождается, прежде всего, в мире компьютерных технологий и может претендовать на особую форму жизни, которую Кристофер Ленгтон, один из основоположников изучения высокотехнологических машин, назвал «искусственной жизнью». Этот новый культурный феномен, созданный человеческими усилиями в силу потребностей современного общественного прогресса, приобрел устойчивую тенденцию к развитию и самостоятельной жизни. Например, среди компьютерных форм жизни самыми известными являются электронные вирусы, которые наделены самостоятельной способностью размножения и внедрения в компьютерные программы. И удовлетворение развивающихся человеческих потребностей не столько витальных, жизненно необходимых, сколько социальных, углубляет внедрение в человеческую жизнь искусственного мира «третьей природы». К примеру, если от замены больной биокрови искусственной кровью зависит жизнь современного человека, он, вряд ли, откажется от шанса продлить ее хотя бы на несколько лет.

Итак, несмотря на множество теоретических обоснований, мы пока не можем дать полный ответ на вопрос, что такое Жизнь и как произошла Жизнь и Человек на Земле. Мы не способны пока и ответить на вопрос, какие полные эволюционные циклы и формы существования проходит

Жизнь. Реконструируя только гипотетически их прошлую историю, мы тем более не можем заглянуть в будущее эволюции. Но научное прогнозирование эволюционных тенденций является неотложной задачей современности. Ставший привычной жизненной формой ноосферный человек стремительно выходит за пределы биосферы, все более нейтрализуя тем самым натуральную определенность человека. И вопрос о специфике человеческой природы характерной для существа, практически всецело преодолевшему биологические параметры собственного существования, требует ответственного осмысления.

Резюме

Биологический подход к человеку рассматривает его в перспективе единства биогенеза и поэтому при объяснении специфики человека исходит из его органических характеристик – прежде всего, из особенностей анатомии и различных элементов внутренней среды организма, из специфики физиологических процессов. В границах данного подхода человек осознается как существо, подчиненное собственной телесности, на базе которой формируется комплекс естественных потребностей, побуждающих его к действиям, направленным на их удовлетворение. Таким образом, потребности определяются как проявления зависимости человеческого организма от существенных для его самосохранения и саморазвития факторов внешней среды. Изучая природу потребностей, биологический подход фокусируется на фундаментальных витальных потребностях, то есть на тех, удовлетворение которых гарантирует оптимальную жизнедеятельность организма. Но человек – это биосоциальное существо, все биологические параметры в нем проникнуты единым опытом коллектива, к которому он принадлежит; именно поэтому биологический подход уделяет также внимание социальной корректировке витальных потребностей.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала:

1. Какую роль в жизни человека играют биологические потребности?
2. Что первично в человеке: биологическое или социальное? Какие потребности являются адекватным выражением биосоциальной природы человека?
3. В чем заключается сущность здорового образа жизни?
4. В чем значимость личной гигиены?
5. Как влияют техносфера и ноосфера на биосферу человека?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная:

1. Шиповская Л.П. Человек и его потребности: курс лекций. – М.: Московские учебники – СиДи Пресс, 2003.
2. Шиповская Л. П. Человек и экология. – М., 2006.

3. Эккерман Д. Краткая история человеческого тела. 24 часа из жизни тела. Секс, еда, сон, работа. – М., 2008.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Бережной Н. М. Человек и его потребности. – М., 2002.
2. Гирусов Э. В. Основы социальной экологии. – М., 1998.
3. Основы антропоэкологии. Под ред. В.Л. Обухова и В.Б. Сапунова. – СПб., 2000.
4. Фокина О.А. Человек и его потребности. – Волгоград, 2003.

§3.2 СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПОТРЕБНОСТЕЙ. СОЦИОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ (ПРИНЦИПЫ И ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ)

Основные тенденции рассмотрения человека в социологии

Конец XVIII в. характеризуется становлением нового общества, утверждавшего торжество прав и свобод человека, духовную, экономическую независимость и автономность гражданина. Существенное расширение границ прав и свобод человека пробудили интерес людей к знанию основ жизни социальной группы, социальной общности, социальных процессов и явлений[26]. В ответ на происходившие в обществе изменения возникла социология, которая с 30-х гг. XIX в. стала самостоятельной наукой, отделившейся от философии.

С момента зарождения социологии интерес ее теоретиков был связан с человеком, с определением закономерностей взаимодействия человека с другими людьми, группами и обществом в целом. Социология – исторически первая наука, попытавшаяся осмыслить человека именно в контексте развития общества. Философские концепции устройства общества подверглись широкой критике со стороны основателей социологии (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер и т.д.)[27]. О. Конт, Э. Дюркгейм рассматривали человека не как отдельно взятого индивида, а в контексте существования его в обществе.

Классический социологический взгляд на человека предполагал, таким образом, рассмотрение человека как представителя различных социальных групп и институтов, как исполнителя социальных ролей. Человек в своем поведении ориентируется на ценности и нормы, ведет себя в соответствии с теми ролевыми ожиданиями, которые на него возлагает общество, зная, что за выполнение своих ролей он будет награжден, а за невыполнение – наказан. Способы, которыми человек добивается своих целей,

---

[26] Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – С. 4

[27] См.: История социологии: учебник для вузов /М.В. Горностаева, В.И. Добреньков, Л.Г. Ионин // Отв. ред.: акад. РАН Г.В. Осипов, проф. В.П. Култыгин. – М.: Норма, 2009.

продиктованы не только и не столько рассудочным расчетом, как предполагает классическая экономическая теория, сколько эмоциями, ценностями и традициями. Человек рассматривается как часть социальной общности, поскольку он не свободен от ее влияния. Поведение человека детерминировано нормами, принятыми в коллективе и обществе. В этом смысле ценности, мотивы поведения и потребности также формируются у отдельно взятого человека под влиянием целого ряда социальных факторов, таких как уровень развития общества, особенности протекания социализации и т.д.

Однако уже к концу XIX в. М. Вебер на первый план социологического изучения выводит социальные действия людей. Он писал, что главной задачей социологии должно стать понимание смысла и значения человеческих действий и с учетом этого – раскрытие причинных законов развития общества[28]. Традицию такого подхода продолжили М. Хальбвакс и Б. Малиновский, для которых взаимосвязь человека и общества функциональна.

В системе современного социологического знания проблемы человека продолжают занимать одно из центральных мест. В настоящее время социологические концепции человека демонстрируют по большей части две крайности. С одной стороны, человек рассматривается исключительно как продукт социальных отношений (марксизм, бихевиоризм, структурно-функциональный подход), с другой, преимущественное внимание обращается на личность человека, игнорируя при этом социальный контекст (персонализм).[29] Основные линии проблематизации человека современной социологией сводимы к следующим:

1) сознание человека; отношение человека к общественным изменениям; человек как член социальной общности; мотивы его поведения в конкретной общественной ситуации, его потребности и жизненные ориентации;
2) деятельность человека, посредством изучения которой раскрываются институциональный, стратификационный, управленческий и другие уровни организации общественной жизни;
3) отношения между группами людей, занимающими разное положение в обществе, принимающее неодинаковое участие в экономической и духовной жизни.

Проблема потребностей в современной социологии

С позиций современной социологии человеческая потребность – это «объективно-субъективное» явление. Объективность потребностей заключается в том, что они отражают воздействие общества на сознание и дея-

---

[28] Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 626

[29] Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Человекознание: самореализация человека: Учебник / Под общ. ред. проф. В. Н. Келасьева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 43.

тельность отдельного человека или социальной группы. Субъективный аспект потребностей связан с тем, что они выражают это воздействие в специфической, сугубо индивидуальной форме.[30] Однако, социологические исследования, как правило, сосредотачиваются на объективной стороне потребностей.

На сегодняшний день в социологии по отношению к изучению потребностей преобладают эмпирические и статистические методы исследования (опрос, наблюдение, анализ документов, корреляционный анализ, факторный анализ и т.д.). С их помощью изучается динамика изменения потребностей отдельных людей, групп и социальных общностей. Большинство проводимых в настоящее время эмпирических исследований потребностей разных групп населения направлены на решение прикладных задач (развитие региона, формирование молодежной политики и т.д.).

Несмотря на то, что тема потребностей человека в социологии пока тщательно не проработана, все же можно говорить о существовании своей научной традиции их изучения. В частности проблеме формирования и проявления потребностей человека посвящены работы следующих социологов: М. Вебер, М. Хальбвакс, И.В. Бестужев-Лада, П.М. Ершов, А.Г. Здравомыслов, И.С. Кон, Б.М. Левин, В.А. Ядов, Г.Г.Дилигенский, В.И.Иванникова, Н.В.Иванчук, Н.С.Кузнецов, Н.Н.Михайлов В.С. Магун, А.В.Маргулис, Г.Е. Зборовский, Ф. Шереги и др.

Наиболее проработанными в теоретико-методологическом отношении можно считать те работы, в которых потребности изучаются с позиций *деятельностного подхода*. В границах данного подхода потребность рассматривается как фрагмент системы ценностей, интересов, целей определенного коллектива. Наиболее демонстративны здесь социологические исследования А. Г. Здравомыслова, Л. П. Буевой, А.И. Самсина, Э. Фромма[31].

Понятие, основные характеристики, классификации потребностей в современной социологии.

В отношении определения потребностей современная социологическая литература предоставляет множество различных вариантов, среди которых возможно выделить наиболее дескриптивные:

Потребность – нужда в чем-либо, объективно необходимом для поддержания жизнедеятельности и развития организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом. В качестве недостающего «объекта» могут присутствовать определенные условия жизни, деятельности, материальные объекты, люди, определенные виды межличностного

---

[30] Кузнецов Н.С. Человек. Потребности и ценности. – Свердловск, 1992. – С. 110.

[31] См.: Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. – М., 1986; Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. – М., 1974; Самсин А.И. Социально-философские проблемы исследования потребностей. – М., 1987; Фромм Э. Быть или иметь. – М.: АСТ, 2008.

взаимодействия и духовного опыта, без которых субъект потребности испытывает состояние дискомфорта (В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов).

Потребность – состояние недостатка в чем-либо, стимулирующее, побуждающее деятельность, направленную на восполнение этого недостатка; одна из отличительных черт всякой жизнедеятельности (И. В. Бестужев-Лада).

Приведенные определения потребностей позволяют выделить их характеристики, акцентируемые социологами:

- Носителями потребностей являются как отдельный человек, так и общность.
- Потребности отражают состояние недостатка человека / общности в чем-либо.
- Потребности человека / общности выступают побудительным мотивом к реальной деятельности, направленной на создание условий и средств удовлетворения его нужд.
- Для потребностей характерна историческая динамика, непрерывность изменений в пределах определенного исторического периода и эпохи.
- Характер потребностей зависит от условий существования человека / общности, в частности – от уровня развития экономической сферы жизни.

Все многообразие потребностей человека современная социология пытается свести в единую, логически взаимосвязанную систему. Именно для этого вырабатываются основанные на различных принципах классификации потребностей. Приведем примеры подобных классификаций.

По происхождению потребности можно дифференцировать на:

- витальные,
- социальные,
- идеальные потребности познания и творчества.

В каждой из этих групп выделяются:

- потребности сохранения,
- потребности развития.

По сферам деятельности и функциональной роли потребности классифицируются следующим образом:

ПО СФЕРАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ПО ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ
потребности, связанные с трудом	доминирующие и второстепенные
потребности, связанные с познанием	устойчивые и ситуативные
потребности, связанные с общением	
потребности, связанные с отдыхом	

Социальные потребности и их классификации

Предметом социологического исследования, как правило, являются социальные потребности человека, то есть те, которые зависят от уровня развития общества. Но это отнюдь не означает, что социологи не изучают биологические потребности человека. В рамках социологического подхода они рассматриваются не в «чистом виде», а как преобразованные под воздействием социальных факторов, существующие в тесной взаимосвязи с социальными потребностями и опосредованные социальным развитием общества в целом.

Под социальными потребностями социология понимает потребности, свойственные человеку в силу неразрывной связи его существования с языком, институциями и культурной традицией определенной общности. К числу социальных потребностей, прежде всего, относятся потребность в трудовой деятельности, в социально-экономической активности, в принадлежности к какой-либо группе, в признании, во власти (доминировании, лидерстве), в заботе, одобрении и привязанности со стороны окружающих, в уважении, любви, в дисциплине, в автономии/зависимости. [32]

В качестве основных характеристик социальных потребностей, как правило, выделяют:

- Исторический характер социальных потребностей, их зависимость от уровня развития экономики (производственных отношений, в которые включен индивид / общность) и культуры (социокультурной среды существования индивида / общности).
- Носителями социальных потребностей выступают индивиды, социальные группы, организации, предприятия, учреждения, общество в целом.
- Социальные потребности возникают и развиваются по мере взросления человека.

Для российских социологов социальные потребности стали объектом исследовательской деятельности сравнительно недавно, поэтому вопрос их классификации представляет собой еще не до конца разрешенную задачу. Однако некоторые шаги в этом направлении все же сделаны. Приведем их результаты.

По направленности группу социальных потребностей условно можно разделить на:

- потребности «для себя» (осознаваемые субъектом как принадлежащие ему права);
- потребности «для других» (осознаваемые как обязанности).

По функциональной значимости выделяются следующие группы социальных потребностей:

- жизненно важные потребности, неудовлетворение которых приводит к ликвидации социального субъекта или революционному преобразова-

---

[32] Аверин В.А. Психология личности: учебник. - СПб.: Издательство Михайлова В. А. 2001. – С.192.

нию социального института, в рамках которого происходит это удовлетворение;

- потребности, удовлетворение которых обеспечивает функционирование социального субъекта в соответствии с социальными нормами, а также позволяет осуществляться эволюционному развитию социальных институтов;
- потребности, удовлетворение которых происходит на уровне минимальных социальных норм, что обеспечивает сохранение социального субъекта, но не его развитие;
- потребности, удовлетворение которых обеспечивает комфортные (для данного социокультурного пространства и социального времени) условия функционирования и развития.

По характеру удовлетворения социальные потребности бывают:

- насыщаемые, то есть имеющие четкий предел;
- ненасыщаемые (примером ненасыщаемых потребностей является потребность в знаниях).

Процесс формирования социальных потребностей

Необходимо отметить, что социальные потребности не являются простой суммой индивидуальных потребностей. Так французский социолог XIX века Г. Тард показал, что они находятся под влиянием таких основных факторов межличностного общения как подражание, обычай, мода. С его точки зрения, благодаря подражанию возникают общественные нормы и ценности, оказывающие решающее влияние на формирование социальных потребностей; именно ценностная (идеологическая, эстетическая, этическая) переориентация людей приводит к изменению доминирующего положения одних социальных потребностей над другими. Таким образом, социальные ценности, будучи первичными по отношению к социальным потребностям, определяют структуру последних.

В современной парадигме социологических исследований социальных потребностей акцент делается на их эмоциональных, ценностно-нормативных аспектах. К примеру, современный социальный философ Ю. Хабермас показывает, что идеологический настрой, погруженность в определенную социокультурную традицию (вплоть до чтения национальной литературы) влияет куда более на структуру желания индивида, чем рациональная аргументация. Иными словами, в собственных, казалось бы, даже самых индивидуальных потребностях, таких как, к примеру, избрание объекта любви или определение ниши для признания, мы не свободны: нашими запросами, пусть и частично, но все же управляют ценности и нормы определенной группы, от которой мы и ожидаем одобрения, реализуя ту или иную потребность.

Особым видом социальных потребностей являются статусные потребности. Статус выступает объектом потребностей человека, так обстояло дело, начиная с архаических культур, но, кроме того, он способен пред-

стать субъектом потребностей, то есть выступить их изначальным импульсом. Так, статусная позиция преподавателя мотивирует развитие таких потребностей как потребность в познании, дисциплине, общении ради расширения кругозора и т.д.

Статусные потребности лежат в основе многих направлений потребительской активности людей, поскольку удержание статуса в современном мире предполагает не только совершенствование в профессионализме, но и поддержание определенного эстетического стандарта. Это хорошо демонстрируют следующие высказывания: «В этом костюме туда идти неприлично», «Этот автомобиль не соответствует моему положению» и т.д. Работа человека часто является одним из мощных факторов формирования статусных потребностей. Так, многие виды деятельности требуют переработки большого количества информации, что порождает потребность в средствах ее сбора и анализа, среди которых ключевое место сейчас занимает персональный компьютер. Потребность в нем порождается не индивидом, а его рабочим местом, требующим компьютер для собственного обслуживания. Другим источником статусных потребностей является субкультура среды, к которой принадлежит индивид. Если в этой среде многие имеют компьютеры, пользуются ими, работая или играя на них, ведут разговоры о них, то обладание компьютером превращается в более или менее жесткое условие принадлежности к ней.

В силу того, что на социальные потребности оказывают влияние самые разнообразные факторы, наиболее плодотворными представляются междисциплинарные исследования. Например, в результате сочетания социологических и антропологических методов стали осуществляться неизвестные ранее исследования феномена потребления, благодаря которым его более не объясняют производством дешевых товаров для массового рынка, а рассматривают как результат функционирования определенной системы культурных значений, объединяющих людей в общество.

Резюме

Характерный для социологии подход к человеку сосредоточен, прежде всего, на зависимости образа жизни и самосознания человека от социальных условий, в которых он находится. Человеческая потребность в парадигме современной социологии определяется как нехватка чего-либо, сформировавшаяся в силу воздействия общества на отдельного индивида (или социальной группы), форма которой, тем не менее, отражает индивидуальные параметры собственного обладателя. В отношении потребностей основным предметом социологических исследований выступают социальные потребности, формирование которых связывается с воздействием культурной традиции и социальных институтов на индивида. Несмотря на качественное многообразие, все социальные потребности выражают жесткую связь индивидуальности человека и общности, к которой он принадлежит. Исследования современных западных социальных фило-

софов и социологов акцентируют внимание на доминировании в процессе формирования социальных потребностей ценностных, в большинстве случаев идеологических, факторов над рациональными. Это означает, что потребности человека, как правило, определяются стандартами социоэкономической среды, в которой он существует, что, к сожалению, делает их легкодоступным объектом для манипуляций властных институтов.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА:

1. В чем заключается специфика социологического подхода к изучению человека?
2. В чем заключается специфика социологического подхода к рассмотрению потребностей человека?
3. Реконструируйте существующие в социологии классификации потребностей человека.
4. Сравните социальные и биологические потребности человека.
5. Дайте характеристику статусных потребностей человека.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Человекознание: самореализация человека: Учебник / Под общ. ред. проф. В.Н. Келасьева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
2. История социологии: учебник для вузов / М.В. Горностаева, В.И. Добреньков, Л.Г. Ионин // Отв. ред. акад. РАН Г.В. Осипов, проф. В.П. Култыгин. – М.: Норма, 2009.
3. Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека: От классических к постнеклассическим подходам. 2-е изд., пераб. и доп. – М., 2008.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Геращенко Л. И. Социологическое видение проблем биомедицины // Проблемы теоретической социологии. Четвертый выпуск. Под ред. А. О. Бороноева. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2003.
2. Кон И. С. Междисциплинарные исследования: социология. Психология. Сексология. Антропология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
3. Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000.

§3.3 Психологическое рассмотрение человека и его потребностей. Социально–психологические теории потребностей (принципы и основные выводы)

Человек как индивид, личность, субъект деятельности, индивидуальность

В направлениях современной науки человек, во-первых, изучается как представитель биологического вида; во-вторых, он рассматривается как член общества; в-третьих, изучается предметная деятельность человека, в-четвертых, изучается динамика развития человека как конкретного единичного существа. Одним из признанных подходов к человеку был предложен классиком советской психологии Б.Г. Ананьевым. Он выделил в системе человекознания четыре понятия: индивид, субъект деятельности, личность и индивидуальность.

Индивид – это человек как единичное природное существо, представитель вида. В данном случае подчеркивается биологическая сущность человека.

Другое понятие, характеризующее человека как объект реального мира, – «личность». Под личностью понимают индивида как субъекта социальных отношений и социальной деятельности; существуют, конечно, и другие толкования этого понятия, но все они сходятся в одном: понятие личность характеризует человека как социальное существо.

Следующие понятие, которое выделил Ананьев при изучении человека, – «субъект деятельности». Это понятие занимает промежуточное положение между понятиями «индивид» и «личность». Субъект деятельности соединяет в единое целое биологическое начало и социальную сущность человека.

Человек – это биосоциальное существо, наделенное сознанием и способностью к деятельности. Объединение этих трех уровней в одно целое формирует интегральную характеристику человека – его индивидуальность.

Индивидуальность – это совокупность психических, физиологических и социальных особенностей конкретного человека с точки зрения его уникальности, своеобразия и неповторимости. Структурная организация человека носит многоуровневый характер и отражает его природную и социальную сущность. Поэтому не удивительно, что существует значительное число наук, изучающих человека и его деятельность.

Человек – филогенетически сложившийся вид, в котором биологическое и социальное находится в единстве. Биологическая составляющая – индивид – это сочетание природных, генетических свойств, развивающихся в истории развития человека как вида (онтогенезе). Социальная составляющая – личность – носитель свойств, определяющих социальную природу человека. Личность совершает свой жизненный путь в единстве процессов онтогенеза и социализации. Индивидные и личностные свойства каждого человека неповторимы. В этом – суть индивидуальности, которая

реализуется в процессе деятельности человека (труда, общения, познания). Человек не только отражает влияние природы, общества и человечества, он носитель нового качества – единства проявления исторических, социальных и природных свойств. Развитие природы, общества и человечества через образование новых целостностей обеспечивается именно этим качеством.

Существует определенная взаимосвязь между системой фундаментальных ценностей, потребностей общества и деятельностью человека, так как культура не только интегрирует человека в социальную систему, но и прививает ему определенные потребности, интересы.

Основные принципы психологического рассмотрения человеческих потребностей

В психологии потребности рассматриваются как особое психическое состояние индивида, ощущаемое или осознаваемое им как «напряжение», «неудовлетворенность», «дискомфорт». Поэтому потребности являются побудителями активности, реализация цели которой устраняет напряжение. Это возможно через удовлетворение потребности, а при отсутствии такой возможности – через подавление или замещение другой потребностью, наиболее близкой к ней.

Кроме того, психологии известно, что человеческие потребности, как правило, имеют предметную направленность, которой сопутствует поисковое поведение, то есть человек ищет способы ее удовлетворения. В качестве основных характеристик потребностей в этой области знания отмечаются динамичность, изменчивость, развитие на базе удовлетворенных потребностей новых, что связано с включением личности в различные формы и сферы деятельности.

Американский психолог XX века, создатель гуманистической психологии А. Маслоу расположил все человеческие потребности по шкале от низших биологических до высших духовных. Причем удовлетворение, согласно Маслоу, относительно элементарных (витальных) потребностей ведет к зарождению новых. Если животное приспосабливается к среде, то человек преобразует эту среду в соответствии с собственными потребностей. Осознанные человеком, группой или обществом потребности выступают в качестве интересов. Именно высшие потребности активно влияют на формирование индивидуальности. Чем выше запросы человека, тем сложнее процесс формирование потребностей (запросы молодежи с высшим образованием).

В отечественной психологии потребности рассматриваются в качестве источника и причины деятельности человека. Согласно советскому психологу А.Н. Леонтьеву, в своем возникновении и развитии они проходят две стадии.

Первая стадия характеризует потребность как внутреннее, скрытое условие для деятельности. На этой стадии ценность, способная удовлетво-

рить потребность, выступает как идеал, осуществление которого предполагает сопоставление знания о данной потребности со знанием реального мира, что содействует выбору средств для удовлетворения этой потребности. На второй стадии потребность – реальная сила, регулирующая конкретную деятельность человека. Здесь происходит опредмечивание потребности содержанием, поступающим из окружающей действительности.

А.Н. Леонтьев считает, что потребность активизирует деятельность и находит свое завершение в ней. Исходя из этого положения, деятельность может быть понята только через возникновение и удовлетворение потребностей. Она выступает одновременно как процесс удовлетворения существующих и условие создания новых потребностей, а также как процесс разрешения имеющихся противоречий между субъектом и объектом. При этом деятельность является не только процессом изменения и создания нового объекта, но и процессом изменения индивидуальности.

Переход от потребности к формулированию цели не совершается сам собой. Потребность и цель соединяют мотивы. Потребности первичны по отношению к мотивам, которые формируются только на основе возникших потребностей. Система ценностей в этой связи может рассматриваться как выраженная в идеальной форме стратегия поведения, а мотивы как его тактика. Природа мотивов, их сущность, особенности мотивации раскрывают личность с самой существенной стороны – со стороны «самости». Мотивация определяет выбор и предпочтения ценностных ориентаций, а также обусловливает определение жизненных перспектив.

Взаимосвязь ценностной ориентации и потребностей человека

Личность, деятельность которой определяется только потребностями, не может быть свободной и созидающей новые ценности. Свобода индивидуальности человека есть уход от власти низших потребностей, выбор высших потребностей и стремление к их реализации. В ценностных ориентациях объективируется не только опыт человека, но, прежде всего, исторический опыт, накопленный человечеством. Воплощенный в системе критериев, норм, эталонов, ценностных ориентаций, он становится доступным каждому человеку и позволяет ему определиться в культурных параметрах деятельности. Меру возможного в реализации гуманистического потенциала ценностей, их качественную определенность обусловливают именно ценностные ориентации.

Ценностные ориентации отражаются в нравственных идеалах, которые являются высшими проявлениями целевой детерминации деятельности личности. Идеалы представляют собой предельные цели, высшие ценности мировоззренческих систем. Они завершают многоступенчатый процесс идеализации действительности.

Нравственные идеалы не являются раз и навсегда заданными, застывшими. Они развиваются, совершенствуются как образцы, определяющие перспективу развития индивидуальности. Развитие является характе-

ристикой нравственных гуманистических идеалов, которые выступают в качестве мотива совершенствования индивидуальности человека. Идеалы связывают исторические эпохи и поколения, устанавливают преемственность лучших гуманистических традиций, прежде всего, образования.

Мотивационно-ценностное отношение характеризует гуманистическую направленность личности в том случае, если она, являясь субъектом деятельности, реализует гуманистический образ жизни, готовность принимать на себя ответственность за других и за будущее общества, поступать независимо от ситуаций, складывающихся в жизни и преобразовывать себя как индивидуальность.

Общественные нормы, требования, идеалы, ценности культуры воспринимаются и присваиваются человеком избирательно. Поэтому ценностные ориентации человека не совпадают с ценностями, выработанными коллективом. Общественные ценности становятся стимулами, побудительными к действию в том случае, если они сознаются и принимаются человеком, становясь его личностными ценностями, убеждениями, идеалами, целями.

Чтобы ценность побуждала к активной деятельности, к самовоспитанию и самоопределению, мало добиться того, чтобы человек ее осознавал. Ценность приобретает побудительную силу мотива деятельности тогда, когда интериоризирована индивидуальностью, то есть представляет необходимый момент внутреннего существования, свидетельством чего является четкая формулировка человеком целей своей деятельности, видение ее гуманистического смысла, нахождение эффективных средств их реализации, наличие правильного своевременного контроля, оценка и корректировка своих действий.

Обобщая изложенное, отметим, что, таким образом, каждая ценность и система ценностей имеет двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной среде. Ценностные установки кардинально меняются, когда человек начинает предпочитать материальные или духовные формы богатства, хотя ни та, ни другая автоматически не приносит устойчивого социального положения. Более того, социально-ценностные ориентации, связанные с материальной формой обеспеченности, могут повышать статус, но при этом не улучшать социальное настроение.

Взаимосвязи между потребностями и ценностными ориентациями были посвящены работы по социальной психологии. В них обосновывалось, что потребности личности, социальных групп, общностей связаны с развитием культуры. В то же время обращалось внимание, что само стремление к культуре проявляется в форме потребностей. Все это позволило ученым оперировать понятиями «материальные» и «культурные потребности», которые в свою очередь, могут быть определены по разным основаниям. Так, Маслоу предложил пять потребностей-ценностей, Ф. Херцберг – 16 факторов мотиваторов.

Очевидно, что базовые потребности формируются в процессе первичной социализации человека, то есть к 18 – 20 годам, а затем остаются достаточно стабильными, претерпевая существенные изменения, как подчеркивает С.П. Иваненков, лишь в кризисные периоды жизни человека и его социальной среды

Э. Рокич ввел понятия терминальных и инструментальных ценностей, эмпирически исследовал по 18 тех и других. Терминальные ценности выражают важнейшие идеалы человека, такие как ценность человеческой жизни, семьи, межличностных отношений, свободы, труда и аналогичные им. В инструментальных ценностях запечатлены одобряемые в данном обществе или иной общности средства достижения целей. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, с другой стороны – качества, способности людей (такие как независимость, инициативность, авторитарность).

Ценности во многом определяют мировоззрение, а, следовательно, и потребности человека. Как элемент структуры личности ценностные ориентации представляют собой единство мыслей, чувств, практического поведения. В формировании ценностных ориентаций участвует весь жизненный опыт индивида. Психологической основой его ценностных ориентаций является многообразная структура потребностей, мотивов, интересов, идеалов, убеждений, вследствие чего ценности носят непостоянный характер, меняются в процессе деятельности.

В ценностном мире каждого человека существуют «сквозные» ценности, которые являются практически стержневыми в любой сфере деятельности. Согласно С.П. Иваненкову, к ним можно отнести образованность, трудолюбие, честность, порядочность, воспитанность, интеллигентность и ряд других. Снижение значимости этих ценностей в тот или иной период вызывает в обществе экономические катаклизмы. Б.Г. Ананьев отмечал, что имеется общий центр, в котором сходятся исследования социологов и социальных психологов. Этим общим центром являются ценностные ориентации групп и личности, общность целей деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей.

Механизм включения ценностных ориентаций в личностный опыт

Исследование взаимосвязей потребностей и ценностных ориентаций современная психология осуществляет, в первую очередь, ради активизации «саморегуляции личности», изучения ее целостности, ее «действенности», повышения механизма ее функционирования (В.С. Мерлин; В.Н. Мясищев). Опираясь на известные положения отечественной психологической науки об опосредованной, избирательной связи личности и социальной действительности (В.Н. Мясищев), взаимосвязях социально-типичных отношений личности с мотивами деятельности (В.С. Мерлин), установке как готовности действовать в определенном направлении (Д.Н. Узнадзе),

наличии личностных интегративных образований (А.С. Прончишвили), формирование активности следует рассматривать как модус, представляющий собой высший уровень организации человеческих сил, отражающих все внутренние отношения личности.

Исследования Л.И. Божович и сотрудников ее лаборатории экспериментально подтвердили, что в формировании личности в детском и подростковом возрасте системообразующим признаком структуры личности выступает ее направленность, которая представляет собой устойчивое доминирование некоторых мотивов деятельности и определяет целостность, целенаправленность поведения и всей жизни индивида.

Рассматривая ценностные категории личности в системе формирования активности, В.А.Ядов обращает внимание на многозначность понятий «ценность и ценностная ориентация». В аксиологии – философской дисциплине, изучающей проблемы ценностей и оценочной активности сознания – это идеальные образования, выражающие один из высших уровней бытия и отношения к ним человека; в социологии эта проблема общесоциальных регулятивных механизмов, где ценности общества рассматриваются как элемент культуры, выполняющие по отношению к личности нормативные функции; в социальной психологии – это результат социализации индивида, его адаптации к групповым нормам и требованиям, высших мотивационных структур жизнедеятельности.

Таким образом, *включение ценностных ориентаций в структуру индивидуальности человека позволяет установить наиболее общие социальные детерминанты формирования мотивации поведения*, истоки которой следует искать в воздействии социально-экономической природы общества, его морали, идеологии, культуры, в особенностях взаимовлияния классового и социально-группового сознания той среды, в которой формируется индивидуальность и где протекает повседневная жизнедеятельность.

Социально-психологическая интерпретация поведения, деятельности как бы «балансирует» на грани интереса к тому, что побуждает и внутренне предопределяет деятельность и потребности понять, как обеспечивается эффективность предметной практической деятельности (ищет меру конструктивности).

В этом отношении теория диспозиционной регуляции поведения В.А. Ядова наиболее полно удовлетворяет данные интересы. В ней равно представлен и момент «объяснения» функционирования активной личности и механизм формирования «внутренней» иерархии. Структура личностных диспозиций понимается как ряд отношений к окружающим объектам и выстроена таким образом, что установки и ценности не только подытоживают социальный опыт (поведенческие навыки и стратегии действия), но и предопределяют его тем в большей мере, чем более осознаются собственные побуждения.

Таким образом, общественные ценности становятся стимулами, побудителями к действию в том случае, если они осознаются и принимаются человеком, становясь его личностными ценностями, убеждениями. Становление индивидуального в человеке предполагает усвоение системы гуманистических ценностей, составляющих основу его гуманитарной культуры.

Резюме

В психологии потребности рассматриваются как особое психическое состояние индивида, ощущаемое или осознаваемое им как «напряжение», «неудовлетворенность», «дискомфорт». При наличии потребности индивид вовлечен в активный поиск устранения вызываемого ей напряжения; именно этот факт мотивировал общепринятую в психологической литературе трактовку потребности как источника и причины человеческой деятельности. Нехватка чего-либо, которую выражает собой потребность, активизирует деятельность и преодолевается только в ее процессе. В социально-психологических работах отмечается, что специфика потребностей человека зависит не только от его индивидуальных параметров, но и от ценностных ориентаций. Благодаря процессу интериоризации ценностные ориентации усваиваются на уровне структуры человеческой психики и начинают выступать, таким образом, органичным побудительным мотивом поведения человека. Основной задачей завершенного процесса интериоризации ценностей, в результате которого они становятся личностными убеждениями человека, является активация личности, в ситуации которой индивидуальные запросы и стратегии их реализации способствуют коллективному благу.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала:

1. Раскройте содержание понятия индивидуальности в психологии.
2. Сопоставьте психологический вариант определения индивидуальности с другими, разработанными в науках о человеке (социология, антропология).
3. Каким образом индивидуальность сказывается на развитии потребностей?
4. Приведите основные понятия из области психологических исследований мотивации и раскройте их содержание.
5. Что означают понятия мотивации и диспозиции? Охарактеризуйте основные проблемы мотивационного объяснения потребностей.
6. С помощью какого механизма в психологии объясняется влияние ценностей на потребности человека? Опишите принцип его действия.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб., 2003.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. – М., 2005.
3. Немов Р.С. Психология. – М., 2001.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Маслоу А. Психология бытия. – М., 2005.
2. Мерлин В.С. Личность как предмет психологического исследования. – Пермь, 2003.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 2002 .
4. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М., 2004.

§3.4 КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПОТРЕБНОСТЕЙ

Культура и формирование человека

Мы уже неоднократно указывали, что считать человека само собой разумеющимся и не требующим определений и объяснений существом ошибочно. В разных культурах, на разных исторических этапах понимание человека и его потребностей существенно различается. Определение человека, его статус, его природа, его идентичность в огромной мере зависят от культурного фона. Человеческое самосознание, самоопределение и самооценка в значительной степени формируются той культурой, в которой он живет. В одной культуре под человеческими ценностями и потребностями понимают «одно». В другой – другое. Осмысление природы, сущности и идентичности человека зависит от ценностей и потребностей, которые утвердились в каждой конкретной культуре. В широком смысле ***культура*** (от лат. «cultura») есть область противоположная природе (от лат. «natura»): к ней относится все, что не является природой. В нее включаются материальные и идеальные объекты, культурные образования, благодаря которым человек выделяет себя из природы. В узком смысле, культура – это искусство, специфическая область человеческой деятельности, связанная с потребностью в художественно-образном выражении мира в форме литературы, живописи, музыки, театра, кино и т.д.

Классические научные идеи духовно-культурной деятельности (принципы культурологического осмысления человека и его потребностей)

Внимательный анализ мифов, легенд, символов, обрядов и ценностей имеет большое значение для понимания потребностей в современной культуре, так как во многих случаях архаические пласты проступают сквозь более поздние ценностные системы и придают им особое содержание, ускользающее от поверхностного исследователя. Духовные и матери-

альные проявления, выражающие собой сущность культуры, образуют *«культурный код»,* систематизирующий совокупность всех феноменов данной культуры, позволяющий схематично их описать, но полностью исключающий иерархичный и оценочный критерий. При этом сама культура сохраняет многомерность, содержательность и насыщенность. Культурный код, составляющий основу культуры, можно представить как совокупность основополагающих ценностей и потребностей. *Ценность* есть набор человеческих качеств, моральных норм, типов поведения, общественных и политических форм, устоев и обычаев, единодушно признаваемых большинством общества в качестве безусловно положительных, достойных уважения и признания. В акте ценностного полагания в культуре утверждается присущая только ей ценностная система. Наука, изучающая ценности и ценностные системы, называется «аксиологией» (от греч. «аксиос» – «ценность»). В данной научной перспективе человек выступает частью культуры и в то же время субъектом культурного творчества, которое позволяет выявить ценностную шкалу человеческих потребностей. Исследование человека в культурологии, позволяет выявить всю совокупность человеческих ценностей и потребностей, создающих коллективный портрет идентичности каждой конкретной культуры. Для данного подхода исследование образов человека, системы ценностей и потребностей осуществляется посредством аналитики характера культуры, порождающей и развивающей определенную цивилизацию.

Культура принципиально и исключительно нацелена на актуализацию творческой, нравственной и духовной жизни человека. Но человек это существо духовно-телесное, постольку в сферу культуры входит человеческая деятельность, направленная на удовлетворение и материальных потребностей. Однако духовному полю человеческих потребностей в культуре выделяется большее пространство, чем материально-потребительскому, потому что культурные процессы не могут нести негативного содержания, что нельзя сказать о другом поле.

Все, что творит, создает и проявляет человек (духовная культура) – эпос, религия, искусство, философия, наука – и составляет его самобытную культуру, выражает его потребность в духовной деятельности. Раскрытие духа человека и называется культурой. Человек устроен так, что обязательно проецирует свое понимание мира на внешнюю среду. Иногда оно дает о себе знать в конкретных изобретениях, предметах, строениях, городах или архитектурных ансамблях (материальная культура).

Как обнаружение, экспрессия человеческого духа культура представляет собой наиболее общие ценности и потребности человеческого бытия. Во всем, что творит человек в культуре, есть общие ценности и потребности, легко обнаруживаемые в самых разных областях его духовных деяний. Эти общие ценности и потребности и составляют специфику культуры, но одновременно отличают ее от других культур, делают уникальной, неповторимой, автономной и самобытной.

Культура и цивилизация как основные категории культурологического анализа

Основными категориями культурологического анализа являются понятия *«культура»* и *«цивилизация»*. Под культурой мы понимаем типы культур, которые формируются на различных ступенях человеческой истории, охватывающей, в числе прочих, конечно, культуры Древнего Востока, Древней Греции, античного Рима, а также результаты духовно-практической и художественно-эстетической деятельности человека, влияющей на возникновение, развитие и существование человеческой жизни, ориентированной на религиозное миропонимание, веру в высшую духовную реальность (Абсолюта, Бога и т.д.).

Категория *«цивилизация»* представляет собой наиболее обобщенный инструмент для аналитики развития культуры. Культура в таком определении предстает духовно-нравственным компонентом цивилизации, направленной на благо человека. Рассмотрение человека и культуры через цивилизационную модель требует выделения в качестве основных ценностных критериев и потребностей того, что сохраняется неизменным и постоянным в истории культуры в течение многих столетий и в пределах определенных территорий.

Но так как все это в культурном опыте тесно переплетено, то культура и цивилизация описывают один и тот же объект, хотя подчас с разных точек зрения. *Отличия между ценностью и потребностью в культурологическом анализе человека трудно провести отчетливо, и чаще всего эти понятия рассматриваются во взаимосвязи.* Исследуя человека как представителя определенной культуры, мы, прежде всего, говорим о духовной стороне его системы ценностей, а материальную сторону определяем как второстепенную. Анализ потребностей приводит к обнаружению воздействия на эту систему психологических и социально-экономических факторов. Учитывая данное взаимовлияние, *ценность и потребность целесообразно рассматривать как один и тот же объект*, хотя и представленный в собственных различных аспектах.

Каждая культура порождает свою культурную модель, которая является «кратким содержанием» ее развития. Исследуя человека, мы исследуем его культуру. В культуре воплощается идентичность человека, механизмы культуры делают человека самим собой. Полностью замкнутых, изолированных культур не существует, так как народы и этносы живут в непрерывном общении друг с другом, и оно составляет не случайную, но фундаментальную сторону различных культурных моделей. Иными словами, культурный обмен является фундаментальной реалией принципиально любой культуры, данный механизм является проявлением одной из ключевых потребностей человека – потребности общения.

Многие исследователи разделяют цивилизации на «цивилизацию Запада» и «цивилизацию Востока». Это обобщение помогает выделить два

различных отношения к основным ценностным системам и является полезным для понимания взаимодействия этих двух типов культур. С таким же успехом можно говорить о «культуре Запада» и «культуре Востока», так как в данном анализе между собой соотносится целый спектр разнообразных критериев, включающих как духовные параметры, так и материальные аспекты.

Цивилизация Запада, очагом рождения которой является Древняя Греция и Рим, высшей ценностью и потребностью человека считает человеческую индивидуальность, словно следуя тезису древнегреческого софиста Протагора о человеке как мере всех вещей. Ставка на научные достижения, превращение соблазна в набор пустых знаков, не более требующих ответного проявления воли, все это становится базовой культурной матрицей этой цивилизации. Духовно-нравственная сфера подвергается эрозии, а как результат – возникновение бездуховной массовой культуры, господство принципа вседозволенности, угасание духовности, *секуляризация культуры*. Это место и время «человека без свойств», по выражению ярчайшего австрийского писателя XX века Роберта Музиля.

Универсальными, то есть обуславливающими все культурные феномены, эталонами западноевропейской цивилизации становятся рационализирующее познание, природа как объект волевых инвестиций человека, искусство как рупор человеческой индивидуальности, коммерция, бизнес и рынок, секс, конструирование, монтаж и т.п., а в качестве основных ценностей и потребностей признаются утилитаристские и соматические: 1) политика; 2) абсолют индивидуальной свободы; 3) коммерция (польза, выгода, прибыль); 3) вещь и вещизм; 4) эффективность и успешность; 5) потребление; 6) дух предпринимательства (бизнес и рынок); 7) тело и телесность; 8) соблазн; 9) техническая диктатура; 10) приоритет рационального мышления; 11) опыт и практика; 12) комфорт и удовольствие; 13) линейная направленность времени (прогресс); 14) идеализация, нормативность и приоритет культурной модели.

В западноевропейской культуре выработалась своя система ценностных приоритетов – рассудочности, технических инноваций, «преобразовательной» и гиперпотребительской деятельности, милитаризации общества, изощренных социально-правовых кодексов, возгонки капитала, электронно-технологических революций и т.д. Отсутствие аналогов в других культурах принимается за проявление их «ущербности» и «несовершенства». Но ближайшее рассмотрение ценностных структур других культурных систем показывает, что сохранение, например, традиционности, не «недостаток культуры», но выражение иной культуры, форма существования иной цивилизации, а не следствие отсутствия таковой. Культурные отличия не могут быть основанием для построения иерархии – уровень технического развития, комфорта и т.д. становятся критерием оценки только тогда, когда им придан статус ценности.

«Восточная цивилизация», куда относится сразу несколько цивилизаций с различной религиозной и этнической культурой, существенно отличается от западной цивилизации тем, что стремится к сохранению человеческих способностей для восприятия, оценки, сохранения и созидания истины, добра, красоты, святости, любви. Духовными ценностями и потребностями здесь считаются следующие: 1) непоколебимость Бога, общества, религии, иерархии и т.д.; 2) созерцательность и медитативность; 3) «благие намерения»; 4) верность традициям предков; 4) почитание старинного уклада жизни; 5) центрированность на духовной культуре; 6) интуиция, мистика, озарение, религиозный опыт; 7) циклическое понимание времени; 8) свобода в выборе культурной модели.

Идея сравнивать различные культуры между собой на основании какого-то единого критерия, сама по себе является абсурдной, так как за эталон сравнения берутся те параметры, которые наиболее развиты у тех, кто это сравнение осуществляет. А это, в свою очередь, напрямую зависит от истории конкретных культур. Специфические особенности культуры никак не могут быть критериями для сравнения цивилизаций. Человек формирует самоотношение, значение и смысл собственного существования в зависимости от культурного контекста, который определяет его ценности и потребности. Представители индоевропейских народов прожили свою многовековую и многотысячелетнюю историю в типично азиатских цивилизациях, где потребности техники, индивидуализма и комфорта не приобрели никакого значения. В Западной Европе, напротив, этим потребностям постепенно придавался высший статус. Если рассматривать эти культуры с позиции того, как устроены их ценностные структуры в их собственной системе координат, окажется, что они вполне полноценны, а неразвитость отдельных элементов – например, прагматического или рассудочного мышления – представляют собой следствие не «отсталости», но свободного выбора иных приоритетов.

Основные сценарии модернистской культурологической аналитики систем ценностей и потребностей человека

Многие мыслители размышляли о тех или иных аспектах системы ценностей и потребностей человека, но особо значимые точки этой системы нащупали и вскрыли те философы, которых вследствие их теоретического разоблачения автономии, единства и центрирующей в человеческом существовании роли «Я», французский философ Поль Рикер назвал «мастерами подозрения» – это Маркс, Ницше и Фрейд. Учитывая значительность этих культовых фигур для нашего времени, имеет смысл рассмотреть их теоретические сценарии в контексте нашей темы. Они не только нащупали, но и определили основные симптомы этой системы, указали на общие ценности и потребности человека, пульсирующие в самых разных областях человеческой деятельности, которая и составляет ткань культуры, полную связей, разрывов, процессов переосмысления содержания тех или

иных элементов – обычаев, предметов, произведений искусства, технических средств или текстов. Эти мыслители изучали культуры с позиции того, как устроены их ценностные структуры в их собственной системе координат. Потребность, составляющая материальный компонент культуры, они представляли как совокупность основополагающих ценностей, как набор человеческих качеств, моральных норм, типов поведения, единодушно признаваемых большинством общества в качестве безусловно положительных, достойных уважения и признания. Обладание ценностями и соответствие их потребностям общества, по их мнению, составляет основу культуры. В акте ценностного полагания человек учреждает присущую только ему ценностную систему потребностей, соответствующую уровню его духовности.

Карл Маркс (1818-1883) впервые поставил вопрос о рассмотрении человека и его потребностей в условиях капитала и рынка как движущих сил цивилизационного процесса, где все, в том числе человек и все созданные им культурные образования – *товар*. Развитие культуры, по убеждению Маркса, отражает процесс диалектики *производительных сил* и *производственных отношений*. Культура в таком понимании превращается в «зеркало экономики». Маркс вскрыл антигуманные законы капиталистической системы хозяйства, которые держатся исключительно на принципах материальной выгоды, максимальной прибыли, желания к увеличению капитала любыми средствами, как правило, безнравственными, что ведет к беспощадной эксплуатации трудящихся, крайнему обострению классовых и международных отношений, которые не разрешить мирным способом.

Таким образом, исходя из экономических оснований, Маркс предложил оригинальный взгляд на человека и его систему ценностей. Обобщенно суть этой теории сводится к следующему. Человек, включенный в общество, из природного явления становится явлением общественным. Учитывая тот факт, что общество в марксизме понимается как результат трудовых отношений, то человек уже фактом включения в процесс производства становится не биологическим, а классовым существом. Классовое общество, основанное на неравенстве, приводит к появлению промышленного пролетариата, который становится революционным классом. Фигура пролетариата воплощает в себе человека как носителя чистой творческой энергии, которая призвана осуществить социалистическую революцию и построить новое общество, где труд освобожден от механизмов *отчуждения*, прежде всего, от механического по отношению к собственному процессу характера и неузнавания по отношению к результату. Развитие человека в условиях социальной реальности должно привести к коммунистическому обществу, где система ценностей и потребностей человека будет формироваться свободным творческим началом. В таком обществе, лишенном социальных иерархий, воцарится свобода и творческое единство, воплощенное в культуре, а человек станет счастливым и сознательным.

Социальные и политические события XX века (войны и революции), как очевидные подтверждения идей Маркса, привели к новым формам милитаризма, а следовательно, к возникновению соответствующей им системы человеческих ценностей и потребностей. Человек как высшая ценность культуры и природы был низведен до уровня «машины желания и потребления», находящей удовлетворение в производстве и использовании пустых знаков, вне всякого творческого начала. Трагедия человека, предсказанная Марксом, заключается *в утрате духовно-нравственных ориентиров и исчезновении символического измерения в человеческом бытии*, не говоря уже о радикальных изменениях в культурном сюжете человека.

Однако особо тонкое звучание партитура культуры приобрела в откровениях и открытиях Фридриха Ницше (1844-1900), трагичнейшего из мыслителей, «умного волка», темного умельца антихриста, предвосхитившего и спровоцировавшего своими пророческими идеями культурную ситуацию десимволизации или, как назвал это явление модернистский социолог Макс Вебер (1864-1920), «расколдования» мира и человека. Кризис культуры Ницше выразил в тезисе: культура больна, человечество больно, человек болен и вырождается. Человек и культура нуждается в лечении, которое необходимо начать с тотальной *«переоценки всех ценностей»* традиционной культуры. Ницше считал, что человек должен быть преодолен как вид. Он констатировал: «человек есть нечто, что следует преодолеть». Идеалом культуры и человека для Ницше является древнегреческая цивилизация с господством *дионисийского* начала, в котором приоритет отдается игре жизненных сил, воле к жизни без диктатуры разума. Разум главенствует в другом начале культуры – *аполлоновском*, которое характеризуется бытийной и космической гармонией.

Аполлоновское и дионисийское – понятия, введенные в аналитику человека и культуры Ницше для обозначения основных принципов культуры. Дионисийское (от имени античного бога виноделия Диониса) характеризует стихийное, иррациональное природное начало, вызывающее в человеке состояние животного ужаса и блаженного восторга, близкие к состоянию алкогольного опьянения. Аполлоновское (от имени бога муз Аполлона) определяется упорядоченностью, гармоничностью, подражательностью, восходящим к сновидениям, в которых человеку являются образы богов, а человеку искусства являются прообразы их будущих творений. Эти начала находятся в постоянном диалектическом противостоянии, однако, стремятся друг к другу для достижения гармоничного единства.

Согласно Ницше, начиная со времен Ветхого Завета и в христианский период, обороты набирает кризис культуры и человечества, который выразился в декадансе жизненных сил их представителей, а как следствие – обмелении распространяющихся жизненных стилей. Основными чертами такой деформации в культуре он называет господство «стадного человека» с массовым сознанием, «плебейство духа» и ложь в морали. Ницше, требуя

переоценки ценностей в культуре, вопрошает: «Кто сказал, – «это – добро, а это зло», «это – истина, а это – ложь? Кто говорит?». Причину такой картины Ницше видит в преобладании аполлоновского начала над дионисийским, в господстве духовного над телесным, диктата разума над инстинктом. Он полагал, что в христианскую эпоху произошла подмена истины ложью, формирование на основе этой ложной матрицы европейской культуры. На смену многообразию ценностей древних культур, благородной морали аристократов пришла христианская мораль «рабов» с ценностями «сострадания» и «аскетического идеала», которые «вывернули наизнанку» аристократические ценности. Эта религиозная установка привела к прогрессированию болезни человечества и культуры, деградации и вырождению аристократического желания.

Ницше предлагает культивацию новых ценностей, основанных на инстинктах «воли к жизни» и «воли к власти». Выход из кризиса, он видит в акте «расчеловечивания мира», отказе от «человеческого-слишком-человеческого» (религии, морали, рассудка, культуры), которые заслоняют истинную реальность человеческого бытия. Однако встреча с такой реальностью под силу *«сверхчеловеку»*, существу, отказавшемуся от одномерных оценок и ценностей, сделавшему творческое воплощение уникальных запросов желания собственной бытийной стратегией, приход которого Ницше проецирует в будущее.

Другой сценарий исследования человека и его потребностей предложил фрейдизм, также, оказавший значительное влияние на метод аналитики культурных феноменов. Идеи, высказанные Зигмундом Фрейдом (1856-1939), явились интеллектуальной реакцией на гримасу культуры, вызванную искажением духовных ценностей и потребностей. Рассмотрим вкратце аксиоматические положения данного подхода.

«Ткань» человеческой психики, по мысли Фрейда, состоит из трех взаимосвязанных сфер: *бессознательное* (Оно, (Id)), *предсознательное* (Я (Ego)), *сознательное*, т.е. сознание (Сверх-Я (Super-Ego)). Главным генератором жизни человека, общества и культуры он считает бессознательное, иррациональное по своей сути начало психики, где сосредоточены биологические желания человека. Согласно его концепции, основными среди них являются созидающие – сексуальные (Эрос) и разрушающие – желание смерти (Танатос). Сексуальные желания обладают энергией, которую он обозначил как *«либидо»*. Стимул деятельности бессознательного – удовольствие, для получения которого бессознательное должно проявить себя, реализовав желания, в реальности через сознание. Цензором для бессознательного является предсознательное, которое отделяет бессознательное от сознания и в то же время связывает их. Давление на деятельность этого разумного Я оказывает принцип реальности, который возникает как следствие осознанного социального и культурного бытия. Предсознательное контролирует актуализацию бессознательных желаний и вытесняет из сферы сознания те, которые не соответствуют уровню общепринятой куль-

туры. Острота конфликта человека (его Оно) с культурой возникает из-за постоянного надзора со стороны рациональной и моральной инстанции культуры. С другой стороны, Фрейд толковал табуированные цензурой предсознания желания, которым удается проникнуть в сознание и реализоваться в действительности, как исток сублимации – творческой деятельности человека, реализующейся в науке, религии, искусстве, то есть как мотиватор развития культуры.

Возрастание конфликта человека с культурой Фрейд объяснял попытками тотального вытеснения культурой природных (сексуальных, агрессивных) желаний человека. Современная культура ограниченно интерпретировала теорию Фрейда, пытаясь ослабить этот конфликт манифестацией феномена «телесности» и актуализацией основных потребностей человека в культурных практиках.

Немецкий философ Эйген Финк (1905-1975) выделяет пять феноменов человеческого существования: игру, любовь, смерть, труд и борьбу. Если взять наш тематический репертуар, в который входят три персонажа Маркс, Ницше и Фрейд, то можно обнаружить сходство с потребностями человека, на которые они опирались в обосновании своих концепций. У Фрейда это потребность в любви и смерти (Эрос и Танатос). Практик Маркс, как «непоследовательный» гегельянец, в своей системе основывался на потребности человека в борьбе и труде, что в гегельянской первоначальной версии – господство и рабство. А игру, без сомнения, следует отнести к ницшеанскому проекту, который полностью реализовался в современном культурном пространстве в различных редакциях систем человеческих потребностей и ценностей XXI века. Стоит внимательнее присмотреться в нашем контексте к этому ряду потребностей человеческого культурного бытия: игре, любви, смерти, труду и борьбе. Может показаться неуместным рассмотрение любви, смерти, труда и борьбы в культурном аспекте аналитики этих человеческих потребностей, но, если учесть пятый элемент этого ряда – игру, которая является основой всех остальных, некой инстанцией, дающей энергетический потенциал всем другим, наш ход становится понятным. Кроме того, если всю мировую культуру собрать, als ob[33], в маленький фрагмент, то получится квинтэссенция культуры. Игра является мощным средством открытия этого общего.[34] Об этой универсальной потребности, разворачивающей панораму культуры, благодаря которой человек освобождается от тягот своей жизни – «бремени труда, остроты борьбы, тени смерти и мук любовного томления» – и пойдет в дальнейшем речь.

Разорванность человека на мужскую и женскую половину нельзя свести к специфике биологической потребности. Такой ограниченный взгляд на сущностную потребность человека в любви свойственен только позитивизму. В стремлении, обреченных на смерть, двух человеческих

[33] Как бы (нем).

[34]

существ, можно опознать при тонком взгляде на этот феномен – волю двух влюбленных к некой вечной жизни, к вечности во времени, не взирая, на знание о бренности своего существования. Именно обреченность на смерть, как обретение вечности в объятии, делает любовников любовниками, выводя из оценочных рамок биологического исследования. Любовь и смерть – основные потребности человеческого существования, испытывая их, человек понимает и разворачивает смысловой горизонт своего существования – бытие во времени и бытие по ту сторону времени.

Культурные формы, которые создает человек, обусловлены нашим разумом, познавательной структурой познавательной способности. Этот разум принадлежит конечному существу, который творя культуру, определен и обусловлен в своем существовании смертью, трудом, господством и любовью, дистанцирован от предполагаемого разума божества или мирового духа – «измеренный божественной меркой, человеческий разум оказывается несущественным, убогим, жалким, тусклым огоньком, изгнанным в дальние дали от сияния, озаряющего вселенную».[35] Но что помогает человеку преодолеть страх смерти, желания господства над равными, дает возможность отыграть у труда потерянное время, избавиться от жала любви, которое приносит сладость и боль? Что является отличительной чертой человеческого существования? Что может исключить человека из божественной и животной иерархии? Что определяет способ его понимания бытия? Это – *игра*, благодатной почвой которой является фантазия – «тысячью способов фантазия проницает человеческую жизнь, таится во всяком проекте будущего, во всяком идеале и всяком идоле, выводит человеческие потребности из их естественного состояния к роскоши, она присутствует при всяком открытии, разжигает войну и кружит у пояса Афродиты»[36]. Каждый из нас знаком с игрой, но, по словам Аристотеля: «известное известно немногим». Основная потребность человеческого пребывания в мире – это возможность понимания человеком себя как смертного, как трудящегося, как борца, любящего и игрока, и, исходя из этих позиций, он пытается прояснить для себя смысл бытия и смысл существования всех вещей. Эти потребности, стоит отметить, захватывают человека всецело.

Подлинная игра помогает преодолеть отчуждение, так как выступает одной из немногих потребностей, в которой сфокусирована все качества индивида как рациональные, так и иррациональные. Игра направлена на возвращение онтологического измерения в повседневную жизнь человека. В обществе она направлена на основную его потребность: социальное равенство и предельную справедливость. Такие характеристики игры, как относительность, открытость, незавершенность, случайность дают возможность человеку познавать и преобразовать мир, выражая через созна-

---

[35] Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 358-359.

[36] Там же. – С. 360.

ние его многомерное и богатое онтологическое содержание, конституируя, в то же время, смысл своего собственного существования. Игра в основе своей всецело определяется печатью человеческого смысла. Все возрастные категории испытывают потребность в игре – начиная от ребенка в песочнице, взрослых с их «общественными играми» до одинокого старца, раскладывающего «пасьянс». Естественные потребности понуждают нас к действию, нужда учит трудиться и бороться. А что человеку делать, когда потребности утихают, когда человек становится свободным? Без игры человеческое бытие погрузилось бы в растительное существование (Э. Финк). Все феномены культурного опыта (культ, миф, религия, искусство, философия) созданы человеческим гением, а их корни уходят в бытийный феномен игры.

Системы ценностей и потребностей человека, которые составляют ткань развития культуры, подвержены смысловым сдвигам и переосмыслению содержания. Динамику этих систем также описывал в своих трудах немецкий философ и писатель Эрнст Юнгер (1895-1998). По его мнению, XX век, насыщенный войнами и отчаянием разбудил в человеке хтоническое начало, которое он определил как «титаническое». Юнгер полагал, что позитивистское прочтение человека в XIX веке, как «свободного разумного индивидуума» потерпело поражение, а XX век проявил его «дикую» «подземную природу».

По Юнгеру, XX век – это «век титанов». XXI век, по его убеждению, должен будет стать «веком богов», а на смену «титанической» природе, «восстанию плоти» придет время «возрождения Диониса».

Культуросозидательный потенциал человека

Итак, данность уникальных, характерных только для человека потребностей (мыслить, сочинять и понимать музыку, испытывать религиозные чувства и мистические прозрения, неавтоматически использовать язык, реализовывать в поступках свободную волю) мотивирует надприродное конструирование человеческой реальности, то есть формирование культурного пространства. Не имеющая аналогов в живом универсуме организация сознания, а не морфологические особенности телесности человека, является условием возможности преобразования человеческой системы ценностей и потребностей в культурные формы.

Важнейшим инструментом придания культурного содержания человеческим потребностям выступает *язык*. Человек – существо творящее язык и обусловленное языком. Выступая фильтром, не пропускающим в сознание содержания, не совпадающие с его структурой, язык формирует культурную картину мира и, таким образом, регулирует поведение, формулирует цели и ценности. Однако язык человеку дан только как потенциальная способность принять язык извне, но не как способность самостоятельно создать полноценный язык вне культурного контекста. Постольку человек – существо, обусловленное культурной морфологией. В этом каче-

стве он подчинен основному культурному процессу, влекущему его в сторону дифференциации системы ценностей и потребностей. Основные его жизненные потребности предопределены и обусловлены строением организма, подчинены физиологическим процессам, протекающим в теле. Только включаясь в культурный процесс, то есть открывая в себе культурно предустановленное сознание, человек может ориентироваться на внебиологические ценности, трансформировать собственные потребности в соответствии с культурной логикой.

Есть два общепринятых взгляда на соотношение человека и культуры. Один, человеческий взгляд, рассматривает человека как продукт двойного зачатия – биологического оплодотворения и оплодотворения сознания содержаниями культуры. С этой точки зрения жизнь человека и жизнь культуры – совпадающие процессы. Другой взгляд: демонстрирует, что человек, будучи сформированным культурой, предоставляет собственное сознание в «аренду», подавляя потенциальное развертывание своего «Я». Эта точка зрения обнаруживает сверхчеловеческую интенцию. Такой человек не предоставляет свое сознание в качестве сцены для культурного процесса, а, свободно развернув свое «Я», становится партнером культуры. Но человек есть не только результат дрессуры сознания культурными механизмами, но и культурносозидающая сила. Иными словами, человек может быть и не обусловлен культурой тотально, он может свободно создавать различные культурные формы, поскольку органичной для средой выступает не какая-либо определенная культура, а *метакультура* (по Даниилу Андрееву – особое цивилизационное единство), понимаемая как динамичный процесс развертывания различных целостных культурных форм. Таким образом, выходя в целостность культурного опыта человечества, реставрируя его забытые пласты или находя новые культурные контексты для традиционных, такой человек реализует преодоление человеческих обусловленностей и раскрывает новые возможности человеческой природы.

Путь к такому человеку лежит не через генетические манипуляции, а через *превращение сознания в активный творческий инструмент*. Но свойства активного человека – это свойства неизвестные пассивному человеку, направленные на созидание культуры. В них человек предстает как существо развертывающейся формы, имитирующей и отражающей процесс творения. В своем развертывании волевое действие имитирует акт творения – от наиболее тонких составляющих сознания до реального действия в неподатливом материальном мире. Активизация и реализация в себе таких сверхчеловеских сил требует формирование особого строя культуры, поддерживающего подобное начинание. Для этого должны быть восстановлены в качестве ведущих ценностей и потребностей внутренняя свобода, свободное развертывание смысла в любых средах. Это новый тип культуры с новыми задачами и такая культура должна создаваться целенаправленно.

Предпосылками этого являются: разрыв с тенденцией упадка и специализации, что означает формирование обособленного, но эффективного культурного сообщества с соответствующей системой ценностей и потребностей. Условием создания данного типа коллективности выступает, в свою очередь, формирование в сознании зачатка, культурного прототипа такого образа человека, и разработка методов жизненного воплощения данного типа человеческого существования.

Необходимость создания нового культурного сообщества вызвана тем, что в ситуации современности три основных культурных архива, а именно Греция, Индия и Китай, исчерпывают свой символический ресурс, подходящий для обеспечения цивилизационного единства. *Таким образом, чтобы стать субъектом собственной, а не объектом чужой, культурной деятельности, необходимо развивать новый культурный тип человеческой субъективности, новую систему ценностей и потребностей человека.* В наше время вновь актуальна постановка задачи, которую пытался разрешить древнегреческий философ Диоген Синопский, занимающийся в сообществе хорошо осведомленных и профессионально специализированных людей «поиском человека». Философская дерзость Диогена сегодня уместна как никогда: вокруг нас есть люди, но есть ли среди них тот, кто, на самом деле, является человеком – человеком в ценностном и культурном смысле. Если да, то его следует отыскать. Если нет, то – создать.

Резюме

Специфика существования человека далеко не самопонятна: она обусловлена тем культурным фоном формирования человека, а, следовательно, и подвержена культурно-историческим трансформациям. Человек не существует вне культуры. Исходя из этого неоспоримого факта, культурологические исследования: 1) анализируют системы человеческих потребностей и ценностей как результат воздействия на человека культурной традиции – коллективных обычаев, общепринятых для культуры поведенческих моделей и пр.; 2) обосновывают культурное производство человеческих потребностей; 3) позволяют осмыслить все магистральные феномены культурного опыта (искусство, философию, религию, экономику) как потребности человека; 4) рассматривают человека как существо созидающее, причем источником созидательной энергии выступает такая уникальная характеристика человеческого существования как *дух*; 5) раскрывают движение духа, то есть актуализацию его возможностей, его выражение в вышеперечисленных формах культурного бытия; 6) определяют человеческие потребности как выражение сущностно-человеческой нехватки, то есть как уникальные человеческие потребности.

Таким образом, культура, задавая характер потребностей человека, не отменяет возможность творческого раскрытия его бытия. Реставрация забытых культурных практик или обнаружение новых контекстов для общепринятых – процесс потенциально не ограниченный, постольку созида-

ние новых культурных форм – принципиально открытая для человека возможность.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА:

1. Как влияет культура на человеческие потребности?
2. Что такое культурный код? Зависят ли потребности и ценности человека от культурного кода? Обоснуйте свой ответ.
3. В чем основное отличие культуры Запада от культуры Востока? Назовите специфичные потребности человека этих культур.
4. Назовите три основных взгляда на сущность человеческих потребностей в культуре. Дайте краткую характеристику основных положений этих взглядов.
5. Назовите основные феномены культурного опыта. Можно ли эти феномены отнести к реализации потребности человека в культуре?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. – СПб., 2007.
2. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006.
3. Ахутин А.В. Открытие сознания (Древнегреческая трагедия и философия) // Ахутин А.В. Поворотные времена. – СПб., 2005.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии. – М., 2001.
5. Библер В.С. На гранях логики культуры. – М., 1997.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Глава шестая. Образы материально-телесного низа в романе Рабле // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Том 4 (2). – М., 2010.
2. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. – М., 2007.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология XX век. Антология. – М., 1995.

ЧАСТЬ III.
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ УЧЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО ПОТРЕБНОСТЯХ

ГЛАВА 4. ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРАКТИК ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ

§4.1. АРХАИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК: КУЛЬТ И КУЛЬТУРА КАК ИСТОК И ОСНОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Особенности исследования архаических сообществ

Традиционно о культуре и образе жизни архаического (первобытного) человека принято судить, опираясь на этнографический материал, полученный в ходе исследования жизни так называемых бесписьменных народов. При этом основным источником материала для подобных исследований оказываются общины австралийских аборигенов. Конечно, подобное сопоставление довольно условно, но, как указывает один из отечественных исследователей образа жизни архаического человека О. Ю. Артемова, «среди всех известных этнографии аналогов первобытных охотников и собирателей аборигенам Австралии принадлежит ведущее место»[37]. Обосновывая термин «архаические общества» другой известный исследователь обществ австралийских аборигенов В. Р. Кабо поясняет, что термин «архаические общества» употребляется им наряду с термином «первобытные общества» как синоним, но в то же время, говоря о современных нам обществах охотников, собирателей и ранних представителей производящей экономики, он предпочитает термин «архаические» как более свободный от оценочных (в данном случае стадиальных) суждений[38]. И этот же автор в самом начале своего исследования замечает: «Человека создал не труд. Его создало понятие священного как основа религиозного сознания»[39], поскольку у современных исследователей уже «нет никакого сомнения в том, что религия возникла вместе с первыми проблесками человеческого разума»[40]. Поэтому представленный в данной главе анализ потребностей архаического человека следует начать с определения архаической религиозности.

---

[37] Артёмова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. – М.: Наука, 1987. – С. 8.

[38] См.: Кабо В. Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Восточная литература, 2007. – С. 14.

[39] Там же. – С. 15.

[40] Там же.

Место сакрального и специфика удовлетворения потребности в познании в опыте архаического человека

Общим местом антрополого–этнологических исследований выступает утверждение о целостном восприятии мира архаического человека, то есть таком восприятии, при котором мир представлялся как единый космос, все части которого взаимосвязаны и живут своей внутренней жизнью. Ограничиваясь в своем быту кочевника только самым необходимым, он был наделен *небольшим постоянным числом потребностей*. Основной среди них являлась *сохранение верований и исполнение предписаний мифа* – с верованиями и мифами архаический человек не расставался никогда. Сами верования и мифы в качестве стремления понять и объяснить мир возникали не только как плод обыкновенной человеческой любознательности, в их основе лежало еще и волевое начало как стремление овладеть и управлять миром. Именно *познание как средство власти* оказалось еще одной из первейших потребностей архаического человека.

Можно говорить, что это познание было исключительно религиозным, а в основании религии лежит понятие священного. Человеческое сознание, равно как и сама культура, расколото надвое – на область обыденного (или *профанного*) и на область священного (или *сакрального*). Переступая грань обыденного, человек переживает чудесное превращение – он начинает мыслить и чувствовать по–другому. Выпав из обыденного времени, перейдя в сакральное, он входит в мир явлений и событий, длящихся бесконечно. Таковыми являются все события мифологии или священной истории. Именно их архаический человек оживает и возобновляет в ритуале. Сам участник архаического ритуала далеко не актер, ибо и в своем сознании и в сознании окружающих в нем на время ритуала воплощается какое-либо мифическое существо.

Само представление о священном, возникшее в сознании первобытного человека, стало чем–то подобным религиозному инстинкту, который находит свое воплощение в виде многообразных религиозных представлений. Например, архаический человек выделял священные площадки для обрядов, священные области и эпохи, наподобие Времени Сновидений австралийских аборигенов[41]. В этом различении сакральных и профанных зон он устанавливал первичную временно-пространственную разметку мира и таким образом удовлетворял свою потребность в познании.

В сознании архаического человека одним из наиболее первичных, простейших и всеобщих представлений является представление о всеобщей таинственной, могущественной силе, которая у меланезийцев называется *«мана»*, у ироков – *«оренда»*, у сиу – *«ваконда»*, у алгонкинов – *«маниту»*, у малайцев – *«крамат»*, у аранда – *«арунгкильта»*. Эта сила присуща как людям, так и вещам, как живому, так мертвому. Это представле-

[41] Время Сновидений (Алчеринг) – в представлении австралийских аборигенов мифологическое первоначальное время происхождения мира и всего, что есть в этом мире; время, в которое уходит шаман в ходе шаманского действа.

ние свойственно наиболее ранним ступеням развития человеческого сознания. Поэтому научное определение дать им довольно трудно.

Все, что сказывается на жизни положительно воспринимается архаическим человеком как «*мана*», а что в ней запрещено фиксируется им как «*табу*». Табу, таким образом, оказывается чем–то вроде тени маны. Табу являются в определенном смысле правилами общественного поведения.

Специфика социального порядка архаических культур и потребность в коллективном единении

Потребность в единении с другими людьми архаический человек удовлетворял посредством общинного образа жизни. Сама архаическая община, будучи основной, ведущей хозяйствующей общностью того времени, оказывалась еще и главным действующим лицом развивающегося сознания. Архаическая община автономна и обладает внутренним единством. Даже если в определенное время года она распадалась на отдельные родственно–производственные объединения и протосемейные ячейки (а позднее – на семьи и хозяйственные объединения), позднее она объединялась вновь. Самостоятельно или совместно с другими общинами она совершала важнейшие для архаического общества обряды – обряды воспроизводства и обряды посвящения (инициации), а также обрядовый обмен ценностями.

Община для архаического человека – это завершенный мир. Мира вне событий жизни общины для архаического человека нет. Довольно часто община была тотемична. Тотемизм, по утверждению известного отечественного исследователя архаических обществ Ю. И. Семенова, в своем исходном виде представлял собою глубокую и не знающую сомнений веру в полное тождество того или иного человеческого сообщества (первоначально это была праобщина, а потом уже род) с особями одного определенного вида животных. Этот вид животных и, таким образом, определенное животное данного вида, выделявшееся по каким – то особенным признакам, являлось тотемом для определенного сообщества людей, носивших его наименование и для каждого его представителя. В своей сущности тотемизм являлся осознанием действительного единства человеческого общества, изначальной общности всех его членов и одновременно столь же изначального и решительного отличия от членов иных существующих по соседству человеческих сообществ. Если все прочие разновидности древних религиозных верований, традиционно именуемые язычеством, представляли собою образное восприятие архаическим и древним человеком сил, господствующих в природе и в нем самом, то тотемизм был столь же образным восприятием, но уже не природного, а общественного бытия. Так тотемистические предки являлись, прежде всего, творцами обычаев, правил, общественных учреждений[42].

---

[42] См.: Семёнов Ю.И. Тотемизм, первобытная мифология и первобытная религия // Скепсис. – №3, 2004.

Австралийский материал свидетельствует в пользу того, что самое обширное объединение людей – племя по существу представляет собою совокупность объединений меньших размеров – общин. Для племени в целом присущи такие черты, как склонность к эндогамии (брачным связям внутри этого племени), общность места расселения, общность языка или диалекта и культурной традиции. Все это определяет самосознание архаического человека. В то же время любое австралийское племя делится на несколько крупных объединений, во многом друг от друга отличающихся. Даже в тех частях страны (к примеру, на юго–востоке Австралии), где эти объединения являлись довольно небольшими по численности (200–300 человек), они, тем не менее, делились на более мелкие общественные единицы. Любое австралийское племя время от времени собиралось в полном составе по случаю каких-либо событий, которым придавалось большое значение (проведение обрядов посвящения, разрешение наиболее сложных вопросов и споров, наказание наиболее опасных нарушений общественных предписаний). В этих случаях устраивались советы наиболее старших влиятельных мужчин и глав общин, на которых обсуждались все подобные вопросы общеплеменного значения, и на таких советах выдерживалась определенная иерархия глав общин. Численность таких общин менялась в зависимости от условий проживания: самые мелкие насчитывали 20–30 человек, самые крупные, как уже упоминалось выше – 200 – 300 человек. Мало того, определенную часть года (в плодородных местах – небольшую, в бесплодных – значительную) аборигены Австралии жили не общинами, а более мелкими объединениями, состоявшими чаще всего из 2–3 семей. Эти объединения являются, прежде всего, хозяйственными, хотя на их состав весьма сильно влияют отношения кровного родства. Чаще всего такое объединение состоит из семей двух братьев, их престарелых родителей и родителей их жен. Нередко в подобное объединение входят семьи мужчин, принадлежащих к разным общинам, к примеру, тестя и зятя, брата жены и мужа сестры, которые просто подолгу живут в гостях друг у друга. Такие объединения не представляют собой постоянных образований, они порою распадаются и создаются вновь уже в ином составе (часто даже по нескольку раз в год). У них нет своих названий, нет четких правил построения, хотя в каждом из таких объединений обязательно должны быть определенные соотношения между старыми и молодыми, взрослыми и детьми. Обычно главным (или главными) в подобных объединениях является мужчина (или несколько мужчин) из той общины, на земле которой оно находится. Этим мужчинам принадлежит решающее слово во всех делах.

Наименьшим объединением остается, конечно же, семья. Но по своим размерам семьи сильно различаются: от двух человек (муж и жена) до 20 – 30 (полигинные семьи, то есть семьи многоженцев, включающие еще в свой состав престарелых родителей мужа и жен). Брак во многих случаях является непродолжительным и поэтому состав семьи часто меняется. Тем не менее, за редким исключением, в таком обществе нет мужчин, которые

всю жизнь оставались бы холостыми, и нет незамужних молодых женщин и женщин средних лет, вообще нет людей, которые жили бы в одиночестве (без семьи) и среди тех, кто еще не вступил в брак, и среди тех, кто овдовел.

Что же касается рода, то не всегда можно определить, какое из австралийских общественных объединений может быть названо этим именем. Действительно, в одном австралийском племени нередко сосуществует несколько видов экзогамных объединений с однолинейным счетом происхождения. Чаще всего такие объединения называются австраловедами социальными кланами (или просто кланами), территориальными кланами или же локальными наследственными группами. Социальные кланы – это экзогамные объединения, члены которых живут в разных местах земли племени, но считают друг друга родственниками. Они верят, что происходят от одного или нескольких общих предков, хотя не всегда могут проследить свои родственные связи генеалогически. Локальные наследственные группы или территориальные кланы всегда патрилинейны и экзогамны; все входящие в них люди считают определенный участок племенных владений «своей землей» и сама эта связь людей с землей осознается как родство. В такой группе человек наследует от отца не только прочные связи с другими ее членами, но и с определенным участком земли племени. Именно эта земля является основой для сплочения членов локальной наследственной группы. Как правило, люди, составляющие локальную наследственную группу, приходятся друг другу действительными родственниками и в большинстве случаев могут проследить свое родство генеалогически. Такие объединения в традиционных условиях Австралии существовали повсеместно. И такие объединения представляют собою то, что обычно обозначается понятием «*род*». В традиционных условиях не было ни одного человека, который не связывал бы своего происхождения с той или иной родовой землей; земля племени разделялась между родами, а угодья общин одновременно являлись землями одного или нескольких родов.

Первым и самым главным предназначением рода было то, что он образовывал и организовывал общину, то есть определял, кто, с кем и где живет и трудится. Другое важнейшее назначение рода состояло в том, что в обширном кругу людей, среди которых австралийский абориген обращался, используя понятия родства по мужской линии, род как бы очерчивал более узкий круг самых близких родственников. В этом случае братьями и сестрами именовались все мужчины и женщины своего поколения, а отцами, матерями и детьми – люди смежных поколений.

Вышеописанная социальная организация накладывала ряд правил на жизнь архаического человека. Наряду с постоянной взаимопомощью люди общины, в особенности близкие родственники, принимали на себя общую ответственность, при которой вина каждого отдельного человека ложилась на всех его близких родственников, а их вина, в свою очередь, – на него.

Вообще нарушители религиозных предписаний и требований экзогамии наказывались обязательно и жестоко только потому, что считалось, что своими действиями нарушитель ставит под угрозу благополучие всей общины. Нередко решения, касающиеся отдельных лиц, принимались сообща, и человек был вынужден подчиниться общему решению вне зависимости от того, хочет он этого или же нет.

В таких условиях не может быть сугубо личной жизни, личных дел, которые совершенно не касались бы других членов сообщества. Поэтому *потребность в непосредственном участии в делах своих родственников и товарищей* была характерна для архаического человека. Вся жизнь архаического человека проходила «на виду» – его поступки свободно обсуждались и оценивались. Скрытность и личные тайны здесь были не в чести и, напротив, открытость, готовность делиться своими трудностями и невзгодами с родственниками и друзьями считались достоинством. Так, семейные разногласия и ссоры с друзьями обычно не утаивались архаическим человеком; люди, живущие рядом, могли с любопытством наблюдать их и, более того, поддержать одну из сторон.

Общественные установления связывают членов такого сообщества многочисленными взаимными обязательствами, ставят их в положение взаимной зависимости, тогда как совместная жизнь – совместный труд и совместный отдых, общие беды и общие радости – вырабатывают в них чувство сильной взаимной привязанности, можно даже сказать, духовной близости. Поэтому, оказавшись вдали от своих родственников, такой человек очень скоро впадает в тоску и апатию. Если кто–то отправляется в дальнее путешествие, на общей стоянке раздаются плач и причитания, женщины даже ранят себя в знак печали, как на похоронах, а потом исполняют магические обряды, чтобы обеспечить благополучное возвращение ушедших.

Потребность в выполнении религиозных предписаний в жизни архаического человека

В свое время известные исследователи австралийских аборигенов Р. и К. Бернды отмечали, что для определения культуры того или иного народа особое значение приобретает та деятельность, которую люди совершают сверх необходимого для поддержания жизни. Для архаического человека, типичными представителями которого принято считать аборигенов Австралии, почти вся деятельность сверх необходимого связана с духовной жизнью. И здесь преимущественное значение получают магические обряды. Вообще, в условиях быта охотников и собирателей, при низком уровне развития техники и сильной зависимости от природы религиозно–обрядовая деятельность служит одним из средств эмоциональной разрядки. В правильном и тщательном *выполнении религиозных предписаний* они видели самый верный способ обеспечения обычного течения жизни и ограждения себя от всевозможных бедствий и несчастий. Вера в дей-

ственность магических средств создает убеждение в способности людей направлять ход событий в определенное русло, как бы «овладевать положением». Поэтому исполнению священных обрядов здесь отдается значительное количество сил и времени. Неслучайно в австралийских языках связанная с тотемистическими культами деятельность обозначается словами, соответствующими нашим «труд», «работа».

В основе религиозного мировоззрения такого общества лежит представление о том, что залог благополучия в обществе в целом, и отдельных людей, и всего их природного окружения – в вечном повторении, неизменном воспроизведении одних и тех же природных и жизненных явлений, человеческих действий. Поэтому главные религиозные предписания требуют строгого следования традициям, верности тому порядку жизни, который считается раз и навсегда установленным.

В этих условиях у человека развивается *потребность во вредоносной и благотворной магии***,** то есть в колдовстве и знахарстве. Ее аборигены Австралии удовлетворяют в постоянных коллективных обрядах, которые имеют своей конечной целью благополучие всей общины. К некоторым обрядам колдовства и знахарства обращаются от случая к случаю, по мере надобности, которая нередко бывает обусловлена особыми обстоятельствами, сложившимися во взаимоотношениях отдельных людей, их поступках. Но следует отметить, что обряды вредоносной или благотворной магии совершались и отдельными людьми по собственному побуждению или же по просьбе других. В данных случаях они предназначались для установления влияния на жизнь отдельных людей и преследовали личные цели.

Эстетическая потребность в жизни архаического человека

Кроме того, важное место в жизни архаического человека принадлежит таким занятиям, направленным на чувственное, эстетическое удовлетворение, то есть художественному творчеству, которое осуществляется ради удовольствия и развлечения. Поэтому по отношению к его представителям мы имеем право констатировать наличие *эстетической потребности*. В этом обществе к искусству в той или иной степени приобщены все, все пробуют себя в различных видах искусства и поэтому обладают определенным, пусть даже ограниченным, набором навыков, необходимых для воспроизведения того, что уже создано, и для создания нового. А те, кто уже добился успехов в том или ином виде художественного творчества, имеют благоприятные условия для реализации *потребности в самовыражении*: окружающих их деятельность привлекает, а свое одобрение и восхищение архаический человек выражает весьма бурно.

Конечно, самыми распространенными видами искусства оказываются пение и танцы, а также драматические представления на основе древних, передаваемых из поколения в поколение преданий, но могут также встречаться и повествования, созданные современниками. На такие, в це-

лом, нерелигиозные, представления с танцами и песнями люди приходят издалека и большими скоплениями, так же как на важнейшие религиозные действа.

Резюме

Архаический человек знает, как себя вести в том или ином случае, равно как и то, как себя будут вести те, с кем он соприкоснулся в то или иное мгновение своей жизни, ибо всевозможные правила определяют буквально каждый его шаг. Но число случаев, предусмотренных подобными правилами, все–таки ограничено, и жизнь зачастую ставит человека в совершенное непредвиденное положение. При нарушении обычного течения жизни правила поведения, которым должен следовать архаический человек, вступают в противоречие друг с другом и в итоге он оказывается перед необходимостью делать выбор. Итак, жизнь архаического человека отнюдь не была, как это виделось гуманистам эпохи Возрождения, наименовавшим такого человека первобытным, ни безоблачной, ни гармоничной. Однако, наличие сложной и разносторонней культуры, которая содержала в себе такие ценности, как тесные связи между людьми и тесные связи людей с их природным окружением; уважение к прошлому, которое давало уверенность в будущем; общинный дух, при котором каждая отдельная личность обладала правами только во взаимоотношениях с другими и несла ответственность за других, также как и другие отвечали за нее, порождало не только определенные способы удовлетворения первостепенных для сохранения и продолжения жизни потребностей, но и определенные эстетические достижения. При господстве общинного духа и бытовые трудности, и сложное устроение общинной жизни с присущими ей противоречиями, и культурные достижения, благодаря которым люди могли обеспечить необходимое удовлетворение как телесных, так и духовных потребностей, создавало условия для складывания личностей с достаточно сложным и многосторонним внутренним устроением, то есть для развития разных типов личности.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала:

1. Какая потребность, по мнению В.Р. Кабо, играет ведущую роль в формировании человека?
2. Почему с представления религиозности следует начинать описание потребностей архаического человека?
3. Назовите черты архаической религиозности.
4. Каково с точки зрения теории потребностей значение архаической общины?
5. Охарактеризуйте место искусства в системе потребностей архаического человека?
6. Являются ли правила поведения истоком и основанием потребностей архаического человека? Обоснуйте ответ.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

ОСНОВНАЯ

1. Кабо В. Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Восточная литература, 2007.
2. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении. – М.: Красанд, 2010.
3. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. – М.: Академический проект, 2008.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

1. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. – М.: Наука, 1987.
2. Геннеп, А., ван. Обряды перехода. – М.: «Восточная литература» РАН, 2002.
3. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Изд-во политической литературы, 1989.
4. Харнер М. Дж. Путь шамана или шаманская практика. – М.: ИЧП «Палантир», 1994.

§4.2. ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВ ЖИЗНИ

Характер самосознания человека Древнего Ближнего Востока

Исследования в области когнитивной антропологии свидетельствуют, что в эпоху существования великих культур Древнего Ближнего Востока понятия «человек», равно как и тесно связанных с ним понятий «жизнь» и «смерть» не существовало. Лишь с течением времени становятся малоупотребительными, а затем и вовсе исчезают из употребления слова, имеющие значения: «живое, жизнь, животное, живоподобное существо, поддержание жизни, средства на жизнь, живое в связи с действиями бога, продолжительность жизни, жизненное счастье». Все эти и другие подобные им слова перестали удовлетворять человека, ибо в недостаточной степени выражали обособление человека от природы. И напротив, слова, обозначающие человека вообще, человека как такового, получают большее распространение в силу смысловой однозначности и определенности, ибо все они выражают основополагающее отличие человека от прочего мира. В представлении человека Древнего Ближнего Востока «душа» и «тело» неотделимы, ибо второе лишь внешнее и видимое проявление первого.

В. В. Емельянов возражает тем исследователям, которые утверждают, что на Древнем Ближнем Востоке не существовало еще представления о личности и указывает, что любое общество, в какое бы историческое время оно ни существовало, состоит из отдельных людей, каждый из кото-

рых осознает себя, с одной стороны, как часть природного и общественного целого, а с другой – непременно как отдельное «я», совершенно несходное с остальным миром. Мало того, в сознании отдельного человека всегда присутствовало противоречие «включенности – обособления» и вся его жизнь на протяжении истории показывает нам многочисленные случаи перехода от одного рода включенности в другой и при этом всякий раз в иную среду переносится собственное «я». Поэтому равно невозможна как полная потеря себя в обществе или природной среде, так и полная свобода от общества или природной среды. В таком случае человек ранней древности, как только произошло отделение разума от природы, начал воспринимать движения окружающей среды за свои, то есть отождествляться с ними, и наоборот – рассматривал проявления собственной душевной жизни как явления общей значимости (например, вещие сны). Древнейшие предания и эпические произведения свидетельствуют о том, что в сознании древнего человека природное и душевное воспринимались как явления тождественные («природа – это часть меня самого») и точно так же определялись и воспринимались явления общественной жизни, а именно, общинное, семейное тело (к примеру, шумерское «SU» одновременно и «тело» и «семья») представлялось носителем тех же самых отправлений, то присущи дикому миру вокруг и неукрощенному «я» внутри себя самого.

Одно из самых важных качеств человека Древнего Ближнего Востока – это убеждение в его богосотворенности. Это же представление, в свою очередь, порождает другое представление о богоподобности человека. И хотя человеку Древнего Ближнего Востока уже было знакомо обобщенное и отвлеченное понятие «человек вообще, человек как таковой», тем не менее, такой «человек» не до конца свободен от личной определенности и поэтому всегда представлен связанным с различными сообществами людей и сам по себе является единством телесного и душевного.

Поэтому для человека Древнего Ближнего Востока преобладающее значение получают «осанка» и «жест», то есть «ликующая телесность». Из всего телесного состава человека особое значение приобрели сердце и кровь как средоточия всей душевной сущности и деятельности человека. Но рядом с таким признанием сердца средоточием человеческой сущности памятники письменности Древнего Ближнего Востока начинают все чаще и чаще указывать, что именно голова, а точнее, лицо выражают сущность человека, поскольку голова – это обиталище души человека, глаза – зеркало его души, а уста – выразители души. Именно лицо выражает суть человека, о чем свидетельствует, хотя бы, шумерская скульптура III тысячелетия до н.э., совершенно безразличная к разработке человеческого тела, но отличающаяся четким воспроизведением человеческой головы с широко раскрытыми глазами – вместилищем мудрости, большим носом, ощущающим «дыхание жизни», и большим ртом, произносящим «слова души».

Само признание сердца средоточием человека, а также отведение подобного же значения голове отражает присущее всему Древнему Ближ-

нему Востоку восприятие человека как двуединство телесного и душевного. Само тело и сердце, голова и лицо, глаза, рот и уши признаются уже не только и не столько частями тела, сколько вместилищами человеческой души. Анализируя душевное представление о человеке, присущее Древнему Ближнему Востоку, стоит отметить выделение страстной, чувственной стороны. Но само это выделение сопровождается и легко сочетается с представлением о единстве и нераздельности душевной деятельности человека и тех органов, которые служат и проводниками, и первыми «возбудителями» этой деятельности (то есть глаза, уши, рот). Лишь с течением времени первоначальное преобладание чувственного начала сменяется возрастающим вниманием к человеческому разуму. Поскольку, в отличие от общей принадлежности чувственности и страстей всему человеческому роду, разум является свойством отдельного человека и заключен внутри его существа. Поэтому разум оказался тем самым качеством, которое выделяло отдельного человека из людской общности. Памятники письменности Древнего Ближнего Востока свидетельствуют о том, что душевные состояния в человеке как бы освобождены от его характера, то есть чувства как бы живут вне людей, хотя и пронизывают все их действия.

Первоначальная безличность, то есть одинаковая изобразительность, точнее, бесстрастность, запечатленная на памятниках искусства Древнего Ближнего Востока, а также анонимность памятников изобразительного искусства и литературы, вроде бы являются прямыми свидетельствами отсутствия восприятия человеком этой культуры себя как отдельной личности. Однако, то, что с течением времени человек Древнего Ближнего Востока все–таки начинает воспринимать себя самого как личность, подтверждается участившимся употреблением личных местоимений. Мало того, герои литературных произведений Древнего Ближнего Востока часто оказываются поставленными перед необходимостью сделать выбор, а ведь главный признак личности – способность производить выбор действия.

Древнеегипетские представления о сущности человека

Древнеегипетская культура создала одну из первых форм государственной власти, возникшую примерно за 3400 лет до н.э. в долине Нила. В это время племена, заселявшие окружавшие Нил саванны (берберы, кушиты и др.), вероятно, вследствие установления засушливого климата, спустились в пойму Нила и организовали новую систему управления, в основание которой была положена неограниченная царская власть. Таково было начало «фараоновой цивилизации», о высоте культурного уровня которой свидетельсвуют формирование системы письменности, возникновение монументальных культовых застроек, сильнейшее развитие искусств и ремесел. Несмотря на ряд существенных трансформаций, эта процветающая речная цивилизация сумела просуществовать до 30 г. до н.э., датирующего момент ее вхождения в состав Римской империи.

Древний Египет, согласно утверждению одного из виднейших отечественных египтологов старой школы А. Коцейовского, представлял собою страну, в которой заботы о будущей жизни выросли до таких размеров, как нигде больше[43]. В представлении древних египтян человек состоял из тела или плоти (хат), тени, двойника (ка), души, сердца, духа (ху), силы, имени и духовного тела. Тело или плоть (хат), то есть то, чему свойственно разложение, должно быть после смерти превращено в мумию и помещено в гробницу, где его предохранению будут способствовать магические действия, амулеты, молитвы и особые изречения.

Если рассматривать жизнь человека с самого рождения, то, по представлениям древних египтян, при появлении на свет человек становится, прежде всего, обладателем души («ба») и двойника («ка»). При этом двойник – световое, воздушное отображение человеческой сущности – являлся точным подобием человека, обладающим теми же биологическими и духовными признаками, что и человек; он появлялся и рос вместе с человеком, а после его смерти само существование ка зависело от сохранения тела. Отсюда проистекал обычай обращения тела в мумию, но поскольку тело-мумия не всегда сохранялось, то в качестве подстраховки от гибели «ка» дополнительно изготовлялись портретные статуи, которые вполне могли служить заменой телу в случае разрушения или же преднамеренного уничтожения мумии. «Ка», таким образом, можно определить как личность, наделенную всеми признаками человека и способную существовать независимо от самого человека; в нем воплощаются вечные ценности, не принадлежащие отдельному человеку, – Сила, Власть, Пища. «Ка», таким образом, воплощало в себе совокупность материальных и духовных жизненных потребностей человека, так, например, в отношении фараона «ка» являлось условием его божественной жизни. Знак «ка» на письме представлял собою две поднятых вверх человеческих руки, что в определенном смысле напоминает иероглиф значения «обнимать, охватывать».

«Ка» – это вовсе не существо по образу и подобию равное человеку, к которому оно относится, а дух вечно существующей материи, которая переносилась на определенных, избранных ею людей. Таким образом, вечная материя достигала нового воплощения, которое могло носить и свое собственное имя. Но при этом сам «ка» божествен и обладает могуществом духа-хранителя; он является жизненной силой всякого живого существа. «Ка» мог по своему желанию свободно перемещаться по земле и даже возноситься на небеса и беседовать с богами. Когда человек умирал, тень отделялась от него и могла быть возвращена назад (что необходимо для посмертного существования) только после свершения определенного мистического обряда. После смерти человека двойник жил в гробнице в изваянии умершего, для которого выделялась особое место, именовавшееся «домом ка»; за этой территорией присматривал особый жрец, которого

---

[43] Коцейовский А. Л. Введение к кн. Тексты Пирамид. – СПб.: Нева - Летний сад, 2000. – С. 3.

собственно и называли «жрецом ка». Двойник наслаждался запахом благовоний, которые доставлялись в гробницу ежегодно в определенные дни, а также цветами, душистыми травами, пищей и питьем и таким образом получал все те же удовольствия, которые влекли умершего до смерти. Более того, воссоединение «ка» и «ба» (души) трактовалось как условие воскрешения человека. Воскресший же испытывал потребность или даже нужду в вещах, которые были необходимы ему при жизни, ибо само существование ка в гробнице вполне, если можно так выразиться, телесно, а потому необходимо обеспечить его едой, питьем и одеждой. При этом вовсе не обязательно оставлять для умершего настоящие вещи, достаточно всего лишь их изображения.

Можно утверждать, что первоначально двойник «ка» был в представлении египтян тем, что мы сейчас называем привидением или призраком, но в более позднее время с ним уже отождествлялся дух («ху»). Существовало убеждение, что «ка» или «ху» может общаться со своими родственниками или друзьями, живущими в земном мире. Но главная роль «ка» или даже несколько «кау» проводить умершего в загробное царство.

Что касается «души» («ба»), то само это слово близко по значению нашим понятиям «благородный, величественный, могущественный» и означало вместилище божественных сил человека. «Ба» живет в «ка» и обладает способностью становиться телесной или же бестелесной по собственному желанию. Обращение в «ба» и являлось «одухотворением».

Душа наделялась способностью летать, где ей вздумается, и поэтому она могла навещать гробницу по собственному произволу и там воссоединятся с «ка». Она имела как сущность, так и образ; на папирусах она изображалась в виде сокола с головой и бородой человека, то есть в виде существа, имеющего нагрудное оперение. Эти души могли принимать любой облик, а у одного живого существа могло быть несколько «ба».

«Бау», то есть «одухотворенность», могла также выступать в значении «мощь» или «слава, известность». Позднее это понятие в применении к божеству обозначало карательную или же мстительную силу. Следует отметить, что древнейшие гробничные надписи ничего не сообщают о наличии «ба» у человека. Только после крушения Старого Царства (после XXII в. до н. э.) вместе с распространением связанных до этого только с фараонами заупокойных представлений на остальных египтян распространяется учение о присутствии «ба» у обычного человека. В этой ситуации старое понятие «ба» как воплощении всевозможных могущественных сил переинтерпретируется – теперь оно означает неотъемлемую сущность человека, тесно связанную с его земным уделом и силу, сохраняющую присутствие умершего, чтобы, избавившись от тела, он мог продолжать жить в новом обличии. «Ба», подобно «ка», присутствует в человеке с самого рождения и уходит в смертный час «из излияний его (человека) плоти». В трактате «Разговор разочарованного со своей душой» «ба» в споре с человеком предстает как свободомыслящая душа, которая уже сомневается

в обеспечении загробного царства под солнцем – оставаясь приверженной этому миру, душа защищает только его ценности.

В эпоху Нового Царства (XVI-XI вв. до н. э.) «ба» становится самодвижущейся силой, олицетворяющей бессмертие. Именно «ба» поддерживает жизнь мумии, вот почему на изображениях она держит у носа мумии знак жизни или знак «сладкого дуновения ветра», пробуждающего жизненную бодрость. Попутно с «ба» связывали способность принимать все образы, которые только можно было пожелать, и пребывать во всех, каких только угодно местах. Как правило, перед «ба» изображалась горящая лампада, что, согласно народным поверьям, означало, что он может представать в образах, которые принимает умерший среди звезд, которые суть не что иное, как скопление маленьких лампадок блаженных «ба».

Поскольку сама душа признавалась обладающей некоторого рода плотью, то порою она, как и двойник («ка»), питалась погребальными подношениями, хотя все приносившиеся в гробницу блюда и напитки предназначались в основном для двойника, чтобы у него не возникало потребности выходить наружу в поисках пищи. Если же у двойника не оказывалось в достатке пищи и питья, то, покинув гробницу, он будет вынужден питаться тем, что найдет поблизости, то есть пить грязную воду и есть отбросы. Кроме тени, двойника и души в гробнице иногда присутствовал и дух умершего, хотя обычным местом его пребывания считались небеса; там он путешествовал в ладье Солнца.

Помимо соколиного образа души было распространено ее олицетворение в виде одной из разновидностей ибиса – ibis comata, отличительной чертой которого являлось наличие лучезарного хохолка. Этот образ именовался «ах»; это имя, как правило, переводят как «дух» или «просветленный», вероятно, из–за необычайно яркого оперения птицы, которую оно означает. Лексическая основа этого имени означает «излучать, светиться» и входит в понятия, обозначающие линию горизонта, из–за которой восходят самые значимые светила. Любопытно, что древнейший памятник египетской религиозной литературы «Тексты Пирамид» выражает понятием «ах» даже великих богов. В отношение покойного «ах» обозначает наделение его божественной силой, вследствие чего его именовали «божественным просветленным». «Тексты Пирамид» передают это общепринятое для Древнего Египта представление в высказывании: «Ах – на небо, тело – в землю». В значительно более позднее коптское (христианское) время это слово обозначает уже «одержимого» нечистой силой.

Сердце («аб») считалось не просто вместилищем жизненной силы, но и источником хороших и плохих мыслей, представляя, таким образом, тот духовный орган, который мы могли бы назвать совестью. Когда человек обретает власть над своим сердцем, считалось, что его двойник, душа и само сердце, получают возможность идти, куда им заблагорассудится, и делать, что захочется.

Духовный разум, или дух («ху») представлялся в виде сияющего, светящегося, неосязаемого образа его тела. «Ху» вообще соответствовал целому ряду небесных существ, живших рядом с богами. Подобно двойнику («ка»), «ху» мог быть заключен в пределах гробницы. Чтобы избежать этого, необходимо было должным образом произнести особое заклинание.

Еще одна весьма важная часть человеческой сущности, как и *ху* уходившая в небеса, именовалась «сехем». Буквально это слово означает «властвовать над чем-либо» и в ранних литературных памятниках оно обозначало собственно силу, возможность повеления и господства. Она могла следовать и при определенных условиях следовала за своим земным владельцем на небо.

Еще одна составляющая человека именовалась «хаибит» («тень»), часто упоминавшаяся в связи с душой и трактующаяся в поздний период как то, что находится возле души.

Понятие «саху» означало нетленное духовное тело, которое выходило из гробницы и держало свой путь к богам в небеса. Это нетленное тело замещало смертное земное обиталище души, являясь, таким образом, домом души небесной. Создание мумий было необходимо в частности и для того, чтобы эти духовные новые тела «проросли», «зародились» в них.

И, наконец, одна из наиболее важных составных частей сущности человека – его «рен» («имя»). Имени вообще придавалось весьма большое значение, ибо его уничтожение воспринимали как разрушение сущности человека. Подобно «ка», «рен» тесно связывалось с личной неповторимостью человека. Поскольку ни одна сотворенная вещь не существует без имени, безымянное существо не могло быть представлено богам. Поэтому человек, не имевший имени, с точки зрения божественных сил находился в худшем и плачевном положении, чем самый ничтожный из неодушевленых предметов. Увековечение имени считалось важнейшим выражением сыновнего долга, а содержание гробниц в хорошем состоянии, что позволяло всем прочесть имена похороненных в них, воспринималось как одно из самых похвальных деяний. Важной ролью наделялось также знание имен божественных существ, дружественных или же враждебных человеку: произнесение этих имен давало власть над их носителями, побуждая их выполнять то, что от них требовалось.

Таким образом, по представлениям древних египтян, сущность человека состоит из тела, двойника, души, сердца, духовного разума (или духа), силы, тени и имени. Эти восемь составных частей, в свою очередь, сводились к трем, поскольку представления о двойнике, сердце, силе, тени и имени появились в более позднее время.

В целом же человек воспринимался состоящим из тела, души и духа. При этом душа и дух праведного обладают возможностью покидать тело и обитать с богами на небесах, в то время как само тело никогда не покидает гробницу и в действительности никогда не оживает вновь. Рассчитывая на небесное плавание на ладье бога Солнца Ра в течение миллионов лет после

смерти, египтянин, тем не менее, прекрасно понимал, что его тело не будет принимать в этом божественном предприятии участия. Вначале он считал, что, подобно Солнцу, его тело сможет «возобновляться ежедневно» и сама его новая жизнь будет подобна жизни солнечного бога Ра. Но тело, пусть даже и в мумифицированном виде, тем не менее, разрушалось, вслед за этим разрушались и надежды на восстановление тела. Самосохранение тела в виде мумии было необходимо лишь для благоденствия «ка» («двойника») и для развития из него нового тела.

Кроме того, египтяне были твердо уверены в том, что судьба каждого человека определялась еще до его рождения, и сам человек был уже не в силах ее изменить. Однако мудрецы, если они знали точное время рождения человека и таким образом могли рассчитать местоположения звезд и планет в это время, были способны предсказывать траекторию человеческой судьбы.[44]

Любопытно, что помимо благого, то есть оправданного посмертного существования, человек мог начать новую жизнь или, точнее, возвратиться к первоначальной благой жизни посредством воссоединения с божественным сообществом, из которого он некогда из-за собственных поступков был изгнан. Такое воссоединение осуществлялось посредством посвящений (инициаций), которые воплощали стремления посвящаемого (миста) к воссоединению с божественным существом, к растворению в нем. Инициации разыгрывали ситуацию человеческого прихождения в мир и обратного возвращения в первоначальное состояние блаженства. Таким образом, во время прохождения определенных мистерий, посвящаемый по собственной воле проходил через смертный виток своей жизни, что соответствовало первому шагу на пути к его душевному росту.

Все ступени инициации возможно свести к трем: первая – ступень возникновения или же возрождения; вторая – ступень неизменности или своеобразного душевного «зависания»; третья – юношества; значительно реже, можно выделить и четвертую ступень – продолжение юности, то есть познания нового состояния. Некоторые мистерии-инициации разыгрывали не менее трех рождений – естественного рождения, рождения неофита и рождение миста. Все эти три ступени могут быть описаны как очищение, рукоположение и просветление. На них посвящаемому передавалось истинное знание, условием усвоения которого выступало преобразование души посвящаемого. Представленные в инициациях смерть и возрождение означали погружение души в вещество, в плоть и последующий взлет ее к высотам горнего мира. Приобщение к божественному предполагало, во-первых, изначальное очищение посвящаемого, выраженное состоянием глубокого транса, самогипноза; во-вторых, нисхождение в преисподнюю, в ситуации которого мист должен был испытать глубокий ужас перед новым состоянием, что служило эмоциональной подготовкой для

---

[44] См.: Бадж Э. А. У. Египетская магия. Египетская религия. – М., 2003. – С. 117-122; 286-288.

сменяющего его благословенного отдыха в ином мире. В некоторых таинствах широко использовались гипнотические и лекарственные средства. Но все это касалось исключительно Малых таинств. В Больших таинствах мисту открывался архетипический образ вселенской природы. За этим откровением следовало созерцание и соединение с Высшими[45].

Само почитание умерших, благодаря высокому уровню развития которого мы располагаем древнеегипетскими представлениями о человеке, строении его сущности и его потребностях, основывалось на том, что попавший в мир мертвых и оправданный там на суде Осириса сам делался, подобно этому первенцу из умерших, благим богом; в данной форме умерший мог карать любого, совершающего злые деяния, а также безотказно высказывать верховному богу Ра собственные просьбы. Кроме того, умерший был теплым молитвенником за людей перед богами. Данное представление весьма близко к восточнохристианским верованиям в силу молитв блаженных умерших.

Представление о человеке в шумеро–аккадской традиции

Шумеро-аккадская цивилизация – первая из человеческих цивилизаций, возникшая в 4-3 тыс. до н. э. в южной части Двуречья Евфрата и Тигра и просуществовавшая до 2 тыс. до н.э., периода объединения всех областей Шумера и Аккада под главенством Вавилонской империи. Именно этой цивилизации мы обязаны такими существенными изобретениями как первая из известных человечеству развитая система письменности, неизвестные раннее элементы государственной власти, храмовая монументальная архитектура, градостроение. Кроме того, история именно этой цивилизации означена крайне значимыми для развития материальной культуры открытиями – шумеры открыли медь, изобрели ирригационную систему, колесо, гончарный круг и ряд других технических приспособлений.

В шумеро-аккадской традиции человек трактуется являющимся в мир в образе младенца, который полагает, что весь мир кружится вокруг него и полностью зависит от его прихотей. Сам же этот младенец представляет собою существо, наделенное хаосом несознания, но при этом он сразу же заявляющее о своем желании и даже праве утвердиться в мире. Всем своим поведением этот младенец притязает на право первородства и избранности, заявляя: «Мир – это я, я – это мир, значит, нет ничего, кроме меня и моей воли».

Сознание неравенства миру появляется позже, и оно выражает, прежде всего, неприятие мира. Первоначально «Я» представляет собой образование, «дерущееся» с миром ради возвращения в прежнее состояние младенчества. Затем наступает осознание действительного отношения между собою и миром: «мы разные, но происходим от одной матери». И теперь уже не хочется драться, хочется играть; игра же открывает путь к символическому, то есть соотносящему с иным, коду сознания. Овладе-

[45] См.: Спенс Л. Таинства Египта. – М., 2007. – С. 212-222.

ние отношением с иным реализуется в процессе инициации юноши: через обряд помещения его в дремучий лес и последующее разыгрывание убиения-воскрешения, юноша овладевает представлением об ином существе себя самого. На этом завершается юность.

Зрелость же оказывается наиболее трагичной. Чаще всего в самом начале этого периода жизни прошедший посвящение (инициацию) воин идет в чужую землю с целью прославить собственное имя. Однако борьба в чужой земле приносит, как правило, лишь горечь утрат и сознание невозможности завладеть всем миром, и тогда человек возвращается в собственную землю, где проходит обязательное очищение от скверны и начинает мирную жизнь земледельца. С этого времени он отказывается от борьбы и страстей, становится рассудительным и приобретает мудрость, например, считается, что только тогда он может решать судебные дела. Жизнь его утрачивает краски, лишается динамизма действий и становится все более внутренней. Теперь его все больше занимают думы о наилучшем устроении жизни, и с этой целью он собирает знания, добытые предшественниками. В этот же период он узнает существовавший издревле закон и открывает правила, по которым можно его смягчить или же изменить. В этом состоянии просветления он встречает собственную смерть.

Иудейская трактовка человека

Иудейская культура возникла на основании наиболее ранней монотеистической религии, сформировавшейся в I тыс. до н.э. в Палестине. Ее духовным центром следует считать Моисеево Пятикнижие, текст которого, согласно традиционной точке зрения, записан Моисеем, пророком и законодателем, сплотившим разрозненные племена древних израильтян в единый народ, со слов самого Бога. Ветхозаветные Пятикнижие Моисея и книги пророков, освещающие сотворение всего существующего единым Богом Яхве, открытие Божественного завета еврейскому народу и древнюю историю этого «богоизбранного народа», составляют канон священных книг иудаизма. Кроме того, принципы еврейского общежития складывались под влиянием традиции письменного комментария и толкования канона, получившей оформление в Талмуде – многотомном своде религиозно-этических, законодательных предписаний и множества бытовых сюжетов (медицинских, магических и др.) из жизни еврейского народа.

А) Ветхозаветное представление о человеке

Одно из самых известных слов, передающих ветхозаветное представление о человеке, это «' адам» (в Ветхом Завете оно упоминается 547 раз). Собственно, слово это, происходя от «' адм» («быть красным») или «' адам» («кожа»), близко к слову «' адама» («земельная собственность, пахотная земля, почва, царство мертвых»), выражает обособление человека от природы, от животного мира и различение его от Бога. В этом понятии, учитывающем действием сотворения человека Богом, присутствует оттенок признания слабости человека перед Творцом и его зависимости и че-

ловечества в целом от Бога. Представления о человеке Ветхого Завета передают также понятия «иш» и «ишша», обозначающие соответственно «мужчину» и «женщину»: мужчина и женщина, супруг и супруга здесь выражают, главным образом, связь каждого отдельного человека с домом, общиной, городом, народом, обозначая, таким образом, положение человека в обществе и род занятий.

Для живого и действующего начала души человека в Ветхом Завете употребляется понятие «нефеш». При этом такая «душа» лишена личной принадлежности и персонального характера, напротив, речь идет об общей душе, к которой принадлежат отдельные души. Поэтому слово «нефеш» обозначало человека вообще, выражая, во-первых, представление о человеке как о единстве телесного и душевного, а, во-вторых, представление о непременной связи отдельного человека со всем сообществом людей.

Из всего состава человеческого тела книги Ветхого Завета чаще всего упоминают голову и ее части: «пане» («лицо»), «'айин» («глаз»), «ро' ш» («голова») и «пол» («голос»). В связи с перемещением внимания с телесного на душевное в человеке отмечается «'ахаба» («любовь»), но наибольшее значение приобретает «хокма» («мудрость»). Первоначально это слово обозначало знания и способности человека, проявляемые в повседневных занятиях, то есть некоторое хитроумие, кроме того, оно выражало этико–религиозную мудрость, рассуждающую мысль и, наконец, саму убежденность, что знание есть сила.

В) Учение о человеке раввинов Талмуда

Человек состоит из души и тела и в нем постоянно борются добро и зло. При этом добрые и злые намерения и стремления человека тесно связаны с двумя почками: одна из них побуждает к добру, а другая – к злу. Учителя Талмуда Амораи утверждали, что почка добра находится справа, а точка зла – слева (см.: трактат Берахот 61a). Ссылаясь на библейскую книгу Паралипоменон (глава 16, стих 9), где говорится, что «очи Йахве обозревают всю землю», рабби Меир утверждал, что для сотворения Адама Бог использовал прах земной, взятый из всех стран (см. трактат Санхедрин, 38a – 38b). Йахве, при сотворении человека, проследил его дальнейшую жизнь в течение двенадцати часов, а именно: «В первый час был создан прах, во второй час – образ, в третий был сделан «голем» («остов»), в четвертый связаны члены его, в пятый раскрылись его отверстия, в шестой дана ему душа (однако, по мнению рабби Йоханана Бен Хенина, это произошло в четвертый час), в седьмой час он встал на ноги, в восьмой ему дана Ева, в девятый он был введен в рай, в десятый он получил заповедь, в одиннадцатый он согрешил, а в двенадцатый он изгнан и ушел» (см.: трактат Абот рабби Нафана, первая версия, 5–6).

По образу первочеловека Адама все люди состоят из тела и души. Все души были сотворены Богом накануне субботы и до своего соединения с телами находятся на седьмом небе. При этом одни раввины утвер-

ждают, что соединение души с телом происходит при зачатии, другие – что это происходит спустя сорок дней, а третьи – что при рождении младенца (см.: трактат Менахот 99а). Рабби Симлан уточняет, что над головой всякого человеческого зародыша горит свет, и зародыш созерцает мир от одного конца до другого. Никогда человек не живет так счастливо, как в эти дни. В это время он постигает Тору, но когда младенец появляется свет, ангел ударяет по его устам и тем самым заставляет забыть все, что тот узнал (см.: трактат Нидда 30b).

Женщина, по учению талмудических раввинов, существо низшее и никак не может быть приравнена к мужчине. Данное представление подтверждает ежедневная утренняя молитва, в которой мужчина благодарит Бога за то, что Тот не создал его женщиной. Истолковывая те места библейской книги Бытия, где говорится о сотворении Евы из ребра Адама (Быт. 2 : 21), талмудисты утверждают, что Бог долго думал, из какого члена Адамова тела создать женщину: «Сотворю Я ее не из головы – чтобы она не поднимала высоко голову, не из глаза – чтобы не подсматривала, не из уха – чтобы не подслушивала, не из уст – чтобы не болтала, не из сердца – чтобы не была завистлива». Наконец, Бог решил, что следует сотворить женщину из сокрытого члена тела, чтобы она была скромной, и поэтому выбрал ребро и при каждом члене тела, который Бог создавал для женщины, он приговаривал: «Будь скромной, будь скромной» (трактат Берешит рабба VIII: 3). Женщина есть всего лишь орудие для удовлетворения похоти мужчины: «Все, что человек хочет делать с женой, он делает, вроде как мясо с бойни, хочет есть с солью – ест, (хочет есть) жареным, ест, вареным – ест» (трактат Недарим 20б). Но, необходимо отметить, что слова «вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей» (Быт. 3: 23) являются обычным библейским способом выразить тесное, природное родство между мужчиной и женщиной.

Для женщины раввины Талмуда четко обозначают, чем она должна заниматься и какой образ жизни для нее приличен. К примеру: «Женщина обязана находиться дома, а не гулять по улицам. Таким образом, она сама удаляется от греха и не вводит людей в греховные помыслы» (трактат Танхум 16а). Ее удел – девушкой быть под властью отца, супругой – под властью мужа (трактат Кетубот IV, 4). Особо перечислены и четко обозначены обязанности женщины: «Все работы, которые жена исполняет для мужа своего: она мелет зерно, печет, стирает белье, варит, кормит грудью своего ребенка, стелет постель и обрабатывает шерсть» (трактат Кетубот V, 5). Но она при определенном условии может облегчить и даже сократить свои домашние обязанности: «Если она принесла ему (в приданое) одну рабыню, то она не мелет, не печет, не стирает; если (она принесла) двух рабынь, то она не возит и не кормит грудью своего ребенка, а если трех – она не стеллит для него постели и не обрабатывает шерсть, а если четырех – она садится на кафедру» (трактат Кетубот V, 5). Однако, рабби Элеазар говорит: «Хоть бы она принесла ему сто рабынь, он может заставить ее обраба-

тывать шерсть, потому что праздность ведет к разврату» (трактат Кетубот V, 5). Но прежде всего женщина предназначена для рождения детей (трактат Кетубот 59а) и поэтому тот, «кто отказывается от супружества, нарушая тем самым заповедь о размножении рода человеческого, тот считается душегубом, уменьшающим число подобий Божиих» (трактат Иевамот 63б).

Мишна, то есть ранняя часть Талмуда, называет семью основой общества, которая складывается из домовладыки – полновластного хозяина и господина семейства, женщины, предназначенной для умножения членов семьи, и трудящихся на семью рабов. Все браки устраиваются Самим Богом, и еще за сорок дней до рождения ребенка Бог назначает ему будущую супругу (трактат Сота 2а).

В талмудической традиции вся земная жизнь рассматривается как приготовление к будущей жизни: «Рабби Иаков говорил: «Этот век подобен прихожей, сравнительно с веком будущим»» и поэтому: «Приготовься в прихожей, чтобы можно было тебе войти в триклиний» (см.: трактат Авот IV, 16) или же: «Этот мир есть для тебя гостиница, а тот – дом» (см.: трактат Моэд катан 9б). Поскольку час смерти скрыт от человека, необходимо быть к нему готовым ежеминутно. А это означает проводить неустанно свои дни и годы в покаянии и смирении, в молитвах и постах, строго выполняя заповеди Бога.

Смерть приносит ангел смерти Саммаэль (см.: трактат Хагига 4б): в момент смертного часа этот ангел становится у изголовья умирающего с обнаженным мечом в руке. На конце лезвия этого меча висит смертоносная капля, и как только умирающий замечает появление Саммаэля, он вздрагивает и открывает рот; именно туда ангел смерти вливает смертоносную каплю. Спастись от ангела смерти можно только занятием Торой и Талмудом (см.: трактат Маккот 10а).

Выход души из тела грешника представляет собой дело трудное и мучительное, тогда как у праведников и у бедных людей ангел смерти берет души необыкновенно легко. Исполнив свое дело, Саммаэль омывает свой «огненный меч» в воде и поэтому набожные иудеи должны вылить всю воду, находившуюся в доме умершего и в прилегающих к нему жилых помещениях.

Общее представление талмудистов о человеке отражает следующая картина: начало его – прах и конец его – прах; он подобен разбившемуся черепку, засыхающей траве, увядающему цветку, проходящей тени и ждет его загробный мир, где Царь – Бог воздаст по заслугам за земные страдания. А заслуги оцениваются благочестием. Идеал раввинов Талмуда – человек «кроткий, смиренный, входящий нагнувшись, занимающийся постоянно Торой» (трактат Сангедрин 88б). Источник кротости заключен, по словам рабби Элеазара Капора, в памяти человека следующего: «не по своей воле ты создан, не по своей воле ты родился, не по своей воле живешь, не по своей воле умираешь» (трактат Авот III, 15) и тем не менее: «Рабби

Гунна сказал от имени Рава, от имени Меира и от имени Акибы: «Человек постоянно должен говорить: «Все, что делает Милосердный, делает к добру»» (трактат Берахот 60б).

Таким образом, смысл человеческой жизни состоит в страхе Божием, в заботе о спасении души, в отказе от стремления изменить земную жизнь. Все осуществляемые человеком дела должны совершаться во имя Бога (трактат Авот III, 12).

Представления о человеке в зороастризме

Зороастрийская традиция сформировалась в среде древнеиранских племен (бактриев, мидийцев, персов и др.) благодаря проповеди пророка Заратуштры, время жизни которого традиционно относят к концу VII—началу VI в. до н.э. Несмотря на наличие ряда социально-политических положений, проповедь Заратустры представляет собой яркое религиозное учение, отстаивающее, прежде всего, существование единовластного асура, то есть «бога», «господина» (отсюда и его имя – Ахурамазда), наступление новой вечной эры добра и признающее из всего ряда известных жертовоприношений только огненнные, толкуя свет и огонь как путь к бессмертию. На сегодняшний день зороастризм находит своих приверженцев преимущественно в Иране и Индии.

В зороастрийской традиции, человеческое существо состоит из тела и души (фраваши). Фраваши способны причинять живым добро и зло, они нуждаются в пище, питье и одежде и после смерти сохраняют те же вкусы и привычки, что и при жизни. Они остаются в обществе своих живых родственников, разделяя с ними печали и радости, тяжкие труды и удовольствия. Деторождение, здоровье скота, плодородие полей зависят от расположения фраваши, которые влияют на небесные тела и, таким образом, способны обеспечивать благосостояние коллектива. В первые три дня после смерти человека фраваши блуждает вблизи тела, слабая, подобно новорожденному младенцу, и подверженная нападению злых духов. На четвертое утро она, отрешившись от тела, начинает свое странствие через воздушное пространство.

Человек в учениях Древнего Китая

А) Традиционное китайское мировоззрение

Согласно утверждению М. Е. Ермакова[46], у истоков того, что принято называть теоретическим обоснованием традиционного китайского образа жизни, лежит магическая деятельность. Сама китайская магия тесными узами связана с традиционными науками и практиками Китая. К примитивной магии восходят как мантические искусства, основанные на знаках «Книги Перемен» («*И - цзин*»), так и более изощренные оккультные знания, вроде геомантии, астрологии, алхимии, нумерологии. Мало того,

[46] см. Ермаков М. Е. Магия Китая. СПб. Азбука – классика. Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 69.

даже традиционная медицина и психосоматические практики, оказавшиеся неотъемлемой частью современной мировой культуры, безусловно имеют весьма близкое родство с той же самой архаической магией.

Сама магия как плод дописьменной культуры во многом сводится к воспроизводству или же простому проговариванию мифа – это и живое магическое слово в виде заговора, и озвучивание божественной воли, и шаманское камлание – все это есть задействование мифа на словесном уровне. Магия столь же многообразна, сколь многообразны потребности первобытного человека, но наиболее востребованной она оказывается в жизненно значимых, крайних, опасных и потому чувственно напряженных состояниях и поэтому, собственно, существует лечебная, охотничья, военная, погодная и любовная магия. Острота чувственного восприятия, доходящая до экстатических состояний, оказывается непременным условием магического действа.

По цели (человек, явления природы, животные, потусторонние силы), способу воздействия и приемам в магической практике различаются колдовство, знахарство, ясновидение, прорицательство, чародейство, экзорцизм и ворожба. При этом любые способы и приемы магической практики предполагают мистическую связь с потусторонним, проникновение в таинство высших сил. Осуществляются они в состоянии озарения, близком к экстазу.

Тайное искусство магии доступно только немногим избранным, обладающим, точнее, одержимым сверхвосприимчивой, на грани патологии, психикой или же, говоря современным языком, достигшим своего рода «расширенного состояния сознания», что выводит такого носителя магического искусства за пределы мечтаний обыкновенного человека.

Магия немыслима без культового содержания, которое воплощается в извечно установленном священнодействии или в обряде, в священных предметах, в самом облике избранника духов – шамана, волшебника, мага. Не менее существенными для понимания того, что представляет собою традиционное китайское мировоззрение, являются изначально присутствующие культ предков и понимание государства как священного учреждения, а государственной деятельности как священнодействия.

Китайский язык использует для обозначения понятия «*магия*» два иероглифа: более сложный по написанию и более поздний по происхождению иероглиф «*мо*», который определяет отношение ученого сословия к магическим действам простонародья, тяготеющего к чудотворению. Другой же, более древний и более простой иероглиф «*у*» имеет прямое отношение к магическим действам шаманского толка. Собственно, «*у*» означает «шаманка» в отличие от имевших меньшее распространение шаманов – «*си*». Именно шаманка была призвана опосредовать связь между людьми и духами умерших, демонами, божествами и во исполнение своего предназначения обладала даром вещать голосами обитателей мира мертвых и мира духов. Обычно общение с духами предварялось экстатической пляской,

которая доводила шаманку до состояния транса. Да впрочем, и сам иероглиф «шаманка» в своем древнейшем написании обозначает танец или же обрядовое телодвижение.

Традиционная китайская литература предоставляет нам целый ряд примеров установления медиумической связи с миром духов. Это, во-первых, может быть явление в состоянии затянувшейся болезни некоего предмета, имеющего отношение к определенному духу. И тогда, уверовав в данного духа и его целительные силы, больная девушка исцеляется и делается шаманкой. Другой разновидностью подобной связи оказываются – «*тун яо*» («детские песенки»). Китайцы считают, что неустоявшаяся психика мальчика в возрасте смены молочных зубов в наибольшей степени восприимчива в измененных состояниях сознания. Поэтому бессвязные песенки – речевки впадающих в транс отроков воспринимаются как высшее откровение и поэтому подвергаются тщательному исследованию и разгадыванию лучшими умами государства. Но при этом сами отроки – медиумы не осознают и не понимают ни смысла изреченного, ни происходящего с ними.

Столь подробное рассмотрение присутствующих в традиционном китайском мировоззрении способов общения с миром духов предпринят только потому, что сама классическая мысль Китая складывалась внутри общинных обрядовых действ, с помощью которых утверждалось единение живых и умерших членов рода в рамках преемственности родовой жизни в целом. В китайском сознании никогда не было ничего подобного противопоставлению мифа и логоса, предания и истории и поэтому в поисках назидательных уроков истории они обращались не к живой памяти современников, а к высокой, то есть незапамятной древности и самым правдивым историческим свидетельством считали дошедшие из глубин веков письменные знаки. Сама первобытная магия, равно как и первобытная мифология была переосмыслена и заново оправдана в категориях этико-космологического учения, а архаические божества преобразились в добродетельных или порочных действующих лиц назидательного исторического предания.

Такого рода переосмысление придало особое значение ритуалу («*ли*»). Сам ритуал есть памятное и даже бесконечно памятуемое событие, ибо в нем и посредством него осуществляется возобновление непреходящего. Поэтому он воспроизводит рождение, родовое мгновение сознания, удостоверяет должное, правильное и тем самым подлинное в человеческом существовании. Ритуал служит критерием нравственности, учит вечносущему в жизни, пусть даже эти вечные истины слишком часто кажутся совершенно обыденными. Во-вторых, ритуал, определяя правильные качества действия, воплощает в себе все исключительное, в своем роде единственное в существовании. Он проливает «свет вечности» на будничное течение жизни, не отрицая, а напротив оправдывая исключительность каждого мгновения существования. Ритуал развивает чувство осмысленно-

сти жизни и ту открытость сознания бытию, некую обращенную в вечность одухотворенную волю, которая приобщает каждую отдельную жизнь к мировому творению. Определяя отношения вещей, ритуал выявляет в самих вещах вечноживые качества, которые как раз и получают свое отображение в явлениях культуры. Мало того, как воплощение жизни возвышенной, движимой нравственным усилием и волей к самосознанию, ритуал оказывается также прообразом культурного стиля. В-третьих, воспроизводя в себе основы упорядоченности вещей, ритуал утверждает всеобщую связь явлений и, в конечном счете, – «сокровенное подобие» противоположностей: присутствия и отсутствия, явленного и сокрытого, сознательного и бессознательного. Эти три измерения ритуального действия в совокупности делают его актом воспроизведения непреходящего в череде перемен.

Столь подробное рассмотрение места ритуала в традиционной китайской картине мира осуществлено только потому, что именно на отношении к ритуалу строятся важнейшие классические системы традиционного китайского мировоззрения, первостепенной из которых оказывается конфуцианство.

В) Конфуцианская трактовка человека

Начало формирования конфуцианства, ставшего на долгие годы доминирующим этико-политическим учением в Китае, связано с именем странствующего государственного советника Конфуция (Кун цзы) (551–479 гг. до н.э.), происходящего из небольшого царства Лу, находившегося на востоке Китая. Его жизнь и деятельность приходится на сложный период китайской истории, связанный с распадом государства Чжоу (1042–226 гг. до н.э.) после 771 года до н.э. на шесть самостоятельных царств, одним из которых и было царство Лу.

Самого Конфуция нельзя в полной мере считать основоположником конфуцианства. От него не осталось никаких записей, носящих доктринальный характер, а единственным текстом, который можно с большей или меньшей степенью достоверности рассматривать как принадлежащий его кисти, это летопись его родного царства Лу, получившая название «Весны и осени» (Чунь цю), послужившие впоследствии названием того исторического периода, на который приходится жизнь Конфуция. Кроме этого, Конфуцию приписывается один из комментариев на «Канон перемен» (И цзин), а также заслуга в редактировании двух важных литературных памятников, начало формирования которых связано с началом периода Чжоу: «Канона писаний» (Шу цзин), наиболее раннего полного историографического свода и «Канона песен» (Ши цзин), свода поэтических произведений придворного и фольклорного характера. Последний текст рассматривался Конфуцием в качестве важного источника нравственных норм, как о том свидетельствует собрание его изречений и высказываний «Лунь юй», составленное его учениками и последователями.

Собственно, именно из «Лунь юя» извлекается большинство сведений, касающихся взглядов самого Конфуция и ближайших его последователей. При этом не стоит забывать, что наиболее ранняя известная его редакция восходит к периоду II–I вв. до н.э., отстоящей от времени жизни самого Конфуция на 400 с лишним лет.

В центре рассуждений Конфуция об обществе, государстве и человеческом поведении стоят такие, ставшие впоследствии важными для всей китайской культуры, темы, как Небо (тянь), Путь (дао), «человеколюбие» (жэнь), «культурность» (вэнь), «сведение к единству» (хэ), «сыновняя почтительность» (сяо), «долг» (и), «ритуал» (ли).

Небо рассматривалось Конфуцием и большинством его продолжателей как источник нравственного и социального порядка. Именно опираясь на такую трактовку Неба, один из создателей конфуцианской традиции, Мэн Кэ (Мэн цзы), живший уже в IV в. до н.э., предложил трактовку смены эпох правления династий через концепцию так называемого «небесного мандата» (тянь мин), получаемого достойным в нравственном отношении человеком и позволяющим ему стать новым правителем и зачинателем новой династии. Сила, благодаря которой он получает власть от Неба, носит название «дэ», важнейшим аспектом которой является соответствие нравственным нормам, необходимым для правителя.

Именно обладание «дэ» наряду с другими обязательными качествами является признаком того, что человек является тем, кого сам Конфуций и его продолжатели называли «благородным мужем» (цзюнь цзы). Противоположностью «благородного мужа» в рассуждениях Конфуция был «маленький человек» (сяо жэнь). Конфуций характеризовал «благородного мужа» как справедливого, скромного, правдивого, приветливого, почтительного, искреннего, осторожного, владеющего своими желаниями, ненавидящего клеветников и бездумных и т.п. Он никогда не останавливается на достигнутом, он постоянно самосовершенствуется, стремясь постичь Путь. Соответственно, «маленький человек» либо лишен всех этих качеств, либо не обладает большинством из них[47].

Само понятие Пути Конфуцием трактовалось как путь воспитания и истинного правления, опирающийся на унаследованные от совершенномудрых правителей древности нравственные принципы, конечным истоков которых является Небо. То, насколько важно было для Конфуция постижение сути этих нравственных принципов говорит фраза, зафиксированная в «Лунь юе»: «Если утром познаешь Дао, то вечером можно умирать» (пер. Л.С. Переломова) («Лунь юй», IV, 8)[48].

Слово жэнь, обычно переводимое как «человеколюбие» или «гуманность», обозначает важнейшее качество, которым должен обладать «благородный муж». В «Лунь юе» приводится несколько высказываний, в ко-

---

[47] Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. – М: Восточная литература, 1998. – С. 146.

[48] Там же. Здесь и далее все цитаты из «Лунь юя» даются в переводе Л.С. Переломова Во всех ссылках на «Лунь юй» первая цифра указывает главу, а вторая – параграф.

торых Конфуций разъясняет и уточняет различные оттенки смысла жэнь. Самое общее определение дано в беседе Конфуция со своим учеником Фань Чи: «Фань Чи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Это означает любить людей»» (Лунь юй, XII, 22). Важным аспектом понимания жэнь является ее связь с «ритуалом» (ли). В «Лунь юе» записана следующая беседа: «Янь Юань спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Преодолеть себя и вернуться [в словах и поступках] к Правилам (ритуалу – А.З.) – в этом заключается человеколюбие. Если однажды преодолеешь себя и возвратишься [в словах и поступках] к Правилам, то в Поднебесной назовут тебя обладающим человеколюбием»» (Лунь юй, XII, 1). Таким образом, жэнь выступает в роли основы регуляции поведения, которое должно соответствовать установленным ритуальным нормам.

Другой чертой «благородного мужа» является его соответствие «культурности» (вэнь). Данное слово означает то, что можно передать словосочетанием «духовная культура общества», причем в ее письменном аспекте. Связано это с тем, что это слово в число основных своих значений включает такие, как «рисунок», «узор» и «письмо». Это предопределило особое отношение последователей Конфуция к письменному слову и письменно зафиксированному наследию предков. Важным подспорьем к формированию «культурности» было стремление к следованию правилам поведения, о чем в «Лунь юе» говорится следующим образом: «Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота – быть уважительными к старшим, в делах – осторожными, в словах – правдивыми, безгранично любить людей и особенно сближаться с теми, кто обладает человеколюбием. Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение вэнь» (Лунь юй, I, 6). Однако при этом вэнь должна быть уравновешена развитием врожденных качеств – чжи. Только тогда можно говорить о гармоничной личности[49].

В «Лунь юе» сохранилось свидетельство о том, что сам Конфуций рассматривал вэнь в тесной связи с Небом, как источником всего священного. В период его странствия по различным царствам раздробленного Чжоу с ним произошел инцидент, во время которого он оказался на краю гибели. В этот момент он рассуждал о случившемся, апеллируя к магическому пониманию вэнь: «После смерти [чжоуского] Вэнь вана[50] я – тот, в ком вэнь-культура. Если бы Небо поистине хотело уничтожить вэнь-культуру, то оно не наделило бы ею меня. А коль само Небо не уничтожило ее, стоит ли бояться каких-то куанцев[51]?» (Лунь юй, IX, 5)[52]. Таким образом, для Конфуция, а значит и для его последователей, источником

---

49 Там же. – С. 149.

50 Отец У вана, легендарного основателя царства Чжоу.

51 То есть жителей села Куан, от которых исходила опасность.

52 Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. – М: Восточная литература, 1998. – С. 150.

«культурности» было само Небо, что ставило их в качестве знатоков «культурности» очень высоко.

Еще одной важной чертой «благородного мужа» было то, что по-китайски звучит как хэ, а на русский язык может быть переведено как «сведение к единству» или «гармония». Причем, судя по приведенному в «Лунь юе» высказыванию Конфуция, для него обладание хэ было одним из важнейших признаков «благородного мужа», отличающих его от «маленького человека». Дело в том, что в китайском языке есть два слова, которые несут смысл «единства» – хэ и тун. Однако они отличаются примечательным оттенком смысла. В первом слове присутствует оттенок действия, а во втором оттенок страдательности. Именно вокруг этих двух слов и строится высказывание, о котором идет речь: «Учитель сказал: “Благородный муж стремится к единству через разномыслие (хэ), но не стремится к единству через послушание (тун). Маленький человек стремится к единству через послушание (тун), но не стремится к единству через разномыслие (хэ)”» (Лунь юй, XIII, 23). Имеется в виду, что «благородный муж» должен выполнять миссию создания образцов путем рассмотрения различных точек зрения на вопрос и сведения их к некоему общему знаменателю, в то время как «маленький человек» обязан следовать предложенным образцам, поскольку он не является хранителем «культурности», наследование которой необходимо для осуществления разнообразной преобразовательной деятельности[53].

Все вышеперечисленное относится к тому, что можно назвать персональными качествами, необходимыми для того, чтобы претендовать на статус «благородного мужа». Однако существенным аспектом взглядов самого Конфуция и его последователей была предложенная ими модель общества и государства. Собственно, все вышеперечисленные персональные качества имели ценность именно в приложении к социальным и политическим аспектам жизни.

Главным регулятором отношений для Конфуция и его последователей является «ритуал» (ли). Выше уже говорилось о связи «человеколюбия» и «ритуала». Действительно, для конфуцианцев строгое следование установленной системе жизненных правил, связанных с социальными отношениями, было внешним проявлением жэнь. Связано это было с тем, что именно ритуально выверенное поведение служило умиротворению общества, а также, поскольку ритуальные нормы связывались с великими совершенномудрыми правителями древности, делало тех, кто им следовал, их наследниками, а поскольку совершенномудрие связано с Небом, то замыкало всю систему на нем.

Важной чертой человека, желающего реализовать в своей повседневной жизни принцип «человеколюбия» было «преодоление себя» (кэ цзи), то есть приложение усилий к тому, чтобы постоянно следовать этому принципу, не отступая ни на шаг. Чтобы точнее раскрыть смысл

[53] Там же. – С. 151.

«преодоления себя», можно привести следующую цитату из «Лунь юя»: «Гуманный человек, желая собственного становления, [содействует] становлению других, желая собственного преуспеяния, [способствует] преуспеянию других» (Лунь юй, VI, 30)[54]. То есть, в первую очередь, речь идет о способности переносить свое внимание с собственных нужд и интересов на нужды и интересы тех, кто тебя окружает. Интересно, что, судя по содержанию высказывания, именно такой образ действий приводит к наилучшему результату. Объясняется это, скорее всего, тем, что оказание поддержки влечет за собой установление доверительных отношений, которые могут в дальнейшем помочь в собственном становлении и преуспеянии[55]. Именно такой образ действий свидетельствует о подлинности реализуемого человеком совершенствования.

С) Трактовка человека в школе закона («фа цзя», легизме)

В ранней истории Китая это вторая по значимости (после конфуцианства) школа. В основании мировоззрения легистов лежат взгляды Гуань Чжуна, Цзы Чаня, Ли Куя и У Ци. Хорошо знакомы были легисты и с учением Мо – цзы. Одним из самых ярких представителей этой школы был Шан Ян (390 – 338 гг. до н. э.), учение которого направлено, прежде всего, на утверждение безраздельности власти правителя и на создание мощного государства, способного поглотить своих соседей. В своих основаниях легизм являлся главным противником конфуцианства. Хотя обе эти школы используют зачастую одни и те же понятия, но то же время вкладывают в них совершенно разное, порою даже противоположное значение.

Что же такое мощное государство в представлении школы Закона? Согласно трактату «Гуань – цзы», автором которого являлся Гуань Чжун, это государство, в котором народ занимается земледелием, и все поля в нем возделаны, распаханы даже целинные земли. Это означает, что в государственных хранилищах много зерна, что является первым признаком богатого государства, способного выставить на поле боя сильных воинов. Если же воины сильны, то войны, ведомые таким государством победоносны и, следовательно, расширяются пределы государства. Можно продолжить далее эту мысль следующим образом: расширение пределов государства позволяет приобрести новые земли, пригодные для обработки, и также тех, кто эти земли будет обрабатывать, а это, в свою очередь, позволит выставить еще более сильное войско, способное вести еще более победоносные войны, и так далее. Отсюда следует, что совершенномудрым является только тот правитель, который знает, в чем состоит сущность хорошего управления государством, а именно в том, чтобы обратить все помыслы к земледелию. Ведь «тот, кто стремится к процветанию страны, не ослабляет внимания к земледелию, даже если амбары и житницы перепол-

---

[54] Там же. – С. 164.

[55] Л.С. Переломов уточняет, что преуспеяние здесь нужно понимать в смысле воплощения в жизнь своих идеалов, что должно быть важнейшей целью «благородного мужа».

нены», потому что «в сильном [государстве] продовольствие прибывает, в слабом убывает»[56]. Значит, управляя государством, умный правитель должен сделать так, чтобы земледельцы не покидали земли, чтобы они могли прокормить своих родителей и управляться со всеми семейными делами. Земледелие становилось стержнем управления государством, ибо за сдачу излишков зерна в государственные хранилища предлагалось предоставлять чиновничьи должности и степени знатности, а чиновники и обладатели степенями знатности освобождались от уплаты налогов и несения повинностей. Государство же, таким образом, получало решение продовольственного вопроса и вопроса возобновления сословия управленцев.

Самой значительной пагубной силой, влияющей на земледелия, в представлении легистов, является торговля. Торговцы осуждаются за то, что они дают приют разорившимся общинникам и поэтому правителю дается совет использовать для исполнения государственных повинностей всех частнозависимых и рабов, находящихся на службе у торговцев, чтобы таким образом вернуть хотя бы часть бывших общинников в деревню к земледельческому труду. Ведь земледелие, по утверждению легистов, составляет «*бэнь*» («ствол»), тогда как ремесла и торговля отнесены к категории «*мо*» – второстепенному виду деятельности. Государству вообще отводилось легистами ведущее значение во всей хозяйственной жизни общества. Прежде всего, именно государство осуществляет надзор за ценами на зерно, а разумная политика государственных закупок позволяет пресечь ростовщическую деятельность купцов, которые наживаются на искусственном колебании цен.

Но, выдвигая ограничительные меры, легисты стремились всего лишь ограничить развитие торговли и прежде всего ограничить число торговцев. Однако они никогда не выступали за ее полное упразднение. Напротив, тот же Шан Ян утверждал, что земледелие, торговля и управление – это три основных предназначения государства, ибо земледельцы обрабатывают землю, торговцы доставляют товары, а чиновники управляют народом.

Еще одним направленным на усиление экономического могущества государства средством является предложение ввести государственную монополию на разработку естественных богатств, причем все доходы от них должны поступать непосредственно правящему дому. Это следует сделать потому, что при сосредоточении в одних руках права собственности на горы и водоемы, то людям, ненавидящим земледелие, лентяям (то есть тем, кто не занят земледелием) и стремящимся извлечь двойную прибыль нечем будет кормиться.

---

[56] цит. по: Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М.: Наука. ГРВЛ, 1981. - С. 110.

D) Трактовка человека в школе моистов

Мо – ди или Мо – цзы (рубеж V – IV вв. до н. э.) – основатель школы моистов – был убежден, что самым разумным в человеческой жизни является то, что наиболее естественно для людей. А для людей естественнее всего любить то, что всем полезно и выгодно. Мо – цзы мечтал о полностью единообразном обществе, лишенном какого – либо культурного своеобразия. Следует исходить, утверждал он, из идеи отвлеченного «постоянства» («*чан*»), то есть некоего всеобщего и притом всем понятного образца. Конфуцианской учености Мо - цзы противопоставлял всеобщее образование, изысканному исполнительскому мастерству, которого требовал ритуал, – техническое знание, а эстетически ценной пышности церемоний – простую и потому, в его понимании, разумно устроенную жизнь. В сообществе людей должна господствовать «всеобщая любовь», но при этом людям предписывалось любить друг друга ради собственной выгоды.

Прообраз всеобщего порядка и высшей справедливости Мо – цзы видел в Небе («*Тянь*»). Именно Небо устанавливает всеобщий образец поведения: в идеальном обществе по Мо – цзы господствует единоначалие, а также правило «уподобления вышестоящих нижестоящим». Правитель же, сообразуясь с Небом, устанавливает общий для всего человечества распорядок жизни. Поскольку должное есть также естественное, а естественное – должное, то человеческий разум полностью совпадает с законом природы.

Согласно утверждению автора трактата «Чжуан – цзы», в учение древних входили такие положения, как требование постоянной готовности к неожиданным бедствиям, исправления всего по плотничьему правилу и с помощью туши, наставление не приучать молодое поколение к роскоши, расточительству и блеску. И вот, Мо – цзы, услышав о наставлениях подобного рода, стал проводить их чрезмерно строго. Он провозгласил отказ от музыки, пения и одевания покойных, наименовав это бережливостью. То есть идеалом моиста был своеобразный аскетизм и хотя «[сам] Мо – цзы воистину лучший из [людей] Поднебесной, и [другого] такого не найти», сам он в итоге «иссох, как сухое дерево», да и «моисты последующих поколений лишь состязались друг с другом, изнуряя себя в труде [до тех пор, пока] не стирались волоски на икрах и пушок на голенях»[57], ибо именно до такой степени изнурения себя в трудах ради Поднебесной довел себя, по утверждению Мо – цзы, усмиритель потопа Сын Неба Юй.

E) Трактовка человека в школе даосов

Как утверждает известный отечественный синолог В. Малявин[58] учение даосов уходит своими корнями в представления архаической эпохи и в то же время оно вобрало в себя опыт конфуцианства и свободных мыслителей – моистов и софистов. Основным стержнем этого учения является

---

[57] цит. по Мудрецы Китая: Ян Чжу. Ле – цзы. Чжуан – цзы. Пб. XXI век, 1994. – С. 357.

[58] см. Малявин В. Империя учёных. - М.: Европа, 2007. – С. 41.

проблема «естественной», не определяемой никакими понятиями истины человеческого существования, которая есть также всеобщий Путь мироздания (то есть, собственно, «*Дао*»). Этот вопрос в даосизме ставится с предельной заостренностью и тем самым естественность жизни противопоставляется искусственности общественных установлений. Преимущество в даосском учении отдается насущным и непредуказанным свойствам бытия.

Начальное, еще весьма наивное описание даосского мировоззрения встречается в изложении взглядов некоего учителя-отшельника Шэнь Дао, помещенное в последней главе даосского трактата «Чжуан - цзы». Итак, даосу предписывается быть открытым для всех и не искать пристрастий, непрестанно меняться и ничего не желать для себя, жить, как живется, и не иметь для себя отвлеченных правил, следовать всякому влечению без колебаний, не умствовать прежде времени, не строить расчетов, полагаясь на свое знание, не выбирать среди вещей, превращаться вместе с ними. Во всем этом, по мнению Шэнь Дао заключалось искусство Пути древних. Шэнь Дао не просто учил всему этому, но и сам следовал тому, что провозглашал. Так, он отбросил знания, презрел собственные мнения и стал следовать Неизбежному, сообразуясь с обстоятельствами. Именно это являлось, по его мнению, высшей истиной, тогда как всякое знание им признавалось вещью опасной и поэтому следует истребить его раз и навсегда. Да и вообще, говорил он: «Знать – значит не знать». Точно следуя всем этим положениям, Шэнь Дао вел себя распущенно и нисколько не заботился о своем добром имени. Мало того, развязный и отринувший всякие приличия, он насмехался над достойными мужами и дерзко нападал на великих мудрецов Поднебесной. Он считал никчемными все знания и размышления только потому, что, по его мнению, тот, кто ничего не знает, не страдает от влюбленности в себя и не ведает тягот, причиняемых применением знаний. А поскольку даже кусок земли никогда не теряет Пути, следует стремиться к тому, чтобы уподобиться бесчувственной вещи, и не надо прибегать к услугам мудрых и достойных.

Итак, Шэнь Дао ищет безусловную данность существования, что, по его мнению, есть совершенно естественное и представляет собою то, что свершается здесь и сейчас, порою без всякой видимой причины. Позднее даосы это «здесь и сейчас» стали именовать «естественностью». Путь, согласно Шэнь Дао, есть присутствие всеобщей истины мира и эта истина есть, в свою очередь, стихийная и безусловная перемена, которая порождает самое сознание, всеобщее событие, равное, по своей сути, всеобщей *со – бытийности* вещей. Как утверждал основатель даосизма Лао – цзы, праведный Путь есть союз знания и действия, нечто, вьющееся без конца и как – будто существующее. Мир есть событие, развернутое в непреходящую событийность, и в нем крайняя определенность сливается с неповрежденной целостностью бытия. В самой этой целостности есть своя незыблемая определенность, которая является способностью *на – следовать* изначаль-

но заданному в существовании. Эта действительность у древних даосов называлась «таковым самим по себе», которое предвосхищает все вещи. То, что «само по себе таково», по Лао – цзы, есть самодостаточность основы всего сущего и, одновременно, способ существования как *на – следования* Неизбежному. И еще то, что «таково само по себе» есть стихийность, непредсказуемость жизни как таковой и тех действий, которые кажутся в данном обществе естественными и непроизвольными, то есть устоявшегося уклада жизни.

Даосский мудрец верен «постоянству Пути» и бесконечности мировых превращений. Поэтому он хранит спокойствие посреди вечно волнующегося океана жизни и обладает неодолимой силой воздействия на мир только потому, что воплощает в себе первозданную мощь «таковости», утверждающей неизбежность *со – присутствия* иного.

Поскольку творение в китайской мысли представлялось как нечто подобное вызреванию зародыша в чреве матери, то подобное представление предполагает, в свою очередь, преемственность и сообщительность всего живого в «великом теле» Пути. Всякая вещь становится тем, что она есть, только исполняя свое назначение. Поэтому у даосов человек осуществляет себя не в труде, да и вообще не в той или иной предметной деятельности, а в акте *само – высвобождения*, что равнозначно «потере» или же «забвению себя». Мысль, по представлению даосов, осуществляет себя именно тогда, когда она себя опустошает, то есть отдает себя миру и одновременно вбирает мир в себя. Чистая деятельность поэтому беспредметна и несводима к тому или иному роду знания. Она воплощает цельность бытия и потому освобождает. И на этих основаниях строится одно из главных понятий даосской мысли – «недеяние» («*у - вэй*»). «Недеяние» есть возобновление непреходящего и соответствует оно свертыванию бытия в самое себя, *противо-движению* как средоточию мирового круговорота, находящегося вне времени и пространства. Только постоянное возвращение к своей «опоре» и при этом постоянное восхождение в самом этом действе возвращения делает возможным духовное освобождение.

Даосский правитель – мудрец способен «превзойти все» именно тогда, когда он «закрывается в своем дворце». Он вообще способен «знать мир, не выходя со двора». Он не держится за вещи и не старается завладеть миром, ведь он знает, что «желающий обладать миром не удержит его». Он, как и всякий мудрый человек, держится за «подлинность» в себе, ибо не менее хорошо знает и то, что возвращение к точке «срединности» бытия позволяет вместить в себя мир.

Лао – цзы рисует следующий идеал образцовой жизни – это безыскусная жизнь с «пустой головой и полным животом», то есть простые радости простых людей, которые «радуются еде и нарядам». Такая вот жизнь оказывается у него знаком внутренней полноты и свободы жизни, которые становятся возможными благодаря сознательному осуществлению правила «таковости».

Само «невежество» у даосов есть необходимое условие внутренней просветленности. Последняя же доступна только мудрецу. Просветленность мудрого служит не изменению мира, а скрытому восполнению всего сущего. Мудрецу прекрасно известно, что «в любом свершении чего – то не хватает» и тот, кто до краев наполнил свою жизнь «успехами», будет тяготиться жизнью. Мудрец умеет жить, по утверждению Лао – цзы, «опережающим прозрением» и его мудрость есть только *на – следование* извечно заданному, поэтому она дарует способность предвосхищать все явления мира или, точнее, улавливать «тончайшие семена» (*вэй, цзин*) вещей, чувствовать бытие вещи еще до того, как оно отольется в образ.

«Недеяние» указывает еще, помимо всего прочего, путь духовного восхождения от «малого тела» к «большому телу» или же от собственного «я» к собственной «подлинности». Это движение неподвижное, знаковое, соответствующее возрастанию качества и оно знаменует постижение в жизни еще более жизненного. В даосской «таковости» все вещи, в том числе и человек, удостоверяют свою подлинность, «теряя» себя, освобождаясь от самих себя. Чтобы быть самим собой, надо уметь не быть самим собой – такова простая и бесконечно загадочная истина даосской мудрости.

Итак, традиционная китайская мысль представила целый набор образцов правильного поведения в смысле удовлетворения самых насущных потребностей человека. При этом сам человек во всех традиционных китайских учениях просто немыслим вне общества, да и сам образцовый человек может жить только в образцовом обществе и как последнее недостижимо при отсутствии первого, так и напротив, первое невозможно при отсутствии последнего.

Резюме

Истолкования человека и его потребностей в культурных традициях Древнего Востока основываются на идеи его изначальной принадлежности сакральному миру божественных сил, хотя последняя получает крайне различные трактовки. Именно поэтому в этих культурах повседневный срез жизни структурируется культом – культурным механизмом общения с трансцендентным, благодаря которому человек приобщается к божественному истоку собственного существования. Практики ритуальной инициации и похоронной обрядности, повсеместно распространенные в этих культурах, являются лишь частными примерами культовой формы существования человека. Для самосознания носителей этих культурных традиций типична невыраженность индивидуальности: отдельная человеческая жизнь предстает здесь в неразрывной связи с обществом, а духовно-телесные параметры существования открываются как находящееся в резонансе со всем существующим. Именно поэтому телесное самочувствие здесь лишено индивидуальной окраски (опыт тела сосредотачивается в социальных значениях жеста, осанки), а физиология получает спиритуальное

истолкование (каждый орган наделяется духовным значением). Человеческая природа, как правило, трактуется как составное из множества элементов образование.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ:

1. Каково сущностное качество человека Древнего Ближнего Востока?
2. Каково строение человека по представлениям древних египтян? Какие специфические потребности были им присущи?
3. Как толковали строение человека в шумеро–аккадской культуре и в вероучении зороастризма?
4. Какие предписания к потребностям человека были разработаны в Ветхом Завете и в учении раввинов Талмуда?
5. Потребность в воспроизводстве каких трех явлений определяет традиционный китайский образ жизни?
6. Раскройте основные понятия конфуцианского учения в их соотношении с потребностями совершенного и обыденного человека?
7. Что такое «закон» как насущная потребность в учении школы легистов?
8. В чем своеобразие потребности аскезы в понимании моистов?
9. Что есть «таковость» в представлении даосов и является ли она потребностью человека?
10. Какие качества с точки зрения теории потребностей должны быть присущи образцовой жизни даосского мудреца?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОСНОВНАЯ

1. Вейнберг И.П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. – М.: Наука. ГРВЛ, 1986.
2. Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. – СПб.: Азбука-классика. Петербургское востоковедение, 2005.
3. Человек как философская проблема: Восток–Запад. – М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

1. Большаков А.О. Человек и его двойник. – СПб.: Алетейя, 2001.
2. Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы. – М., 2008.
3. Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. – М.: Эксмо-Пресс, 2002.
4. Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. – СПб.: Азбука-классика. Петербургское востоковедение, 2003.
6. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. – М., 2001.
7. Малявин В.В. Молния в сердце. – М.: Наталис, 1997.
8. Монте П. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. – М.: Молодая гвардия. Палимпсест, 2000.

9. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. – СПб.: Азбука-классика. Петербургское востоковедение, 2005.

§4.3 Развитие античной идеи «разумной жизни» и техники воспитания потребностей

Материальное основание античной культуры

Как видно из рассмотрения в данном разделе других традиционных культур, в истории имеет место переломный момент (около VI в. до н.э.), когда формируется совершенно новый способ существования человека. Этот момент характеризуется возникновением в различных, географически отдаленных регионах духовных или мыслительных построений, связанных с переменой образа жизни человека, требующих от него новых поведенческих стратегий. Указанный период назван немецким философом Карлом Ясперсом «осевым временем». В развитии же европейской культуры решающим этапом является античная цивилизация с ее глубоким пониманием сущности человеческого и мощными механизмами культивации последнего. Все то, что составляет уникальность античной культуры, можно сказать внезапно возникает в «осевой» период истории человечества и с легкой руки религиоведа и культуролога Жана-Пьера Вернана называется теперь «греческим чудом».

Речь идет о своеобразной интеллектуальной революции: более или менее внезапно духовный взор человека меняет свою исходную точку. Это обращение точки зрения на мир связано с зарождением античной полисной демократии. На смену хаосу древнего поэта Гесиода приходит космос классической Афинской философии. Формирование нового социального устройства обусловило и структуру повседневности древнего грека, что не могло не сказаться на нуждах и чаяниях гражданина полиса. Понятие потребности обретает некоторый смысл лишь в повседневной деятельности человека, связывается с рядом конкретных объектов, способных ту или иную потребность удовлетворить и немыслимо без понятия о субъекте потребности. Таким образом, рассмотрение мира повседневной жизни в Древней Греции сопряжено с рассмотрением комплекса представлений о человеке характерных для греческой культуры. Что же такое есть человек античности?

Во-первых, античный человек есть в некотором смысле то, чем он не являлся, чем он только *может* и *должен* стать. Можно сказать, что главная антропологическая идея античности – это идея постоянного *становления*, осуществления человеческой природы. Естественно, необходима конечная цель – некое наилучшее качество (ārete), возможное для гражданина, или благо (agathon). И, во-вторых, существенной характеристикой человека является его очевидная и неизбывная *телесность*.

Тело (soma) как термин представляет собой вид рода материи (hylē). Материю же следует понимать не как некоторое свойство отдельных

вещей, а как условие существования этих вещей, как их возможность и становление. Поэтому, тело не есть материя, но оно является носителем различного рода свойств. Тело также всегда становящееся, точнее является носителем становления («текуче-сущностного становления» в терминологии А.Ф. Лосева). Именно это качество характеризует тело как живое, подвижное, целенаправленное. Такое качество тела издревле обозначалось греками термином «напряженность» (tonos). А.Ф. Лосев в завершение своего фундаментального восьмитомного труда «История античной эстетики» попытался в формулировке раскрыть содержание античного понятия о теле – это «субстанциальная потенция быть индивидуально нераздельным носителем текуче-сущностного и разнотипно уплотненного становления эйдоса».

«Я-сам» и практики его культивации в античности

За основу рассмотрения античного образа жизни положим известное высказывание, которое по многочисленным свидетельствам было начертано на входе в дельфийское святилище: «Познай самого себя». Эту точку отсчета в исследовании античной жизненной установки в XX в. выбирает французский философ Мишель Фуко («Герменевтика субъекта», 1982), который детально разбирает значение этого призыва на примере платоновского диалога «Алкивиад». По мнению Фуко, именно в «Алкивиаде» впервые дельфийский призыв к познанию себя превращается в формулу и жизненную установку «заботы о себе» (epimeleia heautou). Но французский философ находит в античной «заботе о себе» ряд специфических значений: активность, меру, наличие другого человека, телесный контакт и др. Иными словами, «забота о себе» – это исключительный для античной культуры опыт переживания телесности. М. Фуко для обозначения такого оригинального опыта вводит важный для своей концепции термин «ta aphrodisia» («дела Афродиты»), называя этот опыт «опытом наслаждения», или «опытом удовольствия». Нужно помнить, что, заботясь о себе, человек должен преследовать в качестве задачи улучшение жизни полиса, частью которого он является. А качество жизни полиса в свою очередь необходимо влияет на отдельного человека.

Другой французский философ и историк, Пьер Адо, старший коллега М. Фуко по Коллеж де Франс, так же прославился своими исследованиями античной мысли. Их в чем-то схожие выводы, все же различаются между собой. Так, П. Адо делает акцент на понятии «упражнение» (meletai), которое стоит в тесной смысловой связи с «заботой о себе» М. Фуко. Слово, обозначающее «упражнение» в греческом языке имеет множество форм, синонимов и контекстов употребления. Так, понятие это подразумевает широкий спектр различных практик: от физических упражнений (gymnaseia) до самообладания (enkrateia) и медитативной отрешенности (apatheia). Отсюда более емкое, в сравнении с «заботой о себе» понятие «духовные упражнения», введенное П. Адо («Духовные упражнения и антич-

ная философия», 1981) для выражения сути античной философии и смысла жизни человека той эпохи. Главное же различие заключается в определении цели подобных практик. Так, М. Фуко в зависимости от рассматриваемого периода античности, считает, что целью может выступать или полис, или «я сам». П. Адо утверждает в качестве цели единение с «природой» (physis), понимаемой как порождающее все вещи движение, сущность вещей, универсальный ум (nous).

Теперь попробуем понять, что представляет собой этот «я сам» (autos), о котором, согласно М. Фуко, необходимо заботиться достойному гражданину полиса. Иначе, речь должна идти о субъекте действия и мысли («упражнения») и об объекте заботы в античной культуре. И тут мы увидим, различными авторами используются различные термины для обозначения субъективности, но не все они подходящи.

В европейской культуре возникает понятие, ставшее довольно значительным и приведшее к странным последствиям будучи вульгарно использовано, – это понятие о личности (prosopon). Понятие, обозначающее очевидное наружное в предмете. В отношении термина «prosopon» существуют различные точки зрения. Приведем таковые некоторых выдающихся отечественных филологов и мыслителей.

Личность как субъект предстает перед нами в трудах Алексея Ф. Лосева. Но он отвергает всякую связь греческого prosopon и «личности», понимая именно последний термин как выражение понятия о субъекте. По А.Ф. Лосеву, греческое «prosopon» не может переводиться как «личность» потому, что обозначало театральную маску: термин «prosopon» передает самые внешние, поверхностные характеристики человека, что не соответствует понятию о личности и субъекте; но, кроме того, в античной литературе часто упоминание множества «просопонов», личность же едина. Латинские «персона» и «индивидуум» также не отвечают требованию схватывания субъективности в понятии: индивидуум, например, обозначает лишь неделимое и в этом смысле ближе греческому «атому». Вкратце все вышеизложенное А.Ф. Лосев формулирует в виде самостоятельного принципа *внеличностности* античной культуры. Иным словами, по А.Ф. Лосеву, греки вообще не имели понятия о личности (субъекте). Но в этом качестве выступали термины, обозначающие чувственное, осязаемое, видимое – тело.

По мнению Азы А. Тахо-Годи, можно констатировать полное отсутствие понимания личности человека как тела на заре античной культуры. Греческое «сам» понимается как мертвое тело, труп. Действительно, например в самом начале «Илиады» есть строки: «…много сильных душ героев пославший [Ахиллес] к Аиду, Их же самих (autos) на съеденье отдавший добычею жадным птицам окрестным и псам» (I. 3–5). В данном примере погибший («сам») брошен на съедение псам и птицам, а его душа отправляется в Аид. Но А.А. Тахо-Годи некогда писала также, что человек может определяться и в терминологии строительства, конструирования –

«demas». Уже поэтому, кажется, можно отказаться от употребления термина «личность» для понимания «субъекта» в греческой культуре.

Наконец, другой отечественный филолог Сергей С. Аверинцев полагает, что греческое «prosopon» семантически предшествует латинским «subjectum», «persona» и вполне может быть понято как «личность». Личность, рассмотренная им на примере классического греческого диалога, представляет собой совершенно непоколебимый, неуязвимый, и потому недостижимый и неподвижный образ (eidolon). Эталоном такого образа является фигура Сократа в диалогах Платона. Что же на самом деле показывает нам «радикальная недиалогичность» античного диалога? То, что в действительности беседа ведется не столько между двумя собеседниками, – они в данном случае подобны маскам (prosopon) античной трагедии, – сколько между «я сам» и умом (nous) – действительно мыслящим, всезнающим другим. Этот «ум» является также условием возможности человеческого познания, собственно тем, что делает человека разумным и потому также обладает статусом другого в отношении философа, человека, заботящегося о себе и обществе. Диалог, как известно, не возможен без участия в нем такого другого. И этот другой, безусловно, самодовлеющ (autarkeia) по отношению к своему собеседнику. Но есть и еще одного рода необходимость другого, которая и сподвигает человека заняться собой: в сократическом диалоге важно не то, чтобы собеседник понял, что он чего-то не знает – это очевидно, но чтобы он понял то, чего он не знает о своем незнании. А для этого мало простого наличия собеседника, нужно чтобы он был носителем arche – абсолютного первичного знания, мышления, власти, действительного бытия. В этом смысле личность предстает перед нами как объект воздействия со стороны другого, как то, что требует «заботы».

Таким образом, характерные для названных ученых пути понимания «prosopon», необходимо влекут и уточнение понятия о субъекте в греческой культуре. Вероятно, подлинным субъектом здесь является как раз тот самый «другой», который в диалоге сподвигает к «практикам себя», сам при этом остается недвижимым, который опосредует или целеполагает всякую «духовную практику» или «заботу о себе». Перед нами выстраивается сложная система заботы о себе, опосредованная (или обусловленная) взаимоотношением с Другим (сообществом людей, социальными институтами, властью, природой, умом).

Другой является условием всякого восприятия или познания. Невозможно движение познания, если познающий разум не видит возможных путей этого движения. С одной стороны, восприятие некоторой вещи подсказывает, какая вещь может быть воспринята нами далее, с другой – невозможность восприятия мира в его целостности оправдывается наличием чужого восприятия, восприятием недоступного нам кем-то другим. Нас не удивляет каждая вновь воспринятая вещь потому, что большинство вещей в некоторой степени предполагают друг друга или в чем-то сходны друг

с другом. На этих связях построен универсум нашего восприятия и мышления, и именно фигура другого эти связи для нас устанавливает. Другой, таким образом, представляет собой первичную структуру мира, структуру возможности. Если другой – это возможность, будущее, то «я сам» – это уже история, прошлое. Вероятно, оригинальный для античности опыт «заботы о себе», опыт переживания телесности есть, в первую очередь, опыт исторический.

Логос как инструмент

Возвращаясь к началу нашего разговора о формировании античного образа жизни, укажем на те механизмы и значения, которые открываются владеющим «логосом». Логос (слово, речь) является, по сути, незаменимым средством, устанавливающим структуру отношения «я» и другого.

Греческая культура знает ряд терминов, выражающих объективирующее отношение к человеку: кроме уже рассмотренного «prosopon» использовались также «усия» (ousia) – «наличное бытие», «сущность»; «hyposthasis», понимаемый в античности как «субстанция» человеческого бытия, в средневековой теологии стал обозначать некоторого рода «лицо» (ипостась) и т.д. Но особым значением обладал, конечно, «характер». Этимология слова раскрывает его первоначальные смыслы: печать, очертание, застывший облик. «Характер» – отглагольное существительное, обозначавшее царапины на камне или дереве, оттиск для чеканки монет, посмертную маску. Все это придает «характеру» смысл легко узнаваемого среди прочих статичного вида личности, а, попросту говоря, штамп. Последовательные греки составили систематическое описание таких видов. Наиболее известно сочинение ученика Аристотеля Феофраста (конец IV-начало III в. до н.э.). В своих «Характерах» он дает описание тридцати типов простых – не обладающих arête – жителей Афин. И, что примечательно, из тридцати описанных характеров нет ни одного положительного: льстивость, болтливость, пустословие, тупоумие, ворчливость и т.п. Дело в том, что личность, понимаемая как «характер» выражает статичные, неподвижные черты человека, его «личину» (маску), то есть то, что противоречит динамичной, становящейся сущности человеческого тела и подлежит коррекции. Уже многие современники Феофраста считали, что тот в своем сочинении описывает театральные маски. Античное учение о характерах при этом не имеет непосредственного отношения к тому, что называется античной «психологией». Действительно, психологическое сочинение Аристотеля «О душе» носит в полной мере философский, метафизический характер. Душе, по Аристотелю, присуще желание, то есть стремление, она же является причиной и источником движения. В этом смысле она есть причина и сущность тела, а потому аристотелевская психология скорее имеет генетическое родство с античной физикой – наукой о природе (physis), чем с учением о характерах.

Если психология коренится в метафизике, то какова природа античной характерологии? Каким образом формируется представление о личности в античной культуре? В трактате «О душе» Аристотель ни словом не обмолвился о характерах, однако значительное место отведено характерам в этических сочинениях и, конечно, в «Риторике» (II. 12-18.). Дело в том, что ближайшим «характеру» по значению является термин «этос» (ethos), который означает некоторую устойчивость человека, нрав. Характер и личность поэтому выражают некоторую внеисторическую структуру человека. Античная этика учит, в частности, тому, как обходится с тем или иным характером, а точнее, техникам достижения и сохранения блага государства (polis) через отношение с другим и переживание истории. Как мы видим, «характер» представляет собой данное судьбой, богами порочное (kakon) качество человека, которое требует от своего носителя определенных техник. Далее, «этос», будучи прямо связанный по смыслу с театральной ролью, означает все же в первую очередь особые устойчивые характеристики речи, ее стиль. Именно через эту связь «характер», и «личность» открывают нам свою истинную – риторическую – природу. Таким образом, личность (prosopon) означает как застывшую «личину», так и «маску», под которой могут сокрыться многие желающие высказаться.

Философы классической Греции сами по себе мало повлияли на мировоззрение большинства граждан, но стремление к истине (aletheia) и благу (agathon) в качестве установки на познание себя все же проникало в массовое сознание. Особенно интенсивно интеграция философских идей и учености античной элиты в повседневность простых граждан проходила в Древнем Риме. Но и в греческой и в латинской культуре средством (organon) этой интеграции служила традиция классической риторики. Именно риторическое наследие Платона и Аристотеля, получило мощнейшее развитие на закате античной эпохи. Только оно могло предоставить людям те общие места (topika) в которых происходила встреча античной мудрости с античной же повседневностью. Именно благодаря приемам греческой риторики стало, в частности, возможно распространение в Древнем Риме христианской религии, для чего наиболее часто использовался жанр античных логий – «речений».

Распространение риторических приемов в жизни высокопоставленного гражданина или простолюдина способствовало формированию нового, эллинистического типа повседневности, в котором господствовали лаконичность, прагматизм, функциональность. Так формируется новый, отличный от классического греческого, человек дела, человек статуса – «homo oeconomicus». Но будем помнить, что среди наиболее интенсивных факторов формирования нового человека можно назвать и развитие техники, например, измерительных приборов.

То великое значение, которое имела риторика для человека античности, приводит к тому, что средневековый человек начинает жить в мире тайных смыслов, иносказаний, Божьих знамений и посланий. Таким обра-

зом, посредством новых фигур жанров и стилей мифо-поэтическая и риторическая традиция античности соединяется с этосом христианской культуры. Необходимо было при помощи языка оживить раннее греческое, уже забытое, переживание удивительного, сверхъестественного, сакрального. Но средневековье оказалось в нелегкой, даже противоречивой ситуации, потому что античная культура оставила в наследство проблематичную для решения первой задачи мировоззренческую установку – видение мира симметричным, пропорциональным. И это стремление к пропорции, проявляющееся во всех сферах средневековой жизни позволило сосуществовать людям и сверхъестественным существам, миру дольнему, и миру горнему.

Пайдейя и формирование образа жизни

Но вернемся к античному образу жизни. Обозначенная выше «забота о себе» предстает как «безусловное требование», что говорит об универсализации этой установки в среде античного города независимо от социального статуса, возраста или профессии. Ведь всякому гражданину необходимо стремиться к благу. Но, к примеру, Платон полагал, что не всякий способен достичь намеченной цели: идеальное государство – это господство лучших (aristos cratos) над худшими. Так со временем появляются идеи о врожденном характере истинных добродетелей. Для достижения поставленной цели лучшие граждане должны посвятить себя занятию той наукой, тем искусством, предметом которого и является благо, и которое находится с благом в родстве, непосредственно определяя жизнь человека. Речь идет об искусстве политики. В диалоге «Алкивиад», например, Платон затрагивает проблему воспитания достойных и указывает на популярную тогда спартанскую модель такого воспитания. Но попробуем взглянуть на общие черты культивации культуры человеческих потребностей в античности.

Механизм, который прямо или косвенно осуществлял эту функцию, в древности обозначался термином paideia. Греческая пайдейа, к началу V в. обозначавшая просто уход за детьми, немного позже стала представлять собой универсальную технологию приведения человека к некоторой идеальной форме (kalōn). Ошибочно понимать пайдейю просто как воспитание, она скорее представляет собой образование человека в прямом смысле слова. Человека в первую очередь живого, действующего, мыслящего и политического. Действие пайдейи основано на противопоставлении разумного, фронетического и эмоционального, аффективного. Так создавалось то напряженное бытие, которое ранее было названо греческим tonos. Искусства (tēchne) являются главными носителями пайдейи, но первостепенным значением обладают искусства владения речью (философия, риторика, поэзия). Коль скоро это так, пайдейа осуществляется посредством трех взаимозависимых видов правильного отношения: отношение к самому себе, отношение к учителю, отношения к собеседнику. Все эти

виды основаны на внимании, здравомыслии, дисциплине поведения и речи, и конечно содружестве.

Одну из ключевых ролей играют здесь понятия «внимание» (epimeleia) и «воздержанность» (egkrateia). Началом обучения является воздержанность в еде, сне и удовольствиях. Когда ученик Сократа Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» (I, 3, 15) хочет показать, насколько тот был полезен своим ученикам, то вспоминает в первую очередь наставления учителя о пище, вине и любовных наслаждениях. Те же, существенные для гражданина потребности, Сократ рекомендует воспитывать и в платоновском «Государстве», а Аристотель в «Никомаховой этике»: «Есть, все, что попало или пить до перепоя означает перейти естественную меру по количеству, так как естественное влечение имеет целью лишь восполнение недостающего». (III, 1118b).

Греческие мыслители видели смысл существования человека в научении искусству жизни, что можно понимать как «духовное упражнение» или «заботу о себе». Существовал принцип – kalos cagathos, – определяющий ряд практик над собой и их цель как благородство, порядочность и нравственное совершенство. В связи с этим, выделялись и периоды человеческой жизни, различающиеся характером необходимых для обучения этому искусству практик (от посещения педагогов в детстве, до занятия политикой в зрелости). Но всякая практика имеет обязательную цель. В самом начале «Никомаховой этики» Аристотель говорит о той цели, которая предопределяет все иные возможные цели – это благо (agathon), или «наивысшее благо» (ariston) и задает вопрос, утвердительный ответ на который для него не ставится под сомнение: «Разве познание блага не имеет огромного влияния на образ жизни?» (I, 1194a. 25). Как мы теперь знаем, человеческой душе присуще стремление к благу как таковому, это стремление и можно назвать желанием. Потребность же связанная с некоторым объектом может возникнуть у человека, лишь за счет того, что тот всегда обладает некоторым характером. Таким образом, именно *наличие в человеке этой статичной, мертвой составляющей и определяет наличие тех или иных потребностей***.** И характер потребностей зависит от характера и этоса человека. Римский философ-стоик Луций Анней Сенека (I в. н.э.) называет потребности «stultitia» – то, что «влечет нас в одну сторону, хотя мы стремимся в другую, и толкает туда, откуда мы желаем уйти» («Нравственные письма к Луцилию», LII. 1.) Задачей же всякой «практики себя» является освобождение от таких потребностей в пользу свободного, «независимого и стойкого» желания. Иными словами, стремясь к благу, человек, тем самым, достигает некоторого абсолюта, независящего ни от каких обстоятельств. И в этом стремлении человек должен уподобиться солдату, как пишет тот же Сенека, ведь в борьбе с пороками и соблазнами погибали даже сильные телом.

Одним из главных риторических приемов воздействия на ученика служит увещевание, в котором сравнение играет одну из главных ролей.

Выбираемые для сравнения предметы бывали довольно странны, но удачность выбора и сила риторического воздействия определили их чрезвычайную устойчивость в культуре. Так «практики себя» обрастают густой сетью семантических связей.

Особо стоит подчеркнуть тесную связь между философией и медициной. Ранее мы уже обсуждали вопрос о «культуре себя» как задаче человеческого существования. Но в связи с изменениями в понимании сути философии, появляется тенденция сравнивать философствование с врачеванием. Под влиянием некоторых школ период жизни, отводимый для занятий философией, смещается вперед, теперь к мудрости мужи стремятся на закате жизни. У тех же пифагорейцев, по Диогену Лаэртскому, мужчина до шестидесяти лет – юноша, а после – старик – лучшее время для занятий философией. Но, поскольку взросление и старость сопряжены с физическими, телесными недугами, стало обычным считать, что люди этого возраста должны заботиться и о душе, и о теле. Это один из путей, которым (метафорически) в философский лексикон вошли медицинские термины и смыслы. Это, в свою очередь послужило поводом для представлений об «испорченности» (kakia) души, не увлеченной философией: как люди обращаются к лекарям при болезнях тела, так они обращаются к философии, когда понимают, что душа их больна. Искусство врачевания недугов тела называлось иатрией, искусство же врачевания души стало называться терапией. Так, метод Сократа, который в своих наставлениях из всех искусств чаще выбирал медицину, называли гомеопатией (Олимпиодор, Прокл). Иногда философские школы называли «иатреонами» (Хрисипп, Эпиктет) – лечебницами, но в русском языке есть более подходящий перевод – профилакторий (обучение чаще не занимало всего времени и не требовало изоляции).

Философ-стоик Луций Анней Сенека указывает, правда, еще и на то, что выздороветь труднее, если не знаешь о своей болезни. Понимая это, многие до Сенеки одним из «упражнений» при овладении искусством жизни считали внимательное отношение к себе. Для занятий философией необходимо подготовиться, что и входило в специальную область «врачевания души» – пропедевтику (propaideuticon). Универсальность такого подхода для философии доказывает тот факт, что и в новоевропейской философии появлялись специальные сочинения – «философские пропедевтики» (например, Г.В.Ф. Гегеля, или П. Наторпа). В античной риторической традиции в пропедевтических целях использовали специальный прием – «увещевание» (protreptikos), что также нашло выражение и в литературной форме (наиболее известен «Протрептик» Аристотеля).

Резюме

Как мы увидели, в системе античного мировоззрения человеку и его потребностям отведена второстепенная роль. На передний план выходят разум и свободное желание. Но человек рождается ущербным и потому

должен постоянно становиться человеком в полной мере. Не каждый способен стать благородным гражданином, но условия полиса привели к оптимизации потребностей в пользу гражданской позиции.

Несомненно, воспитание определенного образа жизни и соответствующих потребностей характерно для античной культуры. Однако нужно иметь в виду социально-политическое значение подобных практик. Античная модель позволяет обеспечить душевное здоровье, спокойствие, благоразумие и умеренность, но в тоже время античная пайдейа – мощный механизм воздействия на неумеренных, буйных, спесивых и т.д. Воспитание в духе античных идеалов с одной стороны возвышает человека, с другой – делает его полезным членом полисного общества.

Вопросы для повторения и обсуждения:

1. Опишите представления о человеческом теле и душе в эпоху классической античной Греции.
2. В чем состоит суть принципа «калокагатии»?
3. Сформулируйте понятие о потребности, характерное на ваш взгляд для античной культуры.
4. Каковы античные представления о смысле жизни человека?
5. Назовите техники воспитания и формирования потребностей в Греции.

Список рекомендуемой литературы:

Основная:

1. Адо П. Духовные упражнения // Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М., 2005. – С. 19-86.
2. Аристотель. Этика. – М.: АСТ, 2006.
3. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М., 1989. – С. 153-170. (http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm)
4. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. – М., 2009.

Дополнительная:

1. Аристотель. Никомахова этика. Собрание соч. в 4-х т. Т.4. – С. 53–295.
2. Аристотель. Политика. – М.: АСТ, 2010.
3. Платон. Государство // Диалоги. – СПб.: Азбука, 2009.

§4.4. Средневековая христианская антропология: основные понятия. Христианская аскеза: практики преобразования потребностей

Природа человека согласно святоотеческой традиции

«Я человек – Божие создание и Божий образ» – так вкратце обозначил природу человека один из создателей христианской догматики, отец

Церкви Григорий Богослов[59]. Бог троичен, следовательно, троично и его создание, человек – образ и подобие Божие. Бог есть Отец, Сын и Святой Дух, человек же имеет тело, душу и дух. Согласно Священному Писанию и творениям Святых Отцов, человек двусоставен, то есть имеет тело и душу. Тело человека есть Божье создание, тогда как душа его есть Божий образ. Соотношение между двумя этими составляющими человеческой природы другой каппадокийский святой отец Григорий Нисский определил следующим образом: «Я признаю двух человеков: одного видимого и другого, сокрытого под видимым, невидимого, внутреннего. Итак, мы имеем внутреннего человека и некоторым образом двояки. А если сказать правду, то мы внутри; ибо меня составляет собственно внутренний человек, внешнее – не я, а мое; ибо я – не рука, но то, что мыслит в душе; а рука – часть человека, так что тело есть орудие человека, орудие души»[60].

Итак, человек состоит из невещественной и разумной души и вещественного тела, а говоря проще и шире, всякая тварь разделяется на Логос и явленность. В целом же *человеческая природа* есть *середина между двумя крайностями – природой Божественной, бесплотной,* с одной стороны, и жизнью *бессловесной, скотской*, с другой. *От Божественного* в человеке *слово* и *разум*, а *от* бессловесного, *животного* – телесное – *половые признаки тела* и *расположение органов*. И поэтому «в естестве человеческом умопредставляются две жизни: плотская, водящая чувствами, и духовная, невещественная, преуспевающая в разумном и бесплотном житии души»[61]. Первенствовать в человеке, конечно же, призвано божественное умное начало, но вместе с ним для человека характерна врожденность и бессловесной животной природы.

Святоотеческая трактовка строения человеческого тела

«Человек есть малый мир, заключающий в себе все, что есть в великом мире», – говорил Григорий Нисский[62]. Данное высказывание является общим местом святоотеческой трактовки устройства человека, которая необходимым образом останавливается на следующих моментах. Богоподобный дух занимает «небесное место» – голову. Ему служат духовные способности, которым помогает воображение. В сердце дух прохлаждается как в своих чертогах. Он же является управителем мыслей и ему, как соглядатаи, сопутствуют познание и умозаключение. Седалищем мыслей являются почки, которым врожденна способность различения всех предметов, за исключением отделения истинного от ложного и прекрасного от

---

[59] См.: Святой Григорий Богослов. Определения, слегка начертанные // Святой Григорий Богослов. Собрание творений. – Сергиев Посад, 1994. Т.2. – С. 308.

[60] Святой Григорий Нисский. Слово первое. На слова Писания: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию». Быт. 1: 26 // Христианское чтение. – СПб., 1840. – Ч. III. – С. 297 – 371, 306 – 307.

[61] Святой Григорий Нисский. О надписании псалмов. Кн. 1 // Творения святых отцов в русском переводе. – М., 1861. Т.37. – С. 85.

[62] Там же. – С. 7.

постыдного, ибо данная операция есть уже долг разума и совести. Органом душеобщения выступают глаза.

Помимо места прохлаждения духа, сердца[63], в груди человека находится завеса, которая отделяет верхнее от нижнего (ее называют еще «tā diāphragma» – «простенок, перепонка, грудобрюшная преграда»). Она отделяет Святое от Святого Святых: то, что по отношению к ней находится вне – это Святое, а то, что внутри – Святое Святых. Под последним подразумевается сердце – седалище жизни, Ковчег Завета. Его покрывают легкие, которые суть образ и двукрылых херувимов и золотой кадильницы, ибо они производят дыхание и вбирают в себя запахи. Но легкие не принимают ни пищи, ни пития. Питание производит печень и именно от нее питаются все прочие члены. Что касается места нахождения нечистот, то отцы Церкви связывают его с мочевым пузырем, который вследствие с собственной функцией вместилища мочи трактуется как орган, очищающий от скверны восемь присущих от природы способностей тела – рождательную, растительную, питательную, притягательную, сгустительную, расширительную, испражнительную и изгонительную.

Человек имеет тело, душу и дух. Видимая составляющая природы человека, тело сложено из многих неодинаковых частей, которые, в свою очередь, состоят из четырех стихий. Но «тело есть орудие, и как бы одежда и покров души», мало того, «оно есть храм Духа Святого»[64]. Это означает, что тело руководимо и направляемо душой и целиком зависит от души во всех своих жизненных отправлениях. Оно есть раб души, которая, в свою очередь, есть царица тела. Тело должно быть всецело подчинено душевным настроениям и потребностям. Становление правильных отношений тела к душе и духу есть воспитание тела. Итак, прежде всего, тело есть орудие и покров души. Поэтому, лишившись души, оно становится недвижным и постепенно распадается. Старение и смерть, таким образом, есть постепенное снижение и исчерпание психосоматических (душевно–телесных) энергий. Но человек в своем личностном начале не подвергается созреванию, старению и умиранию, поскольку божественная суть его природы бессмертна.

Посредником взаимоотношений тела и мира чувственного с миром иным, духовным, выступает душа. Образование тела происходит в утробе матери постепенно, тогда как душа, будучи, в отличие от составного тела, существом простым, творится мгновенно и дается от Бога в то самое мгновение, когда тело уже образовалось и сделалось способным к ее приня-

---

[63] Имеется в виду особый орган – духовное сердце, которое отличается от привычного нам телесного сердца. Это духовное сердце в отличие от телесного расположено в правой части груди.

[64] Св. Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. – М., 1991. – С. 54.

тию[65]. Таким образом, существует состояние тела, для которого соединение с душой еще не доступно.

Тело человека, если оно пребывает в согласии с душой, характеризуется так называемым «духовным расположением». Это означает, что телу становятся доступно постижение божественных умозрительных вещей, которое возможно только тогда, когда душевные силы не умерщвлены, а напротив, преображены и освящены.

Несмотря на возможность духовной трансформации тела, согласно святоотеческой традиции, именно оно выступает вместилищем страстей, среди которых наиболее свирепы похоть и гнев. Оно же – средство проникновения в душу демонов. Каким образом тело способно отягощать душу страстями? Трактуя телесные чувства (зрение, слух, обоняние, вкус и осязание) как окна души, служащие ей для общения с внешним миром, отцы Церкви замечают, что посредством них душа услаждается внешними вещами и из их совокупности составляет для себя утехи и наслаждения. Таким образом, через каждое чувство в душу внедряются несколько склонностей и пристрастий. Постольку, дабы избежать загрязнения души, тело следует сохранять в воздержании. Например, питание тела не должно превышать меры необходимой для сохранения жизни, ведь при невыполнении этого условия тело может начать свободно предаваться удовольствиям. Как утверждает св. Исидор Пелусиот[66], поскольку тело по природе раб, оно имеет нужду в пропитании, но не в услаждении, в воздержании, но не в пресыщении, в удовлетворении потребности, но не в роскоши. Отделить одно от другого, то есть удовлетворение от пресыщения, довольно просто: удовлетворение потребностей приносит пользу душе и телу, доставляя им здоровье, силу и благосостояние, тогда как излишества не только расстраивают здоровье, но и порождают в итоге мучительные болезни[67].

Телесное воздержание следует практиковать потому, что именно с телом человек воскресает и предстает на Божьем суде. И тогда, как известно из «Апокалипсиса», все получат тела вечные, но не одинаковые, ибо праведные получат тела для того, чтобы вечно ликовать с Ангелами, а грешные – чтобы терпеть за грехи свои вечные мучения.

Влияние святоотеческой антропологии на представление о назначении жизни человека

Итак, человек есть цельность духа, души и тела. В силу своей телесности люди обладают большей полнотой бытия, чем ангелы. По своему назначению все потребности и стремления человека, выражающие природу и особенности составных его сил, должны быть согласованы между собою: низшие должны служить высшим, а над всем призван возвышаться и

---

[65] См.: Православное исповедание, ч. 1, ответ на вопрос 28.

[66] Св. Исидор Пелусиот Творения. чч. 1 –3 // Творения святых отцов в русском переводе. – М., 1859. Т. 34. – С. 318.

[67] Там же. – С. 321.

господствовать дух. Сосредоточенные в единстве личности человеческой и исходя из нее, силы и способности человека в стройном соподчиненном взаимоотношении должны выполнять свойственное каждой назначение: дух – общение с Богом и миром духовным, тело – преобразование внешнего мира в соответствие с замыслом духа; душа – проводя устремления духа, связывать с ним тело.

Апостол Павел различал духовных, душевных и плотских людей. При этом духовными он называл тех, кто украшен духовным дарованием, тех, кто вознесся выше естества, при помощи преступил естественную последовательность умозаключений. Ибо именно с высшей частью человеческой души – разумом или Логосом – согласно православному душеведению, связано богоподобие человека. Душевными, согласно, апостолу Павлу, являются те, кто опирается больше на умствования, умозаключения и разглагольствования и через них пытается обнаружить справедливое и полезное. Плотскими же именуется те, кто побежден плотскими страстями; таковыми являются все законопреступники, нечистые, плененные похотями.

Человек есть образ и подобие Божье, хотя образом и подобием Бога он является только в возможности, ибо должен еще научиться действовать подобно Богу. Совершенствуя вверенное ему богатство, он должен вместе с тем совершенствоваться сам, то есть воспитывать свою душу, чтобы она достигла настоящего и совершенного богоподобия. Как существо незавершенное, несовершенное, человек получает свою завершенность, свое завершение (которого не было у него даже в первозданном, безгреховном состоянии) в подражании примеру Иисуса Христа. Это действие называется обожением, при котором всякое Божественное действие соединится с человеческим. Само обожение, образцом которого является Иисус Христос, обоживший человеческую природу изнутри, не просто возвращение к состоянию первозданного Адама, это достижение состояния, к которому Адам был предназначен и которого не смог достичь собственными силами.

Ум как главенствующий орган человека

Хотя душа человека, будучи образом Божиим, тройственна, то есть состоит из ума, разума и духа, тем не менее, только ум в самом общем смысле может быть отождествлен с нею[68], иначе говоря, будучи одной из сил души, ум представляет всю душу целиком[69]. В то же время умом может называться самая сущность души, то есть сердце[70]. Именно в сердце человеку открывается Бог и только сердцем человек способен познать Его[71].

---

[68] См.: митрополит Иерофей Влахос. Православная психотерапия. – Сергиев Посад, 2006. – С. 119.

[69] Там же.

[70] Там же. – С. 120.

[71] Там же. – С. 121.

Будучи деятельностью, состоящей в мыслях и разумениях, ум может быть назван глазом души, то есть производящей силой, и именно такую силу Священное Писание называет сердцем[72]. Ум есть единственная способность (или сила), которая, проявляясь в каждом из чувств, постигает сущее. Ум есть мышление логическое, орган разума и воли, и тем он отличен от сердца – мышления интуитивного, мистического. Ум – это образ Божий, хотя он у человека и осквернен грехом[73], но в целом призван быть просвещающим и просвещаемым, что достигается путем очищения и последующего хранения от греха, которое делает ум, по словам преподобного Исихия пресвитера Иерусалимского, «светородным, молниеродным, светоиспускательным и огненосным»[74]. Ум не придан какой–либо определенной части тела, он в равной степени касается всего состава человека. Так, через глаза он созерцает являемое, через слух понимает глаголаемое, через обоняние и осязание он употребляет приятное и отвращается от того, в чем нет удовольствия; использует руку для чего пожелает. Таким образом, устроенные по природе для чувства члены человеческого тела различны, но действующий, движущий и использующий их по мере надобности ум един. Поскольку же ум, как орудие постижения, присущ соответственно каждому из чувств, то он имеет природу, совершенно отличную от чувственной. Он – прост, но его природа, сотворенная по образу Создателя, ускользает от познания. Известно лишь, что он – точное подобие Божественного и своей собственной неведомостью являет отличительную черту своей неприступной природы.

Ум, разум (noūs), собственно, тоже является органом духа, а значит, если дух есть первоначальный источник и высшее основание нравственной жизни по вере, то и ум, который является областью теоретического отвлеченного, нравственно–деятельностного познания, есть способность осознания заложенных в душе вероисповедных и нравственных оснований.

Ум есть бестелесное орудие постижения, обнаруживающее свое движение через примышление, изобретение и выдумку. Он – изобретатель всяческой мысли, однако, напрямую показать душе стремления разумений он не может, ибо душа воспринимает что–либо только с помощью телесных чувств, делает через звуки явными сокровенные мысли. Энергией ума является мысль[75], которая, в свою очередь, подразделяется на помыслы и собственно мысли[76]. Тончайшим проявлением мысли выступает внимание[77]. Умственная энергия не заключается ни в сердце, ни в мозге, в оболочке которого имеют свое основание чувственные способности. Будучи распространенным по всему телу и соприкасаясь с каждым его членом, ум,

---

72 Там же. – С. 159.

73 Там же. – С. 38.

74 См.: Добротолюбие. Т. 2. – С. 195.

75 митрополит Иерофей Влахос. Православная психотерапия. – Сергиев Посад, 2006. – С. 121.

76 Там же.

77 Там же. – С. 122.

соответственно своим собственным энергиям, делает в членах, обычно пребывающих в своем естественном состоянии, то, что им свойственно, а в бездействующих и немощных членах тела его искусное движение пребывает, соответственно, бездейственным и бездеятельным, ибо присваивается он только к тому, что пребывает в своем естественном состоянии.

Созданный по образу Божественного, ум, пока он причастует подобию первообраза, вмещает Божественное и пребывает в Нем настолько, насколько может, но, оказавшись вне подобия, лишается красоты, в которой доселе пребывал. Украшаясь подобием красоты Первообраза, он, в свою очередь, украшает собою управляемую им природу. Но если это благородное сродство расторгнуто и превосходящее начинает следовать низменному, то само вещество, уже отступившее от природы, обнаруживает собственное безобразие, ибо само по себе оно безвидно и неустроенно и его неустроенностью и безобразием портится красота природы, то есть происходит передача уродства вещества через природу самому уму. Таким образом, черты создания лишаются образа Божьего. Подобный зеркалу, ум тогда создает образы оборотной стороны благого, отметая обнаружение сияния добра. И тогда возникает зло, которое осуществляется через незаметную убыль прекрасного.

В человеке как целом ум управляется Богом, а умом управляется наша телесная жизнь, когда она проходит в естественном состоянии. Когда тело отклоняется от естественных предназначений службы уму и духу, то оно и отчуждается и от умной энергии. Когда над умом природа тела начинает предводительствовать, она влечет и ощущение скорбного, и вожделение приятного, создавая стремление и побуждение к какому–либо наслаждению. Ум же в таких случаях собственной своей сообразительностью изыскивает средство к тому, чего страстно желает тело. Так происходит с людьми, чей разум находится в порабощенном стремлениями естестве. У совершенных же ум предводительствует, избирая только то, что полезно разуму и отсекая страсти.

И наконец, ум полностью родственен Божественной природе, и поэтому он непознаваем. Ум – средоточие духовной, а не рассудочной жизни человека, в православном душеведении противостоит рассудку (logismos, phronesis). Собственно, умом определяется общее состояние человека, ибо именно ум доставляет пищу для души[78]. Он обладает сущностью и энергией и своей сущностью пребывает в сердце, а энергией в помыслах, с помощью которых покидает тело и приобретает представление о вещах[79]. Будучи созданным по образу Божьему, ум есть свет[80]. И потому определенные люди, у которых ум пребывает в естественном, а не падшем состо-

---

[78] См.: митрополит Иерофей Влахос. Православная психотерапия. – Сергиев Посад, 2006. – С. 127.

[79] Там же. – С. 129.

[80] Там же. – С. 150.

янии, могут созерцать свет своего ума, особенно в час молитвы[81]. Это и есть просвещение от Бога, истинное просвещение. Этот свет ума есть умная красота человека.

И этот свет превышает свет всякого опытного знания, а потому может быть наименован мраком, мраком отвлечения или совлечения. Но если, пребывая во мраке совлечения, ум испытывает своеобразные наслаждение и покой и, обратившись на самого себя, обнаруживает и ощущает некое подобие света, то это созерцание приближает ум к познанию непреходящего и делает человека обладателем нового познания, правда все еще отвлеченного и далекого от приобщения к Божественному бытию. Главное, чтобы это стояние во мраке совлечения, то есть на границе истинного Боговидения, не сделалось непроницаемой и крепкой стеной, которая отделяет от Бога сильнее, чем мрак восстания грубых страстей, мрак явных демонических наваждений или же мрак потери благодати и Богооставленности[82]. То, что человек обычно любит в себе самом и обожает, есть рассудок (logike), и именно он делается мраком совлечения и крепкой стеной, отделяющей от Бога сильнее страстей и прилогов. Что же касается собственно ума, разума, то он, освободившись от страстей, способен образовать с Богом единый дух[83]. Как образ Божий, ум обладает жизнью только тогда, когда соединяется с Богом, становясь мудрым и благим. Собственно это и есть жизнь ума[84].

Преобразование потребностей в аскетических практиках

Желанием разумной души и ее проявлением выступает воля, которая беспрепятственно направляется на все – и на добро, и на зло. Основным признаком воли является ее свобода. Таким образом, свобода воли есть разумное, независимое движение или направленность нашей души. Свобода ее заключена в выборе, который, в свою очередь, является нашей окончательной волей, следующей за обсуждением желаемого. Обсуждение же есть врожденное нам стремление останавливать свои мысли на всем, что подлежит нашим действиям. Свобода воли означает для человека возможность выбора собственной судьбы, возможность настолько неограниченную, что она может быть осуществлена вплоть до полного отделения от Бога и противопоставления своей воли воле Божьей.

Поскольку спасение и вечная жизнь достигаются каждым человеком только при непременном условии нравственного усовершенствования, то именно нравственное усовершенствование становится основной потребностью христианина. Оно же является целью любого аскетического подвига – ряда действий, в которых человек преодолевает собственную греховность и раскрывает себя как творения Бога. Однако само нравственное

---

81 Там же. – С. 150 - 151.

82 Там же. – С. 153.

83 Там же. – С. 154.

84 Там же. – С. 130.

усовершенствование не может быть естественным результатом беспрепятственного развития, постепенного раскрытия сил человека, ибо силы эти повреждены грехом, нравственной порчей, и поэтому не только недостаточно развиты в человеке, но и зачастую извращены или же обнаруживают склонность встать на этот превратный путь. Поэтому задача человека – не просто воспитать себя с помощью благодати, а всецело перевоспитать. Осуществление же такого перевоспитания осуществляется внутри человека через борение против греха с целью полного от него очищения, освобождения от постыдных страстей и приобретения тем самым высочайшей добродетели – очищение и освящение сердца. Жизнь настоящего христианина складывается из этих практик очищения, в результате которых его естественные потребности предстают в совершенно незнакомой форме. Чтобы понять этот момент, достаточно ознакомиться с литературным жанром агиографии. Всякое повествование о святых ни в коем случае не лишает их общечеловеческих потребностей. Они тоже едят, передвигаются, вступают в общение, выстраивают определенные отношения с телом, но все это протекает в некоторых чрезвычайных, не понятных миру простых людей формах. Приведем лишь некоторые примеры. Сирийская община восков, состоящая из взрослых здоровых мужчин, культивировала питание в буквальном смысле подножным кормом. Франциск Асисский, подобно другим людям, беседовал, но он не чурался и общения со зверями – существуют легенды, согласно которым Франциск проповедовал птицам, рыбам и наставлял волка. Все самые яркие примеры христианского опыта содержат в себе рецепты для чудесного перевоплощения потребностей человека.

Святые отцы Церкви утверждают, что добро, религиозно–нравственное совершенствование с целью достижения единения с Богом, вполне естественное для человека состояние, ибо оно соответствует самой идее его устроения и первоначального предназначения. Ведь человек, будучи не просто творением Всеблагого Бога, а Его «подобием», изначально отмечен чертами совершенства. Кроме того, человек имеет и вполне действительную способность к теснейшему мистическому единению с Богом. Не осуществляется же это единение только потому, что человек подвержен страстям, сообщающим ему ложное и превратное направление всей его жизнедеятельности.

Отсюда следует самое главное аскетическое правило – подвизаться против всякой страсти, пока не будет достигнута цель благочестия. Итак, бесстрастие служит началом и основанием добродетельной жизни – надо выйти из ветхого мира страстей и вступить в новый мир духа. Поэтому подавление, искоренение «страстей» составляет преимущественное содержание и непосредственную цель аскетического подвига. Все разнообразные подвиги, говорил основатель монашества св. Антоний Великий, имеют целью достижение здоровья души, освобождение ее от «страстей». «Страсти», таким образом, оказываются предметом самого внимательного, сознательного наблюдения подвижников–аскетов. Отсюда столь всесторон-

няя, широкая и глубокая разработка психологических данных, входящих в сам объем понятия «страсти». В качестве одного из главных источников так называемого «приражения» страстей или «помыслов» называется воздействие на человека чуждой ему, враждебной демонской силы. При этом, если обыденный человек, мирянин, может просто не заметить этого самого «приражения», то на высших ступенях религиозно–нравственного развития оно, пусть даже в виде простого позыва к свершению злого дела, сознается уже и чувствуется как величайшее страдание или же мученичество[85].

Святые отцы определяют всякую страсть как сильное и длительное желание, как сознательную потребность, проявившуюся вследствие прошлого опыта ее удовлетворения. Согласно преподобному Иоанну Дамаскину, страсть есть возбуждающее чувство, движение желательной способности, возникающее вследствие представления блага или зла[86]. Что же касается желания, то оно трехсоставно: это и неудовлетворенное стремление (стремление, сопровождаемое чувством угнетения), и представление предмета, способного удовлетворить это стремление, и чувство удовольствия, знакомое из прежних опытов удовлетворения возникшей склонности соответствующим предметом. Но необходимым условием происхождения, развития и укрепления страсти является «худое делание разума», главным элементом страсти является «помысел». Он, обладая определенной нравственной окраской и внутренним содержанием, заимствует свое качество от характера и содержания «страсти» и поэтому часто именуется вредным, дурным, злым, нечистым, плотским, постыдным, страстным. Собственно помысел является началом страсти и именно через помысел всякая страсть становится властелином порабощаемого ею человека. Но не всякий помысел зол, ибо сама сущность нравственного зла состоит как раз в том, что люди по собственной воле уклонились от должного помысла. Поскольку помыслы имеют свой источник в самом сердце человека, то они самым наглядным и убедительным образом свидетельствуют об его греховной испорченности, и, в то же время, главное отличие истинных христиан от прочих людей состоит в том, что они уже не волнуются и не рассеиваются непостоянными и суетными помыслами. Поэтому главная задача подвижнической жизни сводится к приобретению действительной способности владеть своим умом в помыслах. Сам ум является царем страстей именно потому и постольку, поскольку он служит устроителем и управителем чувств и помыслов.

Аскетические писания указывают на семь (иногда шесть) ступеней постепенного развития страсти в душе человека. Первой ступенью к появлению страсти у святых отцов называется «приражение» или «прилог». Это – представление какого-нибудь предмета или действия, соответству-

---

[85] См.: Зарин С. М. Аскетизм по православно–христианскому учению. – М.: Паломник, 1996. – С. 212 – 219.

[86] Там же. – С. 238.

ющего одной из порочных наклонностей природы человека, которое под влиянием внешних чувств или же вследствие своей связи с психологической работой памяти и воображения входит в область сознания человека. Появление в сознании человека такого рода впечатлений и представлений очень часто совершается помимо воли человека, вопреки его желанию, без всякого его свободного участия. Прилог является поводом к обнаружению той или иной настроенности души, доброй или злой ее качественной определенности. То или иное отношение к прилогу обнаруживается тотчас же после появления его в области сознания человека, и обнаруживается оно в виде того или иного отклика чувства по поводу возникшего впечатления или представления. Человек на вторгшееся в его сознание приражение отвечает ненавистью или любовью. Побуждаемое сочувствием внимание человека привлекается и как бы приковывается к помыслу, который в душе раскрывается в целый мечтательный образ, заполняя постепенно всю область сознания и вытесняя оттуда все иные впечатления и мысли. Человек позволяет своему вниманию медлить на помысле только потому, что переживает, испытывает благодаря этому чувство удовольствия, и тогда возникает вторая степень постепенного развития в душе страсти – сдружение или сочетание. Эта степень, как видно уже из названия, определяется такой тесной связью внимания с помыслом, таким исключительным преобладанием помысла в сознании, что для других предметов там просто не остается места. Чтобы порвать эту связь и освободить от нее свое сознание и тем самым прекратить испытываемое чувство наслаждения, необходимо отвлечение внимания напряжением воли, то есть твердая решимость человека оттолкнуться от изображения греха и более на нем не останавливаться и к нему не возвращаться. Если же этого не происходит, то наступает третья степень, на которой воля все более и более склоняется к помыслу, как бы соединяется с ним и образуется решимость осуществить то, о чем говорит помысел и удовольствие от чего он уже предвкушает. В этом случае равновесие духовной жизни уже окончательно нарушается и душа целиком отдается помыслу, стремится привести его в исполнение. Эта третья степень именуется склонением воли к предмету этого помысла, согласием ее и решимостью от приятных мечтаний перейти к деятельности с намерением их осуществления. Здесь уже сама воля целиком отдается помыслу, готова поступить в его распоряжение в качестве исполнительницы его мечтаний.

Эту третью степень святые отцы именуют еще «изъявлением согласия» на внушаемую помыслом страсть. Однако прежде чем состоится окончательное решение человека перейти к решимости, а иногда и после такого решения, все еще наблюдается и переживается внутренняя борьба между страстным влечением к известному предмету, с одной стороны, и противоположными добрыми влечениями и наклонностями своей природы, своим разумно–нравственным началом – с другой. И только, если в душе человека уже образовался «дурной навык» к помыслу, то есть гре-

ховная склонность так глубоко проникла в природу человека, что сделалась свойством, постоянным качеством его характера, привычной стихией его настроения, когда человек вследствие этого постоянно думает и мечтает о предмете страстного позыва, только тогда вполне и окончательно образуется страсть.

Из этого описания постепенного развития в человеке греха следует, что все без исключения страсти – и душевные, и так называемые телесные – имеют свое средоточие в душе. Поэтому аскетическое отношение к таким, казалось бы, телесным способностям, как питательная и половая, определяется, прежде всего, как отношение к явлениям, происходящим из душевной жизни. Следовательно, «телесные страсти» никоим образом не могут быть объяснены в своих главных особенностях из одних только обычных телесных потребностей, которые служат страстям только поводами: важнейшую роль в формировании страстей играет душа. Итогом этого становится так называемая противоестественность страстей.

Этим же определяются и способы борьбы со страстями – своеобразное удовлетворение потребностей. Поскольку нападение страсти двояко и осуществляется одновременно на тело и на душу, то и сопротивляться этому вторжению следует двояким образом. Победу в данном случае нельзя одержать без совместной борьбы тела и души. К примеру, одного телесного поста недостаточно для приобретения или же сохранения совершенной чистоты целомудрия, даже если он подкрепляется аскетическим употреблением телесного труда и рукоделия. Такому посту должно предшествовать сокрушение духа, его должны сопровождать постоянная молитва и продолжительное размышление об истинах Священного Писания, в свою очередь, соединенные с духовным разумением. Но, прежде всего, в основание поста должно быть положено истинное смирение. Именно оно является основным духовно–аскетическим средством. Поэтому человек, доселе принимавший вкусную и хорошо приготовленную пищу, нисколько не будет огорчен и не станет испытывать неприятного состояния при замене пищи на значительно худшую или при временном ее отсутствии.

В аскезе также уделяется большое внимание страстям чревоугодия и блуда, поскольку именно в них наиболее полно проявляется служение человека удовольствиям и именно они выступают свидетельством крайнего ослабления духовной жизни, «болезни развращенной воли»[87]. Таким образом, можно заключить, что именно в страстях человек извращает свои естественные потребности, превращая их в повод и источник самоуслаждения и самоугождения. Руководствуясь данным принципом грубого и извращенного самолюбия, человек искажает собственную природу. Поэтому только аскеза как путь истинного христианского воздержания позволяет человеку достичь освящения своего тела как храма Святого Духа и тем самым свершить приобщение к Царству Небесному.

---

[87] См.: там же. – С. 258 - 266.

Именно в этом акте осуществляется обожение человека, которое представляет собою высший смысл и назначение человеческой жизни.

Резюме

Христианское утверждение двойственной природы человека имеет своим следствием представление о двух видах потребностей, а это, в свою очередь, ставит вопрос об их соотношении. С точки зрения средневековой христианской антропологии, преимущественное внимание должно было уделяться душе как той составляющей, от совершенства которой зависело не просто спасение, а обожение человека. Поскольку исторически в Лице Иисуса Христа был дан образец совершенного человека, пребывающего в неслиянном и нераздельном единении с Божеством, то тем самым всему человечеству был представлен идеал совершенствования, в согласии с которым следует развивать свое естество. На пути такого совершенствования, которое очищение и возвышение потребностей, человеку следует преображать не только душу, но и тело, поскольку воскресение из мертвых и последующее определение судьбы на Страшном Суде будет осуществляться в теле. Тело претерпевает преображение в зависимости от степени совершенства души человека. Поскольку тело есть одежда души и именно в теле душа будет судима, то беречь его следует нисколько не меньше, чем душу, ибо только в чистом теле очищенная душа сможет достичь высшей цели христианского спасения – преображения в Божий храм, принятия в себя Бога, то есть обожения.

Вопросы для повторения и обсуждения материала:

1. Каково строение тела человека по учению Святых Отцов?
2. Согласно святоотеческой традиции, назовите восемь способностей, данных телу от природы. В чем заключается связь этих способностей с потребностями человека?
3. Каково, по учению Святых Отцов, строение человеческой души? Каким образом душа связана с телом?
4. Является ли, страсть, по учению Святых Отцов, естественной потребностью человека?
5. Почему аскеза оказывается средством усмирения страстей и какое влияние она оказывает на потребности человека?

Список рекомендуемой литературы:

Основная:

1. Аврелий Августин. Исповедь. – СПб.: Азбука, 2008.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб., 2007.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: У-Фактория, 2005.

Дополнительная:

1. Григорий Нисский. Об устроении человека. – СПб., 2000.
2. Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. – М., 1996.
3. митрополит Иерофей Влахос. Православная психотерапия. – Сергиев Посад, 2006.
4. Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. – М., 1995.

§4.5. Ренессансное переосмысление человека и его потребностей

Причины преобразования потребностей в эпоху Ренессанса

В эпоху Возрождения в Западной Европе, длившуюся в XIV–XVI вв. в Италии и до XVII в. в других европейских странах, происходят радикальные изменения во взглядах на человека, на его потребности и интересы. Формирование новых взглядов на человека было обусловлено кризисом прежней системы феодальных общественных отношений и зарождением новых, капиталистических, форм социального бытия.

Преобразование характера человеческих потребностей, прежде всего, обусловили специфика производственного процесса и географический прорыв этой эпохи. В новую эпоху еще не получило развития промышленное разделение труда, не произошла его стандартизация. В этих условиях еще не прибыль, а человек и его потребности определяют цель развития производства, работа требует творческого развития индивида.

Великие географические открытия существенно повлияли на расширение круга человеческих потребностей. Они стимулировали интерес человека к проникновению в тайны природы, открытия в естествознании, математических науках и технике.

Также в эпоху Возрождения отчетливо проявилась потребность в обращении к первоисточникам знания, в восстановлении во многом утраченных в средние века связей с культурным наследием античности. Овладение античным наследием способствовало развитию ренессансной культуры.

Новые потребности жизни породили новое мировоззрение, систему новых ценностей и идеалов. В эпоху Возрождения в городах культивировались такие новые ценности как активность и предприимчивость, равенство полноправных граждан, их свобода, деловой рационализм, широта кругозора и образованность, высокий уровень профессиональных знаний.

Гуманистическое осмысление человека и его потребностей

Отличительным философско-эстетическим явлением эпохи Возрождения стал гуманизм. Гуманизм противостоял духовному господству церкви, выступал против феодальных привилегий, носил светский характер, от-

стаивал новый, кардинально отличный от средневекового, взгляд на человека и его место в мире. В противовес церковному аскетизму средневековья новая гуманистическая этика провозгласила право на естественные потребности и предпринимательскую деятельность. В новых условиях стал формироваться идеал свободной, гармонической, всесторонне развитой творческой личности.

Характерной чертой нового мировоззрения стал антропоцентризм. Центром мироздания был объявлен человек, понимаемый отныне как наиболее совершенное творение природы. Вместо традиционного принижения человека он объявляется высшей ценностью. Антропоцентризм утверждал величие человека, высокое предназначение в мире, силу его разума и воли. Он потребовал ценить человека не по сословной принадлежности или размерам состояния, а по личным заслугам и достоинствам.

Идейные истоки взглядов гуманистов на человека, на его потребности восходят к античному наследию. У классического греческого философа Аристотеля они открывают близкое им понимание человека как единства души и тела, признание необходимости удовлетворять его телесные потребности. Благодаря мыслителям Возрождения было восстановлено учение эллинстистического мыслителя Эпикура, отвергнутое средневековьем. В его учении их внимание привлекло гармоническое понимание человека, природное обоснование его человеческих потребностей, оправдание его чувственной природы.

Открытие человека в эпоху Возрождения связано с именем итальянского поэта и мыслителя Франческо Петрарки. Не случайно его называют первым гуманистом. Петрарка предложил новую ориентацию на человека и поднял значение гуманитарных наук, изучающих его. В творчестве Петрарки обозначился решительный поворот от аскетических идеалов средневековья к новым идеалам, утверждающим высокую ценность творческих сил и способностей человека. Потребность воспеть красоту земной женщины, облагораживающую силу любви к ней получила воплощение в его лирической поэзии. Человеческие потребности многообразны. Как отмечал Петрарка, из всех живых существ человек имеет более всего нужд. Многообразие потребностей человека он связывал с природой человека, бренностью человеческого тела. По словам Петрарки, человек рождается с плачем, он хрупок телом, осаждаем болезнями, неспокоен душой, подвержен страстям, не способен обуздывать свои вожделения.

Однако потребности человека не ограничиваются естественными потребностями. Для Петрарки помнить себя – это значит помнить о божественном начале в себе. Если человек подчиняется страстям, природным побуждениям, то он забывает божественное в себе. Однако Петрарка не призывает освободиться от естественных потребностей. По его словам, чтобы ни в чем не нуждаться, человек должен был бы стряхнуть с себя человеческое естество и стать Богом. Стремление Петрарки позитивно оце-

нивать естественные потребности человека знаменовало отход от средневековой традиции.

К числу самых ярких представителей гуманизма XV века относится флорентийский мыслитель-неоплатоник Лоренцо Валла. Согласно его взглядам, все богатство материальных и духовных благ должно служить человеку, удовлетворению его разносторонних потребностей и приносить, в конечном счете, радость и счастье в земной жизни. Основой этической концепции Валла стали идеи Эпикура, его теория наслаждения, получившая у гуманиста резкую антиаскетическую направленность. В этике Валлы наслаждение отождествляется с высшим благом, счастьем, а также с пользой. Интересы человека вынуждают его порой совершать зло. Валла не оправдывает зло. Зло приносит страдания также и тому, кто его совершает. Итак, согласно Валла, интересы и потребности человека следует учитывать при понимании нравственности. Вопреки официальной церковной морали он стремился оправдать природные потребности человека.

Последовательно гуманистическое учение о человеке, о его потребностях создал поистине энциклопедическая личность итальянский гуманист Леон Батиста Альберти. Основное предназначение человека он видел в творчестве. Альберти утверждал, что потребностям личности, семьи, общества должна соответствовать вся жизненная среда человека. В трактате «О зодчестве» он рисует идеальный город, в котором условия жизни отвечают потребностям человека, способствуют достижению социальной гармонии.

Рассматривая мироздание как гармоническое единство материальных и духовных начал, гуманисты утверждали единство материальных и духовных потребностей человека. Тем самым их позиция принципиально отличалась от традиционного подчеркивания непримиримого противоречия между ними. Развитие человека отличает рост потребностей, характеризующийся их возвышением. По словам Альберти, животные довольствуются тем, что им предписано. Человек же, не довольствуясь столь огромным пространством земли, хочет бороздить море и выйти за пределы мира. Вместе с тем человек должен соразмерять свои потребности с возможностями природы. По утверждению Альберти, выход человека за границы предписанного, за рамки природы наносит ему вред. Человек наделен разумом. Именно это обеспечивает разумное, то есть умеренное, удовлетворение наших потребностей. Если человека лишить разума, отмечал Альберти, он в своих чувственных желаниях и наслаждениях будет стремиться не к удовлетворению своей природы, а доходить до пресыщения и отвращения, преступать границы естественных желаний, границы своей природы.

К числу потребностей человека относится потребность в удовольствиях. В связи с этим флорентийский неоплатоник Марселио Фичино обращает внимание на удовольствия, восполняющие богатство духовной жизни человека. По словам Фичино, удовольствия отличают человека от

животного, которое находится под властью природы и заботится только о своих телесных нуждах. Человек же проявляет еще заботу об усладе своих чувств, словно некоей пищи для фантазии, когда душа как бы в шутку питает ежедневно мысль разными забавами.

Идея о безграничных возможностях и потребностях человека нашла выражение в работе «Речи о достоинстве человека» флорентийского неоплатоника Пика делла Мирандолы. По его мнению, в отличие от прочих творений, граница которых определена в границах установленных Богом законов, человек не стеснен никакими ограничениями. По словам мыслителя, человеку «дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кто хочет».

Вместе с тем не все люди проявляют разумную сдержанность в удовлетворении своих потребностей. Хотя образ человека, по мнению гуманистов, изначально совершенен, поскольку наделен Богом или природой совокупностью необходимых свойств, существуют люди, которые не знают разумной сдержанности в удовлетворении своих потребностей. В своем стремлении к наслаждению они превышают свои природные потребности. При этом человек становится хуже животного, поскольку животное действует инстинктивно и не выходит за пределы своих естественных потребностей.

Гуманисты выступали за разумное удовлетворение естественных потребностей человека. Они считали, что человек должен получать наслаждение, проистекающее от сдержанности в питании и в тех вещах, которых требует человеческая природа. Таким образом, они выступали, с одной стороны, против защитников аскетических принципов, а с другой – против тех современников, кто понимал наслаждение как неумеренное плотское удовольствие. Гуманисты считали, что одной из важнейших потребностей человека является забота о своем здоровье. Согласно их взглядам, для здоровья полезны ежедневные физические упражнения. Продолжительному сохранению здоровья способствуют умеренность и сдержанность в питании, причем простая пища, по их мнению, – самая полезная. Наконец, на здоровье оказывает влияние и место жительства. По их мнению, оно должно быть красивым и живописным.

Гуманисты Позднего Возрождения отличаются от предшественников по характеру и способу обсуждения проблемы потребностей человека. В этот период проблема потребностей рассматривается на фоне реальной действительности. В период Позднего Возрождения в условиях острых классовых столкновений наступает кризис ренессансного гуманизма. Происходит разрушение оптимистической веры гуманистов в то, что возникающее новое общество благоприятно для свободного развития человека.

Принципиально новый подход к человеку, к вопросу о его потребностях сформулировал итальянский политический мыслитель Н. Макиавелли. В отличие от предшественников он исходит из потребностей реального, а не абстрактного человека. Рассматривая причины возникновения

потребностей, он отмечает, что люди стремятся, прежде всего, к богатству и славе. Так как желание приобрести всегда больше соответствующей возможности, то следствием оказывается неудовлетворенность тем, чем они владеют и недовольство собственным состоянием. Макиавелли считал политическую борьбу и материальный интерес главной движущей силой общественного развития. Считая государство высшей ценностью в обществе, Макиавелли утверждал абсолютный приоритет общественных потребностей над личными.

Резюме

Идейной основой эпохи Возрождения выступили интуиция тотального обновления жизни, создания vita nova («новой жизни»), предоставляющей условия раскрытия божественной сущности человека уже при его земном существовании. Именно вокруг идеи прижизненного обожествления человека, его приближения к Абсолюту вращались все гуманистические доктрины этой эпохи. В их границах человек признавался излюбленным божественным животным, а цель его существования осмыслялась как реализация присущей ему божественной сущности. Эта теоретическая перспектива мотивировала конкретно-историческое преобразование потребностей. Осознание божественной, то есть ни чем не ограниченной природы человека привело к выделению в качестве фундаментальной потребности в многостороннем развитии. Только за энциклопедически осведомленной и владеющей самыми разнообразными творческими навыками личностью признавалась подлинная реализация основной цели человеческого существования. Осмысление возможности прижизненного обожествления человека приводит также к доминированию в структуре человеческих потребностей этого периода потребности в досуге. Кроме того, получает колоссальное развитие потребность в эстетизации жизни: поиск и созидание красоты захватывает все сферы повседневности.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала:

1. Чем было обусловлено радикальное изменение представлений о потребностях человека в эпоху Возрождения?
2. Какое влияние оказали потребности, возникшие в эпоху Возрождения, на складывающуюся систему ценностей и идеалов?
3. Раскройте основные положения осмысления Ф. Петрарки многообразия человеческих потребностей.
4. Раскройте на известных примерах возрожденческие учения о потребностях человека.
5. Каким образом итальянские гуманисты обосновывали необходимость для человека потребности проявлять заботу о своем здоровье?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

ОСНОВНАЯ:

1. Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения. – М., 2008.
2. Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. – М., 2004.
3. Ревякина Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. – Иваново, 2000.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Антология философии средних веков и эпохи Возрождения. – М., 2001.
2. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. – М., 1996.
3. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М., 2000.
4. Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма. – СПб., 2007.

§4.6. НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ НАУЧНОСТЬ: ОТКРЫТИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Отношение к потребностям в преддверии возникновения научности

Способ мысли, который характерен для той или иной эпохи существенно выражается в характере отправления потребностей. Отправление это в свою очередь воплощается в системе способов восприятия вещей и явлений и, соответственно, обращения с ними.

Мы знаем, что сегодня вместе с высоким уровнем развития научных технологий, мир перенаполнен разнообразными вещами на потребу и забаву. Наука с вещами накоротке. Но почему наука возникает только в определенный исторический момент? Отчего ей не было в места в предыдущих исторических периодах – например, в предшествующую эпоху Средневековья, в котором большая часть известных нам сегодня потребностей индивида уже заявила о себе в развернутом виде?

С одной стороны, бытует представление, что Средневековая религиозная мысль предоставляла негодную почву для познания и потребляющего освоения фактической действительности. Именно это считают причиной отсутствия в нем признаков развитого товарного производства. Здесь ссылаются на характерную для христианской мысли ценностную расстановку сущностей, образованную степенью их приближенности к Творцу. Согласно этой шкале, дольний (земной, тварный) мир находится в сомнительной ситуации по отношении к благодати Божией и потому, как не гарантированно спасенный, не содержит в себе истины. Все усилия постижения следовало концентрировать на вечном, которое становилось все прочнее и качественнее по мере приближения к божественному центру. Исходя из этого все существующие вещи делились на роды согласно степени присутствия «сущности» (божественной истины) в их существовании (представ-

ленности в бытии). Единственной вещью, в которой сущность абсолютно и полно совпадала с существованием, был сам Бог. Каждая же иная субстанция демонстрировала между ними разрыв, который становился все больше по мере удаления ее от центра божественной силы. Тем самым большая близость к божественному центру соответственно обеспечивала большую существенность тому или иному сущему.

Но необходимо сказать, что данную доктрину, в наиболее полном виде развитую Фомой Аквинским в XIII в., часто используют так, что она выходит за пределы своей истины. Порой подают дело так, как будто всякая мысль средневекового человека руководствовалась только ей одной – исходя из этого объясняют, почему эпоха Средневековья так и не смогла выработать научное мировоззрение и достичь связанного с ним промышленного роста. Для этого, как считают, средневековому познанию понадобилось бы слишком много времени уделить вещам низших уровней иерархии – материальности и материалу, орудиям и т.п. Но на самом деле, Средневековье вовсе не было местом, где отказывались от любого знания лишь по той причине, что оно поставляет сведения о предметах «неблагородного» происхождения. Напротив, многочисленные исторические свидетельства указывают на то, что мир представлял для средневекового человека объемное вместилище, в котором было на что опереться и к чему обратиться с вопросом. Запросы, которые он этому миру адресовывал, носили много более доверительный и откровенный характер, чем, скажем, сегодняшний стиль обращения с предметами, когда многочисленные правила и предостережения локализуют и сдерживают наше любопытство по отношению к окружающему. Для заинтересованности средневекового человека опору предоставляло символическое значение, которое полностью покрывало собой поле всего существующего и обеспечивало каждой вещи ее пригодность для бытия и определенное значение для человека.

Так, по мнению средневековой медицины грецкий орех пригоден для лечения болезней головы, потому что извилистая поверхность его половинок напоминает мозг. Маленькие черные «вороньи» ягоды в свою очередь годятся для улучшения зоркости, потому что похожи на зрачки. Чтобы попасть в реестр значимых и используемых объектов, вещи достаточно было напоминать какую-либо другую вещь, уже имеющую известное значение. Каждый новый объект приводил с собой целую последовательность других объектов, вещи были бесконечно чреваты друг другом. Ни в какую другую эпоху отношение к вещам не было столь беспечным, и связано это как раз с тем, что вещи мира в христианстве уже потеряли свою сакральную (священную) составляющую, поскольку вся сакральность сосредоточилась на небесах, в обиталище Бога. Тем самым земные вещи утратили ту потенциальную опасность, которой они обладали в мифологическую эпоху. Последняя характеризуется представлением о священной силе, присутствующей повсеместно и очерчивающей для себя зоны, в которые человеку лучше не вступать. Человек делит мир с богами или фантастическими

существами, которые имеют на пространство не меньше прав, чем он. Представление о земном обиталище, которое все целиком отведено под человека и для него, появляется лишь с учреждением христианства – ничего подобного человечество ранее не знало. Тот, кого сегодня зовут дикарем, лишний раз боялся сорвать растение, не сверившись поначалу с длинным списком священных и потому неприкосновенных для племени трав. Но человек христианского средневекового мира пользуется всем без разбору именно потому, что материальный мир («земной град») не является домом Бога, а потому, нет никакой опасности оскорбить святыню. Недолюбливаемая Богом материальность, которой он оказывает меньше внимания, тем самым оказывается безопасной для ее освоения и использования человеком. Этим, в том числе, вдохновляется активность первых средневековых специалистов.

Тем не менее, несмотря на возможность свободно хозяйничать в земном граде, ничего подобного научности в ее нынешнем смысле в представлениях средневекового христианина не возникало. Таким образом, мы видим, что идея научности образуется не из простой развернутости к «внешнему миру» – физическому, животному, человеческому. Ее источники должны лежать в чем-то другом.

Порой полагают, что существо самой научности объясняется возникновением новых требований к человеческой способности познания, которое должно измениться так, чтобы стать способным поставлять новые сведения о мире. При этом снова упускают, что причиной возникновения науки не могла стать сама по себе жажда любого нового знания. Мы видели, что средневековое познание демонстрировало готовность к формализации все новых и новых сведений. Но их количество ничего не могло изменить, хотя и стало под конец эпохи буквально гнетущим (исследователи указывают, что огромная масса книг и разнообразных справочников, выпущенных в те времена, привела к ситуации, когда только для того, чтобы сослаться в какой-либо мелочи на своего предшественника, алхимик или гомеопат невольно создавал новый трактат). Но чтобы возникла наука в ее современном смысле, нужно было что-то еще – нечто такое, что заявило бы о себе как о реальности нового типа.

Этой реальностью стало поначалу не то, что мы сегодня зовем «реальностью» как объектом нашей перцептивной адресации – физической, материальной и тому подобной – но то, что обнаружил в качестве опоры в себе субъект, став таковым. Наука не образуется посредством «систематизации» набора методов постижения, но формируется из того нового способа, каким стал себя воспринимать индивид, с наступлением Нового времени узнавший себя как «субъекта» и тем самым получивший первый опыт очевидности как совпадения знания с познаваемым.

Научное познание, как регистрация эмпирических очевидностей, не может начаться раньше, чем субъект окажется в некоторых отношениях с очевидностью своей собственной. Именно тогда происходит масштабное

изменение в сфере его потребностей, которое приведет к формированию капиталистического производства. Но прежде чем перейти к нему, необходимо рассмотреть саму потребность в достоверности и очевидности, которая и стала основанием для формирования новоевропейского субъекта.

Субъект как продукт потребности в достоверности

Принято автоматически мыслить науку, как новую ситуацию современного индивида и тем самым отождествлять ее с модерном в качестве одного из его имен. Часто можно услышать суждение о том, что индивид после длительной средневековой фиксации на «божественном» через гуманизм эпохи Возрождения наконец-таки обращается к тому, что составляет его материальное окружение. Но наука не появляется из простого атеистического разворота к «земному» – в самом этом развороте еще нет ничего, что могло бы обеспечить возникновение такого нового мировоззрения как научное. Необходимо отчетливо увидеть, что если современность является тем, в отношении чего субъект Нового времени сам себя определил, то наука, напротив, является чем-то определенным уже в отношении самого субъекта. Это означает, что исток научности необходимо искать не в фигурах историчности, но в самой субъектности как особой конфигурации человеческого сущего.

Необходимо снова вспомнить учреждающее заявление Декарта о том, что субъект начинается с мысли о себе как о «достоверно существующем я». Декарт замечает что «Я» характеризуется тем, что всегда способно увидеть само себя – что «Я», говоря иначе, для субъекта реально. Чтобы понять, что именно было вызнано из этого открытия, необходимо сначала оценить масштаб тех сведений, которое из декартова постулата никак нельзя, напротив, извлечь. Так, примечательно, что из акта своего существования в качестве «я» субъект не узнает о себе ничего нового – ни о своих особых, доселе неведомых ему возможностях, ни своего «предназначения» – ничего из того, что было бы ценным для человека традиционного сообщества. Но субъект получает взамен нечто еще более уникально и ценное – свое «я» в раскрытости его данности.

Не следует поспешно решать, будто человек, таким образом, впервые узнал «себя самое» – Декарту не было ни малейшего дела до человеческой природной или «психологической», как сегодня говорят, сущности – до всего того, на что она способна или годна. Напротив, прием усмотрения себя как «чистого Я» освободил человека от всего, что ранее именовалось самопознанием или самопостижением, применяемым с целями морального самосовершенствования. То, что Декартом предъявлено – это некий факт, наблюдаемый и фиксируемый ближайшим образом. Факт гласит: «Я – это я». Мы определяем его научным словом «факт» – он является фактом лишь поскольку, как и полагается фактам, не носит никакого поучительного значения и стерилен в отношении разного рода «жизненных смыслов» и «ценностей». Но пока здесь мы все еще не дошли до возможности научно-

го мировоззрения. Так, если «я» и является тем, что полностью видит себя в каждый момент присутствующим, то из этого еще нельзя ничего произвести. Субъект – это тот, кто ясно и полно видит то, что (он) есть «я». «Я» удостоверено как то, что и вправду существует. Это факт, но не такой, чтобы из него что-то можно было извлечь что-то похожее на «научное знание» в его известном для нас виде. Чтобы быть способным что-то с этим поделать, необходимо удержать из операции самоусматривающего «я» что-то еще.

Что, по сути, Декартом было сделано, так это открытие самой по себе очевидности, в которой дано себе самому человеческое сущее. Первым и основывающим признаком этой очевидности является ее самотождественность – она всегда неизменно предъявляет одно и то же. Каждый способен посмотреть на себя так, чтобы обнаружить все то же самое «я». «Я» оказывается некоей вещью с особенным статусом – она всегда обнаруживается «на том же месте», подставляя себя рефлексивному (самоусматривающему) взгляду. Собственное «я» достаточно только запросить, как оно тут же предстанет перед вопрошающим о себе (а, значит, о нем) субъектом. При этом «я» никогда не страдает от злоупотребления им – иначе говоря, не подвержено амортизации: оно не разрушается и не истирается от постоянного умозрительного использования. «Я» всегда равняется себе самому, его назначением является бытие одним и тем же.

Не следует недооценивать это картезианское открытие – необходимо указать на то (и мы уже затронули этот момент), что ничего подобного раньше в человеческой реальности не было. Как мы увидели, в досубъектном сознании – например, сознании человека эпохи Средневековья и Возрождения – ни одна вещь не является себе тождественной, но всегда отсылает к какой-то иной: грецкий орех к мозгу, глаз к вороньей ягоде. Даже бог был символом для сущих разного рода – блага, абсолютного могущества и тому подобных вещей, которые на самого Бога не похожи. Заключение Декарта дает уникальную возможность появиться в мире чему-то такому, что не имеет ничего себе подобного (ясно, что нелепостью будет говорить, будто "я" на что-то похоже или с чем-то может быть сличено).

Именно самоочевидность, не предполагающая никаких посторонних образцов для сличения и удостоверения, и стала поистине новым приобретением, открывшим возможности доверительного обращения с очевидностью как таковой. Обещание Декарта, ставшее пророчеством и обещанием нового мышления – «никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью» – по сути, означает отказ принимать во внимание что бы то ни было, помимо очевидности.

Что, по сути, является сырьевым ресурсом научного познания? Он происходит из источника самой очевидности - из того, что вещи принимают некое расположение относительно друг друга, которое удерживается как данность самого этого расположения – это и есть «факт» по сути. Вещи как те или иные объекты подвержены порче, разрушению и исчезновению.

Но очевидность, с которой они являют свое соотношение, неистощима и воспроизводима до бесконечности – она сохраняется в качестве того, что не может быть истерто, истрачено. Именно этим не обладал средневековый специалист. Характерные для его ментальности суждения в духе: «только чистый душой получит золото посредством философского камня» или «только при определенном настрое духа корневище аира подействует на густоту крови» выражают не незнание или неготовность воспринять «научный закон» в его строгости, но недоверие к неистощимости достоверности как таковой. Достоверность подвержена капризам, зависима от интриг постороннего (часто потустороннего) для объекта эксперимента. Для индивида, инициированного досубъектным образом, однажды имевшая место очевидность не гарантирует воспроизводство очевидности точно такого же типа.

Потому, мы можем сделать вывод, что именно достижение достоверности как уверенности в гарантированном присутствии любой вещи стала основанием для изменения системы всех потребностей индивида.

Универсальный субъект и открытие общего горизонта потребностей

Существование в присутствии удерживаемого перед субъектом плана очевидности причинило невероятные по степени изменения в способе человеческого бытия. Сегодня, когда научный взгляд стал общей формой видения каждого цивилизованного человека, мы уже не можем представить себе возможность какого бы то ни было иного усмотрения. Появилась плоская панель информации, которую мы не видим, поскольку она стала для нас естественным носителем нашего сознания. Все вещи постоянно находятся в открытом доступе, мы одинаково легко «представляем» себе, если в этом есть необходимость, атомное устройство вещества, эволюцию видов, черные дыры, «большой взрыв», формирование ребенка в утробе. Примечательно, что не имеет никакого значения степень нашей научной посвященности – само понятие «посвящения» как элитарной осведомленности – например, жреца или теолога – теряет свой смысл. Когда сегодня публицистически говорят о научных тайнах или загадках природы, не учитывают, что сами подобные выражения употребляются иным, отличным от их донаучного смысла образом. В науке нет и не может быть никаких тайн в архаическом значении этого слова. Тайна – это не просто нечто неизвестное или малоизученное, но то, что подразумевает существование дополнительного плана, к которому нет доступа из плана наличного усмотрения. Тайна размещается на ином уровне, который нельзя достичь перемещением на том уровне, что уже задан.

Итак, в мире, увидевшем себя посредством науки, тайн больше нет. Их нет не потому, что мы при помощи науки уже обо всем знаем или узнаем немного погодя, но потому, что все научное знание, вообще любое знание как таковое располагается на одной-единственной поверхности. Этой

поверхностью является сама очевидность как универсальный носитель всего, чем набито бытие современного субъекта. Все представления хранятся на ней так, что к ним постоянно имеется доступ – мы можем не думать все время о молекулярном строении окружающих нас вещей, но оно постоянно нас сопровождает в качестве достоверности, гарантированность которой не зависит от того, как часто мы ее запрашиваем. Хотя сама по себе составленность из молекул не является очевидной как открытой физическому зрению, но она постоянно раскрыта как уже дарованная данность, не нуждающаяся в специальном и весомом подтверждении с нашей стороны. Очевидность выступает как потенция постоянной и одновременной доступности всего сущего. Субъект оказывается обладателем постоянно открытого горизонта всего сущего.

Какое это имеет значение для формирования новой системы потребностей? Связь здесь очевидна. Если субъект существует в мире, где все равнодоступно и потенциально известно, то все блага, которыми можно пользоваться, также оказываются (или должны быть) равнодоступны. Субъект больше не зависит от божественной воли, которая располагает полезные вещи так, что до некоторых трудно, а то и вовсе невозможно добраться. Поскольку для науки больше нет тайн, то значит в мире науки нет недоступных объектов, ведь «тайна» – это и есть какой-либо недоступный объект: например, чаша Грааля. Средневековый человек не представлял себе что это такое и, как правило, даже не мечтал ее обрести, тем не менее полагая, что в ней заключено все благо мира. *Но в мире научных открытий никаких недоступных и неведомых благ больше нет – все они попадают в человеческое распоряжение. Все «хорошие вещи», удовлетворяющие потребности, максимально приближаются к субъекту и располагаются перед ним на одном уровне.*

Чтобы понять это новое расположение полезной вещи и субъекта, имеет смысл проанализировать сам по себе тот способ, которым мы вплоть до сегодняшнего дня видим мир. Само научное слово «мировоззрение», которым мы сегодня свободно пользуемся, демонстрирует этот новый порядок. «Иметь мировоззрение», иметь «картину мира» – и означает «видеть мир целиком», а также знать, для чего этот мир нужен. Это план очевидности включает в себя представление о чем угодно так, что любое предстает перед нами в одном и том же формате. Мы, например, говорим: «В мире есть *такая вещь* как (слесарные инструменты, космос, детство, искусство, порядок, проблемы и т.п.). Не имеет значения, что мы приводим существительные разных видов – одни из них являются вещами, другие – абстракциями, третьи – категориями. Но основным здесь является не то, о чем говорят, но словосочетание «есть такая вещь». Не имеет значения, насколько эта вещь специфична и, возможно, не всем понятна. В мире потребностей современного субъекта все наделяется способностью к потенциальному удовлетворению: государство больше не является представительством бога на земле, но зато служит удовлетворению потребностей его

граждан; философия также становится «годной» на что-то, даже в религии находят какую-то пользу (удовлетворение потребности в вере, удержание народа в моральной узде и т.п.). Все на что-нибудь сгодится, нет ничего ненужного или лишнего.

То, что мы считаем присутствие науки само собой разумеющимся (равно как и присутствие массы других известных нам вещей – в том числе и таких как религия, экология или большой спорт) является следствием незаметной работы самого научного представления. Представление о науке является последствием того способа, которым наука расставила для нас мирское обустройство.

Древние, когда хотели нечто познать, обращались к звездному небу, которое прочитывалось особым, символическим образом – каждому изменению на нем приписывалось свое особое значение, таинственным образом оказывающее влияние на происходящее в мире. Весь небосвод был разом открыт взору, но древний человек *не видел* его таким образом. Напротив, за любым созвездием скрывались тайны различного рода – каждая звезда, вставая в уникальное, постоянно меняющееся положение по отношению к другим, создавала изменения в судьбах богов или людей. Для архаического человека не было «звездного неба» как такового, хотя он должен был, как нам сегодня кажется, «видеть» его физическим взором.

Но сегодня наше положение изменилось: перед нами незаметно развернулся новый небосклон, который, в отличие от прежнего, мы «не видим», но который представляет видимыми все нанесенные на него объекты – любые явления нашего мира. Мы мыслим «явлениями», «вещами» и не замечаем уникальности этой немыслимой никогда прежде в истории человечества ситуации. Мы спокойно можем сегодня сказать – «есть такая штука, как мысль», и нас совершенно не смущает, что высказывание по сути «неправильно», что мысль не вещь и тем более не «штука». Формально зная и учитывая все это, мы все равно мыслим обо всем как о «вещах», понимая под вещью не нечто физически плотное, но что-то, обладающее умозрительной конкретностью и снабженное известной пользой. Представление о «пользе» как потенциальной способности удовлетворения потребности неизбежно прикрепляется к вещам и явлениям мира, когда сам «мир» становится объектом и площадкой научной мысли.

Для сравнения нынешнего умосостояния субъекта с индивидом, не обладавшим универсальным способом подступания к «вещам мира», можно указать на ситуацию, в которой оказывалась мысль в более ранних сообществах. Так, Платон описывает как древнегреческий философ Сократ и его друзья пытаются выяснить истину любви. Но рассуждение их затруднено – им никак не удается найти приемлемый способ выражения, чтобы заговорить о любви, сделав ее «темой» беседы. Не в том дело, что, как обычно полагают, древнегреческая культура не имела определенного «понятия» о любви – здесь часто ссылаются на наличие в древнегреческом языке множества разных слов для обозначения любви в зависимости от ее

силы или от избранного объекта. Даже договорившись об одном определенном обозначении, как это произошло в платоновском тексте, для древнего мыслителя о любви все равно было трудно говорить именно потому, что она не «вещь», не «объект» – древние диспутанты пытаются рассуждать о ней как о «состоянии» или особой «причастности». По поводу любви невозможно раскрутить рассуждение, именно потому, что любовь не «что-то», не «такое явление». Но для современного субъекта все является «чем-то», данным в своей конкретной очевидности. Древний грек, испытывая необходимость говорить о «любви», не способен был запросто выразиться напрямую – ему необходимо было найти путь, определенный способ выражения для высказывания, которое не могло отыскать себе опоры без адресации к «такой вот вещи». Но мы сегодня пробегаем этот путь моментально – любовь для нас это также некая вещь, «явление определенного рода», о которой можно судить и толковать в меру желания и способности к рассуждениям, как и о любых других «вещах». Именно поэтому мы можем сегодня говорить о том, что любовь является «важнейшей духовной *потребностью»* – для античного и даже средневекового человека такое суждение просто немыслимо.

Как мы сказали, все до единого вещи и явления, все «что» находятся на одной плоскости. Именно это нахождение составляет существо того, что понимают под именем «здравого смысла» как основного способа пребывания субъекта со всем ему известным. Под «здравым смыслом» мы, как правило, туманно понимаем общую вменяемость, нашу соответственность всему происходящему. Но в таком случае сама здравость не является одним и тем же для досубъектной и, напротив, уже субъектной формы бытия. Общий «здравый смысл» досубъектного индивида представлял собой согласие со временем и его чередом – все в свое время и всему его место. Время для традиционного индивида управляет вещами и доступом к ним – ребенок не родится сразу, а снега летом не бывает. В этом и заключается здравый смысл традиционного образца. Здравоосмысленность же субъекта Нового времени заключается в уверенности в одновременной доступности всего существующего – состояние для традиционного индивида совершенно безумное. Обладать здравым смыслом – значит мочь сразу судить обо всем и иметь общее мнение как выражение мировоззрения.

Мы естественным образом полагаем, что нечто, называемое научным мировоззрением, приходит в свое, предназначенное для него время - тогда, когда «человечество» доходит до определенного «уровня развития». Рассуждая так, мы ставим свою мысль в парадоксальное положение, поскольку невольно мыслим науку образом, характерным для того традиционного мира, в котором науки не было. Этот мир как раз и видел происходящее в терминах приуготовления, рождения, вызревания – в этом мире все являлось в свое время и на свое предназначенное для него место. Но подобное видение делается негодным для научного способа обращения с бытием. Если для всякого сущего согласно им приходит и заканчивается «его

время», то у научного сознания нет ничего подобного – ему годно всякое время, наука сама выделяет для себя время, изучая природу и имея право не считаться с ее циклами. В следующем параграфе мы увидим, каким образом время современности – модерн – представляет собой масштабный временной срыв, в результате которого соскочили все прежние способы реализации историчности, и осталось лишь бдящее присутствие субъекта при собственном времени.

Тем самым оказывается пересечен последний рубеж и открывается путь к образованию однородного горизонта благ. Потребность и вопрос о ней заступает на место всех прочих способов мысли о вещах. Так появляется то, что мы называем «ценностью» и видим в качестве основной категории субъектного бытия в Новое время.

«Ценность» как мера и выражение потребности

Итак, мы увидели, что в Новое время после самооткрытия субъекта и становления научного мышления происходит формирование единой перспективы, в которой мир вещей и явлений открывается заново. Этот мир выпадает в то, что мы назвали «картиной мира», доступной мировоззрению, которое появляется именно в мире субъекта. В отличие от обычного мнения, которое полагает, что взгляд на мир и пользование миром – вещи разные, если не противоположные, необходимо понять, что само «мировоззрение» неразрывно связано с возможностью «иметь мир» как мир вещей и явлений. Иметь же, удерживать при себе можно только то, что предположительно связано с потенциальной пользой, что *имеет цену и меру цены*. То же, что имеет цену, называется «ценностью». Именно «ценность» становится воплощением отношения субъекта к миру – субъект говорит с ним на языке ценности.

Нельзя преуменьшать. Выше мы сказали, что в мире субъекта, вооруженного «научным мировоззрением» все становится чем-то, включая вещи самые абстрактные и как будто далекие от простой корысти. Напротив, именно тогда в привычку субъекта входит сохранившаяся до наших дней (в той мере, в которой мы все еще живем в эту эпоху) манера говорить о «высших ценностях», мысля под ними культуру, творчество, научно-исследовательскую инициативу и т.п. Таким образом, субъект нового капиталистического общества считает отнюдь не только деньги. Но в рамках ценностности всего сущего все начинает считаться так, *как будто* это деньги, как будто здесь положена количественная мера. Количественная же мера – это то, что всегда относится к вещи и к большему или меньшему благу, которое она несет.

Именно в этом смысле мы сказали, что в мире научного мировоззрения субъекта все выражается в эквиваленте «что-то» – иначе говоря, все делается «вещью» как ценностью. Ценностью становится даже бог – для тех, кто в него еще верит. Но именно это его и «убивает», поскольку очевидно, что бог лишь постольку может быть богом, поскольку он не являет-

ся «ценностью» – пусть даже, как здесь говорят, ценностью «наивысшей». Став ценностью, «еще-одной» вещью, бог попадает в общий ряд существующего – в тот самый ряд, из которого ранее в средневековой мысли он выпадал. Не безверие, как обычно полагают, не атеизм, но сама вера в мире ценностей становится ядовитой и убийственной для бога в той самой мере, в которой эта вера не может видеть его иначе как ценность – сколь угодно бесконечную, но ценность.

Итак, именно ценность представляет собой формат, в котором выражается и заявляют о себе потребности новоевропейского субъекта. В той мере, в которой ценность становится единственным ориентиром субъектной потребности, она является в отношении этой потребности сразу *и объектом и причиной*. Происходит нечто сродни короткому замыканию, которое устраивает ценность. Именно ценность замыкает мир, закругляет горизонт мыслимого. Очевидно, именно в таком замкнутом мире, в котором все уже находится в наличии и в определенности меры, и становится возможным быстрое развитие научно-технической и промышленной сферы. Они затребуются, потому что именно в них создаются условия для того, чтобы зримо воплощать и реализовывать ценностную установку. Последняя выражает способность иметь дело с миром и быть в состоянии правильно понимать смысл ценности, храня ее меру. Сохранять же меру ценного – значит постоянно воспроизводить ее, потому что реализация потребности, утилизация пользы истрачивает вещь. Но воспроизведение и есть умножение – то самое, которое становится основой капиталистического накопления, выстроившего облик современного нам мира. Субъект капиталистического общества – это тот, кто возделывает вещи и умножает меру. Именно этот процесс привел в итоге к *стандартизации потребностей,* основанной на предположении, что каждый субъект обладает определенным и общим для всех потребностным кругом, без которого его человеческое существование невозможно. Потребности образуют круг так же, как образует круг и горизонт единого мировоззрения субъекта, основанного на научной картине мира.

Именно *стандартизация становится причиной образования обширного, но в то же время строго дифференцированного списка потребностей*. Мы сегодня располагаем различными классификациями потребностей, их виды постоянно уточняются, каждая заботливо принимается во внимание. Но необходимо увидеть, что это положение – и наш неустанный интерес к феномену «потребности» и уверенность, что «потребность» является одной из центральных категорий бытия – само полностью является следствием возникновения субъекта и научного мышления.

Резюме

Возникновение науки в Новое время во многом зависимо от появления «субъекта», устроенного на достоверности себя самого. Эта достоверность открывает возможность научно-техническому прогрессу, основан-

ному на использовании «полезности» мира для человека и его потребностей. Результатом появления научного мировоззрения как взгляда на единый мир становится систематизация и стандартизация человеческих потребностей, и развитие тех сфер – рынок, промышленность, культура – в которых реализация этих потребностей может происходить.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ:

1. Какие специфические потребности возникают у новоевропейского субъекта?
2. Раскройте характер потребности в очевидности.
3. Как распространяющаяся в Новое время идея научности повлияла на отношение человека к собственным потребностям?
4. Что означает понятие «стандартизация потребностей»? Реконструируйте происхождение данного феномена из установки новоевропейской науки.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

ОСНОВНАЯ:

1. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Росспэн, 2006.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения. – СПб.: Наука, 2006.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. – М. 2000.
2. Фуко М. Слова и вещи. – СПб. 1994.
3. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. – М. 2001.

§4.7.САМОСОЗНАНИЕ И СПЕЦИФИКА ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ МОДЕРНА

Проблема периодизации модерна

Если более ранние эпохи подавались здесь как отстоящие от нас, то теперь мы приступаем к изучению периода, в котором обитаем сами. Поначалу может показаться, что его описание не должно составить труда, поскольку современность нам открыта. Как правило, считается, что наибольшую трудность как раз представляет освещение ушедших времен, познание которых ограничено недостатком сведений или неуверенностью нашего исторического чувства. Но следует заметить, что в таком ракурсе трудность видят только в одном – в сборе сведений относительно определенного исторического периода и в их толковании. Последнее ставит свои задачи, но и облегчает познание, которое может опираться на обработанные заготовки.

Повинуясь образности, мы, как правило, видим историю в виде ровной дороги с нанесенной на нее разметкой, образующей по-разному окрашенные участки – вот Средневековье, а вот восторжествовавшее над ним Возрождение. Потому проблема характеристики каждого времени изначально облегчена – обычно полагают, что у каждой эпохи были «свое время» и свои особенности, которые можно характеризовать и тем самым решить вопрос. Но в этом случае мы упускаем из виду, что присущая нам сегодня уверенность, позволяющая ощущать прошедшее как подвластное описанию, также находит основание в нашей собственной ситуации. Наш учебник сам по себе возможен лишь благодаря исторически сложившейся возможности написания учебника, освещающего историю как смену эпох, которые как бы «стремятся» к тому, что называют «современной эпохой». Достаточно сказать, что знакомые сегодня нам понятия – такие как «историческая периодизация» или «характеристика эпохи» – появились не изначально. Именно с их помощью история сегодня представляется понятной и обладающей логикой. Потому современность – это не просто очередная эпоха, сменившая в свой черед все прочие. В современности не только живут, но она сама живет за все предыдущие времена, имеющие смысл только в качестве предуготовления к современности.

Потому современность изначально нами невидима – мы не живем в ней, но думаем с ее подачи обо всех прочих эпохах и культурах. Сначала современность для нас выступает как условие, в котором все другие времена получают характеристику – они предстают перед нами как живые картины или внятные схемы. Созерцая их, мы пользуемся нашей современной позицией, не отдавая себе в этом отчета. Лишь потом мы спохватываемся, полагая, что и сама современность, как «наше время» также может быть охарактеризована подобно всем прочим эпохам. Тогда мы помещаем современность перед своими глазами и обнаруживаем, что для ее описания требуется иной метод. Выясняется, что точка зрения, с помощью которой описывается прошедшая история, сама не может быть описана тем же самым способом. Поскольку мы все время пользуемся преимуществами современности, мы не можем поставить под вопрос ее саму, не отказавшись от этих преимуществ.

Потому современность нельзя рассматривать точно теми же средствами, которыми сама современность рассматривает все прошлые эпохи. Чтобы выработать некое ближайшее представление о сущности современной эпохи, было введено общее понятие модерна. Модерн, модерность (англ. Modernity от лат. Modernus – современный) – это интегральная характеристика европейского общества и культуры. Сегодня она все чаще используется в философских и социологических концепциях для обозначения этапа становления и эволюции современного общества, приходящего на смену традиционному. При этом ясно, что подобное определение дается изнутри самой ситуации модерна. В тот момент, когда мы ожидаем определения модерна, мыслим его как нечто от нас отделенное – мы тер-

пеливо ждем, что именно нам предстоит из этого определения узнать. Но оказывается, что ожидание обманчиво – модерн не может быть познан так, как познаются все прочие известные нам сегодня исторические периоды.

Чтобы узнать, что есть модерн, необходимо не описывать его исторические особенности, но с самого начала обозначить его как эпоху, находящуюся к истории во внешнем отношении. Это и будет его первой особенностью, поскольку модерн уже по своему происхождению отличается от всех предыдущих эпох. Так, возникновение каждой из них всегда связывается с определенными историческими событиями. Мы говорим о зачине древней истории с возникновением первых цивилизаций, а начало средневековья ищем в массовом переселении европейских народов и образовании феодальных анклавов. Но обстоятельства появления модерна оказываются уникальными. Модернизм начинается не в определенный исторический момент, но возникает тогда, когда само происходящее начинает видеть себя как историю – причем как историю уже во многом завершенную. Сама по себе возможность знать себя как историю и полагать, что многое оставлено позади, и оказывается тем событием, которое учреждает модерн. У этого события нет никаких других «исторических» характеристик в обычном понимании этого слова. Само особое отношение к истории и является его сутью.

Все сказанное не противоречит тому, что говорят об «исторических предпосылках», которые предуготовили эпоху современности – развитие техники, появление науки, свершения промышленных революций и т.п. Все эти факторы, обнаруживаясь у истоков модерна, сами получили своей смысл, когда современность стала считать свое появление неслучайным. Но образование современности заключается не в них самих. Оно кроется в особом мысленном сопоставлении, когда «наше время» стало опознаваться как «новое время».

Именно это совпадение и учреждает эпоху модерна. Можно привести слова Г. В. Ф. Гегеля, считающегося мыслителем, открывшим событие модерна: «Новое время придает всему прошлому в целом всемирно-историческое качество». Диагноз «нашему времени» как «новому» ставится историками в тот же самый момент, в которой они начинают определять все прочие эпохи как прошлые и расставлять их в последовательности. Мы уже прояснили, что начать «анализировать модерн» и означало его учредить – открытие, что новая эпоха началась, стало открытием самой этой эпохи. Таким образом, модерн действует не в тот или иной конкретный исторический момент, но тогда когда западный мир начинает говорить о себе как о «современном», противопоставляя себя всему иному, оставленному в прошлом.

Потому закономерно говорить о начале модерна, когда мысль начинает сама себя спрашивать, почему она «современна». Пользуясь выражением М. Фуко, модерн можно определить как время, которое обратилось «к собственному настоящему». Понятие «современности» требует прояс-

нения. Так, обыденный разум считает, что «современным» является все то, что обнаруживается в окружающем настоящем. Но в модерне мы не просто переживаем историческое время как совпадающее с нашим личным временем. Модернистской по существу является сама возможность называть «настоящим» *наше* время – время, которое мы полагаем «своим», поскольку видим себя актуально проживающими его. Подобное переживание кажется естественным – мы без сомнения полагаем, что каждая эпоха располагала представлением о себе как о «современной» себе самой. Но подобное мнение является заблуждением – и это заблуждение может приниматься нами за истину лишь потому, что «современность» в ее смысловой нагруженности является «нашей» ситуацией. Таким образом, мы буквально на месте можем обнаружить на примере самих себя влияние ситуации модерна

Современность оказывается не просто определенным историческим периодом, относительно которого мы могли бы сказать: «Это время, в которое я живу», или «Это эпоха, охватывающая века с такой-то и по такой-то». Современность – это установка нашего бытия, постоянное состояние сознания каждого из нас. Мы живем в том, что называем «современностью», и это продолжается бесконечно долго – у современности нет конца. Та ситуация, в которой мы не можем предположить, что современность когда-нибудь вдруг «закончится», является не просто плодом логического рассуждения. Не в том дело, что «современным» является каждый момент нашей истории просто потому, что он происходит при нас и является современным с нашим собственным существованием. Субъект эпохи модерна оказывается тем, кто все время помнит о своей современности как о некоем особом, отмечающем его личное время качестве – современность поддерживается неусыпной способностью современного человека все время сознавать ее факт.

Рефлексия модерна

Потому ответом на вопрос, что такое модерн, может стать следующее: модерн – это эпоха, которая рассматривает себя как время, обязанное само себя образовывать в качестве «нового», «современного» времени. Выделив себя из всех времен, модерн потерял возможность опираться на что-либо для себя внешнее. Исследователи модерна замечают: модерн – это не то, что ищет для себя основания в том, что завещано прошлым или обещано в будущем. В этом смысле «современность» не является естественным пассивным состоянием «жизни-теперь». «Современность» оказывается продуктом, она должна быть произведена. Именно этим человек эпохи модерна и занят. Воспроизводство современности является основанием его бытия. В этом смысле его ситуация оказывается уникальной. Так, в предыдущие эпохи индивид призван был наблюдать возможности материи, творящей все сущее (в античной философии) или познавать Бога в себе (Средневековье). Но то, к чему приставлен субъект модерна – это сама

история, представление о которой он должен обыгрывать, постоянно удостоверяясь, что его бытие действительно соразмерно ее ходу.

Потому только лишь кажется, будто у современного индивида больше нет ничего, что могло бы им руководить – ни традиции, ни религии, ни ценности. Модерн оказывается эпохой, в которой *время познает само себя посредством субъекта*. Модерн не просто является периодом, выделившим себя по некоторым побочным соображениям из всех прочих времен. Напротив, модерн оказывается временем, которое началось с того, что само себя спросило о том, что значит быть историческим временем. Мы видели, что модерн образовался посредством тех рефлексивных (самопознающих) процедур, которые современность произвела над собой, чтобы узнать себя как «наше», иное по отношению ко всем прочим, время. Назвав сама себя современной, история нашла способы на этом настоять. Это настояние и легло в основу облика современного субъекта – он весь образован из необходимости блюсти свое время как время современности.

Без подобного представления невозможно понять ситуацию модерна и субъекта, который должен ей соответствовать. Именно последнее обстоятельство должно лечь в основу рассмотрения потребностей субъекта модерна. Последнее необходимо, так как у критиков нет ясности в трактовке структуры желания модернистского субъекта.

Так, ряд исследователей склонны демонизировать субъекта модерна, выставляя на первый план его ограниченность, связанную с рациональной однобокостью и одержимостью прогрессистской идеей. Некоторые представители неомарксизма рисуют портрет современного субъекта, как индивида, добровольно отказавшегося от «человеческого» в себе в пользу развития технологий, удовлетворяющих стремление управлять природной средой ради извлечения из нее все большего количества благ. Необходимо заметить, что это чрезвычайно распространенное мнение довольно покорно воспринимается современностью – с ним практически не спорят. Современный индивид довольно легко усваивает представление о себе как об испорченном – он сам себя видит рабом технократической гонки, вредителем окружающей среды, потребителем материальных благ и т.п.

Но более проницательные мыслители не удовлетворяются поверхностной сутью подобной критики. Так, известный немецкий философ второй половины XX века, Юрген Хабермас показал, что модерн подразумевает, прежде всего, особое состояние духа, качество присутствия индивида в той исторической ситуации, которая модерном учреждена. Хабермас возразил против представления о модерне, как о процессе голой *модернизации* общества. Под «модернизацией» в узком смысле, как правило, понимают процесс осовременивания на основе научно-технических достижений. Последнее подразумевает *рационализацию* как направление всех сил разумного мышления и действия на возможность новых достижений в освоении наличной действительности. Теория, в которой процессы модернизации и рационализации находятся в тесной связи, была еще в начале

XX века представлена М. Вебером. Общая суть ее выражается наблюдением за видимой склонностью современного субъекта к рациональному планированию своих возможностей и предварительному подсчету будущих дивидендов и прибылей. Каждый поступок субъекта постоянно проверяется им для определения возможной пользы, которую действие способно принести. Субъект постоянно запрашивает свою деятельность на предмет отыскания наилучших способов достижения цели.

В связи с этим многие мыслители видят современность как сцену реализации властных и управляющих потенций субъекта. Модерн часто сводят к развитию *инструментального разума*; последний определяется Хабермасом как продукт целерациональной установки, рассчитанной на освоение и расчетливое использование среды. В иных воззрениях модерн описывается исключительно как господство тотальной расчетливости, с которой субъект занят установлением контроля над действительностью с помощью технических и научных средств.

Но суть критики Хабермаса более глубока. Она состоит не в обличении «инструментального разума», как ограниченного и недостаточного, а в демонстрации того, что сам по себе «инструментальный разум» не является предельной ставкой субъекта модерна. Рациональное освоение мира субъектом действительно имеет место, но существо потребностей человека модерна вывести из него невозможно. Источник активности современного человека лежит в иной плоскости. Пресловутая «техническая рациональность» оказывается не целью, полностью захватывающей субъекта, но одним из способов обхождения с той новой исторической ситуацией, в которой он обитает. Средой субъекта модерна является не географическая плоскость с ее природными благами, но сама история, в которой субъект должен себя образовать. Индивид постоянно запрашивает свои возможности и всех принадлежащие ему средства на предмет их действенности. Но невозможно сводить этот запрос к одному только прикладному характеру. Склонность субъекта к познанию собственной ситуации выражает более глубокую его расположенность в отношении к современности. Последняя выше была определена как самоудостоверение присутствия себя в истории. Потому потребностью оказывается не само по себе техническое освоение как контроль над действительностью, но контроль над самим чувством пребывания в истории, выражающимся в осведомленности относительно характера происходящего.

Последнее связано с тем, что модерн – это одновременно и происходящее в современности, и план осмысления происходящего. Аналитический план – это первое, с чем человек современности сталкиваемся при вхождении в историческую ситуацию. На глазах субъекта все происходящее подвергается осмыслению, каждое явление должно получить теоретическое описание. Сама научность познания, как основная характеристика модерна, является не просто средством повышения качества жизни. Ее воспроизводство было вызвано к жизни тем, что модерн не может мыс-

литься как нечто происходящее наяву, в реальности, независимо от индивида. Как было показано, ситуация модерна и заключается в том, что каждый способен продумать собственное бытие как современное. Последнее же означает необходимость продумывать каждое затрагивающее субъекта явление с точки зрения его исторической возможности находиться в современности. Модерн представляет собой гигантскую самоанализирующую машину, продуктом работы которой оказывается понимание оснований собственного присутствия в истории.

Чтобы лучше показать действие этого механизма, можно вспомнить рассуждение Р. Декарта о ясном познании и арифметическом действии. Декарт, желая привести пример обладания действительно отчетливым знанием, приводит пример школьника, недавно усвоившего операцию сложения. Декарт указывает на то, что хотя разрыв между ребенком, едва только приступившим к освоению арифметики, и между опытным ученым-математиком огромен, тем не менее, сама операция сложения оказывается для них тем, в чем они на равных достигли полного совершенства. Если сложение как возможность определенного способа обращения с числами однажды понято, то это понимание нельзя усовершенствовать – оно превращается в очевидность. Можно достичь большей скорости обращения с числами или узнать связь сложения с другими числовыми операциями, но понять яснее, чем понято понятое, уже нельзя.

Для эпохи модерна «понятным в совершенстве» стала введенная самим Декартом, процедура рефлексии, которую большинство исследователей считают основополагающей процедурой, благодаря открытию которой смогло образоваться само мышление современности. Рефлексия, как ее произвел Декарт, понимается как возможность для «я» усматривать себя в качестве объекта наблюдения. «Субъект» и есть тот, кто знает себя как субъекта. Бытие в качестве субъекта состоит в возможности видеть себя в отдалении от себя – бодрствующего, мыслящего, действующего. Операция самоотстранения оказалась усвоена столь прочно, что стала основным признаком и, одновременно, занятием новоевропейского субъекта.

Но рефлексия не является самоцелью, пустой операцией бесцельного самоусмотрения. Она оказывается процедурой, с помощью которой субъект выполняет то, что видит своим предназначением – воспроизводство современности. Модерн стал временем, которое начало обыгрывать современность именно как вопрос относительно самой возможности быть современным. Модерн – это период, в который впервые было спрошено «а что есть современность?» – и сам это вопрос стал предметом постоянного сомнения и беспокойства. Это может показаться парадоксальным, но никогда еще понятие «современного» не выспрашивалось так придирчиво, как в модерне. Современная эпоха постоянно сомневается в возможности быть современной, и это сомнение и является сутью бытия в современности. Как уже указывалось, мало сказать, что современным является время, в котором мы находимся. Наше время – это не то, в котором мы себя обнару-

живаем как «живущих сейчас», но сама наша способность постоянно сознавать себя как находящихся в современности и тем самым подтверждать ее.

Во имя этого наблюдения субъект постоянно ставит под вопрос себя и все, чем располагает. Сама возможность сейчас, в этом тексте, поставить под вопрос саму способность современного субъекта все ставить под вопрос не просто диктуется нашим изложением, но и сама является примером только что изложенного. Она сама собой показывает, как субъект модернистской эпохи мыслит о себе и как он способен о собственном положении спрашивать. Та познавательная инициатива, которую замечают в субъекте модерна, может быть объяснена, только Субъект познает не ради познания самого по себе, но в интересах истории, которая постоянно должна быть зрячей. Те феномены, что полагаются сегодня совершенно естественными – например, учет исторического опыта («чтобы не повторять исторических ошибок», как это зачастую объясняют) или склонность – также являются продуктами той установки, что сформировалась в модерне.

Темпоральность модерна

Возможность для «я» поставить себя под вопрос оборачивается постоянным самонаблюдением за всеми атрибутами «я» – его способом мыслить, действовать, желать. При этом имеется в виду не то, что процедура просто вошла в привычку – субъект не просто постоянно на себя «смотрит со стороны», как это делают и делали во все века отдельные люди, чья профессиональность или личный склад характера побуждали их контролировать собственные проявления. Субъект модерна обращается с освоенной им рефлексивной способностью иначе. Он наблюдает не за собой, но за действием исторических сил в себе. Субъект модерна следит за тем, каким образом современность, на страже которой он стоит, постоянно меняет его существо. Он подмечает влияние истории в себе как действие некоей болезни. Сама история видится им как болезнь – не потому, что субъект полагает историю дурной, но потому, что она незримо работает в сообществе и в субъекте, определяя симптомы их существования. Модерн усваивает представление о могуществе исторических сил, но не с тем, чтобы подчиниться им как некоему року, о причинах которого не спрашивают. Напротив, исторические силы получают смысл только в процессе наблюдения за их действием и разъяснения оснований их работы.

Потому спрашивание о себе и об основаниях собственного действия является важнейшей потребностью современного субъекта. Верно, что и индивид традиционного общества был склонен мыслить свое бытие неслучайным и имеющим внешний план для его основания. Он мог быть призванным богами к подвигу или обязанным радеть о будущем загробном блаженстве. Но в модерне субъект наблюдает не за вечным планом, кото-

рый учреждает и дает смысл, но за тем, что имеет срок развертывания в истории.

Потому именно в модерне появляется способ усмотрения исторического характера каждого проявления. Понятие историчности необходимо прояснить. Раньше, во времена, не мыслящие себя «современными», явления могли видеться двумя возможными способами:

1) «Вечные» явления – то, что мыслится неизменным, или же таким, чье существо не зависит ни от каких причин. Такими явлениями могли быть первые причины всего сущего, боги, устроители миропорядка. Вечные явления образовывали порядок внеисторичного плана – они пребывали, не зная исторической изменчивости.

2) Явления «бренные», или же преходящие. Последние охватывали практически всю совокупность известных человеку явлений – все, на что только ни падал человеческий взгляд, было бренным. Под бренным понималось все, у чего нет гаранта сохранности. Бренное распадается, исчезает – даже будучи цветущим и целым, оно обещает распад и скорое упразднение. Бренное существует для того, чтобы свидетельствовать во славу вечного. Историческое как ограниченное во времени всегда подчинено вечному как неизменному.

Это деление было рабочим в домодернистских сообществах. Но модерн упраздняет два этих способа и открывает третий, ранее не бывший. Он и получает название «историчного». Так, если мы возьмем в качестве культурного феномена «моду», то обнаружим описанное различие между «временностью» и «историчностью». В целом мода сегодня понимается как смена различных стилей самоподачи: говорят о «скоротечности моды», о разных модах как сменяющих друг друга стандартах модного. С этой точки зрения та или иная мода представляется хорошей иллюстрацией «временности» как ограниченности срока актуальности. Но «мода» также имеет смысл в виде историчного явления. В этом виде она выступает как свойство вещи «быть модной», опознаваться в качестве выразительно-актуального. В домодернистские эпохи у вещей были разные свойства – полезность, редкость, красота – но «модность» как таковая не входила в их число. Сам признак, обозначаемый нами словами «быть модным», появляется у вещей в определенный момент. Сам институт моды появляется в эпоху модерна, он опознается как нечто отдельное и приковывающее к себе внимание. Как точка пересечения времени и вечности феномен моды оказывается отмечен не одной, а двумя временностями. Первая – это временность самих сменяющихся стилей; вторая – ограниченный срок существования самого института моды как вызывающего доверие способа суждений о вкусе. Мода меняется, свойство же «быть модным» остается, но помыслить его вечным нельзя – у него тоже есть свой срок. В этом смысле феномен моды является историчным как актуально представленным во времени.

Мы видим, что с точки зрения исторической мысли «современность» моды состоит вовсе не в способности назначать «современное», указывая, что ему пристало быть таким или иным. Напротив, современной является вся инстанция моды в целом, без различия внутри нее более или менее модного на сегодняшний день. Именно в этом смысле мода является «современным феноменом» – то есть таким, который мы можем застать существующим поныне и готовы сегодня все еще слушаться его указаний.

Но точно также мы можем рассмотреть как «историчные» некоторые феномены, которые уже исчезли, также заняв под себя определенный срок. Так, почти исчезнувшим, крайне раритетным сегодня представляется феномен отношений господина и слуги. В современном обществе можно встретить частные случаи личного прислуживания – работа с проживанием в доме нанимателя, оказание интимных услуг за плату или получение повышения исключительно за личную преданность. Но институт слуги и господина в его целостности исчез навсегда, а вместе с ним полностью исчезли те эффекты, которые он производил – нюансы психологического характера (привязанность слуги и попечительность господина) или же церемониального (особый стиль прислуживания господину, предупредительная жестикуляция или специфическая мимика, с которой услуга господином принимается). Мы можем по отдельности встретить все эти явления, но нигде они уже не собираются вместе, чтобы составить ушедший вместе с историей феномен. В этом смысле бытующая сегодня склонность предвзято опознавать названные явления как отрицательные является необъективной, хотя и неслучайной. Ничто не может лучше объяснить нашу низкую оценку каждого из признаков, напоминающих о службе или господстве, как исчезновения всего института в целом. Его распад оставил все детали, что принимали в нем участие, осиротевшими и лишенными взаимной поддержки. Потому то отвращение, которое мы к ним питаем, является лишь бессознательным способом скорее с ними разделаться, довершив их исчезновение, уже предрешенное историей.

Таким образом, историчность ставит феномены в особое положение, в котором они больше не могут быть просто поделены на «временные» и «вечные». Тот факт, что нечто может быть обговорено как «вошедшее в моду» или вышедшее из нее, указывает на моду как на смену краткосрочных установок. В этом смысле отдельные моды кажутся примером временности – именно так их часто рассматривает клерикальная, церковная мораль, осуждающая «ветреность модниц». Но исторический анализ представляет моду не просто как смену предательских увлечений и неглубоких привычек, но как историчное явление, в котором временность и краткосрочность предстают в качестве его внутренних признаков. Тем самым «мимолетность» получает постоянство в качестве устойчивого историчного признака моды – она такова и ей пристало такой быть.

Точно так же с точки зрения историчности могут быть с тем же правом рассмотрены и явления долгосрочные. Так, личная пожизненная пре-

данность господину также является «историчным» феноменом, поскольку она была актуальной в определенный период, а после исчезла вместе с исчезновением самих господина и слуги. Точно то же происходит с супружеской верностью, которая прежде виделась обещанием вечного сосуществования (небесные браки), а сегодня потеряла актуальность. Таким образом, склонность отдавать чему-либо должное за его «прочность» и нерушимую «основательность» является историчной чертой определенного периода. Ничто не свидетельствует об этом лучше, чем то, что она может рецидивировать в качестве «моды», войдя в нее, как входят порой в нее ретро-стили и восхищение историческими памятниками.

В этом смысле в модернистскую эпоху временность больше не означает бренности, всегда проигрывающей соревнование с вечностью. С точки зрения историчности можно поставить вопрос о «вечности» и обнаружить, что мы всегда имеем дело не с «вечностью», но с актуальностью представления о ней, которая длится определенное время. То архаическое, древнее представление, которое непрестанно обращалось в своем опыте к «вечному», точно также является «историчным». В саму необходимость «концентрации на вечном» индивид верил в определенный период. В нем полагалось, что вечное есть то, что только и может придать явлениям смысл – необходимо искать неизменное, которое только и может гарантировать высокое качество бытийного самочувствия. Но модерн отказывается от этого представления. Для субъекта модерна, напротив, все явления интересны именно тем, что они историчны и могут быть помыслены с этой точки зрения. Именно с учетом сказанного необходимо подойти ко второй отличительной черте модерна, которая неизменно бросается в глаза.

Аксиология модерна

Столкновение с ней как правило порождает рассуждения об «утрате ценностей» и «крушении норм» – современный субъект видится утратившим почтительность к моральным идеалам. Но подобное вменение оказывается поспешным и не считающимся с взаимоотношением в котором находятся «ценности» и сама структура образования историчности. Чтобы преодолеть критику «забвения ценностей», антрополог и этнограф XX века, Клод Леви-Стросс, ввел понятия «горячих» и «холодных» обществ. Часто этими понятиями пользуются небрежно, так что суть сводится к различию между обществами, которые «эволюционизируют и активно изменяются» и теми, что «остаются в рамках традиции». В этом отношении предполагают, будто некоторые сообщества способны уклониться от течения истории и обустроить в себе оазис традиционности. Часто можно встретиться с умилением по поводу таких сообществ – похвалы удостаивается их видимая основательность и способность позаботиться «о своих ценностях» Но необходимо удерживать пристальность по отношению к этому умилению, замечая, что оно всегда воспроизводится в самих же модерни-

зированных сообществах – то есть является точкой зрения исключительно самой современности.

На деле, критерий различия является мнимым, поскольку сам Леви-Стросс имел в виду нечто иное. Идея заключается не в сравнении неизменности и бурной изменчивости, а в способе реакции на неукоснительное течение времени, в котором все общественные структуры теряют жесткость и утрачивают собственные элементы. «Холодные» общества, таким образом, вовсе не являются обществами, которых не касаются перемены. Они лишь особым образом реагируют на неизбежное изменение внутренней ситуации. Потому лишь кажется, будто бытие этих сообществ – это действительно спокойное и размеренное бытие. Напротив, Леви-Стросс указывает, что «холодные общества» проявляют высокую, сконцентрированную в их глубине активность, направленную на воспроизведение «того же самого состояния». Сопротивление, которое они оказывают изменяющимся условиям, требует от них массу изобретательности. В этом смысле, если судить по критерию инициативности, они не уступают «горячим обществам» и даже зачастую опережают их в количестве прилагаемых усилий по собственному обустройству.

Предшественник Леви-Стросса, Эмиль Дюркгейм также полагал, что современный мир не может быть обвинен в забвении традиций – так или иначе все они с течением времени забываются сами собой. Напротив, современность как раз отмечена особым интересом в отношении процесса этого исчезновения, притом, что прочим эпохам он не доставлял как раз никаких особенных затруднений. Дюркгейм предположил, что современный образ мысли сам по себе появляется из-за обострившейся потребности в наблюдении за тем, как традиции утрачивают свою самобытность и теряют властную многозначительность. Таким образом, Дюркгейм упраздняет обычного представления насчет модернистского забвения ценностей. Критическое отношение не является виновником унижения и падения ценности – напротив, уже произошедшее унижение и начавшееся забвение вызывает появление критического отношения, фиксирующегося на процессе утраты. Критика ценностей не нападает на традиционные ценности напрямую: напротив, она приходит как интересующаяся тем, что с традицией происходит и почему ценности теряют вес.

Последнее означает, что распад ценностей, который видится отличительным признаком модернистской эпохи, как наиболее «горячей» из всех горячих эпох, на самом деле не является пагубным следствием появления модернистского субъекта. То, что действительно делает эпоху модерна уникальной – это определенный способ ставить себя по отношению к факту распада ценностного, общему для всех эпох и сообществ.

Мы можем теперь подкорректировать схему Леви-Стросса, чтобы получить более внятное представление о существе модернистской ситуации. Для нас важно не то, что одни общества блюдут устои, а другие постоянно самообновляются, вводя в свою среду и осваивая новые элементы.

Субъект модерна, как уже указывалось, постоянно находится на службе у самосознающего времени – он живет в эпоху, в которую время знает о своей историчности. В этом смысле не имеет значения, как меняются внешние детали. Сколь бы впечатляющими не были изменения, достигнутые модерном в технике, политике, науке и прочих отраслях, неизменным остается то, что субъект модерна видит себя особым образом поставленным при истории. Само время является «горячительным» фактором, побуждающим субъекта соответствовать его призыву. Потому быстрая эволюция современного общества является не следствием «падения традиции» как чтимой неизменности. Напротив, в модерне появляется иная неизменность – неизменность необходимости оправдывать и подтверждать звание «современности» как совершенно уникального времени. Эта обязанность легла на плечи субъекта, особым образом определив его облик.

Бытие в современности для субъекта модерна является первейшей потребностью, из которой вытекают все прочие его потребности. Каким бы этот субъект ни был, он обязан быть *со-временным* – то есть он должен постоянно находиться при времени, демонстрируя собственную сознательность в отношении этого факта. В этом смысле не имеет значения, каковы частные характеристики этого субъекта – в чем состоит его вера и есть ли она, высоки ли его моральные устои с точки зрения традиционной этики, верен ли он заветам истории и предков. Все прошлые обязанности, которые призывали к себе традиционного индивида, лишаются смысла, но не сами по себе, а на фоне еще более настоятельной обязанности. Для ее отправления имеет значение лишь качество способности субъекта находиться в рефлексивной готовности относительно историчного характера своего существования.

В связи с этим новым положением у субъекта появляются совершенно особенные аксиологические наклонности. То, что по привычке называют «ценностью» является для модернистского субъекта не способом жизни на ее основе, но предметом критического обдумывания в качестве феномена. Последнее вызывает беспокойство среди блюстителей морали – можно услышать мнения о «релятивизации» оснований социального существования и забвении устоев. Но постоянная постановка ценностей под вопрос является вовсе не следствием утраты «твердых ориентиров». Оно связано с тем, что субъект модерна воспринимает повеление как исходящее не от ценности, но от историчности, которая предоставила этой ценности определенный срок. Субъект должен бдеть не при ценностях сообщества, но при самой совершающейся истории.

В этом смысле не должны удивлять и тем более повергать в уныние или обличительный гнев изменения настроения современности в отношении ценностей. Та кощунственная (в глазах многих) легкость, с которой современный субъект обращается с традицией, является следствием трансформации самого качестве «ценности». «Ценным» в модерне не могут считаться те явления, об историчности которых уже известно – будет

ли это религия или семейный круг. Все подробнее познавая их устройство, модерн не может наслаждаться ими безоговорочно, а значит, не может безоговорочно и ценить. Ценным является сама способность усматривать историчное как признак работы времени. Развитие этой способности полностью определено необходимостью удостоверяться в себе как в современном субъекте. Именно она определяет все потребности модернистского субъекта, сделавшего себя существом, через которое проявляется историчный характер времени.

РЕЗЮМЕ

Основополагающим для субъекта модерна является новое устройство исторического самосознания, что под видом модерна как «современности» перед ним открылась. Сформированное в этот период понятие историчного заменяют пару «временное-вечное», характерную для досубъектного отношения к бытию: субъект модерна предстает бодрствующим при *со-временном* ему развертывании исторического. Последнее ставит его в положение, в котором само историческое самосознание становится насущным делом и открывается в качестве потребности особенного образца, определяющей стиль присутствия субъекта в мире.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА:

1. В чем состоит проблема периодизации модерна?
2. Назовите характерные черты эпохи модерна.
3. В чем, на ваш взгляд, состояло влияние новоевропейского открытия субъекта на становление модерна?
4. Реконструируйте модернистское понимание историчности.
5. Что выступило основанием модернистской системы ценностей?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

ОСНОВНАЯ:

1. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: «Весь мир», 2008.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. – СПб., 2008.
2. Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М., 1996.

§4.8. ПОСТМОДЕРН: ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ – ЕВРОПЕЙСКИЙ ВАРИАНТ

Постмодерн: явление и термин

Термин постмодерн, которым принято обозначать современное состояние западноевропейской культуры, несмотря на более чем полувековое осмысление, до сих пор не получил однозначного, принимаемого всеми определения. В современном гуманитарном знании он является одним из наиболее многозначных и дискуссионных. Наиболее существенными вопросами, которые стремятся разрешить теоретики культуры, являются вопросы о сути феномена постмодерна, о времени и месте его появления[88], о его соотношении с модерном, о причинах, вызвавших его к жизни, о тех культурных пространствах, в которых он может быть обнаружен, о национальных моделях и вариациях этого явления.

Исследователями отмечаются случаи употребления термина постмодернизм в первой половине двадцатого века, задолго до того, как было положено начало многочисленным дискуссиям о его значении. Например, в 1917 году, в книге немецкого философа Р. Паннвица «Кризис европейской культуры», упоминается постмодерный человек, в 1934 году у испанского литературоведа Ф. Ониса постмодернизм рассматривается как промежуточная стадия в развитии литературы между модернизмом и «ультрамодернизмом»[89]. Это раннее понимание связано с усилением идеи кризиса модерна и зарождением новой культурной парадигмы, разрабатывавшейся затем в рамках основных школ философии, философской антропологии, философии культуры. Позже термин постмодерн применялся для характеристики определенной фазы развития западноевропейской культуры, начавшейся в последней четверти XIX века. Такой подход был представлен в работах по философии истории английского историка и социолога А. Тойнби.

В более узком смысле термин постмодерн используется и для обозначения своеобразного направления в современном искусстве. Более того, именно в сфере художественного (архитектуре, литературе) усматривается зарождение этого феномена как эстетического, а затем и социокультурного явления. В рамках «архитектурного» и «литературного» постмодерна были впервые поставлены проблемы многослойности, многоязычности, полисемантичности текста, его полиструктурированности, сформулированы ос-

---

[88] Установление хронологических рамок постмодерна – вопрос, не поддающийся однозначному разрешению. Например, согласно У.Эко, крупнейшему теоретику, разрабатывающему проблематику постмодернистских эстетических принципов, постмодернизм невозможно зафиксировать хронологически, поскольку он подразумевает специфическое духовное состояние, которое может возникнуть в любую эпоху и в любой культуре. (См.: Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература, 1998. - №10).

[89] См.: Вельш В. Постмодерн. Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. – М., 1992. - №1. – С. 34.

новополагающие понятия постмодернистской эстетики – «двойной агент» и «двойное кодирование». Позже термин постмодерн начинает употребляться и для характеристики определенных тенденций в политике, этике, религии. Особую, весьма значимую роль в утверждении постмодерна и постмодернистского мироощущения сыграло появление в 1979 году книги французского философа Ж.-Ф. Лиотара под названием «Состояние постмодерна». Начиная с этого времени, термин постмодерн используется для обозначения современной философско-теоретической традиции, в рамках которой произошло радикально-критическое переосмысление ключевых вопросов философии, философии культуры и общества, социологии, таких как вопрос о сущности человека и окружающего его мира, языка, сознания, субъект-объектных отношений.

Кроме того, в постмодернистской парадигме был проведен альтернативный анализ классических понятий философии: субстанциональности, рациональности, причинности, пространства, индивидуальности, всеобщности, истинности, реальности, прогресса, современности и пр. Таким образом, следует учитывать, что постмодернистское развитие гуманитарного знания основывается на критическом переосмыслении мировоззренческих установок западноевропейской культуры эпохи модерна, хотя его подготовили такие фундаментальные модернистские мыслители как Ф. Ницше и М. Хайдеггер.

Одним их первых опытов критики предшествующей традиции стали призывы Ж.-Ф. Лиотара отказаться от обращения к метанарративам, то есть универсальным, базовым идеям, обеспечивавшим мировоззренческое единство и самотождественность сознания европейской культуры. Основными идеями такого рода, согласно Лиотару, являются идея возможного прогресса в социальном и индивидуальном освобождении всего человечества, идея обусловленности культурного опыта рациональными основаниями и прогрессивного развития последних, гегелевская диалектика духа, просветительская трактовка знания как инструмента разрешения любых проблем. Эти идеи репрессивны по своей сути, поскольку нацелены на подчинение всего многообразия жизни, индивидуальных форм бытия определенным схемам и систематизациям. Такое же подавление свойственно учениям Гегеля и Маркса, которые представляют собой яркие примеры метанарраций, то есть попыток охватить и объяснить все феномены мироздания, исходя из единого, пусть и развивающегося основания. Иными словами, обусловившие западноевропейскую культуру метанарративы стремятся к господству над реальностью, к наложению на нее готовых объяснительных схем, как, например, это делает психоанализ, опознающий за любым желанием действие одних и тех же структур, и тем самым подчиняющий его своей диктаторской интерпретации бессознательного, обеспечивающей власть и истинность психоаналитическим процедурам. Таким образом, философия постмодерна критикует фундаментальные

устои классической философии, и вырабатывает собственный язык для объяснения окружающего мира, места и роли человека в нем.

Критика классической трактовки понятия субъект

Проблематичность существования субъекта – важнейшая тема постмодернистской философии, которая получила выражение в радикальной концепции «Смерти Субъекта», выразившей полный отказ представителей постмодерна от понятия традиционного, однозначно центрированного личностного начала. Если в эпоху модерна утверждалась идея самости, то есть главенствующей позиции и самотождественности Я, то постмодерн предлагает идею расщепления, рассеивания, децентрации Я. Но необходимо отметить, что такой подход подготавливался уже в рамках модернистской философии, например в противопоставлении Я, Сверх-Я и Оно, разработанном в психоанализе, в феноменологической идеи интенциональности сознания.

Принцип децентрации стал одним из основных в постмодерне. Данный принцип был призван оспорить укоренение опыта европейского человечества в едином основании, которое привело к рациоцентризму в психологии, европоцентризму в культурологии, футуроцентризму в истории и социальной философии. В философии же этот принцип привел к утверждению идеи существования неизменного, постоянного Субъекта как некоего исходного смыслообразующего центра человеческого опыта. Существование такого субъекта не только ставится под сомнение, но и полностью отрицается в рамках постмодернистской парадигмы.

Можно проиллюстрировать процесс децентрации субъекта на примере литературоведческого постмодернистского дискурса, основанного на критике французского мыслителя, аналитика дисциплинарных форм знания М. Фуко понятия автора. В отличие от классической филологии, признающей автора индивидуальностью, выражающей с помощью языка свои уникальные переживания, мироощущение и жизненный опыт, автор в концепции Фуко оказывается лишь функциональным принципом, идеологической фигурой, с помощью которой обозначается способ построения высказываний, довлеющий в ту или иную эпоху. Сходные идеи предложены и французским литературоведом, аналитиком современной эпохи Р. Бартом, который предложил заметить репрессивное, навязывающее свою истину и свою интерпретацию текста понятие Автор более подходящим понятием Скриптор, которое снимает претензии субъекта на статус первоисточника, первопричины существования текста, деперсонифицирует автора.

Таким образом, постмодернисты выходят за пределы философии самостоятельно обосновывающего собственные основания субъекта: отныне субъект проявляется лишь в процессуальности дискурсивных практик, т.е. являясь субъектом языка, проступает на поверхность, лишь будучи пойманным в сеть культурных матриц и кодов. Это порождает новую модель рассмотрения человека: человек отныне лишается устойчивости, напол-

ненности каким-либо вечным умопостигаемым содержанием и превращается в несубстанциональное, полое образование.

Критика рационального

Вместе с критикой субъективности постмодерн подвергает сомнению один из основополагающих принципов западноевропейской классической философии – рациональность как неотъемлемое свойство человеческого сознания. Постмодернисты ввели понятие логоцентризм, с помощью которого характеризовали классическую традицию мышления, основанную на идее логичности и определенности причинно-следственными связями всего существующего. Понятие Логоса, выступившее фундаментальным основанием западноевропейской культуры, в философии постмодерна было подвергнуто критическому осмыслению, и, как следствие, деконструкции. Речь идет о том, что выразимые и связанные с понятием Логос смыслы утратили догматизм традиционных трактовок и приобрели существенное иное звучание. Отрицание логоцентризма привело к существенному изменению в восприятии мира, который не рассматривается более как упорядоченное бытие, обладающее внутренним смыслом. Кроме того, под сомнение поставлено представление о телеологическом, то есть целенаправленном характере исторического процесса. Постмодернистская социология отказалась от линейной концепции времени и от линейного видения социальных преобразований: линейная концепция времени описывается в ней как вариация «метанарратива», от которого следует отказаться в первую очередь. В результате этого отказа выявилось, во-первых, что настоящее вовсе не обусловлено прошлым – прошлое не довлеет над современностью, а, во-вторых, что не может существовать одной, правильной трактовки прошлых событий – характер прошлого лучше установим благодаря множеству различных интерпретаций. Данный подход к истории выражен во введенном постмодернистами понятии «постистория».

Вторым важным постмодернистским принципом, помогающим объяснить сущность современной действительности, является множественность, эпистемологический и онтологический плюрализм, логически выводимый из идеи Лиотара о «закате метанарраций». Постмодерн отрицает возможность существования абсолютной, подтверждаемой фактическим состоянием вещей и вечной истины, совершенного идеала, канона или авторитета универсального языка, которым может быть описан наш мир и провозглашает многовариантность, полифоничность, плюральность истин, мнений, взглядов, точек зрения. Плюрализм пронизывает все сферы нашей жизни. Закат метанарраций сменяется их разложением на более мелкие повествования, в ситуации которого никакой единственно истинной Рациональности попросту нет: рациональности могут варьироваться и дополняться друг другом, а на место единой Общечеловеческой истории заступает мозаика локальных интерпретаций исторического. Плюрализм позволяет каждому быть не более чем одним из многих: теперь никто и ничто не

могут претендовать на приоритетность. Единственным порождением тотальной множественности может стать коллаж. Поэтому постмодерн – эпоха радикального многообразия, фрагментации, а соответственно и выявления новых связей, сопряжений.

Социокультурная реальность в постмодернистской парадигме

Так анализируя современную социокультурную реальность, постмодернисты полагают, что она «необратимо плюралистична», неоднородна, разнокачественна, полицентрична. Культура определяется ими через такие характеристики как неопределенность, открытость и незавершенность, фрагментарность, полиморфизм, неканоничность. Она не является закрытой и замкнутой системой, обладающей прочным «ядром» – она представляется неустойчивым образованием, находящимся в состоянии неуравновешенности, постоянной изменяемости, трансформируемости. Ее границы прозрачны и подвижны, а внутренние элементы не подчинены никакой иерархии. Таким образом, культурное пространство оказывается деиерархизированым и ацентричным.

Подобный подход мотивирует новый взгляд на социальную реальность, согласно которому, общество состоит из единичностей, руководствующихся множеством конфликтующих и несовместимых критериев; соответственно, само общество неизбежно гетерогенно и в нем заложена основа для конфликта.

Ризоматическое истолкование реальности
Ж. Делеза и Ф. Гваттари

Данное восприятие конструируемого и обживаемого человеком культурного пространства нашло выражение в концепции ризоматического бытия. Благодаря понятию ризома (от фр. rhizome — корневище), введенного в философию в 1976 г. одним из ярчайших современных философов Ж. Делезом и его другом и соавтором психоаналитиком Ф. Гваттари в совместной одноименной работе, все существующее открывается как «мир без стержня», в котором невозможны бинарная логика и двузначные отношения между элементами или точками объекта, оппозиции подчиненного и подчиняющегося, интерпретатора и интерпретируемого, центра и периферии. Культура-ризома основывается на принципах связи и гетерогенности: «любая точка ризомы должна быть связана со всякой другой»[90], ее пространство не упорядочено, не зафиксировано. Она подчинена также принципу множественности и незначащего разрыва: ризома может быть разорвана, изломана в каком-нибудь месте, это может сделать любой индивид, группа, социальная формация, как и перевернуть ее, собрать каким угодно образом. Ризома антигенеалогична, так как генеалогия, представляя собой отражение длинной памяти, всегда централизована и структурирована.

[90] Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Сборник статей и рефератов. – Минск, 1996. – С. 14.

Генеалогическая система это иерархическая система, которая предполагает смысловую точку отсчета, расставляющую все объекты по строго определенным местам.

Понимание культуры как ризомы разрушает классический образ культуры-книги, организованной и подчиняющейся бинарной логике. Бинарная логика культуры строилась, исходя из признания духовной реальности в качестве культуры-корня. В этом отношении ризома обозначает существенно иной взгляд на культуру: культурное пространство описывается как беспорядочное возникновение множественности, движений, не имеющих превалирующих направлений. Иначе говоря, культура-ризома представляет собой пространство пересечения культурных стратегий, открытое восприятию и различным воздействиям. Это пространство характеризуется отсутствием четких динамических траекторий, оно бесструктурно, фрагментировано, позволяет сосуществовать различным типам опыта, переживаний, представлений, элементов прошлого и настоящего. Применительно к описанию категории пространства постмодернисты предлагает термин детерриториализация, введенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари, благодаря которому пространство выявляется как дискретно не дифференцированное, не допускающее определяющих точек (таких, как центр), ацентричное образование.

Новое осмысление идентичности

Итак, в постмодерне на смену структурным и функциональным моделям, системному представлению о социокультурной жизни пришли идеи отсутствия семантически центрированных и стабильно определенных структур и плюрализма исходных принципов организации опыта, множественности возможных равноправных интерпретаций одного и того же события. Постмодернистское мировоззрение выступает против «диктатуры общего» и отстаивает множественность многообразия. Как полагает культуролог, теоретик модерна и постмодерна П. Козловски, в современном мире нет места единому, «одно противоречие, консенсус, история, прогресс, эволюция сменяются противоречиями, историями, соглашениями, прогрессами и эволюциями исторических процессов»[91].

Современная реальность культуры, таким образом, предлагает человеку мощный культурно-адаптационный потенциал, а принцип плюрализма и деструктурированного, ацентричного социального пространства открывает для него новые перспективы. Исходя из понимания нестабильности Я, человек обретает бесконечность возможностей выражения собственной индивидуальности. Принцип плюрализма открывает перед ним безграничность и беспрерывность процессов самоидентификации. Наличие равнозначных культурных тактик и стратегий позволяет человеку осуществлять постоянную трансформацию себя, примерять совершенно раз-

[91] Козловски П. Культура постмодерна. – М., 1997. – С. 32.

личные маски идентичностей и, таким образом, ускользать от диктата определенной культурной традиции.

Сменяющиеся идентичности ни коем образом не гарантируют наличия скрытого за ними некоего неизменного подлинного Я. Приняв во внимание эту очевидность, системная теория общества в лице ее представителя Э. Гидденса продемонстрировала, что идентичность не определяется всецело культурной традицией, а является результатом автобиографических саморепрезентаций социального агента.

Человеческое желание в контексте шизоанализа

Постмодернистская трактовка человека и его субъективности, сущности его желаний также ярко отражена в одном из направлений современного постструктурализма – а именно в концепции шизоанализа. Ее создатели Делез и Гваттари последовательно опровергают психоаналитическую трактовку бессознательного начала человеческого поведения, которая способствовала созданию образа угнетенного и отчужденного человека. Они выступают против фрейдистской интерпретации бессознательного как инстанции, детерминированной Эдиповым комплексом. Такой подход, по их мнению, лишает нас возможности объяснить сложные социальные процессы и эмансипировать бессознательное.

Мы уже неоднократно отмечали, что бессознательное во фрейдизме оказывается полностью зависимым от такой структуры как семья, что исключает его иные трактовки (например, историческое или экономическое прочтение). Целью шизоанализа становится новое открытие бессознательного как самообусловленной и самопорождающейся процессуальности, которое делается благодаря проведенной Делезом и Гваттари критике основного для фрейдизма понятия «Эдипова комплекса» и замещением его понятием «Анти-Эдип».

Согласно шизоанализу, превращение Эдипова комплекса в универсальный объяснительный принцип душевной жизни возможно лишь вследствие признания фигуры Отца в качестве довлеющего центрального звена в структуре семьи. В действительности же бессознательное стремится к положению сироты: оно вырывается из-под давления социальных, в том числе и семейных, структур, проявляя спонтанную творческую активность. Таким образом, Я, будучи его эффектом, характеризуется самопроизвольной процессуальной самоорганизацией. Субъективность, согласно шизоанализу, представляет собой постоянную процессуальность желания, причем желания, не обусловленного некой нехваткой, недостатком, как это трактовалось в классической перспективе, а желания, безостановочно утверждающего свою полноту посредством бесконечной креативности. Бессознательное человека отныне понимается как «производящее желание или желающее производство» не зависимое от социально мотивированных потребностей людей. Таким образом, запуск производящего желания представляет собой и практику эмансипации: если желание действительно не

пропущено через социальные фильтры и предоставляет голос собственно творческому потенциалу, его носитель уже ускользнул от идеологической дрессуры и культурной детерминации.

Для того чтобы описать принцип формирования и механизм производства желания Делез и Гваттари вводят понятие «желающие машины» или «машины желания». В качестве машин могут выступать и отдельные единичные субъекты, и социальные группы, и общество в целом. Существует два вида машин – «машины желания» и «социальные машины», которые, соответственно, заполняют два уровня существования – микроуровень и макроуровень. На микроуровне, или молекулярном уровне, существует множество единичностей, сингулярностей; этот уровень представляет собой неструктурированный, неоформленный в стабильную структуру «хаос импульсов». Макроуровень же представлен совокупностями; он является продуктом интеграции, конфигурирования относительно друг друга молекулярных импульсов, который регулирует и подавляет единичные объекты. Примерами социальных машин являются такие структуры как семья и государство, которые могут проявлять стремление к доминированию и пытаются подчинить микропроцессы макросоциальности. Желающие машины стремятся прорвать давление социальных машин: их потоки устремляются по линиям ускользания, они стремятся разрушить сложившуюся макросоциальную структуру. Делез и Гваттари называют свободное проявление желания и креативности – шизофренией, а тягу к стабилизации структуры, консервации и остановки процессуальности – паранойей. Паранойя – это стремление к установке нормативности, формулирование константы нормальности, универсальной истинности и должного. Шизофрения же, напротив, тяготеет к инновации и текучести, изменчивости: она производит неповторимое, индивидуальное, спонтанное, пытается ускользнуть от общеобязательного и стандартного. Социальные машины – параноидальны: они пытаются остановить потоки желаний, внести в них структурность, трактуя все, не подчиняемое себе, как девиантное поведение, нарушающее общий и установленный порядок нормы.

Желание, таким образом, должно быть абсолютно свободно. В частности оно должно быть независимо от псевдокомплексов, таких как определенность через нехватку чего-либо, лишенность; напротив, желание должны быть положительным и исполненным в себе образованием, то есть желанием вне наличия какого-либо недостатка. Именно так в концепции Делеза и Гваттари преодолевается ряд классических и неклассических способов трактовки субъективности.

Таким образом, в философии постмодерна произошло осознание ограниченности интеллектуальной западноевропейской традиции, что привело к трансформации ключевых онтологических и гносеологических установок; в рамках постмодерна было выработано новое понимание субъективности, социальности, историчности, а также разработаны оригинальные когнитивные стратегии.

Резюме

В настоящее время термин постмодерн используется для обозначения современной интеллектуальной традиции, в рамках которой произошло радикально-критическое переосмысление ключевых проблем философии (таких как проблема сущности человека и окружающего его мира, природы языка, сознания, субъект-объектных отношений и пр.) и фундаментальных понятий классической философии (ревизии были подвергнуты такие понятия как субстанциональность, рациональность, причинность, пространство, индивидуальность, всеобщность, истинность, реальность, прогресс, современность и пр.). Общим основанием различных направлений философии постмодерна выступила демонстрация ограниченности мировоззренческих установок западноевропейской культуры, развивающихся в преемственности со времен ее античного детства до модернистской зрелости, вследствие чего фундаментальные устои классической философии были подвергнуты разрушению. В ситуации постмодерна философии удалось выработать новый язык для объяснения окружающего мира, места и роли человека в нем.

В постмодернистской перспективе человек предстает несубстанциональным, полым образованием, не обладающим изначально заданной универсальной сущностью и как следствие – лишенным всякой устойчивости. Благодаря проведенной здесь деструкции единства и центрального для человеческого существования положения Я за человеком признается возможность самостоятельного конструирования собственных идентичностей.

Постмодернистская онтология отрицает возможность существования абсолютной, верифицируемой и вечной истины, а, следовательно, и совершенного универсального языка, с помощью которого могут быть выявлены единые основания и закономерности мира. Относительно устройства всего существующего провозглашается, напротив, многовариантность, полифоничность, плюральность истин, мнений, взглядов, точек зрения. Причем плюрализм постмодернистского мышления не является следствием поверхностности подхода или безразличия, он представляет результат осознания бесспорной ценности различных концепций и проектов. В данной интеллектуальной традиции культурное пространство определяется как ризома и осмысляется как незавершенное множество пересечений различных культурных стратегий, открытое разнообразным интерпретациям и чужеродным воздействиям. Таким образом, в философии постмодерна произошло осознание ограниченности интеллектуальной западноевропейской традиции, вызвавшее трансформацию ключевых онтологических и гносеологических установок; в рамках постмодерна было выработано новое понимание субъективности, социальности, историчности, разработаны своеобразные когнитивные стратегии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА:

1. В чем заключается постмодернистская критика «великих метанарраций»?
2. Как изменилась трактовка субъективности в социологии и философской антропологии постмодерна?
3. В чем заключается новое осмысление идентичности?
4. Как соотносятся взгляды Делеза и Гваттари с психоаналитической теорией личности?
5. В чем сущность «шизоаналитического» осмысления человека?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Козловски П. Культура постмодерна. – М., 1997.
2. Философия: учебник для вузов. Под редакцией В.В. Миронова. – М., 2005.
3. Спиркин А.Г. Философия: Уч. – М.: Гардарика, 2010.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Алейник Р.М. Постмодернизм и социально-гуманитарное знание. – М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева. – М., 2009.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М., 1998.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. – Екатеринбург, 2007.
4. Полякова Н. Двадцатый век в социологических теориях общества. – М., 2004.

§4.9. ТОВАРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ (ЭКОНОМИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ)

Социоэкономические предпосылки и этапы развития либерализма как идеологии

Либерализм («либеральный» от лат. Liber – «свободный) – идеологическое и политическое течение, объединяющее сторонников демократических свобод и свободного предпринимательства. Это сложный и многоплановый феномен, по-разному проявляющийся в различных социокультурных пространствах, имеющий долгую историю становления, претерпевший существенные трансформации, которые привели к возникновению разных его форм и направлений, течений, между которыми имеются глубокие противоречия и порой возникают конфликты. У истоков либерального мировоззрения стояли такие мыслители как Дж. Локк, Л.Ш. Монтескье, И. Кант, А. Смит, В. Гумбольдт, Т. Джефферсон,

Дж. Медисон Б. Констан, А. де Токвиль и др. В дальнейшем их идеи были развиты И. Бентамом, Дж. С. Миллем, Л. Хобхаузом и другими представителями западной общественно-политической мысли. Таким образом, большой вклад в формирование либерального мировоззрения внесли сторонники европейского и американского просветительского движения, французские физиократы, представители немецкой классической философии, европейской классической политэкономии и английские утилитаристы.

В развитии либерализма немаловажную роль сыграла буржуазия, выделившаяся в качестве социального субъекта на этапе подготовки и перехода к Новому времени. Прежде всего, утверждение нового антропологического типа буржуа разрушило феодальные патриархальные отношения с их жесткой социальной иерархией, сословной определенностью жизненно-значимых занятий, тягой к общности. Различные аналитики психосоциальной значимости развития буржуазии (В. Зомбарт, О. Шпенглер, Э. Балибар и др.) подчеркивают ее определенность экономической сферой: ядром буржуазного мироощущения выступает чувство всеобщего торга, всецело ориентирующее действия индивида на материальную выгоду и определяющее поведенческие стандарты, исходя из критерия конкурентноспособности. В ледяной воде эгоистического расчета буржуазия топит священный трепет религиозного экстаза и энтузиазм выражения собственной значимости любого сословия феодальной иерархии. Все сословное исчезает, все священное оскверняется, люди смотрят на свое жизненное положение и свои взаимные отношения в перспективе их сравнимости в абстрактных количественных эквивалентах: в буржуазном сознании ценность действия, жизненного выбора, профессионального занятия определяется в опоре на их денежный перерасчет. Этот настрой на выгоду каждого поведенческого проявления приводит к демократизации экономики: типичные для феодального труда любовно сделанные, доведенные до совершенства в каждой детали вещи впредь становятся редкостью, сфера производства сосредотачивается на изготовлении стандартных дешевых товаров. Подобная демократизация производства и техническое усовершенствование средств сообщения выступили тяжелой артиллерией, с помощью которой буржуазия разрушала все сословные, экономические и культурные различия феодального мира. Выражением этого нового самочувствия буржуа выступила идеология раннего либерализма, в ней были сформулированы основные принципы буржуазного общественного устройства, пришедшего на смену феодальной иерархии.

Выступая с критикой феодальной регламентации, французские физиократы, а вслед за ними шотландский философ и экономист XVIII в. Адам Смит, активно поддержали выдвинутый торгово-промышленными кругами лозунг «laissez faire» («не мешайте действовать»), требовавший ликвидации цеховой регламентации, ограничений внешней торговли и т.д. «Система естественной свободы» Смита предполагала предоставление

полного простора частной инициативе, освобождение экономической деятельности из-под опеки государства, обеспечение условий для свободного предпринимательства и торговли. В свою очередь идеологи Английской буржуазной революции XVII в. (Дж. Локк и др.) внесли существенный вклад в разработку и пропаганду идейных оснований буржуазно-парламентского строя. Впоследствии многие из этих идей, выдержанных в духе концепции «правового государства» – конституционного правления, основанного на разделении власти между исполнительными и законодательными органами, обеспечении основных политических прав граждан, включая свободу слова, печати, вероисповедания, проведения собраний и т.д. – вошли в идейно-политический арсенал либерализма.

В XIX в. с утверждением буржуазного общественного строя постепенно начали нарастать апологетические тенденции либерализма. Из идейного наследия выбирались лишь те положения, которые отвечали нуждам только крупной буржуазии как господствующего класса. Вера просветителей в прогресс, в торжество разума уступила место апологии здравого смысла; идея равенства была истолкована применительно к производственным отношениям капиталистического общества как «равенство возможностей» агентов товарно-промышленного производства. Либерализм стал выполнять функцию идеологического обоснования и закрепления в массовом сознании ценностных установок предпринимательского сознания. На протяжении XIX в. либерализм отстаивал идею общественного устройства, при котором регулирование социально-экономических отношений осуществлялось бы спонтанно, через безличный механизм «свободного рынка». Единственную функцию государства либерализм усматривал в том, чтобы охранять собственность граждан и устанавливать общие рамки свободной конкуренции между отдельными производителями. Наибольшего расцвета либерализм достиг в классической стране промышленного капитализма – Великобритании. Наряду с программой буржуазных реформ, рассчитанных на создание благоприятных условий для свободного предпринимательства, было дано этическое «обоснование» неограниченной погони за прибылью в философии утилитаризма И. Бентама и в позитивизме Дж. С. Милля.

Бентам полностью подчинил поведение человека миру вещей, власти денег. Деньги – основной идеал Бентама, они диктуют, по его мнению, каждый шаг в поведении человека. В теоретической форме Бентам зафиксировал то, что складывалось в реальной практики буржуазных кругов современной ему Англии. Его утилитаризм в свою очередь формировал новое поколение предпринимателей-собственников с их откровенной торгашеской моралью. Как говорил один из героев Ч. Диккенса в романе «Тяжелые времена», «все на свете должно быть оплачено…», «никто, ни под каким видом не должен ничего давать и оказывать никакой помощи бесплатно». Этот кодекс буржуазной морали вытекал из принципов этики Бентама.

В отличие, например, от французских материалистов XVIII века, которые подчеркивали необходимость пользы для всего общества, верили в торжество добра в виде справедливости, что, по их мнению, и должно было составить счастье народа, для Бентама единственным мерилом добра выступает польза. Следуя ему, все, что приносит благополучие, выгоду и удовольствие и есть добро и счастье. За основной мотив всех поступков человека он выделяет стремление к удовольствиям, к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес, эгоизм. Взаимодействие между собственниками должно осуществляться на взаимовыгодных интересах. В полном соответствии с торгашеским расчетом Бентам создал каталоги простых удовольствий, которые у него расписаны как в бухгалтерских книгах, и сведены к 14 группам. Человек нравственный, добропорядочный у него тот, кто умеет точно рассчитать свой интерес, и, наоборот, безнравственный поступок – это попросту неверно рассчитанный собственный интерес. В любом случае человеческое существование откровенно сконцентрировано на эгоистических ценностях практической морали. Последователь И. Бентама английский философ Дж. С. Милль, вследствие популярности в Европе социалистических идей, пытался немного сгладить излишнюю откровенность своего предшественника рассуждениями о «благе всех», но в тоже время оправдывал эгоизм во имя торжества единичной пользы, единичного удовольствия отдельного человека при полном безразличии к другим людям.

С вступлением капитализма в монополистическую стадию, и особенно с переходом к государственно-монополистическому капитализму, идеология классического либерализма подвергалась существенной перестройке, прежде всего в вопросе о социально-экономической роли государства. Благодаря трудам таких экономистов и философов как Ф. фон Хайек, Л. Мизес, В. Ойкен, М. Фридмен, Р. Минделл и др. возникла концепция «нового либерализма» или «неолиберализма» Несмотря на различия, обусловленные национальной спецификой, неолибералы единогласно признают свободный рынок наиболее благоприятным пространством для эффективной экономической деятельности. Именно посредством свободной рыночной конкуренции наилучшим образом осуществляется регулирование экономических и социальных процессов, рационального распределения экономических ресурсов и удовлетворения запросов потребителей. Однако на деле свобода предпринимателей сводилась к получению сверхприбыли за счет эксплуатации униженных и экономически ущемленных пролетариев, что почти за столетие до возникновения неолиберализма привело К. Маркса и его сторонников к созданию социополитической модели коммунизма, которая подразумевает революционное освобождение угнетенных рабочих от своих оков. Примером реализации данной модели выступает Советский Союз. Придя к власти, советский пролетариат в конечном итоге создал бесклассовое действительно равноправное развитое социалистическое общество.

В этих условиях происходило постепенное ослабление идейных и политических позиций либерализма. В странах Западной Европы либерализм был потеснен социал-демократией и консервативными силами. В США же либерализм, совершив определенную эволюцию и сблизившись с социал-реформизмом, остается одним из влиятельных идейно-политических течений. В тоже время победа мировой системы социализма в середине XX века, заставила апологетов либерализма искать новые пути борьбы с коммунизмом. Особенно эта борьба усилилась после победы СССР над фашизмом и образования мировой социалистической системы. С середины XX в. идеологи либерализма начинают вести против социализма (коммунизма) настоящую информационно-диверсионную войну, названную «холодной войной». Идеологи Западных государств начинают противопоставлять потребительские ценности буржуазного мира духовным ценностям советских гражданам. Главную их задачу составила пропаганда достижений собственного материального производства и поиск приверженцев показных ценностей, представленных внешне насыщенным американским стилем жизни. Через культурный обмен и торговлю в социалистических странах формировался элитарный слой молодежи, воспринявший тенденции западной моды, а через них и западный стиль жизни. Так в нашей стране формировались группы, усваивающие эталоны потребительских стилей жизни развитых капиталистических стран. В 1960-е гг. к ним относятся так называемые стиляги, в 1970-е гг. – фарцовщики и хиппи, в 1980-е гг. – фирмачи и в 1990-е гг. – новые русские.

Однако, не стоит только негативно оценивать стиль жизни передовых буржуазных государств. Есть в американском стиле жизни и позитивные элементы, связанные, прежде всего, с социально-экономическими условиями жизни общества. Идеальный состав американской семьи, присущей, так называемому, среднему классу, должен состоять из четырех человек – отца, матери и двух детей. При этом рассчитываются и пропагандируются определенные стандарты для наиболее удобной и комфортной жизнедеятельности среднестатистической семьи. Например, комнат в доме или квартире должно быть как минимум на одну больше из расчета на каждого члена семьи. Для стандартной американской семьи рекомендуется дом или квартира из шести комнат: кухня-столовая, холл-гостиная, четыре спальни-кабинета из расчета на каждого члена семьи с примыкающими к ним туалетными кабинами.

Такая материальная обеспеченность является своеобразным регулятором демографической ситуации в стране, которая сегодня обеспечивает достаточно стабильное положение народонаселения США. В конце XX столетия благоприятные возможности роста доходов граждан США за счет ограбления и превращения России и стран третьего мира в сырьевой придаток, позволил существенно увеличить народонаселение страны, в которой за этот период был замечен так называемый «беби–бум».

В нашей стране демографическая ситуация также во многом обусловлена с социально-экономическими условиями жизни общества. В 1985–1988 гг. правительство предоставило семьям определенные льготы, способствовавшие повышению рождаемости в стране, что действительно вызвало ее значительный рост. Хотя после развала экономики бывшего Советского Союза в 90-е годы XX столетия из этих детей государство получило несколько миллионов беспризорников. В настоящее время вновь введены экономические стимулы, так называемый материнский капитал, немного повлиявший на увеличение рождаемости в стране. Но в условиях экономических кризисов, присущих рыночной экономике, неизвестно, насколько стабильным будет это экономическое стимулирование. Если в российском обществе внедрены и укрепляются социально-экономические стандарты «среднего класса», влияющие на регулирование рождаемости, то, значит, нужно стремиться к их реальному осуществлению. На сегодняшний день, по данным социологов, они действительно способствует повышению уровня рождаемости, что, однако, не обеспечивает рост численности российского народонаселения.

Либерализм и потребительский стиль жизни

В капиталистическом обществе с целью преодоления кризисов перепроизводства, а также развития потребительского спроса граждан разрабатывается и рекламируется так называемый стиль жизни, который психологически навязывает потребление конкретных материальных ценностей. Социологи, используя понятие стиля жизни, группируют людей: по месту их проживания, уровню образования, манере одеваться, характеру проведения досуга. При этом используется шкала оценок чисто бытового характера, учитывающая весь материальный состав повседневной жизни человека вплоть до мельчайших деталей одежды, фирменного знака магазина, характера досуга (посещение концерта и оперы, гольф и футбол, теннис и бокс), марки машины, размеров газона перед домом и т.п. По этим признакам судят о месте человека на социальной лестнице, о том, «сколько он стоит», каковы его доходы. Такая градация стилей жизни является питательной средой для потребительского общества, в котором экономический доход является наиболее важным критерием для оценки социальной успешности человека.

На деле эти признаки, образующие материальное облачение стилей жизни, выступают лишь иллюзией социальной идентичности. Рабочий высокой квалификации, как бы он ни стремился усвоить в одежде, характере досуга, типе жилища все признаки стиля жизни бизнесмена «среднего класса», принципиально останется наемным работником. Даже если он обладает частью акций предприятия, на котором работает, получает по ним часть прибыли, но не имеет контрольного пакета акций, то он лишен возможности руководить и распоряжаться этим предприятием. Но при поверхностном взгляде на мир кажется, что стиль жизни и выра-

жает принадлежность человека к той или иной социальной группе. Тем не менее, стиль жизни не может отождествляться с уровнем жизни, который представляет собой конкретно-историческую характеристику социальных групп общества.

Уровень жизни (жизненный стандарт) выражает степень удовлетворения материальных и культурных потребностей, обеспеченности материальными благами, которые характеризуются преимущественно количественными показателями (размер оплаты труда, реальный доход, жилищные условия, уровень образования, культуры и т.д.). Между уровнем жизни и стилем жизни существует связь. Уровень жизни открывает возможности для существования различных стилей жизни. Структура расходов, впрямую определяемых уровнем жизни, зависит от принятого, сложившегося в данной среде стиля жизни. Принятые в среде определенные стандарты стильной жизни, включающие в себя планировку и габариты квартир, марки и модели автомобиля, даже размеры лужаек перед домом и цветы которые на них должны расти, символизируют и отражают уровень благосостояния владельца.

Сам же стиль жизни определяется принятой в данной среде системой и шкалой ценностей, а также характером воспитания, степенью связи с коллективами, степенью включенности данного индивида в коллективную общественно полезную деятельность. Для марксистски ориентированных социальных теоретиков стили жизни производны от классового деления, от всей иерархической дифференциации социума: они опосредованно отражают классовую принадлежность человека, корни которой лежат в производственно-экономической сфере. Но существует и взгляд на стиль жизни как самодостаточный духовный феномен. Для теоретиков, раскрывающих духовные основания экономики (М. Вебер, Т. Веблен, У.Л. Уорнер), сами жизненные стили выступают главной классообразующей силой. Манера одеваться, проводить досуг и в особенности специфика потребления, по их мнению, служат основой социальных различий между людьми; именно костюм, досуг, культурные запросы отличают «своих» от «чужих», сплачивают людей в определенные социальные группы, жесткие границы между которыми почти не преодолимы.

Неотъемлемая черта потребительского стиля жизни – превращение вещей, всех материальных элементов быта из средства в цель существования, достижению которой подчинены время, энергия, жизненные усилия. Человек «не для того ест, чтобы жить, а живет, чтобы есть». Это удовлетворение потребности в смысле жизни сугубо материальным выступает основным механизмом общества потребления, в основании дифференциации которого – специфика потребительских интересов. Анализируя структуру современного потребительского общества, Ж. Бодрийяр продемонстрировал, что потребление того или иного продукта питания, обладание той или иной вещью – от самой прозаичной части туалета до эксклюзивного украшения или предмета старины – выступают здесь как знак, сим-

вол, статус определенного положения в обществе, как признак принадлежности к определенному кругу избранных, возвышающихся над другими, менее благополучными людьми. Люди здесь включены в функциональные и инструментальные взаимоотношения: друг для друга они выступают лишь как средство для приобретения вещей. Причем вещь оценивается не столько по меновой стоимости, а больше как знак престижа, показатель уровня достигнутых жизненных успехов.

Основные принципы либеральной идеологии

Но современное общество потребления, к счастью, далеко не единственное социоэкономическое следствие капитализированной формы либерализма. Следует помнить, что либеральное мировоззрение само по себе никогда не было однородным, оно всегда было открыто для взаимодействия с различными направлениями общественно-политической мысли. Кроме того, либерализм формировался и развивался в различных национально-культурных условиях, поэтому в разные исторические периоды и в разных социокультурных пространствах он выступал в различных вариантах, приобретал своеобразную культурную окраску. Но, несмотря на все вариации, возможно выделить идеологически цельную совокупность принципов, которые объединяли представителей самых различных течений внутри либерализма.

Основными принципами либерализма являются:

- самоценность индивида и его ответственность за свои действия;
- наличие частной собственности как необходимого условия индивидуальной свободы;
- принципы свободного рынка, свободной конкуренции и свободного предпринимательства;
- равенство возможностей индивидов;
- идея правового государства и равенства всех граждан перед законом;
- терпимость и защита прав меньшинств;
- гарантия индивидуальных прав и свобод (свобода совести, слова, собраний, создания партий, личная свобода, право на собственность);
- всеобщее избирательное право.

Принципы либерализма также включают идею правительства, избираемого на честных выборах; прозрачность государственной власти, когда функция последней сводится к минимуму, необходимому для обеспечения этих принципов; свободного обмена политически значимой информацией.

Либерализм, таким образом, является не только экономической теорией и политическая идеологией, но и мощной философской системой. В этом ключе либерализм представляет собой определенный тип и способ мышления, оригинальную систему воззрений на окружающий мир; на современном этапе развития человечества либеральный тип осмысления мира является ведущим.

Ядром либерального учения с момента его возникновения был принцип сохранения индивидуальной свободы, достоинства человеческой личности, принцип утверждения самоценности человека и его прав. Индивидуализм и автономность человека означали самостоятельность его мысли и действий, готовность к творческой активности, новациям, продвижению вперед и преуспеванию, выступающие мощным стимулирующим фактором развития производительных сил капиталистической системы. Элементом, гарантирующим такую свободу личности, являлась частная собственность, неотъемлемая и неотчуждаемая от индивида.

Идеологические основания современного процесса глобализации

Придание принципу свободы и автономности индивида, его праву на частную собственность центральной значимости привело в экономической сфере к торжеству идеи свободного, неконтролируемого государством рынка, всецело построенного на принципе свободной конкуренции. В этом случае стоимость товаров и услуг должны определяться свободным выбором индивидуумов, а экономическое неравенство, которое может возникнуть из-за неравных позиций при заключении сделок и соглашений, следует воспринимать как естественный результат конкуренции.

Укрепление и распространение либеральной экономической модели свободного рынка благоприятствовало перемещению людей, товаров и капитала, что привело, в свою очередь, к углублению и усилению торговых связей и отношений между государствами, увеличению миграционных потоков. Эта тенденция интеграции обусловила возникновение идеи единого взаимосвязанного мира. Таким образом, либеральная идеология послужила основанием процессов, которые сегодня принято называть процессами глобализации.

Сущность и исторический генезис процесса глобализации

В теориях глобализации современная реальность определяется в терминах связанности, интенсификации различных трансграничных экономических, политических, культурных отношений, трансформации мировой экономики, интенсификации миграций, разрушения границ. Для описания вышеперечисленных явлений до введения термина «глобализация» использовались такие понятия как «мировое сообщество» (Н. Луман), «мир-система» (И. Валлерстайн и его последователи), «сетевое общество» (М. Кастельс). Однако со временем они были вытеснены понятием глобализация, «глобальное общество», «глобальный мир» и «глобальная культура». В пространстве аналитики современности глобализация одно из наиболее часто употребляемых понятий, использующихся для обозначения основных современных социально-культурных и экономико-политических тенденций.

Для определения сущности глобализационных процессов обратимся к одному из наиболее авторитетных теоретиков глобализации, немецкому

социологу У. Беку, который предлагает различать понятия глобализм и глобализация. Под глобализмом он понимает «идеологию господства мирового рынка, идеологию неолиберализма, <…> которая сводит многомерность глобализации только к одному хозяйственному измерению <…> и обсуждает другие аспекты глобализации – экологический, культурный, политический, общественно-цивилизационный <…>, только ставя их в подчинение главенствующему измерению мирового рынка»[92]. Глобализацию же Бек рассматривает как процессы, в которых национальные государства и их суверенитет включаются в сеть транснациональных квазисубъектов, подчиняясь их властным возможностям, их ориентации и идентичности. Глобализация, таким образом, представляет собой совокупность процессов, ведущих к усилению международного, межнационального, межкультурного взаимодействия, преодолению границ и рамок национальных государств, разрушению административных барьеров между странами, установлению принципа прозрачности границ для капиталов, товаров, инвестиций и людей, расширению различных наднациональных и надгосударственных структур.

Говоря о процессах глобализации необходимо выделять не только глобализацию экономической сферы, но и другие, не менее важные сферы, которые сегодня подвержены существенным трансформациям. Можно говорить о нескольких измерениях глобализации – информационной, коммуникационно-технической, экологической, политической, правовой, демографической, собственно экономической, глобализации рабочей кооперации и производства, а также глобализации культуры. Но на сегодняшний день экономическая глобализация (в которой возможно выделить такие сферы как глобализация торговли, производства, инвестиций, организационных идеологий, финансовых рынков и рынков труда, долгосрочных и краткосрочных инвестиций) по сравнению с глобализационными процессами в иных сферах культуры достигла наивысшей интенсивности: в настоящее время «лишь рынок капиталов является подлинно глобальным, так как только капитал без всяких препятствий мигрирует в места наиболее выгодного своего приложения»[93]. Более того, по утверждению известного финансиста Дж. Сороса, трансформация международных организаций заметно отстает от развития мировых финансовых рынков, а политические формы не успевают за глобализирующейся экономикой[94]. Таким образом, многочисленные сферы человеческой жизни были затронуты глобализацией не одновременно, в разной степени и в разных масштабах.

В исследовательской литературе начало глобализационных процессов связывается с разными историческими эпохами. Например, социолог, исследователь проблемы мультикультурализма Г. Тернборн не считает современную глобализацию исторически уникальной, и выделяет шесть

---

92 Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001. – С. 23.

93 Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2001. – С. 72.

94 См.: Soros G. George Soros on Globalization. Oxford, 2002. – P. 7.

больших глобализационных волн, первая из которых относится им к распространению мировых религий в IV–VII вв. Эта волна и все последующие, по его мнению, сопровождались обратными периодами «деглобализации»[95].

Один из наиболее известных исследователей проблемы, американский социолог и экономист И. Валлерстайн связывает возникновение глобализационных процессов с 1450 годом, означавшим начало формирования капиталистической системы. Глобализация в его трактовке также оказывается отнюдь не новым явлением, а процессом, длящимся уже более пятисот лет и близящимся к собственному завершению. В истоки глобализации – возникновение в Европе в XVI столетия уникальной капиталистической миро-экономики, характеризующейся разделением труда, наличием свободных наемных рабочих, промышленным производством, ориентированным на продажу на рынке с целью получения максимальной выгоды. Данная миро-экономика, по Валлерстайну, приобретает экспансивное развитие, поскольку промышленное производство требовало доступа к природным сырьевым ресурсам и новым рынкам сбыта. Эта экспансия привела к исчезновению существовавших ранее локальных, закрытых для значимого политического, экономического и культурного взаимодействия сообществ, для которых было характерно полное разделение труда внутри себя и жесткие практически не допускающие внешних воздействий культурные рамки[96].

Действительно, соглашаясь в целом с вышеприведенными высказываниями, отметим, что процессы преодоления национальных границ начались задолго до возникновения самого термина «глобализация». Однако именно сегодня эти тенденции приобрели настолько всеобъемлющий, широкомасштабный и весьма противоречивый характер. Эта всеохватность позволяет нам отличать современный этап интеграции и объединения от предыдущих этапов, которые можно назвать пред- и прото- глобализационными.

Цели современного процесса глобализации

Глобализационные процессы во всех измерениях реализовали мечты о свободном перемещении товаров, капиталов и людей, во многом воплотили идеалы либерального мировоззрения, но при этом эти идеалы претерпели столь существенные изменения, что привели к постановке вопроса о критическом состоянии современного либерализма и даже о его крахе в качестве идеологического базиса современной западноевропейской цивилизации.

---

[95] Тернборн Г. Глобализация и неравенство // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста. – М., 2004. – С.80.

[96] См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001. – С. 27.

В современном глобальном мире существенным образом изменились поведение и самосознание человека, пространственно-топографические измерения его жизни, трансформировались формы его самопрезентации, структура личности и комплекс ценностных установок, появились новые способы взаимодействия и мировосприятия людей. Для того чтобы проследить и объяснить эти изменения, необходимо остановиться подробнее на нескольких проблемных точках глобализационного дискурса.

Как мы отметили выше, глобализация – это неизбежный процесс преодоления автономности, самодостаточности культурных пространств, реализующий их приобщение к глобальному мировому пространству. Сегодня это происходит благодаря новому информационному порядку, возникшему вследствие «коммуникационной революции» во второй половине XX века. Сама коммуникационная «революция» стартовала в середине 1920-х гг. с распространения систематического радиовещания на коротких волнах. С начала 1960-х гг. уже развивается телевизионное вещание через ретрансляционные спутники, а с начала 1970-х гг. – возникают компьютерные сети. Таким образом, массовые коммуникации перестали быть пространственно ограниченными, что обусловило возникновение нового информационного порядка, способствующего увеличению количества информационных потоков, интенсивности их воздействия и масштаба тиражирования знаков, символов, образов. Нарастание взаимной информированности благоприятствует преодолению отчуждения между культурами и, таким образом, делает новый информационный порядок одним из основных глобализирующих факторов.

В настоящее время практически отсутствуют изолированные друг от друга сообщества. Благодаря глобальной сети интернет человек получает возможность присутствовать в любом свободно избираемом им пространстве, получать любую требуемую информацию, общаться и взаимодействовать с любым адресатом в любой точке земного шара.

В данных условиях человек оказывается в новом типе сжатого пространства, характеризующегося упраздненной географией, в ситуации совместного переживания тех событий, которые происходят на расстоянии многих тысяч километров от его местонахождения. Глобализация способствует стягиванию пространства, устранению дистанции, формированию предельной близости с другими. В некотором смысле человек максимально приблизился к идеальному человеку-кочевнику, свободно и беспрепятственно перемещающемуся в пространстве.

Процессы глобализации культуры, таким образом, выражаются в сближении культур и этносов, росте их взаимодействия, размывании культурных границ, их беспрецедентной проницаемости, создании мультикультурных обществ. В такой ситуации должна наблюдаться тенденция плодотворного сосуществования различных культурных миров, их активного диалога, ведущего к установлению сходства и близости ценностных и мировоззренческих установок. Результатом глобализационных процессов в сфере культуры по аналогии с глобализацией в других сферах должно стать формирование единого, универсального культурного пространства –

глобальной культуры, обладающей определенным набором языков для описания новой экономической, политической и социальной реальности, формирование такой знаковой системы, которая стала бы приемлемой для всех культур, вовлеченных в процесс глобализации.

Культурный империализм неолиберальной глобализации

Однако на практике формирование такого пространства, в котором равноценно и равноправно сосуществовали бы разные культурные тактики и стратегии, не происходит. Технический прогресс, компьютеризация и интернетизация, которые позволяют миру «сжиматься», имеют и вторую неприглядную сторону. Техническое оснащение играет существенную роль в процессе глобализации культуры, а отсутствие технических возможностей у ряда стран приводит не только к невозможности этих культур воспринимать информацию, но и продуцировать и распространять ее, что обуславливает порой даже невозможность их заявления о своем существовании. Итак, современные процессы глобализации могут привести не только к благотворному взаимодействию культур, но, напротив, к подавлению культурного разнообразия со стороны лидирующей в социополитическом и техническом отношении культуры.

Наличие такой лидирующей стороны предполагает, что глобализация как таковая не является «естественной» тенденцией развития мирового сообщества. Утверждение «естественного» характера глобализации, наиболее тщательно обоснованного польским социологом З. Бауманом, было бы весьма удобным, так как оно устраняет вопрос о ее конечном итоге ил целях. Утверждение «естественности» глобализационных процессов дает возможность воспринимать глобализации как данность, факт, с которым просто нужно смириться, и постольку не позволяет выделить ее субъект, а следовательно и отыскать виновника возможных негативных последствий.

Существует подход, развиваемый Р.В. Коксом и др., согласно которому глобализация является процессом, вызванным к жизни особой внутренней логикой развития рынка, финансов, то есть безличных, по сути, структур. В этом случае, будучи результатом «структурных изменений капитализма, которые воплощаются в деятельности многих людей, организаций и государств, которые также порождают новые отношения и модели поведения»[97], глобализация не может рассматриваться как следствие «сознательного выбора» определенных политических лидеров. Однако в действительности, глобализация представляет собой управляемый, «рукотворный» процесс, в котором присутствуют нескольких функционально различных участников – управляющих и управляемых, активных и пассивных, самостоятельных и зависимых.

Глобализация, основанная на либеральном принципе свободного рынка, имеет собственной исходной точкой западноевропейские государства и США, которые, вовлекая в процессы объединения и интеграции другие, менее богатые страны, зачастую вызывают усугубление положения

[97] Cox R.W. Global Perestroika//Approaches to World Order. – Cambridge, 1996. – P. 296.

развивающихся стран, их дальнейшее обнищание и истощение. Транснациональные корпорации (ТНК) размещают свое производство там, где дешевле рабочая сила, гибче налоговое законодательство, где можно не заботиться о защите окружающей среды – то есть в странах третьего мира. Не выдерживая конкуренции, эти страны попадают в еще более тяжелую для них финансовую зависимость. При этом глобальные финансовые рынки приносят выгоду странам, находящимся в центре международной рыночной системы, в особенности США. Финансовые рынки «всасывают» большую часть сбережений и прибыли, создаваемых во всем мире, перекачивают их в центр, откуда они затем вновь отправляются на периферию либо непосредственно через финансовые инструменты вроде акций и облигаций, либо опосредованно через транснациональные корпорации. Центр является поставщиком финансовых и всех прочих услуг, начиная от информации и высшего образования и заканчивая развлечениями, и одновременно «базой» для большинства транснациональных корпораций. Поэтому он получает львиную долю всех доходов.

Альтерглобалисты, анализируя современную ситуацию в области экономики и производства, субъектом негативной гегемонии называют, прежде всего, ТНК, выступающие как меж- и над- государственные институциональные формы международного капитала, воздействующие на мировой рынок рабочей силы, потребителей, превращая их в стандартизированных клиентов, на мелкий бизнес, на ряд государств, на информационные системы и массовую культуру.

Политика неолибирального глобализма сегодня зачастую реализуется в виде культурного империализма, при котором человечеству в качестве универсальной навязывается только одна культурная модель – а именно американо-европейская. Влияние американо-европейской культуры на культуры других стран обуславливается, в частности тем, что глобальные потоки информации находятся под контролем транснациональных монополий, прежде всего американских. В связи с этим весьма распространенное понятие культурный империализм иногда заменяется термином «медиа-империализм». И хотя масс-медиа должны быть нейтральным техническим средством, служащим для распространения информации и культурных паттернов, они, тем не менее, целенаправленно узурпируются одной конкретной культурой и соответственно утверждают приоритет ее традиции. Таким образом, глобализация способствует распространению либерально-демократических ценностей в чужеродных им культурных пространствах, размывает тем самым локальную, традиционную культуру, и унифицируя ее, угрожает культурному многообразию человечества.

Культурная агрессия зачастую выражается отнюдь не в прямых формах насилия: она может дать о себе знать в «цивилизованных» формах экономической помощи и в форме распространения однообразной, клишированной массовой культуры. Последнее явление получило название Макдоналдизации.

Макдоналдизация выражается в форме тиражирования по всему миру «золотой арки» McDonald’s, товарных знаков Coca-cola, джинсов Levi’s, спортивных товаров Nike. Американский историк Р. Стил так описывает

культурную политику собственной страны: «Именно США являются подлинно революционной, изменяющей мир державой … культурное давление посредством Голливуда и Макдоналдсов ощутимо во всех углах планеты, и это давление подрывает другие общества. В отличие от традиционных завоевателей, мы не довольствуемся подчинением себе всех, мы настаиваем на том, чтобы они стали нашим подобием. Разумеется, для их собственного блага»[98]. Стандарты одежды, музыкальные и гастрономические предпочтения, характер развлечений универсализируются на наших глазах. Происходит постоянная фабрикация всеобщих товарных символов культуры, «возникает единый мир, но не как признание многообразия, взаимной открытости, то есть плюралистическо-космополитической природы представления о себе и других, а наоборот как единый товарный мир. В этом мире локальные культуры и идентичности утрачивают корни и заменяются символами товарного мира»[99].

С наибольшей скоростью и наиболее успешно глобализуется американизированный масскульт, который легко повсеместно усваивается молодежью. Таким образом, глобализация способствует нивелированию локальных, самобытных культурных традиций, замещая их дешевым, усредненным, поверхностным культурным товаром. Это приводит к утрате национальной, этнической идентичности, потере интереса к национальным ценностным паттернам. Человек теряет уникальную среду собственного существования, ломая собственные культурные стереотипы, заменяя их новыми принципами западной культуры потребления, основными чертами которой являются развлекательность, коммерциализация, поверхностность, безосновность, гедонизм, приоритет материального благополучия, стремление жить сегодняшним днем.

Неслучайно, что глобальная культура понимается некоторыми исследователями как продукт глобальных телекоммуникационных систем, некая смесь «идущего отовсюду и ниоткуда». Так, современный английский философ, экономист Д. Энтони Смит определяя ее как исторически неглубокую, беспамятную, подчеркивает, что она «демифологизирована и амбивалентна, … формируется вокруг принципа «здесь и сейчас»… она ценностно-нейтральна и лишена традиций, в отличие от прошлых культур, которые строились вокруг общих воспоминаний, традиций, мифов, архетипов и символов … , поэтому она не отвечает живым потребностям людей и не создает воспоминаний»[100]. Эта ценностное зияние, пустота значений создает опасное пространство, где с легкостью может обитать человек без культурной памяти, ценностных установок, этической позиции, всецело проникнутый консьюмеристким мировосприятием, абсолютно лишенным самотождественности.

---

98 Цит. по: Фридман Т. Lexus и олива. – СПб, 2003. – С.342.

99 Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001. – С. 82.

100 Smith Antony D. Nations and Nationalism in a Global Era. – Cambr., 1995. – P. 23.

Культурный смысл сопротивления глобализации

В этой ситуации особенно острой становится проблема сохранения и усиления национальной и культурной идентичности. Все чаще возникают различные формы протеста против стирания культурных различий – антикосмополитические настроения становятся чуть ли не доминирующей тенденцией мирового сообщества. Глобализм провоцирует мощные взрывы локализма – противоположные ему тенденции к партикуляризации, стремления сохранить культурную самобытность и экономическую самостоятельность вызывают усиление националистических настроений, иногда перерастающих в радикальные фундаменталистские течения. Фигура признающего чью-либо идентичность чужака сегодня переживает существенную трансформацию: она больше не является обязательным условием обретения себя, напротив – в ней видят разрушителя, воплощающего в себе угрозу самобытности. Распространение нетерпимости к иному приобретает сегодня угрожающий характер. Неевропейские культуры стремятся отстоять свою самобытность – право на сохранение своего культурного кода. Особенное восстает против унифицированного и всеобщего, против репрессивного давления Запада, который, по словам Ж. Бодрийяра, занял позицию Бога, приписав себе божественное всемогущество и абсолютную моральность. И изменить этот установившийся порядок становится в силах лишь терроризм – тотальный акт восстановления единичности. Все проявления единичного (виды, индивиды, культуры), которые заплатили смертью за установление мирового торгового оборота, сегодня мстят за себя с помощью террора, направляемого на любую гегемонию господства. При этом сила террора столь велика, что можно говорить о его победе над идеологией глобализма. Крах последней очевиден на примере падения системы ценностей, идеологии свободы, свободного перемещения и т.д., которые ранее выступали гордостью западного мира. На сегодняшний день западный мир вынужден задуматься об ограничении тех свобод, которые были провозглашены когда-то непреходящей ценностью. Более того, возможно, либеральной глобализации придется, в конце концов, реализовать противоположный к себе сценарий – полицейскую глобализацию, проникнутую тотальным контролем и страхом за безопасность собственных участников.

Либеральный процесс глобализации, таким образом, оказывается весьма противоречивым феноменом, приводящим к ряду негативных последствий – к социальной нестабильности, к ощутимому кризису базовых ценностей, к нежелательному одностороннему экспорту образцов американской и европейской культуры, заметному росту этноцентристских настроений, а также к утрате привычных механизмов самоидентификации личности.

РЕЗЮМЕ

Либерализм – это определенный тип и способ мышления, система воззрений и концепций в отношении взаимодействия человека и мира, основными принципами которого выступают самоценность индивида и индивидуальной ответственности; равенство возможностей индивидов; сво-

бодный рынок и свободная конкуренция; правовое государство и равенство всех граждан перед законом; терпимость и защита прав меньшинств; гарантия индивидуальных прав и свобод. У истоков либерального мировоззрения стоят сторонники европейского и американского Просвещения, французские физиократы, представители немецкой классической философии, европейской классической политэкономии и английские утилитаристы. На сегодняшний день именно либерализм определяет общие экономико-политические и социо-культурные тенденции человечества и лежит в основе магистральных для мирового сообщества процессов глобализации.

Глобализация представляет собой совокупность процессов, ведущих к усилению международного, межнационального, межкультурного взаимодействия, преодолению границ и рамок национальных государств, разрушению административных барьеров между странами, установлению принципа прозрачности границ для капиталов, товаров, инвестиций и людей, появлению различных наднациональных и надгосударственных структур.

На сегодняшний день политика неолибирального глобализма зачастую реализуется в виде культурного империализма, при котором человечеству в качестве универсальной навязывается только одна культурная модель – а именно американо-европейская. Таким образом, глобализация способствует распространению либерально-демократических ценностей в чужеродных им культурных пространствах и ослабляет тем самым локальные культуры. Именно поэтому либеральный проект глобализации оказывается весьма противоречивым и приводит к ряду негативных последствий, а именно к социальной нестабильности, ощутимому кризису базовых ценностей, к нежелательному одностороннему экспорту образцов американской и европейской культуры, заметному росту этноцентристских настроений.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала:

1. Каковы основные принципы либерализма?
2. Почему либеральная идеология стала основанием современного процесса глобализации?
3. Что такое «медиа-империализм»?
4. В чем заключается негативные следствия либерального процесса глобализации?
5. Каковы особенности процесса самоидентификации человека в условиях глобализации?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Либерализм Запада XVII – XX вв. / Под ред. В.В. Согрина. – М., 1995.
2. Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. Берлин И. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литер. обозр., 2001.
4. Глобализация в культурологическом измерении: Учебное пособие. Ответственные редакторы А.И. Шендрик, А.В. Костина. – М., 2005.
5. Глобализация: Учебник. / Под общей редакцией В.А. Михайлова, В.С. Буянова. – М, 2008.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001.
2. Задохин А.Г. Глобализация и глобальные проблемы человечества. – М., 2003.
3. Яковец Ю. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М., 2001.

ЧАСТЬ IV.
СИСТЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ И СЕРВИСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 5. ТЕОРИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ

§5.1. ПОТРЕБНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОТРЕБНОСТИ

Содержание понятия «потребность»

Казалось бы, несложно дать определение потребности. Словарь русского языка С. Ожегова так раскрывает его содержание: «Потребность – это нужда в чем-либо, требующая удовлетворения». В том же словаре, нужда определяется как «недостаток в необходимом, бедность». Получается, что если свести потребность только к нужде, то она – показатель бедности. Сложно согласиться с данным раскрытием этого понятия, так как нет таких людей, которые хоть в чем-то не нуждались. Одному не хватает денег, другому – свободы, третьему – власти, и перечень того, в чем нуждаются люди, можно продолжать до бесконечности. Ни в чем не нуждается только труп, что, впрочем, тоже не совсем верно.

Если обратиться к этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, то можно обнаружить, что само слово «потребность» восходит к праславянскому корню **terb*, означающему «корчевать, раскорчевывать», отсюда происходит и глагол «теребить» в значении «дергать». Из значения «корчевать, расчищать» развилось значение «терпеть, работать, обязанность, долг», отсюда оставшееся в церковнославянском языке слово «треба» – служба по просьбе или настоянию верующих, также «жертва». Одновременно, по другим источникам, тот же корень в более древней индоевропейской основе ***trp*, связан со значениями «польза», «источник жизни», «скот», «процветание, произрастание», «насыщение» Потребность, таким образом, это не просто нужда или отсутствие чего-то. Это, вместе с тем, необходимость, долг, условие, которое приходится выполнять для обеспечения процветания, насыщения. Сам корень очень древний, но в основных индоевропейских языках его значение находится в упомянутых границах[101].

Итак, потребность является общей категорией, характеризующей жизнь любого живого организма. Жить невозможно без удовлетворения собственных потребностей, и прежде всего биологических (дыхания, сна, пищи и питья, движения и т.д.). В то же время, мы знаем, что потребности характерные только для человека и способы их удовлетворения во многом отличают его жизнь от жизни других живых существ, делают эту жизнь более глубокой и содержательной, наполняют ее определенным смыслом.

[101] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 4.

Научному изучению потребностей как причин активности человека положили начало еще древнегреческие философы – Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур.

Так, Гераклит полагал, что потребности определяются условиями жизни, а умеренность в удовлетворении потребностей способствует развитию интеллектуальных способностей человека. Демокрит рассматривал потребность (нужду) как основную движущую силу, которая сделала ум человека изощренным, позволила приобрести язык, речь, привычку к труду.

Сократ говорил, что каждому человеку свойственны желания и стремления. При этом главное заключается не в том, каковы желания человека, а в том, какое место они занимают в его жизни. Человек не может усовершенствоваться и выйти из-под власти других людей, если он не в состоянии управлять своими желаниями. Люди, не способные укрощать свои побуждения, являются рабами страстей, привязывающих их к внешним обстоятельствам. Поэтому Сократ предписывал всем, кто желает жить по-человечески, соизмерять желания с общими этическими принципами разумной жизни – справедливостью, мужественностью, рассудительностью, благочестием, а в случае несоответствия, выкорчевывать желания из себя напрочь.

У Платона потребности, влечения и страсти образуют «низшую» душу, которая подобна стаду и требует руководства со стороны «разумной и благородной души».

Аристотель сделал значительный шаг вперед в объяснении поведения человека. С его точки зрения, стремления всегда связаны с целью, в которой, в форме образа или мысли, представлен объект, имеющий для организма полезное или вредное значение. Он считал, что людьми движут 12 независимых друг от друга мотивов-целей. В его списке – удовольствие, уверенность, накопление, величие, честь, амбиции, терпение, искренность, беседа, социальный контакт, умеренность и правота.

Эпикуру приписывают такой афоризм: «Желания бывают: одни – естественные и необходимые; другие – естественные, но не необходимые; третьи – не естественные и не необходимые, а порождаемые праздными мнениями»[102].

Философское осмысление природы потребностей имело и выходящее за пределы античности развитие. Особую сосредоточенность на природе потребностей выказали французские материалисты XVIII века, которые трактовали потребности как беспокойство, вызываемое отсутствием чего-либо, ведущего к удовольствию. Благодаря потребностям, полагали они, возникают все душевные и телесные привычки. Так К. Гельвеций в качестве источника активности человека рассматривал страсти. Физиче-

[102] Эпикур. Главные мысли // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: «Мысль», 1979. – С. 440.

ские или природные страсти, по его мнению, возникают из-за удовлетворения или неудовлетворения потребностей, которые он отождествлял с ощущениями. А П. Гольбах, разработав учение о потребностях, утверждал, что для объяснения активности человека достаточно одних внешних причин. Потребности человека беспрерывны, и это обстоятельство служит источником его постоянной активности.

В традиции русской мысли большую роль потребностям в понимании поведения человека отводил Н.Г. Чернышевский. Только через них, считал он, можно понять отношение человека к человеку, субъекта к объекту, определить роль материально экономических условий для психологического и нравственного развития личности. С развитием потребностей он связывал и развитие познавательных способностей. Первичными являются органические потребности, удовлетворение которых ведет к появлению нравственно-эстетических потребностей.

В XX веке природа потребностей тщательно изучалась в поле психологии. В ее анализе доминирующими становятся теории мотивационно-потребностной сферы, развиваемые такими западными психологами как Г.А. Мюррей, Ф. Райс, А. Маслоу, Р. Рассел и др. В подходах современной западной психологии потребность, как правило, неразличимо сливается с мотивацией, мотивом – психическим образованием, побуждающим к действию. Генри Александр Мюррей (1893–1988) – американский психолог, преподаватель и руководитель кафедры психологии Гарвардского университета, одним из первых стал рассматривать мотивы как устойчивые личностные диспозиции. Вместе с тем, он пришел к заключению, что целенаправленное поведение можно объяснить лишь как результат взаимодействия личностных (т.е. потребностных состояний как желаемых целевых состояний) и ситуативных («давлений» как признаков ситуаций, на которые можно надеяться или которых следует опасаться) факторов. Согласно Мюррею, «давление» активизирует соответствующую потребность, а та, в свою очередь, ищет удовлетворение этому «давлению». Так как именно мотивы и потребности определяют поведение и деятельность индивида, мотивационно-потребностная сфера и составляет ядро личности. По его утверждению, базовые потребности лежат на границе осознаваемого и неосознаваемого и наличествуют у каждого индивида в независимости от факторов среды.

Определяя потребность, Мюррей обозначил ее как конструкт, выражающий силу, которая организует восприятие, интеллект, волю и действие таким образом, чтобы изменить в определенном направлении имеющуюся неудовлетворительную ситуацию. Потребность означает потенциальную возможность организма реагировать определенным образом в данных условиях.

Среди отечественных психологов начала XX века, поднимающих вопросы мотивации, потребностей, поведения следует выделить Л. С. Выгот-

ского. В дальнейшей истории трактовки взаимосвязи потребности и мотивации советской психологией следует выделить следующие достижения.

В 40-х годах мотивацию, с позиции «теории установки», рассматривал Д.Н.Узнадзе, говоривший, что источником активности является потребность.

Анализируя путь развития человеческих потребностей, А.Н. Леонтьев пришел к принципиальной схеме: сначала человек действует для удовлетворения своих витальных (биологических) потребностей, а затем удовлетворяет свои витальные потребности для того, чтобы действовать. При этом потребность обладает побуждающей функцией, тогда как мотив – побуждающей, направляющей и смыслообразующей.

Е.П. Ильин, систематизировав многочисленные точки зрения психологов, рассмотрел этапы формирования потребностей личности и определил потребность личности как «переживаемое человеком состояние внутреннего напряжения, возникающее вследствие отражения в сознании нужды и побуждающее психическую активность, связанную с целеполаганием»[103].

П.С. Симонов считал, что потребности являются основной движущей силой человеческого поведения, и отождествлял потребности с мотивами, тогда как Л.И. Божович утверждала, что только нужда заставляет человека создавать предметы удовлетворения потребностей.

Таким образом, можно увидеть, что в отечественной психологии вопрос отношения потребности и мотива разрешается, как правило, трактовкой потребности как опредмеченного мотива (наиболее аналитичен здесь А.Н. Леонтьев). Мотив же в большинстве случаев раскрывается как внутреннее побуждение индивида к тому или иному виду активности, связанной с удовлетворением той или иной потребности. Мотив и потребность, таким образом, взаимоопределены. Подобная определенность друг через друга вовсе не гарантирует ясности понимания природы потребностей и мотивов. Более того, обзор разноплановых современных работ по проблеме человеческих потребностей предоставляет множество определений и примеров использования понятия потребность. Применение этого понятия в столь широких пределах и различных значениях, демонстрирует, что по отношению к его содержанию еще не существует завершенной теории. Несмотря на разнообразие различных научных подходов к проблеме потребностей, всеохватная теория потребностей еще только складывается.

Тем не менее, дадим наиболее общие определения потребности. *Потребность* – это состояние субъекта, складывающееся на основе противоречия между имеющимся и необходимым или тем, что кажется таковым, побуждающее к деятельности по устранению противоречия. При этом субъект может носить как индивидуальный, так и социальный характер: им может являться как отдельный индивид, так и любая группа людей, любой социаль-

[103] Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2004. – С. 34.

ный институт, социум в собственной целостности, и такие коллективные образования как народ, государство. При этом чем более развит субъект, тем больше круг его потребностей и многообразнее формы их удовлетворения.

Потребности – форма проявления интенциональной (направленной) природы психики, в соответствии с которой живой организм побуждается к осуществлению качественно определенных форм деятельности, необходимых для сохранения и развития индивида и рода. Первично биологической формой потребности является нужда. На ее восполнение направлены инстинкты, в которых заданы и свойства релевантных (существенных, важных) потребностям предметов, и основные поведенческие акты, необходимые для их достижения. Для человека характерно то, что даже те его потребности, которые связаны с задачами его физического существования, отличны от аналогичных потребностей животных. В силу этого они способны существенно видоизменяться в зависимости от общественных форм его жизнедеятельности. Развитие человеческих потребностей осуществляется за счет общественно обусловленного развития их предметов. Субъективно потребности предстают в виде эмоционально окрашенных желаний, влечений, стремлений, а их реализация – в виде оценочных эмоций.

Итак, потребность – это определенная интенция, стремящаяся к определенному результату и желающая этого результата добиться. Потребность подразумевает собой особое состояние психики, которое возможно выразить глаголом «хочу», безотносительно к тому нужно это или не нужно, можно этого добиться или нет, есть ли в наличие средство удовлетворения «хочу» или нет. Наличие потребности само по себе еще ничего не значит. Главное – это ее удовлетворение, для чего необходимо соблюдение двух условий: здоровье, энергия, и знание того, как это сделать; существенную роль здесь также играет и знание последствий удовлетворения потребности. Неотъемлемость этих условий для реализации потребностей хорошо передает высказывание: «Если бы молодость знала, а старость могла». В нем явно обозначено, что есть люди, которые хотят чего-то и имеют для этого силу, но не знают, как этого лучше и легче всего добиться, а есть те, кто хотят и знают, но по определенным причинам не могут этого сделать.

Потребность можно выразить разными словами: желание, влечение, намерение, стремление, прихоть, интерес. По степени влечения потребность может представлять собой слабое желание, ослабевающее или нарастающее, импульсивное, неодолимое, страстное. По способу контроля потребность возможно определять как разумную, осознанную, бессознательную, подсознательную. Подавленная, загнанная в подсознание потребность может повлиять на психику человека, его поведение, на другие потребности и процессы их удовлетворения.

Подходов к анализу человеческих потребностей было много. Люди давно задавались вопросами: что такое потребность, какую роль играют они в жизни человека, какие из них нужные, какие – нет, какие более важ-

ные, а какие – не очень. Главной целью поиска ответов на эти вопросы выступает создание системы нормальных потребностей человека, группы, общества, мира в целом; от разрешения этих вопросов напрямую зависит не только ее формирование, но и определение путей ее удовлетворения. Этой задачей собственно и ведома разработка всеохватной теории потребностей, которая, исследуя все механизмы нормального, то есть культурно приемлемого проявления потребностей, а также их нарушения, способна прогнозировать поведение человека и общества в целом, указывать наиболее рациональные пути удовлетворения потребностей и, таким образом, управлять развитием этих процессов.

Для создания общей теории потребностей необходимо определиться с общим содержанием понятия потребность, а его конкретное содержание будет меняться в зависимости от уровня развития общества и человека. Все отрасли общества направлены на человеческие потребности, но основной, конечно, является экономика. Развитие именно этой отрасли основано на стремлении все более полного удовлетворения постоянно растущих, как с точки зрения количества, так и качества, новизны и разнообразия потребностей человека.

Формы потребности

Потребность, как говорилось выше, является необходимой предпосылкой существования любого живого организма: растения, насекомого, животного, человека. Удовлетворение потребностей составляет основу жизни. Удовлетворяя одну группу потребностей, организм сохраняет себя как индивида, удовлетворяя другую группу – как родовое существо, а человеку необходимо развиться, сохраниться и реализоваться, прежде всего, как социальному существу.

Свести потребность только к нужде будет не совсем правильно, так как потребность может существовать и в форме прихоти, интереса, желания, влечения, даже в форме стимула других потребностей. Каждая из этих форм может обладать разной степенью интенсивности и необходимости собственного удовлетворения. Поэтому потребности можно дать следующее определение: потребность – это определенная степень нужды, которую хочется или необходимо удовлетворить. Здесь степень нужды обозначает степень интенсивности собственного наличия, которая подпитывает процесс удовлетворения потребности, то есть усилия их реализации. Предельная, высшая степень интенсивности – это страсть, которая заставляет человека не думать об оптимальных способах удовлетворения потребности и о возможных последствиях. В состоянии страсти рассудок практически отключается, и человек может переживать любые ее состояния – ярость, панику, восторг. В свою очередь разнообразие желаний как форм выражений потребностей говорит о том, что не все желания можно и нужно удовлетворить, например, прихоти ребенка или капризных женщин. Нужно учитывать то, что факторы, мотивы, вызывающие потребность, могут носить как объ-

ективный, так и субъективный характер. Кроме того, необходимость потребности часто носит скрытый характер. Подобное положение дел имеет место, когда потребность подавляется какой-либо более существенной на данный момент потребностью, отнесена ей на второй план, но от подобной сиюминутной непроявленности потребности, она не становится менее необходимой. Примером этому может послужить увлеченный какой-то идеей человек, забывающий про пищу, сон, болезни, семью, друзей и пр.

В языке существуют и другие слова, прямо или косвенно относящиеся к потребности. Выше мы уже употребили слово нужда. *Нужда,* строго говоря, – это недостаток необходимого, его дефицит. Невоспринятая нужда, может и не представать как потребность. Скажем, в организме может существовать недостаток каких-то веществ – например, дефицит каких-либо микроэлементов, но как потребность в определенной пище этот дефицит может не восприниматься очень длительное время, вплоть до развития серьезного дефицитарного заболевания.

Желание возможно трактовать как субъективное переживание потребности, в которой ключевой характеристикой выступает его целенаправленность. Желание может не совпадать с действительной потребностью, а, напротив, маскировать ее. У человека, например, потребность в признании своей социальной значимости может замаскироваться под желанием совершать асоциальные поступки. Зато заметят! Это, конечно, только пример искаженного субъективного восприятия потребности, которое, однако, не такой уж редкий случай.

Прихоть – это капризное желание, причуда, которое, как правило, носит случайный и не относящийся ни к какой объективной потребности человека характер. Ее основными чертами являются энергетическая слабость и неустойчивость.

Влечение – это сильная склонность к чему-либо, выступающая зачастую как неосознанная потребность. Это проявление потребности человека, имеющее эмоциональную окраску, но еще не связанное с выдвижением сознательных целей. При этом недостаточность сознательного контроля обусловлена тем, что связь предмета и эмоционального отклика на него первоначально должна быть подвергнута цензуре по критерию соответствия образу Я, а это может вести к включению психологических механизмов защиты.

Стремление – мотив, который не представлен субъекту в его предметном содержании, в силу чего на первый план выступает динамическая сторона деятельности.

Основные научные подходы к природе потребностей

Анализом природы потребностей занимаются различные области познания. Это и философия, и экономика, и социология, и психология, и политология, и медицина. Каждая трактует потребность по-своему, в зависимости от акцентируемого ей аспекта и сосредоточивает внимание на одной или

группе потребностей. **Философский анализ** человеческих потребностей рассматривает их с точки зрения соотношения категорий: сущности и явления, формы и содержания. Например, в трактовке просветителей и марксизма в энгельсовской редакции *сущность* любой *потребности* заключается в том, что каждая из них имеет естественную, природную основу, но проявляется в социальной форме, к тому же, эти формы проявления потребности, имеющей одну природную основу, могут различаться. Например, сущностью потребности в групповом, коллективном существовании выступает биологически-мотивированный поиск надежных способов самосохранения, а ее формами – различные типы социальной связи: дружба, товарищество, корпорация, семья и т.д. Но, в свою очередь, духовные формы потребности могут обретать материальные, предметные выражения. Например, если один человек хочет выразить другому человеку свое хорошее отношение, он может сделать это в предметной форме, то есть подарить материальный подарок. В любом случае, согласно данному подходу, неотъемлемой характеристикой потребности и способа ее удовлетворения является то, что они носят общественный характер, то есть их определенность обусловлена обществом, и они служат обществу, но это не исключает того, что на субъективном уровне они могут узнаваться как индивидуальные. И, наконец, такое качество потребности, как ее повторяемость: изо дня в день человек должен спать, есть, одеваться, передвигаться, работать и выполнять другие необходимые обязанности, что иногда навевает тоску, но в то же время, в этот процесс всегда можно внести разнообразие, он допускает творческое переоформление. Итак, философы данного направления считают потребность по своей сущности биологической, природной по содержанию, общественной и духовной по форме, необходимой, обязательной по выполнению. Несмотря на то, что процессы удовлетворения потребностей социально обусловлены, их предметные формы реализации могут отличаться в зависимости от вкусов и фантазии.

На *содержание*, понятое в широком смысле как предметная направленность, *потребности* накладывает отпечаток процесс ее удовлетворения; более того, он может ее определять. Именно последний фактор является предметом *экономического анализа* потребностей.

Развитие экономики, как говорилось выше, является определяющим фактором развития общества в целом, в основе которого лежит удовлетворение растущих человеческих потребностей. Но задача экономики заключается не только в их удовлетворении, но и в формировании новых потребностей. Благодаря экономике, ее прогрессивному развитию, человек из царства необходимости, может перейти в царство свободы. Речь идет о том, что именно благодаря экономическим отношениям человек выходит за границы удовлетворения потребностей природно данным, насыщая их рукотворными вещами, созидаемыми в соответствии с собственным желанием. Поэтому экономический анализ потребности рассматривает ее как *потребление*. Подчеркивается, что для человека потребление должно но-

сить постоянный, непрерывный характер. Потребление можно разделить на: 1) материальное, которое представляет удовлетворение биогенных потребностей субъекта, и 2) духовное потребление, являющееся способом удовлетворения социогенных потребностей субъекта. В духовном потреблении возможно выделить два типа: а) присвоение духовных ценностей; б) удовлетворение потребности личности в творческом самовыражении, в осуществлении ее творческих потенций.

В то же время, если другие подходы к анализу содержания потребности рассматривали ее как переживание или статическое явление, примером чего является распространенное в биологии рассмотрение потребности в качестве нужды, то экономический подход рассматривает ее как процесс с внутренними качественными характеристиками и зависящий от объективных и субъективных обстоятельств.

Экономике свойственно рассматривать *потребность как товар* со всеми присущими ему чертами: затрата усилий и средств на его создание, на его поддержание, на его обмен, продажу и даже потребление. Примером может быть раскрутка какого-нибудь деятеля в шоу-бизнесе, превращения его в кумира, в потребность в нем массы людей, и этой потребностью можно спекулировать. Потребность становится товаром с появлением допускающей конкуренцию торговли, а массовый характер приобретает в условиях индустриального типа общества. Правда, данное явление имеет место, прежде всего, в демократическом индустриальном типе общества, в авторитарном такого явления нет. Так здесь на первом месте стоят интересы государственной бюрократии, а уж в обществе тотального дефицита, основной массе населения приходится удовлетворять свои потребности, используя очереди, блат, подсобное хозяйство, самообслуживание, «черный» рынок.

Социологический подход, в основе которого лежит социальная классификация и стратификация потребностей, рассматривает содержание потребности с точки зрения ее значимости для социальных групп и для общества в целом. Этот подход крайне значим для современного мирового сообщества, поскольку присущие ему глобальные проблемы приобрели характер насущных потребностей всего человечества.

Социологическое рассмотрение природы человеческих потребностей акцентирует их зависимость от воспитания, национальности, вкусов и стиля жизни социальной группы, к которой принадлежит индивид, семейного положения, профессии, место проживания, моды и иных факторов, задающих социальную идентичность. На значимость, с точки зрения социологии, может влиять вид постоянной или сиюминутной деятельности человека, поскольку все виды деятельности (трудовая, организационно-бытовая, досуговая и пр.) сами социально мотивированы.

За основание анализа потребности группы социология берет ее положением в общей структуре социума, поскольку именно оно определяет интересы и ценности группы. Радикальное изменение характера коллек-

тивных потребностей связано, как правило, с вхождением социума в критическую ситуацию – войну, экономический кризис, политические потрясения. Потребности общества, группы могут делиться на жизненно важные и несущественные, на духовные и материальные, разумные и неразумные.

Анализ и классификация потребностей по степени социальной значимости позволяют прогнозировать их изменения, то есть предвидеть появление определенных потребностей после удовлетворения значимых в настоящий момент, и подготовиться к этому. Значение данного прогнозирования состоит в получении социальными институтами и политическими лидерами возможности управлять этим процессом, ускоряя, замедляя или не допуская его.

Психологический подход рассматривает потребность как психическое явление, переживание нехватки чего-либо, характерное как для отдельного индивида, так и для социальной группы. Переживания, чувства носят разнообразный характер и представлены у разных людей поразному. Переживания можно разделить на низшие, имеющие естественный, природный характер, и высшие, формирование которых зависит от общества. Низшие переживания присущи и человеку и животному, хотя у человека они могут быть социально окрашены, а высшие – только человеку. Так, например, потребность в пище и чувство голода не сводятся друг к другу. Чувство голода носит естественный характер, тогда как потребность в пище может быть спровоцирована и не биологическим инстинктом. Например, потребность подкрепиться перед дальней дорогой может стать актуальной даже тогда, когда естественное чувство голода спит; в данном случае она спровоцирована разумом и носит разумный характер. К низшим переживаниям можно отнести голод, жажду, страх, боль, сексуальное стремление; к высшим – свободу, любовь, уважение, красоту, эротизм, сострадание, риск.

В основе потребности как переживания лежат два противоположных чувства – неудовлетворенности и удовлетворенности. Процесс перехода от состояния неудовлетворенности к состоянию удовлетворенности вызывает удовольствие. У животных этот процесс происходит довольно быстро, человеку свойственно этот процесс искусственно затягивать, продлевать. Предельное выражение чувства неудовлетворенности – это ярость; объект же, порождающий это чувство, приобретает характеристику ненавистного. Крайнее выражение чувства удовлетворенности – это восторг, по отношению к объекту оно предстает в форме обожания, фанатизма.

Существует и **медицинский подход** к потребностям. Медицина как наука и искусство издавна сосредоточена на проблеме сохранения в оптимальном состоянии, безболезненном функционировании и длительном существовании человеческого организма. Таким образом, в фокус ее рассмотрения попадает биологическая потребность человека жить, жить подольше и не болеть.

Итак, понятие потребности не может определяться только и исключительно как нужда, поскольку сама степень интенсивности нехватки, нужды у потребности бывает разная. Характеризуя потребность, правильней говорить о степени влечения, проявляемого в форме данной конкретной потребности и, таким образом, располагающей ее на шкале интенсивности, полюсами которой выступают прихоть и страсть. Разные подходы к анализу содержания данного понятия позволяют полнее его раскрыть и использовать в различных областях знания. Философский подход рассматривает сущность потребности и различные формы ее проявления. Экономический подход видит потребность как самодостаточное явление, поскольку человеческому существу действительно присуще непрерывное потребление. Социологический подход рассматривает потребность с точки зрения ее ценности, значимости для социальных групп и общества в целом. Это позволяет классифицировать их, прогнозировать их изменение, а, следовательно, и управлять ими. Исходя из открываемого благодаря данному подходу знания переживания, сопровождающего удовлетворение потребностей, человек может управлять своим поведением.

Потребность как отношение

Рассмотрение потребности в различных научных дисциплинах подводит нас к общему выводу, что потребность, прежде всего, выступает как определенное отношение к чему-либо, какому-либо предмету. *Отношение* – это связь различных величин, предметов, явлений, и, одновременно, это определенный характер поведения, обращения кого-либо с чем-либо. Потребность как отношение может быть обусловлена различными факторами. Во-первых, состоянием самого субъекта, испытывающего потребность. Во-вторых, состоянием окружающей среды, наличием или отсутствием в ней предметов деятельности, способных выступать мотивами для потребности. Предмет деятельности для каждого существа предстает как определенный *мотив* – движущая сила деятельности. В самом простом варианте – хватай и ешь, либо беги и прячься. Потребность формируется мотивом и являет собой определенное отношение человека к предмету и к мотиву. Если человек не выделяет какой-то предмет, не дифференцирует его, то тот не выступает в качестве мотива и, соответственно, потребности в этом предмете у человека нет и быть не может. Человек к нему не относится никак. Предмет в данном случае предстает как нейтральный фон, постольку и не мотивирует потребность, не вызывает отношения. Иначе говоря, различное отношение может быть к одному и тому же предмету, например, – к еде: если я сыт, то равнодушно пройду мимо любого стола с едой, но если голоден, то болезненно среагирую на любой намек на еду.

Таким образом, потребность всегда выступает как переменная величина, производная от определенных внутренних и внешних условий субъекта, устанавливающая определенную связь между этими условиями. В зависимости от состояния среды и собственного состояния субъекта харак-

тер этой связи или отношения будет различен. Все системы воспитания заняты тем, чтобы сформировать определенные связи и отношения между человеком и окружающей его действительностью. В настоящее время под давлением либерально-модернизационных процессов разрушается традиционная культурная среда, прежде всего, такой социальный институт как семья и традиционные группы – группы сверстников, группы старейшин, цеховые и профессиональные организации, одной из важнейших социальных функций которых выступала формирование традиционных ценностей и отношений, в том числе определенной структуры потребностей. В условиях модернизированного общества, потребности как отношения субъекта и окружающей действительности формируются, прежде всего, под воздействием СМИ. Соответственно структуры, контролирующие через властные и рыночные механизмы деятельность СМИ, управляют ценностной сферой общества и направленно формируют потребности основных масс населения. Таким образом, сфера потребностей, рассматриваемых как отношения, в большой мере обусловлена существующими в человеческом обществе властными отношениями, контролирующими распределение материального и интеллектуального общественного продукта.

Резюме

Понятие потребности в настоящее время носит неоднозначный характер – всеохватная теория потребности только еще складывается. В различных научных дисциплинах используются различные понятия потребностей, так, например, для психологии это, прежде всего, мотив деятельности, а для социологии – выражение ценностных установок социальных групп и общества в целом.

Потребности являются общим свойством всего живого и обозначают нехватку, а, следовательно, и нужду в чем-либо. По отношению к человеку свести потребность только к нужде будет не совсем правильно, так как потребность может существовать и в форме прихоти, интереса, желания, влечения, даже в форме стимула других потребностей. Каждая из этих форм может обладать разной степенью интенсивности, которая задает динамику процессу удовлетворения потребности, как бы «подпитывает» его. Определение потребности как определенной степени нужды, которую хочется или необходимо удовлетворить, раскрывает сущностную природу потребностей.

На основании рассмотрения трактовки потребности различными научными дисциплинами возможно сделать общий вывод, что потребность, прежде всего, выступает как определенное отношение кого-либо к чему-либо, какому-либо предмету. Таким образом, потребность выступает переменной величиной, раскрывающей связь, отношение между состоянием субъекта и состоянием внешней среды. Определение потребности как нехватки как раз и передает некоторую неполноту среды, отсутствие в ней чего-либо необхо-

димого, приводящее психику человека к состоянию, называемому потребностью.

Властные институты управляют ценностной и материальной сферами общества, определяющими характер потребностей его членов. Постольку сфера потребностей, рассматриваемых как отношения, обусловлена существующими в обществе властными отношениями, контролирующими распределение материального и интеллектуального общественного продукта.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Сформулируйте содержание понятия потребность. Какова связь между нуждой, необходимостью и долгом?
2. В каких формах может выступать потребность?
3. Перечислите основные научные подходы к определению потребностей. В чем состоит их специфика?
4. Раскройте содержание определения потребности как отношения.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОСНОВНАЯ:

1. Бережной Н.М. Человек и его потребности. – М.: Форум, 2006.
2. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. – М., 2003.
3. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. – М., 2007.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. – М., 2006.
2. Обуховский К. Психология влечений человека. – СПб.: Питер, 2007.

§5.2. СТРУКТУРА ПОТРЕБНОСТИ

Основные характеристики потребности

Рассмотрение структуры потребности требует не только анализа ее состава, но и зависимости потребности от вызвавшей ее причины, от условий процесса ее формирования и удовлетворения, а также от результата удовлетворения данной потребности. Необходимость данного аналитического шага объясняется тем, что каждый из этих факторов влияет на формирование структуры потребности. В данном случае наилучшим оказывается диалектический подход, позволяющий рассмотреть любое явление в его взаимосвязи с совокупностью всех других и, таким образом, раскрывающий процесс изменения и развития рассматриваемого явления. Но очевидно, что одна и та же потребность может растягиваться во времени и наполняться новым содержанием, оставаясь неизменной в собственной сути. Например,

чувство голода. Утоление его может выглядеть, как простое желание набить желудок, независимое от того, чем и в каких условиях. Со временем, человеку становится небезразличным, чем именно удовлетворить данную потребность – он начинает выбирать, предъявлять требование к вкусу, качеству, а потом и к условиям и процессу потребления. Данный пример хорошо демонстрирует развитие потребности в пище: в одном случае ей важен результат, в другом – процесс. Для выхода к структуре этой многосторонней потребности небесполезен диалектический метод, обнаруживающий за многообразием ее изменчивых проявлений единство развивающейся сущности.

В число детерминант человеческой деятельности, помимо потребностей, входят такие внешние факторы и внутренние побуждения, как стимулы, интересы, ценностные ориентации, мотивы, намерения, цели. Потребности определяют отнюдь не все действия людей.

Ранее мы определяли потребность как определенную степень нужды, желания, влечения, стремления, которая носит исключительно внутренний характер, и может, как проявить себя, так и быть скрытой. Потребности бывают как индивидуальные, личностные, так и коллективные, групповые. Коллективными считаются те потребности, которые выражают ценностные установки социальной группы. Если потребность формируется общими устоями и интересами государства, она является общественной, а если зависит от ценностей актуальных для жителей всего земного шара, то она носит мировой, глобальный характер.

Прежде чем перейти к анализу общей структуры потребности, рассмотрим ее на конкретном примере потребности жить. Это основная, фундаментальная, стратегическая потребность; она присуща всем живым организмам, носит абстрактный характер и конкретизируется во множестве других; она может выступать материалом для переживаний на протяжении всей человеческой жизни.

Данная потребность может быть как осознанной, так и не осознанной, инстинктивной. У животных она проявляет себя в момент опасности, когда страх за собственную жизнь, или за жизнь детеныша мобилизует всю энергию для защиты. У человека потребность жить актуализируется с появлением сознания, когда человек осознает конечность своего существования и переживает это. Со временем острота переживания уходит, появляются более актуальные проблемы. Для удовлетворения фундаментальной потребности жить, природа поставила перед любым появляющимся на свет живым организмом два условия – определенный уровень здоровья и знания действий, необходимых для сохранения жизни. Эти знания могут носить как врожденный, инстинктивный характер, так и приобретенный. И если детенышу животного помощь в родительском питании, защите и обучении необходимым для дальнейшей жизни действиям нужна только на начальном этапе его существования, то для человека данная проблема ре-

шается значительно сложнее. Таких потребностей со сложной структурой у человека немало.

Мотив как элемент структуры потребности

Структура потребности начинает формироваться с ее вызвавшей причины. Причина может находиться как вне организма, так и внутри него, она может быть как естественной, так и искусственной, а также как осознанной, так и бессознательной, как скрытой, так и явной. Причина, вызвавшая потребность, может быть рассмотрена как мотив и как стимул. *Мотив* (от лат. moveo – двигаю) – материальный или идеальный предмет, достижение которого выступает смыслом деятельности. Мотив представлен субъекту в виде специфических переживаний, характеризующихся либо положительными эмоциями от ожидания достижения данного предмета, либо отрицательными, связанными с неудовлетворенностью настоящим положением дел.

Другими словами, под мотивом подразумевается переживающийся импульс, побуждающий к активности, двигающий процесс ее реализации, определяющий направленность и цель этого процесса. Мотив предшествует потребности, несмотря на то, что сам процесс ее удовлетворения может выступать мотивом, например, когда мы делаем нечто, ради процесса самой деятельности; мотивом может выступать и результат данного процесса. Так мотивом игры в карты может быть сам процесс игры, состояние азарта, а может быть и возможный, а точнее, желаемый результат.

Мотив всегда объективен по отношению к вызванной им потребности, а мотивировка всегда субъективна: она представляет собой индивидуальное рационализирующее объяснение индивидом причин, побудивших его к выбору данного действия. Мотивировка может служить как для выяснения истинного мотива, так и для сокрытия его. Например, в басне Крылова «Ворона и лисица» мотивом обращения лисы к вороне был сыр, но мотивировала она это обращение как желание послушать пение вороны.

Мотивация осуществляется по чрезвычайно простой «схеме»: сигналы, поступающие от отдельных участков нервной системы, передаются коре головного мозга и создают мотивационное возбуждение, а наличествующий в нем аппарат – акцептор результата действия – направляет активность организма на удовлетворение потребности.

Что касается *классификации мотивов*, то они могут делиться на *естественные* и *искусственные*. Естественные создаются природными обстоятельствами: климатом, природным ландшафтом; искусственные же – самими людьми, преследующими определенные цели, общественной ситуацией и социальными проблемами. По воздействию можно выделить непосредственные и опосредованные мотивы. При этом результат воздействия мотива не всегда однозначен, что хорошо выражено афоризмом

российского политика В.С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда», или знаменитым утверждением: «Дорога в ад вымощена благими намерениями». Кроме того, выделяют *внешние* и *внутренние мотивы*. Мотивы, носящие внутренний характер, включают в себя природные инстинкты, например, естественное чувство жажды или голода; переживания, чувства, которые хочется испытать, повторить или к ним вернуться, а может даже избежать; поставленную сознанием цель, которой необходимо добиться. По отношению управляемости мотивов сознанием выделяют *осознанные и бессознательные мотивы*.

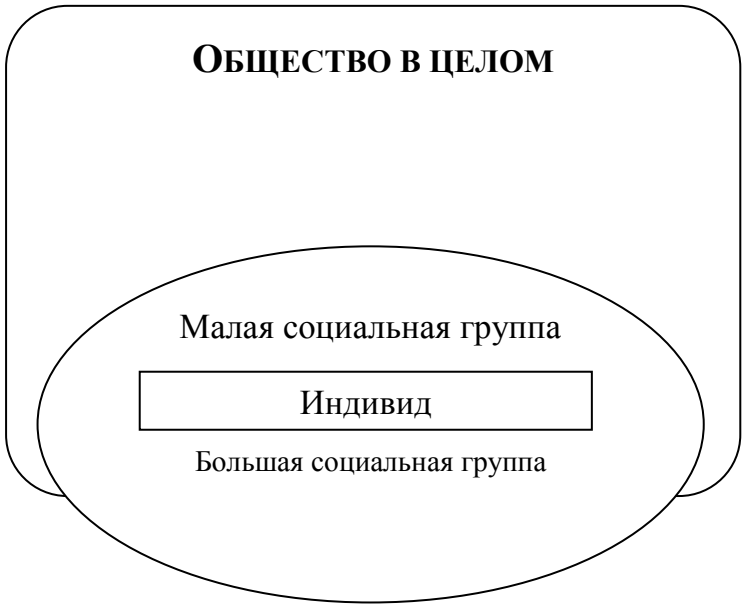
Осознанным мотивом является тот, чьи последствия человек осознает до его реализации и добивается этих последствий. В уголовном праве преступником считается человек, который знал, что он делает, совершал для этого необходимые действия и, главное, желал этого. Ведь преступление можно совершить и под угрозой насилия.

Мотив может быть открытым, явным, а может и скрываться, может быть искусственным и естественным. Например, продавцы на рынках, в магазинах за изображаемой улыбкой стремятся скрыть истинное отношение к покупателям, которое бывает очень разным. Осознанный мотив, который скрывается от окружающих, может воздействовать методом от противного, демонстрируя внешне полную противоположность тому желанию, которое испытывает человек. Это явление хорошо выразил А.С. Пушкин в словах «чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Здесь описывается ситуация намеренной демонстрации мужчиной равнодушия и даже подчеркнутой холодности к соблазнительной для многих женщине, служащие эффективными инструментами для завоевания ее благосклонности. Осознанный, скрытый мотив является и основой поведения карьериста, разведчика, «крота». Американский психолог Дейл Карнеги посвятил разработке рекомендаций карьеристу не одно произведение, в которых скрытый мотив освещается как один из действенных инструментов успешного продвижения по служебной лестнице.

Существуют и *бессознательные мотивы*, которые вызываются вытесняемыми сознанием обстоятельствами, имеющими место как в истории человечества (К. Юнг), отдельного человека (З. Фрейд), а также способными являться результатом воздействия на человека окружающего общества (К. Хорни). Эти мотивы доставляют человеку немало проблем, и разобраться в них, осознать, преодолеть их без специалиста невозможно.

Формирование мотивации к действию происходит в значительной степени под влиянием социального окружения и поэтому мотивационно обусловленная деятельность человека представлена в сложных формах. Схематически представить развитие мотива, обусловленного происхождением,

воспитанием, последовательностью социальных идентификаций индивида, иначе говоря, его социальным опытом, возможно следующим образом[104]:

Потребности и интересы

Стимул

Цель

Идеал

Конечный результат

Интерес как осознанный мотив потребности

Эта схема наглядно демонстрирует, что мотив в собственном развитии проходит несколько ступеней. Определим их.

Ступень осознания мотива потребности выражается как интерес. *Интерес* – конкретная форма проявления потребности, ее более или менее отчетливое осознание. В отличие от потребности как общего свойства всего живого, интерес – непосредственный продукт общественного и личного развития. Именно как осознанная потребность интерес оказывается непо-

[104] Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учебник. – Волгоград, 1996. – С. 32.

средственной причиной человеческих действий – индивидуальных и групповых. Интерес возникает тогда, когда человек начинает ощущать полезность для себя объекта заинтересованности. Причем интерес может быть разным: интерес к познанию, интерес к определенному человеку, экономический интерес. Испытывая интерес к кому-либо или чему-либо, человек стремится вовлечь объект заинтересованности в свою личную вселенную: осмыслить, пропустить его через свой опыт и имеющиеся знания. Если речь идет о живом существе, то заинтересованный в нем человек постарается включить его в свое ближайшее окружение; если же – о чем-либо неодушевленном (вещи или идеи, ценности и т.д.), то увлеченный в нем постарается извлечь из него экономическую или духовную пользу. Например, хозяйственное действие мотивировано экономическим интересом. При возникновении стимула в виде натурального или денежного блага человек подсчитывает возможные последствия предполагаемого действия, оценивая, прежде всего, два фактора: полезность получаемого блага относительно масштаба издержек необходимых для его получения и настоятельность своей потребности в нем. Разные виды интереса, от познавательного до экономического, объединяет стремление извлечь пользу для себя в разных формах, будь то знания или деньги.

Если по этому подсчету объект интереса не оправдывает затрачиваемые на него усилия, то вектор цели сворачивается, деятельность обессмысливается, активность гаснет. Данную схему можно применить к интересу любого свойства: сначала вспышка активности, но когда человек начинает понимать, что растрачивает энергию зря, интерес гаснет, тогда, как правило, происходит переключение на другой объект заинтересованности.

Стимул

В качестве непосредственного отражения интереса в сознании людей возникает *стимул* (от лат. Stimulus – понятие, изначально означающее заостренную палку, которой погоняли крупный скот) – определенное побуждение к действию, которое по своей природе может быть материальным и духовным или их сочетанием.

Стимул обозначает побудительную причину действия, но это понятие используется также и для обозначения ускорения процесса вызова, формирования, удовлетворения потребности. Как правило, стимул порождает реакцию, выступающую стимулом для другой реакции. Например, праздник заставляет людей тратить больше денег на подарки своим близким, а это, в свою очередь, стимулирует коммерсантов к ряду действий по получению большей прибыли. Стимул можно определить также как внешний объект стремления, актуализовавшейся потребности. Когда же импульс стремления к этому объекту проходит через сознание человека, стимул перерастает в мотив – внутреннее побуждение к действию.

Дальнейшее осознание и конкретизация потребности предстает в сознании индивида как *цель* – предвосхищение в сознании результата деятель-

ности. В соответствии с поставленной целью человек создает и *идеал* – более или менее полный образ той цели, к которой он стремится.

Если человек правильно выбрал способ реализации цели, если он не противоречит внешним обстоятельствам, то он достигает конечного результата. Результат же не всегда совпадает с идеалом. Чем больше расхождение между идеалом и результатом, тем менее удовлетворенной будет начальная потребность. Это расхождение порождает новую потребность, то есть выступает как предпосылка последующей практической деятельности. При этом сама практическая деятельность постоянно корректирует, развивает и дополняет идеал, а иногда и полностью его заменяет.

Эмоция как мотив потребности

Литовский психолог В.К. Вилюнас называет первой формой мотивов *эмоции* человека. Эмоции выражают определенное состояние организма, обусловленное как степенью удовлетворенности актуализированных потребностей, так и воздействием на органы внешних факторов, имеющих положительное или отрицательное значение для удовлетворения этих потребностей. «Функция эмоций, – пишет П. Ершов, – трансформация потребностей в конкретные цели для нахождения возможности практического их удовлетворения»[105]. Эмоция всегда выражает потребность: она как бы непроизвольно «выдает» характер потребности. Эмоция не только зависит от потребности, но и направляет процесс ее конкретизации и трансформации. Обнаруживая потребность, эмоция «окрыляет», вдохновляет человека на ее удовлетворение.

Но эмоции задают типично гедонистический вектор мотивации: действия индивида подчиняются максимизации положительных и минимизации отрицательных эмоций. Безраздельное господство эмоций уподобило бы деятельность человека поведению лабораторных крыс с вживленными в их мозговые «центры удовольствия» электродами. Обученные включению тока эти крысы предаются достижению удовольствия до полного истощения сил. Впрочем, «крысоподобное» поведение присуще и людям, в частности алкоголикам и наркоманам – его результатом всегда является не только физическая, но и духовное истощение индивида. В свою очередь, сильная отрицательная эмоция, не будучи подавленной усилием воли в начальном состоянии, может перейти в фазу «вегетативной бури» – состояния ярости, гнева с бурными проявлениями неконтролируемой активности, часто разрушительного и криминального характера.

Человек способен осознавать свои эмоции и контролировать подчиненные им поступки, подвергая их «экспертизе» социально выработанных чувств. Если чувства опосредованы сознанием, то они регулируют поступки человека сообразно нравственным и иным социальным нормам. Выполняя свои социальные функции (например, трудную работу), инди-

[105] Ершов П.М. Потребности человека. – М.: Политиздат, 1974.

вид нередко не только не испытывает удовольствие, но и страдает от мышечного и нервного переутомления, однако он сознательно стремится достичь социально и личностно значимого результата, получая от этого моральное удовлетворение. И наоборот, эмоция удовольствия, достигнутая «неправедным» способом, или обида, причиненная любимому человеку под влиянием настроения, наносит нравственный ущерб личности, вызывает раскаяние, угрызения совести и даже чувство отвращения к самому себе из-за содеянного.

Таким образом, эмоциональные состояния, инициируемые как потребностями, так и ситуацией, далеко не всегда созвучны устойчивым долговременным чувствам, выражающим личностно доминирующие потребности и интересы.

Методы удовлетворения потребности

Потребность и ее структура определяется не только мотивом, то есть вызвавшим и провоцирующим ее фактором, но и условиями, в которых происходит ее формирование и удовлетворение. Мы не рассматриваем сейчас случаи, когда устраняется мотив: нет мотива, значит, нет и потребности. Нас интересует ситуация, когда мотив есть, а потребность формируется и стремиться себя реализовать. Рассмотрим этот процесс на примере удовлетворения потребности человека быть свободным. Это одна из фундаментальных потребностей, которая может испытываться человеком всю жизнь и никогда не реализоваться, или реализоваться лишь частично или в фантазии.

В процессе становления личности на нее воздействуют три силы, которые выражены глаголами – хочу, могу, надо. Появляясь на свет, индивид еще не в состоянии контролировать свои действия, предвидеть результат их. Избыток энергии, безудержное любопытство контролируются взрослыми, а в основе поведения ребенка лежат только инстинкты (хочу). В процессе взросления формируются такие регуляторы, ограничители поведения как страх, разум, мораль. Последний регулятор заставляет считаться с требованиями общества. Как только у человека сформировано сознание, и он осознает самого себя, он осознает и ограниченность своего существования – таким образом, появляется стремление и потребность эту ограниченность преодолеть, ощутить себя свободным. Без наличия сознания такой потребности возникнуть не может. Наличие сознания является ее предпосылкой.

Становясь личностью в общественной среде, человек не оставляет мысли стать свободным, но свободным можно стать как вне общества, так и в обществе. Вне общества, находясь наедине с собственной и окружающей природой, человек многого добился: он накопил определенный багаж знаний и жизненных навыков – стал летать, плавать на воде и под водой, перестал бояться холода и голода. Однако, стремление к общности и обретению подлинной свободы именно в среде представителей его

вида, в обществе, осталось (вспомним, к примеру, Робинзона Крузо). Наличие данной потребности объясняется тем, что отношение с другим является структурой человеческого самосознания. Иначе говоря, как только пробуждается способность самоотношения (самосознания), человек требует признания собственных желаний, проектов, устремлений со стороны другого, ибо в противном случае они никогда не смогут обрести общечеловеческой ценности, а будут представлять собой лишь индивидуальные проявления. Отсюда следует то обстоятельство, что полноценно реализовать себя, свои желания человек может только в обществе.

Проблема личной свободы в обществе волновала многих мыслителей, и каждый решал ее по-своему. Все концепции можно разделить на три группы: или никакой свободы – каждый обязан выполнять свою функцию и не более, или свобода избранных, или свобода всех, исключая, конечно, недееспособных. И практически во всех теоретических рассмотрениях условий возможности свободы утверждается, что она зависит от общественной среды, в которой существует личность. Можно попытаться обрести состояние свободы на время: скрыться от общества, напиться, употребить наркотик, заснуть, перейти в экстатическое состояние – но это временные явления и проблемы не решают.

Объективные условия таковы, что в современном мире имеется крайнее многообразие возможностей для нормального удовлетворения низших потребностей человека: в пище, питье, тепле, сне, здоровье, движении, сексе, относительной безопасности жизни. Но для удовлетворения высших потребностей данных условий недостаточно, особенно, если речь идет о большинстве населения. Свобода, счастье, любовь для многих являются недостижимыми, хотя мотив для этого был, есть и будет всегда. Существуют государства, пытающиеся обеспечить свободу личности не только на правовом, но и реальном уровне, но таковых немного. Поэтому они являются местом, куда эмигрируют те, кто считает, что в родном государстве отсутствуют или слишком слабо развиты институты, способствующие реализации личностной свободы. Таким образом, на примере потребности в свободе мы увидели, что удовлетворение каждой потребности, которая носит социальный характер, целиком зависит от обеспечивающих ее реализацию условий.

Еще одним примером влияния условий, в которых удовлетворяется потребность, являются ощущения любителя подводного плавания, когда он узнает, что заниматься этим здесь, хоть и приятно, но опасно для жизни. Если плавание продолжается, то получение удовольствия от него с примесью возможной опасности, наполняет этот процесс незабываемой остротой. Отсюда можно сделать вывод: условия, в которых происходит процесс формирования и удовлетворения потребности, могут влиять на этот процесс по-разному. Они могут не допустить полноценной его реализации, могут деформировать и даже исказить его, могут подменить представление человека о желаемом, наполнив его желание другим со-

держанием, могут ускорить или замедлить процесс удовлетворения потребности, могут наполнить переживание данной потребности дополнительными ощущениями и другими формами выражения. В связи с последним утверждением, можно привести пример влияния рок-музыки на человека, которая дает возможность почувствовать себя человеку свободным, и не просто свободным, а маргинальным, то есть занимающим протестную позицию по отношению к традиционным социальным ценностям и нормативным моделям поведения.

Результат удовлетворения потребности тоже является составной частью ее структуры. Этот результат может быть как процессом, так и итогом удовлетворения, то есть иметь разную протяженность во времени. Для кого-то употребление пищи дает возможность почувствовать себя сытым и на время забыть, не думать о еде, а для кого-то, гурмана, например, сытость не самоцель, важен сам процесс потребления, его воздействие на чувственность. Желаемое, гипотетически получаемое в результате удовлетворения потребности, уже интегрировано в эту потребность и наполняет ее определенным эмоциональным содержанием. Человек еще не достиг цели, но уже мысленно конструирует образ, в котором он этого добился, и этот образ способен стимулировать процесс. Можно утверждать, что в потребность интегрированы как переживание того ощущения, которое человек будет испытывать в процессе ее удовлетворения, так и то ощущение, которое будет испытываться в результате ее удовлетворения.

Индивидуальные психологические, физиологические особенности человека как основа его запросов и потребностей

Итак, вызывающий потребность мотив, условия ее формирования и удовлетворения и результат являются важнейшими составными частями потребности, определяющими ее содержание. Но это схематическая модель, принятая для изучения природы потребностей, реальное же существование потребностей трудно в нее уместить, поскольку они представляют собой психическое состояние организма, отклоняющееся в каждую свою актуализацию от существующих схематических репрезентаций. Проанализировать можно, как говорилось выше, роль мотивов, вызывающих потребность, условий ее формирования, существования и удовлетворения, а также результаты и их воздействие на данную потребность, а психическое состояние анализировать сложней.

Но, тем не менее, можно выделить факторы, влияющие на потребность как состояние психики. Во-первых, это тип функционирования нервной системы человека, определяющий его темперамент как меланхолический, сангвинический, холерический, флегматический; он существенно обуславливает содержательный характер и интенсивность переживания потребности. Во-вторых, это психические установки, определяющие психофизиологическую готовность индивида действовать определенным образом в определенной ситуации.

Разработка проблемы установки, осуществленная грузинским психологом Д.Н. Узнадзе и его последователями, позволяет утверждать, что биопсихическая организация индивида и его жизненный опыт формируют бессознательно осуществляемые способы инициации и регуляции его поведения в типичных жизненных обстоятельствах. Согласно А.С. Прангишвили, установки (как «инстинктоидные», так и социально выработанные) «автоматически» возбуждают активность индивида и направляют его действия на удовлетворение тех или иных, преимущественно витальных, потребностей.

Однако установка не всегда «срабатывает» однозначно. Известно, что уже у высших животных существует зависимость поведения от нескольких взаимодействующих побуждений, ведущих происхождение от разных потребностей. У человека одновременное действие нескольких инстинктов, установок и других разнонаправленных побуждений, идущих от различных групп потребностей, актуализирующихся по-разному – эндогенно (спонтанно), экзогенно (ситуативно), а также в различном темпе, циклически и другими способами – это обычный «фон» всех его жизненных проявлений. Так, циклически нарастающая неудовлетворенность одной из потребностей делает ее на какое-то время «категорическим императивом» чувств, мыслей и действий индивида, но такая императивность преходяща, и по мере удовлетворения потребностей она исчезает.

Резюме

Важнейшими составными элементами структуры потребности являются вызывающий потребность мотив, условия ее формирования и удовлетворения и результат. Именно они определяют ее содержание, характер протекания и степень интенсивности ее переживания. Но выделение элементов структуры потребности является лишь схематической моделью, применяемой для изучения природы потребностей; реальное же присутствие потребностей она отражает только отчасти.

Тем не менее, различными науками были проанализированы роль мотивов, вызывающих потребности, условия формирования, существования и удовлетворения потребности, а также воздействие на потребность заранее предполагаемых результатов ее реализации. Таким образом, мотив был определен как материальный или идеальный предмет, достижение которого выступает смыслом деятельности. Для субъекта мотив предстает в виде специфических переживаний, характеризующихся либо положительными эмоциями от ожидания достижения данного предмета, либо отрицательными, связанными с неудовлетворенностью настоящим положением. Некоторые исследователи называют первоначальной формой мотивов эмоции человека.

Относительно условий, в которых происходит формирование и удовлетворение потребностей, было выявлено, что они, как правило, носят социальный характер, всегда трансформируют первоначальный импульс

потребности. Результат удовлетворения потребности, также являющейся составной частью ее структуры, может быть как процессом, так и итогом ее удовлетворения.

Все элементы структуры потребностей человека обусловлены, в конечном счете, социальным способом их удовлетворения – вне связи с ним ни один из этих элементов не существует.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Какие внешние факторы и внутренние побуждения входят в число детерминант человеческой деятельности?
2. По какой схеме и под влиянием каких факторов осуществляется мотивация?
3. Как возможна личностная свобода в обществе?
4. Выделите факторы, влияющие на потребность как на состояние психики.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Туев В. А. Развитие человеческих потребностей в социальной деятельности: (теоретико-методологический аспект). – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2004.
3. Нирмайер Р. Мотивация. – М.: SmartBook, 2010.
4. Шапиро С. А. Мотивация. – М.: ГроссМедиа, 2008.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
2. Кошелев А. Н. Эффективная мотивация торгового персонала / А.Н. Кошелев. – М.: Дашков и Кш, 2009.
3. Песоцкий Е. А. Реклама и мотивация потребителей. – М.: Дашков и Кш, 2008.
4. Узнадзе Д. Н. Общая психология. / Отв. ред. И.В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб. и др.: Питер, 2004.

§5.3. СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Проблема социальных механизмов человеческих потребностей

Вопрос социальных механизмов человеческих потребностей – это одна из возможных постановок общей проблемы соотношения человека и правила. В данном случае речь идет о захваченности требований человека

установками социума, к которому он принадлежит. Относительно оценки подобного положения вещей в философии конкурируют два противоборствующих воззрения:

1) некоторым из людей, вследствие отсутствия у них необходимого уровня разумности, просто необходимо предписывать правила; в обратном случае они погрязнут в неразумии, доведут совместную жизнь до абсурда. Так древнегреческий философ Демокрит утверждал, что неразумный человек – это «животное, которое должно направляться к корму бичом». А классик греческой мысли Аристотель дополнял его: «некоторым из людей быть рабами необходимо и справедливо». Как очевидно из цитат, на необходимости управления не вполне разумными людьми настаивали Демокрит, Аристотель; кроме того, сходное убеждение имели Платон и Т. Гоббс.

2) все предписания к образу жизни создают помеху для раскрытия конкретного человека. Человек должен использовать их всего лишь как трамплин к собственной высоте – затмевать образом жизни, который свободен от всякого заимствования. Этот взгляд принадлежит традиции романтизма европейской метафизики.

Но сколь бы не был горяч спор данных воззрений, в действительности мы видим, что характерные для общностей правила жизни – это не предписания, от которых можно уклониться, а реальность, в которой мы живем.

Общеколлективная система правил совместной жизни как социальный механизм формирования потребностей

Различные социальные антропологи и социологи отмечали, что система правил совместной жизни не только направляет действия человека в необходимое для коллектива русло, но также определяет его глубинные эмоции и потребности. Например, М. Хальбвакс показывал, что даже такое интимное переживание как горе от утраты близких несвободно от влияния социума. Восстанавливая картину траура в Китае, он объясняет, что переживание и выражение личной трагедии представляют собой строгую церемонию, последовательность действий которой установлена культурой для обозначения обвалившегося на человека несчастья. Этот же феномен – подчинения скорби общеколлективным образцам поведения – характерен и для классической Греции, Рима и Древнего Египта.

Потребности человека также формируются общей для коллектива программой жизни. Можно привести множество примеров на эту тему, поскольку основополагающим принципом человеческой культуры выступает запрет на естественное. Каждая отдельная культура конкретизирует этот общий запрет в системе собственных норм, соблюдение которых позволяет стать человеку ее достойным представителем. Вот почему в человеческой реальности все так называемые «естественные» потребности предстают, за редким исключением, в максимально неестественных формах. К примеру,

бесспорно, что большинству представителей человечества требуется жилище. Но нам не все равно, как устроен мир дома – в наших предпочтениях он, как правило, соответствует общеколлективному представлению о безопасном добротном жилье. Так, на волне экологизма современная экономическая элита стала выстраивать свои дома вдали от сутолоки городской жизни, тогда как для классического римлянина дом на отшибе – это свидетельство святости или ужасности его хозяина.

Пока сделаем общий вывод: собственных агентов культура буквально муштрует, подчиняя их действия, потребности, эмоции установкам, способствующим ее сохранению. В случае несоответствия им потребностей и поведенческих стратегий их носитель рассматривается в качестве не вполне уже человеческого существа. Это легко заметить на примере современного российского обывателя, усматривающего, как правило, в душевнобольных, бомжах существ с выраженным дефицитом человеческих качеств.

Поэтому для представителей различных эпох и культур невозможно зафиксировать универсальность содержания потребностей: даже витальные потребности (питание, сон, движение) подвергаются культурной корректировке. Наиболее иллюстративны здесь архаические коллективы, направляющие ритуальную систему как главный инструмент поддержания установленного уклада жизни, прежде всего, на изгнание из человека его естественности. Этнограф и фольклорист А. ван Геннеп на обширном этнографическом материале показал, что для примитивных и традиционных коллективов ритуальная обработка естественных переходных состояний жизни (рождения, смерти, репродукции, болезни, выздоровления и т.д.) является повсеместно распространенным механизмом. Именно поэтому невозможно свести к какому-либо единству потребности, например, больного человека различных культур. В архаических сообществах его, как правило, временно отлучают от пространства жизни коллектива, и единственное требование с его стороны, принимаемое коллективом, – это требование запуска интенсивных обменных потоков услуг и материальных объектов: в случае неопасного, с точки зрения коллектива, характера хвори больной здесь может возжелать магического воздействия на нее или материальных преподношений ее духам, а в последующем, по случаю выздоровления, произвести ответное возмещение даров. Очевидно, что данные потребности больного человека маргинальны для заболевшего современного европейца, требующего, прежде всего, освобождения от труда и фармацевтического воздействия. Таким образом, констатация повсеместного в человеческой среде наличия естественных потребностей еще не обосновывает их содержательную тождественность, поскольку не существует постоянных для всех культур форм обнаружения и способов удовлетворения этих потребностей.

Способы удовлетворения потребностей всегда тесно переплетены с культурной традицией. Различия в методах врачевания, в церемониалах

взаимоотношений полов, в подходах к организации жилища, в предписаниях к беременности и родам, в необходимом уровне интенсивности коммуникации – наглядные тому примеры. Иными словами, никакого необходимого минимума удовлетворения потребностей попросту не существует – крайности культурных практик свидетельствуют об отсутствии постоянства естественного уровня общечеловеческих нужд.

Так невозможно однозначно содержательно охарактеризовать потребности, обеспечивающие самосохранение. Например, М. Элиаде описывает южноафриканское тайное общество людей-леопардов, представительницы прекрасного пола которого были практически не адаптированы к традиционным женским навыкам – заботе о потомстве и очаге: традиционную женскую долю они полностью отвергли ради единственного дела жизни – воспитания в себе хищных навыков леопарда, применяемых впоследствии как на охоте, так и при защите собственного общества. Очевидно, что выносливость тела, потребности в пище, сне и тепле, характерные для женщины этого общества, будут крайне отличаться от подобных запросов, присущих современной европейке. Об отсутствии необходимого минимального уровня удовлетворения физиологических потребностей свидетельствует также традиционный для классического индуизма ритуал дикша. Данный посвященный жертвоприношению сомы ритуал предполагает, что жертвователь в течение долгих месяцев находится в специальной плотно закрытой хижине, пьет только молоко, практически не спит и постоянно совершает круговые движения вокруг очага. Все эти практики длятся до тех пор, пока он не достигнет последней степени нервного возбуждения, а его тело не будет полностью истощено; только после всех этих действий, трактуемых как путь в сакральный мир богов, коллектив признает его способность к принесению жертвы[106]. Данный пример также делает очевидной невозможность констатации единых представлений о нижней границе необходимого питания, света, сна, движения и прочих запросов организма для различных культурных миров. Яркой иллюстрацией в этом контексте может выступить и вся культурная история юродства.

Иллюзорность мифа о существовании постоянства так называемых «первичных потребностей», согласно которому индивид определяет себя через некоторую стабильность в естественно данных и, как следствие, присутствующих в его жизни постоянно потребностях в поддержании организма сном, пищей, движением, телесной любовью, проживанием в добротном жилище и пр., разоблачил один из самых блестящих социальных философов второй половины XX века Ж. Бодрийяр. Развивая идею об обусловленности человеческих потребностей коллективными представлениями о престиже, в основании которого уничтожение, трата привычных ценностей, – порождающая вокруг не утилитарно используемых вещей, не-

[106] См.: Мосс М. Очерк о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного. – СПб.: Евразия, 2000. – С. 26-28.

прагматических действий ауру роскоши и господства и таким образом делающих их объектом человеческого желания, – Бодрийяр справедливо замечает: «Повсюду в определении социального богатства наличествует предшествование … жертвы, «бесполезной» траты по отношению к функциональной экономии и минимуму выживания. … Есть вероятность, что, если того потребуют социальные императивы, никакого выживания вообще не будет: будут уничтожаться новорожденные (или военнопленные – прежде чем раб станет рентабельным в новом контексте производственных сил). Сианы с Новой Гвинеи, обогатившись в контакте с европейцами, все растрачивают на праздниках, продолжая жить ниже «прожиточного минимума». … Кому-то может нравиться проигрывать все в покер и оставлять свою семью помирать с голоду. Известно, что самые большие неудачники растрачивают все самым иррациональным образом. Существует та же самая жестокая корреляция между недоразвитием, избытком бедных классов и щупальцевидным развитием религии, военщины, увеличением числа домашней прислуги и расширением сектора бесполезных трат»[107].

Иначе говоря, *строй наших потребностей – это верхушка айсберга, подводная часть которого составлена общими устремлениями коллектива, отраженными культурной традицией и транслируемыми социальными институтами.* Эти устремления выражаются на языке норм и принципов совместной жизни, ставящих индивида перед очевидностью:

- того, как нужно действовать в той или иной ситуации;
- того, чему необходимо поклоняться, а чего избегать со всей доступной силой;
- кого считать достойным человеком, а кого презирать;
- что считать прекрасным, а от чего отвращать взгляд как от безобразного;
- того, что полезно для достижения экономического благосостояния и разрушительно для него.

Все эти нормы могут существовать как в форме неписанных кодексов, стихийно передаваемых из поколения в поколения, так и быть закрепленными в форме конкретных институций, подчиняющих поведение людей типичным для сообщества моделям совместной жизни.

В первом случае *характер потребностей формируется неосознанно*: погружаясь в стихию коллективной традиции, индивид автоматически воспроизводит порядок потребностей, разделяемый представителями культурного большинства. Например, канонизированное в традиционных культурах представление о связи женской сути и высокой плодовитости не позволяет конкретной представительнице этих культурных миров задаваться вопросом о ценности деторождения для ее собственной жизни – несмотря на серьезные, зачастую фатальные угрозы здоровью, она рожает немыслимое для нас количество детей, только потому, что «так принято».

[107] Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Академический проект, 2007. – С. 39-40.

Институции, напротив, *действуют целенаправленно* – практически беспрерывно контролируя и дисциплинируя носителей культуры, они корректируют их потребности в соответствии с общекультурными нормами.

Значение социальных институтов для организации потребностей

Любая институция – это, прежде всего, механизм распространения определенных поведенческих моделей, которые необходимы для сохранения установленного порядка общественных связей. Поэтому наличествующие в социуме институции прогоняют наши потребности через фильтр общих для коллектива жизненных стандартов. У этого подчинения потребностей требованиям всего коллектива есть и положительная, и отрицательная сторона. Положительно то, что вследствие институционального воздействия человек «разгружается» от лишних размышлений при отправлении своих жизненно значимых потребностей – например, чтобы достигнуть экономического успеха современный европеец, как правило, получает образования по какой-либо престижной специальности. Но одновременно эта выстроенная на конечности (ограниченности) человеческой психики стабильность и успешность влияния социальных институтов оборачиваются деградацией способности к самостоятельному суждению и решению. Механизм доведенного до автоматизма доверия к социальным институтам становится очевидным на примере характерного для большинства современных россиян отношения к системе средней школы. В отношении потребностей система среднего школьного образования современной России ставит следующие цели: привитие учащимся потребности в социальном статусе, соединение потребности в социальном престиже с потребностью в целенаправленном труде, развитие гибкости коммуникативной потребности. Все это входит во вполне осознанную социальную программу, формирующую трудоспособных и социально мобильных граждан. Неосознанное поведение в этой ситуации демонстрируют только родители, относясь к школе только лишь как к институту привития подрастающему поколению конкретных знаний. Выбор школьного образования как бесспорной необходимости коренится в характерном для культурного большинства желании разделять стереотипные, нормативные модели поведения, которое ориентируясь на набор привычных поведенческих схем, избавляет индивида от ответственности самостоятельного жизненного выбора. Один из самых неординарных социальных аналитиков современной западной цивилизации И. Иллич ярко описал, что единственной действительно реализуемой целью современного среднего школьного образования является вовсе не расширение кругозора (поскольку знание предполагает понимание, что не достижимо механизмами заучивания, которые опираются на совершенно чужеродную познанию угрозу в социальном изгойстве: «Не будешь хорошо учиться – станешь двоечником; если не понимаешь – зубри, а то все хорошие дети будут над тобой потешаться!», и не развитие коммуникативной гибкости, поскольку дети остро, как никто другой, реагируют на

различия в социоэкономическом статусе), а подготовка нормативного типа граждан, необходимых государству для поддержания социального порядка[108]. Этот пример рельефно демонстрирует, что строй человеческих потребностей представляет собой отпечаток общего курса социума, закрепленного в его институциональной системе.

Итак, потребности отдельного человека всегда суть следствия принципов совместной жизни того коллектива, к которому он принадлежит. Сохраняемые и распространяемые культурной традицией и институциональной системой они представляют собой колыбель потребностей. Иными словами, кинолента, прокручиваемая общими установками культуры по отношению к организации и целям совместной жизни людей в сознании носителей культуры, дисциплинирует все их проявления. В том числе и естественные.

В этой перспективе становится очевидно, что наши телесные проявления отрегулированы общими требованиями коллектива. Чувствительность, моторика, манера передвижения и локализации тела в пространстве, ощущение дискомфорта, скованности и удобства практически всецело зависят от коллективных представлений о возможностях тела и нормах его самочувствия. Естественны лишь проявления тела младенца, которые в последующий период жизни неизбежно проходят через фильтр запретов. Таким образом, используемые нами язык жестов, способы касаний и кинестетический стиль в малой степени отражают нашу индивидуальность – они социально предопределены. Эту характеристику неотрывности от нашего телесного опыта влияния социальной среды подробно описал один из главных представителей Французской социологической школы М. Мосс.

Пытаясь найти ключ к феномену изменений стиля плавания, женской походки, бега у французов сменяющих друг друга поколений, Мосс выстраивает взгляд на человеческое тело как на первый объект технических воздействий. Понятие техники в данном случае расширяется и используется в смысле определенных программ, четких алгоритмов использования. По отношению к телу это означает, что различные ряды его проявлений запрограммированы культурной традицией, в которой воспитывался индивид.

Анализ случаев несуразности манеры марша английских солдат под ритм французских барабанщиков, невозможности для взрослых европейцев длительного сидения на корточках, отсутствия способности к отхаркиванию у девочки, чей отец рос в деревни, где никто не умел плеваться, приводит Мосса к идеи проработки тела культурной традицией. Это означает, что наши телесные умения и привычки управляются куда более культурными установками, чем индивидуальными психо- и психофизиологическими стимулами. В этой перспективе понятно, что так называемые «есте-

[108] См.: Иллич И. Освобождение от школ. – М., 2006.

ственная походка», «природная осанка» и другие якобы врожденные достоинства тела – феномены, сформированные нормами и тенденциями определенной культурной среды. Провокационней другой вывод Мосса. На примере строения нижних конечностей неандертальца, их своеобразного искривления, Мосс показывает, что культурный навык сидения на корточках, совершенно нормальный для ранних этапов культурной эволюции и всех туземных культур, приводит к изменению физиологических структур.

На вопрос, почему именно тело становится излюбленным объектом социальных воздействий, Мосс не отвечает. Здесь необходимо вспомнить Ф. Ницше, утверждавшего в работе «К генеалогии морали. Полемическое сочинение», что тело – это наилучший инструмент для принуждения его обладателя к определенному социальному месту. Согласно Ницше, культура постановки тела – жеста и осанки – всегда приходит после акта самовосстановления власти: превысивших собственное право власть, в лице господина, наказывает болевым воздействием. Этот акт разграничения «высоких» и «низких» людей учреждает два совершенно различных канона телесного поведения – порождает тела господствующие, выражающие пафос власти, и тела ущемленные, вечно страшащиеся и ощущающие собственную низость. Мосс, конечно, не был столь радикален как Ницше, но и он отмечал, что социальное воздействие не имеет конкретных точек приложения – оно охватывает все телесные проявления. Культурное многообразие гигиенических норм, способов объятий и занятий любовью, положений удобных для сна, родов и ношения младенца, техник борьбы и танца и пр. – наглядное тому доказательство.

Примером культурной определенности наших телесных стратегий является преобладание прямой траектории в движении современного европейца. Как правило, мы не петляем, даже если чистая геометрия пути нам не особо выгодна. Это нерационализируемое предпочтение держаться неискривленных дорог демонстрирует воздействие современной культуры ограждений (четко просматриваемой в тенденции ничем не оправдываемого увеличения числа изгородей в городском пространстве, жесткой ограниченности возможностей нашего движения турникетами метрополитена, крутящимися дверями торговых центров и пр.), разбивающей наше жизненное пространство на территорию обыденного, открытого для всех опыта, и сакральных, доступных только для избранных, мест локализации власти. Продолжающий двигаться по прямой даже не в публичных местах европеец таким образом реализует идеологически выгодную модель дистантного (подразумевающего смесь страха и уважения) отношения к властным институтам. Социальное происхождение телесных привычек также хорошо прослеживается в феномене несовпадения наших коммуникативной дистанций. Например, когда житель элитарного района города пользуется станциями метро с преобладанием пролетарского населения, возможно заметить, как он пытается увернуться, изъять собственное тело

из зон плотной контактности. Даже при отсутствии давки обитатели рабочих районов держатся довольно близко друг к другу, тогда как не выросший в этих районах человек, находясь вблизи них, чувствует себя неловко и отступает от скученных тел. Только таким образом восстанавливается нормальная для него коммуникативная дистанция. Это различие в пространственной локализации тел друг по отношению к другу объяснимо разницей социальной среды их жизни. Житель элитарного района пребывает в культуре многокомнатного жилья и постольку его стремление к укромному, закрытому от внезапных вторжений уголку закрепляется в форме потребности. Пролетарий же, напротив, приучен к тесной коммуникации и плотному взаимодействию тел, характерному для уличных дворов и мест промышленного производства. В силу этого предельно сокращенная коммуникативная дистанция для него норма. Разница в социальном опыте тела заставляет их подозревать друг друга в агрессии: один усматривает ее в приближении другого, другой же, наоборот, – в отступании.

Социальные механизмы организации потребностей в архаических культурах

Итак, потребности социально детерминированы, но наиболее жесткую зависимость потребностей от общих установок коллектива демонстрируют общества, которые этнологи называют «архаическими». В этих группах отдельный человек на протяжении всей жизни прочно привязан к нормам жизни сообщества, в котором он родился. Таким образом, все присущие индивиду потребности не допускают даже малой степени индивидуализации – они строго предписываются «сверху» тем статусом, который получает индивид внутри группы.

Подобное положение дел обусловлено тем, что основанием данного типа социальности выступает ограниченное число социальных положений, статусов, каждый из которых подразумевает выполнение определенных типизированных действий (например, статус охотника отсылает к обладанию специализированными навыками убийства зверей, владению мастерством по изготовлению охотничьего снаряжения, знанию способствующих охоте магических ритуалов; статус знахаря – к ритуалам изгнания духов различных болезней, знанию лекарственных свойств растений и т.д.). Через акт инициации – один из важнейших социальных институтов архаических племен, включающий в себя, как правило, болевое воздействие на тело посвящаемого – коллектив передает индивиду определенный статус, который, предписывая ему заложенные в себе обязанности, потребности и нормы поведения, управляет его последующей жизнью в течение периода до получения нового статуса. Таким образом, индивид полностью отождествляется со всеми поведенческими реалиями, которые диктует ему социальная роль. Конечно, человеку архаической культуры, как и любой другой историко-культурной формы, необходимо спать, пить, есть, обу-

страивать жилище, одеваться, добиваться признания и общаться. Однако в данной культурной обстановке все потребности задаются в жестко определенных социальных формах. Каждый статус указывает его носителю как именно нужно одеваться и какими именно знаками испещрять тело, с кем и по каким вопросам следует вступать в разговор, какого рода пищу и сколько необходимо иметь в рационе и т.д[109]. «Для [живущего в пространстве культа] человека является определяющим иметь язык, общество, религию, одежду, пищу – как *неестественные* потребности (определяющим для человека является не то, что он *ест*, а то, *что* он ест, и не в меньшей мере – чего он *не* ест)»[110].

Может показаться, что подобные установки сохраняются и до наших дней в товарных практиках современности, но это далеко не так. Например, предпочтения определенной марки автомобиля, определенного типа жилья и места проживания, одежды определенных брендов на сегодняшний день, к сожалению, только имитируют социальный статус – они, конечно, крайне выразительны в отношении потребительной способности их обладателя, но при этом совершенно не показательны в отношении его реальных навыков и умений. Подобное положение дел объясняется, прежде всего, тем, что сама иерархия социальных статусов в современных государствах с капиталистической формой экономики крайне размыта, лишена жесткой координации. В результате чего статус, во-первых, возможно получить волей чистого случая (например, оказавшись в «нужное» время в «нужном» месте и оказав «нужную» услугу), а, во-вторых, в общественном поле он измеряется по своим товарным атрибутам, демонстрирующим не профессиональные способности, а экономический доход его обладателя (пословица «встречают по одежке, а провожают по уму» практически не применима к капитализированным представителям современного человечества, для которых вывод о социальной успешности человека с необходимостью делаются из наблюдения за вещами, которыми он обладает). Говоря иначе, поскольку само понятие социального статуса на сегодня имеет, как правило, косвенное отношение к способностям и навыкам человека, то его воздействие на сферу потребностей не выходит далее регуляции материального потребления.

---

[109] См.: Тернер В. Символ и ритуал. – М., 1983; Мосс М. Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «я». (Гл.2) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 267-277; Петров М.К. Язык. Знак. Культура. (Гл.3). – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С.97-104.

[110] Положенцев А. «По лицу бездны»: очерк натурфилософии культа. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 27.

Социальные механизмы организации потребностей в античности и средневековье

Глубинное воздействие социальной среды на характер потребностей характерно и для периода Средневековья. Присущее мироотношению этой эпохи восприятие всего сущего как результата проявления могущественной воли Творца мотивировало консерватизм социальных связей. Каждое место в социальной иерархии рассматривалось в данном исторической формации как результат божественного воления, вследствие чего индивид «совпадал» с социальным статусом семьи, в которой он родился: «…идея о данном Богом и природном «месте» призывает человека исполнять на нем свой особый долг. Ценности человека и его жизненные запросы формируются только в сфере значимости этого места. Каждый … занимает формально «благородную» позицию, с точки зрения которой он на своем «месте» незаменим»[111]. Человек в подобных условиях становился «корневым» – в своих потребностях и предпочтениях не отходил от жизненной стратегии сословия, к которому принадлежал от рождения. Историки экономики долгое время удивлялись, почему средневековые крестьяне по собственной инициативе тормозили развитие капиталистических отношений, отказываясь зачастую на рынке от более высокой стоимости за собственный товар, а некоторое время спустя продавая его за меньшую. Все дело в том, что средневековый человек, как правило, не хотел предавать семейное дело, которым представители его семьи занимались из поколения в поколение; поэтому при минимальном предчувствии неблагоприятной судьбы продукта собственного труда он терял интерес к любой экономической выгоде.

Таким образом, можно заключить, что его социальное положение – принадлежность к определенному сословию – строго определяло круг его потребностей. Он мог быть узким, но главное он должен был соответствовать потребностям его родни. Уже на уровне повседневности, не говоря о публичных предъявлениях собственного статуса, человек был включен в четкий порядок церемониалов, строго следовал гастрономическим предписаниям, кодексам труда и досуга, нормам межличностных взаимоотношений, установленным для каждого сословия как негласно, так и в задокументированном виде. Так, например, все душевные муки, которые испытывает шекспировский Отелло из-за ложной неверности своей единственной Дездемоны, в универсуме Средневековья навряд-ли возможны. Здесь ситуация измены разрешалась без лишних слов, смут и аффектов. Униженный муж мог просто заявить о желании расторжения брака, а затем и легитимировать его, или немедленно прибегнуть к ряду насильственных действий. В качестве примера формирования потребностей средневекового человека сословными кодексами можно вспомнить любовь к прекрасной даме, изобретенную провансальскими трубадурами. В сферу взаимоотношений полов они перенесли модель вассальных отношений. Все хорошо

[111] Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука,1999. – С. 31.

известные утонченные ухаживания рыцаря за дамой разыгрывались по схеме службы вассала собственному сеньору.

Но, несмотря на, казалось бы, всецелый диктат норм сословий над индивидуальными запросами, все-таки социальный механизм выражения собственных единичных интересов средневековый человек создал. Если случалось так, что потребности кого-либо никак не укладывались в сословные кодексы и при этом он не желал вести всецело авантюрную жизнь (стать, например, разбойником или бродягой), этот человек отправлялся в гильдии. Гильдии представляли собой свободные объединения людей, возникшие на основании промессивной клятвы. Именно она выступала альтернативным по отношению к сословным кодексом социальным механизмом контроля потребностей. Это были спонтанно образующиеся людские союзы, которые поддерживали интересы собственных участников, брали на себя обязанность их защиты от нападения извне и отмщения за своих членов, ущемленных в чем-либо. При этом гильдии исповедовали принцип христианской любви, что означало не ждущее длительных просьб оказание взаимопомощи, отсутствие лицемерия во взаимоотношениях ее представителей, а в пределе – и настоящую сердечную привязанность. В подобные союзы объединялись те, кто чувствовал свою неуместность в большом социальном мире. Это были жонглеры и нищие, прокаженные и студенты. Но следует оговориться, что собственные гильдии формировали и недовольные условиями производства и сбыта своей продукции ремесленники и купцы.

Однако гильдии – это, скорее, прекрасное исключение из правила. Как мы увидели на архаическом и средневековом материале, общей тенденцией развития потребностей человека было их подчинения установленному порядку. Избавление потребностей от общих социальных штампов, развитие их нестандартности является довольно таки поздним изобретением европейской культуры. Процесс интимизации потребностей, конструирования их характера при личном участии индивида начинается лишь с конца XIV столетия.

Прежде чем перейти к рассмотрению реалий Нового времени, следует отметить, что бегство от типичности потребностей совершал и человек высокой античной культуры. Культивируя самостоятельность мышления и инициативность действия в качестве основных человеческих качеств, античная культура способствовала развитию многообразия моделей организации потребностей. Достаточно вспомнить множественность альтернатив, предложенных в этой области эллинистическими философскими доктринами. Так, эллинизм был означен провозглашенным киниками отказом от социальных устремлений и практиками автаркии (самовластия) как «довольства малым» (минимализации потребностей через возвращение к естественным наслаждениям); стоической проповедью центрирования человеческого желания на исполняемых только личным усилием делах и его избавления от стремлений к выгоде, социальному престижу и славе; реали-

зованным эпикурейцами возвращением к простоте человеческих желаний, освобождающему существование от тяги к излишествам и восстанавливающему умение радоваться простым вещам – простой пище, телесному здоровью, наличию места и возможности сна, дружескому общению. Но, так или иначе, все античные модели воспитания потребностей должны были подготовить публичного человека. Даже после распада полисного пространства, философы, создавая руководства по воспитанию потребностей, были сориентированы на опыт совместного существования – все разработки по преобразованию потребностей предназначались, в конечном счете, для укрепления общины друзей, в череде совместных практик по-настоящему хорошо проживающих жизнь. Личностный пафос христианской вести также не привел к индивидуализации потребностей, хотя он являлся достаточным условием для нее.

Несомненно, ядром мироощущения средневекового христианина является требование индивидуального подвига во имя прославления всевластия Господа, но необходимость повторения в пространстве персонального опыта Христовых деяний здесь слита с задачей учреждения и существования особой формы совместной жизни – «общины праведников». Именно поэтому все распространившиеся в Средневековье аскетические практики преобразования потребностей не выделяют индивида, делая его вторым после Бога господином своих желаний, а, напротив, конструируют идеальную форму организации потребностей, которая выступает образцом для всех членов общины.

Процесс «цивилизации» человеческих потребностей

Опыт более свободного самостоятельного формирования потребностей европеец открыл для себя после заката христианских канонов. Существует ряд культурологических исследований, в которых утверждается, что начиная с XVI в. сфера потребностей человека развивается в направлении «всецелой интимизации», что означает, что с этого времени человек все более и более научается выражать на языке потребностей свои неповторимые индивидуальные запросы. Но тезис этот, как минимум, спорный, поскольку сами индивидуальные потребности могут быть результатом неосознаваемых человеком социальных воздействий. Данный подход к феномену индивидуализации потребностей европейца классической эпохи принадлежит М. Фуко. Его анализ следует рассматривать в общем контексте проблемы процесса цивилизации потребностей, означающего ряд их исторических трансформаций, в результате которого они утратили чрезмерность и непосредственность выражения и приобрели формы близкие к потребностям современного человека. Этот процесс накладывает непреодолимый отпечаток на характер человеческих потребностей, который можно свести к следующим чертам:

1. Вся совокупность потребностей, включая и наиболее естественные, подвергаются постоянному индивидуальному контролю.

2. Реализация потребностей не осуществляется «прямо» – они удовлетворяются только в предназначенные для этого время, месте и в предписанной форме.

В работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975 г.) и в курсе лекций «Психиатрическая власть» (1973-74 гг.) М. Фуко показывает, что индивидуализация потребностей европейца имела место в период повсеместного распространения новых механизмов власти, принуждающих к соответствию своим нормам все (включая и самые незначительные) действия индивида. Приобретение индивидом сдержанной формы потребностей Фуко связывает с рождением в XVI в. новых способов социального управления, которые в отличие от традиционных:

1. Имеют анонимный характер – никогда не понятно кто именно отправляет их.
2. Лишены демонстративности традиционной власти – это власть, незаметно контролирующая людские слова, поступки, тела.
3. Распространяют общие требования на все, вплоть до самых мельчайших, проявления индивида.

В основание этой новой формы управления – дисциплинарные механизмы, которые представляют собой систему выверенной муштры жизнедеятельности индивида. Согласно Фуко, за успехом их функционирования стояли две присущие им черты: иерархический надзор и нормализующее наказание. Под иерархическим надзором имеется в виду особое устройство всех полей деятельности индивида, при котором он ощущает непрерывное наблюдение за собственными действиями. Фуко показывает, что по такой схеме планировались различные места людских скоплений – армия, школа, производственные цеха, больницы, исправительные учреждения. Приведем лишь некоторые примеры. Сама архитектура всех этих институций предполагает такое строение, при котором индивид осуществляет свой опыт, постоянно осознавая присутствие следящего за ним взгляда. Кроме того, в производственных цехах и в школах вводится система специальных наблюдателей, которые отслеживают все возможные непотребства и докладывают об этом руководству. В данных условиях индивид формирует свои действия, исходя из знания, что они находятся под микроскопом власти. Таков главный результат введения системы иерархического надзора.

Механизм нормализующего наказания предполагает систему микронаказаний для малейших отклонений от поведения, определенного в качестве корректного. Существенно, что наказания были разработаны абсолютно для всех самовольных проявлений индивида – он карался за опоздания, за халатность в осуществлении какого-либо производственного навыка, за небрежность во внешности, за невежливость, болтовню и непристойность. Борьба с ними велась путем его повторного принуждения к выполнению требуемого стандарта. Классическим в этом отношении примером выступает наказание ученика посредством принуждения его к заданию, которое ранее он не смог выполнить. В результате усвоения этой си-

стемы индивид начинает рассматривать все свои действия как приближения или удаления от требуемого стандарта. Так одни «накапливают» отклонения и начинают ощущать себя недостойными людьми, другие – соответствия требованиям и предстают в своих глазах благополучными представителями общества. Для нас это чрезвычайно важно, поскольку здесь обнаруживается, что *индивидуализация потребностей, которую переживает европеец с заката средневековых канонов жизни, протекала по схеме нормализации*. Конечно, с этого периода и по сей день, человек проявляет индивидуальную инициативу в сфере своих желаний – сам решает учиться ему или не учиться, обзаводиться семьей или нет и т.д., но всем этим управляет мощная нормализующая машина, скрыто манипулирующая потребностями того, кто хочет казаться достойным человеком. В такой ситуации уровень индивидуальных потребностей заполняют те их формы, которые считаются корректными. Поэтому зачастую потребности, которые человек рассматривает как результат личностного формирования, являются наиболее типичными.

Итак, исследования Фуко позволяют сделать вывод, что *индивидуальные потребности это выход на поверхность* той *глубинной захваченности человека дисциплинарными механизмами*, которая имеет место с XVI в. Но существует и более мягкий подход к процессу цивилизации человеческих потребностей, связывающий его с изменением основных сфер обыденной жизни. Данный подход развивают аналитики культуры, чьи исследования движутся в русле истории повседневности. В отличие от Фуко они связывают процесс цивилизации потребностей с личной инициативой людей переходного от Средневековья к Новому времени этапа в переустройстве собственного быта.

Так, историк-медиевист Л.Ф. Зельцман на примере Англии показывает, что рост благосостояния в конце XIV в. вызвал усиление социальных контрастов. В этот период английское дворянство, желающее закрепить свое превосходство над обездоленными, вводит обычай обеда в специально отведенном для него помещении, активно вовлекается в перепланировку традиционного английского дома (длинный холл которого применялся для общих, включающих хозяев дома и слуг трапез, а большая комната была одновременно помещением для приемов, развлечений и сна). В результате все пространства общности исчезают – на их месте появляется множество маленьких комнат, что позволяет владельцем домов держаться поодаль от простого народа. Это приводит к развитию чопорности, смыванию следов естественности с их потребностей.

В этом же направлении – акцентируя связь материальных изменений повседневного опыта индивида и цивилизации потребностей – работал немецкий социолог XX века Норберт Элиас. Для нас значимо, что в своей работе «О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования» (1939 г.) первоначальное развитие индивидуальных потребностей он поставил в зависимость от правил поведения в обществе.

Согласно Элиасу, трансформация средневековой культуры в новую европейскую цивилизацию, охватившая период XIV–XVII вв., начинается с возникновения нового антропологического типа, в чьей поведенческой стратегии начинают преобладать индивидуальная инициатива, необходимость приватности, сокрытие естественно возникающих аффектов и стеснение за материально-телесные отправления собственного организма. Этот крайне осторожный и чрезмерно осмотрительный тип рождается одновременно со светским придворным кругом. Появление индивидуально желающего, переживающего, способного скрывать и управлять собственными аффектами и органическими позывами индивида Элиас объясняет учреждением новой зарождающейся элитой особого маркера собственного социального статуса. Чтобы подчеркнуть свое непреодолимое различие от феодальной знати предшествующих эпох ее представители синтезируют новый социальный механизм формирования облика человеческой жизни. Это соблюдение хороших манер. Ставка новой элиты на преодоление разнузданности, чопорность в обращении с собой и другими мотивировано следующим обстоятельством. Мастерство непосредственного жеста было неотъемлемым украшением повседневного быта средневековых феодалов. На ущемление собственных прав или оскорбление чести со стороны представителей своего или низших сословий они отвечали без всякого стеснения моментально. Вспышка агрессивности не заставляла себя ждать – прибегая к ритуализированным формам насилия, они наказывали, а в пределе и убивали поправшего их честь на месте. Именно эту дикую бесцеремонность и пытался подавить новый человеческий тип. Свойственная ему изысканная учтивость, доходящая порой до жеманства, предназначалась для изгнания из человека прямоты и резкости нрава.

Итак, рождение нового оригинального антропологического типа мотивировано утверждением нового способа поведения за столом, в публичном пространстве и в сформировавшейся только в этот период закрытой для взгляда других частной, интимной сфере. Именно циркулирующие в этих полях поведенческие стандарты вызовут метаморфоз потребностей – простые естественные человеческие желания в придворных кругах будут дискредитированы, на их место заступят дисциплинированные, находящие для удовлетворения нужный момент и нужное место и в крайней степени индивидуализированные потребности. Иными словами, площадный человек средневековой эпохи, бравирующий непосредственностью собственных желаний и готовый проживать значимые моменты своей жизни на глазах у всех, сменяется новым типом придворного, строго подчиняющегося социальным кодексам приемлемого и недопустимого и требующего для обнаружения собственного естества непроницаемого для постороннего наблюдения пространства приватности.

Качественное изменение потребностей стартовало с обновлением коллективной практики совместных трапез. Достаточно посмотреть на средневековые фрески и миниатюры, изображающие вкушение людьми

различных явств, чтобы понять изменение отношения к устоям совместных обедов, постепенно входящие в силу с XIV века. На них мы встречаемся не только с радостной раскрепощенной общностью людей, но и с собаками, которые прямо под столами поглощают остатки трапезы. Кроме того, тела вкушающих в большинстве случаев тучны и раскрепощены. Визуальная продукция позднейшего периода уже не будет фиксировать домашних животных как привычных «компаньонов» обедающих людей, а тела последних начнут постепенно утончаться и проникаться грацией.

Эти свидетельства истории живописи документировали те изменения, которые претерпели человеческие навыки еды после ухода с авансцены истории духа Средневековья. Дело в том, что процесс затухания средневекового мирочувствия совпал с введением в обращение строгих застольных поведенческих норм, которые на протяжении дальнейшего периода только усиливались. Элиас подробно описывает, каким образом европеец научается выдерживать определенную коммуникативную дистанцию за столом, придерживаться последовательности в приеме пищи, тормозить самопроизвольную жизнь тела – предписывать задержку желудочным газам и рыганьям. Но главную цивилизующую роль он усматривает во введение в застольный обиход крайне разнообразных столовых приборов. Например, в регулярное использование входят различные разновидности ложек, тогда как еще в начале XIV века пользование во время совместной трапезы одной и той же ложкой широким кругом вкушающих было нормой[112]. Превращение застолья из спонтанной эмоциональной практики общности в требующее владения утонченными навыками искусство (оформление которого стартовало с принуждением каждого к собственной тарелке и ложке и развилось до вхождения в быт немыслимого числа разновидностей посуды как необходимой оправы, шикового антуража придворной кулинарии) вызвало усиление индивидуальной дисциплины тела. С этого времени индивид не мог расслабиться за столом, поедать пищу, как душе угодно. Регулярное участие в публичных придворных трапезах выступило мощным провокатором развития новой формы бдительности: если для человека традиционной культуры ужасным по преимуществу выступало отклонение от правил коммуникации с сакральным, то поле заботы родившегося на закате Средневековья индивида существенно переконструировалось. Впредь человек озаботится виртуозным исполнением гастрономического церемониала – неуклюжесть, рассеянность, отсутствие свойственного гурману деликатного, тонкого подхода к еде и напиткам выступят новыми демонами смущения и страха европейца. Именно таким путем в мир приходит фундаментальное для истории европейской чув-

[112] «Судя по описи Клеменции Венгерской, жены Людовика Сварливого, сделанной в 1328 г., в ее посуде насчитывалось всего сорок две ложки» (Фараль Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. – СПб.: Евразия, 2009. – С. 257).

ственности событие замещения трансцендентных смыслов человеческого опыта рядом непреложных фрагментарных установок повседневного быта.

Итак, искусство придворных обедов приводит к установлению нового режима самоотношения и табуированию естественных телесных импульсов (вытирания рук о волосы и одежду, хватания ими пищи, терзания пищи зубами и выбрасывания в этом же месте ее несъедобных остатков). Элиас замечает, что «…люди, … как это было принято в Средние века, которые брали куски мяса с общего блюда, пили вино из одной чаши, а суп – из одного котелка … находились в иных, чем мы, отношениях, друг с другом»[113]: распространение новой формы застолий заметно снижает градус эмоциональности в различных проявлениях опыта человеческой совместности. Кроме того, именно в его результате человек сосредотачивается на овладении мастерством проживания отдельных сцен жизни, что начинает вытеснять традиционные формы трансцендентного служения. Если средневековый феодал мог отобедать, не особенно заботясь о том, как выглядит он со стороны, и вперемешку («… мясо, рыба, дичь и сладости подавались вперемешку без особого порядка; венчали трапезу фрукты и орехи»[114]), то новые придворные крайне озаботились гармонией для стороннего взгляда не только стола, но и себя за ним. Человек всерьез начинает тратить усилия на достойное поведение в отдельной сфере жизни – в данном случае при застолье – как если бы от него зависели самые главные вопросы его жизни. Более поздние культуры либертинажа и дендизма будут обнаруживать трансцендентные мотивы уже внутри открывшейся в этот период сферы бытовой виртуозности. Но, так или иначе, новоевропеец утрачивает хищнические повадки – отдаляя от себя спонтанные проявления собственного естества, он становится утонченным манипулятором собственных желаний. Этот же процесс русский философ культуры и литературовед М.М. Бахтин описывал в терминах вытеснения грубого, без стеснения зевающего, громко смеющегося, без меры жующего и пьющего тела средневекового площадного человека сдержанным, изящно действующим телом гуманиста, намеченного уже в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» французского сатирика-гуманиста Фр. Рабле.

Правила поведения в общественном пространстве также подвергаются жесткому контролю. Начинается длительный процесс его стерилизации, подразумевающий изгнание из публичной сферы всей совокупности «грязных» отправлений человеческой натуры. В этом отношении существенно вспомнить, что традиционным христианином излишняя гигиена воспринималась как признак греховности – согласно воззрениям средневековых монахов, принимать ванну нужно только по предписанию врача ради восстановления пошатнувшегося здоровья. Новоевропеец переворачивает ситуацию: регулярное мытье (хотя его происхождение, по мнению не-

[113] Элиас Н. О процессе цивилизации. – М.: Университетская книга, 2001. Т.1. – С. 155.
[114] Зельцман Л.Ф. Жизнь Англии в Средние века. – СПб.: Евразия, 2009. – С. 102-103.

которых исследователей, связано с раскрепощением сладострастия) и соблюдение табу по публичному отправлению таких естественных потребностей как высмаркивание, отхаркивание, сплевывание становятся привычными ритуалами всякого человека, желающего считаться приличным. Введение ряда курьезных для нашего слуха поведенческих стандартов, вроде «не вытирай руки о волосы, для этого же есть скатерть», «не плюй далеко, чтобы затем не приходилось отыскивать, куда ты плюнул, чтобы растереть ногой»[115] приводит к денатурализации потребностей – к их предъявлению в крайне вычурных неестественных формах. Вследствие этого европеец все более совершенствуется в искусстве личных прихотей и капризов: впредь объектом заботы индивида может выступить не только дело всей жизни, но и, как отмечал А.С. Пушкин, «краса ногтей».

Кроме этого, вводится четкое разграничение между интимной и публичной сферой человеческой жизни. Подобное нововведение мотивировано, согласно Элиасу, окружением аурой приватности пространства сна. Долгое время спальное место не допускало налета интимности – в традиционной культуре спальня как таковая просто отсутствовала: для феодала эпохи раннего Средневековья вполне привычно есть, принимать посетителей и спать в одном помещении. Его сну никак не мешали остававшиеся на ночь гости, а зачастую и придремавшая здесь же челядь. « … для той эпохи не было ничего странного в том, что все члены семьи, – а также и гости – спали в одном помещении… В отличие от современных обычаев, все спали обнаженными, так как до XVI века ночные рубашки были практически не известны»[116]. Только в XIII веке феодальные замки перепланируются с учетом отделения спальни от апартаментов для приемов[117]. Но в момент собственного возникновения спальни еще были открыты для здорового коллективизма средневекового человека. «Дело в том, что кровати были рассчитаны на несколько человек, и благородный рыцарь, хозяин дома, побуждаемый братскими чувствами, вполне мог пригласить гостя разделить с ним ложе, а его собственная жена ложилась по другую сторону от него»[118]. Спальню как пространство тотального одиночества ее хозяев учредит придворная культура. Именно она создаст плотную завесу вокруг спящего тела, окончательно разрушит цельность старинных феодальных замков, признав необходимым сокрытие от общественного внимания еженощное занятие человека. Таким образом, человек приучается к утаиванию одной из самых естественных потребностей – сна.

Значимо, что все вышеописанные практики контроля, подавления, маргинализации природных потребностей усваиваются «изнутри» индиви-

[115] Элиас Н. О процессе цивилизации. – М.: Университетская книга, 2001. Т.1. – С. 319.
[116] Зельцман Л.Ф. Жизнь Англии в Средние века. – СПб.: Евразия, 2009. – С. 111-112.
[117] См.: Виолле-ле-Дюк Э. Жизнь и развлечения в средние века. – СПб.: Евразия, 2007. – С. 68-70.
[118] Фараль Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика Святого. – СПб.: Евразия, 2009. – С. 246.

да – вследствие длительного внешнего надзора за точностью выполнения телесных церемониалов рождается индивид с выдрессированной психикой. В результате глубинного усвоения норм публичного пространства субъект становится зрителем собственных провинностей и таким образом перерождается в собственного надзирателя. Именно так Элиас объясняет превращение стыда в константу переживаний европейца Нового времени. Отсюда – вся чопорность реализаций его желаний даже при отсутствии внешнего наблюдения.

Итак, благодаря новому витку самодоместикации человек начинает культивировать индивидуализм внутреннего, открыв для себя значимость сокрытия собственного самочувствия. Это событие хорошо иллюстрирует наставление мастера философской эссеистики XVI века М. Монтеня: «Нужно добросовестно играть свою роль, но при этом не забывать, что это всего-навсего роль, которую нам поручили. Маску и внешний облик нельзя делать сущностью, чужое – своим. … Достаточно посыпать мукою лицо, не посыпая ею одновременно и сердце. …Господин мэр и Мишель Монтень никогда не были одним и тем же лицом, и между ними всегда пролегала отчетливо обозначенная граница»[119].

Современные следствия цивилизованности человеческих потребностей

Таким образом, на основании исследования Элиаса можно заключить, что в совокупность результатов процесса цивилизации входит и усиление у человека способности сокрытия собственных переживаний. Но следует помнить, что скрытность является достоинством только в том случае, когда есть что скрывать – при обладании действительной тайной. Картина в отношении сформировавшегося в XIV–XVII вв. человеческого типа совершенно иная. Он удаляет от общественного внимания ряд мелких, не требующих социального признания постыдных потребностей, погружается в переживания об их неисполненности и поэтому связывает свое самоосуществление с закрытой для большого коллективного мира сферой приватной жизни. В такой ситуации невозможно говорить о желании всей жизни. На его место заступают несущественные, но крайне упрямые потребности, которые готовы удовлетвориться перечнем небольших, трудно замечаемых со стороны достижений. Здесь корни логики «шаг за шагом» и «только без фанатизма» реализации желаний современного человека.

Позже все это в сопровождении с упадком интереса к неутилитарным совместным практикам органично сживется с результатами индустриальной революции XIX в. Напомним только основные из них. В 1829 г. Джордж Стефенсон сконструировал «Ракету» – первый паровоз, а уже в 1837 г. проложил первый рельсовый путь Манчестер – Ливерпуль. В 1876 г. Александр Белл позволит болтовне беспрепятственно преодоле-

[119] Монтень М. Опыты. – М.-Л., 1960. – С. 291.

вать дистанции – конструирует телефон. В 1837 г. Самуэль Морзе столь же мобильными делает письменные сообщения – передает первую телеграмму. Список научно-технических изобретений XIX в. без затруднений можно продолжить, и сами по себе они величественны. Однако, уйдя в массовое использование, именно они упрочнили мироощущение вышеописанного антропологического типа. Именно благодаря им зацикленность на приватности и довольство человека тусклыми проявлениями обрели возможность развития. Привнесенные ими облегчение жизненных условий, бессмысленность приобретения каких-либо сложных телесных навыков окончательно убедили, что добротная организация частной жизни – это главное для человека. Отсюда берет исток потребность современного человека в не знающем меры комфорте собственной жизненной среды. Уже в эпоху индустриального прогресса протестные голоса, высказывающиеся в стилистике американского писателя и мыслителя Г.Д. Торо – заметившего однажды по поводу открытия железной дороги, что «немногие будут ездить по ней, остальных же заездит она сама» – не доходят до сознания культурного большинства. Люди с легкостью принимают недальновидный способ достижения благополучия – пренебрегающее всем остальным материальное совершенствование частной сферы. Таким образом, жизненной потребностью становится облегчение, минимализация усилий любого действия, стремление к некоторому всеохватному комфорту проживания. Это один из основных способов сведения на нет самостоятельности человека, унаследованный и современной культурой, в результате которого человек превращается в филистера, кто, согласно точному выражению А. Шопенгауэра, «считает существенным наиболее несущественные вещи».

Данное превращение хорошо просматривается на избранной современным человеком стратегии компенсации отсутствия опыта общности, нечувствительности к радости от совместных практик за счет нового отношения к вещам. От дефицита социального признания, говоря проще, своей потерянности для коллективного восхищения, он отвлекает себя постоянным потреблением. Вещи, в потреблении которых мы не знаем меры, как бы убеждают нас, что мы еще способны к таким существенным параметрам человеческого как решение и выбор. Но разрешение проблем товарных предпочтений действуют всегда помимо возможной альтернативности позиции другого человека. В свою очередь, решение, которое не прошло через огонь возможного оспаривания, легковесно. Ценностные шкалы современного общества делают очевидным трагизм подобного положения: когда время досуга с уверенностью растрачивается в торговых центрах, а не в кругу семьи (что было характерно для традиционной культуры), или в беззаботных прогулках с друзьями и любимыми (что культивировал эллинизм и авангардный модерн), то о жизненной важности потребностей в единении с группой, в социальном признании и в общении не может идти и речи.

Но какими бы ни были реалии современных механизмов организации потребностей, необходимо помнить, что любая культура заботится о самосохранении. Для гарантированности собственного будущего она предусматривает ряд инструментов. Общеколлективный уклад различных сфер совместной деятельности людей она закрепляет на уровне культурных обычаев и социальных институтов. Именно они обуславливают специфичность картины потребностей человека, по отношению к формированию которой можно выделить два основных сценария. Либо мы желаем в большей части времени собственной жизни именно то, что располагается на высоких ступенях культурной иерархии ценностей, либо выстраиваем протестную жизненную позицию, зачаровываясь культурно табуированным и социально бесполезным. Как ни странно, но эти два вечно борющихся друг с другом сценария укладываются в логику социального формирования потребностей. Нормы и ценности коллектива, к которому мы принадлежим, почти всецело определяют наши образы жизни, а в случае нашего отворачивания от них предписывают нам некоторую «неблагополучную» социальную роль. «Маргинал», «ненормальный», «тип с девиантными наклонностями» или просто «странный человек» – все эти аттестации представляют собой также пути социально зависимого становления потребностей.

Резюме

Вопрос о социальных механизмах потребностей – это вопрос о значимости (мере воздействия и ценности) коллективно установленных правил для человеческой жизнедеятельности. Несомненно, каждая культура вырабатывает и воспроизводит принципы совместной жизни проживающих в ней людей. Они могут быть представлены в форме культурной традиции или конкретных социальных институтов. Именно общий курс культурной традиции и социальных институтов, существующих в определенном обществе, содержательно определяют потребности человека. Поэтому никакой повсеместной содержательной общности и способов удовлетворения потребностей не существует.

На каждом этапе исторического развития человечества выделяются своеобразные механизмы формирования социумом потребностей своих представителей. Так, наиболее доминирующим для архаики является система статусов, для античности – пайдейа, а для средневековья – сословные кодексы и промессивные клятвы. Все эти механизмы формируют потребности по модели коллективизма (их проявления в стандартных, полезных для общества формах), хотя некоторые из них (античная пайдейа и средневековые промессивные клятвы) не только допускают, но и приветствуют индивидуализацию человеческих устремлений. Индивидуализированный вид потребности принимают только после длительного процесса цивилизации, в ходе которого социальные каноны поведения были детализированы, а индивиду в связи с этим стала очевидна пропасть между нормативным поведением и собственными душевными переживаниями. Та-

ким образом, он получил возможность ориентировать ряд своих потребностей только индивидуальными предпочтениями. Следствия данного процесса «цивилизации» человеческих потребностей для современности неоднозначны.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала

1. Какие основные социальные механизмы детерминируют качественный характер потребностей человека? Приведите примеры подобной обусловленности.
2. Раскройте понятие «техники тела». Приведите примеры социальной природы адаптации человеческого тела.
3. Какие социальные механизмы организации потребностей человека, выработанные в архаический, античный и средневековый периоды истории, Вам известны? Охарактеризуйте их.
4. Каковы основные нововведения процесса цивилизации потребностей? Раскройте содержание данного процесса, исходя из концепций М. Фуко и Н. Элиаса.
5. Опишите позитивные и негативные следствия для современности цивилизационного преобразования потребностей человека.

Рекомендуемая литература

Основная:

1. Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996.
2. Пигров К. С. Социальная философия: учебник для вузов – СПб.: ИД СПбГУ, 2005.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.
4. Элиас Н. О процессе цивилизации. – М.: Университетская книга, 2001. – Т. 1.

Дополнительная:

1. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М., 2000. – Ч. 3-4.
2. Бодрийяр Ж.К критике политической экономии знака. – М.: Академический проект, 2007. Раздел: Идеологический генезис потребностей.
3. Вулф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. – СПб., 2009.
4. Хальбвакс М. Выражение эмоций и общество // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. – СПб.: Алетейя, 2000.

§5.4. Экономическое моделирование потребностей

Первобытная экономика

Специфическое представление о потребностях сложилось в экономике. Экономику можно определять, во-первых, как науку об использовании различного рода ограниченных ресурсов в целях обеспечения потребностей людей и отношения между различными сторонами, возникающие в процессе хозяйствования. Во-вторых, как само хозяйство, то есть совокупность всех средств производства, используемых людьми в целях обеспечения своих потребностей. Таким образом, современная экономическая наука напрямую занимается проблемой формирования потребностей и возможностей их удовлетворения.

Рассмотрим экономику как вид человеческой деятельности. Экономика как деятельность людей, их способы хозяйствования меняется и развивается. Как одна из областей человеческой деятельности экономика отвечает не за все потребности – она как способ хозяйствования способна удовлетворить ограниченное количество потребностей. Какие именно потребности может удовлетворять экономика? Это зависит от исторических особенностей экономической деятельности: экономика дарообменов архаического человека способствовала удовлетворению одних человеческих потребностей, в то время как современная капиталистическая экономика (которая в результате глобализации стала претендовать на статус мировой) нацелена на удовлетворение других.

В первобытной культуре не существовало отделения экономической деятельности от других видов деятельности, в то время как современная экономика обособилась в совершенно отдельную сферу теории и практики. В современной экономике сложилось понятие «экономический интерес», который имеет специфическую природу и сущностно отличается от прочих интересов и побуждений человека. Первичная характеристика экономического образа мышления (в современном его понимании), которое служит исключительно практике, – это калькуляция затрат и выгод, на которой основывается экономическое поведение.

Экономику «примитивных» обществ изучали такие яркие антропологи как Бронислав Малиновский («Аргонавты западной части Тихого океана»), Марсель Мосс («Очерк о даре»), Маршалл Салинз («Экономика каменного века»). Бронислав Малиновский пишет, что из наблюдений над некоторыми полинезийскими народами вырисовывается весьма четкий облик порядка дарения. Материальная и моральная жизнь, обмен функционируют в бескорыстной и в то же время обязательной форме. Группы в первобытном обществе всегда чувствуют себя в долгу друг перед другом, вследствие чего возникает обмен.

В качестве объекта наблюдения М. Мосса выступали, помимо прочих, индейские племена, обитавшие на побережье Северо-Западной Америки, на Аляске и в Британской Колумбии. М. Мосс описывает их хозяйственный уклад: «Они промышляют больше морской и речной рыбной ловлей, чем охотой, у них нет земледелия. Они, однако, очень богаты, и даже сейчас рыбная ловля, охота, меха оставляют им значительные излишки. У них самые прочные дома из всех американских племен и весьма развита обработка кедра. Их лодки хороши, их ремесла высоко развиты. Даже до знакомства с железом в XVIII в. они умели собирать, плавить, формовать и чеканить медь. Медные пластинки служили им чем-то вроде денег. Другим видом денег были прекрасные шерстяные накидки, так называемые чилкат, с восхитительными узорами. У этих народов есть превосходные профессиональные скульпторы и рисовальщики. Обработанные ими трубки, дубины, палки, ложки из резного рога и пр. являются украшением этнографических коллекций»[120].

У этих племен двойная морфология: начиная с конца весны, они рассеиваются, занимаясь охотой, сбором питательных корней и ягод в горах, ловлей лосося в реках; с зимы они собираются в так называемых «городах». И именно тогда, в течение всего периода этой концентрации, они находятся в состоянии непрерывного возбуждения. Их социальная жизнь в этот период становится чрезвычайно интенсивной. Она представляет собой что-то вроде непрерывного брожения. Тут и постоянные визиты целых племен, кланов и семей друг к другу, и повторяющиеся затяжные праздники, каждый из которых весьма продолжителен. Именно в этот период экономические отношения этих племен достигают предельной интенсивности: по случаю бракосочетания, различных важных событий жизни племени начинают практиковаться траты всего имущества, что было накоплено. Принцип траты лежит и в основании частной жизни: когда убивают тюленя или открывают сосуд с консервированными ягодами, кореньями приглашают людей из своего клана, созывают всех, когда на берег выбрасывает кита. Таким образом, общение превращается в постоянный процесс “give and take” – даем-получаем.

Зачем существует дарообмен у этих народов? С помощью агонального соревновательного обмена дарами представители данных культур повышают собственные социальные статусы. Законом экономики выступает здесь ответ на дар более щедрым подарком. Вследствие данной операции щедрый даритель «делает карьеру», поднимается по социальной иерархии. Этим объясняется, к примеру, распространенное здесь непривычное для нас понятие кредита. Например, индейцы Британской Колумбии вклады-

[120] Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 135-137.

вают в это понятие не совсем тот же смысл, что современный европеец: индеец в своей хозяйственной деятельности полагается на помощь друзей и обещает им заплатить за эту помощь впоследствии. Помощь может быть оказана ценными вещами (расхожим предметом обмена является одеяло), и тогда индеец обещает вернуть стоимость займа с процентами. Индейцы не располагают системой письменности, и поэтому, чтобы обеспечить гарантию соглашению, оно заключается публично. Капитал индейца – это не только количество ценностей, находящееся в его распоряжении, но и его доброе имя. Индеец может пригласить соседей и друзей на пиршество, чтобы тем самым оплатить долги. Получая подарок, он негласно обязывается отплатить дарителю или его наследнику добром. Даритель, раздавая подарки, страхует своих детей: если с ним что-то случится, то соплеменники позаботятся о его детях.

Также с помощью повышения количества даров представители данных племен оберегают собственную честь. Тот, кому предстоит быть самым богатым, должен быть самым расточительным. Некоторые виды дарообмена (потлача) предполагают, что от человека требуется истратить все, что у него есть, и ничего не оставлять себе. Политический статус индивидов в братствах и кланах, ранги разного рода достигаются «войной имуществ» так же, как войной, удачей, наследованием, союзом или браком. Индейцы говорят: «Работающие только ради собственности – предатели». И в то же время дар, потлач необходимо возмещать.

Чтобы подавить, унизить соперника, здесь осуществляется бессмысленное разрушение имущества: люди сжигают целые ящики рыбьего жира, дома и огромное количество одеял, разбивают самые дорогие медные изделия, выбрасывают их в водоемы. Разрушение составляет высшую форму траты и таким образом инициатор разрушения обеспечивает социальное продвижение не только для себя, но и для своей семьи.

Например, вождь получает власть над теми, кому подарил подарки: о вожде говорится, что он «проглотил племена», которым раздал свои богатства; его «тошнит от собственности». Вождь и знать на пирах едят мало, много едят зависимые и простые люди. Знатный человек никогда не упрашивает. Знатный шаман никогда не просит плату, его «дух» запрещает ему это.

Итак, в первобытных обществах спешат давать. Обязанность принимать носит не менее принудительный характер. Индивид, который не смог вернуть долг или потлач, теряет свой ранг, иногда – ранг свободного человека.

Принцип абстракции новоевропейской экономики

В отличие от экономической деятельности каменного века и века металлов, в ходе которой удовлетворялась потребность в социальном признании, коммуникации, отчасти и групповом единстве, смыслом новоевро-

пейской экономической деятельности является суммирование благ[121]. Новоевропейская экономика все более погружается в мир абстракций. Мишель Фуко убедительно показал это на истории такого элемента экономических отношений, как деньги, описанной в книге «Слова и вещи». В Средневековой Европе монеты имели реальную ценность, как и товары, которые с ними соизмерялись. Для экономистов той поры достоинство и свойство монеты соизмерять товары и обменная сила основывались на ее внутренней ценности. В конце XVI – начале XVII веков внутренняя ценность металла в монете уже мало кого интересует: важнее форма или изображение монарха на обратной стороне. С конца XVIII века не деньги, а общественно необходимый труд определяет ценность товара. Продолжая размышления, начатые Фуко, заметим, что в настоящее время деньги все больше становятся принадлежностью виртуальной реальности. Материальные ценности превращаются в комбинации цифр, перетекающих с одного счета на другой. Нематериальные ценности – такие, как дружба, взаимопомощь, забота о детях оказываются вне структуры современной экономики Запада. Видимо, был прав Карл Маркс, который говорил, что человек превращается в вещь: в современной экономике западного образца не учитываются те черты, которые делают человека человечным.

Производство также способствует отчуждению человека от его сущности, способствуя возникновению таких малосимпатичных эффектов, как «профессиональный кретинизм», «одномерность».

И если индеец, описанный в очерке Марселя Мосса, производя предметы вещного мира, удовлетворяет несколько потребностей: от потребности в общении до статусных потребностей, то, по мысли В.А.Туева, автора книги «Человеческие потребности», в современных условиях производительная деятельность индивида несовместима с удовлетворением его потребностей[122]. Современное производство направлено на созидание предметов потребностей других субъектов. Производительная деятельность не является ни предметом потребности, ни способом ее удовлетворения.

Смысл феноменов производства и потребления

Обычно считается, что потребление – это процесс удовлетворения потребностей, а потребность не что иное, как потребление в потенции. И такое суждение, разумеется, правильно, но для разграничения потребительной и производительной деятельности этого недостаточно, ибо производство тоже может быть удовлетворением потребности субъекта, скажем, в духовно-творческой деятельности. Следовательно, граница между

[121] Благо (в экономике) – товар или услуга, которые удовлетворяют потребности людей.

[122] Туев В. А. Человеческие потребности: эскиз философской теории. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998.

названными видами деятельности не может быть ни пространственной, ни временной: одна и та же деятельность в одно и то же время в одном и том же месте может быть и потреблением и производством.

В.А. Туев пишет, что *производство* – это полагание человеческой сущности вовне, создание продукта не для самого себя, а предмета (материального или духовного) способного удовлетворить потребности других субъектов. *Потребление* – полагание субъектом самого себя, обращенное им в собственную внутреннюю сферу.

Производительная деятельность как способ существования человека возникает там и тогда, где становится принципиально невозможным прямое, не опосредованное изготовление соответствующих предметов удовлетворения наличных потребностей субъекта. Невозможность удовлетворения биологических потребностей биологическими же средствами явилась, следовательно, внешним природным фактором, вызвавшим появление феномена производительной деятельности в антропогенезе.

Производство в собственном смысле слова есть общественный процесс, т.е. деятельность, имеющая принципиально общественный характер. Она предполагает разделение труда, вначале технологическое, а затем и социальное. Удовлетворять свои потребности человек может лишь во взаимодействии с другими людьми. Специализация и кооперирование труда делают возможным обмен продуктами производства, их распределение, а вместе с тем существование самой производительной деятельности. Такая деятельность именно как общественный процесс не предполагает ни потребление продукта его производителем, ни производство потребителем предмета его потребности.

Развитие общественного производства на протяжении человеческой истории проявляет себя, прежде всего, как непрерывное совершенствование техники и технологии производительной деятельности, а также социальных форм интеграции и взаимодействия людей в процессе этой деятельности.

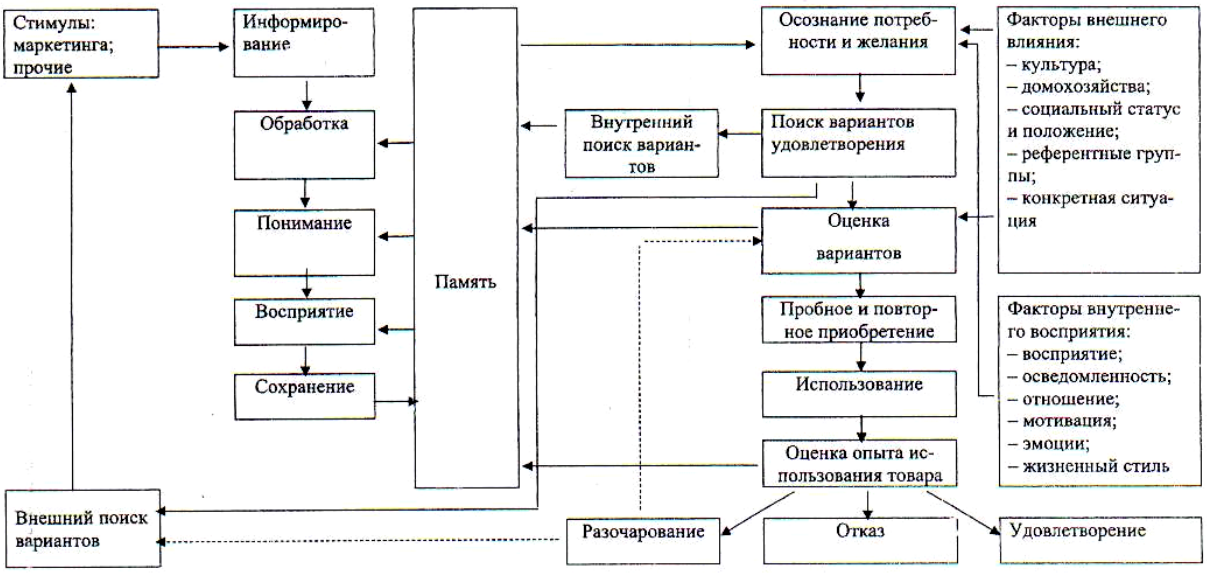
Основы экономического моделирования потребления

Поскольку в современной экономике моделирование потребления получило широкое распространение, опишем основные принципы данного подхода к потребностям. Вообще моделирование – это универсальный метод научного познания. Термин «модель» широко используется в различных сферах человеческой деятельности и имеет множество смысловых значений. Данное понятие обозначает такой материальный или мыслимо представляемый объект, который в процессе исследования замещает объект-оригинал так, что его непосредственное изучение дает новые знания об объекте-оригинале. Таким образом, экономическое моделирование потребностей – это создание модели реальной потребности с целью ее изучения, использования знаний, полученных в процессе наблюдения над моделью в реальной хозяйственной деятельности.

Экономическая модель не может быть точным отражением действительности, когда речь идет о сложных общественных потребностях. Ход планируемых и управляемых макроэкономических процессов, а также внешние воздействия на эти процессы не могут быть точно предсказуемы из-за действия случайных факторов и ограниченности человеческого познания в данный момент. Но развитие экономического моделирования не остановилось на этих трудностях. Стали появляться сложные модели, описывающие несколько вариантов развития. В моделях начало применяться стохастическое программирование и теория случайных процессов.

Существует множество методов экономического моделирования потребностей, то есть создания, прогнозирования и развития тех потребностей, которые находят выражение в современной экономике. Некоторые экономические модели потребностей имеют прямое отношение к техникам продаж и являются смежными с маркетинговыми моделями потребностей. В качестве примера можно привести модель формирования потребности в приобретении продукта питания, созданную Д.Ф. Энджелом и Р.Д. Блэкуэллом[123].

МОДЕЛЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПРИОБРЕТЕНИИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ[124]

Согласно данной модели, потребность сначала возникает, затем осознается в соответствии с суммой представлений человека о самом себе под

[123] См.: Энджел Д. Ф., Блэкуэлл Р. Д., Миниард, П. У. Поведение потребителей. – СПб.: Питер Ком, 1999.

[124] См.: Дубровин И. А. Поведение потребителей: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению "Экономика" и экономическим специальностям. – М.: Дашков и Кш, 2007.

влиянием внутреннего и внешнего воздействия. Потребность превращается в желание, а желание согласуется с возможностями, мотивацией, осведомленностью о вариантах удовлетворения. Это создает беспокойство, диссонанс, необходимость решения проблемы становится все более настоятельной.

Для изучения поведения потребителя на стадии осознания потребности и формирования желания необходимо обратить внимание, какую пользу или выгоду ищут потребители, приобретая товар. Необходимо знать, насколько явно проявляются потребности и сколько покупателей составят данный сегмент рынка. Поэтому при разработке программ развития предприятий необходимо оценивать *заявленные, действительные, интуитивные* и *скрытые* желания потребителей.

Уровень желаний определяется ценностью товара, его предельной полезностью, которая убывает в соответствии с приростом количества данного и других товаров, являющихся его заменителями (наполнителями), имеющимися в качестве предложения на конкретный момент времени.

На естественную активизацию потребностей накладывается активизация мер маркетинга, которые обеспечивают превращение потребности в побуждение приобрести что-то. Побуждение ведет к поиску вариантов удовлетворения потребности. Поиск распадается на *внешний* и *внутренний*.

Обращение к внутреннему поиску (извлечение из памяти необходимых сведений) определяется достаточностью знаний. В незнакомом месте это сложнее, чем в привычной для нас среде. Исследователи подтверждают, что до 60% людей, ощутив потребность, делают выбор, обращаясь к памяти, и менее половины – к возможностям внешнего поиска. Внешний поиск осуществляется с помощью открытых источников информации – например, рекламы, которая может размещаться на самых разных носителях.

При изучении поиска следует учитывать влияние времени: в условиях рынка происходят быстрые изменения способа, места продаж. Чем больший период времени разделяет покупки, тем менее успешен внутренний поиск ввиду забывания и стирания информации из памяти. Коммуникация должна быть направлена на то, чтобы заставить вспомнить о вариантах решения проблемы, предлагаемых производителями. Когда цена товара высока, и потребители рискуют большой суммой денег, они часто обращаются к дополнительной внешней информации.

При недостатке имеющихся знаний, осуществляется внешний предпокупочный поиск (сбор информации на рынке). Его цель – обеспечить лучший выбор из имеющихся в наличии товаров, даже из числа неудовлетворительных вариантов. Например, вам захотелось фуа-гра, но в продаже есть только кабачковая икра. И вы, вместо того, чтобы отказаться от всех имеющихся вариантов, делаете выбор в пользу кабачковой икры.

Часто информация о товаре или услуге распространяется по принципу «из уст в уста», особенно если товар входит в моду, становится известным и популярным. Многие потребители следуют опыту тех, кто уже приобрел товар или воспользовался услугой. Поэтому первый покупатель – важный источник дальнейшего продвижения продукта.

Люди, находящиеся в состоянии поиска, восприимчивы к стимулам. На решение потребителя могут повлиять такие стимулы, как стиль, дизайн, средства распространения, продавцы, выкладка товара, сам товар, его этикетка, товарный знак и др.

Намерение потребителя совершить покупку или сделку формируется под влиянием *предложения* купить, *рекомендации* воспользоваться преимуществами товара или услуги, возможности *выбора из нескольких вариантов* и т.д.

Намерение зависит и *от уровня информированности покупателя о товаре*. Источники информации могут быть *безличностными* (журнал, справочник, реклама) и *личностными*. Характерный пример личностной информации – врач. Поэтому для увеличения продаж часто используется мнение врачей.

Поведение следует за намерением. Чем больше времени их разделяет, тем меньше у маркетолога возможности для точного прогноза.

Успех продаж заключен в их непрерывности. Важно не столько положительное восприятие, сколько запоминание, сохранение информации, чтобы в последующем она услужливо напоминала на стадии внутреннего поиска о конкретной возможности удовлетворения потребности.

Анализ поведения потребителей позволяет выделить спрос, обусловленный влиянием внешних воздействий (нефункциональный). *Нефункциональный спрос* возникает под воздействием следующих факторов:

- присоединение к большинству (эффект вагона), диктуемое стремлением не отстать от моды;
- показательное потребление (увеличение спроса на дорогие товары, ассоциирующиеся с престижным потреблением);
- исключительное потребление, обусловленное желанием выделиться из массы.

После того как потребитель принимает положительное решение и приобретает товар, наступает ответная реакция в форме удовлетворения или разочарования. Последний вариант реакции потребителя наименее желателен, поскольку он приводит к жалобам и последующему отторжению товарной марки.

После приобретения наступает важный этап – оценка покупки. Удовлетворенность может наступать немедленно и спустя некоторое время. Чаще всего положительное отношение подкрепляется естественной склонностью убеждать себя в правильности выбора. Такая уверенность нужна, чтобы оценить преимущества покупки в сравнении с другими. Чтобы сни-

зить внутренний диссонанс, мы начинаем искать дополнительную информацию, подтверждающую правильность выбора.

Производители заинтересованы в том, чтобы потребитель не только оплатил продукт единожды, но и неоднократно повторил покупку. Часто повторная покупка осуществляется на основе привычки, что дает возможность покупателю эффективнее справляться с жизненными проблемами. Необыкновенное разнообразие товаров личного пользования превратило процесс покупки в своеобразный марафон по принятию решений. Рекламные заявления конкурирующих между собой производителей вызвали информационное пресыщение. Поэтому привычное поведение покупателя во многом зависит от его лояльности марке и фирме, а также обычной инерции.

Лояльность – это консервативная реакция, направленная на сохранение сложившегося порядка вещей, в экономическом контексте она представляет собой результат активного и длительного поиска вариантов товарной марки, который в наилучшей мере удовлетворяет потребности. Чем выше удовлетворенность, тем сильнее лояльность. Существует вынужденная разновидность лояльности, подразумевающая наличие барьеров, которые требуют от человека высокой «платы» за намерение разорвать отношения. Поэтому специалисты по продажам часто используют эффект вложения энергии, эмоционального участия и др. Чем больше мы вкладываем, тем дороже обходится разрыв.

Производитель должен стремиться к высокой степени лояльности к своему товару, так как стойкие предпочтения трудно меняются. Соответственно надо оценить, сколько времени потребитель готов затратить на приобретение покупки, какие места продаж предпочтительны. Нужны дополнительные стимулы или технологический прорыв, выводящий товар на новую орбиту потребительских предпочтений.

Часто потребители продолжают покупать из приверженности или индифферентности. Риск снижения продаж обусловлен неопределенностью информации о свойствах товара. Устранить этот риск можно с помощью использования бесплатных образцов товаров, купонов, подробных инструкций по применению.

Совершая покупку, потребитель также подвергается определенным рискам:

- функциональный (качество товара ниже ожидаемого);
- финансовый (потеря денег);
- физический (причинение вреда здоровью);
- психологический (снижается уровень самооценки);
- социальный (использование товара не получило одобрения окружающих);
- временной (товар перестает быть модным, и падает степень удовлетворенности в нем).

Чем меньше покупатель ощущает риск, тем выше заинтересованность в предлагаемых товарах.

Исследователи утверждают, что для увеличения продаж ряда продуктов (жевательных резинок, колбасных изделий, молочной продукции и др.) одной лояльности недостаточно, ввиду наличия нескольких, примерно одинаковых торговых марок. Перемены в предпочтениях потребителей часто обусловлены простым снижением цен или появлением нового товара.

Причиной поиска разнообразия может быть неудовлетворенность при наличии выбора альтернативных вариантов. Поэтому специалисты по продажам используют примерно такие призывы: «Хочется нового (лучшего, острого)!».

Моделирование потребления напрямую связано с хозяйственной деятельностью. Но бывает, экономика мыслит на абстрактном языке математики. Рассмотрим экономико-математическое моделирование потребностей, в котором выделяются несколько этапов:

1. Постановка экономической проблемы и ее качественный анализ.

2. Построение математической модели. Это – этап формализации экономической проблемы, выражения ее в виде конкретных математических зависимостей и отношений (функций, уравнений, неравенств и т.д.).

3. Математический анализ модели. Целью этого этапа является выяснение общих свойств модели.

4. Подготовка исходной информации.

5. Численное решение. Этот этап включает разработку алгоритмов для численного решения задачи, составления компьютерных программ и непосредственное проведение расчетов.

6. Анализ численных результатов и их применение.

В экономической науке имеется два подхода к прогнозированию поведения потребителей. Первый подход – детерминистский, подразумевающий прогнозирование будущего на основе прошлого и позволяющий руководителям составлять программы действий. Второй подход – синергетический, отвечающий на вопрос, как именно возникают упорядоченные внутренние структуры, наличие которых предполагает детерминизм? Соответственно, рассмотрим две экономико-математических модели потребностей – *детерминистскую* и *синергетическую*.

Детерминистская модель потребления

Если кратко сформулировать суть детерминистского подхода к моделированию потребностей потребителей, то он сводится к попытке объяснения и предсказания поведения потребителя посредством моделирования последующих неудовлетворенных потребностей на основании удовлетворения предыдущих (структура пятиуровневой иерархии потребностей Абрахама Маслоу).

Важный постулат детерминистской теории потребления состоит в том, что процесс выбора потребителем любого товара рассматривается как пирамида. При этом вопрос о том, как и когда возникла описанная Маслоу иерархия потребностей, остается вне проблемы моделирования. Предполагается, что система формировалась в ходе длительного изучения мотивов поведения потребителей.

Одним из инструментов моделирования поведения потребителей у Маслоу выступает опрос. Например, проведя крупномасштабный опрос, Маслоу пришел к выводу о том, что физиологические потребности американцев удовлетворяются на 85%, потребности самосохранения - на 70%, потребности в любви – на 50%, потребности в удовлетворении чувства собственного достоинства – на 40%, потребности в самоутверждении – на 10%. Однако эти закономерности не подтверждались, если рассматривались мотивы отдельного индивида.

Согласно детерминистской модели, поведение персонала должно быть нацеленным на удовлетворение потребностей клиента, которые относятся к высшим уровням пирамиды.

МЕТОДЫ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ВЫСШЕГО УРОВНЯ

Социальные потребности	• Предоставьте потребителям возможность общения не только с продавцами, но и с другими потребителями. • Создайте условия для социальной активности потребителя.
Потребность в уважении	• Обеспечьте потребителям положительную обратную связь с продавцами продукции и с ее производителями. • Высоко оценивайте и поощряйте потребителей. • Обеспечивайте обучение и переподготовку персонала для повышения его уровня компетенции и знания закономерностей поведения потребителей.
Потребность в самовыражении	• Обеспечивайте потребителям возможности для развития, которые позволят им максимально реализовать свой потенциал при покупке товаров. • Поощряйте и развивайте у потребителей желание самовыражения, позволяя им проявлять индивидуальность при покупке товаров.

Использование такого алгоритма приводит к тому, что в рамках детерминистского подхода преобладали модели только хорошо выученных, стереотипных действий продавцов.

Согласно Абрахаму Маслоу, потребности человека, по мере их удовлетворения, усложняются. Сначала человек стремится удовлетворить витальные потребности, и, только когда потребности этой группы удовлетворены, у него возникают более сложные духовные потребности. Процесс возникновения потребностей является непрерывным; после удовлетворения одной потребности у человека появляется другая, более сложная. Поэтому и производство должно развиваться непрерывно, быть нацеленным на удовлетворение все более сложных дорогостоящих потребностей. Это значит, что детерминистская модель описывает только подъем экономики и расширение производства. Поэтому создатели детерминистских моделей, как правило, составляют таблицы и графики, в которых отражено только увеличение объемов производства, советуют: «создавайте больше, чем в прошлом периоде».

Синергетическая модель потребления

Рассмотрим синергетическую модель самоорганизации потребностей. Синергетика предлагает рассматривать процесс самоорганизации как радикальное решение проблемы возникновения и развития потребностей. Сторонники этой теории замечают, что упорядоченные во времени и пространстве состояния не требуют никакого «упорядочивающего внутреннего механизма». Ссылаясь на аналогию между сложными системами разной природы (физической, социальной, экономической), представители синергетического направления утверждают, что любые процессы можно рассматривать как спонтанно возникающие микро- и макроскопические упорядоченные в пространстве и времени паттерны коллективного поведения (динамические структуры).

Решение, которое принимает потребитель, может сформироваться в любой момент. В *модели конечного автомата* решение можно представить группами состояний, из которых нет выхода, – петлями или циклами. С момента входа в группу состояний решение индивида уже далее не меняется. Принятое решение трудно изменить. Убеждения потребителей существенно влияют на принимаемые ими решения. В ряде случаев индивиды делятся на группы с диаметрально противоположными взглядами.

Конечный автомат задается пятеркой:

$$K = (X, M, D, \Phi, d),$$

где $X = \{1, \ldots, s\}$ – конечное или счетное множество состояний автомата $s \leq \infty$;

M – множество входных сообщений;

D – множество решений, которые принимают агенты;

$\Phi = S*M \rightarrow S$ – функция переходов между состояниями при получении сообщений;

$d : S \rightarrow D$ – функция принятия решения.

Некоторые решения принимаются индивидами под воздействием внешних обстоятельств. Так, например, он может стать участником розыгрыша призов под рекламируемой торговой маркой, принять участие в маркетинговой акции и т.д. Такие решения определяются не только внешними факторами, но и тем состоянием, в котором находится потребитель в момент их принятия. Моделируя такую ситуацию, руководитель должен ввести правило принятия решения, зависящее от состояний индивида и внешних условий.

В отличие от детерминизма, моделирующего процессы мотивации потребителей и на их основании составляющего программы выпуска продукции, теория самоорганизации изучает динамику взаимосвязей в нелинейных, неравновесных системах. Иногда мотивация потребителя переходит от одной ступени к другой спонтанно. Так, у индивида могут сразу возникать потребности высших уровней, минуя потребности низших уровней. Даже если доходы населения вырастают, многие семьи покупают те продукты, традиция покупать которые сложилась до повышения уровня жизни.

Единая экономическая модель человеческих потребностей

Синтезируя несколько экономических моделей формирования потребностей, мы предлагаем такой вариант их экономического моделирования.

Первый этап создания новой потребности – это период сбора информации: у какой группы людей данная потребность может возникнуть, обладает ли эта группа уровнем доходов, достаточным для того, чтобы преобразовать данную потребность в платежеспособный спрос. Одним из эффективных методов сбора информации является наблюдение. В экономике многие процессы являются массовыми; они характеризуются закономерностями, которые не обнаруживаются на основании одного или нескольких наблюдений. Поэтому моделирование в экономике должно опираться на массовые наблюдения. Другая проблема порождается динамичностью экономических процессов, изменчивостью их параметров. Вследствие этого экономические процессы приходится постоянно держать под наблюдением, необходимо иметь устойчивый поток новых данных.

На втором этапе создается бизнес-план, в котором конкретизируется, к производству какого товара/услуги намеревается приступать предприниматель, какие ресурсы понадобятся для создания товара, и есть ли они в наличии, каковы будут объемы производства, обозначиваются возможные трудности и пути их преодоления. Бизнес-план также отвечает на вопросы о том, как будет протекать в ближайшее время экономическое развитие, где и как будет реализовываться товар или предлагаться услуга.

Важным итогом создания бизнес-плана является установка экономически обоснованной цены на продукцию.

Третий этап – это непосредственное формирование потребности с помощью рекламы, нацеленной на группу людей, у которой, согласно построенной экономической модели, эта потребность может возникнуть. Чтобы реклама соответствовала целям, в которых она создается, она не должна противоречить нравственным ценностям группы, на которую она нацелена. Реклама должна быть понятной и не должна предоставлять искаженную информацию о предлагаемом товаре или услуге. Реклама, достигающая нужной цели, вовсе не обязательно является оригинальным произведением искусства. У человека есть склонность к подражанию. Цель рекламы будет достигнута, если она убедит, что, покупая данный товар или услугу, человек приобщается к группе людей, к которой он хочет принадлежать.

На четвертом этапе происходит формирование условий, необходимых для производства данного товара, услуги.

Пятый этап – это реализация товара или предоставление услуги, т.е. факт непосредственного удовлетворения потребности, в то время как предыдущие этапы можно отнести к обслуживающим процессам, обеспечивающим удовлетворение потребностей. Таким образом, реализуется программа удовлетворения потребностей экономическими средствами: планирование, организация, мотивация и контроль.

Резюме

Базовыми понятиями всякой экономической теории выступают понятия производства и потребления. Производство следует трактовать как создание продукта, способного удовлетворить потребности других субъектов. Потребление же – как экономически опосредованное присвоение результатов общественного труда. В истории развития человечества существовали различные формы экономических отношений, в зависимости от которых формировалась специфика экономической потребности субъекта. Если в архаической экономике состязательного дарообмена экономический интерес заключался в трате накопленных благ, то после установления капиталистической формы хозяйствования в качестве основных экономических потребностей утвердились калькуляция и накопление.

На сегодняшний день в экономической теории широко распространены различные методы моделирования потребления – теоретические механизмы, прогнозирующие качественный характер потребительского спроса и разрабатывающие способы его формирования. Все многообразие данных методов сводимо к двум подходам – детерминистскому и синергетическому. Если сторонники детерминистского подхода преимущественно обращают внимание на устойчивые привычки потребителей, то последователи синергетического подхода предлагают сосредоточиться на таких случайных и нестабильных факторах, как настроение потребителя, его самооценка и т.д.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Какие потребности создает, удовлетворяет первобытная «экономика»? Какие потребности создает, удовлетворяет капиталистическая экономика? Какие потребности оказываются вне структуры современной экономики Запада?
2. Как учитываются желания при обеспечении необходимого уровня потребления товаров, услуг?
3. Раскройте взаимозависимость, существующую между ценностью товаров и их количеством.
4. В чем различия между внешним и внутренним поиском вариантов удовлетворения потребности? Как осуществляется поиск вариантов удовлетворения потребностей с помощью рекламы? Когда внутренний поиск вариантов удовлетворения потребностей менее эффективен?
5. Под влиянием каких факторов формируется намерение потребителя совершить покупку или сделку?
6. Опишите риски, которым потребитель подвергается, совершая покупку.
7. Назовите подходы к прогнозированию поведения потребителей. В чем они заключаются?
8. Какие факторы оказываются неучтенными детерминистской моделью потребления?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ОСНОВНАЯ:

1. Дубровин И.А. Поведение потребителей: учебное пособие: для студентов вузов, обучающихся по направлению "Экономика" и экономическим специальностям. – М.: Дашков и Кш, 2010.
2. Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Блэкуэлл Р. Поведение потребителей. – СПб.: Питер, 2007.
2. Васильев Г.А. Поведение потребителей: учебное пособие: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 061500 "Маркетинг". – М.: Инфра-М, 2010.
3. Жилкина М.С. Психология рекламы и поведение потребителей: индивидуально-типологический подход. – М.: Спутник+, 2009.
4. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. – М.: РОССПЭН, 2004.
5. Мазилкина Е.И. Краткий курс по поведению потребителей: учебное пособие. – М.: Окей-книга, 2009.

6. Мамаева Л.Н. Экономическое поведение потребителей в условиях кризиса / под общ. ред. д.э.н., проф. Н.И. Гвоздевой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009.
7. Меликян О.М. Поведение потребителей: Учебник. М.: Дашков и Кш, 2008.
8. Овчинникова Т.И., Хорева М.Г. Математическое моделирование потребностей: детерминистский и синергетический подходы // Маркетинг и маркетинговые исследования, 2005. - №6.
9. Салинз М. Экономика каменного века. – М.: О.Г.И., 1999.

§5.5. Индивидуальность и динамика потребностей в индивидуальной истории

Основные понятия социально-психологического рассмотрения индивидуальности

Рассмотрим механизмы формирования индивидуальности и связанные с этим основные термины и понятия. Прежде всего, индивидуальность формируется в определенной социальной среде. Вне социума развитие индивидуальных характеристик человека невозможно.

Социальная среда – это все, что окружает человека в его социальной жизни, это конкретное проявление, своеобразие общественных отношений на определенном этапе их развития. Социальная среда зависит от типа общественно экономической формации, от им обусловленных внутриклассовых различий определенных слоев и бытовых и профессиональных отличий, от классовой и национальной принадлежности индивида,

В первом социально-психологическом приближении можно сказать, что формирование индивидуальности реализуется в процессе усвоения ребенка общественно-исторического опыта, необходимые условия которого таковы:

1) *общение* ребенка с взрослыми людьми, в ходе которого ребенок обучается адекватной деятельности, усваивает человеческую культуру;

2) чтобы овладеть теми предметами, которые являются продуктами исторического развития, необходимо осуществить по отношению к ним не любую, а такую *адекватную деятельность*, которая будет воспроизводить в себе существенные общественно выработанные способы деятельности человека и человечества. Усвоение общественно-исторического опыта выступает как процесс воспроизводства в свойствах ребенка исторически сложившихся свойств и способностей человеческого рода. Таким образом, развитие человечества невозможно без активной передачи новым поколениям человеческой культуры. Без общества, без усвоения общественно-исторического опыта человечества стать человеком, приобрести специфические человеческие качества невозможно даже при наличии человечески полноценной биологии. Но, с другой стороны, не имея биологической полноценности, морфологических свойств, присущих человеку как биоло-

гическому виду, невозможно даже под влиянием общества, воспитания, образования достичь высших человеческих качеств.

Поскольку сознание, речь и пр. не передаются людям в порядке биологической наследственности, а формируются у них прижизненно, то используют понятие *«индивид»***,** обозначающее биологический организм, носителя общих генотипических наследственных свойств биологического вида (индивидами мы рождаемся), и понятие *«личность»***,** определяющее социально-психологическую сущность человека, формирующую себя в результате усвоения человеком общественных форм сознания и поведения, общественно-исторического опыта человечества (личностью мы становимся только под влиянием жизни в обществе, воспитания, обучения, общения, взаимодействия).

Итак, *индивид (индивидуум)* – это самостоятельно существующий организм, особь, отдельный человек; конкретный человек как таковой определяется только относительно конкретного же социума.

Индивидуальность – неповторимое своеобразие какого-либо человека (индивида), включающее в себя как его наследственные, так и приобретенные специфические особенности. Индивидуальность**,** таким образом, характеризует совокупность неповторимых отличительных черт индивида: своеобразие его опыта, знаний, мнений, убеждений, характера, темперамента и т.д.

Процесс формирования, становления индивидуальности, то есть гармоничной личностной целостности и неповторимости, выражается понятием *«индивидуация»***.** *Индивидуация* является результатом усвоения сознанием человека содержания личного и коллективного бессознательного и представляет собой непроизвольный в своей основе процесс, требующий сознательного содействия человека. В аналитической психологии это понятие разработано К.Г. Юнгом.

Индивидуальные психологические физиологические особенности человека как основа его запросов и потребностей

Если говорить о человеке с точки зрения его рассмотрения как динамической системы, то необходимо говорить о некоторой системе процессов. Причем речь идет о двойной системе, бинарной природе единого процесса. Во-первых, имеются в виду процессы изменения самого человека, связанные как с его индивидуальной активностью, так и воздействием внешней среды, а во-вторых, речь идет о процессах самоотражения, текущих изменений в психике самого человека.

Поскольку сами изменения связаны с окружающей человека действительностью, протекают под «управлением» этой действительности и представляют собой тот или иной вариант его адаптации к ней, то и отражения в норме будут проецироваться на действительность же, соотноситься с ней. Если отражения начинают проецироваться друг на друга, то человек оказывается «внутри зеркала»: становясь узником «зазеркалья», он

выпадает из реальности, «сходит с ума», иными словами, оказывается дезадаптирован, никоим образом не соотнесен с реальностью.

Отражение в психике индивида всех тех процессов, связей и отношений, в которых он оказывается в своей жизни, включающее физиологический, биологический, социальный и психологический уровни проявления, называют *идентичностью*.

Рассмотрим более детально. *Идентификация,* согласно социальной психологии, – это эмоционально-когнитивный процесс неосознаваемого отождествления себя с другим субъектом, группой, образцом. В понятиях современной социальной психологии идентификация охватывает три пересекающиеся области психической реальности:

- процесс объединения субъектом себя с другим индивидом или группой на основании установившейся эмоциональной связи, а также принятии как собственных норм, ценностей, образцов другого индивида или группы;
- видение субъектом другого человека как себя самого и проекция, состоящая в наделении его своими чертами, чувствами, желаниями;
- механизм постановки субъектом себя на место другого (реализуемый посредством погружения, переноса индивидом себя в пространство и время другого человека, результатом которого является усвоение чужих личностных смыслов)[125].

Существенно, что по какой бы схеме ни проходил процесс идентификации, он, во-первых, «диалогичен», то есть предполагает взаимодействие с «другим», во-вторых, продуктивен, то есть представляет собой направленное изменение себя. Приведенный вариант идентификации как проекции своих черт на другого вызывает ответ другого либо в виде подтверждения проекции, либо в виде отказа от нее. В любом случае образ другого вступает во взаимодействие с образом себя, «образом Я».

Например, петербургский исследователь В. Вильчек в конце 80-х годов XX века предложил объяснение возникновения тотемизма и анимизма первобытных верований именно как результата идентификации себя с другим, в данном случае другим живым существом, не обязательно человеком. Идентификация себя с тотемом-первопредком, часто выступавшим в виде того или иного животного, означала воспроизведение определенного комплекса установок, готовности действовать определенным образом[126].

Знание этих механизмов важно для практической работы, поскольку именно оно открывает пути к направленному управлению процессами формирования потребностей у индивида.

Процессы идентификации, взятые в совокупности, определяют и формируют те или иные индивидуальные психологические *установки личности***,** обуславливающие поведенческую стратегию. Взаимодействие

[125] Краткий психологический словарь. – М. Политиздат, 1985. – С. 108–109.
[126] Вильчек В. М. Алгоритмы истории. – М. 1989.

сформированных установок с врожденными особенностями психофизиологического характера формирует уникальные индивидуальные социально-психологические качества личности, то есть качества, возникающие в ходе совместной социально обусловленной деятельности и общения людей. Это взаимодействие является основой *процесса индивидуализации* – отделения, обособления себя от других людей. Процесс индивидуализации проявляет себя, среди прочего, и в уникальной, только данному индивиду присущей структуре потребностей и ценностей.

Социальная установка выражает состояние готовности, предрасположенность субъекта к конкретному действию в конкретных социальных условиях и содержит *эмоциональные, смысловые (когнитивные)* и *поведенческие (готовность к действию)* компоненты. В психической структуре готовности к действию можно выделить иерархически организованное взаиморасположение установок:

- ценностные ориентации, обусловливающие целостные программы социального поведения;
- социальные установки на объекты и ситуации, регулирующие действия;
- неосознаваемые простейшие ситуативные установки, готовность к оценке и действию в конкретных ситуациях.

Установка возникает при столкновении потребности субъекта и объективной ситуации ее удовлетворения. Кроме того, установки и поступки формируют и подпитывают друг друга.

Для сознательного изменения установок необходимо сознательно делать поступки, которые соответствуют желаемым установкам. Если по отношению к кому-либо ты совершил негативный поступок, то этот поступок сформирует у тебя отрицательную установку. Установка будет оправдывать твое дальнейшее отрицательное поведение, которое в свой черед будет укреплять установку. Хочешь кого-либо полюбить – делай ему добро, положительная установка придет следом. Аналогичным образом происходит и формирование устойчивых потребностей.

Актеры знают, что исполняемая роль может сильно деформировать психику. Длительно исполняемая социальная роль может сильно деформировать социальные установки личности. Постоянно и регулярно культивируемые доминирующие потребности могут искажать и останавливать процессы развития личности.

К кризисам идентичности приводит рассогласование субъективного восприятия реальности и объективной обстановки дел. Так расхождение ожиданий индивида с ожиданиями окружающих неизбежно приводит либо к разрыву индивида с окружением, либо к коррекции ожиданий. Невозможность исполнения индивидуального запроса может привести к *фрустрации* – состоянию разочарования, вызванном неосуществлением какой-либо значимой цели, неудовлетворением потребности и проявляющемся в гнетущем напряжении, тревожности, чувстве безысходности. В крайних случаях значительное расхождение образа себя и реальности приводит

к нервным срывам, социальной и психологической дезадаптации и девиантному, то есть ненормативному поведению.

Ролевая компонента личной идентичности

Ролевая концепция личности возникла в американской социальной психологии в 30-х годах XX в. (Ч. Кули, Дж. Мид) и получила распространение в различных социологических течениях, прежде всего, в структурно-функциональном анализе. Т. Парсонс и его последователи предложили рассматривать личность как функцию множества присущих индивиду социальных ролей. Ч. Кули показал, что личность формируется на основе разнообразных взаимодействий индивида с окружающим миром. В процессе этих интеракций индивид создает свое «зеркальное Я», которое состоит из следующих элементов:

- того, как, по его мнению, его воспринимают другие («Я уверена, что люди обращают внимание на мою новую прическу»);
- того, как, по его мнению, они реагируют на то, что видят («Я уверена, что им нравится моя новая прическа»);
- того, как он отвечает на воспринятую им реакцию других («Видимо, я буду всегда так причесываться»).

Для описания воздействия социальной роли на формирование личности Т. Парсонс, в свою очередь, выделил пять характеристик социальной роли:

1. *Эмоциональность*. Некоторые роли (например, медицинской сестры, врача или представителя правоохранительного порядка) требуют эмоциональной сдержанности в ситуациях, обычно вызывающих бурные проявления чувств (речь идет о конфликтах, страдании, болезни, смерти).

2. *Способ получения*. Некоторые роли обусловлены предписанными статусами, например, ребенка, юноши или взрослого гражданина. Другие роли завоевываются; например, когда мы говорим о профессоре, мы имеем в виду такую роль, которая достигается в результате усилий личности.

3. *Масштаб*. Некоторые роли ограничены строго определенными аспектами взаимодействия людей. Например, роли врача и пациента ограничены вопросами, которые непосредственно относятся к здоровью пациента.

4. *Формализация*. Некоторые роли предусматривают взаимодействие с людьми в соответствии с установленными правилами. Например, библиотекарь обязан выдать книги на определенный срок и потребовать штраф за каждый просроченный день с тех, кто задерживает книги. При исполнении других ролей допускается особое обращение с теми, с кем у вас сложились личные отношения. Например, мы не ожидаем, что брат или сестра заплатят нам за оказанную им услугу, хотя мы могли бы взять плату у незнакомого человека.

5. *Мотивация*. Разные роли обусловлены различными мотивами. Предполагается, скажем, что предприимчивый человек поглощен соб-

ственными интересами – его поступки определяются стремлением получить максимальную прибыль, тогда как священник никогда не служит ради личной выгоды.

Каждая роль накладывает отпечаток на самосознание человека, так как человек мобилизует ресурсы своего организма и психики для исполнения той или иной роли. Соответственно каждая социальная роль предстает как элемент индивидуации человека. Когда человек вынужден исполнять роль, представления о которой не соответствуют его представлению о себе, его индивидуальному «Я», возникает *внутриличностный конфликт*. Принято различать следующие виды внутриличностных конфликтов:

1. если «роль» выше возможностей «Я», то человеку грозит переутомление, появление неуверенности в себе;

2. если «роль» ниже возможностей «Я», является недостойной, унизительной для человека, то разрешение этого конфликта может принять разные формы:

- объективное изменение ситуации (например, человек не удовлетворен своей профессией, начинает учиться и своими практическими делами доказывает то, что ему по плечу более трудные и интересные дела);
- не имея возможности изменить ситуацию в целом, человек изменяет ее только для себя, отказываясь от исполнения противоречащей его «Я» роли;
- конфликт между ролью и «Я» не разрешается, а устраняется из сферы сознания, подавляется, в результате чего в поступках, чувствах, сознании человека явно не проявляется существование данного конфликта, но внутреннее напряжение нарастает и прорывается (например, человек «срывает зло» на своих подчиненных и близких);
- рационализация – человек, вынужденный выполнять не соответствующую его «Я» роль, уверяет себя и других, что он это делает исключительно по собственному желанию;
- «неадекватное поведение» проявляется в замене влечения к недоступной человеку роли стремлением исполнить роль противоположную: так, ребенок, нуждающийся в нежности и ласке, но не надеющийся получить роль любимого, начинает вести себя подчеркнуто грубо и нахально;
- человек, оказавшийся в не соответствующей для его «Я» роли, обращает свой гнев против себя, обвиняет себя или считает себя неудачником.

Можно выделить следующие внутренние мотивы освоения социальной роли**:**

1. Выполнение каких-либо желаний человека возможно через овладение им определенной ролью.
2. Овладение ролью позволяет человеку приобрести социально-психологическую защищенность, дает возможность иметь более подходящие социальные отношения с другими людьми, получить их признание, любовь, одобрение, уважение.

Этапы формирования индивидуальности

На индивидуальные особенности человека влияют как биологические параметры его организма, так и его социальное окружение. На раннем этапе формирования индивидуальности существенную роль оказывает «образ тела» – представление о себе в аспекте телесности. «Образ тела» складывается в младенческом периоде развития (до 1,5 лет) и служит основанием для формирования «образа Я». В этот период ребенок осваивает свое тело как функционально универсальный инструмент, формирует целостное эмоционально насыщенное представление о своем теле. Недостаточность или подавление этих процессов затрудняет формирование личной идентичности[127].

При дальнейшем развитии телесная идентичность конкретизируется в сексуальной идентичности, определяющей единство самосознания и поведения индивида, относящего себя к определенному полу и соотносящего себя с телесными, психофизиологическими, психологическими и социокультурными значениями маскулинности и фемининности. К 2,5–3 годам, когда в речи появляется «Я», практически все дети знают, что они мальчики или девочки. Между 3 и 6 годами дети активно осваивают существующую в культуре систему половых ролей, ближайшим проводником которой является семья[128].

Одновременно с освоением половой идентичности дети начинают осваивать и социальные роли. Первоначально это единственная роль – ребенка, соответствующая той функции, которую ребенок играет в роду и с точки зрения рода. Кроме того, дети играют в различные ролевые игры**,** в процессе которых имитируют действия и взаимоотношения взрослых. За счет возникновения сильных эмоциональных переживаний, связанных с содержанием самой роли, опыт игры оказывает очень существенное влияние на развитие личности ребенка. В его контексте происходит формирование таких важнейших компонентов психики как воображения, некоторых элементов произвольного контроля за поведением.

По мере того как дети начинают активно формировать собственные роли, отличные от общей роли ребенка, а это происходит в возрасте примерно 6–14 лет, они социализируются. Принято выделять следующие *стадии социализации*:

1. *Первичная социализация*, или стадия адаптации (от рождения до подросткового периода ребенок усваивает социальный опыт некритически, адаптируется, приспосабливается, подражает).

---

[127] См.: Каган В. Образ тела // Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. – СПб.: Питер, 1999. – С. 86

[128] См.: Каган В. Половая идентичность. Половая социализация // Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. – СПб.: Питер, 1999. – С. 102–103

2. *Стадия индивидуализации***,** проявляющаяся желанием выделить себя среди других, критическим отношением к общественным нормам поведения. В подростковом возрасте стадия индивидуализации, первичного самоопределения представляет промежуточную ступень социализации, поскольку на ней мировоззрение и характер подростка еще неустойчивы.

3. *Стадия устойчиво концептуальной социализации* – юношеский возраст (18-25 лет), когда вырабатываются устойчивые свойства личности.

4. *Стадия интеграции* проявляется желанием найти свое место в обществе. Интеграция проходит благополучно, если свойства человека принимаются группой, обществом. Если не принимаются, возможны следующие исходы:

- сохранение своей непохожести и проявление агрессии к окружающим людям и обществу в целом;
- изменение себя, происходящее по модели «стать как все»;
- конформизм, внешнее соглашательство, адаптация.

5. *Трудовая стадия* социализации охватывает весь период зрелости человека, весь период его трудовой деятельности, в течение которого человек не только усваивает социальный опыт, но и воспроизводит его за счет активного воздействия на среду посредством деятельности.

6. *Послетрудовая стадия* социализации охватывает время старости и связана с передачей социального опыта человека новым поколениям.

Взаимодействие человека с окружающей его социальной средой опирается на определенные, формирующиеся в процесс развития человека психологические механизмы, позволяющие ему усваивать социальный опыт – *механизмы социализации***.** К ним относятся:

- *Конформность* (от лат. conformis – подобный, сообразный) – способность человека изменять свое поведение под влиянием других людей таким образом, чтобы оно соответствовало мнениям окружающих. Конформность фиксируется там, где обнаруживается расхождение мнения индивида с мнением группы, к которой он принадлежит, и данный конфликт разрешается его соглашением с мнением группы.
- *Подражание* – следование какому-либо примеру, образцу. В младенчестве – стремление установить содержательный контакт с взрослым. В дошкольном возрасте – путь проникновения в смысловые структуры человеческой деятельности. В подростковом возрасте – направлено на внешнюю идентификацию подростком себя с некоторой значимой для него личностью. У взрослых выступает элементом научения в некоторых видах профессиональной деятельности (спорт, искусство и др.).
- *Заражение* – процесс передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому на психофизиологическом уровне контакта помимо собственно смыслового воздействия или в дополнение к нему.
- *Убеждение* – метод воздействия на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению. Основу метода представляет

отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой задаче.

- *Самоопределение* – сознательное выявление и утверждение собственной позиции в проблемных ситуациях.
- *Идентификация* – это эмоционально-познавательный (когнитивный) процесс неосознаваемого отождествления себя с другим субъектом, группой, образцом.

Процесс социализации никогда не кончается. Наиболее интенсивно социализация осуществляется в детстве и юности, но развитие личности продолжается и в среднем и пожилом возрасте. Доктор Орвиль Г. Брим показал следующие различия между социализацией детей и взрослых:

1. Социализация взрослых выражается главным образом в изменении их внешнего поведения, в то время как детская социализация корректирует базовые ценностные ориентации.

2. Взрослые могут оценивать нормы; дети способны только усваивать их.

3. Социализация взрослых часто предполагает понимание того, что между черным и белым существует множество «оттенков серого цвета». Взрослые вынуждены устанавливать приоритеты в сложных условиях, требующих использования таких категорий, как «более хорошо» или «менее плохо», тогда как дети усваивают базовые ценности, ориентируясь в них по принципу контраста – однозначно плохое или бесспорно хорошее.

4. Социализация взрослых направлена на то, чтобы помочь человеку овладеть определенными навыками; социализация детей формирует главным образом мотивацию их поведения.

Психолог Р. Гоулд, в свою очередь, высказал воззрение, что социализация взрослых не является продолжением социализации детей, а представляет собой процесс преодоления психологических тенденций, сложившихся в детстве. Так успешная социализация взрослых связана с постепенным преодолением детской уверенности во всемогуществе авторитетных лиц и в том, что другие обязаны заботиться о твоих нуждах. В результате этого преодоления формируются более реалистические убеждения с разумной мерой недоверия к авторитетам и пониманием, что люди сочетают в себе как достоинства, так и недостатки. Избавившись от детских мифов, люди становятся терпимее, щедрее и добрее. В конечном итоге личность обретает значительно большую свободу.

Социализация как механизм индивидуализации

Итак, социализация личности представляет собой процесс усвоения человеком социального опыта, в ходе которого у него формируются представление о ценностях, нормы поведения и общения, умения, установки и убеждения, жизненный стиль. В процессе социализации человеком осва-

ивается тот или иной набор социальных ролей. Совпадение с социальными ожиданиями есть социальная идентификация человека. Ее отражение в психике есть социальная идентичность. Человек, не совпадающий с ожиданиями социума, формирует искаженную социальную идентичность и оказывается его десоциализированным, дезадаптированным представителем; человек, дающий на предлагаемые средой вызовы неадекватные или неожиданные ответы, становится маргиналом.

Кроме того, человек, не совпадающий с социальными ожиданиями, подвергается санкциям со стороны социума. Любой традиционный социум характеризуется ограниченным набором социальных ролей и, соответственно, ограниченным набором социальных идентичностей, адекватных с точки зрения социума. В традиционных обществах набор ролей и соответствующих им идентичностей оказывается жестко фиксированным. Такие общества характеризуются отсутствием или ограниченностью процессов произвольной вертикальной и горизонтальной миграции между стратами или слоями общества.

Современный, урбанизированный, постиндустриальный, информационно-ориентированный, динамически трансформирующийся социум предлагает практически неограниченное множество социальных ролей и, соответственно, возможностей для формирования личной идентичности. Соответственно с этим резко возрастает продолжительность процессов социализации. Еще недавно казавшиеся статичными социальные роли среднего и пожилого возраста, оказываются включенными в динамические социальные процессы. Идентификации и идентичности человека оказываются актуальными для любого возраста и любых социальных ролей. Оказывается невозможным достижение идентичности однажды и навсегда. Таким образом, социальная идентичность современного человека предстает перед нами как динамическое образование, претерпевающее изменения не только в течение жизни, но даже в течение дня, по мере перехода индивида от одной роли к другой. Это, среди прочего, актуализирует требования толерантности (терпимости к иным моделям поведения). Опыт показывает, что люди и общества находящиеся в динамике, сами переходящие от одних ролей к другим, оказываются значительно более терпимы к существованию ролей, не принятых в данной традиции. Более того, настоящее положение вещей приводит к мысли, что сама способность общества к изменениям предполагает наличие большого количества «латентных», «спящих» ролей, не активизированных в своей массе, но наличных в поведении индивидов. Эти роли оказываются «виртуальными», существующими только в момент актуализации их сознанием индивида. Ранее литература как раз и брала на себя функцию аккумуляции и артикуляции таких «виртуальностей», теперь эту же функцию начинает выполнять кино и компьютерная реальность (игры и пр.).

Имеющие место сегодня деформации родовых отношений, кризис института семьи ставят социализацию перед новыми трудностями. Кризис семьи – прямая причина индивидуального несовершенства, кризисности индивидуальной жизни и мировосприятия. Кризис семьи прямо ведет к тому, что социализирующийся человек оказывается перед необходимостью идентифицировать себя… с чем? Дворовая компания? С сегодняшним развитием СМИ традиционный инструмент социализации – компания сверстников – оказывается под угрозой. Сегодняшние подростки уже не общаются во дворах, а «чатятся в Сети». Таким образом, те социальные роли, которые раньше транслировались и осваивались через детские игры, сегодня оказываются под угрозой исчезновения.

Трудности и риски для современных подростков связаны с тем, что идентификация у них проходит не с примерами из реальной жизни, а с виртуальными моделями, которые формируются СМИ и Интернетом. Это означает, что формирующиеся у развивающегося человека структуры потребностей и ценностей оказываются зависимыми от виртуальной информационной среды. Эту проблематику рассматривают братья Вачовски в своем нашумевшем фильме «Матрица» и иные образцы направления киберпанк в кинематографе. Масса «толкинутых», «йогнутых», «рерихнувшихся», ролевые игры – «косплеи», такие субкультурные модели для подражания как «готы», «панки», «эмо», «анимешники» и прочее – все это определенные идентичности. Конечно, они опираются на определенные потребности социализирующихся людей, в первую очередь молодых, но делают для человека затруднительной социализацию, то есть укоренение его в повседневной реальности. Возможно, эти модели указывают маршруты социализации нового образца в новом, не существующем пока обществе.

В любом случае индивидуальность, которая возникает, формируется в ходе социализации, проявляет себя только как определенная деятельность. Индивидуальная по преимуществу деятельность – это творческая активность. Конкретная форма этой активности ведет к коррекции, правильнее сказать, автокоррекции идентичности. Она предполагает наличие индивидуальности и наличие самодеятельности как творческой активности. Активность человека, его деятельность и самодеятельность приводит к формированию у него определенного знания об окружающем мире и собственных возможностях в этом мире. Трансляция возникающего знания о мире окружающим людям с неизбежностью ведет к формированию сознания, которое предстает в виде некоторых схем, закономерностей эмпирического, а впоследствии и теоретического характера.

Совокупность всего перечисленного проявляет себя как личность. Согласно этимологии слова, личность – это то, благодаря чему человек обнаруживает себя, свою уникальность в этом всеобщем мире. Индивид – это только этап в формировании личности. Можно быть индивидом, но как

личность так и не состояться. Все индивиды уникальны, выделены из общего рода, но не все они самостоятельны в своей уникальности. Набор интроецированных индивидом социальных ролей – совсем не то же самое, что роли, созданные самим индивидом в ходе интегрирующей само-рефлексии, само-творения, и само-реализации в этом мире. Кроме того, уже начальные этапы оформления себя как личности означают, тем самым, включение в качестве элемента в системы более высокого иерархического уровня. Личностное развитие предполагает не только замыкание на себя и само-деятельность, но вместе с тем и включенность в иерархии иных порядков и формирование соответствующих идентичностей.

Идентификация себя как личности предполагает уважение к иным социальным ролям, поскольку создавший свою роль человек осознает сложность и уникальность ролей, созданных другими.

Основные индивидуальные потребности и психофизиологические возможности человека, их связь с социальной активностью

Обратимся к процессу формирования и трансформации потребностей в ходе предметной деятельности. Человек, вне зависимости от того, будем ли мы рассматривать его как всецело социальное существо или, напротив, как абсолютно асоциальное изначально и социализирующееся только в ходе своего опыта, осуществляет взаимодействие со средой. При этом человек интегрирует качественно различные виды деятельности на каждом из этапов своего развития. Одновременно он находится, оказывается в различных отношениях с предметами мира и с другими людьми, соответственно активизирует различные группы потребностей, которые и выражают, объективируют его отношения.

Первоначальное отношение человека с действительностью полностью подчинено отношениям с этой действительностью его матери и, опосредованно, отношениям его отца и других людей, с которыми мать соотносится. Соответственно, первоначальные потребности человека заданы физически обусловленными потребностями и потребностями его матери и ближайшего социального окружения. Далее, в период новорожденности происходит отделение собственных потребностей малыша от потребностей матери. Теперь, в период младенчества, ведущей потребностью, кроме физиологически обусловленных отношений, выступают отношения общения с другим взрослым и связанная с ними потребность к освоению предметной деятельности.

По мере того, как в ходе развития формируются образцы или паттерны предметной деятельности, на первое место выдвигаются игровые потребности и потребности научения.

Важно, что потребности развиваются только по мере того, как все новые и новые предметы окружающего мира нагружаются для человека смыслом, дифференцируются из монолитной и непрерывной целостности

бытия. Это нарастание значений происходит только в ходе совместной с другими людьми деятельности, под влиянием общественных систем ценностей и особенностей индивидуального пути развития. Если в период развития человек по каким-то причинам сталкивается с обедненным ценностным миром, миром смыслов и значений, то велик риск того, что он будет с трудом ориентироваться в социальной реальности. С того момента как человек начинает заниматься смыслообразующей, предметосозидающей деятельностью, что происходит сравнительно поздно, а в предельных случаях – никогда, его развитие начинает подчиняться логике развития надчеловеческой системы культуры. Именно на этом этапе, возможно, фиксировать наступление социальной зрелости индивида. Данный этап характеризуется развитием таких потребностей как потребность труда и познания, творчества и социального признания. Социальная зрелость – это результат социального развития, успешной социальной адаптации.

Резюме

Индивидуальность формируется в определенной социальной среде – вне социума развитие индивидуальности невозможно. Формирование индивидуальности происходит в результате процессов социализации и включает в себя несколько этапов, сопровождающихся сменой социальных ролей и соответствующих им видов деятельности. Кроме обусловленности социальными ролями, индивидуальная идентичность зависит от характерных для индивида самооценки и оценки своего места в обществе, своей эффективности. Высшая ступень развития индивидуальности – это формирование личностной идентичности, основной чертой которой является уникальная реализация шаблонных социальных ролей. В силу понимания трудоемкости подобного процесса обладателю личностной идентичности присуще уважение к личностным вариациям социальных установок, отличным от собственных.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала

1. Каковы необходимые условия формирования индивидуальности?
2. В чем заключаются процессы идентификации и их роль в формировании личности?
3. Каким образом влияет социальная роль на личность и каковы механизмы этого влияния?
4. Сформулируйте механизмы формирования индивидуальности в ходе социализации.
5. Назовите основные качественные этапы формирования потребностей в ходе социализации.

Рекомендуемая литература

Основная:

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Уч. пос. – М.: Аспект Пресс, 2002.

2. Каменская Е.Н. Социальная психология. Конспект лекций. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
3. Коломинский Я.Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах. – М.: АСТ, 2010
4. Социальная психология. Хрестоматия / сост. Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2008

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Вацлавик П.И. и др. Психология межличностных коммуникаций. – СПб.: Речь, 2000.
2. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2001.
3. Перспективы социальной психологии / Хьюстон М.И. и др. – М.: Эксмо Пресс, 2001.
4. Социальная психология в трудах отечественных психологов: Хрестоматия / Свенцицицкий А.Л. – СПб.: Питер, 2002.
5. Социальная психология: Хрестоматия / Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. – М.: Аспект Пресс, 1999.

§5.6. СОЦИОПРИРОДНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И КЛАССИФИКАЦИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ, ОЦЕНКА ИХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОТРЕБНОСТЯМИ И ПРОБЛЕМА ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Проблематичность классификации потребностей.

Как мы убедились, проблема определения человека оказывается в высшей степени сложной и не поддается окончательному разрешению в рамках сегодняшней науки. Как бы ни оценивать ее состояние, она далека от окончательных ответов. Между тем практические требования заставляют исследователей и практиков самых разных областей предлагать те или иные варианты решений.

Большинство исследователей согласны, что человек есть динамическое существо, находящееся в состоянии непрерывного становления, потому невозможно дать окончательного определения ни ему самому, ни его потребностей, ни его устремлений. Относительно потребностей в развитии науки предлагалось множество вариантов определения и классификации.

Польский психолог К. Обуховский насчитал 120 классификаций потребностей. Мотивы и основания, с которыми подходят различные авторы к классификации, совершенно различны. Одни основания – у экономистов, другие – у психологов, третьи – у социологов и т.д. В итоге получается, что каждая классификация оригинальна, но узкопрофильна.

Ознакомление с природой человеческих потребностей, с их неустойчивостью, чрезвычайной подвижностью убеждает нас в том, что выделить единую классификацию чрезвычайно сложно. Тем не менее, П.М. Ершов в своей книге «Потребности человека» считает наиболее удачными две классификации потребностей – Ф.М. Достоевского и Г. Гегеля.

Ф.М. Достоевский делит множество интересов и потребностей по принципу усложнения их содержания на три группы:

1. Потребности в материальных благах, необходимые для поддержания жизни.
2. Потребности познания.
3. Потребности всемирного объединения людей.

В свою очередь Г.В.Ф. Гегель выделяет 4 группы:

1. Физические потребности.
2. Потребности права, законов.
3. Религиозные потребности.
4. Потребности познания.

Первую группу по Ф.М. Достоевскому и Г. Гегелю можно назвать потребностями витальными, третью по Достоевскому и вторую по Гегелю – потребностями социальными, вторую по Достоевскому и четвертую по Гегелю – идеальными.

С формированием монотеистических мировоззрений формируется и разделение человеческих потребностей на низменные или греховные и возвышенные. На бытовом уровне широко распространено деление потребностей на нормальные и ненормальные (девиантные). Сложностью является определение нормы. Само понятие нормы является переменным: оно всегда определяется культурно-историческим контекстом употребления.

Классификация и систематизация потребностей человека является очень непростой задачей именно потому, что сам человек крайне разнообразно представлен в различных смысловых полях, различных контекстах исследования. Соответственно с этим оказывается столь же разнообразно определяемо само понятие потребности. Практически в каждой отрасли человековедения явно или неявно используется свое понимание потребности. Чаще всего под потребностью понимают «нужду», «надобность», «стремление приобрести то, что отсутствует». Однако, избирают различные основания для классификации потребностей. Приведем примеры наиболее популярных в литературе и имеющих практическую ценность классификаций.

Интенциональные классификации базовых потребностей.

В основе *интенциональных классификаций* лежит выделение основных направлений (интенций) деятельности человека, соответственно, вызываемые ими потребности называются базовыми. Ниже приведено определение базовых потребностей и описание их модификаций и характеристик.

Базовые потребности – это всеобщие потребности, присущие всем людям. В отношении базовых потребностей можно обнаружить множество модификаций и характеристик.

Биологические потребности побуждают человека к овладению всеобщими жизненными ресурсами, при этом внутри этой группы можно выделить *антропологические потребности*. Основанием для их выделения являются такие факторы, как различие людей по полу (сексуальные потребности), по возрасту, по принадлежности к расе, этнической общности и т.д.

Материальными мы называем потребности в средствах и условиях удовлетворения биологических, социальных и духовных потребностей. Среди многообразия этой группы потребностей К. Маркс выделял три потребности: в пище, жилище и одежде. Норма материальных потребностей определяется существующей в культуре системой ценностей, уровнем развития материального производства, наличием природных ресурсов, положением человека в обществе. Материальные потребности не безграничны. Внутри материальных потребностей можно выделить *бытовые потребности* – потребности комфорта жилья, безопасности, транспортных средств и других материальных средств организации повседневной жизни. Совокупность материальных потребностей и способов их удовлетворения определяет уровень жизни человека.

Социальные потребности существуют в бесконечном многообразии форм. Их можно классифицировать по трем признакам-критериям:

1) потребности для других;
2) потребности для себя;
3) потребности вместе с другими.

Потребности «для других» – это потребности, выражающие родовую сущность человека. Сюда входят: потребность общения, потребность защиты слабых, потребность жертвовать собой во имя другого. *Потребность «для себя»* – это потребность в социальном признании, потребность в самореализации, потребность в самоидентификации, потребность в защите прав и достоинств личности, потребность власти и т.д. Особенности группы *потребности «вместе с другими»* состоят в том, что они объединяют людей для решения назревших задач общественного характера. В эту группу входят потребность в безопасном социальном порядке, потребность в мире, потребность свободы выбора.

Духовные потребности – это стремления к выражению и обогащению духовности, которая проявляется в воле к достижению нравственных и эстетических целей, к следованию личному и общественному идеалу, к сохранению общечеловеческих ценностей. Культура – субстанция духовности, она устанавливает маршруты духовного развития человека.

Бесконечно многообразен арсенал духовности: знания о мире, обществе и человеке, искусство, литература, философия, музыка, художественное творчество, религия. Духовность – самое ценное богатство человека, его нельзя ни купить, ни одолжить – формирование его происходит исключительно за счет собственных усилий. Антипод духовности – бездu-

ховное, бездуховность, т.е. осознание, не выходящее за пределы утилитарной пользы, не возвышающееся над суетой повседневной жизни.

В своей книге «Исследование личности» американский психолог Г. А. Мюррей выделил в качестве базовых 36 потребностей, где наряду с первичными (биологическими) выделялись вторичные (психогенные), среди которых – потребность в достижении, уважении, общении, порядке, защите и содействии, независимости, защите, внутреннем анализе, помощи, доминировании, унижении, заботе и изменении, терпении, агрессии, игре, в индивиде другого пола и др.

Соотечественник Мюррея Стивен Райс пошел иным путем, предложив свои теории мотивации, основанные на итогах наблюдений и размышлений. Оказалось, что всю наблюдаемую изменчивость можно с высокой степенью точности объяснить действием 16 независимых факторов, которые Райс назвал базовыми потребностями, или ценностями. Опросив более 25 тысяч человек в возрасте от 12 до 76 лет, представлявших все расовые и социальные группы и самые разные профессии и специальности, С. Райс выделил 16 базовых потребностей:

- потребность влиять на других (авторитет или власть),
- потребность полагаться только на себя (независимость),
- потребность получать новые знания (любопытство),
- потребность быть принятыми другими людьми (одобрение окружающих),
- потребность организовать пространство вокруг себя (порядок),
- потребность делать накопления (создание запасов),
- потребность быть верным своей семье и предкам (честь),
- потребность в социальной справедливости (идеализм),
- потребность в компании (социальный контакт),
- потребность растить собственных детей (семья),
- потребность иметь высокое общественное положение (статус),
- потребность быть победителем, мстить за обиды (сведение счетов),
- потребность быть красивым и заниматься сексом (любовь),
- потребность в пище (еда),
- потребность в физической нагрузке (физическая потребность),
- потребность в эмоциональном спокойствии (покой).

Целевые классификации потребностей

В зависимости от значимости с точки зрения временной перспективы, потребности различаются по отношению к иерархически организованным целям. Можно выиграть сражение, но проиграть войну. В шахматах иногда жертва фигуры ведет к выигрышу в партии. Точно также и в человеческой жизни и жизни человеческих масс бездумное и некритичное удовлетворение сиюминутных, ситуативно обусловленных потребностей иногда приводит к масштабным потерям и поражению в будущем.

Различают потребности коренные, стратегические, долговременные и потребности сиюминутные, этапные. Эти потребности могут выступать как скоординированные, гармонизированные, соотнесенные друг с другом, но могут вступить в противоречие.

В качестве примера действия такого противоречия можно привести недавний российский исторический опыт «перестройки» и последовавших за ней «реформ», отбросивший нашу страну в ряд экономически отсталых и социально деградирующих стран. В основе произошедшего лежал конфликт, базовое противоречие между стратегическими и сиюминутными потребностями. Коренные потребности индивидов и общества требовали в тот исторический момент кардинальных социально-экономических преобразований, а это всегда сопряжено с усилиями, ограничениями и лишениями. В этот момент обнаружилось, что у каждого есть свои ситуационно обусловленные и оправданные сиюминутные потребности в комфорте, благополучии и пр., которые в итоге и взяли верх. Общие социальные цели были подменены рассогласованными индивидуальными стремлениями, которые привели к развалу и распаду страны.

К целевым относятся варианты разделения потребностей на индивидуальные и общественные потребности. Общественные потребности не являются просто суммой индивидуальных, а всегда выступают как качественно иные, обладающие системно обусловленными эмерджентными свойствами. Между ними также возникают противоречия. Например, потребности узкого слоя очень богатых людей в нашей стране объективно противоречат потребностям основной части населения, что приводит к возникновению и воспроизводству предреволюционных ситуаций, кризиса.

Подводя итог, можно констатировать, что существуют различные классификации потребностей человека и, в зависимости от системы отношений, в которую включено изучение потребностей, в современной науке применяются следующие из них:

- *по сферам деятельности* (потребности в труде, познании, общении и т.д.);
- *по объекту потребностей* (материальные и духовные, этические, эстетические и т.д.);
- *по функциональной роли* (доминирующие и второстепенные, центральные и периферийные, устойчивые и ситуативные);
- *по субъекту потребностей* (индивидуальные, групповые, коллективные, общественные).

Классификация потребностей *по зависимости организма* или *личности от какого-либо объекта* раскрывает потребности в качестве *предметных*.

Функциональные потребности выступают в качестве потребности-нужды, испытываемой человеком и делятся на *первичные* (базовые, врожденные) и *вторичные* (социальные, приобретенные).

Ценностные классификации потребностей

В основе ценностной классификации потребностей лежит разделение потребностей в зависимости от их социально-гуманистической ориентации (ценности). Это группа социально-ориентированных потребностей. Все потребности подвергаются процедуре оценки по степени соответствия разделяемым обществом ценностей. Соответственно можно сказать, что вследствие преобразования системы общественных ценностей будет изменяться и данная классификация. По этому основанию можно выделить потребности истинные и ложные, прогрессивные и регрессивные, разумные и извращенные (неразумные).

Разумные потребности – это потребности, удовлетворение которых способствует нормальному функционированию человеческого организма, росту социального престижа личности, ее гуманному развитию. Критериями разумных потребностей выступают:

- чувство меры в удовлетворении потребностей, не доводящее личность до деградации;
- гармоничное сочетание разных потребностей;
- соответствие потребностей способностям личности и наличию средств их реализации;
- управляемость потребностями.

Разумными можно назвать те потребности, которыми управляет человек, а не наоборот, и которые, как правило, присущи людям, способным на самопожертвование, на защиту своего достоинства и достоинства своей Родины. Разумные потребности возникают не вдруг: их формирование требует больших воспитательных усилий, концентрации воли, целеустремленного характера. Формирование и удовлетворение разумных потребностей – это задачи системы государственного управления, образования, воспитания, культуры, всего уклада общественной жизни.

Неразумные потребности – группа потребностей, которые создают тупиковые ситуации в функционировании человеческого организма, в развитии личности, наносят ущерб интересам общества, а в случае их массового распространения – приводят к деградации общества и дегуманизации всех общественных отношений.

К ценностно-ориентированным потребностям также относится группа *истинных* и группа *ложных* потребностей.

В литературе также встречается разделение потребностей на *здоровые* и *нездоровые***.** Нездоровые потребности не отражают истинную нужду индивида и общества в нормальных условиях существования. Сами нездоровые потребности часто порождаются ненормальными условиями существования, деформациями социальной и ценностной структуры общества, примерами тому могут послужить такие социальные болезни как алкоголизм и наркомания.

Отечественный исследователь Д. Никитин, предложив классификацию *нормальных* и *аномальных потребностей*, связал возникновение и развитие аномальных потребностей со спецификой функционирования человеческого разума и появлением избытка продуктов потребления. Умственная деятельность человека сплошь и рядом усеяна ошибками; именно это обстоятельство, согласно данному подходу, обуславливает формирование круга потребностей, которые не являются объективно необходимыми, никак не способствуют сохранению человека как вида. Эти «ошибочные» потребности по аналогии с нормальными составляют систему, реализуются последовательно и подчиняются законам. Приведем таблицу нормальных и аномальных потребностей человека:

	Нормальная потребность	**Аномальная потребность**
1	Дыхание	–
2	Вода	–
3	Пища	Обжорство
4	Здоровье	Удовольствие от боли: садизм, мазохизм
5	Секс	Сексуальные извращения
6	Безопасность	Постоянный поиск врага и борьба с ним, курение, алкоголь, наркотики
7	Материальные блага	Жажда накопительства, быстрого обогащения
8	Физическая культура	Лень, изнурение организма тренировками, спортивная фармацевтика
9	Душевные потребности	Наркотики, алкоголь, зависимость от компьютерных игр и телевидения, курение, сплетни, пустая болтовня, склочничество
10	Интеллектуальные потребности	Курение, пустая болтовня, зависимость от компьютерных игр, телевидения и Интернета
11	Помощь	Неограниченная жажда господства
12	Любовь	Ненависть, недовольство всем

Критерием, позволяющим отнести потребность к нормальным или аномальным, является выживание человека, невозможное без обеспечения его развития – физиологического, психологического, эмоционального, социального и интеллектуального. Самые низшие нормальные потребности не имеют противоположных себе аномальных, так как их наличие привело бы к мгновенной гибели человека. Если у человека не реализуются какие-либо потребности, то запускаются социально-биологические механизмы, направленные на удовлетворение этих не реализованных потребностей. Низшие потребности реализуются в основном бессознательно благодаря биологическим механизмам: желающий пить – пьет, голодный – ест, больной – ищет способы лечения и делает это не только на сознательном уровне. Потеря аппетита, отказ от одних продуктов и замена их другими, индивидуальная реакция на лекарства способствуют, в конечном счете, выздоровлению. Сексуальная потребность удовлетворяется уже под большим влиянием социума: сам факт наличия сексуальных меньшинств напрямую зависит от установленного в обществе понятия нормального секса. Высшие потребности реализуются сознательно. Но чем выше уровень потребности, тем сложнее определить нормальная она или аномальная: высшие потребности зачастую сочетают в себе нормальные и аномальные качества.

Аномальные потребности образуются из нормальных тремя основными путями:

1. Усилением или ослаблением нормальной – потребности 3,7,8.
2. Отрицанием нормальной (противоположность) – потребности 4,6,8,11,12.
3. Изменением нормальной потребности, обусловленным функционированием физических, биологических, социальных и психологических механизмов – потребности 5,9,10.

Специфику аномальных потребностей определяют следующие характеристики, они:

- замещают нормальные;
- являются продуктом цивилизации;
- имеют социальную и биохимическую природу;
- заразны, то есть наблюдается их рост в обществе;
- привлекательны возможностью жить за счет общества;
- вредны для общества, так как способствуют его разрушению;
- вредны для человека, так как способствуют его деградации и десоциализации;
- не осознаются обществом, которое пытается от них защититься;
- иногда порождают глобальные проблемы, например, терроризм
- устранимы путем изменения условий жизни путем биохимической и социальной терапии.

Особенностью этой концепции является то, что в ней однозначно связываются господствующие в современном постиндустриальном обще-

стве потребления механизмы организации общества и рост числа аномальных потребностей, справедливо усматриваются в этой особенности порочность современных процессов либерализации и глобализации.

Гуманистическая классификация потребностей А. Маслоу

В рамках своей теории А. Маслоу (1954) выделяет пять базовых потребностей, в отношении которых невозможно однозначно установить их бессознательный или, наоборот, сознательный характер. Потребности, которые называют базовыми, большинством людей либо совсем не осознаются, либо осознаются только отчасти. Базовые потребности не предопределяют всецело поведение человека: не за всяким поведенческим актом обязательно стоит какой-то мотив, иногда в роли важнейшей детерминанты выступает и внешняя среда.

Схематически иерархия потребностей по А. Маслоу выглядит следующим образом.

• *Физиологические потребности*, обусловленные действиями организма, направленными на поддержание определенного внутреннего постоянства, солевого, белкового, температурного баланса. Таким образом, физиологическими потребностями являются потребности во сне, пище, воде, в поддержании температурного баланса, в сексе. Физиологические потребности – самые насущные: до тех пор, пока они не удовлетворены, потребности более высокого уровня, социальные потребности, как правило, не будут актуализированы.

• После удовлетворения физиологических потребностей их место в мотивационной жизни индивидуума занимают *потребности безопасности* (потребность в стабильности; в защите; в свободе от страха, тревоги и хаоса; потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях и др.). Потребность в безопасности редко выступает как активная сила: она доминирует только в ситуациях критических, экстремальных, побуждая организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой.

• *Потребность в любви и принадлежности к социальной группе*. Человек всегда жаждет теплых, дружеских отношений, ему нужна социальная группа, которая обеспечила бы его такими отношениями, семья, которая бы приняла его как своего. Когда человек терзаем чувством одиночества, болезненно переживает свою отверженность, он ищет свои корни, родственную душу, друга.

• *Потребность в уважении и признании* – включает в себя как желание, так и стремления, связанные с личностными «достижениями» (рост личностной значимости, уверенности, самоуважения), так и достижением уважения других (завоевание статуса, признания, престижа). Удовлетворение этой потребности порождает у человека чувство уверенности, силы, собственной значимости, необходимости и полезности в этом мире. Не-

удовлетворение этой потребности, напротив, вызывает чувство беспомощности, униженности, слабости, в результате чего запускаются компенсаторные и невротические механизмы, что, в свою очередь, ведет к асоциальному и делинквентному поведению.

• *Потребность в самоактуализации, развитию способностей* – это стремление к самовоплощению, к выражению собственной уникальности. Человек обязан быть тем, кем он может быть, соответствовать собственной природе, реализовать свой потенциал. Человек начинает ощущать эту потребность только после того, как удовлетворены нижележащие уровни потребностей.

В отношении мотивов потребностей Маслоу выявил следующие принципы:

1. Мотивы имеют иерархическую структуру.
2. Чем выше уровень мотива, тем менее жизненно необходимым являются соответствующие потребности, тем дольше можно задержать их реализацию.
3. Пока не удовлетворены низшие потребности, высшие остаются неактуальными, С момента удовлетворения низшие потребности перестают быть актуальными, теряют мотивирующую силу.
4. С повышением уровня потребности повышается уровень готовности к большей активности. Возможность удовлетворения высших потребностей является большим стимулом активности, чем возможность удовлетворения низших.

Важным аспектом анализа потребностей является их иерархия. Сам А.Маслоу утверждал, что потребности находятся раз и навсегда в заданной жесткой иерархии. И более высокие потребности (в самоуважении или в самоактуализации) возникают только после удовлетворения более элементарных. Именно поэтому собственный анализ потребностей Маслоу наглядно выразил в так называемой пирамиде потребностей:

ПИРАМИДА ПОТРЕБНОСТЕЙ ПО МАСЛОУ

Не только критики, но и последователи А. Маслоу в 1970–80 годы (Р. Ловери, Р. Мау, Р. Кеган, Б. Шаффер) показали, что очень часто потребность в самоактуализации или в самоуважении являлась доминирующей и определяла поведение человека, несмотря на то, что его физиологические потребности не были удовлетворены, а иногда и препятствовали удовлетворению высших потребностей. Хотя некоторая очередность в удовлетворении потребностей, несомненно, существует, ее, однако, нельзя считать одинаковой для всех людей. Известны факты, когда потребности в творчестве и духовном совершенствовании становились доминирующими не после удовлетворения всех остальных потребностей (физиологических, причастности, признания и т.д.), а в той ситуации, когда человек находился на грани выживания. О силе потребности в творческой самореализации можно судить по биографиям выдающихся ученых и художников. Многие из них подобно П. Гогену, В. Ван-Гогу, П. Филонову ради возможности творить отказывались от благополучного существования. Например, Архимед и Дмитрий Шостакович создали свои великие творения в осажденных городах.

Впоследствии сам А. Маслоу отказался от столь жесткой иерархии, объединив все потребности в два класса: *дефициентные потребности нужды (дефицита) и бытийные потребности развития (самоактуализации)*.

Маслоу указывал, что большинство психологов занимаются только дефициентной мотивацией, обуславливающей поведение, направленное на удовлетворение какой-то нужды, недостаточности, дефицита, то есть не удовлетворенной или фрустрированной потребности. Например, голода, боли, страха.

Но при внимательном рассмотрении обнаруживаются и другой вид мотивации. Когда организм не испытывает какого-либо острого дефицита, проявляются такие потребности как любопытство или потребность в игре. При этом чувство удовлетворения приносит не восполнение дефицита, не удовлетворение конкретной потребности, а деятельность как таковая, создающая полноту настоящего, единство с бытием. В соответствии с этим Маслоу различает бытийное и дефициентное познание, бытийные и дефициентные ценности, бытийную и дефициентную любовь.

В *дефициентном познании* объекты рассматриваются исключительно как средства удовлетворения потребностей. Сильные потребности очень жестко ограничивают мышление и восприятие, так что индивид реагирует только на связанные с удовлетворением потребности аспекты среды. Как правило, голодный видит только еду, нищий – только деньги. *Бытийное познание* более полно и продуктивно, поскольку в меньшей степени искажается потребностями и желаниями. Практикуя его, индивид входит в незаинтересованное созерцание – внешние объекты становятся ценными сами по себе, безотносительно к заботам индивида, тогда как дефициентное познание в большей степени побуждает индивида к действию.

Аналогично этому Маслоу выделяет *дефициентные* и *бытийные ценности*. Дефициентные ценности, по Маслоу, ситуативны и коренятся во внешнем мире. Бытийные ценности существуют в самой человеческой природе; к их числу принадлежат – истина, добро, красота, целостностность, жизненность, уникальность, совершенство, необходимость, полнота, справедливость, порядок, простота, богатство, игра, самодостаточность.

Дефициентная любовь – это любовь к другим потому, что они удовлетворяют какую-то потребность (в самоуважении, сексе, защите от страха, одиночества и пр.). Чем больше другой приносит удовлетворение ощутимому для нас дефициту, тем больше возрастает любовь к нему.

Бытийная любовь – любовь «к сущности», «бытию другого». Такая любовь не стремится к обладанию и занята больше обогащением жизни другого чем-либо крайне ценным и значимым, чем эгоистическим удовлетворением каких-либо потребностей. Это необусловленная любовь родителей к детям, религиозная любовь, любовь к природе, не сопровождающаяся хищничеством.

Надо сказать, что сама схема появилась как результат обобщения большого объема эмпирически отобранного материала – свыше 800 анкет, которые Маслоу собрал и обработал еще будучи студентом-психологом на стажировке в военно-морском госпитале. Ценность его схемы в том, что

она опирается на эмпирически собранный материал. Недостаток в том, что она частична, не описывает все человеческие потребности и не содержит под собой теории. Теорию А. Маслоу разрабатывал, как раз пытаясь упорядочить и объяснить собранный им материал. Так чтобы объяснить динамику развития потребностей, Маслоу был вынужден ввести принцип самоактуализации как конечный целевой принцип человеческого существования. Самоактуализация выступает у него как цель развития индивида, поставленная перед ним самим фактом его принадлежности к человеческому роду. Но одновременно Маслоу признает, что данная потребность и состояние являются уделом ограниченного числа людей. Исследование самоактуализации он проводил на специально отобранных исключительных людях.

Иерархия Маслоу носит ограниченный характер еще и потому, что она практически не учитывает влияние изменяющейся разнородной среды на состояние целостного человека.

Систематизация потребностей

Отличие классификации от систематизации в том, что при классификации происходит группировка объектов по признакам, полностью задаваемым исследователем, без учета связей и взаимодействий возникающих в системе объектов. При классификации каждый из объектов рассматривается изолированно от других.

При систематизации, напротив, акцентируется принцип целостности, детализация и объективирование используются только до тех пределов, какие допускает цельность (холизм) рассмотрения. При систематизации, соответственно, акцентируются связность, соотнесенность и цельность рассматриваемых объектов.

Итак, изменение характера любой потребности приводит к целостным системным изменениям всей структуры отношений человека с миром. Именно поэтому, например, развитые религиозные системы обязательно содержат в себе те или иные практики запретов: пищевых, сексуальных, речевых и т.д. Ограничение ряда потребностей, постановка их под контроль сознания в пределе приводит к пересозданию, переструктурированию всей системы отношений человека с миром. И напротив, безудержное удовлетворение потребностей, в первую очередь биологических, приводит к деградации человека, он теряет контроль над собственным поведением.

Из приведенных выше классификаций становится очевидна проблема установления отношений между теми или иными потребностями и их группами. Понятно, что коль скоро сами классификации создаются в соответствии с установками и задачами исследователя, то и отбор потребностей и их группировка по тем или иным признакам носят в значительной степени произвольный характер, определяются самим исследователем.

Человек, представленный в виде системы, дает нам возможность группировать потребности в соответствии с иерархически организованными уровнями существования человека. Именно это и открывает возможность выстроить все бесконечное множество разнообразных потребностей человека в виде динамически развивающейся системы.

Изложим иерархию групп потребностей в соответствии с системным понятием человека:

1. Потребности безопасности, жизнеобеспечения, физиологии.
2. Сексуальные потребности и потребность размножения.
3. Социальные потребности, куда включаются потребности воли, власти, общения.
4. Личностно обусловленные потребности – самоутверждения, саморефлексии, любви.
5. Потребности творчества, прикладных знаний и умений.
6. Потребности чистого знания, абстрактного мышления и интуиции.
7. Потребности единства с миром, Космосом, интеграции, включенности в систему более высокого порядка.

Данная система потребностей с достаточной полнотой охватывает все индивидные потребности человека и при этом дает достаточно четкое их разграничение. Каждый следующий уровень включает в себя потребности предыдущего в «снятом» виде, то есть как условие собственного возникновения. Потребности безопасности, жизнеобеспечения, физиологии прямо следуют из того факта, что организм является системой, и категория организма задает рассмотрение стадии системной интеграции для системы нижележащего уровня. Таким образом, проявление потребностей продолжения рода невозможно без снятия (удовлетворения) нижележащей потребности в безопасности. Это обстоятельство иллюстрируется фактом исчезновения сексуальных потребностей или их редуцирования в условиях, угрожающих существованию организма.

Потребности сексуальные и вытекающие из этих потребностей отношения являются, в свою очередь, основой для формирования социального уровня. Здесь ничего принципиально нового нельзя добавить к классической работе Ф. Энгельса «Роль труда в происхождении семьи, частной собственности и государства».

Актуализация и развитие социальных потребностей является необходимой основой для формирования потребности личного самоутверждения, самореализации. «Для того, чтобы быть лучшей овцой в стаде, необходимо, прежде всего, быть овцой», – сказал по этому поводу А. Эйнштейн. Можно сказать и так, что без существования конкретных общественных отношений и связей, в которые включена индивидуальность, невозможно само существование этой индивидуальности. «Только в обществе человек может обособляться», – сформулировал эту же идею К. Маркс.

Поскольку индивидуальность проявляет себя только посредством индивидуальной же деятельности, которая носит отличный от деятельностей других индивидов характер, то естественно, что только через деятельность осуществляется самоутверждение индивида. Его саморефлексия, индивидуальная и личная идентичность возможны только как фиксация индивидуальных отличий в его деятельности как в индивидуальном, так и в общественном порядке.

Потребности самоутверждения и саморефлексии, проявившие себя через деятельность, являются снятой причиной потребностей творчества. Творчество, в свою очередь, вызывает потребности в практических навыках и умениях, являющихся в свой черед условиями возникновения потребностей абстрагирования, интуиции, как практики, необходимо предшествующей теории. И, наконец, теоретизирование вызывает к жизни настоятельную потребность в самоопределении теоретика, а следовательно и определения отношения объекта и субъекта теории. Применительно к теме потребностей это означает, что любая теория потребностей оказывается двояко обусловлена: состоянием теоретика и состоянием мира окружающей действительности. При этом в мир действительности включается и «теоретическое поле» как совокупность идей и методологий, «современных» и «сопространственных» теоретику и оказывающих воздействие на движение его теории. Соответственно для потребителя при всей ущербности этого термина, неизбежно включение систем ценностей, которые он, потребитель, разделяет и которые детерминируют его потребности. Это в свою очередь означает, что для формирования тех или иных потребностей необходимо изменение разделяемых индивидом ценностей.

Иначе говоря, потребности обеспечения безопасности, физиологические потребности выживания индивида с необходимостью требуют соотнесения всех человеческих практик с окружающей действительностью. Выживание человека и человечества невозможно при нанесении ущерба миру, разрушение мира есть вместе с тем разрушение человека.

Частичная реализация перечисленных групп потребностей приводит в итоге к аномальному и деструктивному поведению человека. Так неограниченное культивирование любых комбинаций только из шести уровней при исключении любого седьмого из уровней целостной системы обуславливает ущербность и деградацию индивида, например «духовный» рост при одновременной физической деградации, вымирании и вырождении, или безудержное материальное потребление с деградацией и разрушением культурной, а вслед за ней материальной среды обитания.

Если рассматривать обусловленность потребностей, то каждый из выделенных уровней определен и состоянием человека, тем или иным уровнем целостной системы и соответствующим этому уровню предметным полем. Но при системном рассмотрении понятно, что при изменениях любого из элементарных уровней системы происходит изменение системы

в целом. Это означает возможность воздействия на сферу потребностей не только путем прямого их удовлетворения или, наоборот, фрустрации (подавления), но и путем их замещения или путем искусственной трансформации системы в любом заданном направлении, происходящей за счет активизации и удовлетворения потребностей другого уровня. В качестве иллюстрации можно привести известный опыт с автостимуляцией центра удовольствия через вживленный в мозг крысы электрод. Крысы доводили себя до гибели от истощения, пренебрегая даже едой и питьем. Подобные формы поведения обнаруживаются, как известно, и у человека при формировании у него тех или иных зависимостей, например, игровой. Если при рассмотрении наркотической зависимости или пищевой мы несправедливо можем их списать на химические и физиологические процессы, то в случае игровой – у нас нет подобного шанса, поскольку в данном случае химические и физиологические факторы отсутствуют.

Можно заметить, что для каждого из выделенных нами уровней или «полей» потребностей существует некоторая сумма технологий воздействия, позволяющая направленно изменять состояние индивида и, соответственно, его поведение. Это, например, введение в продукты питания тех или иных веществ, вызывающих привыкание или стимулирующих активизацию тех или иных физиологических процессов, например, торможения или стимуляции центральной нервной системы.

Можно добиваться состояния удовольствия, воздействуя на совершенно различные уровни единой системы потребностей. Состояние удовольствия, радости, наслаждения, «кайфа» – разновидность трансового состояния. Транс – нахождение «вне», «по ту сторону» реальности, дающее чувство абсолютной свободы. Это чувство высшей удовлетворенности является одной из самых сильных мотиваций для человека. Логично предположить, что максимально возможное количество удовольствия человек может получить в случае его обладания способностью в зависимости от обстоятельств произвольно переходить от одного уровня потребностей к другому ради реализации их многообразия.

Системный анализ человека и его потребностей должен учитывать состояние физической и символической среды существования человека и его отражение в человеческом мышлении. Человек не является пассивным элементом действительности: изменяя себя и свое состояние, он тем самым изменяет действительность. Это, конечно, предполагает определенный и достаточно высокий уровень личностного развития индивида. Соответственно, доминирование тех или иных групп потребностей тесно связано с тем, на каком именно системном уровне фиксируется человек на данном этапе своего развития и в данном своем состоянии.

Практическое использование системного описания потребностей

Представление потребностей в виде системы позволяет проектировать товар, управлять его реализацией и продвижением на рынке. На примере нижеприведенной схемы рассматривается гипотетическая точка общепита, но подобная таблица может быть построена для любого товара, адресованного человеку как потребителю.

Базовые группы потребностей	Товар в материальном исполнении	Товар в идеальном исполнении (как услуга)	Товар в сопровождении (рекламно-информационная поддержка)
Потребности единства с миром, Космосом, интеграции, включенности в систему более высокого порядка.	Интерьер, блюда и музыкальное сопровождение, костюмы персонала выдержан в едином стиле отсылающем к определенному времени (средние века, мир будущего), социальному слою (рыцари, охотники, крестьяне, короли), этносу, территории (Япония, Африка, Россия, Китай и пр.) и пр.		Погрузитесь в мир (Японии, России, Китая, Дикого запада, Средних веков, Пиратской столицы Порт Ройял и пр.)!
Потребности чистого знания, абстрактного мышления и интуиции	Меню сопровождается буклетом с историей происхождения блюд, вин, фирменной сервировки, элементов интерьера, биографиями поваров и музыкантов и пр.		Узнай новый вкус, обычай, обряд, традицию, танец и пр.
Потребности творчества, прикладных знаний и умений.	Возможности для танцев, игры в бильярд, дартс, домино, караоке и пр.	Досуговые программы (массовик–затейник, тамада), конкурсы, призы.	Научись танцевать! Выскажись! Вырази себя!
Личностно обусловленные потребности – самоутверждения, саморефлексии, любви.	Посещение этого предприятия престижно, позволяет ощутить свою успешность, желанность,	Персонал предельно уважителен и благожелателен с посетителями, радуется как друзьям, знает по имени. Поздравляет постоянных клиентов с разными событиями.	Узнай, чего ты стоишь (можешь, хочешь)! Раскройся с новой стороны! Ты это можешь! Ты это заслужил! Тебя ждут здесь!
Социальные потребности, куда включаются потребности воли, власти, общения.	Кафе, ресторан предоставляет условия для дружеского застолья, (большие прочные столы, удобные лавки, либо комфортные стулья, располагающие к длительному сидению за столом).	Специальные корпоративные программы с элементами тренингов	Влейся в команду! Создай свою команду! Найди свое место в команде!
Сексуальные потребности и потребность размножения	Наличие танцпола, интимных уголков, столиков на двоих.	Возможность включиться в клубную систему знакомств.	Найди половинку! Объяснись в любви!
Потребности безопасности, жизнеобеспечения, физиологии.	Экологически здоровая пища, из качественного сырья, посуда из стекла, нержавейки, керамики либо одноразовая, но с клеймом экологической безопасности или в специальной упаковке, подчеркивающей стерильность.	Сохранение анонимности клиента	Сытно, вкусно, полезно! Никто ни о чем не узнает! Вас здесь не найдут! Расслабься по полной!

Представленная в таблице проектная матрица может варьироваться по степени содержательной детализации, но все базовые группы иерархически организованной системы потребностей должны в ней отражаться.

Предполагается, что по мере заполнения всех клеток данной таблицы (к ней можно добавить новые столбцы, например: цена, место размещения рекламного объявления, целевая аудитория, возраст посетителей, количество персонала и пр.) образ товара все больше конкретизируется и прорабатывается. При установлении устойчивой обратной связи (опросы, анкетирование, фокус-группы) можно смещать акценты с тех или иных потребностей на любые другие. При этом акцент может делаться чисто информационно, но наличие максимально большого числа заполненных клеток дает свободу маневра. Сделать дешевле и беднее ассортимент блюд, но насыщеннее досуговую программу и т.д.

Резюме

Существующие классификации потребностей связаны с конкретными задачами, выдвигаемыми в зависимости от характера исследования. Очень обобщенно можно разделить классификации на интенциональные (от понятия интенция, в широком смысле означающем намерение, замысел), раскрывающие потребности как отражение внутренних стремлений индивида, и на ценностные, в основе которых лежит понимание потребностей как отражения ценностей, усвоенных или выработанных индивидом в процессе социализации.

Большинство известных классификаций учитывают как конструктивный созидательный потенциал потребностей, так и их возможную деструктивную разрушительную направленность.

Рыночная экономика трансформирует потребности человека таким образом, что происходит угасание возвышенных гуманных потребностей (нравственных, духовных, социальных), формирующих гармонически развитую личность. Поощряются и утверждаются к жизни потребности, детерминированные и управляемые миром экономических отношений. В данной социокультурной обстановке человек и его потребности начинают рассматриваться как ресурсная сфера для обеспечения протекания экономических процессов, что приводит в итоге к аномалиям развития индивида.

Понимание различных классификаций потребностей, особенно – их оснований, продуктивно как для оценки общего самочувствия того общества, в которых данные классификации конструируются, так и для установления типичного для данного социума образа человеческой жизни.

Систематизация потребностей, описывающая их в виде целостной многоуровневой системы, позволяет, в свою очередь, направленно регулировать их удовлетворение, не допуская деградации как их носителя, так и среды их реализации.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Что, по вашему мнению, позволяет выделить интенциональные потребности в отдельный вид?
2. Опишите функциональные потребности.
3. Реконструируйте историю возникновения «гуманистической теории» А. Маслоу.
4. Приведите основные принципы теории потребностей А. Маслоу. Раскройте содержание «пирамиды потребностей» Маслоу.
5. Каковы преимущества системного описания потребностей?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Балакина Ю.Ю. Человек и его потребности (Сервисология). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.
2. Бережной Н.М. Человек и его потребности. – М.: Форум, 2006.
3. Садохин А.П. Сервисология. Человек и его потребности. – М.: Омега-Л. 2010.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. – М., 2006.
2. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоцию. – М., 2007.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008.
4. Обуховский К.. Психология влечений человека. – СПб.: Питер, 2007.

ГЛАВА 6. СЕРВИС И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ

§6.1. МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ СЕРВИСА

Антропологический фактор построения единой системы научного знания

Проблема человека становится не только ведущим стимулом теоретического осмысления взаимосвязи общественных, естественных и технических наук, но и главным звеном в разработке философских оснований этой взаимосвязи, выделения совокупности тех методологических и мировоззренческих аспектов, которые не могут быть выявлены из различных областей научного знания, а должны отражать интеграционные тенденции развивающегося взаимодействия. Этот процесс многокачественен, поскольку охватывает все стороны общественного бытия и общественного сознания и поэтому проникает в саму философию, открывая новые перспективы ее развития. В настоящее время в исследовании этой проблемы на передний план выдвигаются философско-методологические аспекты, обусловленные необходимостью диалектического синтеза понятийных систем различных наук, изучающих человека и природу.

Закономерностью развития современного естествознания становится все большее включение антропологического фактора в его систему. Более того, «на само построение естественно-научной теории влияют характеристики человека как физического существа, то есть способ включенности человека в природу, определяемый его физическими параметрами»[129]. В связи с этим настоятельной потребностью исследования человека является процесс вовлечения в анализ самых различных, на первый взгляд, кажущихся несовместимыми областей современного научного знания. Преодоление разобщенности космологии и социологии, физики и психологии в исследовании человека является принцип развития, который ориентирует на анализ источников саморазвития человека[130]. Диалектический принцип развития применительно к исследованию общества, человека нашел свое конкретное выражение в принципе историзма. Поэтому можно «определить принцип историзма как особый методологический постулат, включенный в общую структуру материалистической диалектики»[131].

Основные принципы научно-философского исследования человека

Диалектический принцип развития требует теоретического выделения основного противоречия. Путь к выявлению этого противоречия заключается в разрешении некоторой проблемной антиномии. Причем «та-

[129] Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. – М., 1981. – С. 33.
[130] См.: Батенин С.С. Человек в его истории. – Л., 1976.
[131] Ракитов А.И. Историческое познание. – М.,1982. – С. 235.

кие антиномические проблемы могут образовать даже особый ряд восхождения»[132], являющийся отражением развития основного противоречия человека. Проблемы-антиномии, как правило, возникают там, где имеются наибольшие трудности в теоретическом исследовании. Разрешение данных антиномических проблем превращается во внутренний импульс развития теории. Развивающаяся теория «обладает способностью до некоторой степени опережать развитие исследуемого объекта, создавая научно обоснованные модели его будущего состояния»[133].

Принцип развития в его диалектической взаимосвязи с *принципом материального единства мира* дает возможность довести теоретическое исследование человека до познания его субстанции. Синтез данных принципов приводит к концепции детерминизма, к принципу генетической общности мира и человека. Согласно *принципу детерминизма* причину бытия и развития любого конкретного материального объекта, в том числе и человека, надо искать не в материи вообще, а в конкретном процессе взаимодействия качественно определенных материальных объектов. Любой материальный объект, в том числе и человек, «возникает и существует в рамках такой достаточно большой системы объектов, в которой связи между объектами уже не выступают на уровне... случайных взаимодействий, а становятся существенными условиями возникновения и существования каждого из них и системы как целого»[134].

Человек «с необходимостью возникает в развитии материальных систем - и в этом состоит закономерная детерминированность процессов развития»[135] материального мира. *Принцип генетической общности мира и человека* представляет собой конкретизацию фундаментального принципа диалектики – принципа детерминизма. Из этого конкретного основания следует возможность установления конкретного начала, исходного пункта теоретического исследования человека.

Однако для превращения данной возможности в действительность «требуется специальный принцип, определяющий критерий такого начала. В теории материалистической диалектики таким принципом является *принцип единства теории и практики»*[136], сформулированный применительно к исходному пункту исследования человека. Исходя из этого принципа, вся практика должна войти в полное определение человека и как критерий конкретного начала его исследования, и как «определитель» связи человека с миром. В практической же деятельности человек взаимодействует не с материей вообще, но лишь с конкретной системой материальных объектов.

---

[132] Диалектика научного познания. – М., 1978. – С. 192.
[133] Там же. – С. 194.
[134] Материалистическая диалектика как общая теория развития. – М., 1982. Т.1. – С.167.
[135] Там же. – С. 172.
[136] Материалистическая диалектика в пяти томах. – М., 1981. Т.1. Объективная диалектика. – С. 14.

Чтобы перейти от материи вообще к человеку, материю необходимо рассматривать не как абстрактно-всеобщее, а как систему развивающихся друг из друга конкретных форм взаимодействия: человека невозможно «вывести» из материи вообще, не рассматривая материю как конкретно-всеобщее, т.е. в процессе саморазвития. Понятие материи образуется в результате обобщения качественно различных материальных объектов: «мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи»[137]. Если абстрагироваться от всякой формы материального объекта, то останется неопределенная материя, которую нельзя ни видеть, ни осязать, так как «то, что видят или осязают, - это уже определенная материя, т.е. единство материи и формы»[138].

Практика как определяющая связь человека с миром является той фундаментальной основой отношения мира и человека: мир, взятый абстрактно, фиксированный в его оторванности от человека, есть для последнего ничто[139]. В связи с этим практика выступает не только в качестве основы, причины саморазвития человека и его отношения к миру, но и отправной точкой развития представлений человека о самом себе вплоть до становления научной теории человека. Ограниченная практика порождает односторонность его теоретического воспроизведения, следовательно, для построения научной теории человека необходим определенный уровень развития самой практической деятельности людей.

Научная модель предполагает теоретическое отражение человека как целого, в диалектическом единстве всех его связей и опосредований, т.е. его теоретическое воспроизведение как конкретной целостности, как «единства многообразного». Но конкретное в мышлении есть результат, а не исходный пункт исследования человека. Поэтому не только результат его исследования, но и «ведущий к нему путь должен быть истинным»: научная теория человека – «это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге»[140]. Научная теория человека не есть истина в виде простой картины без движения, так как понять человека можно через процесс его саморазвития. Понять человека как диалектическое единство возможного и действительного можно только исходя из его собственной практической деятельности, что и находит свое отражение в принципе единства теории человека и практики.

Данный принцип характеризует, следовательно, взаимоотношение знания о человеке и его реального существования: развивающаяся сущность человека определяет процесс его самопознания. Это значит, что

---

[137] Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. – С. 570.

[138] Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.2. – М., 1971. – С. 78.

[139] См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. – С. 172.

[140] Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 7-8.

знания о человеке, зафиксированные в его теории, не превращаются «в некое неподвижное начало и неизменную точку отсчета для любого последующего его исторического развития, так как они лишь моменты истины-процесса»[141]. В этом, в частности, находит свое воплощение принцип конкретности истины.

Принцип конкретности истинного знания о человеке предполагает развитие самосознания человека с выявлением элементов всеобщего по мере эволюции практической деятельности. В силу практической обусловленности самопознания человека необходимо, чтобы его теоретическое воспроизведение находилось в диалектическом единстве с процессом его исторического развития. Исходя из этого, можно прийти к выводу о том, что важнейшим методологическим следствием принципа конкретности истины применительно к человеку является принцип единства исторического и логического.

Познание сущности человека и его генезиса диалектически взаимосвязаны. Чтобы понять эту диалектику, необходимо иметь в виду, что человек начинает свою историю на основе природных предпосылок, т.е. условий, созданных не им самим, не его трудом, а качественно иными процессами взаимодействия материальных объектов, и, в конечном счете, человек имеет в качестве своего прошлого историю Вселенной.

Человек есть наиболее развитая (из известных) форма организации материи. Поэтому познание его сущности дает возможность понять и низшие формы организации материи: «для понимания низших ступеней необходимо знакомство с высшим организмом, ибо он является масштабом и первообразом для менее развитых: так как в нем все дошло до своей развитой деятельности, то ясно, что лишь из него можно познать неразвитое»[142]. Действительно «развитие покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне[143]. Эта односторонность объясняется тем, что вновь возникшая форма взаимодействия материальных объектов – труд – включает в себя общие закономерности развития не в том же самом виде, как они проявляются в низших формах взаимодействия. Всеобщее в его развитой форме, т.е. конкретно-всеобщее, представляет собой некоторое особенное[144] по сравнению с особенным проявлением всеобщих закономерностей в формах взаимодействия материальных объектов, предшествующих человеку. Именно поэтому универсальную сущность человека можно понять только в результате теоретического исследования тех закономерностей низших форм взаимодействия, которые с необходимо-

---

[141] История марксистской диалектики. – М., 1971. – С.188.

[142] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.2. – М.,1975. – С. 545.

[143] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. – С. 43.

[144] См.: Там же. – С. 437.

стью приводят к его возникновению. Исходя из этого, понять сущность человека – значит понять его генезис, а также его будущее развитие.

Человек, являясь особенным материальным объектом, «представляет» всеобщие, универсальные закономерности развития материальных объектов в их наиболее совершенной форме. Поэтому исследование человека и труда как его конкретно-всеобщего начала дает возможность познания указанных закономерностей.

Труд как конкретно-всеобщий процесс взаимодействия материальных объектов предстает в виде чувственно воспринимаемого, существующего в пространстве и времени процесса, т.е. как особенный процесс, имеющий тенденцию стать действительно всеобщим и развивающий в силу своих внутренних противоречий другие особенности процесса взаимодействия материальных объектов. В связи с этим можно констатировать не только планетарную, но и космическую функцию труда как универсального процесса взаимодействия, который синтезирует, объединяя в единое целое, все предшествующие ему локальные (особенные) формы взаимодействия материальных объектов. Воспроизводя их как наиболее необходимые условия своего бытия и развития, человек тем самым создает возможность логического воспроизведения всеобщих закономерностей развития материального мира.

Конкретный историзм «предполагает не общие абстрактные ссылки на материю вообще, а разработку более глубокого, диалектического понимания принципа материального единства мира»[145] в его неразрывной связи с принципом развития. Историзм воспроизводит не развитие вообще, а конкретно-всеобщую форму развития материального мира. Мир «может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»[146]. Логическое отражение особенностей данной формы и совпадает с определением развития в его всеобщем виде. Следовательно, теоретическое воспроизведение человека и его саморазвивающейся сущности дает возможность понять развитие материального мира в его наиболее высокой форме.

Диалектика исторического и логического при исследовании человека находит свое отражение в *методе восхождения от абстрактного к конкретному*, который является развитием *принципа единства исторического и логического*[147]. Восхождение от абстрактного к конкретному наиболее полно и всесторонне отражает как сущность, так и временную последовательность форм развития человека, в силу чего этот метод является как логическим, так и историческим. Формируясь на основе диалектического

[145]Материалистическая диалектика как общая теория развития. – М., 1982. Т.1. – С. 164.

[146] Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. – С. 497.

[147] См.: Материалистическая диалектика как общая теория развития. – М., 1982. Т.2. – С. 208-210.

синтеза исторического и логического, данный метод представляет собой наиболее развитый и целостный метод познания человека[148]. Метод восхождения от абстрактного к конкретному как наиболее развитый, являясь процессом диалектического синтеза «многих определений», представляет собой не исходный пункт, а результат развития теоретических методов исследования.

Принцип развития должен быть применен и к самим методам и принципам теоретического рассмотрения человека: он требует последовательного перехода от более простых форм знания о человеке и «более простых познавательных процедур к более сложным формам знания и более сложным процедурам»[149]. Восхождение от абстрактного знания о человеке к конкретному знанию и осуществляется в процессе применения конкретно-всеобщего метода его научного познания.

Научная теория человека «представляет собой такую синтетическую форму знания»[150], в которой все ранее полученные естественно научные и гуманитарные знания о человеке объединяются в единую систему[151]. Рассмотрение практики как универсального взаимодействия, обусловливающего сущность человеческого бытия, выступает методологическим обоснованием в исследовании социокультурной и научно-познавательной деятельности человека.

Диалектика марксизма и науки о человеке

К. Маркс в анализе капиталистического общества исходил из товара как из клеточки (простейшей абстракции), поскольку товар выступал ведущей стороной противоречия в его отношении с человеком. Развитие общества преобразует эту исходную систему, в которой ведущей стороной становится человек.

Каково сходство и различие этих сторон в структуре общественного бытия? Ответ на данный вопрос тесно связан с ответом на другой – каково соотношение общественного бытия и производственных отношений? В литературе нередко в общественное бытие включается еще что-то помимо производственных отношений (например, производительные силы, природа, человек и т.д.). Такие попытки приводят к смешению различных качеств человека, и возникают парадоксы типа расселовского брадобрея (брадобрей бреет себя сам тогда, когда он сам себя не бреет): человек вхо-

---

[148] См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. – С. 37-38.

[149] Эвристическая и прогностическая функции философии в формировании научных теорий. – М., 1976. – С. 9.

[150] Рузавин Г.И. Научная теория. – М., 1978. – С. 157.

[151] См: Назиров А.Э., Сафронов И.А., Философские основания единства научного знания о человеке // Естественно-научные и социогуманитарное знания. ЛЛГУ, 1990. – С. 99-107.

дит в общественное бытие, если не входит в него. В действительности же человек выступает в разных качествах, которые следует различать (природное, производственное, социальное, духовное).

Для более строгого подхода необходимо выяснить логику, которая приводит к отождествлению способа производства и общественного бытия, и показать, в каком смысле оно возможно. Закон определяющей роли способа производства в развитии общества как основной общесоциологический закон имеет различные аспекты: отношения базиса и надстройки, производительных сил и производственных отношений. В литературе сложилась недостаточно обоснованная тенденция противопоставления базиса и общественного бытия как способа производства. Однако дело заключается в том, что само выделение в способе производства таких сторон, как производительные силы и производственные отношения, имеет смысл лишь конкретно в их отношении друг к другу как сторон диалектического противоречия. Когда же мы соотносим способ производства с надстройкой или общественным сознанием, их противоположность становится относительной, она снимается в едином понятии соответственно базиса или общественного бытия. Какое в этом случае содержание остается от способа производства и, в частности, от производительных сил? Дело в том, что элементы производительных сил (трудящиеся люди с их навыками и средства производства) «входят» в общественное бытие и базис не наряду с производственными отношениями, а как их другая форма (т.е. как продукт труда, предмет обмена, распределения и потребления). Последние же есть не что иное как превращенная форма тех же производственных отношений. Существенно отметить, что эти элементы относятся к общественному бытию не как природно материальные (иначе общественное бытие было бы тождественно природному), а как общественно материальные. (Например, здание не как каменное, а как продукт труда, предмет потребления; аналогично человек не как природное, а как общественное существо). В качестве элемента производительных сил человек выступает лишь тогда, когда он сам является продуктом труда и, в условиях отчужденного труда, – предметом обмена и потребления.

Иногда приводят возражения по поводу отнесения к общественному бытию лишь производственных отношений ссылкой на то, что остается структура без элементов, т.е. без производительных сил. Однако, такое возражение, как видно из изложенного выше, несостоятельно, поскольку и производительные силы вошли в это понятие, но как превращенная форма тех же отношений. Уточнение содержания понятия «общественное бытие» следует искать не в отношениях, выходящих за пределы производственных, а в более строгом анализе последних как на общественном, так и на индивидуальном уровнях.

Сходные затруднения возникают в понимании надстройки, в частности, в литературе ставятся вопросы о материальности надстроечных явлений. Существуют различные мнения о природе общественных идей и их соотношении с идеологическими отношениями. Нередко встречаются утверждения о том, что политические идеи отражают политические отношения, соответственно, правовые идеи - правовые отношения, мораль - нравственные отношения и т.д. Кроме того, из неоднозначности понимания общественного бытия вытекает различие взглядов на содержание и формы общественного сознания. Само понятие «общественное» применительно к сознанию употребляется в разных смыслах (продукт общественной деятельности, отражение общественного бытия, отношение с индивидуальным сознанием), что само по себе вызывает известную полисемию. В первом смысле всякое сознание является общественным как продукт развития общества, в третьем - отношение общественного сознания с индивидуальным обусловлено общественным и индивидуальным бытием. После того как разграничены понятия природно-материального и общественно-материального, необходимо аналогично разграничить два вида сознания, отражающего природное бытие (естественные науки) и общественное бытие (общественные науки). Взаимосвязь этих видов сознания порождает третий вид - технические науки, отражающие способ воздействия человека на природу.

Отношения внутри способа производства между производительными силами и производственными отношениями есть материальное взаимопроникновение природы и общества. Часть природы, с которой взаимодействует общество и которая входит в структуру производительных сил - это предмет труда. Под воздействием орудий труда он преобразуется и приобретает новые свойства (способность удовлетворять потребности, быть предметом обмена и распределения, т.е. способность включаться в общественное взаимодействие, стать элементом общественного бытия). Однако качество предмета обладает лишь относительной самостоятельностью, независимостью от природного материала.

Непосредственной взаимосвязи идеального и природного не существует. Если под идеальным понимается материальное, пересаженное в голову человека и преобразованное в ней, то под природным – естественная среда, окружающая человека. Примером природного может служить кусок глины, а идеального – образ кувшина. Превращение глины в кувшин предполагает материальную деятельность с использованием инструментов, по преобразованию природы (практика).

Взаимосвязь идеального и природного опосредована практикой. Возникает вопрос – в каком качестве практика выступает по отношению к природному и идеальному? С учетом этого признака, который в экономической науке называется производством, [а произведенное распределяется,

обменивается и потребляется] получается, что практика по отношению к природе выступает в качестве экономической структуры (производство, распределение, обмен и потребление). По отношению же к идеальному, если учесть, что производство идеального есть производство человека, практика выступает не в экономическом, а в антропологическом аспекте.

Для того чтобы из элементов экономической структуры вывести понятия стоимостей, необходимо ввести понятие превращенной формы (например, превращенная форма труда содержится в продукте производства). Применяя это понятие к отношениям в элементах экономической структуры, получаем понятия стоимостей. Так, превращенная форма отношений в процессе производства есть стоимость, в процессе распределения и обмена – меновая стоимость, и - потребления – потребительная стоимость. Совокупность этих стоимостей, являющихся признаками: продукт производства, предмет обмена, и потребления, образуют понятие товара. Разновидность товара, у которого обмен и потребления совпадает, есть деньги, а отношения неравного обмена между стоимостью произведенного продукта и стоимостью рабочей силы – капитал.

Система общесоциологических законов возникает при рассмотрении многокачественности экономической структуры, взятой по отношению к различным социальным факторам: по отношению к производительным силам общества она выступает в качестве производственных отношений, к надстройке – базиса, к общественному сознанию – общественного бытия, – к социально-экономической структуре – признаков класса, к общественному прогрессу – его критерия (общественно-экономической формации), к государству – основания его типа, к революции – объективных предпосылок, к человеку – его социальной сущности и т.д.

При соединении понятий «производительные силы» и «производственные отношения», возникает понятие способа производства. Определяющая роль способа производства в развитии общества составляет основной общесоциологический закон.

Развитие товарно-денежных отношений реализуется как разрешение противоречия между абстрактным и конкретным трудом, между стоимостью товара в ее денежном эквиваленте и потребительной ее стоимостью, определяющей способ бытия человека. Если ведущей стороной этого противоречия является конкретный труд, то он создает такую потребительную стоимость, которая служит средством развития человека. Здесь обнаруживается новая закономерность – в процессе потребления производится сам человек, потребление, оставаясь вторичным по отношению к производству, в известном смысле выступает производством более высокого порядка, нежели производство вещей.

Закон возрастающих затрат на средства производства для производства средств производства в сравнении с затратами на средства производства для производства предметов потребления специфически действует

в условиях научно-технического прогресса. Наблюдается резкое возрастание стоимости и цен на современное оборудование, обеспечивающее технологические процессы. И наряду с этим повысилась зависимость решения экономических задач от гражданских, нравственных качеств, профессиональной подготовки человека при его работе с весьма сложной и дорогостоящей техникой.

Развитие общества подошло к рубежу, при котором дальнейший экономический прогресс становится невозможным без резко возрастающих затрат на самого человека. Эта новая закономерность, отражающая современный этап развития экономики, обнаруживает себя в том, что недостатки в реализации социальной политики становятся тормозом социально-экономического развития. Так забота о социальной сфере является мощным фактором совершенствования экономики.

Переход от классической экономической теории Рикардо и Смита к экономической теории Маркса связан с введением в теорию нового конструкта, обеспечивающего симметрию между стоимостью произведенного продукта и стоимостью заработной платы – прибавочной стоимости. Подобный метод введения новых идеализированных объектов в теорию современной физики называется методом калибровочных полей. С их помощью реализуется переход от глобальной симметрии к локальной, обусловленной обменом частиц на более глубоком уровне сущего.

Методологические особенности построения экономической теории социальной сферы обусловлены оборачиванием соотношения средств и целей способа производства при переходе от экономического аспекта практики к социальному. При этом товар становится средством, а производство человека – целью.

Время, затрачиваемое на общественно-необходимый труд, как мера стоимости, заменяется свободным временем, как условием свободного развития человека. Последнее включает в себя потребность в труде по производству товаров, и в этом реализуется тождество производства и потребления.

Значение экономической теории для социальных наук и реальной политики.

Развитие экономической теории в XX веке столкнулось с пониманием конечности географической среды как предмета труда и с дискретностью процесса труда, а, следовательно, стоимости. Эти особенности современной экономической теории напоминают релятивистские и квантовые принципы неклассической физики и свидетельствуют о неклассическом характере современного экономического мышления. Его неклассичность возрастает в социальной сфере с нелинейной зависимостью результата от процесса вложений в человека. Недостаточность традиционного экономического мышления в социальной сфере проявилась в практике

эксплуатации энергоресурсов в последние годы

Нелинейность, открытость и когерентность (взаимозависимость) системы отношений человека и производственного процесса позволяет судить о ней как о самоорганизующейся системе, описываемой средствами синергетики. Это обстоятельство обнаруживает недостатки использования классического логико-математического анализа, включающего методы вариационного исчисления, использованные Канторовичем.

Превращение человека в цель общественного производства – сущность экономики социальной сферы, и введение этой сущности как нового конструкта в теорию обеспечивает «симметрию» на более глубоком уровне. Учитывая вышесказанное, можно полагать, что более адекватной формой описания этих процессов может служить теория нечетких множеств. И если в физике для адекватности описания калибровочных полей используется математическая теория расслоенных пространств, то не исключено, что для описания неклассических экономических объектов потребуются топосы с более сложной структурой.

Экономическая теория социальной сферы способна выступить в качестве научного основания социальной политики и методологической основы построения социально- ориентированного государства. Без научно-теоретического обоснования социальной политики попытки перестройки общественной жизни на приоритеты общечеловеческих ценностей останутся утопическими.

Эффективная социально-экономическая политика зависит от синтеза различных политэкономических концепций. Первая – классическая теория А. Смита и Д. Риккардо исходит из того, что конкурентная рыночная система саморегулируется. Рыночная конкуренция ограничивает развитие потребностей, способностей и мышления человека, а общественная собственность порождает иждивенчество, экономическое рабство. В условиях неравновесности экономика не сводится к оптимизации деятельности «экономического человека», и теория должна учитывать закономерности группового поведения, роль производительных сил и государства[152]. Вторая – марксистская, основанная на идее прибавочной стоимости, в основе которой лежит общественно необходимый труд, создающий стоимость, а иные формы деятельности лишь перераспределяют произведенный продукт по законам обмена.

Третья – кейнсианская, согласно которой государство через реформы создает механизмы экономического роста, систему общественных работ, бюджетного финансирования, переподготовки кадров. Четвертая – институционально-эволюционная рассматривает экономику как подсистему об-

[152] Кротов М.И. Политическая экономия современного консерватизма: методологическая основа управления социально-экономическими процессами // Мир человека. Т.9. - №1, 2009.

щества наряду с другими подсистемами. При этом экономический рост предстает средством повышения качества жизни и творческой активности людей.

Методология социально-экономического развития должна опираться на синтез экономических концепций и определять курс реформ, направленных на перевод России с ресурсно-сырьевого пути развития экономики на инновационную модель. Реализация этой модели способна обеспечить развитие социальной сферы, экономический рост и переход к новому уровню качества жизни.

Резюме

История развития научного знания показывает, что человек является краеугольным камнем всех важнейших отраслей научного знания. Очевидно, что без понимания этого важного момента невозможно построение никакой теории потребностей и сервиса. Поэтому необходимо выработать единую стратегию общенаучного подхода к проблеме человека. В основе такой стратегии, как представляется, должны лежать фундаментальные принципы, сформулированные философией науки.

Одним из достижений философского мышления в вопросе о социальных процессах является теория К. Маркса, последовательно продолжающая диалектическую линию Гегеля. Пожалуй, такая диалектическая теория экономики может лечь в основу теории потребления и сервиса. Но более того, выстроенная на диалектическом фундаменте экономическая теория может принести существенную пользу существующей государственной политике.

Вопросы для повторения и обсуждения материала

1. Проиллюстрируйте роль антропологического фактора на примере одной из известных вам наук.
2. Назовите основные принципы научного подхода к проблеме человека.
3. Охарактеризуйте значение марксистского осмысления экономики для социальных наук.
4. Подумайте, на каких основаниях возможно создание теории сервиса?

Список рекомендуемой литературы

Основная:

1. Сервисная деятельность: Учебное пособие (Под ред. В.К. Романович). 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006.
2. Смирнова Е.Т. Сервисная деятельность (введение в сервисологию). Учебное пособие. – М.: МГУС, 2004.

Дополнительная:

1. Маркс К. К критике политической экономии. – М.: УРСС, 2010.
2. Назиров А.Э., Сафронов И.А., Философские основания единства научного знания о человеке // Естественно научные и социогуманитарное знания. – Л.,1990.

§6.2 Сфера сервиса. Понятие и механизмы функционирования

Социальная и экономическая зависимость различных видов обслуживания

Всякое общественное производство, в конечном счете, направлено на производство человека с соответствующей структурой его потребностей. В доиндустриальных цивилизациях, основанных на натуральном хозяйстве, это соотношение проявляется непосредственно: семья здесь выступает одновременно и ячейкой производства и ячейкой потребления в которой воспроизводится человек.

Индустриальная цивилизация усложняет ситуацию. Общественное производство в ней чаще всего отделяется от семьи, которая остается исключительно ячейкой потребления. Таким образом, связь общественного производства с производством человека оказывается опосредованной, а непрямой как в доиндустриальных цивилизациях. В индустриальных цивилизациях решающее значение придается материальному производству, которое воплощает господство человека над природой.

Семья остается только ячейкой потребления, то есть на ее долю приходится лишь функция производства и воспроизводства человека в процессе потребления. Сделавшееся самостоятельным общественное производство и, прежде всего, производство материальное входит в быт семьи и каждого человека в виде изделий пищевой, легкой промышленности, бытовой техники и т.д. Следовательно, человек оказывается несамостоятельным в решении своих бытовых проблем.

Сфера услуг – часть экономики, которая включает в себя все виды коммерческих услуг. Именно сфера услуг составляет, в экономически развитых странах, основную часть экономики (больше 50 %).

Вообще понятие *сфера услуг* – это сводная обобщающая категория, включающая воспроизводство разнообразных видов услуг, оказываемых предприятиями, организациями, а также физическими лицами.

Сферу услуг часто относят к постиндустриальному экономическому укладу, поскольку именно в нем услуги окончательно утверждаются в *товарных формах*. В архаических и традиционных обществах на фоне существования развитого обмена услугами, товарная форма услуг отсутствовала. Представители этих обществ могли обмениваться услугами, например, на собственное излечение охотник мог предоставить вылечившему его знахарю лакомый кусок собственной добычи, но данный обмен услугами

был жестко регламентирован – услуги, во-первых, не мог предоставлять кто угодно кому угодно, а, во-вторых, форма расчета за них в абстрактных (количественных) деньгах отсутствовала.

По мере эволюции человечества, научно-технического прогресса, механизации и автоматизации физического труда, сфера услуг набирает темпы своего развития и становится ключевым сектором экономики. В постиндустриальной экономике основные нерешенные задачи находятся как раз в сфере управления техникой, организации, распределения готовой продукции.

В XXI веке особенное развитие и ценность приобретает интеллектуальный человеческий труд. Разделение интеллектуального труда, создает огромное количество специальностей и профессий, требующих высокой научной подготовки, большое число рабочих мест, высокую степень интеграции совместных человеческих усилий, рост общественного благосостояния.

Данные тенденции напрямую относятся к сфере услуг и управления, что обусловливает ее ускоренный рост относительно более старых сфер деятельности человека. Для сферы услуг характерны более высокие прибыли, чем для промышленного, и, тем более, сельскохозяйственного секторов экономики. Спектр услуг постоянно расширяется и занимает все большее место в ВНП государств.

Сфера обслуживания как вид профессиональной деятельности предполагает соблюдение некоторых правил и норм. По сервисному обслуживанию все большее распространение получают интеллектуальные услуги (а не чисто технические), что обусловило деление сервиса на четыре вида:

- *жесткий сервис,* включающий в себя все услуги, связанные с поддержанием работоспособности, безотказности и заданных параметров функционирования товара;
- *мягкий сервис,* включающий весь комплекс интеллектуальных услуг, связанный с индивидуализацией, т.е. с более эффективной эксплуатацией товара в конкретных условиях его функционирования у данного потребителя (или с расширением сферы полезности товара для него);
- *прямой сервис* – комплекс услуг, непосредственно связанный с эксплуатацией купленного товара;
- *косвенный сервис* – комплекс услуг, не имеющих непосредственного отношения к купленному товару, но способствующих установлению доверия покупателя к данной фирме (что также приносит успех фирме).

Кратко охарактеризовав историческое развитие сферы услуг, мы можем заключить, что сфера услуг (сервиса) представляет собой связующее звено между общественным производством, обособляющимся от человека, и самим человеком со стороны его индивидуальных запросов и потребностей, обусловленных необходимостью производства самого человека. В этом смысле сферу сервиса, направленную на оказание услуг населению,

следует отличать от сферы услуг, обслуживающих материальное производство (электроэнергия, грузовой транспорт и т.д.).

В современной сфере сервиса, направленного на оказание услуг населению, выделяют следующие отрасли:

- ЖКХ;
- Бытовое обслуживание;
- Физкультура и социальное обеспечение;
- Культура и искусство;
- Пассажирский транспорт;
- Связь по обслуживанию населения;
- Розничная торговля;
- Общественное питание и т.д.

Бытовое обслуживание, как видно из вышеприведенной структуры обслуживающего население сервиса, включено в нее. В свою очередь в нем выделяют два вида услуг:

- Производственные, к которым относятся ремонт и восстановление бытовой техники, автотранспортных средств; изготовление и ремонт одежды, обуви, мебели; химчистка, стирка в прачечных; ремонт и строительство жилищ; фотография и т.д.
- Непроизводственные, в число которых входят услуги бань, парикмахерских, проката культурно-бытового назначения; работы по уходу и дизайну квартир; машинописные работы, услуги справочных, камер хранения и т.д.

Сервисная деятельность: понятие и основные принципы

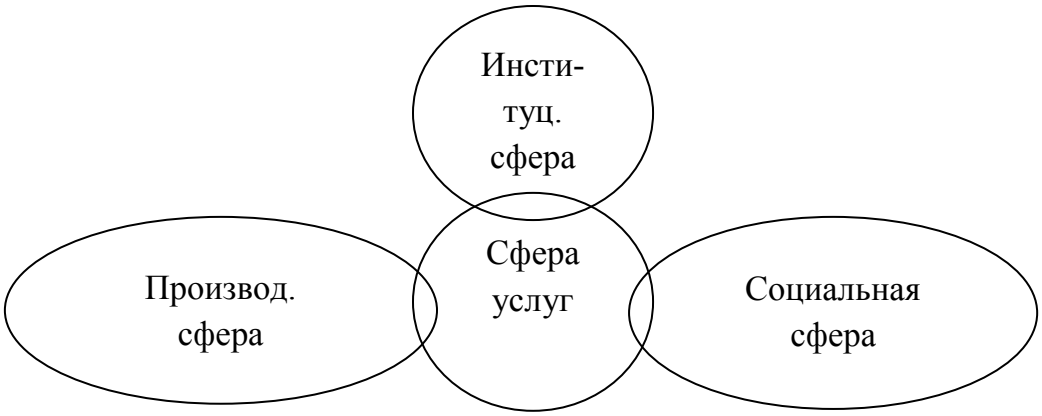
Сервисной деятельностью называют активное содействие удовлетворению индивидуальных и коллективных потребностей людей в различных сферах повседневной жизни через производство материальных и духовных благ, форм общения людей, преобразования общественных условий и отношений, развития самого человека, его способностей, умений, знаний, принимающих для потребления особую форму потребительной стоимости – форму услуги.

Само слово «сервис» происходит от латинского «servus» – т.е. раб, слуга, приближенный, зависимый («сервами» назвали крепостных в Западной Европе). Многочисленные производные в европейских языках от этого корня и их синонимы дают представление о смысле понятия «сервис» – обслуживание, прислуживание, служба, услуга, одолжение, повинность, дежурство, действие, функция.

Сфера сервиса в целом, и бытовое обслуживание в частности предполагает не просто обслуживание населения, но учет его различных конкретных потребностей, варьирующихся в зависимости от определенной природной среды, от принадлежности к той или иной социальной группе, от колебаний моды, от индивидуальных предпочтений.

Все это требует от сферы сервиса особой гибкости, изменений, оперативного реагирования на конкретные, иногда быстро меняющиеся обстоятельства природного, социального, индивидуального происхождения. Последние невозможно в ситуации жесткой централизации сферы услуг, без предоставления соответствующей инициативы на местах, в том числе и частной инициативы, которая отличается особой подвижностью. Конкретные методы бытового обслуживания должны учитывать указанные особенности сервиса.

Как отрасль социально-экономической деятельности сферу услуг представляет собой совокупность организаций, цель которых – оказание разнообразных услуг населению. Она функционирует на стыке производственных и непроизводственных отраслей, неоднородна по своей структуре и выступает как третичный сектор социально-экономической деятельности общества, связанный с индустрией услуг. Доля занятых в этом секторе является своеобразным уровня развития и типа общества. В большинстве экономически слаборазвитых стран три четверти рабочей силы заняты в сельском хозяйстве, а остаток распределен примерно поровну между промышленным производством и обслуживанием. В промышленно же развитых странах лишь незначительная часть населения занята в сельскохозяйственном производстве, а более 50% – в третичном секторе. При этом доля услуг в валовом внутреннем продукте (ВВП) развитых стран приближается к 70% и продолжает расти. Структуру соотношения отраслей промышленно развитых стран отражает следующая схема:

В данной модели:

- институциональная сфера включает все институты государственного управления (и местного самоуправления);
- производственная сфера охватывает все формы организации производства материальных благ;
- социальная сфера объединяет все разнообразие удовлетворения социальных потребностей людей;
- сфера услуг включает все виды производства самых разнообразных услуг.

В рыночной экономике в сфере услуг различаются рыночный и нерыночный секторы. Причем рыночный сектор выступает как рынок услуг, нерыночный – как система государственного некоммерческого обслуживания населения. В ситуации рыночной экономики сферу услуг отличают следующие специфические черты:

- высокая динамичность;
- территориальная сегментация;
- локальный характер производства и потребления услуг;
- высокая скорость оборота капитала (высокая доля оборотного капитала);
- высокая чувствительность к изменениям рыночной коньюктуры;
- специфика организации производства услуг (большое число малых и сверхмалых предприятий);
- специфика оказания услуг (личные контакты производителей и потребителей услуг);
- высокая степень дифференциации услуг (персонификации потребления);
- неопределенность результата деятельности по оказанию услуг.

Для сервиса в условиях рыночной экономики становится крайне существенным недавно возникший принцип сервисного сопровождения. *Сервисное сопровождение* – сопровождение любой основной услуги особыми, дополнительными услугами, придающее данной услуге особую привлекательность для потребителя. В связи с появлением этого нового фактора меняется и понятие конкуренции. Конкуренция на сегодняшний день – это не конкуренция между собой того, что произведено фирмами на своих заводах и фабриках, а того, чем они дополнительно снабдили свою продукцию в виде упаковки, услуг, рекламы, консультаций для клиентов и прочих ценимых людьми вещей. Некоторые американские компании от продажи сопутствующих услуг получают более 50% общей прибыли.

Классификации услуг

Специфика услуги проявляется в сложном определении самого понятия сервиса. К услугам относят все, что не предполагает создание товара – материального изделия, предлагаемого на рынке для продажи с целью его дальнейшего использования и потребления. Одно из первых определений услуги принадлежит К. Марксу: «Услуга есть полезное действие потребительной стоимости товара и непосредственно труда. Эта особая потребительная стоимость, которая доставляет этот труд подобно всякому другому товару… труд оказывает услугу не в качестве вещи, а в качестве деятельности».

Услуга представляет собой целесообразную деятельность, результаты которой выражаются в полезном эффекте, направленном на удовлетворение какой-нибудь из потребностей человека, группы людей, общества, возникающих в различных сферах жизнедеятельности. Услуги могут классифицироваться по различным основаниям. В зависимости *от своего назначения*, услуги разбивают по следующим группам:

• *Услуги производственного назначения*, являющиеся продолжением основного производственного процесса и направленные на осуществление процессов снабжения, сбыта, обмена, распределения, управлением производством (производственные структуры которые их осуществляют: МТС – материально-техническое снабжение, грузовой транспорт, проектирование, маркетинговые исследования, бухгалтерский учет);

• *Услуги личного характера,* удовлетворяют личные потребности населения в хозяйственно-бытовой и социо-культурных сферах (производственные структуры, которые их осуществляют: ЖКХ, бытовое обслуживание населения, торговля, общественное питание, здравоохранение, туризм, образование, культура);

• *Общественно-необходимые услуги* направлены на обеспечение потребностей общества в целом (производственные структуры которые их осуществляют: государственное управление, оборона, охрана общественного порядка, социальная защита населения).

В зависимости *от материально-вещественного содержания*, услуги делятся на две группы: материальные (осязаемые) и нематериальные (неосязаемые).

• *Материальные услуги* – услуги, действие которых направлены на предметы потребления, принадлежащие членам общества и эффект действия которых фиксируется в предметах потребления, выступая как товар либо входя в состав товара (индивидуальный пошив одежды и обуви, строительство по заказу, ремонт бытовой техники и т.д.).

• *Нематериальные услуги* – услуги, действие которых направлены либо непосредственно на человека, либо на окружающие его условия, а в предметах потребления, которые не фиксируются (услуги учителей, преподавателей, репетиторов, консультантов, юристов и т.д.).

По воздействию на потребительную стоимость различают следующие услуги:

• Услуги, связанные с созданием новых потребительных стоимостей (изготовление одежды по индивидуальным заказам);

• Услуги, направленные на поддержание ранее созданных потребительных стоимостей (ремонт бытовой техники, автотранспорта и т.д.);

• Услуги, не связанные с созданием и обслуживанием потребительных стоимостей, а их целевая функция – удовлетворение личных потребностей населения. К таким услугам относятся услуги учреждений культуры, здравоохранения, образовательных учреждений и т.д.

Услуги можно различать, в зависимости *от направленности и характера совершаемых действий*, по следующим группам:

• Осязаемые действия, направленные на тело человека (парикмахерские, медицина, транспорт и т.д.). Здесь для получения желаемого эффекта необходимо физическое присутствие потребителя;

• Осязаемые действия, направленные на имущество потребителя (ремонт бытовой техники, содержание жилья, охрана имущества, прачеч-

ные, ветеринарные услуги и т.д.). Здесь для получения желаемого эффекта необходимо физическое присутствие имущества потребителя, но не самого потребителя;

• Неосязаемые действия, направленные на сознание человека (телевидение, радио, театры, музеи, кино, услуги образования и т.д.). Связь с потребителем осуществляется специальным образом средствами телекоммуникациями или представлении услуг в специальном помещении;

• Неосязаемые действия, направленные на неосязаемые активы потребителя (банковские, страховые, юридические и т.д.). Со стороны потребителя достаточно инициации заказа на услугу.

В зависимости *от возможностей ограничения совокупности потребителей, пользующихся услугами,* различают:

• Индивидуальные услуги – к ним относятся те виды услуг, которые выполняются по заданию индивидуального заказчика. Это, например, услуги по изготовлению тех или иных предметов в единственном экземпляре и т.д.

• Коллективные услуги – эта разновидность услуг предполагает оказание однотипной услуги неопределенно широкому кругу лиц. Например, коллективными услугами являются услуги транспорта, связи, ЖКХ и т.д.

В зависимости от того, является ли *определяющим для услугодателя получение платы* за оказанные услуги, выделяют:

• платные услуги;

• бесплатные услуги

Разница между ними очевидна и следует из названий данных категорий услуг. В принципе, любая услуга так или иначе требует оплаты, поскольку в ходе ее оказания расходуются материалы, энергия, совершается работа и пр., иными словами, происходит использование ресурсов, которые должны быть оплачены. Однако существуют определенные категории услуг, которые не оплачиваются потребителем. Так, например, потребитель не платит за посещение общедоступного представления, пользование муниципальными спортивными объектами, участие в религиозных церемониях и т.д.

Кроме того, можно выделить категорию «условно-бесплатных» услуг, то есть таких услуг, которые оплачиваются, полностью или частично, не потребителем, а государственными либо муниципальными органами.

Структура обслуживания с учетом природных и социальных факторов

Целесообразно дать краткую характеристику разных предприятий обслуживания.

Ателье, мастерские, салоны – преимущественный тип производственного звена в бытовом обслуживании. Они одновременно осуществляют производство работ, прием и выдачу заказов (совмещают производ-

ственный цех и приемный пункт). С развитием сферы услуг происходит специализация в деятельности обслуживающих предприятий, результатом которой является увеличение количества цехов, выполняющих чисто производственные функции, не имеющих непосредственного контакта с заказчиком (потребителем). В этом случае заказы поступают в производство через сеть территориально обособленных приемных пунктов.

Приемные пункты, бюро, представительства – это специфические подразделения предприятий сферы услуг, осуществляющие прием, оформление, выдачу заказов. Они бывают стационарными, передвижными, специализированными, комплексными.

В ряде городов стали появляться т.н. сервисные центры, в которых преимущественно оказываются услуги нематериального характера (продажа авиа-, автобилетов, парикмахерские, косметические и другие услуги). Сам процесс оказания услуг состоит из трех взаимосвязанных элементов:

– прием заказов на услуги от населения;
– производство (выполнение, создание услуг);
– реализация услуг.

По типу организации и масштабам производства однотипной продукции предприятия сферы услуг следует отнести к индивидуальным, единичным производствам, иногда – к мелкосерийным.

Так складывается система сервисного обслуживания. С учетом природных и социальных факторов система обслуживания представляет собой многоуровневую систему, которая включает в себя различные ступени, выделяющиеся в зависимости масштаба собственного воздействия:

- Верхний уровень – общегосударственная система обслуживания.
- Средний уровень – территориальные и отраслевые системы.
- Нижний уровень – отдельные предприятия сервиса.

Все данные составляющие сферы сервиса должны необходимым образом учитывать сезонные изменения того региона, где они реализуют собственную деятельность, поскольку природный фактор оказывает влияние не только на изменения покупательного спроса населения, но и на его психофизическое состояние (состояние здоровья, эмоциональный настрой и пр.). Кроме того, для различных уровней системы сервиса значим и социальный фактор: различные сервисные отрасли должны располагать социологическим анализом изменений материального благосостояния населения, общественной статусной структурой, демографической и миграционной «картины» общества. В зависимости от этих факторов одни услуги могут терять актуальность, а другие, возможно даже не наличествующие в настоящий момент, требоваться особенно остро.

Обеспечение оптимальной инфраструктуры обслуживания с учетом природных и социальных факторов

К числу основных особенностей предприятий сферы услуг относятся:

- полная зависимость от спроса на предлагаемые услуги и их сезонный характер;
- совмещение в деятельности производственных и торговых операций;
- использование товарных ценностей населения;
- необходимость создания и рационального сочетания самых разных по величине и функциям организаций обслуживания (предприятий, ателье, салонов, домов быта, приемных пунктов и т.д.);
- сильная ориентация на психолого-социологическую квалификацию обслуживающего персонала (наряду с узкой специализацией в области профессии);
- большая территориальная разобщенность производства и пунктов приема заказов.

Учитывая все эти особенности предприятий сферы сервиса, нормально функционирующее современное общество должно стремиться к созданию оптимальной инфраструктуры обслуживания. Для этого необходимо располагать объекты бытового обслуживания максимально близко к наиболее заселенным комплексам города и соответственно – располагать места узкоспециализированных видов сервиса в зависимости от мест концентрации их потребителей; сосредотачивать объекты периодического посещения в центрах городского значения. Расположение предоставляющих культурные услуги учреждений должно учитывать особенности городской застройки в целом – к примеру, неразумно размещать образовательные учреждения, музеи, выставочные залы и библиотеки около промышленных или торговых территорий. Возможно объединять предприятия обслуживания различных областей для сохранения времени населения. Все это отдельные моменты построения оптимальной системы сервиса, главным в ней всегда остается человеческий фактор – работники сферы сервиса должны располагать высоким уровнем знания той области, с которой связана их профессиональная деятельность, быть сторонниками этических принципов всего разумного человечества и эмоционально уравновешенными людьми.

Резюме

Сфера сервиса представляет собой связующее звено между общественным производством, обособляющимся от человека, и самим человеком со стороны его индивидуальных запросов и потребностей. В этом смысле сферу сервиса, направленную на оказание услуг населению, следует отличать от сферы услуг, обслуживающих материальное производство (электроэнергия, грузовой транспорт и т.д.).

Понятие сервисной деятельности означает активное содействие удовлетворению индивидуальных и коллективных потребностей людей в различных сферах повседневной жизни через производство материальных и духовных благ, форм общения людей, преобразования общественных условий и отношений, развития самого человека, его способностей, умений, знаний принимающих для потребления особую форму потребительной стоимости – форму услуги.

Таким образом, услуга есть особый вид полезности товара, которая потребляется не в качестве вещи, а в качестве деятельности. Эта деятельность может воплощаться в вещах (материальные услуги), но может существовать и как полезный эффект труда (нематериальные услуги). По характеру оказываемые услуги имеют ярко выраженную разноотраслевую направленность.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Определите место сервиса в структуре экономики.
2. Какие отрасли экономики относятся к сервисной сфере?
3. В чем сложность определения понятия «услуга»?
4. В чем особенности услуги как деятельности?
5. По каким признакам можно классифицировать услуги?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

ОСНОВНАЯ:

1. Аванесова Г.А. Сервисная деятельность: Историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент. 2-ое. Изд. – М.: Аспект-Пресс, 2006.
2. Федцов В.Г. Культура сервиса. – М.: ПРИОР, 2000.
3. Шешенин Е.Д. Классификация гражданско-правовых обязательств по оказанию услуг // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сб. Ст. – М., 2001.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Гушва Е.Г. Потребление в России и СССР: проблемы теории и практики. – СПб.: ГАСУ, 2000
2. Васильев Г.А. Поведение потребителей: Учебное пособие. – М.: Вузовский учебник, 2004.
3. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. – М., 2001.
4. Сфера услуг: проблемы и перспективы развития. Т. 2: Экономика предприятий сферы услуг (Под ред. Акад. Свириденко Ю.П.). – М.: Кандид, 2001.
5. Гражданский Кодекс РФ.

§6.3. Апории повседневности

Основные характеристики мира повседневности

Повседневность апор*и*йна (от греч. ἀπορία – затруднение): в собственной структуре она содержит непреодолимую проблему, разрешения которой человеческому мышлению решительно никогда не найти. Подобное фундаментальное для человеческой жизни затруднение вызвано тем, что пространство его повседневного опыта определяется совокупностью общекультурных норм, обычаев, но вместе с тем предоставляет возможность и для исполнения индивидуальности. Повседневный человек, хочет он того или нет, подчиняется ритуалам, условностям, то есть он несвободен. Но одновременно с этим повседневность предоставляет право на свободный выбор досуга, не мотивированные социальной выгодой поступки, беззаботную экспрессию человеческой индивидуальности и, таким образом, представляет тот островок свободы, который остается в жизни человека тогда, когда он всецело контролируем на социальном уровне.

Мир повседневности – это мир, где властвует привычка, традиция, обычай. Пограничные, экстремальные ситуации, кардинально меняющие судьбу человека, редки, в то время как большая часть его времени жизни опутано устоявшимся повседневным бытом. Социальные феноменологи Альфред Шюц и Томас Лукман отметили, что отличительная черта повседневных ситуаций – их непроблематичность. Если действие у человека перестает вызывать затруднения, и он начинает его выполнять автоматически, то оно стало элементом повседневной жизни.

Мир повседневности следует определить как мир здравого смысла. Но, руководствуясь здравым смыслом, человек может ошибаться. В обыденном познании есть место интуиции или заблуждениям. Результаты познания зависят от локальных или исторических особенностей культуры, в которой оно осуществляется. То, что является воплощением здравого смысла в одной культуре, есть нелепость в другой.

Уровень повседневности – социомикромир следует отличать от социального уровня человеческой жизни – макроуровня. Мир повседневности – мир, предоставляющий возможность персональным, то есть не имеющим аналогов человеческих проявлениям, в то время как в макромире человек вынужден выполнять определенную социальную функцию, выступая винтиком в социальном механизме. Это ясно выразил К. Маркс, заметив, что социальные взаимоотношения людей зачастую не требуют их волевой инициативы.

Основные духовные компоненты повседневного опыта

Духовный мир повседневного человека многообразен. Важным проявлением духовности в социомикромире является вера. Вера повседневного человека не обязательно имеет религиозный характер: это может быть и вера ученого в правильность его предположений, вера интеллигентного

человека в состоятельность культурной традиции, а немыслящего – в авторитет, определенную харизматичную личность.

Вера выполняет в повседневном мире важные функции. Человек, воспитанный в европейской культуре, стремится увеличить объем познанного и избавиться от белых пятен непознанного. Непознанное, неизвестное, неосвоенное разумом воспринимается как источник угрозы. Но человеческий разум не обладает безграничными возможностями, и рано или поздно неизвестное настигает человека. Иммануил Кант продемонстрировал, что сама структура человеческого разума такова, что принципиально не познаваемыми остаются три величайших вещи – существование Бога, бессмертие души и возможность свободы действия, которые философ назвал «вещами в себе». Но, более того, именно эти предметы и составляют собственный интерес разума. Иными словами, разуму свойственно вопрошать об их возможности и природе, не находить ответов, и, тем не менее, вопрошать вновь и вновь. Согласно Канту, ситуация «трансцендентальной иллюзии», то есть видимости нахождения ответов на вопросы разума, является его совершенно обыденным состоянием, но коль скоро эти ответы уводят далеко за пределы человеческого опыта, их достоверность никогда нельзя подтвердить. Вот и остается только верить. Иными словами, структура человеческого существования сама предполагает выход к таким реалиям, которые можно «понять», только уверовав. Вера помогает там, где разум бессилен, и высвобождает энергию человека для того, чтобы он мог решать те проблемы, которые он действительно в силах решить.

Вера – воодушевляющий мотив, стимул. Исследователь, сочетая веру в правильность своей гипотезы с познавательными возможностями, обретает дополнительные силы, которые помогают ему в научной работе. Вера придает высказыванию импульс убедительности. Нередко в споре побеждает человек, не опирающийся на разумные доводы, но убежденный в собственной правоте. В социомикромире зачастую действует не формальная логика, а «логика человеческого хотения», которая приводит человека к желаемому результату размышлений. Человек может не отдавать себе отчета, что в своих рассуждениях движется к результату, который им же предопределен.

В повседневном мире на человека обрушивается огромное количество информации, полностью осмыслить которую, отделяя полезное от ненужного, невозможно. И тут на помощь ему приходит вера. Человек принимает на веру ту часть информации, которая не пропущена через фильтр рациональной аргументации.

Другой компонент духовной жизни повседневного человека можно определить как нескàзанность. Взгляд, мимика, жест рождаются на пересечении духа и тела, например, только одухотворенное существо может ранить или, напротив, воодушевить взглядом; именно дух, выражаемый в этих телесных проявлениях, вызывает к ответным чувствам и эмоциям.

Эти невербальные сообщения являются большим подспорьем индивидуальности, которая зачастую не может выразить себя во всей полноте с помощью языка. Люди обладают рядом типичных признаков, и, тем не менее, если умирает любимый человек, заменить его невозможно. Неразрывная связь его уникальной духовной персональности с телом, делает какие угодно его телесные проявления неповторимыми: взгляд, улыбка, манера держаться любимых представляют для нас не имеющий аналогов опыт. Поэтому их уход оборачивается нашей травмой, которую мы изживаем меланхолически, заменяя отсутствие бесконечностью воспоминаний.

Повседневность как возможность свободы

Свободен ли повседневный человек? С одной стороны, повседневный мир содержит богатые возможности проявления свободы. Во-первых, это свобода выбирать себе ближайшее окружение: друзей, любимых, супругов; выбирать сферу практических действий; выражать персональные ценностные установки и убеждения. Во-вторых, это свобода самовыражения через объекты материального мира: одежду, обустройство жилища, культуру ухода за собой, манеру приготовления пищи, физическую культуру, выбор маршрута путешествий и т.д., хотя наши материальные саморепрезентации во многом и зависят от культурных устоев.

Свобода проявляется на трех уровнях: мысленная, личная, и на социальном макроуровне. Повседневный человек потенциально свободен в том, как жить и когда умереть, в том, что мы называем «образом жизни». *Образ жизни* – совокупность устойчивых, взятых в единстве с условиями жизни, типичных видов жизнедеятельности человека.

Свобода, как и вера, может стать *воодушевляющим мотивом, стимулом.* Например, труд по принуждающим к нему обстоятельствам, будучи недостаточно мотивированным, менее эффективен, чем труд по собственной воле.

Свобода повседневного человека реализуется и как *свобода выбора.* Осознание различных вариантов выбора убеждает повседневного человека в том, что он свободен. Свобода и проявляется в наличии различных точек бифуркации, от которых ответвляется несколько вероятных путей. Но бывает так, что ни один из вариантов выбора не устраивает. Отвергая их все, человек также проявляет свободу. Повседневный человек отнюдь не всегда действует рационально, не всегда руководствуется логическим аргументом или соображениями пользы, выгоды. Для него очень важно утвердить свою волю, поступить вопреки устоявшимся стандартам поведения. Мотивы, которыми человек руководствуется в мире повседневности, разнообразны.

Консерватизм социомикромира

Повседневная жизнь пронизана не только свободой. Микромир необычайно консервативен и накладывает на жизнь повседневного челове-

ка массу ограничений. Микромир складывается не случайным образом, и та повседневность, условия которой мы вынуждены принимать, есть итог длительного развития культуры. Как известно, нововведения на бытовом уровне наиболее болезненны и ощутимы для людей. Чтобы иметь возможность не учитывать рамки и ограничения, существующие в повседневности, надо обладать выдающимися индивидуальными качествами. Но, каким бы ярким характером ни обладал человек, все равно он должен следовать правилам, установленным культурой.

Каким является наш повседневный мир, во многом определяет наше ближайшее окружение. В повседневной жизни воля одного человека ограничена волей других людей, что зачастую создает конфликтные ситуации. Воле близких людей труднее всего сопротивляться, потому что, казалось бы, они хотят нам только добра, и советуют то, что должно пойти нам на пользу. Но за добрыми пожеланиями может таиться эгоизм, страх одиночества, желание утвердить свою волю, во что бы то ни стало. Так появляется «тирания любви»[153], которая ограничивает свободу повседневного человека.

Мир повседневности отличается от экстремальных, пограничных ситуаций жизни тем, что события повседневности циклично повторяются. Повседневный человек вынужден учиться, работать, выполнять массу бытовых дел, что приводит к рутинному образу жизни, делающему человека несвободным.

Повседневность и идеология

Из анализа мира повседневности можно извлечь очень интересные объяснения природы социальных явлений. Например, либеральная политическая ориентация западноевропейских государств предоставляет условия возможности для культивации человеческой индивидуальности: среднестатистический западноевропеец является социальным атомом, который связан с другими атомами системой динамических связей и оберегает свою атомарность. Повседневность западноевропейца индивидуализирована, в то время как в СССР повседневный быт был унифицирован, у людей было меньше возможностей для формирования индивидуальных жизненных стилей.

Согласно мнению одной группы мыслителей, повседневность является идеологическим доменом, то есть подчиняется и управляется идеологией. К этой группе можно отнести марксистов, последователей М. Фуко, представителей социальной феноменологии, этнометодологии.

Согласно данным подходам, характер повседневности всецело определяется идеологией: повседневные стили жизни являются марионетками,

---

[153] См.: Марков Б. В. Философская антропология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030100 «Философия». – СПб. [и др.]: Питер, 2008. – С. 349.

управляемыми нитями идеологии. Напомним, что идеология – это система политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских взглядов, задающая социальные отношения людей. Идеология всегда направлена на социальную действительность: либо на ее изменение, либо на сохранение в прежнем виде. Идеология действует через самосознание людей. Но через самосознание людей распространяет себя в мире и философия. Чтобы корректно оценить этот факт, следует понять существенную разницу, разверзающую между философией и идеологией непреодолимую пропасть. Философия – это оставляющее место для развития смысла, построения смысловых альтернатив систематическое постижение человеком мира в целом, в то время как идеология конструирует догматическое, не допускающее альтернативных к себе сценариев определение, прежде всего, социального бытия человека.

Таким образом, специфика философских подходов, акцентирующих идеологический аспект повседневности, состоит в том, что повседневность здесь рассматривается, прежде всего, как часть социальной реальности. Человек здесь предстает в контексте социальных связей; интимные проявления его духовного мира определяются как эффект его социального опыта.

Подобный субстанциализирующий социальный опыт подход характерен, прежде всего, для марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс сделали исследования механизмов организации повседневного быта фундаментальной основой своей методологии социально-исторического анализа.

В основании повседневности Маркс и Энгельс обнаруживают форму непосредственной деятельности, посредством которой люди удовлетворяют свои ежедневные потребности, нужды домашнего быта и капризы свободного времени с помощью привычных методов и средств, воспроизводя свое собственное наличное бытие, а значит, и бытие общества в целом. Этим основанием выступает труд.

Поскольку, согласно марксистскому материализму, труд («производственные силы») является движущей силой истории, формирующиеся им образы повседневной жизни («производственные отношения») играют существенную роль в объяснении исторического процесса. Именно в повседневности появляются незаметные для глаз изменения в способах производства, которые, развертываясь, приводят к возникновению нового способа производства, а следовательно, и к новой исторической форме существования человека. Маркс пришел к выводу о том, что формы государства и правовые нормы не могут быть поняты только из самих себя и из тех идей, которые они выражают. Напротив, они заложены в непосредственных жизненных условиях и в отношениях действительных живых индивидов, и в первую очередь – в их материальных интересах. Чтобы иметь возможность «делать историю», люди должны жить. «Жить» означает удовлетворять свои непосредственные интересы и потребности в пище, одежде, жилье. Такое удовлетворение осуществляется в практической деятель-

ности, в рамках которой индивиды ежедневно и ежечасно производят и воспроизводят свою непосредственную жизнь. Именно эта повседневная деятельность человеческого индивида оказывается действительным, чувственным, материальным фундаментом социального бытия.

Итак, повседневная жизнь – это образование, в котором отражается тотальность социального универсума. Повседневность является производной от характера труда, в который вовлечен человек, и от типа социальной коммуникации, которую он использует в силу рода собственной занятости.

В силу этого в структуре социального универсума можно выделить три уровня бытия, в каждом из которых в диалектическом единстве будут схвачены, сняты общественное бытие и общественное сознание:

1) всеобщий уровень, включающий в себя инвариантные условия социально-экономической формации, определяемые господствующим способом производства.

2) особенный уровень, представляющий собой географическое, национально-культурное и историческое своеобразие этого формационного инварианта – образ жизни.

3) единичный уровень – непосредственная повседневная жизнь.

Можно выделить следующие особенности повседневности в рамках классического марксистского подхода:

1) Повседневность – это непосредственная форма человеческой деятельности, в рамках которой люди, удовлетворяя свои непосредственные потребности, производят и воспроизводят свое наличное социальное бытие. Поэтому повседневность занимает фундаментальное место и играет существенную роль в структуре социального универсума.

2) В повседневных структурах конституируются и репрезентируются структуры общественного бытия и общественного сознания, так как повседневные структуры сплавляют в себе, как в плавильном тигле, всю тотальность социального бытия.

3) Повседневность релятивна, ибо она, понятая в качестве деятельности, развертывается в конкретных условиях, которые не могут быть отождествлены с условиями другого индивида. Релятивность повседневности задана (а) неодинаковым положением индивидов в социальной структуре; (в) неодинаковой структурой социального бытия (способом производства и образом жизни); (с) неодинаковой деятельностью, которую индивиды осуществляют в своей повседневности.

4) Несмотря на свою конкретно-непосредственную уникальную релятивность, повседневность содержит тождественные ситуации в бытии индивидов, которые конституируют интерсубъективность, делают возможным понимание людьми друг друга в своем непосредственном общении.

Согласно Марксу, именно в структурах повседневности постепенно накапливаются изменения, рано или поздно приводящие к взрыву старой системы. На повседневном уровне орудия труда постепенно совершен-

ствуются, подводя к переходу от ремесленного производства к мануфактуре, а от мануфактуры – к системе машин (фабрике). Мануфактурный период упрощает, улучшает и разнообразит рабочие инструменты путем приспособления их к исключительно особым функциям рабочих. Машинный способ производства сначала овладевает одним, вторым, третьим и т.д. предприятием, далее – одной отраслью экономики, затем постепенно распространяется на смежные отрасли, затем втягивает в свои сети все решающие отрасли промышленности, и, в конце концов, распространяется на земледелие. Происходит радикальная и тотальная диверсификация капиталистического способа производства.

Введение машинной техники приводит к повышению производительности труда, а значит, к повышению объемов выпускающей продукции. Таким образом, возникают излишки продуктов, которые уже не могут быть употреблены и использованы населением небольшого замкнутого натурального феодального хозяйства. Рост товарного обмена детерминировал необходимость развития рыночных отношений, ибо старый феодальный (бартерный) тип обмена уже не мог обеспечить эффективность товарообмена. Таким образом, с увеличением спроса, расширением промышленного производства и развитием транспорта товарно-денежный обмен сначала вырос до уровня внутренней (национальной) рыночной экономики, а затем (и параллельно с этим) – до уровня мирового рынка.

Индустриальный способ производства при капитализме, в отличие от традиционного, позволяет производить товары массовым способом путем «штампования». Изделие при таком производстве теряет свою уникальность, лишается индивидуализирующих черт, связанных с человеческим творчеством, и превращается в обычную вещь среди одинаковых вещей. Коль скоро человек, по Марксу, сущностно есть существо творческое, в таком репродуктивном производстве теряется его собственное человеческое содержание. Это усиливается еще и тем, что при капитализме потребитель оторван от производителя, и между ними включается бездушный, лишенный всяческого человеческого содержания механизм капиталистического обращения, то есть отношения между ними радикально опосредуются: на капиталистическом рынке действуют уже не люди, а безличные спрос и предложение. Люди перестают в вещах видеть других людей, перестают видеть в них деятельность, которая стоит за этими вещами и которая свернута в них. Вещи становятся холодными, они теряют тепло человеческих рук, которые их создавали, из вещей устраняется их человечность, и остается только поверхностная утилитарность.

Отношение к вещам в повседневных процедурах постоянного повторения «опривычивается» (габитуализируется) и постепенно экстраполируется на межчеловеческие отношения. Люди начинают рассматривать других людей в системе товарно-денежных отношений. Личные связи и отношения превращаются в связи между анонимными производителями и потребителями: я не знаю того, кто производит хлеб, который я ем, ботин-

ки, которые я ношу, автобус, на котором я езжу, стол, за которым я работаю. Мои отношения с другими людьми опосредуются *товарами* и их всеобщим эквивалентом – *деньгами*. Так анонимность, безличность с необходимостью приводит к равнодушному безразличию.

Тотальная взаимозаменяемость безличных товаров на рынке и мертво-механические взаимоотношения между людьми в капиталистической повседневности с необходимостью переходят во внутренний план, интериоризируются на уровне эмоциональных переживаний. Индивид ощущает себя товаром, которым безлично манипулируют на рынке. Более того, сам индивид начинает манипулировать самим собой, словно внешней, чуждой самому себе предметностью. Сущностные силы, которые, по Марксу, определяют человечность человеческого существа, оказываются от него радикальнейшим образом отчужденными. Товарно-денежные отношения и их восприятия отражаются в повседневном языке, когда о людях начинают говорить в терминах политэкономии: «этот человек стоит 10 тысяч фунтов стерлингов», рабочие превращаются в «руки», капитал и «человеческие ресурсы».

В начале 20-х гг. XX века деятель международного революционного коммунистического движения, практик и теоретик марксизма Л. Троцкий в газете «Правда» опубликовал серию статей, изданных на английском языке под названием «Проблемы повседневной жизни», в которой он развивает мысль основоположников марксизма о необходимости радикальной реконструкции повседневного быта граждан для успешного построения социализма. Подобные марксистские выводы иллюстрируют, что, несмотря на определенность повседневной жизни отдельного человека господствующей идеологической ситуацией, сама повседневность несет в себе потенциал исторических перемен. Согласно ортодоксальному марксизму, последние могут реализоваться в случае появления класса, способного на прямые, не опосредованные частной собственностью и товарно-денежными отношениями коллективные взаимоотношения.

Философская аналитика повседневности

Попытку философского осмысления повседневности предпринял в 20-е годы XX в. Альфред Щюц (1899–1959), инициатор введения феноменологии в общественные науки и основатель социальной феноменологии. Щюц рассматривает повседневность двойственно: 1) как ту область, в которую человек может вмешиваться, и которую он может модифицировать, оперируя в ней своим жизненным опытом; 2) как неизбежные шаблонные формы понимания, интерпретации событий, кажущиеся «очевидными». Повседневность, согласно Щюцу, это сфера опыта, которую индивид разделяет с другими людьми. В основании этой сферы лежит здравый смысл, поскольку именно он передает коллективно разделяемый опыт. Таким образом, повседневное понимание не нуждается в особой рефлексивной проработке собственных предметов: оно автоматически задействует

определения и трактовки, наработанные коллективом. Кроме того, Щюц продемонстрировал всецелую определенность будничных действий социально принятыми условностями. Это объясняет, почему в повседневных действиях человек, как правило, не задумывается о способе их осуществления, а с легкостью применяет усвоенные шаблонные модели действия. Сферу, сложенную из будничных действий, социальных стереотипов и институтов, Щюц определил как «жизненный мир», выделив производство социальной очевидности в качестве его главной характеристики.

Ученик Шюца Томас Лукман придавал изучению повседневности большое значение. По замыслу Лукмана, феноменология жизненного мира должна была стать «универсальной социальной наукой», «матрицей» всех социальных наук, способной с помощью метаязыка дать описание универсальных структур жизненного мира.

Похожий взгляд на повседневность демонстрируют представители этнометодологии. Название данного направления происходит от понятий «этнос» (люди, народ) и «методология» (наука о правилах) и обозначает «науку, исследующую правила повседневной жизни людей». В этнометодологии разрабатывались методы описания и конструирования социальной реальности, которые используются людьми в их обыденной жизни. Причем этнометодологи особенно подчеркивают тот факт, что описание социальной реальности тождественно ее конструированию.

Методы этнографии и культурной антропологии были сформированы с учетом специфики изучаемого объекта – быта и образа жизни примитивных племен, среди которых ученые проводили полевые исследования. Так продолжалось более 100 лет, пока в 1967 г. Гарольд Гарфинкель, считавший себя учеником и преемником Альфреда Шюца, написав книгу «Исследования по этнометодологии», не попытался перенести процедуры, применявшиеся антропологами при изучении примитивных культур, в современное цивилизованное общество.

Этнометодология учит нас не воспринимать повседневность как само собой разумеющееся, а предлагает заглянуть по ту сторону одномерной реальности и выяснить скрытые механизмы, которыми мы конструируем свое обыденное существование. Мы выполняем некоторые правила поведения автоматически, не задумываясь о причинах их появления. Так, юноша не всегда может объяснить, почему он придерживает дверь перед девушкой. Причина возникновения подобной этикетной ситуации – отношение к женщине как к слабому существу. И если у Карла Маркса жизнь человека направляют безличные структуры – производственные отношения, то Гарфинкель рассматривает другие – традиции и обычаи, внедряющиеся в подсознание человека и регулирующие его поведение.

Другое восприятие повседневности как пространства понимающей персональности сложилось у Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера.

Персона – «здесь и сейчас», средоточие моего внимания к повседневной жизни. «Здесь» – это пространственно-протяженное представле-

ние о себе; это и само тело субъекта, становящегося объектом исследования; это место присутствия, будь то дом или планета, это границы представляемого визуально. Таким образом, персональность – это выделенность индивида из группы, это не только «я», но и место, где я живу.

Эдмунд Гуссерль (1859–1938) был основателем феноменологии – науки о живом опыте сознания, изучающей сознание вне всяких существующих его научных моделей, а совокупность его самопроявлений, самообнаружений для самого себя. Феноменология считается антиподом натурализма, в частности, того понимания вещей, которое определяется классическим естествознанием и воплощено в методологии естественных наук.

Впоследствии крайне длительного исследования всех проявлений жизни сознания, Гуссерль пришел к выводу, что все конструкты сознания укоренены в жизненном мире, который представляет собой общее невыделенное сознанием поле переживаемой нами изо дня в день действительности. Невыделенный мир жизни есть первое основание общности возникающих смыслов; именно он, согласно Гуссерлю, выступает условием существования всех научных теорий и знаний. Он является и изначальным местом возникновения норм. Повседневный опыт, вбирающий в себя различные проявления общности, имеет естественные основания, данные в неотрывности сознания от жизненного мира. Сама возможность общих, совместных практик людей, по Гуссерлю, имеет исток в единстве их жизненного мира.

Нельзя не упомянуть еще один подход к раскрытию повседневности в рамках феноменологической традиции – это концепция М. Хайдеггера. Человек, по Хайдеггеру, это единственное существо, способное отнестись к собственному бытию и поставить вопрос о его смысле. Хайдеггер описывает два основных способа человеческого существования: 1) способ Dasein, «вот-бытия», подразумевающий ответственное, напряженное бытие, связанное с постоянной необходимостью делать выбор; 2) способ das Man, «людей», представляющий собой безличное анонимное состояние, в котором человек плывет по течению жизни и ничего не решает. Понятие повседневности Хайдеггер, прежде всего, связывает со стратегией существования das Man: повседневность представляет собой пространство существования, где всецело властвует культурная традиция – подлинное раскрытие вещей в ней замещено готовыми, всем хорошо известными формулировками, а персональные взаимодействия тормозятся общепринятыми действиями, ориентирующимися на принцип «все как у людей». Повседневность скрадывает все непонятное, нейтрализует все то, где присутствует хоть намек на тайну. Именно поэтому Хайдеггер утверждает, что человек «заброшен» в мир обыденного и здесь может потерять самое главное – возможность выражения уникальности собственного существования. Но положения вещей не так уж гибельно: в опасности, как утверждал сам Хайдеггер, таится спасительное. Осознание повседневности как затягива-

ния собственного существования абсолютно чужеродным, отчет о необратимости воздействия общих правил (моделей поведения, языковых норм, догматических описаний мира и т.д.) приводит к синтезу оригинальной, не имеющей аналогов жизненной стратегии. Таким образом, именно повседневная «все на все похожесть» дает первый толчок движению к собственной уникальности. Таким образом, согласно Хайдеггеру, повседневный опыт содержит внутреннее противоречие: собственной шаблонностью он медленно, но верно убивает нашу персональность, но, только испытав вызываемый ею страх самопотери, мы впервые можем начать проживать жизнь на свой собственный, не сориентированный более ни на кого, лад.

Повседневность и сервисная деятельность

Сервисная деятельность глубоко вошла в жизнь повседневного человека, укоренилась в ней. Каждый день и неоднократно мы контактируем со сферой услуг – когда покупаем продукты, едем в транспорте, развлекаемся. Наше общение с представителями сферы сервиса сопровождается уколами «удовольствия-неудовольствия». Постепенно для повседневного человека складывается своеобразная «система координат» – предпочтений, которые он отдает тем или иным услугам. Повседневный человек совершает свои поступки под влиянием множества причин, факторов, и об этом должен знать профессионал в сфере сервиса.

Мы выяснили, что повседневность может навязывать человеку определенную несвободу, затягивать его в свое болото. Точно так же работники сферы услуг могут навязывать что-то клиентам. Есть люди, которым нравится навязчивый сервис. Но есть и люди другого типа, которых навязчивость может раздражать или отпугивать. Важно донести до сознания такого человека, что через предпочтение определенной услуги он осуществляет свой выбор, и, выбирая нечто, самореализуется, раскрывает свою индивидуальность.

Резюме

Мир повседневности – это мир, где властвует привычка, традиция, обычай. Пограничные, экстремальные ситуации, кардинально меняющие судьбу человека, редки, в то время как большая часть его времени жизни опутана устоявшимся повседневным бытом. В социальной феноменологии, науке, чьим основным предметом исследования выступила структура повседневного опыта человека, был сделан вывод, что отличительную черту повседневных ситуаций составляет их непроблематичность. Это означает, что если действие у человека перестает вызывать затруднения, и он начинает его выполнять автоматически, то оно стало элементом повседневной жизни.

Подобный автоматизм повседневного поведения во всей широте его проявлений объясняется его обусловленностью порядком социальных очевидностей, содержанием которого выступают общепринятые в культуре нормы поведения, речи, оценки.

Несмотря на то, что традиционность выступает основным параметром повседневности, следует помнить, что, предоставляя право на свободный выбор досуга, не мотивированные социальной выгодой поступки, беззаботную экспрессию индивидуальности человека, она хранит в себе потенциал свободного от социального контроля конструирования опыта.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Охарактеризуйте мир повседневности. Какими постоянными характеристиками он обладает?
2. Проанализируйте явления духовности, возможные в повседневном опыте.
3. Раскройте аспекты свободы повседневного человека.
4. В чем специфика философских подходов, акцентирующих идеологический аспект повседневности?
5. Каким образом, согласно К. Марксу, в структурах повседневности накапливаются изменения, рано или поздно приходящие к взрыву старой системы?
6. Какие три уровня бытия, согласно К. Марксу, можно выделить в структуре социального универсума?
7. Какие функции приписываются повседневности марксистским подходом?
8. Раскройте, в чем заключается философский подход феноменологов и этнометодологов к проблеме повседневности.
9. Какие методы применял Г. Гарфинкель при исследовании повседневности?
10. Дает ли сервис возможность для демонстрации свободы, или наоборот, оказывает сковывающее, консервативное воздействие на повседневного человека?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОСНОВНАЯ:

1. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб. [и др.]: Питер, 2007.
2. Марков Б. В. Культура повседневности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031401.65 «Культурология». – СПб. [и др.]: Питер, 2008.
3. Экономическая повседневность в жизни россиян (1917-2007 гг.) : учебное пособие / под ред. В.В. Фортунатова. – СПб.: СПбГУПС, 2008.
4. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.

Дополнительная:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
2. Касавин, И. Т., Щавелев, С. П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2004.
3. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
4. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова [и др.]; Инс-т социологии РАН. – М.: Альфа-М, 2009.

§6.4. Преобразование потребностей в пределах общества потребления

Социальные основания жизненных стилей

Общество и отдельный человек, «индивидуум» взаимосвязаны, влияют друг на друга. Уже английский философ XVII века Т. Гоббс отмечал, что человек благодаря естественности своего тела принадлежит природе, но его человечность, сводимая Гоббсом к прекращению естественной «войны всех против всех», рождается только там, где устанавливаются социальные ограничения его животной агрессивности. Иными словами, наша человечность формируется социумом. Можно сказать, что общественная связь устанавливается совокупностью людей, но впоследствии она сама формирует образы человеческой жизни.

Каждое общество создает человека определенного типа и таким образом предопределяет, какими будут его потребности, влияет на механизм формирования потребностей в целом. Общество также устанавливает, какие способы их удовлетворения более приемлемы, а какие вовсе недопустимы. Поэтому благодаря определению особенностей общества массового потребления, можно реконструировать характер потребностей проживающего в нем человека.

Исторические формы социальности

Согласно теории постиндустриального общества, которую развивали американский социолог и публицист Дэниел Белл (р. 1919), американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер (р. 1928), индийский философ Ананда Кумарасвами (1877–1947), и др., историю можно разделить на три этапа, каждый из которых представлен установлением и развитием следующих форм социальности: 1) традиционное (аграрное, доиндустриальное) общество; 2) индустриальное общество (общество массового потребления является высшей стадией развития индустриального общества); 3) постиндустриальное общество.

Каждая из вышеперечисленных исторических форм социальности характеризуется оригинальностью хозяйственного уклада, опыта сакрального, идеологии, политического устройства.

Традиционное общество возникает до цивилизации. Присущая ему система табу (запретов), относящихся как к сфере отношений между людьми, так и к коммуникации человека с сакральными силами, отличающая его от первобытного стада, позволяет назвать установленный здесь социальный порядок действительно обществом. Древние цивилизации также были созданы традиционными обществами. Традиционным являлось и общество западноевропейского средневековья.

Обычай, религия, мифология регламентировали жизнь традиционного общества. Основой его хозяйственного уклада являлись сельское хозяйство, торговля, ремесло. Данное общество консервативно, культурные изменения происходят медленно, для него характерна фиксированная социальная иерархия. Крупный немецкий социолог XX века Макс Вебер в работе «Хозяйственная этика мировых религий» отмечал, что в традиционном обществе социальную структуру поддерживает религия: так именно конфуцианство помогло жителям империи Цинь сплотиться под властью императора, воспринимавшегося как «отец» огромной семьи – подданных империи; брахманизм был основанием кастовой системы в Индии; христианство было интернациональным социальным институтом, сплачивающим раздробленные государства средневековой Европы.

В *индустриальном* обществе религия утрачивает мировоззренческое значение, то есть перестает быть основным ориентиром в жизни человека – на ее место заступает наука. Знание природных свойств и законов становится социально значимо. Естествознание теснит христианские догмы. В результате урбанизации наиболее работоспособное и энергичное население скапливается в городах. Образуются новые социальные группы – буржуазия, стремящаяся к политической власти, и рабочие, трудящиеся на предприятиях; между этими двумя группами возникают и обостряются конфликты. Макс Вебер пишет, что именно в этот период возникает бюргерский социальный слой, ориентированный на эксплуатацию людей и природы: «Общей для бюргерского слоя была тенденция в сторону практической рационализации жизненного поведения, что вытекало из типа жизнедеятельности, относительно далекой от воздействия сил природы. В основе всего их существования лежал расчет и стремление господствовать над природой и людьми, пусть даже с помощью самых примитивных средств»[154]. Именно здесь зарождается «дух капитализма», обращающий человека к прибыли как к абсолютной ценности.

Фундаментальное значение приобретают машинная техника. Для буржуазии именно новейшие технические приспособления создали необходимые условия для постоянного прироста прибыли, в результате чего

[154] Вебер М. Образ общества // Вебер М. Избранное. – М., 1994. – С. 58.

дорогостоящие механизмы расценивались выше, чем человеческая жизнь. Центром и смыслом индустриальной культуры становится машина.

Общество *массового потребления* – высшая стадия развития индустриального общества, в условиях которого жизненным приоритетом и в некоторой степени смыслом жизни становятся комфорт и материальные блага. Потребление превращается в синоним человеческого счастья.

Общество массового потребления сформировалось в Западной Европе и Северной Америке в середине XX века; в России же устанавливается в 90-е годы XX столетия и существует по сей день. В условиях данной формы социальности темп внедрения новой продукции, новых технических изобретений увеличивается. Убыстряется темп жизни. Сокращение времени человеческого досуга происходит на фоне появления большого числа времясберегающих технологий. Свое свободное время человек общества массового потребления, как правило, бессмысленно растрачивает в развлечениях. Появляется массовая культура, которая создается талантливыми творцами в расчете на широкую аудиторию, обладающую довольно низким уровнем образования и культуры. Творцы массовой культуры не поднимают аудиторию до своего уровня, а стремятся потворствовать ее невзыскательным вкусам.

Постиндустриальное (информационное) общество возникло в 70-е годы XX века в Японии, развитых странах Западной Европы, Северной Америке. Достигнутый этими странами высокий уровень развития экономики обусловил внедрение в промышленную сферу информационных технологий, сменивших механическую технику. Если ранее физический тяжелый труд человека заменили машины, то распространяющаяся в этот период компьютерная техника взяла на себя выполнение части интеллектуальных операций.

Характерно, что довольно большая часть населения постиндустриального общества занята интеллектуальным трудом. Поэтому высокий уровень образования становится условием, необходимым для социальной реализации. Высокое положение в таком обществе занимают технократы, или сциентисты – люди с большим интеллектуальным потенциалом, которые обладают большим количеством информации, а информация в постиндустриальном обществе представляет главную ценность. Средства массовой информации, обеспечивающие бесперебойный информационный поток, становятся здесь «четвертой властью».

Экономику постиндустриального общества называют *сервисной экономикой*, поскольку значительная часть населения постиндустриальных стран занята в сфере обслуживания. Интенсивно развивающаяся здесь сфера сервиса сориентирована не на *уровень жизни* – меру, степень удовлетворения потребностей в количественном измерении, а на *качество жизни* – всю совокупность условий, форм, способов удовлетворения потребностей. Люди стремятся получать новые знания, яркие впечатления, расширять свои жизненные горизонты, ищут и формируют индивидуаль-

ный жизненный смысл, соответственно разрабатываются оптимальные способы удовлетворения этих потребностей, что обуславливает постоянный рост количества и качества предоставляемых услуг.

Для постиндустриального общества характерен и новый подход к экологическим проблемам: большие средства тратятся на создание безотходных производств и изыскание способов избежать экологического кризиса.

Механизмы формирования потребностей в обществе потребления

Говоря о механизмах формирования потребностей, распространяющихся в обществе массового потребления, следует, прежде всего, отметить моду. Существует несколько взглядов на движущие силы моды. Согласно *автократическим* теориям моды, определенные личности играют первоочередную роль в преобразовании и распространении моды. Действительно, некоторые обладатели тонкого незаурядного вкуса влияли на модные тенденции, например, ярко и необычно одевавшийся английский поэт-романтик лорд Байрон, которому сперва начали подражать сначала английские аристократы, а затем и вся Европа – его манера одеваться стала интернациональной. *Мотивационные* теории моды объясняют смену различных модных тенденций влиянием разнообразных личностных мотиваций, например, скуки или усталости от актуальной моды, любознательности, желания быть отличным от других или вовсе неподражаемым, протест против обычаев, зависимости и подражательства. *Событийные* теории моды видят причины изменений моды в изменениях климата, войнах и революциях, развитии коммерции и международной торговли, появлении новых идеологических течений и различного рода случайностях. «Дух времени управляет модой»: так звучит главный тезис теорий *идеологической причинности* моды. Сторонники э*волюционной* теории рискнули объяснить появление новых модных тенденций как продукт Жизненной Силы или так называемого Эволюционного аппетита, как результат деятельности не человека, а Бога. Тем не менее, ни одна из этих теорий не лишена недостатков и не может объяснить всецело, что именно заставляет людей следовать моде.

В традиционном аграрном обществе понятия моды не существовало. У каждого народа была общепринятая манера одеваться – национальный костюм, который почти не изменялся, или изменялся, но очень медленно. Жесткая для этого типа социальности общественная иерархия проявлялась и в одежде: существовали разновидности национального костюма, характерные для разных страт общества.

Явление, обозначенное понятием «мода» (от лат. modus – мера, образ, способ, правило, норма), появилось в Западной Европе в середине XIV века как следование определенным правилам одевания, конкретным поведенческим навыкам обращения с различными видами одежды, напри-

мер, с жакетом (ношение жакета на голом теле, жакет поверх другого жакета и т.д.). Развитие моды стало убыстряться век от века: если на протяжении XVII века костюм знати изменялся шесть раз, то в XX веке можно насчитать несколько десятков таких изменений. Убыстрение развития моды связано с убыстрением развития техники и времени проживания.

Можно не просто указать на зависимость моды от различных социальных потрясений, а отмечать прямую связь между характером изменений моды и динамичностью общественной и экономической жизни страны. Темп изменений моды существенно ускоряется с улучшением средств сообщения, возрастания конкурентной борьбы, появлением новых и недорогих способов производства качественных вещей.

Быструю смену моды можно объяснять стремлением дельцов индустрии моды к наживе, однако это не совсем так: последние скорее улавливают модные тенденции, носящиеся в воздухе, но не могут сами эти тенденции создавать. Поль Пуаре (1879–1944), стоявший у истоков индустрии моды, рассказал следующий анекдотический случай: «Существуют знаки, позволяющие объявить конец моды. Очень немногие люди могут распознать их. Так, когда-то я объявил, что шляпы с этих пор могут быть простыми, а произошло это потому, что я видел их заваленными листвой, фруктами, перьями, цветами и лентами. Конец любой моды в излишестве. Тем не менее, на следующий день после этого заявления я принял делегацию фабрикантов, изготавливающих цветы, фрукты, ленты и листья, которые пришли упрашивать меня вернуть отделку. Но что может сделать один против желаний и требований женщин? Шляпы продолжали упрощаться, и упрощение продолжается, я искренне извиняюсь за это»[155].

Постепенно феномен моды стал охватывать не только одежду, но и другие товары. Возникло ряд фундаментальных проблем, порождаемых именно контекстом моды, прежде всего, проблема роста экономических затрат как производителей, так и потребителей.

Дельцы мира моды пользуются богатым арсеналом технических приемов, способных повлиять на развитие моды. Например, в сознание людей внедряется мысль о том, что мода является средством формирования аттракции (от фр. attraction – притяжение, привлечение, тяготение), то есть делает человека сексуально выразительным и более привлекательным для общения; или мысль о том, что модная одежда – признак высокого социального статуса. Мода как механизм по производству статусов действует за счет способности создания иллюзий – размера, веса, успеха, возраста, авторитетности.

В постиндустриальном обществе мода предоставляет условия формирования личностных индивидуальных стилей. На данном этапе развития общества отношение человека к моде противоречиво: человек точно следует ей, чтобы не быть оторванным от своей культурной и социальной среды, но, следуя канонам ее актуальных тенденций, он, дабы не утратить

[155] Цит. по: Килошенко М. И. Психология моды. – СПб.: Изд-во СПГУТД, 2000. – С. 15.

собственную индивидуальность, творчески развивает их. С точки зрения психологии, в моде третьего тысячелетия все более актуализируется потребность модной аудитории в «постоянной экспериментальной проверке границ дозволенного»[156].

Другим механизмом формирования потребностей, действующим в обществе массового потребления, является реклама. Реклама, как и мода, создает иллюзии. Реклама обещает удовлетворить интеллектуальные и эмоциональные потребности человека. Хорошим примером этому является реклама автомобилей. Газетная и журнальная реклама, как правило, изобилует точными характеристиками машины, которые покупатель может обдумывать на досуге. Телевизионные же объявления, в отличие от печатных, делают акцент на удовольствии, которое, сев за руль, может испытать обладатель машины.

В обществе массового потребления растет подозрение и недоверие потребителей в отношении рекламы. Прежде всего, это вызвано тем, что реклама пытается влиять на подсознание человека, не задействуя его сознание.

Рекламу можно разделить на два вида: 1) реклама, побуждающая к когнитивным реакциям (мыслям) и 2) эмоционально ориентированная реклама. Реклама не предоставляет полной информации о товаре, рекламисты используют *прием переноса смысла*, когда нечто, выражаемое одним объектом, автоматически переносится на другой. Так, потребителю тот или иной продукт может показаться более элегантным, если он ассоциируется в его сознании с человеком, обладающим именно этим качеством. Кроме того, лица, рекламирующие товар, могут стать источниками *косвенных намеков*: они сами выступают косвенным аргументом за приобретение данного товара. Эмоционально ориентированная реклама действует примитивно, но эффективно. Ее воздействие может почувствовать даже интеллектуал. Под ее влиянием возникает физиологическое возбуждение, или же наоборот, она успокаивает, расслабляет. Реклама является источником соблазна, поскольку именно она рассказывает о товарах, о существовании которых мы даже не подозревали, и, таким образом, формирует новые потребности.

На формирование потребностей человека в обществе массового потребления влияют также времясберегающие технологии. За последние двадцать лет появилось много времясберегающих технологий: от органайзеров до электронной и голосовой почты, мобильных телефонов и программ обработки текста, но вряд ли у человека, успевшего пожить и в иной форме социальной организации, было когда-либо менее свободного времени, чем сейчас. Похоже, что мы скоро станем рабами технологий, которые должны были сделать нас свободнее. Кроме того, увеличение информационного потока никоим образом не решает проблему низкого интеллектуального уровня большей части населения. Информационная революция

[156] Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, Изд. группа Прогресс, 1992. – С. 128.

привела к тому, что очень многие получили доступ к информации в таком объеме, что им позавидовали бы страждущие знаний прошлые поколения. Вместе с тем постоянная информированность не является основанием для развития интеллектуальных способностей человека. Напротив, налицо все признаки того, что в эпоху информации практически невозможно додумать до конца ни одной мысли. Глубокие размышления постоянно прерываются потоком новых фрагментарных сведений, в результате мысль дробится, прерывается, и вытесняется все, что может показаться слишком объемным и тяжеловесным.

Кажется, что экономический рост и времясберегающие технологии, делающие работу более эффективной, должны были повысить наше благосостояние и дать нам больше свободного времени. Однако появление этих технологий привело к прямо противоположному результату. Почему же вопреки всем ожиданиям у нас стало всегда не хватать времени? Почему при растущем объеме информации уменьшается возможность ее осмысления? Почему в обществе, столь пекущемся о текущем моменте и ближайшем будущем, представления об отдаленных перспективах столь мрачны и безрадостны? Дело в излишней, никому не нужной усложненности и во все ускоряющемся процессе культурных изменений.

Ускорившийся темп социального времени влияет, прежде всего, на повседневную жизнь: под его воздействием каждый испытывает на себе «тиранию момента», обуславливающей культ молодости, потребительские привычки современного человека.

Исследуя феномен обратной зависимости роста времясберегающих технологий и уменьшения свободы распоряжения собственным временем человека, норвежский социолог Томас Хюлланд Эриксен обращает внимание на уплотнение времени, практически повсеместную заполненность в нем пауз и, как следствие, борьбу за свободные секунды современного человека. Современный человек, постоянно экономящий собственное время, конечно, может узнать себя в маниакально продуктивном философе и писателе Ж.-П. Сартре, который, как говорят, ходил в мокасинах, чтобы экономить время на завязывании шнурков. Но в отличие от Сартра, высвобождающего столь курьезным образом время для письма, современный человек застает себя в ситуации предназначенности для каких-либо не всегда желаемых действий и высвобожденного времени. Все дело в том, что времясберегающие технологии крадут наше время на собственное обслуживание.

Кроме того, технологии, помогающие сэкономить время, влияют на процессы и способы мышления. Например, такой технологией была пишущая машинка. Использование пишущей машинки, изначально созданной для людей с плохим зрением, повлекло за собой целый ряд изменений: ее появление привело к новому разделению труда, большой точности и скорости выполнения письменной работы. Вызываемое ей дистанцирование автора от текста обуславливает и изменение авторского образа мыслей.

Одним из первых, кто купил пишущую машинку, был крайне близорукий Фридрих Ницше. Т.Х. Эриксен упоминает, что использование машинного письма повлияло на четкий афористичный стиль позднего Ницше. На сегодняшний день благодаря исследованиям М. Маклюэна, Н. Лумана и П. Вирильо влияние технической стороны средств коммуникации на характер ментальности теперь несомненно. Например, сам П. Вирильо, подробно описавший всю совокупность воздействий техногенно вызванного увеличения скорости проживания, выступил защитником писания от руки. Именно так написаны все его книги. Подобный выбор исследователь мотивировал тем, что именно рукописное письмо соответствует ритму мышления, чего всецело лишен машинный способ создания текста.

Влияние урбанизма на структуру потребностей

Культура общества массового потребления городская по преимуществу. Поэтому формирование потребностей и их удовлетворение у членов общества потребления находится в зависимости и от городской инфраструктуры.

Раскроем основные факторы, предопределившие появление типичной организации городского пространства. Развитие машинного способа производства радикально изменяет и повседневный жизненный уклад: средневековый сельский мир постепенно разрушается, и его место занимает индустриальный город. Индустриальный способ производства взрывает старую повседневность и конституирует совершенно новый тип общественного бытия. Развитие машинной индустрии и конкурентной торговли приводит к изменению всей городской инфраструктуры. Исчезают хижины и лачуги, на месте которых вырастают сначала кирпичные, а затем железобетонные многоэтажные здания. Небольшие лавочки замещаются современными магазинами и супермаркетами. Необходимость своевременного перемещения сырья и товаров, столь существенная для капиталистического хозяйства, поскольку каждая секунда и свобода передвижения здесь наделены экономической значимостью, привела к радикальному преобразованию городского пространства. Так, постепенно глинобитные дороги были вымощены камнем, а затем – асфальтом; для устранения помоев и нечистот, затрудняющих передвижение, были созданы водостоки, коммунальные службы, появились дворники, ассенизаторы и общественные туалеты; свалки мусора, ранее хаотично располагающиеся в самом городе, постепенно были вынесены за его пределы и объединены в единую городскую свалку, что дало толчок к созданию системы утилизации отходов; если в XIX – начале XX вв. в городах, как и прежде, используют гужевой транспорт, неизбежно связанный с испражнениями животных на дорогах, то, начиная с массового производства автомобилей «живой» транспорт постепенно отмирает. Использование машин в свою очередь приводит к повсеместному распространению прямых дорог.

Рассмотрим инфраструктуру современного города, в которую необ-

ходимо входят следующие компоненты:

1. транспорт, который не только доставляет нас из одной точки города в другую, но и ускоряет процесс общения: чтобы нанести визит, горожанину XIX века требовалось полдня; сейчас же мы планируем несколько деловых встреч на день. Таким образом, транспорт повышает степень нашей социальной активности: мы становимся все более вовлеченными в общение с другими людьми. Но увеличение степени коммуникации вызывает и противоположный эффект: общения становится так много, что мы пытаемся от него ускользнуть. Находясь в местах социального скопления, мы, как правило, не стремимся общаться с незнакомыми нам людьми, а, напротив, погружаясь в себя, обрываем возможность всякой коммуникации.

2. Система детских садов и образовательных учреждений, удовлетворяющая потребность в воспитании детей и привитии им профессиональной идентичности. Именно эти институции осуществляют одну из первых стадий формирования социальных потребностей ребенка. Кроме того, в воспитательных и образовательных учреждениях удовлетворяются и потребности самого ребенка – в познании, коммуникации, расширении опыта и т.д.

3. Медицинские учреждения, удовлетворяющие потребность в сохранении здоровья, красоты и молодости. Характерный для современного общества культ молодости приводит к искусственному расширению времени молодости: за счет биотехнологий производится ее иллюзия на уровне тела, а мода на молодежный стиль жизни, доминирующий в поведенческих стереотипах, эстетике внешнего вида и т.д., поддерживает ее на уровне души.

4. Производственная сфера, предоставляющая средства для удовлетворения разнообразных потребностей: от базовых биологических (в пище, в поддержании определенного температурного режима тела) до усложненных индивидуальных (в уважении, в трансляции социального опыта) и общественных (в социальной регламентации, в общественной безопасности).

5. Торговые структуры: рынки, лавки, магазины, бутики и др., которые, как правило, располагаются в центре города. Одно из объяснений данного феномена дал литературовед и философ культуры Р.Барт: «… сообразно с движением самой западной метафизики, для которой всякий центр является местом истины, центр наших городов всегда заполнен: это знаковое место, где собраны воедино все завоевания цивилизации: духовность (с ее храмами), власть (с ее кабинетами), деньги (с их банками), торговля, с ее магазинами, речь (с ее площадями, кафе и прогулками): отправиться в центр – значит пойти навстречу общественной «истине», причаститься высшей полноте реальности»[157]. Поскольку в условиях общества массового потребления именно потребление в большой мере определяет

[157] Барт Р. Империя знаков. – М., 2004. – С. 44.

социальную идентичность человека, места торговли концентрируются в центрах городов.

Потребление как механизм социальной идентификации

В связи с тем, что большое количество трудной, непосильной работы выполняют теперь машины, у людей в обществе массового потребления появляется больше свободного времени, которое, к сожалению, как правило, «убивается», ни в коей мере не используясь ради совершенствования человека. Путь к подлинному развитию человека преграждает массовая культура, выставляющая развлечение жизненной нормой, а интеллектуальное и волевое усилие – патологией. Продукция массовой культуры легкодоступна, легко усваиваема, избыточна и навязчива: посредством оккупации сознания ее не отягощенными смыслами трактовками и объяснениями, человек перестает продумывать происходящее самостоятельно. Таким образом, увеличение свободного времени, якобы имеющего место в обществе массового потребления, – фиктивно: потребление как механизм социальной идентификации всецело предопределяет его характер, заставляя нас проводить собственные выходные в торговых центрах, перед телевизорами, и тем самым подчиняет наш досуг всепроникающему социальному контролю. Кроме того, современный характер потребления, создающего иллюзию счастья, стал причиной появления новых неврозов и психопатологий, например, ониомании – навязчивого стремления делать покупки, или шоп-лифтинга – воровства, распространенного по преимуществу в магазинах самообслуживания.

Потребление из полезной необходимости давно превратилось в принуждение: видимость успешного образа жизни человек вынужден поддерживать за счет потребления различных модных вещей и технологических усовершенствований. Покупая товары, мы, прежде всего, покупаем желаемый образ жизни: за баночкой французского крема мерещится обладание утонченной сексуальной привлекательностью, элегантностью, а, следовательно, и возможность непредвиденного поворота устоявшегося образа жизни, за холодильником немецкой продвинутой марки – добротный, гарантирующий обеспеченное будущее образ жизни. Маркетологи и рекламисты отлично понимают психологию шопоголика и играют на его слабостях, используя, например, столь часто переживаемый современным человеком стресс, при создании слоганов: «Снимите стресс в наших примерочных», «Потратьте стресс у нас». Иначе говоря, постоянная покупательная способность – одна из важнейших характеристик современного человека, одно из условий приемлемости этого человека для общества. При этом функции продавца и покупателя часто смешиваются. В разных жизненных ситуациях человек примеряет на себя и ту, и другую роль.

Итак, шопинг становится неотъемлемой характеристикой жизни человека общества массового потребления. Потребление как механизм социальной идентификации поддерживается за счет специфики распространяе-

мых здесь товаров. Специфичная для современных вещей зависимость от моды предопределяет быстрое прихождение товаров в негодность, а преждевременная смерть вещей стимулирует потребление. Одной из основных функций моды выступает увеличение ритма покупок, постольку износоустойчивость не принадлежит к числу модных ценностей. Исключением выступают те редкие случаи, где модными становятся знаки «шикарной» поношенности, присущие, например, пиджаку из потертой кожи. В современном мире высокая цена вещи свидетельствует не об ее реальных качествах, а о высоком уровне ее социального престижа. Например, сделанный женщиной выбор дорогостоящего платья мотивирован стремлением в самый комфортный из лучших социальных миров.

Кроме того, превращение потребления в дело жизни современного человека мотивировано и создаваемой им иллюзией возможности свободного выбора. Согласно Ж. Бодрийяру, «ни одна вещь не предлагается потребителю в виде одного-единственного типа. Вам может быть отказано в материальной возможности ее купить, но в нашем индустриальном обществе вам «априори» дается право выбора как некая коллективная благодать и как знак вашей формальной свободы»[158]. Но на сегодняшний день данная свобода иллюзорна, поскольку измерение выбора потребляемых вещей на основании их реальных качеств отсутствует. Потребительские предпочтения современного человека задаются социальным контекстом товаров – отсылкой последних к тому или иному социальному положению потребителя: формирование товарного выбора крайне зависит от представления о социальном статусе, который жаждет поддерживать или получить потребитель. Иными словами, содержательная направленность потребления на сегодняшний момент управляется общественной установкой на фантазийное, в большинстве случаев, занятие определенного места в социуме.

Резюме

Общество массового потребления – доминирующий на сегодня повсеместно во всем мире исторический тип социальной организации, сформировавшийся в середине XX века в Западной Европе и Северной Америке и представляющий собой высшую стадию развития индустриального общества.

В условиях данной социальной организации жизненным приоритетом становятся оптимизация комфорта и потребление материальных благ. Потребление здесь превращается в неотъемлемую характеристику человеческой жизни. Подобное положение дел мотивировано, прежде всего, тем, что социальная идентичность человека ставится в жесткую зависимость от структуры его потребления. Видимость успешного образа жизни и высокого социального статуса человек поддерживает за счет потребления различ-

[158] Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1999. – С. 152.

ных модных вещей и технологических усовершенствований, что всецело отрывает социальную идентичность от традиционных механизмов ее производства – поддержания традиций семьи, сословного воспитания, профессионального совершенствования. Именно поэтому данная форма потребления, действующая в обход реальных качеств вещей и услуг, превращается из механизма удовлетворения необходимых нужд в механизм принуждения к социальной определенности.

Помимо социализующего механизма потребления на характер потребностей человека общества массового потребления влияют интенсивно распространяющиеся времясберегающие технологии и урбанизм. По принципу обратной зависимости времясберегающие технологии не высвобождают свободное время, а уменьшают его – в общесоциальном масштабе времени досуга становится меньше, поскольку человек тратит огромное количество времени на их разработку, эксплуатацию и инновации. Бесконечно ускоряющейся темп урбанизации приводит к возникновению всецело искусственных потребностей, таких как потребность в ускорении передвижения и в постоянном росте уровня осведомленности.

Вопросы для закрепления и обсуждения материала

1. Охарактеризуйте системы ценностей и потребностей, сложившиеся в традиционном обществе, индустриальном обществе, обществе массового потребления, постиндустриальном обществе.
2. Раскройте различие понятий «уровень жизни» и «качество жизни».
3. Какие механизмы определяют формирование, влияют на динамику и способы удовлетворения потребностей в обществе массового потребления?
4. Изложите известные вам теории моды.
5. Какие приемы использует реклама, создавая у человека новые потребности?
6. Раскройте особенности восприятия времени современным обществом.
7. Опишите элементы инфраструктуры современного города. Раскройте связь между городской инфраструктурой и средствами удовлетворения потребностей.
8. Что такое массовая культура? Как она влияет на образ жизни человека? Какие потребности доминируют у представителей массовой культуры?
9. Опишите влияние феномена массовых потребностей на психику, самосознание и мироотношение человека. Какие психологические проблемы обусловило массовое потребление? Каким образом массовое потребление связано с современным экологическим кризисом?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Барт Р. Мифологии. – М.: Академический Проект, 2008.
2. Бодрийяр Ж.. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: «Республика», «Культурная революция», 2006.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Килошенко М. И. Психология моды: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Оникс, 2006.
2. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства; Бесхребетная Испания. – М.: АСТ, 2008.
4. Секацкий А. Дезертиры с острова сокровищ. – СПб.: Амфора, 2006.

§6.5. ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Технологии потребностей: содержательный и функциональный аспект

При рассмотрении различных аспектов проблемы потребностей и их роли в становлении отдельного человека и человечества в целом мы убедились в том, что именно потребности, понятые как определенные отношения с миром, и специфика их реализации оказываются своего рода маркерами для обозначения качественного состояния общества и уровня развития отдельного человека, для которых они характеры.

При этом очевидно, что изолированные анализы природы потребностей, проводимые отдельными науками, не дают возможности выделить принципиальные различия между структурами и техниками потребностей, реализующимися на том или ином этапе человеческой истории. Наиболее целостный взгляд на природу потребностей может обеспечить только философско-антропологический подход.

Философия, изначально создавая ориентиры для заботы человека о самом себе, о своем культурном развитии, уже на ранней ступени собственного развития имела антропологическое значение. Родоначальниками такого подхода были греки классического и эллинистического периода, которые понимали философию как «органон» человеческой жизни – метод и путь заботы о себе. М. Фуко показал, что средства и практики для обретения истины себя, называемые им «техниками себя», выступали необходимой задачей античных философов данных эпох. Он выделял три базовые практики такой заботы – «диететика» (забота о правильном питании, обеспечивающем здоровье), «экономика» (забота о материальной жизни и ма-

териальном окружении), «эротика» (забота о другом человеке, любовь к другому). В этом смысле необходимо говорить о восстановлении задач «первой философии», утраченных после Аристотеля, про которые философия периодически вспоминает в эпохи кризисов.

Понятием *технология* принято обозначать совокупность методов и процессов, применяемых в каком-либо деле, а также научное описание таких методов. На основании рассмотрения природы потребностей, проведенного различными научными дисциплинами, мы пришли к общему выводу о том, что потребность, прежде всего, выступает как определенное отношение к чему-либо, какому-либо предмету. Учитывая это обстоятельство, *технологию потребностей* следует определять как способ производства и описания методов производства определенных отношений человека с миром, проявленных или способных проявиться в форме потребностей.

Сфера потребностей, рассматриваемых как отношения между состоянием обладающего ими субъекта и состоянием среды их реализации, является частью существующих в человеческом обществе властных и экономических отношений и, следовательно, включена в общую сумму технологий, используемых в данном обществе на данном этапе исторического развития.

Космическая антропоэкология

Необходимо учитывать то, что технология – это не только машины и инструменты, но, прежде всего, определенное стратегическое представление о мире, которое руководит нашим восприятием и пониманием всего существующего. Тем не менее, согласно техницисткому подходу, в сложной структуре общества решающая роль принадлежит техносфере – области производства и распределения благ. В зависимости от ее изменений происходят изменения социального и информационного поля, которые, в свою очередь, вызывают изменения в сфере распределения и организации власти, что обуславливает характер психологического настроя общества и индивидов. Ярким представителем данного подхода выступил американский социолог и футуролог Э. Тоффлер, предложивший выделение доиндустриального, индустриального и постиндустриального этапов развития общества. Переход от этапа к этапу Тоффлер объяснял сменой технологической парадигмы, которая затрагивает изменение не только технологий производства, распределения, но и технологий мышления, мироотношения, мироощущения. Каждому из этапов развития соответствует та или иная технология потребностей, охватывающая как аспект их удовлетворения, так и их производство и управления.

Маркс когда-то высказал исключительно глубокую мысль о том, что человек есть совокупность общественных отношений. Из этого следует, что если последовательно «разбирать», «деконструировать» те отношения, в которых он оказывается, то в пределе мы получим ничто, пустое место. Человек немыслим вне всех тех связей и отношений, в которые он включен

и как биологическое, и как социально-индивидное, и как личностно-персонифицированное, и как духовное существо. Рассматривая человека и его потребности как определенным образом организованные системы отношений, мы убедились, что при изменении любого элемента системы происходит изменение всей системы в целом, при изменении человека как целого, происходит изменение всей универсальной системы отношений, в которую он включен – Универсума или Мира. Следовательно, рассматривать технологии потребностей в настоящее время возможно только на фоне мира как целого, в единстве всех аспектов существования планеты Земля и человека на ней. Из этого следует, в свою очередь, то, что каждая цивилизация, локальная культура, системно организованная общность людей будет обладать своим уникальным набором потребностей и их технологий, изменяющихся вместе с изменениями этой общности.

Уровень и особенности сформировавшегося в данной культуре или обществе материального производства формирует предметные возможности удовлетворения потребностей, а присущая данному обществу идеология задает их характер. В конечном счете, идеология как одна из технологий потребностей призвана гармонизировать потребности и возможности экономики. Например, в традиционном обществе одна из важнейших функций традиции как формы идеологии заключается в удержании постоянного баланса между производством и потреблением, который защищает целостную био-эко-социосферу. В либеральном обществе неизбежно возникает дисбаланс между ростом потребностей и потребления и возможностями экосистем.

Специфика современных технологий потребностей

Последовательность исторических трансформаций технологий производства и потребления и связанных с этим изменений сферы потребностей был рассмотрен выше. Теперь обратимся к тому, что происходит в сфере технологий в современной ситуации. Кратко напомним:

Доиндустриальный этап или *этап натурального хозяйства*. Ему соответствуют простейшие коммуникационные техники – из уст в уста: смыслы циркулируют в узком кругу. Технологии производства, то есть различные производственные навыки и уменья передаются «из рук в руки». Технологии потребления и потребностей жестко определяются локальными культурными традициями.

Далее идет *этап торгово-экономического освоения территорий*. Ему присущи техники письменной культуры как формы безличной, не требующей непосредственного контакта передачи информации как внутри одного поколения, так и от поколения к поколению. Кроме того, письменная фиксация коллективного опыта делает доступным его распространение в неограниченном территориальном масштабе. Производственные технологии наследуются, как правило, по семейному принципу, передаваясь

в цеховых и иных профессиональных кругах из рук в руки. Технологии потребностей генерируются непосредственно социальной средой.

Этап производственно-технической экспансии или собственно *современной индустриальной цивилизации,* приходящийся на конец XIX – начало XX века. Главной фигурой этого этапа является *технолог-инженер*, специалист по развитию и совершенствованию производства. Коммуникация начинает носить всеобщий характер – возникают СМИ, производство и его технологии всецело обезличиваются и приобретают бесчеловечный характер. Человек превращается в производственную функцию, представляя собой всего лишь род сырья – один из трудовых ресурсов. Потребление и потребности полностью отделяются и от среды обитания, технологии потребностей и потребления оказывается вне традиционных механизмов регуляции. На данном этапе они становятся заложниками экономической и техногенной среды, то есть всецело зависят от нерационализируемого расширения капитала и высокоспециализированной техники.

Примерно с середины 20-30-х годов XX века человечество начало переходить в стадию интенсивного развития. Именно эта стадия называется постиндустриальной. Главной фигурой *на первом этапе постиндустриального развития* становится *предприниматель*, потеснивший ранее доминирующего в социоэкономических отношениях инженера-технолога. *Предприниматель* – это тот, кто превращает саму индустриальную производственно-техническую среду в предмет своей деятельности. Ведущей идеологией для этого начального этапа развития является *либерализм*. Подобная идеологический выбор связан с тем, что именно либерализм допускает такую специфическую черту деятельности предпринимателя как разрушение старых и конструирование новых комбинаций производственных объектов и цепочек сбыта. Но это предполагает, в свою очередь, превращение всей материальной части человечества, в том числе и его материальных потребностей, в предмет деятельности предпринимателя.

Именно с этим обстоятельством связан *второй этап постиндустриального развития*, на котором место предпринимателя как «инженера-конструктора», создателя производственных технологий занимает *управленец*, выступающий уже конструктором самой среды производства. Создание и контроль производственной среды – это уже задача не для индивидуального предпринимателя, но только для корпорации. Здесь речь идет не только о транснациональных корпорациях, но и о государствах-корпорациях и корпорациях государств. Соответственно, ведущим типом идеологии для этого этапа является *корпоративизм*. Центральным пунктом этой идеологии является идея управления целостной экономикой, человеческими массами, геополитикой. Анализируя данный этап, Э. Тоффлер в своей книге «Смена власти» указывает на то, что отдельный предприниматель оказывается не способен обеспечить продажу своего товара, если у него нет контроля над СМИ. Именно поэтому он перестает быть субъектом экономики – ведущей силой становится корпорация.

Корпорации, исходя из своих интересов, через подконтрольные СМИ и властные структуры начинает диктовать системы ценностей и структуру потребностей целым социумам, формируют массовый потребительский спрос и управляют им. Предприниматель уступает свои субъективные предпочтения корпорации в обмен на возможность продавать свою продукцию, поскольку контроль за рынком сбыта в итоге осуществляет корпорация – государство или надгосударственное образование (Всемирная Торговая Организация, Международный Валютный Фонд и т.д.).

В настоящее время главной задачей, которую решают корпорации с помощью рыночных механизмов, выступает, прежде всего, задача обеспечения прибыли для контролирующих корпорации лиц, что делает необходимым обеспечение постоянства массовых продаж. Соответственно, через организацию политического поведения, индивидуального выбора, структуры образования корпорации начинают управлять поведением масс таким образом, чтобы обеспечить выполнение данной задачи. Это, в свою очередь, предполагает выдвижение на первое место механизмов политического контроля над системами ценностей и основывающимися на них структурами потребностей масс и индивидов.

Современная ситуация нового передела мира транснациональными корпорациями специфична именно сосредоточенностью на сфере потребностей. Теперь битва идет уже не только за ресурсы, но, прежде всего, за потребителя, за возможность массового управления структурами потребностей. На сегодня управление структурами потребностей преимущественно осуществляется через управление информационными потоками, влияющими на ценности, предпочтения и процессы принятия решения. Соответственно лидируют информационные технологии воздействия на эти процессы. Именно поэтому различные конкурирующие корпорации неизбежно развязывают информационные войны.

Технологии потребностей: экономика

Обратимся к современной российской ситуации. Настоящий период развития России можно характеризовать только с использованием приставки «пост - » (после). Необходимость именно такого словоупотребления связана с тем, что позитивное определение переживаемому нами сегодня этапу дать пока невозможно. Основные черты его не определены, определено только прошлое, которое уже завершилось. Период конца 80-х – 90-х годов носил название постсоветского. Разрушению подверглись все большие структуры жизнеобеспечения общества – государство, экономика, армия, идеология, образование, социальное страхование, пенсионное обеспечение, здравоохранение, традиционные ценности и культура. Это привело к стремительной депопуляции (вымиранию) народа, его деструкции, превращению его в население. Во многом процесс распада и разрушения продолжается, но тем важнее его анализировать, чтобы увидеть, как работают технологии потребностей. Сегодня мы входим уже в постбуржуазный пе-

риод, тогда как постсоветский период был периодом буржуазной реставрации, или революции. Эти две трансформации опыта современного человека необходимым образом сопровождались применением новых технологий потребностей. Рассмотрим специфику последних.

Советский период развития завершился одновременно с началом разрушительной критики системы потребностей советского человека, которого в либеральных СМИ наградили презрительной кличкой «совок». Осмеивался, прежде всего, именно невысокий (относительно развитых стран Запада) уровень индивидуального потребления. Но этот идеал невысокого и к тому же относительно уравнительного потребления диктуется особенностями геоклиматического положения России.

Потребности, по словам Маркса, производятся так же как продукты. При ослаблении традиционных социальных структур происходит ускользание органичной, учитывающей национальную, культурную специфику коллектива основы из-под производства потребностей и они начинают полностью производиться внешними экономическими и политическими силами. Начиная с середины XX века, потребности активно экспортируются Западом в незападные страны, это стало главным средством их подчинения. Потребности населения России стали производиться по образцу западного общества потребления. Это произошло одновременно с замедлением экономического роста, а значит с сокращением реального материального поля предметов потребления. Идеология стала пропагандировать рост потребностей и потребления, который мог быть удовлетворен только с допуском на внутренний рынок внешних производителей. Последние в обмен на невозобновимые ресурсы и энергоемкие продукты стали поставлять в Россию недолговечные массово тиражируемые продукты своих экономик.

Следует учитывать то, что потребности, которые удовлетворяются за счет продукции чужой экономики, обрекают собственную экономику на деградацию. Рассмотрим эту тенденцию на примере личного автомобиля.

На Западе, как теперь и у нас, автомобиль нагружен идеологическим значением: он является фетишем и знаком определенного социального статуса. Социологи неоднократно отмечали исключительную роль автомобиля в процессе индивидуализации, отделения людей друг от друга. Содержание структур, обеспечивающих функционирование индивидуального автотранспорта, крайне тяжелая нагрузка для любой экономики. Владельцев автомобилей субсидируют за счет всего общества. В США владельцы автомобилей оплачивают только 60 % реальных затрат на содержание дорог, остальные возмещаются за счет местных налогов. Даже богатейшие страны не могут содержать одновременно две транспортные системы – на базе частных автомобилей и общественного транспорта. В условиях городов рост числа частных автомобилей порождает неразрешимые проблемы, одновременно парализуя развитие эффективной системы общественного транспорта.

К этому надо добавить чудовищные по европейским меркам расстояния в России и тяжелые геоклиматические условия, обуславливающие громадные затраты на содержание автодорог и автомобилей. Искусственно навязанная, произведенная в странах-экспортерах автомобилей потребность в личном автотранспорте, привела к тому, что Россия, параллельно с развитием отверточных производств легковых автомобилей, прекращает производство автобусов, начиная закупать их за рубежом, затем практически сворачивает производство тракторов, направляя освобождающиеся инвестиционные сырьевые, энергетические и трудовые ресурсы на развитие автомобилестроения. И теперь если в Англии норма нагрузки пашни на один трактор – 13 га, в Германии 8, в Италии – 6, то в РФ – 169 га.

Технологии потребностей: социальная сфера

Бурное развитие потребностей, их количественный рост и качественная дифференциация привели также и к расслоению народа России.

Мы отличаемся от граждан США, для которых самое главное это заработок, ради чего они с легкостью могут менять место жительства. Для большинства из нас жилье представляет одну из наиболее значимых ценностей. Значительную часть дохода мы тратим на обустройство жилья. Именно это выступило одной из причин возникновения в современной России «среднего класса» – социальной группы, имеющей в частной собственности жилье, но не владеющей крупными доходными предприятиями. При этом сегодня российский средний класс поляризуется на бедных и богатых в соотношении 10 000 к 1.

Благосостояние среднего класса влияет на политическую стабильность в обществе. Именно этим обусловлено недопущение большой разницы в доходах населения страны: в США разница между минимальной и максимальной зарплатой никогда не превышала критического предела в 40 раз. В странах Евросоюза максимальная разница в доходах приближается к превышению в 20 раз, в СССР – к 10. В современной России такая разница сегодня более чем в 100 раз.

По достижении критического порога в разделении богатых и бедных, это социальное расслоение смыкается с разделением на русских и «новых» русских. Между различными слоями единого народа возникает непреодолимая пропасть. Дело в том, что единым народом ощущают себя только люди, ведущие совместный, понятный и приемлемый для всех его представителей образ жизни, разделяющие общие ценности и обладающие сходными структурами потребностей. Социальное расслоение, достигая некоторого предела, приводит к тому, что различные части социально разделенной общности, начинают вести крайне различный образ жизни, расходятся по разным путям и, таким образом, приобретают черты разных народов. Этот процесс захватывает структуры ценностей, системы потребностей и уровни потребления. Происходит этнизация социальных групп. Это фиксируется и в языке: «новые русские» (-татары, -армяне, -украинцы и т.д.) – это этническое само-

название. При этом происходит и процесс самосознания себя как этноса с формированием своего фольклора, своей литературы и форм искусства.

Современный российский культуролог С.Г. Кара-Мурза отмечает: «Внизу» социума отщепилась общность людей, живущих в крайней бедности, нищете. В городах четко фиксируется «социальное дно», образованное нищими, бездомными и беспризорными. По некоторым оценкам это почти 10% городского населения. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% – высшее. Такого «дна» не было нигде и никогда за всю историю человечества. Складывается и «придонье» – еще 5% населения, которые еще в основной массе, но социальные процессы неумолимо втягивают их на городское дно. Это новая и плохо изученная общность, отделенная от русского народа, составляет общей численностью почти 18 млн. человек – целый народ большой страны»[159].

Технологии потребностей: формирование элиты.

Поскольку сфера потребностей теснейшим образом соприкасается с ценностной сферой, необходимо рассмотреть в связи с этим и вопросы формирования элиты. Это важно, потому, что именно элиты в любом обществе формируют и сферу ценностей, и парадигмы производства и удовлетворения потребностей. Основная задача элиты – быть создателем, выразителем и проводником ценностной и технологической сферы существования общества. Это касается как материального, так и духовного производства.

Элита – это социальная группа, выделяющаяся в качестве господствующей из числа остальных по каким-либо качествам. Применительно к обществу предполагается, что это лучшие представители общества, выделенные по критериям оценки, формируемым самим этим обществом. Теория элит утверждает, что как только элита начинает формироваться по критериям, сформированным самой элитой, а не средой, по отношению к которой она выделяется, в течение максимум трех поколений она приходит к полной деградации и не может ответить ни на один из вызовов предъявляемых средой; перестает быть, таким образом, не только элитой, но и частью среды.

Надо отметить, что отношение элиты и народа в России с середины XIX века, а по некоторым оценкам и с периода реформ Петра I, носит черты затяжного этнического конфликта[160]. В России элита традиционно не включается в «народ». Особенностью России было то, что здесь изначально народом, как источником права, выступало крестьянство – «мір», община, что решительно отличало ее от европейской традиции. На Западе, начиная с античности и в последующий период усвоения Европой антич-

[159] Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия». – М.: Алгоритм, 2007. – С. 151-156

[160] Буровский А.М. Россия, которой не стало. – М.:ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 54 –105.

ных норм права и ценностей, народом было только правообладающее меньшинство собственников – демос, а позднее свободные ремесленники и дворяне, крестьяне в понятие народа не входили.

Поскольку Россия формировалась, прежде всего, как идеократическое государство, элита в России могла обеспечивать свое существование только при условии, что она являлась выразителем и проводником именно народных черт, ценностей и идеалов. Именно народные идеалы и выражали представители элиты. Как только идеал элиты и основной массы народа резко расходился, как только элита формировала структуру потребностей, принципиально отличную от народной, начинались периоды смут, крестьянских восстаний, военных переворотов, в том числе и в начале XX века (надо помнить, что армия рекрутировалась как раз из народа).

В идеократическом обществе России элита представляла собой верхние слои всех сословий. В советское время – элиту представляли лучшие представители всех профессий. В позднесоветский период и к началу перестройки элитой стали представители управленческого слоя – предприниматели и управленцы; в перестроечное время –интеллигенция; а в настоящее время элита определяется только уровнем материального состояния и доходов. Критерии формирования российской элиты сегодня находятся внутри самой элиты, и существовать она может только тот недолгий период, пока значительная часть общества принимает навязываемые ею ценности и идеалы и пытается заимствовать ее структуру потребностей. Как только структура и содержание потребностей основной массы населения решительно разойдутся с потребностями элиты, ее существование завершится, как уже не раз было в истории.

Технологии потребностей: предприятие и капитал.

С переходом к постиндустриальному этапу развития человечество начинает использовать новые технологии развития и управления потребностями. Этот переход всегда есть точка бифуркации, вариативности, открывающая поле возможностей.

В России в силу многих причин не был завершен индустриальный этап развития. Россия обладает по сегодняшним меркам технологически отсталой промышленностью, технологически отсталым управлением, стремительно депопулирующим (вымирающим) населением. Одновременно по ряду позиций Россия находится вне конкуренции: прежде всего, по обеспеченности природными сырьевыми ресурсами, что делает ее ареной экспансии для нуждающихся в ресурсах транснациональных корпораций. Кроме того, Россия владеет рядом технологических направлений, в которых с ней с трудом конкурируют другие страны. Таковы космические исследования, некоторые направления науки, например, программирование.

Поскольку в России оказался незавершен индустриальный этап развития, то практически невозможным стало формирование класса предпри-

нимателей: для него не нашлось среды, в которой он смог бы развиваться. В свое время, в начале XX века, конфликт между классом предпринимателей и классом управленцев был решен в пользу класса управленцев, что привело к модернизационным процессам, осуществлявшимся в итоге с помощью единственно возможной технологии государственного насилия, искусственного ограничения и регулирования потребностей и потребления. При исчезновении частного интереса, это был единственный вариант.

Начиная с реформ 80-х годов XX века Россия стремительно сменяет различные варианты модернизационной политики и соответствующие им идеологические и технологические оформления. Начальный позднесоветский этап и «перестройка» опирались на корпоративные технологии и предполагали интенсификацию производства и потребления. В экстенсивно развивавшейся экономике это оказалось невозможно. Перекосы и незавершенность индустриализации привели к невозможности насытить внутренний рынок за счет продукции своей экономики, и на него вырвались транснациональные корпорации, перехватившие вслед за тем и политическое управление и развернувшие пропаганду соответствующих их интересам потребительских ценностей. Затем в 90-е годы за основу были приняты либеральные технологии потребностей – культ общества потребления, развитие частной инициативы, уход государства как управляющей корпорации с рынка. Это оказалось неэффективным, поскольку предпринимательство не вырастает на недоиндустриальном фундаменте.

С начала 2000-х в России на первое место вновь выходят корпоративные управленцы, пытающиеся осуществить модернизацию страны не на основе частно-предпринимательской инициативы, оказавшейся нежизнеспособной в условиях незавершенной индустриализации, а на основе корпоративного интереса, в том числе с опорой на «общенародные» «государственные» «державные» ценности. Бизнес перестает быть предпринимательством и становится политикой госкорпорации.

Когда мы говорим о том, что в России не произошло формирование устойчивого слоя предпринимателей, то должны представлять себе, что капитализм, который «пыталась» построить Россия в конце XX века, и предпринимательство вещи сущностно различные. Структура потребностей и соответственно используемые технологии и критерии эффективности для капиталиста и предпринимателя совершенно различны. Капиталиста интересует рост его капитала (как и на какой основе этот прирост осуществляется – вопрос совершенно неважный). Капитал может быть перемещен в любые инструменты, любые отрасли производства и в любые страны, где он сможет приносить максимальную прибыль. Критерии роста преимущественно будут носить количественный характер, и соответствующая им структура потребностей будет тоже поддаваться количественному измерению в деньгах.

Предпринимателя интересует развитие его дела или предприятия. Критерии эффективности в этом случае могут быть совершенно не связан-

ными с прибылью и находиться в ценностной, идеологической сфере. Кроме того, развитие и рост – разнородные понятия. Развитие предприятия представляет собой, прежде всего, качественные изменения, предполагая создание новых отношений со средой, в которой происходит развитие. Соответственно структура потребностей и критерии эффективности предпринимателя оказываются соотнесены с разными уровнями среды предпринимательства и удовлетворяют совершенно различные стороны его личностной сферы потребностей.

Принципиальное противоречие сегодняшнего этапа развития России состоит в том, что задачу создания слоя предпринимателей, людей способных реализовать разнообразные инициативы, элита пытается разрешить на основе идеологии капиталистического меркантилизма.

Технологии потребностей: проблемы перехода

В настоящее время Россия осуществляет, во многом на ощупь, поиск технологий, которые могли бы обеспечить ей выход на интенсивный постиндустриальный путь развития при сохранении исторической преемственности культуры, природной среды, народа. При этом возникают технологические проблемы, которые требуют своего разрешения. Исследователь этой темы, основатель теории решения управленческих задач П.Г. Щедровицкий выделяет следующие группы проблем:

1. Россия требует поиска и согласования сразу многих вариантов технологий потребностей в силу огромности территории и крайней неоднородности экономического и социального развития различных ее регионов. Соответственно с этим разные территории могут предоставлять различные модели структуры потребностей и технологий их удовлетворения. В каких-то регионах возможности для удовлетворения потребностей личностного роста гораздо выше. Например, получить качественное образование в городах гораздо доступней, чем в сельской местности. В сельской местности гораздо больше возможностей для обеспечения здоровья и личной безопасности, гармоничного, природного развития, чем в городах. В северных регионах больше востребованы коллективистские качества, в южных – больше востребована индивидуальная инициатива и предприимчивость. Различные геоклиматические и природные условия предлагают многообразные формы и технологии организации структур потребностей, многие из которых носят уникальный характер.

2. Незавершенная индустриальная форма организации хозяйства, сохраняющаяся в современной России, вносит ограничения в попытки технологизировать сферу услуг и сферу управления, то есть превратить управленческую деятельность и сервис в технологии. Эта незавершенность накладывает ограничения как на деятельность предпринимателей, так и на деятельность управленцев. Поскольку ни те, ни другие не могут разрешить задачу хозяйственного роста, происходит сращение бизнеса и государства. Но и получающийся гибрид, имя которому – коррупция, обеспечить хозяй-

ственный рост тоже не может. По оценке П.Г. Щедровицкого, возможные полюса роста не совпадают ни с фирмами (предпринимателями), ни с корпорациями (управленцами). Все эти структуры – и маленькие и гигантские – сегодня занимаются одним – минимизацией убытков. Точки возможного роста сместились к небольшим и гибким группам лиц, которые заняты созданием новых технологий или выработкой управленческих решений.

3. В тесной связи с этими проблемами находится кризис управленческой функции государства. Часть функций государства уходит на надгосударственный уровень союзов государств, часть, наоборот, на региональный и местный уровень. Функции государства как универсального регулятора используемых в обществе технологий, в том числе технологий потребностей, перехватывают иные структуры – корпорации, группы и группировки, в том числе и криминального характера. Государство приватизируется группировками чиновников и лиц, принимающих решения, и используется в качестве инструмента для манипулирования массами с целью достижения корпоративных целей и эффектов. Объектом такой манипуляции являются, прежде всего, ценности и структуры потребностей.

4. Формируется целый класс политических технологий. Происходит интенсивная политизация культурных факторов: этнических, языковых, конфессиональных, культурных норм, групповых и индивидуальных ценностей. Это ведет к тотальному кризису культурной идентичности. Любая информация – учебная, художественная, новостная становится, прежде всего, инструментом направленного манипулирования состоянием масс и индивидов. В этих условиях роль СМИ из собственно информационной сферы смещается в сферу конструирования и инженерии культурных норм и ценностей. Сама сфера потребностей и потребления сегодня является объектом конструирования политическими технологиями.

5. Новоевропейский вариант формирования общества имел в своей основе общественный договор между определенными профессиональными общностями (военные, архитекторы, врачи, учителя, государственные чиновники и пр.), деятельность которых не может выступать непосредственным предметом купли-продажи, но от эффективности которой зависит само существование общества. Их деятельность всегда и во всех странах подвергается внерыночному регулированию. Выход этих профессиональных групп на свободный рынок чреват распадом, а в пределе физическим исчезновением общества.

В настоящее время, в России и не только в ней, происходит стремительное размывание ответственности этих социальных групп. Когда-то архитектор моста становился под ним при испытаниях. Врача укладывали в могилу вместе с залеченным насмерть пациентом или, по меньшей мере, изгоняли из профессионального цеха. Понятие корпоративной этики еще в XIX веке было нешуточным – соблюдение профессиональных норм было обязательным критерием профессионализма. Сегодня эти нормы размыты, и ведущие профессионалы ставят вопрос об их восстановлении. Таким об-

разом, можно констатировать деформацию рынка услуг: на него выходит масса людей с сомнительными с точки зрения добросовестности предложениями.

6. Наблюдается стремительная интеллектуализация технологий. Успешность на рынке предполагает готовность к инновациям. Инновационная деятельность – это не деятельность по изобретению, а деятельность по применению изобретенных технологий в реальной жизни. Это предполагает не вертикальную модель внедренческого проекта, а разветвленную сетевую, гибко изменяющуюся структуру, работающую по командному принципу, в которой каждый участник проекта реализует свою часть задачи. Сетевая структура организации отношений между людьми, получает все большее распространение в связи с развитием коммуникационных технологий. Интеллектуализация труда приводит к переходу этого вида труда от обслуживающего к управляющему по отношению к другим видам деятельности.

7. В связи с развитием коммуникационных технологий возникает такое явление как группизм – превращение группы в самостоятельного субъекта деятельности с формированием целого спектра межгрупповых отношений, интересов и связей. Возникает такое явление, как групповые потребности, то есть потребности, которые генерируются самим фактом объединения индивидов в группы.

Кроме того, развитие и усложнение групповых отношений приводит в настоящее время к росту внимания исследователей к рамочным ассоциациям – группам людей, не связанным ни совместной деятельностью, ни общим образованием, ни территорией, но связанным общими рамками, пониманием систем ценностей, едиными или сходными структурами потребностей. Такие ассоциации существовали всегда в виде орденов, клубов, церквей, но в настоящее время это явление начинает носить повсеместный глобальный характер. Примером такой рамки может служить язык. На русском сегодня говорит 350 млн. человек и только 130 млн. живет при этом в России. В этих условиях существование государства, где государственным языком является русский, является только элементом в системно организованной рамочной ассоциации русскоязычных. Все они определяются какими-то общими ценностями и отношениями, а значит и системами потребностей. Их эффективное взаимодействие тоже предполагает скорее сетевую структуру, нежели централизованную государственную иерархию.

Резюме

Понятием «технология» принято обозначать совокупность методов и процессов, применяемых в каком-либо деле, а также научное описание этих методов. На основании рассмотрения природы потребностей, проведенного различными научными дисциплинами, можно заключить, что потребность выступает, прежде всего, как определенное отношение человека к како-

му-либо объекту. Учитывая это обстоятельство, технологию потребностей следует определять как способ производства и описания методов производства определенных отношений человека с миром, проявленных или способных проявиться в форме потребностей. Историческое развитие человечества продемонстрировало, что субъект технологий потребностей может принимать качественно различные формы: в зависимости от доминирующей формы управления им может выступать государственный аппарат, элита, харизматическая личность, транснациональные корпорации и пр. Но, несмотря на историческую изменчивость, уровень и особенности сформировавшегося в культуре или обществе материального производства формирует предметные возможности удовлетворения потребностей, а присущая данному обществу идеология задает их характер. Поэтому экономику и идеологию следует считать важнейшими технологиями потребностей.

В современной ситуации управление структурами потребностей преимущественно осуществляется через управление информационными потоками, влияющими на ценности, предпочтения и процессы принятия решения. Соответственно, лидируют информационные технологии потребностей.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Что такое технологии потребностей?
2. В чем специфика современного этапа формирования технологий потребностей?
3. Каким образом связаны структуры потребностей с уровнем развития экономики?
4. Какую роль играет идеология в процессе регулирования потребностей?
5. Какова роль элиты в формировании структуры потребностей?
6. Какие решения могут быть предложены для решения проблем перехода, стоящих перед Россией?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Алдер Г. Маркетинг будущего: диалог сознаний. – М.: Гранд, 2002.
2. Княгинин В., Щедровицкий П. Промышленная политика России. Кто оплатит издержки глобализации. – М.: Европа, 2005.
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: АСТ, 2009.
4. Щедровицкий П.Г. Формула развития. – М.: Архитектура-С, 2005.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизациия. – М.: Эксмо, 2007.
2. Кьеза Дж. Война империй: Восток-Запад. – М.: Эксмо, 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общество потребление – таково понятие, посредством которого гуманитаристика диагностирует современную систему социальных связей. Общество потребления отличается от иных исторических форм совместного проживания, главным образом, тем, что здесь многообразие людских потребностей курируется структурами, превращающими их в товар – в нечто окончательно сформированное, оторванное от субъекта и предлагающее себя только для потребления. Данное положение дел существенно меняет характер человеческих потребностей. Все многообразие потребностей опредмечивается: сталкиваясь с тем или иным социальным механизмом, человек получает свои потребности в готовой форме. Так, например, поставщиками радости являются современные масс-медиа и торговые центры. Соответственно тот, кто жаждет данного экзистенциально насыщенного переживания, принуждается к безостановочному потреблению товаров, медийных образов и развлечений. Ясно, что в такой ситуации поле потребностей полностью лишается измерения личностной инициативы. Поэтому подлинно злободневным становится вопрос – являются ли эти автоматизированные формы потребностей вообще человеческими? Для воспитания способности размышлять над этой проблемой и писался данный учебник.

Благо, у него было хорошее подспорье. Шквал антропологических исследований, не обошедший стороной и современную Россию, позволил составить картину потребностей без утраты параметров исторической полноты и культурного многообразия. В свою очередь, знакомство с достижениями культурной и философской антропологии ведет студента к пониманию различных культурных стратегий формирования потребностей и вариативных социальных механизмов, направленных на осуществление потенциала уникальности человека. И это очень важно. Поскольку научаясь сравнивать потребности современного европейца с потребностями представителей иных культурных миров и исторических эпох, студент, как мы надеемся, начнет задумываться над возможностями ценностного преобразования потребностей современного человека.

Данный учебник, поставив собственной целью многостороннее (как в теоретическом, так и в историческом плане) освещение реальности человеческих потребностей, пытался прояснить одну из основополагающих черт человеческого существования. *Человек есть самоотношение, и организация пространства совместной жизни людей должна создавать условия для его новых возможностей.* Таков фундаментальный параметр, позволяющий формировать человеку новые образы жизни и заботиться о совершенствовании себя и окружающего мира. Для нашей дисциплины усвоение данного факта принципиально, поскольку потребности являются живыми следствиями самоотношения человека. Если, например, человек

примитивных культур пребывал в опыте живого присутствия божественного, то вся забота о материальной стороне жизни представлялась ему не существенной по сравнению с потребностью в ритуалах, обеспечивающих связь сакральных реалий и повседневности. И, напротив, в ситуации привыкания современного европейца к предельно технологизированному образу жизни, он все более сосредотачивается на наращивании материальных выражений собственного социального положения, уже практически не испытывая неудобства из-за отсутствия каких-либо духовных практик. Примеров можно приводить множество, но значимей другое. Главное усвоить, что человек в той или иной культуре или исторической эпохе наделен определенным характером потребностей неслучайно. Они олицетворяют его самопонимание и одновременно свидетельствуют о господствующем в культуре представлении о хорошей, состоявшейся жизни. Таким образом, за определенностью наших потребностей стоит устройство духа и предзаданный культурой образ жизни.

Важно, что человек по своей природе – существо, связанное с областью возможного как такового. И потому потребности – это не только голоса его естества и культурного воспитания, но и результаты усилия человека по формированию себя самого. Несомненно, что для совершенствования системы потребностей необходимо понимание известных исторических путей усиления мощи человека, способов воспитания в нем установки, что мир – это место, где можно свободно развиваться и действовать наилучшим образом. Его создает дисциплина «Человек и его потребности». В этом и заключается первейшая актуальность данной дисциплины.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Агон (греч. agon) – состязание, соперничество, соревнование или борьба; принцип агона выступил константой развития греческой культуры.

Адельфофагия (от греч. adelphos – «брат» и phagos – «пожиратель», «поедающий») – умерщвление и поедание части представителей своего собственного вида.

Аксиология (греч. axia – «ценность», logos – «учение») – учение или форма представления о ценностях.

Артефакт (от лат. artefactum – «искусственно сделанное») – рукотворная вещь.

Архантропы – самые древние из гоминид, жившие во времена нижнего палеолита (каменного века), в настоящее время архантропами именуют питекантропа, синантропа, гейдельбергского человека и др.

Вербальный (лат. verbalis) – словесный, выраженный устной речью.

Вербальные коммуникации – речевые коммуникации, основанные на умении говорить и слушать.

Визуальный (лат. visualis) – открывающийся зрительному восприятию.

Влечение – это сильная склонность к чему-либо, выступающая зачастую как неосознанная потребность. Это проявление потребности человека, имеющее эмоциональную окраску, но еще не связанное с выдвижением сознательных целей.

Геноцид (от греч. genos – «род, племя» и лат. caedo – «убиваю») – истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам, одно из тягчайших преступлений против человечества. Преступления геноцида органически связаны с теориями, пропагандирующими расовую и национальную ненависть и нетерпимость, господство так называемых «высших» рас над «низшими».

Геобиоценозы – естественно сложившиеся эволюционные звенья, объединяющие геологические и биологические элементы нашей планеты в неразрывную и гармоничную взаимоподдерживающую систему.

Гипертрофия (от греч. hyper – «чрез, слишком» и греч. trophe – «пища») – патологичное чрезмерное увеличение чего–либо.

Государство – основная политическая структура современных обществ, имеющая власть и силу, а также возможность распределять общественные ресурсы и средства.

Гоминиды – ископаемые человекоподобные существа.

Даосизм (от кит. 道教, пиньинь dàojiào – «путь») – вторая местная религия Китая. Даосизм основан на сочетании элементов буддизма и конфуцианства. В основе даосизма лежат догматы: 1) жизнь – это иллюзия; 2) смерть – это возвращение к истинному бытию бессмертной души (дао).

Дарвинизм – разработанная Ч. Дарвином и его последователями теория эволюции органического мира на Земле путем естественного про-

исхождения видов на основе изменчивости, наследственности, борьбы за существование и естественного отбора.

Девиантный (от лат. deviatio) – отклоняющийся от социальной нормы образ действий или поведения.

Декаданс (от лат. decadentia – «упадок») **–** кризисное явление.

Депопуляция – вымирание, процессы сокращения численности проживающего на данной территории населения**.**

Детерминировать – предопределять, обуславливать.

Детерминизм – любое учение, подчеркивающий строгую предопределенность всего происходящего каким-либо фактором (законами природы, социальной организацией и т.д).

Дивергенция (позднелат. divergentia – «расхождение») – понятие выдвинутое в теории эволюции Ч. Дарвином и обозначающее здесь расхождение признаков организмов в пределах популяции или вида, приводящее к возникновению различий между группами организмов, имеющих общих предков; в экологии – разделение одного сообщества на два в результате внешних или внутренних причин.

Доместикация – процесс одомашнивания диких животных.

Знак – минимальный носитель языковой информации. Совокупность знаков образует знаковую систему, или язык.

Идеал – всецело осуществленная цель стремления.

Идентичность (от позднелат. Identicus – «тождественный, одинаковый») – тождество, совпадение двух предметов или понятий. В социологии данное понятие обозначает принадлежность индивида к определенной социальной группе (например, классу, этносу, полу и т.д.).

Идентификация – процесс отождествления себя с другим субъектом, группой, образцом.

Идеократия (от греч. Idea – «вид, наружность, форма» и krátos – «власть») – стиль управления государством, в основе которого – идеологическое информирование и инструктирование масс, направленное на воспитании в них симпатий определенному режиму.

Идеология (от греч. Idea – «вид, наружность, форма» и Logos – « счет, связная речь, разум») – система взглядов, идей, убеждений, ценностей и установок, выражающих интересы определенной социальной группы или класса, в которой оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение существующих общественных отношений.

Изоляционизм – политика государственной замкнутости, социально-экономической обособленности.

Индивид (индивидуум) – нечто отдельное; в применении к человеческой реальности данный термин означает отдельного представителя определенного социума.

Индивидуальность – неповторимое своеобразие человека, включающее в себя как его наследственные, так и приобретенные специфические особенности.

Интериоризация – усвоение структур социальной жизни (социальных ролей, ценностей и др.) сферой психики.

Интериоризированная роль – внутреннее определение человеком своего социального положения (социального статуса), его отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям.

Инверсия (лат. inversio – «переворачивание, перестановка») – процесс и результат нарушения привычного порядка и последовательности элементов, их перестановка или замена вплоть до противоположных.

Интенция (лат. intentio – «стремление») – направленность сознания, мышления на какой-либо предмет.

Интерес – конкретная форма проявления потребности, ее более или менее отчетливое осознание.

Интерпретация – истолкование, раскрытие смысла, объяснение.

Интерсубъекти́вность – общность между субъектами, основное условие их взаимодействия и взаимопонимания.

Клир (от греч. kleros – «жребий») – понятие, обозначающее в христианском контексте духовенство как особое сословие Церкви отличное от мирян.

Коммунизм (от лат. commūnis – «общий») – понятие, обозначающее в марксистском контексте идеальное общество, характеризующееся общественной собственностью на средства производства, соответствующей высокоразвитым производительным силам и обеспечивающей: 1) всестороннее развитие личности; 2) ликвидацию классов; 3) общественное самоуправление; 4) реализацию принципа: от каждого по способностям – каждому по потребностям.

Консерватизм (от лат. conservo – «охраняю, сохраняю») – тенденция приверженности ко всему устаревшему, отжившему, косному; враждебность и противодействие прогрессу, всему новому, передовому в общественной жизни, науке, технике, искусстве.

Космополитизм (от греч. Kosmopolítes – «космополит, гражданин мира») – идеология так называемого «мирового гражданства», проповедующая отказ от обособленности национальных традиций и культур.

Категорический императив – категория этики, введенная немецким философом эпохи Просвещения Иммануилом Кантом и обозначающая внутреннее повеление воли, закон чистой воли, которому необходимо подчиняться и следовать при совершении всякого действия. Одна из формулировок категорического императива гласит: «Поступай так, чтобы человечество и в твоем лице и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобой как цель, но никогда только лишь как средство».

Качество жизни (англ. quality of life, сокр. QOL; нем. Lebensqualitat, сокр. LQ) – категория, с помощью которой характеризуют существенные

обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека. Качество жизни может зависеть от состояния здоровья, содержания решаемых проблем, свободы от стрессов и чрезмерной озабоченности, организованности досуга, уровня образования, доступа к культурному наследию. Повышение качества жизни невозможно без внимания к ее нематериальным аспектам. В правовом отношении качество жизни является реализацией права на достойную жизнь и свободное развитие человека.

Корпорация – замкнутый союз лиц, групп, общностей, объединяемых общими интересами.

Капитал – стоимость, являющаяся средством для получения прибавочной стоимости. В качестве такой стоимости могут выступать деньги, собственность, знания, навыки, связи, применяемые для извлечения прибыли.

Классификация – распределение тех или иных объектов по классам в зависимости от их свойств.

Контекст – законченная в смысловом отношении часть текста, единое смысловое поле, позволяющее понимать отдельные составляющие элементы текста.

Код – совокупность знаков и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена в виде набора таких знаков, служащая для передачи, обработки и хранения информации.

Конечный автомат – математическая абстракция, позволяющая описывать пути изменения состояния объекта в зависимости от его текущего состояния и входных данных при условии, что общее возможное количество состояний конечно.

Креационизм (от лат. creare – «создавать») – общее название концепций, в рамках которых основные формы органического мира, человечество, планета Земля и мир в целом рассматриваются как созданные Богом. В рамках креационизма шесть дней творения, описанные в Библии, могут пониматься буквально, метафорически (например, как шесть млн. лет). Креационизм может допускать и постепенное творение, но, как правило, должен отвергать эволюцию и естественный отбор. Однако, существует и концепция эволюционного креационизма, рассматривающая эволюцию как орудие Творца.

Культурная память – социальный феномен, который представляет собой генерирующий, творческий механизм поддержания и воспроизводства культурных содержаний.

Либерализм – система взглядов, согласно которой социальная гармония и прогресс человечества достижимы лишь на базе частной собственности путем обеспечения достаточной свободы индивида в экономике и во всех других сферах человеческой деятельности.

Личная идентичность – чувство тождественности «Я», сохраняющейся в личной истории, несмотря на изменения среды и индивидуальное развитие.

Массовая культура, поп-культура, масскультура – вид культуры, характеризующийся производством ценностей, рассчитанных на потребление широким слоем населения. Содержание массовой культуры обусловлено ежедневными происшествиями и событиями, стремлениями и потребностями, составляющими жизнь большинства населения (так называемого мэйнстрима). Массовая культура вследствие собственной направленности на большую часть населения предполагает стандартизированность формы и содержания собственных продуктов.

Ментор – наставник, воспитатель (от собств. имени воспитателя Телемака, сына Одиссея, в гомеровском эпосе).

Манипулирование (от лат. manipulus – «пригоршня, горсть», лат. manus – «рука») – порождаемое с помощью рекламы и других средств распространение информации, слухов для воздействия на покупателей, потребителей с целью создать желаемую ситуацию на рынке.

Маргинальность (лат. marginalis – «находящийся на границе») – понятие, в социологии означающее промежуточность, пограничность человека между какими-либо социальными группами.

Меркантилизм (от франц. mercantilisme, от итал. mercante – «торговец, купец») – 1) ранняя теория буржуазной политической экономии, разработавшая обоснование экономической политики, отстаиваемой купцами; 2) Экономическая политика периода раннего капитализма, характеризующаяся активным вмешательством государства в хозяйственную жизнь.

Метанойя (от греч. μετάνοια – «после ума», «переосмысление») – кардинальное изменение сущности человека и его отношения к жизни. В раннехристианской традиции имеет смысловое значение покаяния, «обращения на себя».

Модернизация (от франц. moderne – «современный») – введение усовершенствований. Переход от традиционного к современному обществу.

Мотив (от лат. moveo – «двигаю») – материальный или идеальный предмет, достижение которого выступает смыслом деятельности. Мотив представлен субъекту в виде специфических переживаний, характеризующихся либо положительными эмоциями от ожидания достижения данного предмета, либо отрицательными, связанными с неполнотой настоящего положения.

Народ – единое социальное целое, имеющее общую историческую судьбу, признаки сходного образа жизни и нравов, а также чувство принадлежности к единой исторической общности.

Население – совокупность людей, осуществляющих свою жизнедеятельность в рамках социальных общностей, стран, регионов или территорий.

Неоантропы – ископаемые люди современного типа.

Неомарксизм – крупное социально-философское движение XX столетия, переосмысляющее новый стиль социально-экономического отчуждения, характерный для развитого индустриального общества.

Норма – руководящее начало, правило, образец; средство социальной регуляции поведения индивидов и групп, стандарт поведения, регламентирующий отношения людей.

Образ жизни – совокупность устойчивых, взятых в единстве с условиями жизни, типичных видов жизнедеятельности человека.

Отношение – это связь различных величин, предметов, явлений, и, одновременно, это определенный характер поведения, обращения кого-либо с чем-либо.

Отчуждение – это процесс отделения от людей процесса и результатов их деятельности, которые становятся неподвластными человеку и даже господствующими над ним. В результате этого люди становятся чуждыми миру, в котором живут.

Палеоантропы – неандертальцы, гоминиды среднего и отчасти нижнего палеолита.

Палеолит (или древний каменный век) – эпоха существования ископаемого человека. Люди эпохи палеолита пользовались лишь оббитыми каменными орудиями, не зная шлифованных каменных орудий и глиняной посуды (керамики). Палеолит делится на древний (нижний, ранний) (1 млн. 800 тыс. – 35 тыс. лет назад) и поздний (верхний) (35–10 тыс. лет назад). Нижний палеолит – на археологические эпохи (культуры): дошелльскую (культуру галек), шелльскую культуру, ашельскую культуру и мустьерскую культуру. Многие археологи выделяют мустьерскую эпоху (100-35 тыс. лет назад) в особый период – средний палеолит.

Паттерн (от англ. pattern – «шаблон, принцип, модель») – устойчивый принцип, алгоритм любого вида активности.

Постиндустриальное общество – понятие, впервые использованное американским социологом Д. Беллом в теории о переходе современного индустриального общества на качественно новую стадию развития. Представители этой теории (Г. Кан, Э. Тоффлер) считают главным фактором современного социального развития научно-технический прогресс, определяющий создание информационных технологий, формирование наукоемкого, энерго- и ресурсосберегающего, экологически чистого производства.

Потребность – нужда в чем-либо, объективно необходимом для поддержания жизнедеятельности и развития организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом.

Потребности социальные – это потребности человека, необходимые для поддержания его жизнедеятельности, а также – жизнедеятельности социальных групп, общества в целом. Это потребности в трудовой деятельности, в социально-экономической активности, в принадлежности к какой-либо группе, в признании, во власти (доминировании, лидерстве),

в заботе, одобрении и привязанности со стороны окружающих, в уважении, любви, в дисциплине, в автономии/зависимости.

Потребности статусные – потребности, направленные на получение определенного социального положения в обществе или сохранение / повышение уже имеющегося и его атрибутов (условий труда, характера досуга, уровня материального и духовного потребления).

Прагматизм (от греч. pragma – «дело, действие») – философская концепция, связывающая истинное с тем, что дает практически полезные результаты.

Прихоть – это капризное желание, причуда, которое, как правило, носит случайный и не относящийся ни к какой объективной потребности человека характер. Ее основными чертами являются энергетическая слабость и неустойчивость.

Производительные силы – система личных и вещественных факторов производства в их взаимодействии, функциональное назначение которой – преобразование вещества и сил природы для удовлетворения потребностей человечества.

Производственные отношения – совокупность отношений между людьми, складывающихся в процессе общественного производства, обмена, распределения материальных благ и услуг.

Промискуитет (от лат. promiscuus – «смешанный, общий») – термин, обозначающий предполагаемую антропологами раннюю историческую стадию ничем не ограниченных отношений между полами, предшествовавших установлению каких-либо норм брака и форм семьи.

Психоделики (от греч. psyche – «душа» и delia – «иллюзия») – вещества, вызывающие психоделические состояния, для которых наряду со слезоточивостью, тошнотой, ознобом и т. д. характерны галлюцинации в виде вспышек света, геометрических фигур, трансформаций окружающего; сверхчувствительность к звукам, акустические иллюзии; изменения в ощущениях собственного тела; временные и пространственные искажения («остановка» или «ускорение» времени, повторное переживание эпизодов прошлого, неправильная оценка размеров объектов, потеря перспективы, ощущение «растворения» в пространстве); эмоциональные изменения; нарушения мышления и памяти (ускорение или замедление умственных процессов, иллюзорная интерпретация событий); психомоторные расстройства.

Релятивный – относительный, не удерживающийся в определенной установленности.

Реклама — информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к собственному объекту, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Семиотика (от греч. semeion – «знак») – наука о знаках, в поле зрения которой находятся естественные и искусственные языки, все типы ви-

зуальных знаковых систем (от дорожных знаков до живописи), разнообразные системы сигнализации в природе и обществе. Границы семиотики подвижны, она является пограничной дисциплиной и объединяет различные подходы. Семиотика опирается на понятие знака как материально-идеального образования, представляющего нечто в его отсутствие, имеющего целью передачу определенного содержания и выполняющего роль посредника в культуре.

Ролевое поведение – фактическое поведение субъекта при исполнении им социальной роли.

Секуляризация – переход от общества, регулируемого преимущественно религией, к светской модели общественного устройства на основе рациональных норм.

Сигнал (от лат. signum – «знак») – знак, физический процесс (или явление), несущий сообщение (информацию) о каком-либо событии, состоянии объекта наблюдения либо передающий команды управления, указания, оповещения и т.д.

Символическое – область сознания, заряженная неосознаваемыми и бессознательными установками, глубинными личными смыслами и мотивами; универсальное средство регуляции духовно-практического опыта, позволяющее субъекту в ходе взаимодействия с реальностью обнаруживать и актуализировать смыслы целостного бытия, не объективируемые и не осознаваемые в рационально-знаковых формах.

Систематизация – процесс упорядочивания, обнаружение внутренних связей чего-либо и выделение в нем частей.

Социальная общность – совокупность индивидов, связанных определенными едиными социальными и культурными признаками (характером совместной деятельности, образом жизни, возрастом, полом, территорией проживания, языком, системой ценностей, норм).

Социальный статус – положение человека в обществе, которое он занимает в соответствии с возрастом, полом, происхождением, профессией, семейным положением.

Социализация личности – процесс усвоения человеком социального опыта, в ходе которого у него формируются представление о ценностях, нормы поведения и общения, умения, установки и убеждения, жизненный стиль.

Социальная зрелость – результат социального развития, успешной социальной адаптации.

Социальная роль – выполняемая человеком функция в окружающем обществе; нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от человека, имеющего определенный социальный статус, то есть занимающего определенное место в конкретной социальной группе.

Социальная установка – готовность, предрасположенность субъекта к конкретному действию в конкретных социальных условиях.

Социальные ценности – общепризнанные поведенческие стандарты, т.е. разделяемые обществом или социальной группой убеждения по по-

воду целей, которые необходимо достигнуть, и тех основных путей и средств, которые ведут к этим целям.

Стимул (от лат.stimulus – изначально заостренная палка, которой погоняли крупный скот) – определенное побуждение к действию, которое по своей природе может быть материальным и духовным или их сочетанием.

Стохастический – вероятностный.

Структура – совокупность связей и отношений между частями целого или элементами системы.

Стремление – мотив, который не представлен субъекту в его предметном содержании; при наличии стремления на первый план выдвигается динамическая сторона деятельности.

Текст (от лат. textus – «структура, сплетение, связное изложение»; texo – «ткать, сплетать») – последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, объединенных общей темой, обладающая свойствами связанности и цельности.

Теократия (греч. theokratia – «власть бога», от theós – «бог» и krátos – «сила, власть») – способ правления, при котором глава духовенства, церкви одновременно является и фактическим правителем государства.

Технология – совокупность методов и процессов, применяемых в каком-либо деле, а также научное описание таких методов.

Техносфера – область орудийного и машинного производства благ.

Тоталитаризм (от лат. totalis – «весь, целый, полный») – политический режим, характеризующийся полным (тотальным) контролем государства над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией конституции, прав и свобод. На место идеологического разнообразия ставится диктат одной идеологии, любое инакомыслие или оппозиционное выступление подавляется насильственными методами. При тоталитаризме сохраняющиеся демократические государственные формы и институты (парламент, выборы, референдум и др.) лишены действенности и играют роль декорации, используемой для пропагандистских целей.

Точка бифуркации (от лат. bifurcus – «раздвоенный») – термин синергетики (теории самоорганизации систем), обозначающий критическое состояние системы, при котором система становится неустойчивой и возникает неопределенность в отношении того, станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности.

Традиционализм (от лат. traditio – «передача») – социально-философское направление, стремящееся сохранить культурные, социальные, исторические, религиозные и другие традиции.

Традиция (от лат. Traditio – «передача») – это содержание социального и культурного наследия, передающегося от поколения к поколению и сохраняющегося в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени. Традиция включает в себя объекты наследия (материальные и духовные ценности), процесс и механизмы со-

циального наследования, определяющие содержание наследования (идеи, вкусы, взгляды и т.д.) как «по вертикали» – от поколения к поколению, так и «по горизонтали» – от человека к человеку, от группы к группе.

Уровень жизни (уровень благосостояния) – уровень материального благополучия, характеризующийся объемом реальных доходов на душу населения и соответствующим объемом потребления, мерой, степенью удовлетворения потребностей в количественном измерении. Уровень жизни определяется в основном покупательной способностью.

Фрустрация – негативное психологическое состояние, вызванное неосуществлением какой-либо значимой цели, неудовлетворением потребности и проявляющееся в страхе, гнетущем напряжении, тревожности, чувстве безысходности.

Хтоническое начало (от греч. chton – «земля, почва») – олицетворение дикой природной мощи земли или подземного царства в мифологии.

Ценности – разделяемые в обществе убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения.

Эволюционизм (от лат. evolutio – «развертывание») – общее название концепций, утверждающих, что все ныне существующие организмы произошли от ранее существовавших путем длительного постепенного изменения под воздействием внешних и внутренних факторов.

Эмоция – психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта.

Эндогамия (от греч. éndon – «внутри» и gámos – «брак») – обычай, предписывающий заключение брака в пределах определенной общественной группы: племени, касты, рода и т. д. В первобытном обществе род был экзогамен (от греч. exo – «вне», «снаружи»), племя – эндогамно.

Этология (от греч. éthos – «характер, нрав» и lógos – «счет, связная речь, разум») – научная дисциплина, изучающая, как правило, в естественных условиях поведение, способы организации сообществ и коммуникацию высших животных. Одно из направлений современной этологии – изучение некоторых инстинктивных действий и реакций человека на биологически значимые раздражители с использованием методов и подходов, апробированных при изучении поведения животных.

Эмерджентный – возникающий, восходящий, поднимающийся; в теории систем свойства системы, которые не присутствуют ни у одной из ее отдельных частей.

Элита – социальная группа, занимающая привилегированное положение в обществе.

Экзогенный (от греч. exo – «вне, снаружи» и genos – «род, происхождение») – внешне обусловленный.

Эндогенный (от греч. endogenes – «происходящий изнутри») – внутренний, внутренне обусловленный.

Электронное учебное издание

Учебник подготовлен коллективом
кафедры «Философия»
Санкт-Петербургского государственного
университета сервиса и экономики,
руководитель кафедры – Назиров Анатолий Эзелевич

Человек и его потребности

Учебник

Главный редактор Т.С. Кулакова
Редактор М.М. Костина
Дизайн В.С. Кулаков

ООО «Издательский центр “Интермедия”»
198334, СПб, а/я 77
www.intermedia-publishing.ru
Санкт-Петербург, 2012.